Содержание

Экономика

Абдуллин А.И., Абдуллина И.А.
Цифровой рубль: сущность, нормативные основы, влияние на российскую экономику 8
Грудина С.И., Авдонина С.Г., Подгорная А.И.
Факторы развития энтропии социально-экономической системы 13
Демидова С.Е., Берникова А.М.
Сравнительный анализ элементов системы управления налоговыми расходами в России и зарубежных странах 17
Кантарович А.А.
Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации 22
Квон Г.М.
Теоретические подходы к классификации преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона 28
Короткова А.В.
Внутренний контроль коммерческой организации: организационно-методический концепт 33
Кочетков Н.Д.
Состояние и перспективы использования китайского юаня в валютной структуре Фонда национального благосостояния 37
Кудрявцев К.А., Короткова А.В.
Контрольно-аналитический инструментарий обеспечения экономической безопасности бизнеса 43
Кумеков С.А.
Влияние интернет-торговли на развитие розничного сектора в России 47
Михайлова М.В., Дмитриева Т.А.
Государственное управление развитием арктических кластеров в условиях современных внешнеполитических реалий 53
Нестулаева Д.Р., Авхадиева Э.А.
Патентная активность региона как инструмент обеспечения технологического суверенитета страны (на примере Республики Татарстан) 59
Низамутдинова Г.Ф.
Темпы восстановления и корреляция отдельных показателей экономики туризма Республики Татарстан 63
Орлов С.Л.
Приоритет российской цивилизационной платформы как фактор устойчивого развития экономического пространства 67
Смоленникова Л.В.
Экономическая безопасность в инвестиционной сфере региона: проблемы обеспечения и перспективы развития 72
Стрельникова Н.М.
Управление национальными проектами и государственными программами в Российской Федерации: методологические аспекты 77
Темникова Ю.Ю.
Влияние коммуникаций органов исполнительной власти г. Москвы и общества на сценарии развития транспортной инфраструктуры 84
Шавалеева Ч.М.
Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования 89
Швецов А.В., Короткова А.В., Рыжаков Е.Д.
Современные инструменты бизнес-аналитики и обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов 93
Юденко М.Н., Бачуринская И.А., Дмитриева Т.А.
Теоретические подходы к устойчивому развитию как основа государственного управления устойчивым развитием территорий 97

Право

Амирова Р.Р.
Реализация права на распространение информации в России 105
Барышев С.А.
Особенности определения понятия произведений с неустановленным правообладателем («сиротских» произведений) во Франции 109
Батыршина Г.Ф.
Сравнительно-правовой анализ организации особо охраняемых природных территорий в странах Европы 114
Биккулов А.Э.
Роль оценочных признаков при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности 119
Будзишвили Ц.З.
Значение правовых категорий в исследовании природы молодежного парламентаризма 125
Гурылева М.Э.
Биобанкинг в РФ: пути совершенствования законодательства 131
Зарицкий М.В.
Особенности механизма правового регулирования градостроительных отношений в системе права России 135
Зейналбдыева А.В., Свиридов Р.В., Назаренко И.С.
Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере Белгородской области) 139
Зиганшин Р.Р.
Институт апелляции в теории права: некоторые исторические аспекты 144
Измайлов Р.Р.
Проблемы правового регулирования отношений по обращению с твердыми коммунальными отходами 147
Коваленко А.С.
Юридические фикции в основах конституционного строя России 151
Курманов М.М.
Государственные символы Республики Татарстан: законодательство и судебная практика 158
Курносова В.В., Чулюкин Л.Д.
Процессуальное принуждение в юрисдикционнном процессе 162
Лихачев А.С.
Правовая основа местного самоуправления: современное состояние и проблемы регулирования 166
Маслова Т.Н.
Полномочия прокурора в процессе применения мер безопасности в стадии предварительного расследования 171
Мишин А.В.
Типичная криминалистическая характеристика посткриминального противоправного воздействия как компонент частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства 176
Муратов К.Д.
Значение межотраслевых связей в сфере правового регулирования вещественных доказательствах по уголовным делам 180
Мустафина Л.Р.
Категория «детство» как междисциплинарное понятие в социально-гуманитарных науках и отраслях права 188
Нигматуллина Ю.Р.
Право общественных объединений на обращение в суд за защитой прав группы потребителей ... 192
Новаковская А.В., Салмина С.В., Селивановская Ю.И., Туфетулов А.М.
Антикоррупционное просвещение в образовательных организациях 196

Рязанова М.Н.
Праксеологические условия наступления юридической ответственности по российскому законодательству 202
Сиразеев Р.Р.
К вопросу о содержании категории «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства»: цивилистический аспект 206
Сундурова О.Ф.
Ответственность за незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь 211
Хабибуллин А.Р.
К вопросу о понимании юридической природы явлений судебной сферы (на примере судебного доказывания) 215
Хабибуллина Г.Р.
Целеполагание в муниципальном правотворчестве (на примере института вступления в силу муниципальных правовых актов) 219
Шайдуллова К.А.
Функции судебного решения при ограничении конституционных прав и свобод 223
Шуб А.М.
Особенности разграничения предметов ведения и полномочий в сфере регулирования вопросов официального опубликования(обнародования) муниципальных правовых актов 228
Щербаков В.А.
Особенности регулирования труда медицинских работников при использовании дистанционных технологий 232

Социология

Бесчасная А.А., Костромин П.А., Протопопова Д.В.
Анализ транспортного развития в формировании комфортного городского пространства 236
Вайсбург А.В.
Родители о социальных сетях и мессенджерах для детей: социологический анализ (на примере исследования в г. Твери) 241
Вайсбург А.В.
Основные мотивы и риски нахождения женщины в статусе «любовница» (на примере исследования в г. Твери) 245
Гарифзянова А.Р., Хабибуллина Л.М.
Коммуникативные практики в киберпространстве 249
Гаязова Э.Б.
Конструирование реальности (на примере нейросети) 254
Ефремова Д.В.
Влияние социального института туризма на систему потребностей современного человека 258
Кадникова И.С.
Корпоративная культура: подходы к определению 263
Кальмуцкий В.О.
Двойная карьера спортивных судей на примере судей футзала 267
Комлев Ю.Ю.
Девиантное поведение и нормообразование: от протоморали к контекстуально выстроенному сконструированному праву эпохи постмодерна и интегративному изучению преступности 271
Крейк А.И., Плетнева А.И.
Гармонизация волевого воздействия индивида на свою систему мотивации как фактор «производства» синергии в его профессиональной деятельности 276
Новожилова О.А.
Средовой подход к анализу трудоустройства инвалидов на примере социальной занятости 280

Равочкин Н.Н.
Особенности досуга студенческой молодежи 1990 – 2000-е гг. (по материалам социологических исследований) 286
Толкачева Е.В.
Оценка эффективности применения цифровых технологий для сбора и обработки социологических данных: критериальный подход 290
Тюленев А.И., Валеева А.Ф., Сафиуллина Ф.Р.
Этика науки как фактор развития формально-рационального предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи республик Марий Эл и Татарстан) 294
Шангин Н.В., Солдаткин А.Е., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н.
Социокультурные основания скулшутинга: очерк проблемного поля 299

Обзорные статьи

Балынин И.В.
Добровольное медицинское страхование как вид негосударственного социального обеспечения: опыт Канады 306
Башкирцева С.А.
Роль инфраструктуры в проектировании инновационных сетей в условиях перехода к циркулярной экономике 310
Груничев А.С.
Исторический аспект развития органов тарифного регулирования в России 314
Демидова С.Е.
Развитие концепции фискального пространства в новом взгляде на бюджетно-налоговую политику 318
Ефремова М.А., Каюмова А.А.
К вопросу об уголовной ответственности за незаконное получение и распространение сведений о пациенте, представленных в электронной форме 322
Исламов А.А.
К вопросу о формах реализации права на труд 325
Салихова Р.Р.
Особенности развития модели *B2C* электронной коммерции 330
Смирнова О.М.
Правовая политика РФ в сфере развития искусственного интеллекта и технологическая трансформация здравоохранения в Российской Федерации 334
Сундуров Ф.Р., Халилов Р.Н.
Смертная казнь: «против или за» в условиях военного времени 337

Встреча в редакции

Галина Сатонина: «Самое лучшее в жизни – дарить радость людям» 342

УДК 336.74

Цифровой рубль: сущность, нормативные основы, влияние на российскую экономику

Абдуллин А.И.
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Абдуллина И.А.
Бакалавр Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета

С недавнего времени цифровой рубль официально признан третьей формой валюты наравне с наличными и безналичным деньгами. Из этого вытекает актуальность данного исследования, а именно необходимость изучения данного цифрового актива.

Целью исследования является определение влияния внедрения цифрового рубля на российскую экономику. В качестве задач, вытекающих из необходимости достижения указанной цели, выступают: изучение законодательной базы функционирования цифрового рубля; определение характеристик цифрового рубля; определение влияния цифрового рубля на финансовую стабильность.

Научная значимость данного исследования заключается в том, что цифровой рубль выступает в качестве новой формы денежных отношений, которая требует анализа и понимания ее влияния на экономику и финансовую систему. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что внедрение цифрового рубля может привести к изменениям в области финансовых услуг, платежных технологий и других сферах. Понимание особенностей цифрового рубля поможет всем субъектам экономических отношений адаптироваться к новым условиям и использовать возможности, которые предоставляет цифровая валюта.

В качестве основных результатов проведённого исследования можно обозначить положительное влияние внедрения данного цифрового актива на национальную платёжную инфраструктуру. Были сделаны выводы о цифровом рублей как о катализаторе, создающем конкурентную среду в банковском секторе и, соответственно, вынуждающем банки совершенствовать их бизнес процессы, более эффективно распределять средства и улучшать качество обслуживания клиентов.

Ценность представленного исследования заключается в расширении знаний специалистов и общественности о цифровом рубле и о его влиянии на финансовую систему страны.

Ключевые слова: цифровой рубль, платформа, переводы, платежи, Банк России

Последние годы характеризуются активной цифровизацией экономических процессов, распространением и нормативным закреплением новых финансовых технологий и иных передовых новаций. Банк России, стоящий во главе банковской системы нашей страны, также является инициатором разработки

и внедрения различных инновационных проектов. Одним из ярких примеров финансово-передовых инициатив регулятора является цифровой рубль, начало которому было положено в 2021 г. В своей сущностной характеристике цифровой рубль представляет собой цифровую форму российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег. В результате его внедрения рубль будет представлен в трех формах – наличной, безналичной и цифровой. В своей сущности они эквивалентны, то есть один наличный рубль равен одному безналичному, а также одному цифровому рублю [1, с. 255].

Если говорить о технологической стороне внедрения данной цифровой валюты, то необходимо отметить что в процессе разработки проекта регулятором было рассмотрено несколько моделей реализации цифрового рубля:

– оптовая одноуровневая модель (модель *A*);

– розничная одноуровневая модель (модель *B*);

– розничная двухуровневая модель с ролью финансовых организаций как транзитных агентов (модель *C*);

– розничная двухуровневая модель с ролью финансовых организаций как участников расчетов (модель *D*) [2, с. 35].

Однако Банком России для реализации концепции цифрового рубля была определена модель *D*. Подобный выбор можно обосновать, если обратиться к таблице 1 – здесь наглядно отображены основные характеристики каждой из четырех моделей и, в частности, недостатки невыбранных трех:

– показательным недостатком модели *A* выступает невозможность потенциальных пользователей (граждан и бизнеса) напрямую реализовывать операции с цифровым рублем, поскольку непосредственный доступ к данному активу указанной моделью не предусмотрен. Оптовая одноуровневая модель не может предложить каких-либо существенных преимуществ для будущего клиента. В данном случае легче и рациональнее пользоваться уже существующими и достаточно успешно функционирующими платежными решениями.

– Модель *B* – платежно-расчетные операции в цифровых рублях реализуются регулятором напрямую с клиентами без задействования финансовых организаций. Розничная одноуровневая модель предполагает, что Банк России помимо своего классического функционала, также начнет работать с непрофильными клиентами – на плечи мегарегулятора ляжет задача обслуживания клиентов, в том числе обслуживание счетов пользователей цифрового рубля, а также операции по расчетно-кассовому обслуживанию. Данная модель конкурирует с бизнесом финансовых организаций и не является профильным функционалом Банка России.

– Модель *C* – финансовые организации играют роль только транзитных агентов, в результате чего не представляется возможным задействовать значительный объем уже существующей инфраструктуры финансовых организаций. Данная модель упраздняет необходимость в задействовании финансовых организаций при работе с клиентами либо же в значительной степени сводит эту необходимость до минимума.

Таким образом, для качественного воплощения идеи цифрового рубля именно модель *D* является наиболее оптимальным вариантом, поскольку розничная двухуровневая модель с ролью финансовых организаций как субъектов расчетов предполагает простой, а самое главное, прямой доступ для потенциального пользователя, а также сокращает издержки в глобальном плане, поскольку происходит оптимизация стоимости платежно-расчетных операций. В то же время модель *D* позволяет задействовать весь спектр возможностей успешно функционирующей двухуровневой финансовой системы, включая инфраструктуру финансовых организаций с целью качественного и соответствующего требованиям постоянно меняющихся реалий обслуживания клиентов [3, с. 8].

Если говорить об удобстве использования данной формы рубля, то это, безусловно, самый удобный формат – новая третья форма валюты будет находиться в специально созданных цифровых кошельках граждан в виде цифрового кода на платформе, разработанной Банком России. Весь спектр операций с цифровыми рублями будет возможно реализовать также с использованием данной платформы, а распоряжаться данным диджитал-активом, находящимися в цифровых кошельках, будет возможно посредством использования стандартных приложений банков, в которых у клиентов уже открыты счета.

Таким образом, все известные потенциальному пользователю операции можно будет реализовать в таком же бесперебойном и

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей реализации цифрового рубля

Главные характеристики	модель *A*	модель *B*	модель *C*	модель *D*
Доступность для граждан и бизнеса	–	+	+	+
Снижение общих экономических затрат	–	+	+	+
Использование инфраструктуры финансовых организаций для работы с пользователями	–	–	+	+
Открытие кошельков и реализация расчетно-платежных операций финансовыми институтами на платформе цифрового рубля	–	–	–	+

доступном формате, как сейчас это осуществляется с наличными и безналичными средствами:

– чтобы осуществить денежный перевод с карты в электронный кошелек, необходимо будет зайти в личный кабинет на сайте либо уже заранее установленное приложение своего банка и воспользоваться функцией перевода средств;

– чтобы пополнить электронный кошелек с помощью наличных средств, предварительно их будет необходимо положить на личный счет через банкомат или в офисе банка, а после уже понадобится осуществить перевод в личном кабинете на требуемый счет в банке;

– по заявлению председателя Банка России, максимально возможная сумма пополнения кошелька с цифровыми рублями – 300 тыс. руб. в месяц [4].

В качестве цели создания анализируемого платежного инструмента определяется его становление как еще одного средства для проведения расчетно-платежных операций и переводов. Новая третья форма отечественной валюты позволит как реализовать обыденные и повседневные операции (приобретение товаров и услуг), так и инвестировать цифровые рубли в фондовый рынок и работать с максимально полным спектром активов.

По своей правовой и финансово-экономической природе цифровой рубль является электронной альтернативой бумажных и электронных денег. Однако вместе с этим третья форма валюты будет наделена некоторыми ограничениями:

– на цифровые рубли не начисляются кэшбек и проценты;

– открыть депозиты в цифровых рублях не представляется возможным;

– будет отсутствовать возможность оформить кредит или ипотеку в данной цифровой валюте;

– данный цифровой инструмент нельзя задействовать для заимствований денежных средств;

– векселя в данной форме валюты выпустить будет нельзя.

Что касается преимуществ цифрового рубля, ставящих его в более выгодное положение по сравнению с двумя другими формами валюты, то здесь можно выделить следующие аспекты:

– *Простой доступ*. Пользоваться цифровым кошельком, например, совершать переводы или просто проверять баланс будет возможно с помощью приложения любого банка (с учетом что банк пользователя является участником – проводником платформы цифрового рубля).

– *Низкий уровень затрат*. Все операции по цифровым рублям будут реализоваться по единым тарифам – совершение расчетно-платежных операций станет обходиться со значительно меньшими издержками.

– *Скорость операций*. Мегарегулятор планирует реализовывать поддержку операций с диджитал-формой валюты в режиме 24/7/365, в связи с этим вся совокупность расчетно-платежных операций будет реализовываться в немедленном и бесперебойном формате.

– *Новые финансовые продукты*. Физическим и юридическим лицам станут доступны смарт-контракты. Например, лицо, владеющее цифровыми рублями, решило совершить с помощью них покупку. В данном случае у него есть возможность договориться с поставщиком приобретаемой им услуги о создании смарт-контракта в приложении банка, в котором он обслуживается. Далее стороны сделки подписывают созданный документ, а платформа цифрового рубля выступит в качестве субъекта, отвечающего за осуществление контроля за соблюдением условий и исполнением договора. Как только приобретаемая услуга (товар) поступит в распоряжение к покупателю, платформа автоматически переведет средства продавцу.

– *Контроль за исполнением бюджета.* Государство сможет следить за эффективностью расходования бюджетных средств, поскольку все совершаемые транзакции будут отображаться на платформе Центрального банка России. В данном случае пропадет необходимость в достаточно трудоемком процессе сбора данных по переводам бюджетных средств, реализованным в разных банках, как это происходит по сей день. Данная система, вне всякого сомнения, поспособствует более скорому возврату в бюджет неистраченных средств, поскольку обо всех операциях, а также остатках на счетах будет отображаться подробная и детальная информация [4].

Стоит отметить, что у цифрового рубля есть и достаточно проблемные аспекты: к примеру, он так же, как и две другие формы валюты (наличные и безналичные средства), подвержен инфляционным процессам, то есть в моменты малоблагоприятной экономической стадии и конъюнктуры данный диджитал-актив не сможет сохранить сбережения в полном исходном объеме.

Также очень непростым моментом является то, что цифровой рубль не наделен каким-то сверхфункционалом, то есть явных причин для использования именно цифрового рубля, а не какого-либо другого инструмента нет. Подобное обстоятельство делает проблематичным ожидаемо быстрый темп распространения данного платежного инструмента, поскольку спрос на него будет не столь велик.

В качестве третьего проблемного момента можно выделить потенциальное снижение ликвидности банков, которое будет вызвано внедрением цифрового рубля – балансы банковских организации будут подвержены ощутимым изменениям, поскольку вследствие распространения и активного применения цифрового рубля денежные средства, ранее находившиеся на счетах граждан в кредитных организациях, преобразуются и перетекут на счета цифровой формы валюты на платформу Централь-

ного Банка РФ. Подобное обстоятельство повлечет за собой снижение ликвидности всей банковской сферы. Несмотря на это, мегарегулятор заверил, что будет брать указанный аспект во внимание во время реализации мероприятий, связанных с управлением ликвидности посредством сокращения объемов абсорбирования ликвидности или же, наоборот, с помощью увеличения объемов ее предоставления. Указанные мероприятия позволят удерживать процентные ставки денежного рынка в пределах тех показателей, которые смогли бы соответствовать принятой ключевой ставки.

Говоря об общем влиянии внедрения данного цифрового актива, с уверенностью можно отметить, что внедрение третьей формы российского рубля, а также вызванное ей сокращение ликвидности в банковском секторе не влекут за собой риски, которые негативно бы сказались на финансовой стабильности нашей финансовой системы. По результатам анализа, проведенным Банком России, данная диджитал-валюта никак не повлияет на срочные банковские вклады и не приведет к оттоку денежных средств с них. Наоборот, данный новый платежный актив выступит в известной степени катализатором, стимулирующим кредитные организации увеличить привлекательность предлагаемых ими банковских продуктов и услуг, в частности, текущих банковских счетов. В целом общий эффект от внедрения цифрового рубля, как нам представляется, является положительным, поскольку новая форма российской валюты будет содействовать становлению более конкурентной среды в нише кредитных организаций, а также много более эффективному распределению прибыли в банковской сфере в пользу коммерческих банков, которые готовы предоставить свои продукты и услуги на более привлекательных и выгодных условиях.

Разработка необходимой нормативной и платежной инфраструктуры для новой диджитал-формы рубля, как мы полагаем, поспособствует повышению уровня стабильности и надежности функционирования национальной платежной системы, безопасности, эффективности ее работы, а также денежных платежей и переводов в целом. Вместе с этим большая скорость и темп переводов средств из одной кредитной организации в другую посредством цифрового рубля будет содействовать, как уже было отмечено выше, большей конкуренции в нише банковских услуг, а также общей стабильности на всем финансовом рынке. По мере ввода цифрового российского рубля в оборот мегарегулятор заверил, что будет отслеживать вызванные диджитал-валютой всевозможные эффекты и последствия, в том числе ее влияние на финансовый сектор, в частности, на банковский. При выявлении отрицательных моментов, каких-либо рисков и иных проблемных аспектов, влияющих непосредственно на финансовую стабильность, Банк России примет в немедленном порядке все требуемые ситуацией меры, которые будут охватываться его компетенцией [5, с. 160].

Предполагается, что внедрение цифрового рубля мегарегулятором будет осуществляться последовательно. В первую очередь в конце 2021 г. Банком России был определен старт разработки платформы новой формы валюты, далее, уже в 2022 г., созданная платформа претерпевала стадию ее тестирования. На тот момент на платформе были предусмотрены сервисы переводов между гражданами (*C2C*), также между гражданами и бизнесом (*C2B*, предусмотрена оплата по *QR*-коду), разработаны необходимые шаблоны по смарт-контрактам, с целью реализации переводов и расчетов автоматически, в случае выполнения заданных параметров, наступлении указанных ситуаций, а также достижении заранее определенных показателей, в части единичных или, наоборот, постоянных переводов денежных средств по сценарию от гражданина к другому гражданину. Возможность реализации платежей цифровыми рублями в офлайн-формате на момент 2022 г. была на этапе разработки, а уже весной 2023 г. платформа была предоставлена в промышленную эксплуатацию [6, с. 236].

Летом 2023 г. в силу вступил Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Данный нормативно-правовой акт на законодательном уровне закрепил цифровой рубль, что официально определило его как полноправное средство платежа наравне с уже существующими способами расчетов [8, с. 15]. С указанного этапа платежи на территории нашей страны между домохозяйствами и бизнесом могут осуществляться путем наличных, безналичных расчетов, а также расчетов с применением цифровых рублей [9]. В этот же период мегарегулятор начал пилотирование расчетно-платежных операций с реальными цифровыми рублями на заранее определенном перечне пользователей – 15 коммерческих банков (в числе которых Тинькофф, ВТБ, Альфа-Банк и т.д.), 30 торговых точек, а также 11 российских городов.

К 2030 г. предполагается, что диджитал-форма рубля в полном масштабе будет инкорпорирована в потребительский оборот и станет полноценным его элементом, наравне с бумажной и электронной формой отечественного рубля.

Таким образом, с известной долей уверенности можно утверждать, что цифровой рубль, его внедрение и использование, никак не повлияет на фундаментальные основы работы кредитных организаций, а также принципы осуществления монетарной политики. Двухуровневая розничная модель реализации новой третьей формы валюты позволит в полном объеме сохранить существующий функционал коммерческих банков, в первую очередь кредитование экономики, становление надежных инстру-

ментов сбережения, и, вместе с этим, задействовать уже существующую и достаточно эффективно функционирующую инфраструктуру банковских организации для успешного взаимодействия с пользователями предоставляемых ими услуг – с гражданами и бизнесом. В то же самое время внедрение цифрового рубля будет в значительной степени способствовать созданию более конкурентной среды в нише кредитных организаций, перераспределению финансовых средств в пользу более достойных и эффективных финансовых институтов, а также общего совершенствования и развития национальной платежной инфраструктуры.

Литература:

1. Шохор Е.М., Морозов О.А. Введение цифрового рубля как тренд на цифровизацию финансового сектора // Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: практика и теория: сб. науч. статей Всеросс. науч.-практ. конференции. – Курск, 2023. – С. 254–257.
2. Запорожан А.Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // Управленческое консультирование. – 2021. – № 6 (150). – С. 32–39.
3. Концепция цифрового рубля. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 03.01.2024).
4. Цифровой рубль: ЦБ РФ обозначил примерный месячный лимит бесплатных переводов и другие аспекты. – URL: https://www.consultant.ru/legalnews/22204/ (дата обращения: 03.01.2024).
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Центральный Банк РФ. – URL: http://council.gov.ru/media/files/VpnhRL2A31jEsK1itfzyAW3AXzCGwTXz.pdf (дата обращения: 03.01.2024).
6. Годовой отчет Банка России за 2022 год // Центральный Банк РФ. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43872/ar_2022.pdf (дата обращения: 04.01.2024).
7. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Мусатов А.М. Законодательная основа платформы цифрового рубля и основные проблемы в регулировании в настоящее время // Путеводитель предпринимателя. – 2023. – № 16(4). – С. 13–18.
9. Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32 – Ст. 140.

Digital Ruble: Essence, Regulatory Framework, Impact on the Russian Economy

Abdullin A.I., Abdullina I.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

Since recently, the digital ruble has been officially recognized as the third form of currency on a par with cash and non-cash money. This implies the relevance of this study, namely the need to study this digital asset. The purpose of the study is to determine the impact of the introduction of the digital ruble on the Russian economy. As tasks arising from the need to achieve the above goal are: studying the legislative framework for the functioning of the digital ruble; determining the characteristics of the digital ruble; determining the impact of the digital ruble on financial stability.

The scientific significance of this study lies in the fact that the digital ruble acts as a new form of monetary relations, which requires analyzing and understanding its impact on the economy and financial system. The practical significance of this study, in particular, the digital ruble is that its introduction may lead to changes in financial services, payment technologies, accounting and other areas. Understanding the features of the digital ruble will help all subjects of economic relations to adapt to the new conditions and use the opportunities that the digital currency provides.

The main results of the study include the positive impact of the introduction of this digital asset on the national payment infrastructure. Conclusions were drawn about the digital ruble as a catalyst that creates a competitive environment in the banking sector and, accordingly, forces banks to improve their business processes, allocate funds more efficiently and improve the quality of customer service.

The value of the presented study lies in expanding public knowledge about the digital ruble and its impact on the country's financial system.

Key words: digital ruble, platform, transfers, payments, Bank of Russia

УДК 338.24.01

Факторы развития энтропии социально-экономической системы

Грудина С.И.
Доктор экономических наук,
доцент кафедры общего менеджмента
Казанского (Приволжского) федерального университета

Авдонина С.Г.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления корпоративными финансами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Подгорная А.И.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления корпоративными финансами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается исследованию факторов развития энтропии социально-экономической системы. Исследование проводится в рамках концепции устойчивого развития. Энтропия системы анализируется с позиции экономических, социальных факторов развития экономической среды. Авторами применяются линейные и нелинейные методы, экономико-статистический анализ. Подход является новаторским как с точки зрения постановки проблемы, так и в сфере его реализации в научно-исследовательской среде.

Предложена новая классификация факторов, усиливающих и снижающих энтропию. Понятие энтропии системы анализируется с учетом научного аппарата современного менеджмента: финансового, социального, экологического. Предметом исследования выступает социально-экономическая система регионов Российской Федерации. Объектом исследования являются факторы энтропии, действующие в анализируемом научном пространстве и времени.

Ключевые слова: энтропия, социально-экономическая система, устойчивое развитие, регион, факторы энтропии, экономический рост, общественное благосостояние, инвестиции

Исследованию содержания понятия энтропии системы уделяется значительное внимание в последние десятилетия в работах как российских, так и зарубежных ученых. Энтропия, как процесс неуправляемого увеличения хаотическими, неструктурными явлениями, выявляется практически во всех сферах существующих социально-экономических систем и рассматривается в данной статье как антипод устойчивому, сбалансированному развитию. Целью настоящего исследования является попытка выявления факторов, способствующих либо развитию, либо нивелированию энтропии со-

циально-экономической системы на региональном, макроэкономическом уровнях. Актуальность исследования обусловлена поиском путей разрешения противоречий управления в условиях неопределенности, неустойчивости системы.

Современный кризис управления сопровождается структурным противоречием, связанным со способами достижения экономического роста и развития. Достижение экономического роста, в широком смысле, осуществляется за счет интенсификации научно-технического прогресса, сопровождающегося отрицательными экстерналиями [1]. Достижение сбалансированности экономической, экологической, социальных сфер позволяет снять структурную напряженность, нагрузку на социально-экономическую систему, вызванную стремительным прогрессом макроэкономических показателей в одной сфере и отставанием в других.

Согласно исследованиям, проводимыми в междисциплинарных и смежных с экономикой областях познания, количество энтропии на планете постоянно увеличивается [2]. Используя термин «энтропия» в данном исследовании, мы предполагаем разбалансированность реализации целей устойчивого развития в области экономики, экологии и социальной сферы. Факторы возникновения энтропии и управления этим процессом изучаются в междисциплинарных исследованиях, что объясняется сложностью и многоаспектностью задач, которые необходимо решить хозяйствующим субъектам на современном этапе развития.

Устойчивой системой, по нашему мнению, является открытая саморазвивающаяся система, способная регулировать процессы энтропии. В социально-экономической системе региона одним из признаков образования такой системы являются инвестиции в научные исследования и разработки.

На рисунке 1 представлены данные о внутренних затратах на исследования и разработки в валовый внутренний продукт в Российской Федерации за 2010–2022 гг.

Рисунок 1 иллюстрирует тренд снижения ресурсного обеспечения и инвестиций в наукоемкие отрасли, что может ослабить сопротивляемость энтропии, снизить устойчивость системы к кризисным явлениям.

Следствием снижения затрат на научные исследования и разработки является также снижение численности докторов и кандидатов наук в Российской Федерации.

Показательным является Центральный федеральный округ, занимающий лидерскую позицию в воспроизводстве интеллектуальных, научных, инновационных ресурсов. Однако даже в Центральном федеральном округе в анализируемом временном интервале с 2010 по 2022 гг. наблюдается отрицательная динамика.

На рисунке 2 представлена численность исследователей, имеющих ученую степень в Центральном федеральном округе и в целом по Российской Федерации.

Рисунок 2 иллюстрирует тренд снижения интереса к научным исследованиям и разработкам. Фундаментальная наука служит значительной цели – структурированию, систематизации, воспроизводству новых знаний и включению их в хозяйственный оборот, на службу общественному развитию и благосостоянию. Однако, даже относительно небольшой период с 2010 по 2022 гг. обладает признаками деструктуризации. Устойчивость системы проверя-

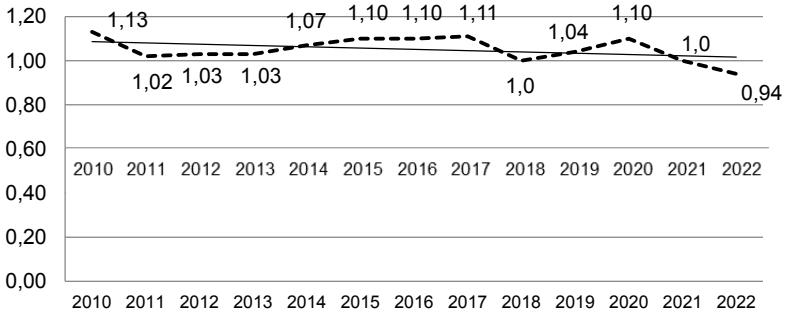


Рис. 1. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП в Российской Федерации за 2010–2022 гг.

Разработано авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [3].

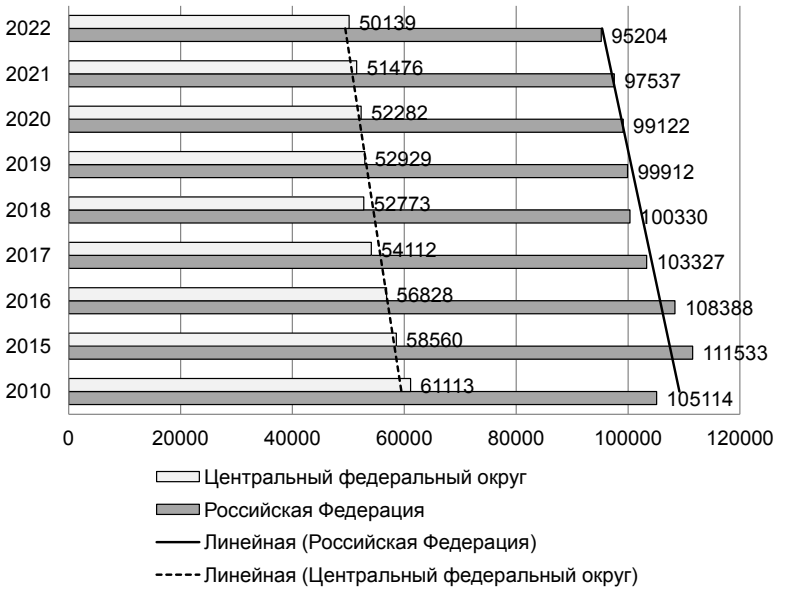


Рис. 2. Численность исследователей, имеющих ученую степень в Российской Федерации за 2010–2022 гг.

Разработано авторами на основании данных Федеральной службы государственной статистики [3].

ется открытостью и определяется состоянием всех ее элементов. В социально-экономической системе региона наука выполняет роль драйвера развития. Без развития система деградирует, закрывается, снижается конкурентоспособность и нивелируются воспроизводственные процессы в целом.

Нами предложено рассмотреть ряд факторов, влияющих на развитие энтропии региональной социально-экономической системы: фактор времени, фактор социальных противоречий, финансовый фактор, экологический фактор, фактор интенсификации научно-технического прогресса. Перечисленные факторы способны оказывать существенное влияние на динамику валового регионального продукта [2].

В таблице 1 представлены факторы, способствующие возникновению и нивелированию энтропии социально-экономической системы. Степень воздействия каждого из факторов зависит от региональной специфики и устойчивости социально-экономической системы [4].

Совокупность факторов управления процессами энтропии социально-экономической системы также нами предложено классифицировать по признаку материальности [5].

К материальным факторам предлагаем отнести финансовый фактор, экологический фактор, научно-технический фактор.

К нематериальным (нефинансовым) факторам энтропии социально-экономической системы относим: фактор времени, фактор социальных противоречий.

В исследовании энтропии системы особый интерес вызывает фактор времени, тесно связанный с фактором социальных противоречий системы. Парадокс в том, что время является своеобразным ключом к возможности разрешения негативных социально-экономических последствий. Мы предлагаем объяснение феномена времени сменой ценностей в долгосрочном периоде. Для разрешения противоречий системы управляющему субъекту эффективно находиться вне системы, в точке координат. Координатор системы при соблюдении нулевой позиции способен выявить энтропию на уровне слабых сигналов и разработать превентивные меры по нивелированию ее негативных последствий. Также отметим, что при расширении временного пространства исследования следует учитывать смещение координирующей позиции управляющего субъекта. Любые события, социально-экономические преобразования в обществе меняют свое значение и ценность относительно временного периода и аспекта координат их рассмотрения.

На уровне государственной политики по устойчивому развитию региона рекомендуется два ключевых направления:

а) использование инструментов материального и нематериального управления энтропией социально-экономической системы. Об этом более подробно можно прочитать в [6]. Синергия воздействия материальных нематериальных факторов управления энтропией системы создаст базис долгосрочного сбалансированного развития;

б) увеличение доли внутренних затрат на исследования и разработки в валовом внутреннем продукте и валовом региональном продукте в регионах Российской Федерации. Наблюдается связь между снижением финансирования НИОКР и деградацией социально-экономической системы [7].

Разработанная в данном исследовании совокупность факторов, формирующих энтропию системы, расширяет поле научного познания. Использование достижений междисциплинарных исследований открывает новые инструменты, методы познания, поскольку задачи, стоящие перед современным хозяйствующим субъектом, значительно шире одного экономического направления. Термодинамика систем открывает новые пути решения проблем сбалансированности экономической, экологической и социальных сфер [8].

Таким образом, нами выявлено пять основополагающих факторов, усиливающих либо нивелирующих развитие энтропии в социально-экономической системе. Выявленные факторы энтропии были классифицированы на материальные (финансовые) и нематериальные (нефинансовые). Особое место в предложенной классификации факторов энтропии социально-экономической системы занимает фактор времени. Фактор времени, не оказывает непосредственного влияния на энтропию системы, он способствует проявлению либо нивелированию ее последствий в долгосрочном периоде.

Таблица 1

Факторы энтропии воздействующие на развитие социально-экономической системы

Классификация воздействия факторов энтропии		
Фактор энтропии	Актуализирующее воздействие	Нивелирующее воздействие
Фактор времени	В соответствии со вторым законом термодинамики – увеличение энтропии	Возможно при благоприятных условиях системы
Фактор социальных противоречий	Является катализатором энтропии	Управление качеством жизни
Финансовый фактор	Инвестиции в НИОКР	Наукоемкое производство
Экологический фактор	Прямое воздействие на окружающую среду	Экологический менеджмент
Научно-технический фактор	Сбалансированность системы управления	Снижение энтропии системы

Источник: разработано авторами по материалам исследования [2].

Литература:

1. Грудина С.И. Теория развития энтропии региональных социально-экономических систем // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 3 (53) – С. 24–28.
2. Алехина М.А. Синтез, надёжность и сложность схем из ненадёжных функциональных элементов: дисс. … докт. физ.-мат наук. – Пенза, 2004. – 169 с.
3. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11189
4. Грудина С.И. Теория развития энтропии региональных социально-экономических систем // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 3(53). – С. 24-28.
5. Фахрутдинова Е.В., Грудина С.И., Иванов С.Е. Признаки развития региональных социально-экономических систем // Экономические науки. – 2021. – № 205. – С. 380 –382.
6. Грудина С.И., Подгорная А.И. Нелинейные методы исследования нематериального капитала регионов // Казанский экономический вестник. – 2020. – № 4 (48). – С. 51 –56 .
7. Grudina S., Podgornaya A. Methodologikal aspects of investment risk management in the region // International Journal of Engineering Reseach and Technology. – 2020. – Vol. 13. – № 12. – P. 4417–4420.
8. Грудина С.И., Фахрутдинова Е.В. Нематериальный капитала как основа преобразования региона // Экономические науки. – 2021. – № 205. – С. 376–379.
9. Шорникова Т.А. Термодинамика систем // Человек, общество и государство в современном мире: Сборник научных трудов Межд. науч.-практ. конф.: в 2 т., Пенза, 1–30 апреля 2016 г. Т. 1. – Пенза: Пензенский гос. технол. ун-т, 2016. – С. 232–235.

Factors in the Development of Entropy of a Socio-Economic System

Grudina S.I., Avdonina S.G., Podgornaya A.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the study of factors in the development of entropy of a socio-economic system. The research is carried out within the framework of the concept of sustainable development. The entropy of the system is analyzed from the perspective of economic and social factors in the development of the economic environment. The authors use linear and nonlinear methods, economic and statistical analysis. The approach is innovative both in terms of problem formulation and in its implementation in the research environment.

The authors proposed a new classification of factors that increase and decrease entropy. The concept of system entropy is analyzed taking into account the scientific apparatus of modern management: financial, social, environmental. The subject of the study is the socio-economic system of the regions of the Russian Federation. The object of the study is the entropy factors operating in the analyzed scientific space and time.

Key words: entropy, socio-economic system, sustainable development, region, entropy factors, economic growth, public welfare, investment

УДК 336.22

Сравнительный анализ элементов системы управления налоговыми расходами в России и зарубежных странах

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры общественных финансов Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Берникова А.М.
Магистрант финансового факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Финансовые и геополитические кризисы на современном этапе привели к возрастанию роли государства и, как следствие, расширению прямых и косвенных мер бюджетной поддержки. Ограниченность объемов государственных ресурсов и многоаспектность решаемых задач обуславливает поиск новых и оптимизацию имеющихся инструментов управления государственными финансами. Концепция налоговых расходов как составная часть методологии управления общественными финансами характеризуется принципиальными различиями ее практической реализации в разных странах.

Цель статьи – провести сравнительный анализ системы управления налоговыми расходами в Российской Федерации и зарубежных странах для выработки предложений по использования лучшей практики. В исследовании рассмотрен зарубежный опыт интеграции налоговых расходов в бюджетный процесс. Каждое государство адаптирует данный инструментарий в соответствии с особенностями фискальной политики и бюджетного процесса. На основе проведенной оценки были выявлены особенности системы управления налоговыми расходами в зарубежных странах. Результаты исследования могут быть практически использованы в разработке нормативных и методических документах по данной проблематике.

Ключевые слова: налоговые расходы, налоговые льготы, упущенные доходы бюджета, государственные программы

В международной практике в бюджетный процесс активно внедряется система управления налоговыми расходами. Международный валютный фонд определяет налоговые расходы как упущенные доходы, вследствие применение различных форм налоговых послаблений [1]. Практика Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), с точки зрения налоговых расходов, является прогрессивной, особенно на верхних уровнях бюджетной системы. Налоговые расходы, согласно общей концепции управления налоговыми расходами ОЭСР, определяются как положения налогового законодательства или иных нормативно-правовых актов, намеренно уменьшающих налоговые поступления или предоставляющих приоритет по времени уплаты для отдельных категорий налогоплательщиков [2].

В российском бюджетном законодательстве налоговые расходы представляют собой выпадающие доходы бюджета, обусловленные различными налоговыми послаблениями. Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов до 2024 г. предусмотрено формирование эффективной системы управления налоговыми расходами и ее внедрение в бюджетный процесс [3].

Изучение зарубежного опыта позволяет выявить лучшие практики реализации концепции управления налоговыми расходами и интегрировать наиболее эффективные методы в отечественную систему [4].

При разработке методологии существенное влияние оказывает государственно-политическое устройство страны. Например, в федеративных государствах оценки налоговых расходов должны включать информацию от штатов (регионов, провинций) и муниципалитетов. Центральное правительство, в свою очередь, берет на себе ответственность за координацию работы, обеспечивая гармонизацию методологии, информационную поддержку.

Система единых методологических подходов по совершенствованию управления налоговыми расходами включает комплекс задач (табл. 1).

Отметим, что выстраивание системы управления налоговых расходов начинается с идентификации, т.е. понимания того, что именно будет считаться налоговым расходом. В этих целях выделяется базовая структура налогов на основе выбора одного из подходов [5]: концептуального (Австралия, Канада, Испания и др.), законодательного (Австрия, Франция, Южная Корея и др.), аналог субсидий (Германия, Великобритания). Также выделяется смешанный, концептуально-законодательный, подход, реализуемый в практике управления налоговыми расходами США.

Таблица 1

Система единых методологических подходов по совершенствованию управления налоговыми расходами в международной практике

Задача	Подход
Идентификация налоговых расходов	Определению базовой структуры налогов
Оценка налоговых расходов	Определение метода стоимостной оценки налоговых расходов: упущенных расходов, эквивалентных расходов
Открытость налоговых расходов	Формирование отчетности по налоговым расходам по единой форме. Привязка отчетности к бюджетному процессу
Мониторинг налоговых расходов	Учет налоговых льгот в информационных системах. Мониторинг налоговых расходов.
Устранение уязвимости налоговых льгот (лоббирование)	Обеспечение независимости органов государственного финансового контроля при оценке эффективности налоговых льгот.
Обеспечение эффективности налоговых расходов для общества в целом	Расширение инструментов налогового льготирования, например, экологических налогов, предоставление налоговых кредитов или льгот для граждан с низким доходом
Упрощение системы предоставления налоговых льгот	Использование современных технологий. Принцип «одного окна». Создание обучающих материалов для налогоплательщиков.

С целью стоимостной оценки налоговых расходов можно использовать различные методики: расчет через оценку упущенных доходов бюджета, через оценку приращённых доходов бюджета или эквивалентных расходов. Метод упущенных доходов получил широкое распространение и признание лучшей практики, применяется в таких странах, как Канада, Франция, Германия и др. Оценка приращённых доходов бюджета требует совершенствования моделей, которые позволят учесть взаимосвязь между примененными льготами и полученными дополнительными доходами. На сегодняшний день этот метод ограниченно используется. Последний метод с дополнительной оценкой упущенных доходов применяют США и Швеция. Метод эквивалентности имеет объективные ограничения, так как заменить всю совокупность налоговых стимулов субсидиями не представляется возможным [6].

Интересным представляется опыт Великобритании в формировании системы управления налоговыми расходами и категорировании налоговых расходов. Как и в российском законодательстве, в Великобритании под налоговыми расходами понимаются упущенные доходы бюджета правительства [4]. Налоговые расходы применяются только для налогов, администрируемых центральным правительством (подоходный налог, НДС, налог на прирост капитала, налог на наследство, земельный налог и т.д.).

Однако главное различие заключается в том, что в Великобритании не существует увязки налоговых расходов с целевыми программами, они представляют собой обособленную часть бюджетных расходов. В России же налоговые расходы являются ключевым инструментом реализации государственных программ, представляющих собой стратегические планы социально-экономического развития государства [7; 8].

В соответствии с законодательством Великобритании, существует 3 категории налоговых льгот [2]: налоговые расходы (налоговые льготы, являющиеся альтернативой государственным расходам); структурные льготы (налоговые льготы, входящие в структуру налога); смешанные льготы (налоговые льготы, являющиеся частью государственных расходов, при этом входящие в состав налога).

В Российской Федерации, исходя из целей применения налоговых расходов, выделяются следующие классификации: стимулирующие налоговые расходы, применяемы в основном для частного сектора экономики (59 % от общего объема налоговых расходов бюджета); социальные налоговые расходы, направленные для обеспечения социальной защиты населения, применяемые для домохозяйств (37 % от общего объема налоговых расходов бюджета); и технические налоговые расходы, применяемые для уменьшения расходов плательщиков, финансируемых за счет бюджетов (4 % от общего объема налоговых расходов бюджета) [9; 10].

Формирование системы управления налоговыми расходами в США во многом схоже с Великобританией. Оценка налоговых расходов США осуществляется Управлением налогового анализа Минфина США на основе данных налоговых деклараций. Особенностью американской системы является то, что изменения прогнозных значений налоговых расходов влияют не на расходы, а на доходы бюджета.

Отличным от рассмотренных примеров является опыт Канады, где налоговые расходы представляют собой отклонение от базовой налоговой системы. Важным в канадской системе управления налоговыми расходами является то, что оценка эффективности налоговых расходов осуществляется отдельно по каждому виду налогов, а в случаях смешанных льгот оценка производится на основе показателей, которые эксперты выбирают в качестве необходимых для формирования собственных суждений [1].

Система управления налоговыми расходами в Канаде строго регламентирована: оценка эффективности налоговых расходов представляется в дополнение к документу о бюджете, отдельно от сумм расходов с целью сопоставимости данных.

Косвенная поддержка экономических субъектов со стороны государства посредством применения налоговых стимулов отражается в доле налоговых расходов в общей совокупности всех предоставленных товаров и услуг (рис. 1).

Существенные различия в доле налоговых расходов в исследуемых странах могут объясняться различиями в подходах к регламентации налоговых расходов.

В общей структуре ВВП за период 2019–2022 гг. доля налоговых расходов не имеет сильной волатильности: в Великобритании налоговые расходы на уровне 8,17 % от общего ВВП, в Российской Федерации – на уровне 3,95 %, в США на долю налоговых расходов в ВВП приходится порядка 6,35 %, а в Канаде – 7,08 %.

Основными типами налоговых расходов, применяемых в Великобритании за период 2019–2022 гг., были следующие: налоговые льготы (4,68 %), нулевая ставка налога (2,29 %); налоговый вычет (0,50 %); пониженная ставка (0,39 %) и налоговые кредиты (0,25 %).

Значительная разница в доле налоговых расходов в 2020 г. в Великобритании по отношению к 2019 г. может быть объяснена увеличением налоговых льгот в связи с оказанием мер поддержки гражданам в период коронавирусной пандемии. Изменение доли налоговых расходов в ВВП Канады может быть обусловлено изменением налогового законодательства в 2021 г. [11].

В то же время в Российской Федерации доля налоговых расходов в 2020 г. сократилось в связи с выходом Постановления Правительства Российской Федерации [12] и модернизацией законодательства в области классификации налоговых расходов и оценки эффективности их предоставления.

Как видно из рисунка 2, в Великобритании основные преференции предполагаются для домохозяйств, в то время как на корпоративный сектор приходится в среднем 2,70 % налоговых расходов, при этом в 2022 г. показатель составил менее 1 %. В Канаде структура отличается от Великобритании. Так, после изменения налогового законодательства единственными получателями налоговых преференций в 2022 г. стали домохозяйства, что обуславливается изменением в подходах к определению налоговых

Рис. 1. Доля налоговых расходов в ВВП страны, %

Данные по доле налоговых расходов в ВВП США за 2022 г. представлены на основе среднестатистических подсчетов.

Источник: составлено авторами по данным https://gted.taxexpenditures.org/

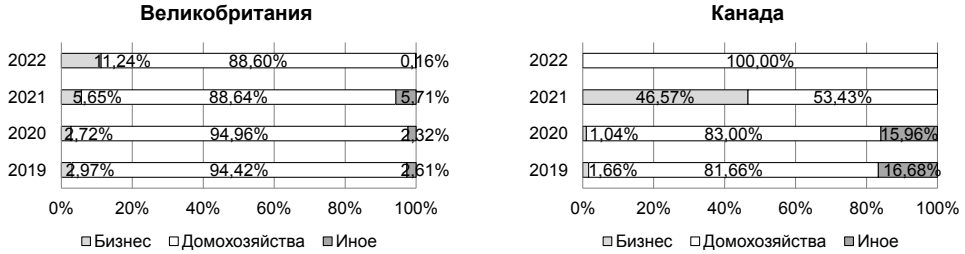


Рис. 2. Структура налоговых расходов Великобритании и Канады в разрезе получателей налоговых стимулов

Источник: составлено авторами по данным https://gted.taxexpenditures.org/

расходов для корпоративного сектора и оставления для них налоговых льгот.

Важным аспектом системы управления налоговыми расходами является четкое разграничение налоговых расходов от налоговых льгот. Так, например, в Российской Федерации в настоящее время публикуются данные по налоговым расходам с использованием кодификатора налоговых льгот [13]. Такой подход обеспечивает переход к реализации принципа единства системы управления налоговыми расходами, обеспечению более прозрачного и системного учета налоговых расходов, их сопоставимости, расширению возможностей проведения мониторинговых и контрольных процедур. В совокупности мер можно ожидать повышение эффективности управления налоговых расходов.

Эффективность и результативность применения такого инструмента, как налоговые расходы, с одной стороны, зависят от сформированности самой системы управления налоговыми расходами, с другой стороны – от имеющегося фискального пространства, на которое влияет устойчивость параметров бюджетной системы и уровень социально-экономического развития страны. В зарубежной практике налоговые расходы характеризуют бюджетно-налоговую политику и позволяют оценить эффективность применения налоговых стимулов, а также вырабатывать пути оптимизации бюджетных расходов. Учет влияния налоговых расходов на структуру и динамику налоговых поступлений позволяет корректировать нагрузку на экономических субъектов во взаимосвязи с достижениями целей предоставления налоговых льгот. Рациональное и ответственное применение налоговых расходов позволит сбалансировать бюджетные расходы в части целевых мер поддержки и налоговые поступления в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Tax Expenditure in OECD Countries, OECD Publishing, Paris. – URL: https://doi.org/10.1787/9789264076907-en (дата обращения: 08.03.2024).
2. Tax Expenditure Reporting and Its Use in Fiscal Management: A Guide for Developing Economies // IMF. – 2019. – March 27.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.01.2019 г. № 117-р «Концепция повышения эффективности бюджетных расходов до 2024 года» // СПС Гарант.
4. Попова Е.М., Гусейнова Г.М., Милов С.Б. Интеграция концепции налоговых расходов в бюджетный процесс: зарубежный и отечественный опыт // Налоги и налогообложение. – 2019. – № 11. – С. 17–34.
5. Villela L., Lemgruber A., Jorratt M. Tax Expenditures Budget. Concepts and Challenges for Implementation // IDB Working Paper Series. – 2010. – № 131. – 61 p.
6. Богачева О., Фокина Т. Управление налоговыми расходами в странах ОЭСР // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 4. – С. 26–36.
7. Альтерман А.А., Берникова А.М. Анализ соответствия налоговых расходов целям социально-экономической политики на примере Центрального федерального округа // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 7–11.
8. Демидова С.Е. Оценка структуры и динамики налоговых расходов федерального бюджета в контексте достижения социально-экономических целей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 2(34). – С. 178–193.
9. Демидова С.Е. Оценка системы управления налоговыми расходами бюджетов субъектов Федерации // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 16–19.
10. Альтерман А. А. Анализ системы управления налоговыми расходами на примере Центрального федерального округа // Самоуправление. – 2023. – № 2(135). – С. 137–142.
11. Statement by the Deputy Prime Minister on new international tax reform agreement. – URL: https://www.canada.ca/en/department-finance/news/2021/10/statement-by-the-deputy-prime-minister-on-new-international-tax-reform-agreement.html (дата обращения: 08.03.2024).
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» // СПС Гарант.
13. Налоговые расходы Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/raskhod/rf?id_65=302571-perechen_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii_po_sostoyaniyu_na_13.11.2023 (дата обращения: 08.03.2024).

Comparative Analysis of Elements of the Tax Expense Management System in Russia and Foreign Countries

Demidova S.E., Bernikova A.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

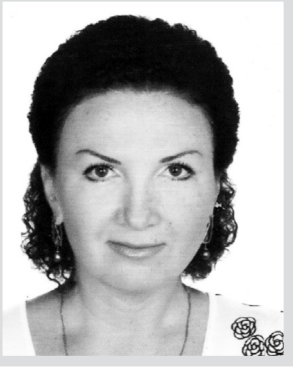
Financial and geopolitical crises at the present stage have led to an increase in the role of the state, and as a result, the expansion of direct and indirect budget support measures. The limited volume of public resources and the multidimensional nature of the tasks being solved leads to the search for new and optimization of existing public finance management tools. The concept of tax expenditures as an integral part of the methodology of public finance management is characterized by fundamental differences in its practical implementation in different countries.

The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of the tax expense management system in the Russian Federation and foreign countries in order to develop proposals for the use of best practices. The study examines the foreign experience of integrating tax expenditures into the budget process. Each state adapts this toolkit in accordance with the specifics of fiscal policy and the budget process. Based on the assessment, the features of the tax expenditure management system in foreign countries were identified. The results of the study can be practically used in the development of normative and methodological documents on this issue.

Key words: tax expenditures, tax benefits, lost budget revenues, government programs

УДК 339.5 + 339.9

Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации



Кантарович А.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры таможенного дела
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В настоящее время западные страны предпринимают экономические и политические меры для дестабилизации экономики России, создают угрозы и препятствия для движения российских товаров и капитала, замораживают счета российских банков и розничных инвесторов. Трансформация экономических и торговых связей несет большие угрозы и риски для внешнеэкономической безопасности страны. В условиях специальной военной операции вопросы национальной безопасности, в том числе внешнеэкономической безопасности приобрели особую значимость, обеспечение внешнеэкономической безопасности стала одним из национальных приоритетов России. В данных условиях тема обеспечения внешнеэкономической безопасности является особенно актуальной.

Целью данной статьи является оценка внешнеэкономической безопасности Российской Федерации в условиях санкций со стороны недружественных стран. Для этого поставлены следующие задачи: рассмотреть теоретические и практические основы внешнеэкономической безопасности, проанализировать основные показатели внешнеэкономической безопасности.

Научная значимость работы заключается в определении роли внешнеэкономической безопасности в системе национальной безопасности страны, стратегических направлений развития внешнеэкономической деятельности нашей страны. Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в качестве базы аналитической и проектной деятельности специалиста по внешнеэкономической безопасности при разработке стратегии повышения внешнеэкономической безопасности.

На основе полученных результатов сделаны следующие выводы: для дальнейшего укрепления внешнеэкономической безопасности России необходимо укреплять технологический и экономический суверенитет, расширять каналы сбыта, укреплять деловые и торговые отношения с дружественными странами, увеличивать долю товаров с добавленной стоимостью в экспорте. Сделан вывод о необходимости разработать единый документ в сфере внешнеэкономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, национальная безопасность, внешнеэкономическая безопасность, внешняя торговля, экспорт, импорт, санкции

В настоящее время прежние внешнеэкономические связи России разорваны, что несёт угрозы для национальной и экономической безопасности страны, а новые внешнеэкономические связи еще полностью не сформированы, соответственно, также возникают риски срыва поставок товаров и оборудования.

Потеря старых логистических связей и неустойчивость вновь формируемых несет большие угрозы

для внешнеэкономической безопасности Российской Федерации.

Недружественные страны запретили покупку газа, нефти и нефтепродуктов из России и ввели эмбарго на ввоз в Россию автомобилей собственного производства. В ответ на введенные санкции Российская Федерация запретила ввоз из недружественных стран сельскохозяйственной продукции и переориентировала энергетический экспорт на рынки дружественных стран.

Внешнеэкономическая безопасность Российской Федерации направлена на защиту национальных интересов, сохранение конкурентоспособности национальных производителей на мировом рынке. Учитывая, что нефтегазовые доходы являются превалирующими в федеральном бюджете Российской Федерации, в условиях дискриминации российских экспортеров нефти и газа вопросы внешнеэкономической безопасности на сегодняшний день являются главными задачами национальной безопасности Российской Федерации.

Основными задачами внешнеэкономической безопасности Российской Федерации в нынешнее время являются защита от угрозы внешнего давления в экономической сфере, устойчивый экономический рост, конкурентоспособность национальной экономики на мировом рынке, минимизация внешнеторговой (импортной) зависимости.

Ухудшение отношений между странами и уход зарубежных работодателей приводят к потере рабочих мест, соответственно, к снижению уровня жизни населения и повышению социального напряжения [1]. Следовательно, обеспечение внешнеэкономической безопасности является приоритетной задачей Правительства Российской Федерации.

Проблема обеспечения внешнеэкономической безопасности является неразработанной в научных исследованиях. Несмотря на то что есть множество научных трудов на тему экономической безопасности, составляющей которой является внешнеэкономическая безопасность, сущность последнего практически не раскрыта. Методологические аспекты обеспечения внешнеэкономической безопасности рассмотрели К.Г. Буневич, А.Н. Бродунов, О.П. Григорьева [2, с. 16]. В то же время понятие «внешнеэкономическая безопасность» в нормативно-правовых документах России до сих пор не определено.

Основными методами исследования, использованными при подготовке теоретической части научной статьи, стали общенаучные методы: наблюдение, сравнение, анализ и синтез, метод логического рассуждения. В практической части статьи использовались специальные методы: статистический анализ, графический метод, систематизация.

Источниками статистической информации и аналитических материалов для проведения оценки внешнеэкономической безопасности Российской Федерации выступили данные Всемирного банка, Федеральной службы государственной статистики, Федеральной таможенной службы.

В России утверждены Стратегия обеспечения экономической безопасности до 2030 г. [3] и Стратегия обеспечения национальной безопасности [4]. В соответствии с поручением Президента РФ завершается разработка Стратегии развития внешнеэкономической деятельности РФ на период до 2030 г. [5]. Согласно российскому законодательству, национальная безопасность достигается за счет усиления военного и промышленного потенциала страны, развития несырьевых рынков и роста реального сектора экономики [6]. Национальная безопасность достигается за счет экологической, экономической [7, с. 127], политической и внешнеэкономической безопасности (рис. 1).

Внешнеэкономическая безопасность, в свою очередь, включает в себя товарно-сырьевую, интеллектуальную и финансовую безопасности [2, с. 18].

Уровень товарно-сырьевой безопасности характеризует показатель ВВП страны. В таблице 1 представлены ВВП России и других стран (по данным Всемирного Банка).

Как видно из таблицы 1, ВВП России по покупательной способности в 2021–2022 гг. составил 4785 и 5327 млрд долл. соответственно. В 2022 г. Российская Федерация по уровню ВВП поднялась на пятое место, что свидетельствует об экономической безопасности страны. Несмотря на многочисленные санкции со стороны западных стран, экономика России продемонстрировала рост.

Рис. 1. Внешнеэкономическая безопасность в структуре национальной безопасности [2, с. 15]

Таблица 1

ВВП (ППС) России и других стран в 2021–2022 гг., в млрд долл. [8]

	Страна	2022 г.		2021 г.	
		млрд долл.	доля в мире, %	млрд долл.	доля в мире, %
1	Китай	30337	18,47	27313	18,56
2	США	25440	15,51	22996	15,69
3	Индия	11905	7,23	10219	6,95
4	Япония	5704	3,47	5397	3,82
5	Россия	5327	3,24	4785	3,07
6	Германия	5323	3,24	4815	3,33
7	Индонезия	4038	2,46	3302	2,43
8	Бразилия	3839	2,34	3436	2,34
9	Франция	3764	2,3	3424	2,29
10	Великобритания	3678	2,23	3344	2,32
11	Турция	3182	1,94	2591	2,02

Рост ВВП был обеспечен за счет расширения внешнеэкономического взаимодействия с перспективными партнерами из дружественных стран и роста выпуска товаров с высокой добавленной стоимостью, в том числе в подотраслях машиностроения, в производстве электроники, электрооборудования. Весомый вклад внесли химический и металлургический комплексы. Высокими темпами также росли строительство, туризм, транспортировка грузов.

На рисунке 2 представлена динамика ВВП Российской Федерации по данным Федеральной службы государственной статистики.

Как показано на рисунке 2, ВВП России в 2000–2022 гг. продемонстрировал положительный тренд с небольшими коррекциями в 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг., что связано в первом случае с мировым финансовым кризисом, а во втором случае – с ситуацией на Украине и введенными против России санкциями.

В таблице 2 представлена структура экспорта и импорта по странам.

Как видно из таблицы 2, в 2023 г. объем экспорта России снизился на 28,3 %, что связано с запретом вывоза из России определенных видов товаров

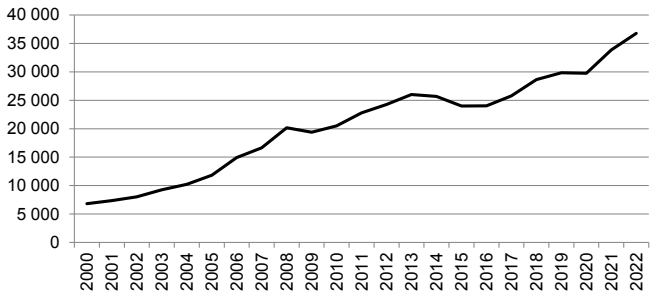


Рис. 2. ВВП России в 2000–2022 гг., млрд долл. [9]

и оборудования. Экспортные ограничения распространяются в том числе на технологическое, медицинское оборудование, сельхозтехнику, электрическую аппаратуру, турбины, ядерные реакторы, кабели волоконно-оптические, отдельные виды летательных аппаратов, аккумуляторы, станки для обработки металла. Их вывоз запрещен во все зарубежные страны, за исключением государств – членов ЕАЭС [10].

Снижение экспорта в страны Европы и Соединенные Штаты Америки в 2023 г. произошло на 68 и 40,4 % соответственно, что объясняется снижением внешнеэкономического взаимодействия с данными государствами.

Объем импорта России в 2023 г. увеличился на 11,7 %. Повышение произошло в основном за счет увеличения импорта из азиатских стран. Импорт из Европы и Америки снизился на 12,3 и 11 % соответственно. Со стороны Российской Федерации были введены ограничения на ввоз семян отдельных видов сельскохозяйственных культур из недружественных стран: семена картофеля, пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, соевых бобов, рапса, подсолнечника и сахарной свеклы [5].

В таблице 3 представлена структура внешней торговли России. Как видно из таблицы 3, основу российского экспорта составляют минеральные продукты (нефть, нефтепродукты, газ). В 2023 г. объем экспортируемых топливно-энергетических товаров снизился на 33,6 %, что объясняется введением недружественными странами эмбарго на российские нефтепродукты и газ.

Благодаря переориентации экспортных потоков на новые рынки объемы реализуемых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья не только сохранились на прежнем уровне, но и выросли.

Основой российского импорта являются машины, оборудование и другие транспортные средства. Их объем в 2023 г., несмотря на запрет вывоза из Европы в Россию, увеличился на 24,1 %. Данное повышение объясняется увеличением доли дружественных стран в экспорте автомобилей в Россию.

В таблице 4 представлены показатели внешнеэкономической безопасности России.

Таблица 2

Структура экспорта и импорта России по странам, млрд долл. [9]

	Экспорт			Импорт		
	2022 г.	2023 г.	темп роста, %	2022 г.	2023 г.	темп роста, %
Весь мир	592,5	425,1	71,7	255,3	285,1	111,7
Европа	265,6	84,9	32,0	89,5	78,5	87,7
Азия	290,4	306,6	105,6	145,2	187,5	129,2
Африка	14,8	21,2	142,9	3,1	3,4	108,6
Америка	20,5	12,2	59,6	16,8	15,0	89,0

Таблица 3

Структура экспорта и импорта товаров РФ, млрд долл. [11]

	Экспорт			Импорт		
	2022 г.	2023 г.	темп роста, %	2022 г.	2023 г.	темп роста, %
Всего	592,5	425,1	71,7	255,3	285,1	111,7
в том числе:						
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	41,3	43,1	104,3	35,8	35,1	98,3
Минеральные продукты	391,6	260,1	66,4	5,3	5,6	105,1
Продукция химической промышленности, каучук	42,0	27,2	64,8	57,1	55,7	97,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,2	0,1	62,8	1,0	1,2	122,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	14,0	9,9	70,3	3,9	3,4	86,6
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,9	1,7	93,2	15,8	19,1	121,4
Металлы и изделия из них	70,7	60,0	84,9	19,1	19,2	100,4
Машины, оборудование и транспортные средства и другие товары	30,8	22,9	74,5	117,5	145,8	124,1

Таблица 4

Показатели внешнеэкономической безопасности России в 2022–2023 гг.

Сальдо торгового баланса 2022 г.	Сальдо торгового баланса 2023 г.	Внешнеторговый оборот 2022 г.	Внешнеторговый оборот 2023 г.	Коэффициент покрытия импорта экспортом 2022 г.	Коэффициент покрытия импорта экспортом 2023 г.
337,2	140,0	847,8	710,1	2,32	1,49

Рассчитано автором на основании таблицы 3.

Как видно из таблицы 4, сальдо торгового баланса в 2022 г. положительное и равно 337,2 млрд долл. а в 2023 г. уменьшилось до 140,0 млрд долл. Снижение сальдо торгового баланса объясняется ростом импорта при существенном снижении экспортируемых товаров России.

Внешнеторговый оборот России в 2023 г. снизился незначительно: с 847,8 млрд долл. до 710,1 млрд долл., что произошло за счет быстрой смены странпартнеров в торгово-экономической сфере и развития внешнеэкономических связей в евразийском пространстве.

Следующий показатель внешнеэкономической безопасности [12, с. 321] Российской Федерации – коэффициент покрытия импорта экспортом – в 2023 г. продемонстрировал сильное снижение, тем не менее остался на уровне пороговых значений. Экспорт превышает импорт в 1,49 раза – для России характерен достаточно высокий уровень внешнеэкономической безопасности.

В заключении хотелось бы сказать, что в настоящее время идет глобальная перестройка мирового порядка и строится новый формат внешнеторговых связей. Евразийский экономический союз, куда входит Россия, становится одним из центров формирования многополярного мира.

Российская Федерация в 2022–2023 гг. столкнулась с торговой блокадой, заморозкой валютных резервов [13] и нестабильностью курса национальной валюты. Отечественные производители были вытеснены с европейских рынков, были введены запреты на ввоз российских товаров на западные рынки.

В данных условиях для сохранения национальной безопасности Правительство Российской Федерации приняло множество специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности [14; 15].

Благодаря данным мерам по итогам 2022 г. Россия сохранила за собой пятое место среди экономик мира по паритету покупательной способности.

В 2022–2023 гг. произошла переориентация экспортных и импортных каналов на дружественные страны. Все это обеспечило бесперебойное снабжние российских потребителей всеми видами продукции. Несмотря на увеличение экспорта из азиатских стран, в целом, количество стран-партнеров снизилось, что отрицательно сказалось на внешнеэкономической безопасности страны. Тем не менее данный факт нивелировался ростом технологического и экономического суверенитетов России.

Серьезную угрозу для внешнеэкономической безопасности Российской Федерации несет низкая диверсификация экспорта – страна ориентирована на экспорт природных ресурсов. Для расширения экспортируемых товаров необходимо повысить промышленное производство и развивать цифровые технологии.

Для увеличения технологического суверенитета нужно расширить субсидирование промышленных предприятий, а также принять меры для внедрения собственных цифровых технологий [16]. Перед российской промышленностью стоит вызов кратно увеличить производство высокотехнологичных изделий и выйти на новый уровень конкурентоспособности.

В условиях внешнего давления важно сохранить и нарастить возможности по перевозке грузов, поддержав трансформацию всей экономики, и проложить новые маршруты для расширения экспорта.

Для обеспечения роста внешнеэкономической безопасности необходимо расширение внешней торговли с дружественными странами, среди которых государства ЕАЭС, СНГ, страны Ближнего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

С целью нормативно-правового регулирования безопасности во внешнеэкономической деятельности необходимо сформулировать стратегию Российской Федерации в области внешнеэкономической безопасности.

Литература:

1. Retter L., Frinking E.J., Hoorens S., Lynch A., Nederveen F., Phillips W.D. Relationships between the economy and national security // RAND Corporation. – 2020. – 182 p. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4287.html
2. Буневич К.Г., Бродунов А.Н., Григорьева О.П. Внешнеэкономическая безопасность России в условиях финансовой глобализации / Под ред. к.э.н., доц. Эрнст О.А.; Моск. ун-т им. С.Ю. Витте. – М.: Изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2016. – 133 с.
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Правительство РФ. – URL: https://government.ru/news/ (дата обращения: 01.03.2024).
6. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС КонсультантПлюс.
7. Криворотов В.В., Калина А.В., Эриашвили Н.Д. Экономическая безопасность государства и регионов. учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ, 2022. – 351 с.
8. Официальный сайт Всемирного банка. – URL: https://www.vsemirnyjbank.org.ru/ (дата обращения: 01.03.2024).
9. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov..ru/statistics/ (дата обращения: 01.03.2024).
10. Евразийская экономическая комиссия – Электронный ресурс. – URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 01.03.2024).
11. Федеральная таможенная служба. – URL: https://customs.gov..ru/statistics/ (дата обращения: 01.03.2024).
12. Сенчагов В.К., Арбатов А.А., Ведев А.А. Экономическая безопасность России: Общий курс: учеб. / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: БИНОМ. ЛЗ, 2021. – 815 с.
13. Международные резервы Российской Федерации. Банк России. – URL: https:// www.cbr.ru/HD_base/mrrf/ (дата обращения: 01.03.2024).
14. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
15. Указ Президента РФ от 08.03.2022 г. № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
16. Цифровая экономика РФ. – URL: https://www.digital.gov.ru (дата обращения: 03.03.2024).

Foreign Economic Security of the Russian Federation

Kantarovich A.A.
St. Petersburg State University of Economics

Currently, Western countries are taking economic and political measures to destabilize the Russian economy, create threats and obstacles to the movement of Russian goods and capital, and freeze the accounts of Russian banks and retail investors. The transformation of economic and trade relations poses great threats and risks to the country's foreign economic security. In the context of a special military operation, issues of national security, including foreign economic security, have acquired special importance, ensuring foreign economic security has become one of Russia's national priorities. In these conditions, the topic of ensuring foreign economic security is especially relevant.

The purpose of this article is to assess the foreign economic security of the Russian Federation in the face of sanctions from unfriendly countries. To do this, the following tasks are set: to consider the theoretical and practical foundations of foreign economic security, to analyze the main indicators of foreign economic security.

The scientific significance of the work lies in determining the role of foreign economic security in the national security system of the country, strategic directions for the development of foreign economic activity of our country. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the study can be used as a basis for analytical and project activities of a specialist in foreign economic security when developing a strategy to improve foreign economic security.

Based on the results obtained, the following conclusions are drawn: in order to further strengthen Russia's foreign economic security, it is necessary to strengthen technological and economic sovereignty, expand sales channels, strengthen business and trade relations with friendly countries, and increase the share of value-added goods in exports. It is concluded that it is necessary to develop a single document in the field of foreign economic security of the Russian Federation.

Key words: foreign economic relations, national security, foreign economic security, foreign trade, export, import, sanctions

УДК 330.322.01

Теоретические подходы к классификации преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона

Квон Г.М.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

В статье рассмотрены теоретические подходы к классификации преобразующих инвестиций, реализуемых в экономическом пространстве региона. Актуальность темы исследования обусловлена, на наш взгляд, необходимостью систематизации относительно нового для российских реалий понятия «преобразующие инвестиции» с учётом их специфики. ***Цель исследования*** *заключается в создании научно-обоснованной классификации преобразующих инвестиций. Задачи исследования обусловлены поставленной целью и предусматривают формирование классификационных групп и признаков преобразующих инвестиций.* ***Научная и практическая значимость*** *работы заключается в том, что обоснованная классификация по выбранным признакам позволяет разработать определенные подходы к анализу преобразующих проектов, учету их специфики при оценке эффективности.*

Результаты проведенного исследования *предусматривают составление классификации преобразующих инвестиций на основе данных, представленных в научном дискурсе. По результатам исследования сделаны выводы, что данная классификация отражает специфику преобразующих инвестиций, заключающуюся в оказываемом ими воздействии на экономическое пространство региона и в дальнейшем может быть дополнена и расширена.* ***Научная новизна*** *работы заключается в том, что автором впервые сделана попытка классификации данного вида инвестиций, называемых также «инвестициями воздействия», которая позволяет учесть их специфику не только на микроуровне, но также на уровне субъектов РФ. На данный момент автором не найдена в научном дискурсе подобная классификация, позволяющая отразить сущностные характеристики преобразующих инвестиций.*

Ключевые слова: преобразующие инвестиции, классификация преобразующих инвестиций, регион, экономическое пространство региона

Исследование преобразующих инвестиций возможно с точки зрения различных методологических и методических подходов, позволяющих отразить их специфику, но емкой и обоснованной классификации, позволяющей охватить все сущностные характеристики, нами не найдено. Не останавливаясь на специфике и основных характеристиках преобразующих инвестиций, так как они ранее отражены автором в ряде работ, например [1; 2], а также в «классической» работе Э. Багг-Левина и Дж. Эмерсона, впервые опубликовавшим предлагаемую концепцию при поддержке фонда «Наше будущее» [3], в других работах, в разной степени отражающих те или иные аспекты «социальных» инвестиций [4–6], в данной статье рассмотрим вопросы их классификации. Классификация любого исследуемого понятия является необходимой практически для любой сферы деятельности, так как правильная группировка признаков, в нашем случае, преобразующих инвестиций, позволяет в дальнейшем разрабатывать подходы к анализу, оценке и управлению ими.

В научной литературе разработано огромное количество различных видов классификаций «традиционных» инвестиций, в которых они выделены по таким признакам, как «объект вложения капитала», «характер участия в инвестиционном процессе», «по периоду осуществления инвестиций», «по воспроизводственной направленности», «по формам собственности» и др., что нашло отражение в ранее опубликованной автором работе в составе авторского коллектива [7]. Учитывая тот факт, что преобразующие инвестиции обладают всеми характеристиками, что присущи традиционным инвестициям, можно считать, что данные классификации в целом им также подходят. Однако специфика преобразующих инвестиций требует разработки более расширенной группировки по тем признакам, которые присущи именно данному виду инвестиций. Ввиду того, что преобразующие инвестиции, по своей сути, являются инвестициями, оказывающими осознанное и измеряемое воздействие, предлагаемая автором классификация также включает данный фактор.

Предлагаемая классификация, учитывающая в том числе и зарубежные исследования, отраженные в различных статьях, руководствах, методиках [8–13], предусматривает группировку преобразующих инвестиций по следующим признакам (рис. 1).

Рассмотрим представленные группы более подробно.

1. *По целям воздействия (инвестиционным целям):*

– проведение системных изменений (в т.ч. и сдвига системы). Под системными понимаются изменения, которые направлены на устранение основных причин социальных (и экологических) проблем через стимулирование социальных (и экологических) изменений, включая и изменение корпоративного поведения;

– осознанное владение предусматривает со стороны инвесторов и владельцев активов осознание ответственности за оказываемые ими последствия (положительные и отрицательные), преднамеренное использование активов для достижения положительных результатов;

– соответствие целям устойчивого развития (ЦУР ООН) означает переориентацию инвестиций с целью обеспечения здорового будущего для населения любой экономической системы (региона, страны, планеты);

– продвижение конкретного места (а также, населения, учреждения) – здесь предусматривается поддержка импакт-инвесторами определённой территории (муниципального образования, региона или сообщества на конкретной территории); относительно населения – предусматривается улучшение условий жизни населения; относительно учреждения – предусматривается вложение инвестиций в конкретное учреждение (проекты).

2. *По темам и аспектам воздействия.*

Под темой воздействия понимается широкий спектр вопросов, это может быть конкретный сектор промышленности (вид экономической деятельности) или конкретная решаемая проблема (например, снижение социальной напряжённости). Также это могут быть вопросы изменения климата; образования; поиска новых видов энергии и ресурсов; развития социальных предприятий, сельского хозяйства, здоровья и благополучия, устойчивого развития и др. Происходит некоторое пересечение преобразующих инвестиций с концепцией циркулярной экономики и ее возможностями для инвестирования, что было рассмотрено автором ранее [14]. Здесь, на наш взгляд, можно упомянуть концепцию, получившую название «экономика пончиков» (или «спасательного пояса»), впервые представленной в работе Кейт Раворт [15]. Концепция позволяет увязать различные виды деятельности с возможностями планеты; схема «пончика» отражает социальные границы, необходимые человеку, и планетарные границы: пространство между ними

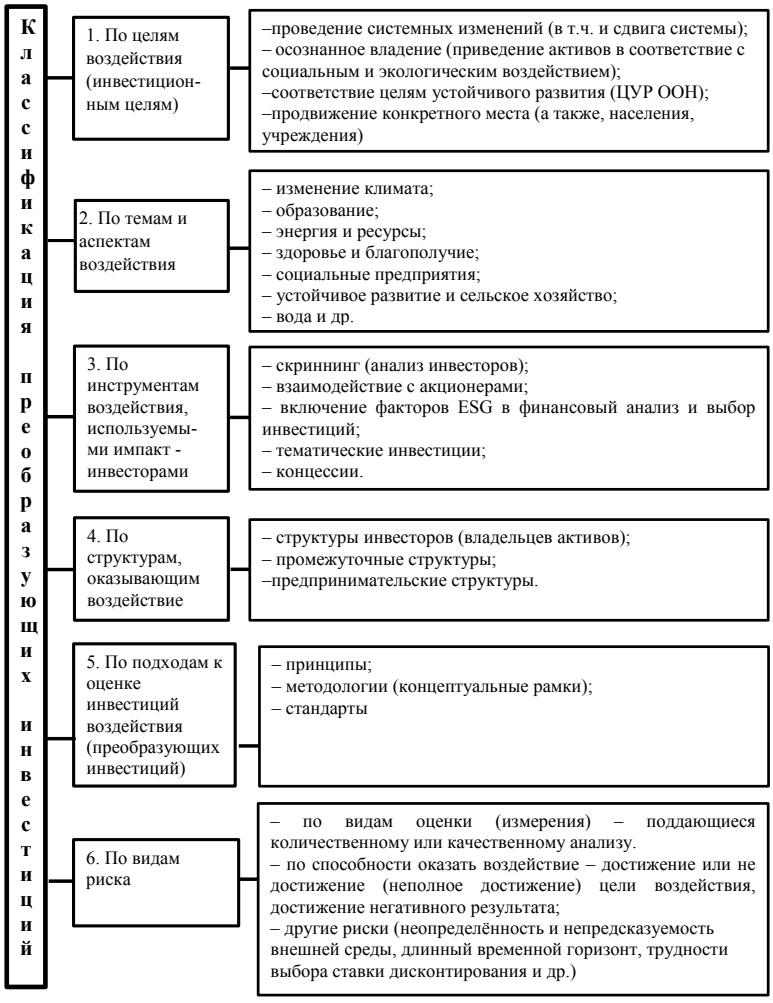


Рис. 1. Классификация преобразующих (импакт) инвестиций

является безопасным и справедливым для человека. Внешние пределы «пончика» показывают границы, за которые инвесторам нежелательно выходить (связаны с проектами, приводящими к изменению климата, химическому загрязнению, утрате биоразнообразия, загрязнению воздуха и воды и т.п.), чтобы не нарушить фундаментальное благополучие человека. Отверстие внутри «пончика» показывает долю людей, испытывающих потребность в предметах первой необходимости (вода, образование, здравоохранение), что также связывает преобразующие инвестиции с целями устойчивого развития.

3. *По инструментам воздействия, используемыми импакт-инвесторами*:

– скриннинг – используется инвесторами для отбора (включения или исключения) компаний или отраслей, соответствующих или не соответствующих ценностям инвесторов;

– «взаимодействие с акционерами – используется при анализе перспективных инвестиций и принятии решений, демонстрирует важность долгосрочных обязательств и сотрудничества» [16];

– включение факторов *ESG* в финансовый анализ и выбор инвестиций; инвесторы включают в инвестиционный портфель компании, использующие политику и практику *ESG*;

– тематические инвестиции – используются как инструмент, способствующий созданию или расширению конкретных результатов и фокусируется на инвестициях, направленных на решение одной конкретной темы воздействия;

– концессии – их цель катализировать положительное воздействие тех инвестиций, которые могли быть не задействованы, т.к. они принимают на себя более высокие риски (норма прибыли на данные инвестиции, как правило, ниже рыночной нормы).

4. *По структурам, оказывающим воздействия*:

– структуры инвесторов (владельцев активов) – они организованы в различные формы с целью обеспечения создания воздействия (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, различные фонды, в том числе и благотворительные);

– промежуточные структуры – посредники между владельцами активов и инвестируемыми предприятиями (включают различные виды инвестиционных фондов);

– предпринимательские структуры – организации, где в итоге создается финансовая и социальная ценности (акционерные общества, ООО, кооперативы, а также государственные и частные компании).

5. *По подходам к оценке инвестиций воздействия (преобразующих инвестиций), основанных на теории изменений.* Оценка (измерение) и управление воздействием (*Impact measurement and management – IMM*)[1] может быть использована как основа и предусматривает обоснование проверки достижения целей воздействия в результате реализации преобразующих инвестиций. Практика *IMM* в зависимости от анализируемого объекта (отрасли, портфеля, класса активов, инвестиций) выделяет три категории, определяющие подходы к оценке:

– принципы – общие правила и лучшие практики, которые обеспечивают общую целостность процессов и поведения, они сообщают о намерениях, но не о конкретных методах измерения;

– методологии (концептуальные рамки) – используют выбранные принципы на стратегическом уровне, далее – на практике координируются с тактическими стандартами. В качестве методологии для *IMM* могут быть использованы цели устойчивого развития ООН, а также методология *IMP (Impact Management Project's*), включающая пять аспектов воздействия;

– стандарты – основные показатели, применяемые к конкретным отраслям, секторам и темам. В качестве стандартов могут быть выбраны стандарты *IRIS+*[2] (*Impact Reporting & Investment Standards*)[3], разработанные *GIIN* (*Global Impact Investing Network*)[4], которые включают более 400 показателей по различным отраслям. Данные вопросы более подробно отражены автором в ранней работе в соавторстве с Е.Б. Дворядкиной [2].

6. *По видам риска*.

Их можно классифицировать следующим образом:

– по видам оценки (измерения): поддающиеся количественному измерению (как традиционные инвестиции) с использованием стандартных инструментов (например, расчет стандартного отклонения, возможность проведения анализа чувствительности и анализа сценария и др.); поддающиеся только качественным оценкам, здесь возможно использование подхода *IRS (Impact Risk Classification*) [17];

– по способности оказать воздействие: достижение конкретной инвестицией заявленной цели воздействия и получение результата, обеспечивающего отдачу от инвестиций; соответственно, не достижение или достижение конкретной инвестицией не в полной мере цели воздействия и не получение (или получение не в полной мере) отдачи от инвестиций; достижение конкретной инвестицией негативного результата;

– другие риски реализации преобразующих инвестиций: отсутствие доступа к источникам финансирования из-за низкой прогнозируемой финансовой доходности, не позволяющей покрыть предполагаемые риски; некотируемые компании на рынке; риск

[1] *IMM* использует инструменты финансового учета и отчетности, такие как использование рейтингов, ключевых показателей эффективности (*KPI*) и раскрытия информации.

[2] *IRIS+* это общепринятая система измерения, управления и оптимизации воздействия.

[3] *IRIS+ and the five dimensions of impact. Developed in partnership with the Impact Management Project*. – URL: https://s3.amazonaws.com/giin-web-assets/iris/assets/files/guidance/IRIS_IMPalignment_20190510.pdf

[4] *GIIN* – независимая организация (глобальная сеть инвестиций воздействия), координирующая усилия социальных инвесторов.

выбора несоответствующего направления инвестиций или отрасли; риск неадекватной оценки проекта; риск нестабильной политической ситуации; риск неразвитой инфраструктуры для реализации предпринимательской деятельности и др.

Вышеприведенная классификация является общей и зачастую не отражает особенности реализации преобразующих инвестиций на региональном уровне, кроме пунктов 2 (по темам и аспектам воздействия), 4 (по структурам, оказывающим воздействие) и 6 (по видам риска). Данные группы признаков преобразующих инвестиций и воздействия можно распространить на мезоуровень с учетом специфики исследуемых регионов. Отсутствие на законодательном уровне понятия «региональные инвестиции» также затрудняет задачу классификации региональных преобразующих проектов. Применительно к рассматриваемым инвестициям автор считает возможным предложить дополнительно к вышеприведённой классификации следующие группы признаков, отражающих региональные особенности реализации преобразующих инвестиционных проектов:

– по месту региона в рейтинге инвестиционной привлекательности, обеспечивающие учет потенциала реализации проектов (в разрезе различных видов потенциала) и соответствующих видов риска: проекты, реализуемые в регионах с высоким рейтингом инвестиционной привлекательности, средним и низким;

– по ресурсной составляющей региона, позволяющей реализовать инвестиционные проекты с меньшим уровнем затрат, а также по их масштабности: единичные преобразующие проекты (на уровне отдельной организации) и комплексные проекты, учитывающие ресурсный потенциал региона (обеспеченность ресурсами, их расположение, близость к поставщикам сырья, покупателям продуктов и социальных услуг;

– по объектам региональных преобразующих проектов (предлагается рассмотреть объекты инфраструктуры и социальную сферу) с более предпочтительным учетом индекса развития инфраструктуры в социальной сфере и потребности в инвестировании[5];

– по методам управления комплексными региональными проектами [18], которые предусматривают следующие методы: обеспечивающие достижение приоритетов региона в социально-экономическом развитии; направленные на создание благоприятных условий реализации проектов; мобилизации источников финансирования региональных инвестиционных проектов.

Территориальный аспект рисков преобразующих инвестиций может быть дополнен в классификации следующими рисками:

– риски нарушения циклов реализации преобразующих проектов в случае переманивания ресурсов на их реализацию из стабильно функционирующих отраслей в регионе, снижение выпуска продукции (услуг) в последних при реализации преобразующих проектов в случае нехватки ресурсов;

– риски для местных поставщиков ресурсов, в случае отказа от них при реализации преобразующих проектов;

– риски несовпадения ожиданий местного населения от участия в проекте в случае небольших объемов выпуска.

Таким образом, в статье сделана попытка представить классификацию преобразующих инвестиций, направленных на решение актуальных социальных и экологических проблем. Она отражает различные аспекты преобразующего инвестирования с учетом его специфики, заключающейся в оказании воздействия; к ним относятся цели, темы, инструменты и структуры воздействия, подходы к оценке и учет рисков. Обоснованная классификация преобразующих инвестиций по выбранным признакам позволяет разработать определенные подходы к анализу преобразующих проектов, оценке их эффективности с учетом воздействия, обоснованию и оценке рисков при их реализации. Данная классификация при дальнейшем развитии концепции преобразующего инвестирования может быть дополнена другими признаками.

Литература:

1. Анимица Е.Г., Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. Преобразующие инвестиции – мейнстрим развития региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2020. – № 4 (83). – С. 83–95.
2. Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. О сущностно-содержательных характеристиках преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 2. – С. 7–10.
3. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. – М.: Полит. энцикл., 2017. – 271 с.
4. Денисов С.А., Джазовская И.Н. Выявление сущностных признаков понятия «Преобразующее инвестирование» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 199–206.

[5] Индекс рассчитывается в России с 2018 г. группой компаний *InfraOne* по 7 отраслям.

5. Романова О.А., Матвеева Я.А. Конкурентные преимущества промышленных предприятий в контексте социальной ответственности и импакт-инвестирования // Журнал экономической теории. – 2017. – № 2. – С. 96–110.
6. Social impact investment: the impact imperative for sustainable development. Highlights. – URL: https://static.investindia.gov.in/s3fs-public/2019-11/Social-Impact-Investment-2019.pdf
7. Региональная экономика: курс лекций / Кол. авт.; под общ. ред. Я.П. Силина, Е.Г. Анимицы; предисл. В.П. Чичканова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – 417 с.
8. Calandro Jr. Joseph, Impact Investment and Risk Management: Overview and Approach ACRN // Oxford Journal of Finance and Risk Perspectives. – 2016. –Vol. 5. – Iss. 3.– P. 46–60.
9. Core Characteristics of Impact Investing (2019) Global impact investing network. – URL: https://thegiin.org/assets/Core%20Characteristics_webfile.pdf
10. Farayibi A.O. The Impact of Risk on Investment Decision // Nigeria Research Journal of Finance and Accounting. – 2015. – Vol. 6, № 23. – P. 52–59.
11. Guide to classifying the impact of investments. – URL: https://impactmanagementproject.com/investor/new-guide-to-mapping-the-impact-of-investments/.
12. Hemerijck A. The Uses of Social Investment The Uses of Social Investment. – URL: https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2018/11/The-Uses-of-Social-Investment.pdf.
13. Godeke S., Briaud P. Impact Investing Handbook An Implementation. – URL: https://www.rockpa.org/wp-content/uploads/2020/10/RPA-Impact-Investing-Handbook-1.pdf.
14. Квон Г.М. Социальные эффекты преобразующих инвестиций в модели циркулярной экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 4. – С. 31–34.
15. Raworth K. A Safe and Just Space for Humanity: Can We Live within the Doughnut? – URL: https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-a-safe-and-just-space-for-humanity-130212-en_5.pdf
16. Квон Г.М. Оценка социального воздействия преобразующих инвестиций: проблемы и подходы // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 4.– С. 24–28.
17. Lomax P., Rotheroe A., Kenley A. Impact Risk Classification (IRC) Assessing the Impact Practice of Impact Investments, KL Felicitas. – URL: https://www.thinknpc.org/wp-content/uploads/2018/07/Assessing-the-impact-practices-of-impact-investments.pdf.
18. Малышев Д.П. Теоретико-методические аспекты управления региональными инвестиционными проектами // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономические и технические науки. – 2012. – № 1. – С. 38–48.

Theoretical Approaches to Classifying Transformative Investments in the Economic Space of the Region

Kvon G.M.
Ural State Economic University (Yekaterinburg)

The article considers theoretical approaches to the classification of transformative investments implemented in the economic space of the region. The relevance of the research topic is due, in our opinion, to the need to systematize the relatively new concept of "transformative investments" for Russian realities, taking into account their specifics.The purpose of the study is to create a scientifically based classification of transformative investments. The objectives of the study are determined by the set goal and provide for the formation of classification groups and signs of transformative investments.The scientific and practical significance of the work lies in the fact that a reasonable classification according to the selected criteria allows us to develop certain approaches to the analysis of transformative projects, taking into account their specifics when evaluating effectiveness.

The results of the conducted research provide for the compilation of a classification of transformative investments based on the data presented in scientific discourse. Based on the results of the study, it was concluded that this classification reflects the specifics of transformative investments, which consist in their impact on the economic space of the region and can be further supplemented and expanded. The scientific novelty of the work lies in the fact that the author for the first time made an attempt to classify this type of investment, also called "impact investments", which allows taking into account their specifics not only at the micro level, but also at the level of the subjects of the Russian Federation. At the moment, the author has not found such a classification in scientific discourse that allows reflecting the essential characteristics of transformative investments.

Key words: transformative investments, classification of transformative investments, region, regional economic space

УДК 332.01

Внутренний контроль коммерческой организации: организационно-методический концепт

Короткова А.В.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

В сложившейся геополитической ситуации возрастает значение контрольных функций хозяйствующих субъектов. Внутренний контроль необходим для достижения устойчивого экономического роста организаций, защищенности от воздействия угроз и предпринимательских рисков. В рамках поставленной цели, связанной с развитием внутреннего контроля коммерческих организаций, в статье рассмотрены сущностные характеристики внутреннего контроля, функции и состав его нормативно-методического обеспечения. Концептуально определен набор информации (вектор целей), необходимый для точной постановки и решения запланированных задач стратегического развития. Ценность организационно-методического концепта внутреннего контроля связана с возможностью его дальнейшего поэтапного развития в системе мониторинга.

Ключевые слова: внутренний контроль, методическое обеспечение, функции, набор целей, мониторинг

Качество и эффективность работы внутреннего контроля коммерческой организации во многом зависят от методического обеспечения. Исследование проблемы определено потребностью коммерческих организаций в создании современной и более технологичной системы внутреннего контроля в целях эффективного развития бизнеса. В свою очередь, организация эффективного внутреннего контроля коммерческой организации возможна при четком определении сущности, задач и проблем внутреннего контроля.

Теоретической основой исследования послужили научные разработки и труды специалистов и ученых в области управленческого учета и внутреннего контроля, таких как А. Апчерч, И.В. Аверчев, М.А. Азарская, К. Друри, М.И. Кутер, Я.В. Соколов, В.И. Ткач, М.В. Мельник, С.В. Панкова, В.И. Подольский, Н.Н. Хахонова и многих др.

В работе исследованы принципы и функции службы внутреннего контроля, включая мониторинг адекватности и эффективности системы внутреннего контроля. Автор отмечает, что объем и цели внутреннего контроля в каждом исследовании различны, их вариативность зависят от размера и структуры хозяйствующего субъекта, требований руководства и стратегических целей развития организации. Между тем остается еще множество нерешенных вопросов организационного и технологического характера.

К важнейшим функциям внутреннего контроля следует отнести:

– мониторинг эффективности процедур внутреннего контроля. На службу внутреннего контроля возлагаются обязанности по проверке систем учета, отчетности, анализа, мониторингу эффективности их функционирования, что позволяет в постоянном режиме представлять рекомендаций по совершенствованию системы внутреннего контроля;

– исследование финансовой и управленческой информации. Оно включает обзорную проверку средств и способов, используемых для сбора, измерения, классификации этой информации и составления отчетности на ее основе, а также специфические запросы в отношении отдельных ее составляющих частей, в том числе детальное тестирование операций, остатков по счетам бухгалтерского учета и других процедур;

– оценку экономности, эффективности и результативности внутреннего контроля, включая нефинансовые средства контроля аудируемого лица;

– контроль за соблюдением действующего законодательства, нормативных актов, а также внутренней политики (стандартов), директив и прочих внутренних требований руководства.

Состав нормативно-методического обеспечения внутреннего контроля представлен на рисунке 1.

Основным регулирующим актом, безусловно, является Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. от 12.12.2023 г.) (далее – Закон № 402-ФЗ), в котором прописано обязательное требование «организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни» [1, ст. 19]. На организацию внутреннего контроля оказывает влияние обновленная Законом № 402-ФЗ система регулирования бухгалтерского учета, подчиненная общим принципам регулирования и требованиям нормативной базы, состоящей из: федеральных и отраслевых стандартов бухгалтерского учета, нормативных актов Центрального банка РФ, рекомендаций в области бухгалтерского учета и стандартов экономического субъекта.

Если международные стандарты рассматриваются как основа разработки для федеральных и отраслевых стандартов бухгалтерского учета, то принципами регулирования предусмотрены «единство системы требований к бухгалтерскому учету и обеспечение условий для единообразного применения федеральных и отраслевых стандартов» [1, ст. 20].

Каждая организация самостоятельно определяет выбор целей своего стратегического управления, согласно которым на каждом этапе развития бизнеса планируются: эффективное использование ресурсов, получение прибыли, вложение инвестиций в новые проекты и т.д.

Поскольку контроль относится к функциям управления, следует отметить, что для точной постановки и решения каждой из запланированных целей необходим определенный набор информации (вектор целей), определяемый согласно Достаточно общей теории управления (ДОТУ) всегда в трех вариантах (табл. 1).

Соотношение информации в перечисленных в таблице векторах является адекватным конкретному режиму управления: нормальному, допустимому или аварийному. Важно отметить, что ключевым понятием теории ДОТУ является «устойчивость объекта в смысле предсказуемости поведения в определенной мере под воздействием внешней среды, внутренних изменений и управления; или, если коротко, – устойчивость по предсказуемости. Управление в принципе невозможно, если поведение объекта не предсказуемо в достаточной для этого мере» [2, с.19].

Таблица 1

Характеристики векторов целей управления

Наименование вектора целей	Характеристика
Единый вектор целей управления	– отражает идеальный режим функционирования поведения объекта; – строится как иерархически упорядоченное множество частных целей управления, которые должны быть реализованы в случае идеального (безошибочного) управления; – порядок следования частных целей – обратный порядку последовательно осуществляемых отказов от каждой из них (в случаях невозможности осуществления всей совокупности целей)
Вектор текущего состояния контрольных параметров (вектор состояния)	– включает описание реального поведения объекта по параметрам, входящим в вектор целей; – представляет собой упорядоченное множество информационных модулей, описывающих параметры объекта, соответствующие частным целям управления; – упорядоченность информационных модулей в «векторе состояния» повторяет иерархию «вектора целей»
Вектор ошибки управления	– представляет собой «разность»: «вектор целей» – «вектор состояния»; – описывает отклонение реального процесса от предписанного «вектором целей» идеального режима и несёт в себе некоторую неопределённость; – является, по сути, перечнем неудовлетворенных желаний соответственно перечню «вектора целей» с оценками степени неудовлетворённости каждого из них либо с оценками соизмеримых друг с другом уровней и т.д.

Рис. 1. Состав нормативно-методического обеспечения внутреннего контроля организации

Внутренний контроль представляется нам тем самым инструментом управления устойчивостью по предсказуемости. С позиции теории ДОТУ, объекты контроля, не обладающие устойчивостью в смысле предсказуемости, не поддаются управлению, поскольку их поведение под воздействием внешней среды может носить непредсказуемый характер.

Устойчивое развитие рассматривается не просто как экономическая категория, а представляет собой научное направление, отражаемое в исследованиях последних лет наряду с управлением и, в том числе, управлением деятельностью по обеспечению экономической

безопасности. Анализ научных подходов свидетельствует, что концепт устойчивого развития базируется на экономическом росте, связан с безопасностью, играет решающую роль в инновационной экономике и является решающим фактором в достижении нового уровня технологического развития. В этой связи научный подход к устойчивому развитию организационно связан с мониторингом – «процессом непрерывного контроля эффективного функционирования и устойчивого развития социально-экономических систем, включающим сбор данных, отслеживающих динамику изменения состояния системы и выявление тенденций ее развития. Он базируется на научной методологии достижения эффективности в рамках экономического контроля, комплексно-системном анализе, планировании и прогнозировании, менеджменте, маркетинге, информационных технологиях» [3, с. 223].

Основными задачами внутреннего контроля в такой организационной схеме мониторинга устойчивого развития для конкретной организации будут являться:

– систематическое обследование состояния организации, его производственного, ресурсного, кадрового, финансового потенциалов;

– анализ функционирования подразделений и служб организации в рамках составленных для них регламентов и внутрифирменных стандартов;

– оперативная диагностика рисков устойчивого развития;

– формирование информационных баз данных для наблюдения за объектами контроля, в том числе на основе цифровых платформ.

Каждый хозяйствующий субъект вправе разработать индивидуальную систему мониторинга для контроля за устойчивым развитием, поведением объектов контроля в процессе хозяйственной деятельности организации. Процесс разработки системы мониторинга для контроля за устойчивым развитием организации можно представить поэтапным:

– на первом этапе осуществляется выбор методов, создается формализованный вид организационной схемы мониторинга. Основной критерий – полнота и достоверность отбираемой для анализа информации. Сопутствующая этапу задача – проведение оперативного контроля и прогнозирования угроз устойчивому развитию;

– на втором этапе определяется конкретный набор показателей устойчивого развития, осуществляется их нормирование, определяются предельные контрольные значения. Основной критерий – информационное обеспечение мониторинга. Сопутствующая этапу комплексная задача – поиск источников информации, организация сбора, накопления, хранения, обработки, защиты и анализа информации с использованием передовых информационных технологий, цифровых баз данных;

– на третьем этапе осуществляется непосредственное внедрение системы мониторинга в систему управления организации и разрабатываются рекомендации (внутренние стандарты), направленные на повышение ее устойчивого и безопасного развития.

По характеру организационно-методический концепт мониторинга может представлять собой:

– статическую модель и использоваться для проведения сравнительного анализа с аналогичными хозяйствующими субъектами-конкурентами либо партнерами;

– динамическую модель, использование которой позволяет дать оценку информации об изменениях базового и текущего периода, определить тенденции и направления устойчивого развития, прогнозировать показатели устойчивости на предстоящие периоды;

– диагностическую модель, позволяющую оперативно выявлять отклонения в наиболее значимых объектах управления и контроля, определять риски (и/или) угрозы устойчивому и безопасному развитию организации.

Такой концепт развития мониторинга контроля устойчивого развития является новым направлением в совершенствовании систем внутреннего контроля организаций, ориентирован на использование широкого спектра учетной и оперативной информации, новые технологии и цифровую обработку.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 12.12.2023 г. № 579-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
2. Достаточно общая теория управления – М.: Концептуал, 2018. – 464 с.
3. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: «Анкил», 2013. – 688 с.
4. Жарылгасова Б.Т., Суглобов А.Е. Международные стандарты аудита: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2017. – 400 с.

5. Короткова А.В. Административный контроль: учеб. пособие. – Йошкар-Ола: Поволжский гос. технол. ун-тет, 2020. – 112 с.
6. Бобошко В.И., Миронова О.А., Миронов А.А. Концепция формирования и развития учетно-аналитической информации в условиях пространственного развития экономики России // Инновационное развитие экономики. – 2022. – № 5 (71). – С. 225–230.
7. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 407 с.

Internal Control of a Commercial Organization: Organizational and Methodological Concept

Korotkova A.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

In the current geopolitical situation, the importance of the control functions of business entities is increasing. Internal control is necessary to achieve sustainable economic growth of organizations, protection from threats and business risks. Within the framework of the set goal related to the development of internal control of commercial organizations, the article examines the essential characteristics of internal control, the functions and composition of its regulatory and methodological support. The set of information (vector of goals) necessary for accurately setting and solving planned strategic development tasks has been conceptually defined.

The value of the organizational and methodological concept of internal control is associated with the possibility of its further stage-by-stage development in the monitoring system.

Key words: internal control, methodological support, functions, set of goals, monitoring

УДК 336.14

Состояние и перспективы использования китайского юаня в валютной структуре Фонда национального благосостояния

Кочетков Н.Д.
Стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Высокий уровень санкционного давления, экономическая фрагментация и перестройка мирохозяйственных связей вынуждают менять стратегию инвестирования и выбор финансовых активов государственных суверенных фондов для решения приоритетных задач.

Цель исследования – оценить целесообразность увеличения доли китайского юаня в валютной структуре Фонда национального благосостояния (ФНБ) с учетом тенденций юанизации международных расчетов, перспектив российско-китайских экономических отношений, международного опыта управления ликвидными активами суверенных фондов. В исследовании рассмотрены факторы интеграции китайского юаня в международную валютную систему, потенциал использования в международных расчётах и в рамках экономического сотрудничества России и Китая, стран БРИКС и ШОС.

На основе проведенной оценки динамики и влияния валютной структуры ФНБ на переоценку его активов, представлены рекомендации о возможности использования китайского юаня в целях формирования ФНБ в среднесрочной перспективе, а также иных валют «дружественных стран». Научная новизна обусловлена комплексной оценкой состояния и перспектив использования китайского юаня в валютной структуре ФНБ в условиях вызовов, стоящих перед российской экономикой. Результаты исследования могут быть практически использованы в разработке стратегии управления ФНБ, а также в дальнейших научных изысканиях по вопросам формирования валютных резервов суверенных фондов.

Ключевые слова: китайский юань, суверенные фонды, валютная структура ФНБ, международные расчеты, БРИКС, ШОС

Формирование в отдельных странах избыточных резервов, обусловленных, как правило, сверхдоходами от природных ресурсов или положительным сальдо торгового баланса, связано с созданием суверенных фондов. В условиях макроэкономической нестабильности, кризисных явлений в экономике активы суверенных фондов имеют стратегическое значение. Простой корректировки механизма формирования суверенных фондов (бюджетного правила) недостаточно, необходима новая стратегия в выборе финансовых активов и инвестирования.

Российский Фонд национального благосостояния (ФНБ) с начала 2023 г. вместе с модификацией и возобновлением «бюджетного правила» в части дополнительных (недополученных) нефтегазовых доходов федерального бюджета изменил нормативную структуру ликвидных активов. Новая структура активов ФНБ представляет пропорцию «до 60 % – китайские юани, до 40 % – безналичное золото», тем самым исключающая валюты «недружественных стран» (доллары США, японские иены, фунты стерлингов, евро) [1]. Указанное решение во многом

представляется безальтернативным и обусловленным необходимостью «разворота на Восток», повышением устойчивости национальной экономики. Несмотря на это, сохраняются риски сокращения объема активов ФНБ в краткосрочной перспективе. Вместе с тем ещё в 2021 г. отмечалась необходимость диверсификации валютной структуры ФНБ и снижения зависимости от одной валюты [2].

Целью исследования является оценка целесообразности увеличения доли китайского юаня в структуре валютных резервов ФНБ.

На первом этапе с помощью системного анализа описана эволюция интеграции китайского юаня в международную финансовую систему, представлены факторы, ограничивающие конвертируемость китайского юаня.

На втором этапе проанализированы особенности внешнеполитических и внешнеэкономических отношений между Китаем, Россией, США и другими странами, непосредственно влияющие на формирование финансовых активов.

На третьем этапе оценены структура ФНБ, динамика курса китайского юаня и доллара США, их корреляционная зависимость.

Выбор периода анализа – 2017–2023 гг. – обусловлен логикой выделения основных этапов: до отказа от доллара; между отказом от доллара и отказом от других «недружественных валют»; после отказа от «недружественных валют» и установление новой нормативной структуры ликвидных активов ФНБ.

На четвёртом этапе на основе полученных в исследовании результатов, экспертных оценок и декомпозиции международного опыта разработаны авторские рекомендации о возможности использования китайского юаня в целях формирования ФНБ в среднесрочной перспективе.

Источниками данных для расчётов послужили международные официальные источники информации о суверенных фондах, официальные статистические данные Минфина России, а также данные Банка России.

По прогнозам Всемирного банка и МВФ, к 2024 г. четыре из пяти крупнейших экономик мира будут азиатскими: Китай, Индия, Япония и Индонезия, что придаст дополнительный импульс интереса инвесторов к китайскому рынку по мере восстановления экономического роста после ковидных ограничений [3; 4]. В 2023 г. юань вошёл в пятёрку самых используемых в международных расчётах валют с долей 2,2 % [5].

На интеграцию китайского юаня в международную валютную систему повлияло несколько факторов. Во-первых, глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., одним из последствий которого являлось снижение доверия к надёжности доллароцентричной международной финансовой системы. Во-вторых, рост масштабов китайской экономики, которая по объему ВВП, по паритету покупательной способности превышает показатели США как крупнейшей экономики и показывает более высокие темпы роста ВВП [6]. Эксперты МВФ прогнозировали, что в 2023 г. китайская экономика вырастет на 5,4 %, что отражает восстановление после *COVID*. Но ожидается, что в 2024 г. рост замедлится до 4,6 % (рис. 1).

В-третьих, расширение торговых отношений со странами Африки и Ближнего Востока. Так, Саудовская Аравия планирует полностью перейти на расчёты в юанях в торговле с Китаем. Это подтверждается выводами МВФ о сокращении центральным банками многих стран доли доллара в пользу юаня на двадцатилетнем горизонте [7].

В-четвертых, важная роль в распространении влияния юаня в международных расчётах принадлежит таким интеграционным объединениям, как ШОС и БРИКС, которые осуществляют политику перевода взаимных расчётов в национальную валюту стран-участниц [8].

Странами группы ШОС были заключены двусторонние соглашения о валютном свопе с Китаем в 2011–2020 гг. и разработана «дорожная карта» по расширению торговли в местных валютах в 2022 г. По мнению экспертов Евразийского фонда стабилизации и развития, члены и наблюдатели ШОС могут быть первыми, кто предпримет шаги по диверсификации резервов, сокращению в них доллара и внедрению новых инструментов накопления [9].

Объединение БРИКС имеет высокий потенциал к расширению и потребность в создании новой альтернативной доллару денежной единицы. Присоединение новых стран (БРИКС+) способно сделать этот союз не только лидером на рынке сырьевых ресурсов, но и в финансово-экономических расчетах. На сегодняшний день в БРИКС консенсус достигнут на наращивании расчётов в национальных валютах, где доминирующую роль играет китайский юань, так как именно с Китаем связаны наибольшие потоки международных финансово-торговых операций в рамках объединения [10].

В-пятых, несмотря на низкий уровень взаимопроникновения прямых инвестиций между Россией

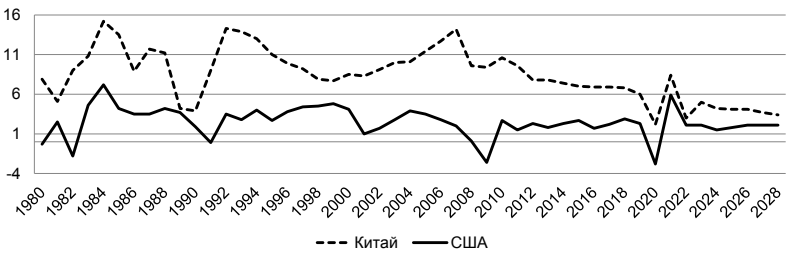


Рис. 1. Реальный рост ВВП Китая и США, %

Источник: составлено автором на основе *World Economic Outlook* [6].

и Китаем, в 2022–2023 гг. заложен фундамент для расширения такого сотрудничества, в том числе в энергетическом секторе, который на протяжении нескольких лет является одним из приоритетов для Китая в части недорогих источников энергоносителей для развития экономики, а для России – в части альтернативного рынка сбыта энергоносителей в условиях санкций. В январе 2023 г. экспорт нефти в Китай достиг рекордного объёма – 2,1 млн баррелей в сутки [11]. Одновременно с этим растёт общий товарооборот: в 2022 г. общий товарооборот России и Китая вырос на 30 % по сравнению с 2021 г., в первом квартале 2023 г. увеличение составило 38,7 % к первому кварталу 2022 года [12]. По итогам 2023 г. товарооборот между странами может превысить 200 млрд долл.

Однако следует учитывать ряд системных особенностей экономического уклада и финансового регулирования, сложившегося в Китае, которые ограничивают использование юаня в международных расчётах и его свободную конвертируемость. Так, на протяжении многих лет с целью поддержки экспорта и привлечения дополнительных инвестиций китайское правительство искусственно занижает курс китайского юаня по отношению к доллару США, по оценкам, на 20–25 %, что ограничивает долю юаня [13]. Ряд исследователей считает, что юань не может сравниться с уровнем доверия и надёжности доллара и других международных резервных валют в трёх важнейших аспектах: стабильность, ликвидность и безопасность [14].

Выделенные факторы определяют преимущества и недостатки использования юаня в международных расчётах. В числе преимуществ: снижение зависимости от рисков использования доллара и зависимых валют, а также стратегическое партнёрство России и Китая. Недостатками являются низкий уровень влияния России на национальную экономику Китая, жёсткое регулирование китайского юаня со стороны национальных монетарных властей, а также риски, связанные с вектором внешней политики Китая.

Использование любой валюты в формировании ФНБ должно учитывать принцип стабильности, то есть минимальных рисков потерь вложения финансовых ресурсов в течение нескольких лет. Несмотря на отдельные аналитические оценки, определяющие как наиболее стабильные валюты в 2023 г. швейцарский франк, норвежскую крону, сингапурский доллар, а также классические резервные валюты – доллар США, евро и японскую иену, очевидно, что данный подход требует корректировки с учетом санкционных ограничений и трансформации мирохозяйственных связей.

Для России, кроме юаня, стабильными являются такие валюты, как дирхам ОАЭ, турецкая лира, гонконгский доллар, белорусский рубль, казахский тенге, южноафриканский рэнд, армянский драм и узбекский сум, а также египетский фунт (валюты «дружественных» стран). Эксперты называют такие валюты «мягкими» (иначе говоря – «валюты второго эшелона»), так как они не полностью или частично конвертируемы, а также подвержены относительно большим колебаниям из-за экономических и политических факторов [15].

Нормативная валютная структура ФНБ представлена на рисунке 2.

В рассматриваемом периоде Минфин России диверсифицировал валютные активы ФНБ, в связи с чем валютная структура к 2021 г. была значительно расширена. Но несмотря на положительную курсовую разницу в 2020 г., произошел отказ от доллара в валютной структуре. Вместе с тем диверсифицированная валютная структура ФНБ без доллара в начале 2022 г. не позволила избежать образования отрицательной курсовой разницы в сумме более 4,75 трлн руб. во втором квартале 2022 г.

Результаты переоценки активов ФНБ в иностранной валюте и золоте представлены на рисунке 3.

В 2022 г. были исключены валюты «недружественных» стран в пользу китайского юаня и золота. Использование юаня и золота в конце 2022 г. и 2023 г. позволило зафиксировать значительную положительную курсовую разницу, возникшую в связи с ослаблением курса рубля. Динамика курсов доллара и юаня к рублю представлена на рисунке 4.

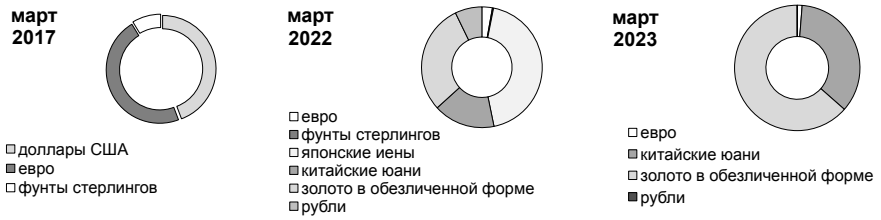


Рис. 2. Валютная структура ФНБ в динамике, %

Источник: составлено автором на основе данных Минфина России [16].

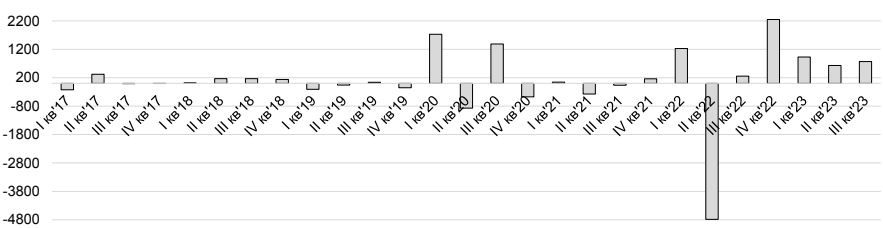


Рис. 3. Курсовая разница от переоценки активов в иностранной валюте и золота в динамике, млрд руб.

Источник: составлено автором на основе данных Минфина России [16].

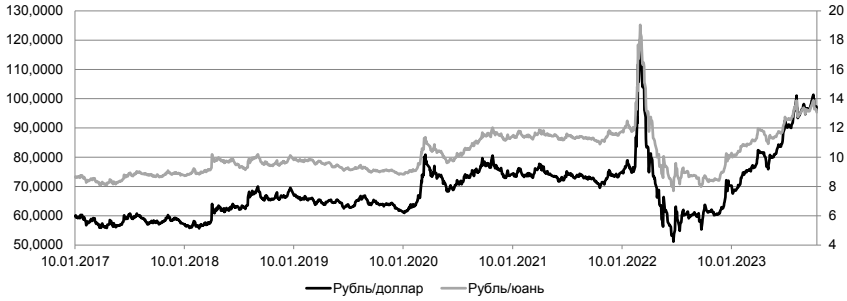


Рис. 4. Динамика курса валют к рублю 2017–2023 гг., руб.

Источник: составлено автором на основе данных Банка России [17].

Данные показывают высокую зависимость курсов иностранных валют друг от друга, в том числе в период кризисных ситуаций, а также устойчивую траекторию их укрепления по отношению к рублю с середины 2022 г., что оказало влияние на переоценку ликвидных активов ФНБ.

Корреляционный анализ показал, что на всём рассматриваемом промежутке времени зависимость курсов составила 95,56 %. При оценке меньших временных интервалов с 2022 г. – 96,18 %, в 2023 г. – 99,47 %.

Обращаясь к международной практике управления суверенными фондами, следует отметить, что, как правило, ликвидная часть фондов состоит из акций надёжных компаний, также в портфеле может присутствовать золото. Нормативно установленная валютная структура также встречается в международной практике управления суверенными фондами.

Например, инвестиционный портфель Государственного нефтяного фонда Азербайджана нормативно установлен в пропорциях: 50 % – активы в долларах США, 40 % – в евро, 5 % – фунтах стерлингов, остальные 5 % могут размещаться в активах, выраженных в валютах стран, входящих в группу стран Большой семерки, Европейского валютного союза, в национальных валютах России и Турции, а также стран с высоким кредитным рейтингом [18].

Суверенный фонд Казахстана «Самрук-Казына» размещает свои ликвидные средства, выраженные в финансовых активах, денежных средствах и их эквивалентах преимущественно в долларах США (до 50 %), национальной валюте Казахстана (48 %) и прочих валютах (2 %) [19].

Сингапурский суверенный фонд благосостояния вместе с холдингом «Тамасек» в 2022 г. отдавал предпочтения индийским акциям [3]. На инвестиционные решения повлияли геополитические потрясения, в том числе китайско-тайваньский вопрос, вследствие чего активность операций с китайскими акциями и их стоимость, номинированных в юанях, принадлежащих суверенным инвесторам, значительно снизились.

По итогам 2022 г. только Суверенный фонд Абу-Даби (*ADIA*) и крупнейший Норвежский суверенный фонд (*NBIM*) являлись единственными суверенными инвесторами, владеющими акциями, выраженными в юанях, на сумму более 1 млрд долл. США [3]. Несмотря на это, управляющими *ADIA*, а также экспертами *SWF Global* отмечалось, что на региональном уровне Китай, вероятно, станет ключевым объектом внимания в 2023 г.

В настоящий момент происходит активная интеграция китайского юаня в систему международных финансово-экономических отношений. Особенно это актуально для России с учётом политики «разворота на Восток» и «дружественных» отношений с Китаем. При этом использование юаня имеет ряд ограничений, которые не позволяют в полной мере реализовать его потенциал, в том числе жёсткое государственное регулирование обменного курса и, как следствие, его ограниченная валютная конвертируемость.

Несмотря на мнение экспертов о том, что динамика курса китайского юаня постепенно избавляется от влияния динамики доллара, в краткосрочном ретроспективном периоде (с 2017 по 2023 гг.) для российского рубля наблюдается практически идентичная зависимость от указанных валют. Постепенный рост курса китайского юаня в корреляции с курсом доллара США по отношению к рублю создаёт предпосылки для формирования доверия к стабильности китайского юаня по отношению к доллару США. Вместе с тем следует учитывать оценки аналитиков, которые считают китайский юань лучшей из «дружественных» валют.

Валютная структура ФНБ является важным компонентом изменения совокупной стоимости его активов. Проведенный анализ показал, что формирование ФНБ в диверсифицированной плоскости на основе общепризнанных стабильных валют не позволило избежать больших потерь в период макроэкономической турбулентности. Что отражает обоснованность решения о формирование ликвидной части ФНБ в китайском юане.

При формировании и использовании валютных активов ФНБ необходимо руководствоваться, в том числе, сложившимся механизмом аккумуляции финансовых ресурсов, который будет нацелен на структурную трансформацию российской экономики и увеличение её финансового потенциала. Создание условий поддержания и укрепления финансовой устойчивости ФНБ является одним из приоритетных направлений деятельности по управлению суверенными активами государства. В связи с этим следует совершенствовать подходы в рамках динамично меняющегося состояния внешнеполитических и внешнеэкономических условий.

Вместе с тем следует учитывать международный опыт и существенно диверсифицировать ликвид-

ную структуру ФНБ, в том числе посредством инвестирования активов в невалютные финансовые инструменты, такие как акции устойчивых компаний «дружественных» государств.

Указанные вопросы особенно актуальны, когда США и их союзники заявляют о возможности конфискации суверенных активов Банка России в своих юрисдикциях после их заморозки в 2022 г. [20], что имеет непредсказуемые юридические и экономические последствия, снижая доверие к резервным валютам развитых стран.

В этих условиях можно ожидать изменения инвестиционных стратегий суверенных фондов в пользу накопления золота и активов в нетрадиционных резервных валютах, включая юань, возможно, стейблкоинов, и использования ресурсов суверенных фондов во внутренних инвестиционных целях.

Китайский юань в рамках формирования ликвидной части ФНБ в действительности является наиболее привлекательной валютой для России. Однако, с учётом ограничений и рисков слабой диверсификации валютной структуры целесообразным было бы рассмотреть возможность выделения отдельного норматива для таких валют, как дирхам ОАЭ, гонконгский доллар, египетский фунт, а также валюты стран СНГ и высоколиквидные акции устойчивых компаний указанных государств, что также позволило бы способствовать укреплению «дружественных» отношений со странами, чьи валюты вызвали бы дополнительное внимание в рамках инвестирования средств ФНБ и нарастить влияние российского финансового рынка, интегрировав его в международный «дружественный» финансовый рынок в противопоставление «недружественному».

При этом доля указанных валют может быть представлена в рамках норматива «до 10 %» (экспертная оценка), так как их применение будет экспериментальным и не должно создать дополнительных рисков финансовой устойчивости ФНБ. Одновременно «иные валюты» могут быть динамичны в рамках определённого норматива, то есть квота каждой «иной» валюты не обязательна к чёткому закреплению, что создаст возможность оперативного манёвра в динамично меняющихся условиях.

Дополнительно, опираясь на передовой международный опыт управления суверенными фондами, следует указать на рекомендацию по разработке стратегии управления ФНБ в целом и ликвидными активами, в частности, которая, в том числе, должна включать комплексный анализ внутренних и внешних условий функционирования фонда, а также содержать «встроенные» контрциклические механизмы, защищающие от резких курсовых колебаний.

Научный руководитель: Демидова С.Е. – кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Литература:

1. О новой нормативной структуре средств Фонда национального благосостояния в иностранной валюте и золоте // Минфин России. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38327 (дата обращения: 20.05.2023).
2. Деньги – дело наживное: из чего теперь будет состоять ФНБ // Известия. – URL: https://iz.ru/1449101/sofia-smirnova/dengi-delo-nazhivnoe-iz-chego-teper-budet-sostoiat-fnb (дата обращения: 20.05.2023).
3. Годовой отчет Global SWF за 2023 год. – URL: https://globalswf.com/reports/2023annual (дата обращения: 21.10.2023).
4. Вложения ADIA. – URL: https://www.adia.ae/en/pr/2022/equities.html (дата обращения: 21.10.2023).
5. Доля юаня в международных расчетах увеличилась в феврале до 2,19%. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17349639 (дата обращения: 20.05.2023).
6. International Monetary Fund. World Economic Outlook. – URL: https://www.imf.org/en/Search#q=GDP%20China%20USA&sort=relevancy (дата обращения: 23.12.2023).
7. With the US dollar's dominance in question, here's how China's yuan could become a global reserve currency – and why it wouldn't be all bad. – URL: https://markets.businessinsider.com/news/currencies/dollar-vs-yuan-china-currency-global-reserves-central-banks-russia-2022-3 (дата обращения: 20.05.2023).
8. Кочетков Н.Д. Проблемы и противоречия в БРИКС. Чем выгодна организация для России // Научные записки молодых исследователей. – 2019. – № 3. – С. 83–89.
9. Vinokurov E.Y., Grichik M.V., Tsukarev T.V. New approaches to international reserves: The lack of credibility in reserve currencies // Russian Journal of Economics. – 2022. – № 8(4). – P. 315–332.
10. Расширение БРИКС и единая валюта: как это может изменить мировую экономику. – URL: https://tass.ru/ekonomika/18684589 (дата обращения: 21.10.2023).

11. Экспорт нефти и нефтепродуктов из России приблизился к историческому максимуму. – URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/15/963134-eksport-priblizilsya-maksimumu (дата обращения: 20.05.2023).
12. Товарооборот Китая и России вырос на 38,7 % за первый квартал. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5927990 (дата обращения: 20.05.2023).
13. Кондратов Д.И. Проблемы интернационализации китайского юаня // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – № 14(5). С. 74–88.
14. Клименко А.С., Соколова В.О., Лавренченко С.С. Анализ валютного рынка: тенденции развития китайского юаня // Modern science. – 2022. – № 5-3. – С. 56–60.
15. Эксперты назвали лучшие из дружественных валют. – URL: https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2022/10/07/944300-nazvali-luchshie-iz-druzhestvennih-valyut (дата обращения: 20.05.2023).
16. Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionalnogo_blagososto yaniya (дата обращения: 12.05.2023).
17. Динамика официального курса заданной валюты. – URL: http://cbr.ru/currency_base/dynamics (дата обращения: 13.05.2023).
18. Государственный нефтяной фонд Республики Азербайджан. – URL: https://azerbaijan.az/ru/related-information/134 (дата обращения: 21.10.2023).
19. Самрук-Казына. – URL: https://sk.kz/about-fund/?lang=ru (дата обращение: 21.10.2023).
20. U.S. and Europe Eye Russian Assets to Aid Ukraine as Funding Dries Up (NYT). – URL: https://www.nytimes.com/2023/12/21/us/politics/russian-assets-ukraine.html (дата обращения: 23.12.2023).

The State and Prospects of Using the Chinese Yuan in the Currency Structure of the National Welfare Fund

Kochetkov N.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The high level of sanctions pressure, economic fragmentation and the restructuring of global economic relations force us to change the investment strategy and the choice of financial assets of state sovereign funds to solve priority tasks.

The purpose of the study is to assess the expediency of increasing the share of the Chinese yuan in the currency structure of the National Welfare Fund, taking into account the trends of the renminbiization of international settlements, the prospects of Russian–Chinese economic relations, and international experience in managing liquid assets of sovereign funds. The study examines the factors of the integration of the Chinese yuan into the international monetary system, the potential for use in international settlements and within the framework of economic cooperation between Russia and China, the BRICS and SCO countries. Based on the assessment of the dynamics and influence of the NWF's currency structure on the revaluation of its assets, recommendations are presented on the possibility of using the Chinese yuan to form the NWF in the medium term, as well as the currencies of "friendly countries". The scientific news led to a comprehensive assessment of the state and prospects of using the Chinese yuan in the foreign exchange transfer of the NWF in the context of the challenges facing the Russian economy. The results of the study can be practically used in the development of the NWF management strategy, as well as in scientific research on the formation of foreign exchange reserves of sovereign funds.

Key words: Chinese yuan, sovereign funds, the monetary structure of the NWF, international settlements, BRICS, SCO

УДК 332.05

Контрольно-аналитический инструментарий обеспечения экономической безопасности бизнеса

Кудрявцев К.А.
Доктор экономических наук, профессор
кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Короткова А.В.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов
и экономической безопасности Поволжского государственного
технологического университета (Йошкар-Ола)

В составе инструментов управления деятельностью по обеспечению экономической безопасности бизнеса наиболее актуальным рассматривается контрольно-аналитический инструментарий, обладающий наибольшей результативностью. Цель работы заключается в представлении инструментов анализа и контроля в деятельности по обеспечению экономической безопасности и их развитии. Сделаны выводы о значимости анализа финансового состояния на основе информации бухгалтерской (финансовой) отчетности. Приведена позиция авторов в отношении применения инструментов контроля, среди которых отдельно выделена инвентаризация активов и обязательств. Проблемным участком выделена инвентаризация товарно-материальных ценностей ввиду ее сложности проведения и высокой рисковости.

Ключевые слова: экономическая безопасность бизнеса, анализ, активы, обязательства, инвентаризация

Современные особенности ведения бизнеса характеризуются наличием рисков внутренней и внешней среды его функционирования. От того, какие инструменты будут использоваться в деятельности подразделений, зависит достигнутый в организации уровень экономической безопасности.

Применение инструментов анализа и контроля в деятельности по обеспечению экономической безопасности

Оценка эффективности управления экономической безопасностью организационно является многоаспектной, с научной точки зрения определяется: наличием факторов и угроз, оказывающих воздействие на деятельность организации, ее безопасное и устойчивое развитие; выбором системы индикаторов оценки и обоснованием пороговых значений для каждого выбранного индикатора. Существует множество методов и приемов экономического анализа, используемых в деятельности по обеспечению экономической безопасности. Наиболее эффективными являются методы, применяемые в комплексе. Чаще всего в организациях прибегают к общеэкономическим методам, предусматривающим использование индивидуально подобранной системы показателей (индикаторов), возможную их детализацию (и/или группировку), факторный, статистический анализ, методы оптимизации, экспертные методы, эконометрические, нейронные сети, имитационное моделирование и др. Это позволяет осуществлять выбор подхода к анализу (аналитической интерпретации) показателей, сравнения их с пороговыми уровнями для оценки достигнутого состояния экономической безопасности.

На выбор методов влияние оказывают такие факторы, как: а) определение источника информации; б) выбор технологии сбора информации; в) периодичность сбора информации; г) состав принятой системы показателей (индикаторов) [1–4].

Система индикаторов оценки уровня экономической безопасности в организациях может отличаться не только по количеству и составу индикаторов (показателей), но и по видам и специфике деятельности, масштабу, отраслевой принадлежности и организационной структуре управления.

Следует отметить, что для оценки экономической безопасности большая часть организаций использует систему финансовых показателей, включающую: коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности организации; показатели платежеспособности; показатели финансовой устойчивости; показатели деловой активности; показатели рентабельности активов, собственных средств, продаж, инвестиций и др. Все показатели группируются для анализа в соответствии с выделенным контуром угроз экономической безопасности, например: угрозы финансовому положению; угрозы кадровой безопасности; угрозы налоговой безопасности; угрозы информационной безопасности.

Распределение индикаторов (показателей) в рамках выбранного контура угроз (или рисков) экономической безопасности организации должно быть подчинено возможности формировать информацию для принятия управленческих решений в отношении:

– наиболее прибыльного вида деятельности;

– целесообразности реализации товаров (работ, услуг) по более высокой (или, наоборот, по низкой) цене;

– увеличения положительного сальдо по денежным потокам от основной (операционной) и инвестиционной деятельности;

– снижения рисков по расходам, которые признаны необоснованными и непроизводительными;

– увеличения уровня рентабельности продаж и рентабельности активов; и др.

Принятие своевременного и эффективного управленческого решения в отношении информационного обеспечения перечисленных параметров деятельности организации всегда сопряжено с рисками. Поэтому система индикаторов для оценки экономической безопасности может быть сформирована как система индикаторов рисков, для каждого из которых потребуется формализованное определение значения. Формулы для расчета индикаторов (показателей) принимаются известные, используемые для аналитической обработки данных отчетности организации.

Поскольку информация для оценки уровня экономической безопасности организации формируется главным образом в системах учета, отчетности и внутреннего контроля, то важно иметь подтвержденные данные об имущественном и финансовом положении организации, что становится возможным при применении такого инструмента, как *инвентаризация.* Этот инструмент рассматривается в комплексе с другими методами и приемами хозяйственного контроля, благодаря чему повышается его действенность.

Нормативной базой проведения инвентаризации является комплекс законодательных актов и регламентирующих документов [1; 5; 6 и др.], содержание которых раскрывает особенности процедур инвентаризационного контроля, порядок фиксации выявленных отклонений от учетных записей и правила оформления установленной документации для каждого случая инвентаризации, кроме случаев, когда организации пользуются правом самостоятельного формирования документов.

Классифицировать инвентаризацию по объему сложно, поскольку она может быть проведена в отношении любых видов имущества и обязательств, отражаемых как в балансе, так и в других формах отчетности. Инвентаризацию можно рассматривать как сплошную или как выборочную.

Классификационные виды инвентаризации систематизированы нами в таблице 1.

Проблемным участком является *проведение инвентаризации активов и обязательств организации.*

Основные активы выражают всю имущественную составляющую организации, отраженную в бухгалтерском балансе по принятой в учетной политике стоимости: фактически сложившейся на момент принятия на учет, остаточной (балансовой за минусом начисленной амортизации), восстановительной (после проведенной переоценки).

Известны различные формы определения стоимости основных активов при постановке их на учет или при выбытии:

– стоимость приобретения основных средств через закупки и участие в тендерах;

– стоимость приобретенных в результате строительства и ремонта основных средств;

– стоимость основных средств в результате проведения складских операций;

– стоимость, определяемая при перемещении внутри организации;

– стоимость, определяемая при реализации и (или) списании основных средств, и др.

Проведение инвентаризации позволяет выявить причины нарушений при определении стоимости основных активов. К ним относятся:

• использование служебного положения руководителями (менеджерами) и несоблюдение ими законодательства с целью завышения ассигнований на закупку основных средств;

• утверждение некорректных бюджетов с завышенной стоимостью основных средств в интересах

Таблица 1

Классификация инвентаризации по признакам

Классификационный признак	Виды инвентаризации
1) по принадлежности имущества	– инвентаризация собственного имущества; – инвентаризации имущества, числящегося за балансом (арендованного, находящегося на ответственном хранении и т.д.)
2) по целям	– вступительные, проводятся в начале осуществления деятельности;
	– текущие, проводятся: по графику; по сигналам о нарушении условий хранения, реализации товарно-материальных ценностей (далее – ТМЦ); при стихийных бедствиях (кражи, пожары и т.д.); при переоценке ТМЦ (передача, ликвидация, форс-мажорные обстоятельства и т.д.)
3) по последовательности учетных процедур	– от объекта к регистру; – от регистра к объекту
4) по субъекту	– ординарные, проводятся по инициативе собственников или администрации предприятия; – экстраординарные, проводятся по инициативе внешних лиц (банков, фискальных органов и т.д.)
5) по использованию данных	– информативные, проводятся для подтверждения какой-либо гипотезы; – доказательные, применяются, когда требуется опровержение тех или иных данных, преследуют юридические цели
6) по степени агрегирования	– дифференцированная, проводится по каждому наименованию ценностей; – интегральная, проводится по группам ценностей
7) по форме описи	– на бумажных носителях; – в электронном виде
8) по способу проведения	– заранее объявленные; – внезапные

отдельных лицам, сторонних и аффилированных компаний;

• разработка и использование некорректных регламентов по работе с поставщиками основных средств с целью получения выгоды;

• некорректные и запутанные схемы документооборота в работе с поставщиками основных средств;

• перерасход финансирования и (или) нецелевое его использование на приобретение основных средств согласно плану;

• искажение данных в первичном учете в части закупок основных средств путем некорректного ввода информации в программу;

• несанкционированное внесение изменений в программные продукты с целью сокрытия необоснованных приобретений основных средств и др.

Оборотные активы, используемые для приобретения товарно-материальных ценностей, оплаты счетов поставщикам, перечисление бюджету налоговых платежей и на другие цели отражаются в активе баланса как денежные средства и другие ценности, как дебиторская задолженность, полученные авансы и др. Инвентаризационный контроль расчетов может выявить:

• занижение дебиторской задолженности;

• необоснованное списание активов (основных средств, товарно-материальных ценностей, финансовых вложений) с баланса с занижением их стоимости с целью получения выгоды.

Заметим, что в российском Реестре корпоративного мошенничества и злоупотреблений [7, с. 27] только в блоке «Продажи» описывается более 300 видов мошенничества, каждое из которых является следствием созданных условий в организации для злоупотребления служебными лицами своего положения и результатами неэффективного инвентаризационного контроля.

Сложность инвентаризационного контроля товарно-материальных ценностей (ТМЦ) заключается в многоаспектности вариантов работы, включающей складское хранение, приемку и отпуск ТМЦ со складов, перемещение, продажу и оказание в связи с этим логистических услуг. Поэтому важная роль отведена процедурам текущего и последующего контроля, проводимого в организациях в межинвентаризационный период.

При *текущем контроле* наиболее эффективным инструментом в управлении ТМЦ является мониторинг, в бухгалтерии – двойной контроль хозяйственных операций, в деятельности по обеспечению экономической безопасности – контроль лояльности работников, их письменные объяснения и т.д. Среди инструментов *последующего контроля* наиболее эффективными являются: процедуры проверки регламентов работы с ТМЦ; применение нормативно-правовых актов; соблюдение кодекса этики и служебных инструкций; мониторинг результатов работы подразделений; независимая экспертиза; проведение служебного расследования и другие.

Нарушения, выявленные непосредственно в период проведения инвентаризации ТМЦ, могут обусловлены следующими причинами:

– использование некорректных схем документооборота в процессе производства продукции и ее оприходование на складах;

– не соблюдение условий, предусмотренных производственным регламентом работ;

– порча сырья в процессе производства с целью последующей его реализации по заниженным ценам;

– порча (поломка) оборудования;

– выпуск неучтенной продукции из сырья, оставшегося в результате изменения номенклатуры продукции, или некорректного применения норм расходования сырья, или использования давальческого сырья;

– расходование средств на складские операции сверх запланированных в бюджете сумм;

– нарушение регламента проведения и документального оформления складских операций;

– стихийные бедствия, катастрофы, хищения, и др.

Каждая причина связана с риском. Поэтому результативность и эффективность инвентаризационных процедур отражается на информационном обеспечении управления и состоянии экономической безопасности организации. Выявленные отклонения фактического состояния активов и обязательств организации, подвергнутых инвентаризационному контролю, могут быть квалифицированы не только как «излишки» или «недостачи», но и как факты мошенничества, повлекшие за собой ухудшение финансового положения организации.

Литература:

1. Приказ Минфина России от 13.06.1995 г. № 49 «Методические указания по инвентаризации имущества и финансовых обязательств» // СПС КонсультантПлюс.
2. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учеб. и практикум для вузов / В.И. Бариленко [и др.]; под ред. В.И. Бариленко. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 455 с.
3. Азарская М.А., Поздеев В.Л. Экономическая безопасность предприятия: учетно-аналитическое обеспечение. – Йошкар-Ола: Поволжский гос. техн. ун-т, 2015. – 216 с.
4. Учетно-аналитическая информационная составляющая сбалансированного развития коммерческой организации / В.А. Маняева, В.А. Пискунов, И.В. Фролова, В.П. Фомин, П.В. Фомин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 216 с.
5. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СПС КонсультантПлюс.
6. Приказ Минфина России от 29.07.1998 г. № 34н «Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Арьков С.Н. Российский реестр корпоративного мошенничества и злоупотреблений. ИСАС. Блок «Оборот товарно-материальных ценностей». Группа «Мошенничества с активами». – СПб.: Лема, 2016. – 440 с.

Control and Analytical Tools for Ensuring Economic Security of Business

Kudryavtsev K.A., Korotkova A.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

As part of the tools for managing activities to ensure the economic security of a business, the control and analytical tools that have the greatest effectiveness are considered the most relevant. The purpose of the work is to present tools for analysis and control in activities to ensure economic security and their development. The authors draw conclusions about the importance of analyzing the financial condition based on information from accounting (financial) statements. The authors' position is given regarding the use of control tools, among which the inventory of assets and liabilities is highlighted. Inventory of inventory items is identified as a problem area due to its complexity and high risk.

Key words: economic security of business, analysis, assets, liabilities, inventory

УДК 339

Влияние интернет-торговли на развитие розничного сектора в России

Кумеков С.А.
Аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

Статья посвящена исследованию воздействия электронной коммерции на развитие розничной торговли в российских условиях. Представлены результаты анализа статистических данных и исследований, показывающих динамику развития интернет-торговли и ее влияние на розничный сектор России. Приведены примеры кейсов российских компаний, которые смогли успешно интегрировать интернет-торговлю в свою деятельность и повысить конкурентоспособность на рынке. В результате исследования предложен авторский подход к систематизации факторов, влияющих на рост интернет-торговли в розничном секторе и ряд рекомендаций по ее дальнейшему развитию. Результаты исследования могут быть использованы для стимулирования роста электронной коммерции в России.

Ключевые слова: интернет-торговля, розничный сектор, законодательство, онлайн-ритейлеры, розничный товарооборот

В последние годы российская розничная интернет-торговля развивается очень высокими темпами, ведь онлайн-продажа предоставляет существенные преимущества и для продавцов, и для покупателей. Так, создание интернет-магазина возможно за 2–3 недели, не требует значительных начальных и текущих капиталовложений, позволяет сэкономить средства на аренду помещений, предоставляет доступ к широкой аудитории и возможности обратной связи и анализа. Покупатели тоже все чаще ощущают полезность и удобство закупок через интернет, ведь таким образом экономится наиболее ценный ресурс человека – время. Потребители могут совершать покупку в удобное для себя время, выбирать лучший товар среди широкого ассортимента, искать информацию о товаре и сравнивать его с другими, принимать решения о покупке на основе отзывов других покупателей, оплачивать покупку наиболее удобным способом. Специалисты отмечают, что интернет-торговля розничными товарами является наиболее динамичным сектором российской экономики [1]. Поэтому возрастает актуальность исследования и оценки параметров развития этого сектора и его влияния на развитие сектора розничной торговли на современном этапе.

Результаты анализа развития интернет-торговли в России публиковались в работах А.В. Минакова [2], Ю.Н. Прохорова, О.С. Каращука [3], Л.В. Земцовой, Д.В. Петрова [4] и других российских ученых. В монографии коллектива авторов «Торговое дело: коммерция, маркетинг, менеджмент. Теория и практика» [5] подчеркивается важность интернет-торговли при поиске новых потребителей в конкурентных условиях. Состояние онлайн-ритейла в приведённых исследованиях определяется широким многообразием показателей – объемы товарооборота, проникновение интернет-торговли, доля онлайн-покупателей среди пользователей интернета, средние расходы на человека, товарная структура покупок и ряд других. При этом авторы в качестве источников пользовались, как правило, отчетами исследовательских компаний (Ассоциация компаний интернет-торговли, СберАналтика, Росбизнесконсалтинг и др.), которые занимаются независимыми исследованиями электронных рынков. Однако методика сбора и анализа данных этими компаниями не является открытой и отличается друг от друга, поэтому в разных публикациях мы можем встретить различные значения одного и того же показателя. Стоит согласиться с В.К. Шайдуллиной, которая

подняла эту проблему и справедливо отметила, что «при применении различных источников информации очевидными становятся существенные расхождения в приведенных цифрах, что затрудняет анализ реального состояния рынка электронной коммерции России, динамики его развития и основных тенденций эволюции» [6]. По нашим наблюдениям, иногда цифры отличаются в несколько раз. Например, в сводных аналитических данных Ассоциации компаний интернет-торговли указано, что в 2022 г. оборот интернет-торговли составлял 4 986 млрд руб. [7], тогда как в данных Федеральной службы государственной статистики РФ показатель оборота интернет-торговли (рассчитанный как произведение доли продаж через интернет на совокупный оборот розничной торговли) за этот же год составил 2 554,6 млрд руб. [8], а по данным ежегодного отчета «Интернет-торговля в России 2022» компании *Data Insight*, оборот электронной торговли в 2022 г. достиг 5,7 трлн руб. [9]. Сложно понять точно, какие из этих данных более близки к реальности.

Второй, и самой важной, проблемой является смешение понятий «розничная интернет-торговля», «интернет-торговля», «электронная коммерция». Еще в 2001–2004 гг. в Госдуме находился проект Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле». Проект содержал определение электронной торговли, согласно которому электронная торговля – это «деятельность по продаже/поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг, осуществляемая с использованием электронных сообщений» [10]. Однако законопроект отклонили и сняли с рассмотрения.

Многие ученые, подавая в своих работах статистические данные, не уточняют, о каком именно объекте идет речь, или неосознанно путают эти понятия.

Таким образом, несогласованность в цифровых показателях объясняется пользованием различными источниками и смешиванием различных объектов анализа. Поэтому нужен такой анализ, который исключал бы указанные расхождения. В рамках данного исследования мы будем опираться на открытые статистические данные, предоставленные Федеральной службой государственной статистики РФ, поскольку они являются объективными и надежными источниками информации, отражающими текущую ситуацию в сфере розничной торговли.

Целью статьи является осуществление объективного научно-статистического анализа развития интернет-торговли в России и оценка ее влияния на розничный сектор. Такой анализ, на наш взгляд, должен основываться на однозначных статистических данных, методика сбора которых является известной и прозрачной.

Исходя из ограниченной статистической базы, считаем целесообразным разбить анализ влияния интернет-торговли на развитие розничного сектора в России на два последовательных блока:

1. Анализ базовых показателей динамики интернет-торговли (определение розничного товарооборота в фактических ценах и ценах предыдущего года, расчет цепных темпов роста номинальных и реальных показателей товарооборота, определение структуры номинального товарооборота с учетом влияния ценового фактора).

2. Анализ места интернет-торговли в структуре сектора розничной торговли (сравнение динамики объемов товарооборота через интернет с динамикой объемов розничной торговли в целом, определение реальных темпов роста указанных показателей и оценка их взаимозависимости, анализ динамики изменения доли розничной интернет-торговли в структуре сектора розничной торговли).

Анализ базовых показателей динамики интернет-торговли.

Для анализа динамики нам нужны два исходных показателя: номинальный розничный товарооборот (НРТО) в интернете, который измеряется в фактических ценах исследуемого года, а также индекс потребительских цен, с помощью которого можно вычислить реальный товарооборот (РРТО), под которым мы понимаем оборот в ценах предшествующего года (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, интернет-торговля развивается очень активно – НРТО в интернете вырос с 2018 до 2022 гг. на 2 017,7 млрд руб. или почти в 4,8 раза. Однако номинальный показатель содержит инфляционный рост, и чтобы его отделить, рассчитаем реальный РТО.

Видим, что динамика РРТО тоже положительная, но общий рост за 5 лет несколько меньше – в 3,6 раза.

В строках 4 и 5 таблицы 1 показано, какая доля роста РТО произошла за счет физического роста, а какая была вызвана инфляцией (например, структура НРТО в интернете в 2022 г. представлена на рис. 1).

Больше всего увеличилась онлайн-торговля за счет роста оборота в физическом измерении в 2019 г. Самая высокая доля инфляционного роста пришлась на 2022 г. (10,7 %), когда произошла финансовая дестабилизация. Видим, что за 5 лет доля физического роста упала с 95,9 до 89,3 %, в то время как доля инфляционного роста выросла с 4,1 до 10,7 %, что является очень неблагоприятной тенденцией.

Видим, что в целом темпы роста номинальных и реальных показателей являются сопоставимыми (рис. 2).

Расчеты показывают, что в среднем интернет-ритейл рос почти на 150,2 % ежегодно, при этом номинальные темпы превысили реальные почти на 10 п.п.

Как было указано выше, товарооборот через сеть Интернет является составной частью показателей

Таблица 1

Базовые показатели динамики розничной торговли через интернет

№	Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2018 г., %
Исходные данные							
1	*НРТО* в интернете, млн руб.	536 849	672 486	1 321 073	2 013 073	2 554 621	475,9
2	Индекс потребительских цен, *Iц*	1,0426	1,0304	1,0491	1,0839	1,1194	-
Расчетные показатели							
3	*РРТО* в интернете, млн руб. (р.1:р.2)	514 914	652 646	1 259 244	1 857 250	2 282 134	362,8
4	Доля роста *РТО* в интернете за счет физического объема, % (р.3:р.1)	95,9	97,0	95,3	92,3	89,3	93,1
5	Доля роста *РТО* в интернете за счет инфляции, % (100-р.4)	4,1	3,0	4,7	7,7	10,7	261,1
6	$T_{НРТО}$, %	-	125,3	196,4	152,4	126,9	-
7	$T_{РРТО}$, %	-	121,6	187,3	140,6	113,4	-
8	$T_{ср.}$*НРТО*, %	-	-	-	-	-	150,2
9	$T_{ср.}$*РРТО*, %	-	-	-	-	-	140,7

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ.

розничного товарооборота, которые публикуются Росстатом. Поэтому интерес представляет исследование тенденции развития торговли через интернет в структуре сектора розничной торговли (табл. 2).

Для этого были рассчитаны реальные показатели оборота розничной торговли и товарооборота предприятий, а также определены цепные темпы их роста. Сравнение этих показателей с соответствующими значениями темпов роста интернет-торговли показывает, что темпы развития онлайн-продаж намного превышают динамику роста и розничной торговли вообще и такой ее части, как торговля через торгующие организации (рис. 3).

Например, в 2022 г. номинальный РТО в онлайн увеличился на 26,9 %, в то время как сектор торговли вырос лишь на 7,9 %. Даже в 2020 г., когда обороты торговли увеличились на 0,7 %, интернет-ритейл демонстрировал прирост 96,4 %. Таким образом, можно однозначно утверждать, что, несмотря на наличие или отсутствие экономического кризиса, интернет-торговля развивается быстрее, чем оффлайн-торговля. Она меньше подвержена влиянию внешних факторов, более гибкая и адаптивная.

Анализ динамики доли интернет-торговли в структуре розницы показывает интересные выводы. Как видно из таблицы 2, за 5-летний срок доля онлайн выросла примерно в три раза как в отношении предприятий, так и в отношении всей розничной торговли. Учитывая гораздо более низкий темп роста сектора розницы, это свидетельствует о том, что происходит активный процесс перехода оффлайн-торговли в онлайн.

Среди наиболее успешных российских компаний, которые смогли интегрировать интернет-торговлю в свою деятельность и повысить конкурентоспособность на рынке, можно назвать такие компании, как МВидео, «Детский мир», «Перекресток», «Связной», *DNS* и другие. Эти компании смогли с практически полностью оффлайн-бизнеса успешно развить онлайн-направление и значительно увеличить свою долю на рынке.

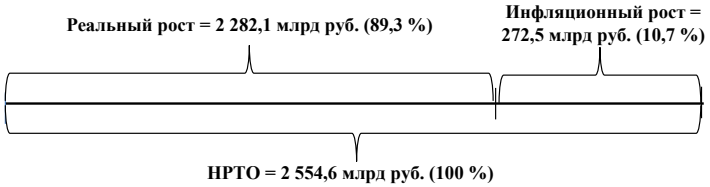


Рис. 1. Структура номинального розничного товарооборота через интернет в 2022 г.

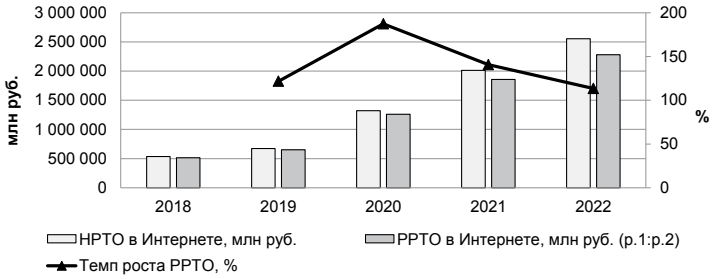


Рис. 2. Динамика номинального и реального товарооборота в розничной торговле в интернете

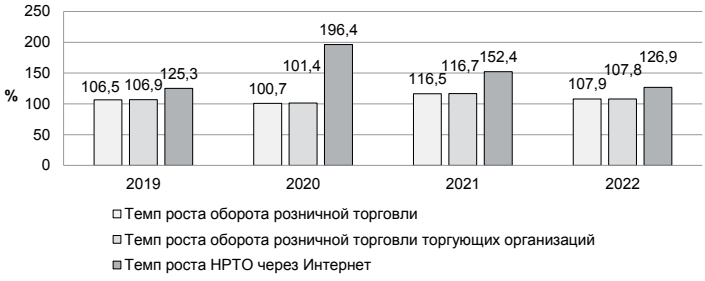


Рис. 3. Сравнение темпов роста оборотов розничной торговли и ее структурных элементов

Таблица 2

Интернет-торговля в структуре сектора розничной торговли РФ

№	Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Исходные данные						
1	*НРТО* в интернете, млн руб.	536 849	672 486	1 321 073	2 013 073	2 554 621
2	Оборот розничной торговли, млн руб.	31 579 372	33 624 303	33 873 660	39 472 018	42 577 016
3	*РТО* торгующих организаций, млн руб.	29 799 469	31 843 525	32 286 818	37 673 097	40 605 885
4	Индекс потребительских цен, Iц	1,0426	1,0304	1,0491	1,0839	1,1194
5	$T_{НРТО}$, %	-	125,3	196,4	152,4	126,9
6	*Тоб.* РТ %	-	106,5	100,7	116,5	107,9
7	*ТРТО* торг. орг., %	-	106,9	101,4	116,7	107,8
Расчетные показатели						
8	Реальный оборот розничной торговли, млн. руб. (2:4)	30 289 058	32 632 282	32 288 304	36 416 660	38 035 569
9	Реальный РТО торгующих организаций, млн руб. (3:4)	28 581 881	30 904 042	30 775 730	34 756 986	36 274 687
10	*Треал.об.* РТ, %	-	103,3	96,0	107,5	96,4
11	*Треал-РТО* торг. орг., %	-	103,7	96,6	107,7	96,3
12	Доля *НРТО* в обороте розничной торговли, % (1:2x100)	1,7	2,0	3,9	5,1	6,0
13	Доля *НРТО* в *РТО* торгующих организаций, % (1:3x100)	1,8	2,1	4,1	5,3	6,3

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ.

Проанализировав опыт работы данных компаний, можно предположить, что на развитие интернет-торговли в розничном секторе оказывает влияние ряд факторов, которые условно разделены нами на 6 групп (рис. 4).

Отличие представленной систематизации факторов от уже существующих в литературе состоит в том, что помимо традиционных факторов, влияющих на развитие интернет-торговли, она включает в себя такие факторы, как качество сложившейся институциональной системы (системы формальных и неформальных институтов, которые сформировались в обществе) и неформальные факторы (национальная ментальность, финансовая грамотность, информационная грамотность и т.п.).

Очерченные неявные факторы именно в развитии интернет-торговли играют одну из ключевых ролей, поскольку обеспечить их положительное влияние сложно, для этого необходимо длительное время формирования в обществе соответствующих институтов. Также это связано с тем, что интернет-торговля – это новая сфера, новые направления предпринимательской деятельности, новые способы их реализации. Соответственно, участие

Рис. 4. Систематизация факторов, влияющих на рост интернет-торговли в розничном секторе

в таком бизнесе требует новых знаний, подходов, компетентностей как от потребителей, так и от поставщиков соответствующих услуг, покупателей и продавцов товаров и другой продукции.

С учетом приведенной группировки факторов, по нашему мнению, для более активного развития интернет-торговли в России необходимо:

– для более основательного и всестороннего анализа Росстат должен существенно расширить учет деятельности, связанной с интернет-торговлей. Ситуация, когда определенная отрасль является лидером развития по темпам, но ее деятельность учитывается лишь одним показателем, недопустима. Нужно ввести сбор информации об интернет-продажах через физических лиц – предпринимателей, уровень доходности онлайн-ритейлеров, показатели деятельности предприятий в разрезе их размера (микропредприятия, малые, большие), товарную и региональную структуру продаж, особенности занятости и доходов работников. Это значительно расширит рамки для исследования, позволит выявить наиболее эффективные сегменты онлайн-торговли и ее слабые места;

– необходимо принять Закон «Об электронной торговле», который будет устанавливать четкое юридическое определение понятия интернет-торговли, права и обязанности участников интернет-торговли, полномочия органа, осуществляющего регулирование и контроль отрасли, и другие важные аспекты;

– розничным компаниям необходимо выстраивать эффективные омниканальные стратегии. Омниканальная стратегия предполагает интеграцию различных каналов продаж, таких как интернет-магазины, физические магазины, мобильные приложения и социальные сети, для обеспечения эффективного взаимодействия с клиентами и повышения конкурентоспособности розничных торговых компаний на рынке.

В омниканальной модели точки взаимодействия между продавцом и покупателем объединены в одну систему, тесно интегрированную между собой. В этом контексте точки взаимодействия реагируют друг на друга в режиме реального времени и обеспечивают клиентам доступ к товарам и услугам тогда, когда они необходимы. Информация доступна на каждом этапе пути покупателя, тем самым улучшая его потребительский опыт. Таким образом, компании преодолевают разрыв между онлайн- и офлайн-продажами, позволяя покупателям контролировать процесс выбора товара и оформления покупки. Омниканальная модель позволяет собирать и анализировать данные по разным каналам, выводя клиентоориентированный подход на новый уровень и учитывая разнообразие предпочтений современных покупателей. Эта модель может быть особенно полезна для бизнеса, так как она увеличивает средний чек покупки, прибыль и общую ценность клиента для компании.

Таким образом, в результате анализа развития розничной интернет-торговли в России было выявлено, что:

– статистические данные, аккумулируемые Росстатом, крайне ограничены в отношении интернет-торговли. Фактически государство рассчитывает лишь один показатель, который можно подвергнуть анализу, – объемы интернет-продажи предприятий розничной торговли;

– в рамках анализа базовых показателей выявлено, что розничный товарооборот в интернете вырос с 2018 по 2022 гг. почти в 5 раз в фактических ценах. В среднем интернет-ритейл рос почти на 150,2 % ежегодно;

– структурный анализ показал, что темпы развития онлайн-продаж намного превышают динамику роста и розничной торговли вообще и такой ее части, как торговля через предприятия – юридические лица;

– интернет-торговля развивается быстрее, чем оффлайн-торговля: за 5-летний срок доля онлайн выросла на 4,3 % (с 1,7 до 6 %). Доля розничных продаж через интернет в нашей стране составляет 6,3 % товарооборота торгующих организаций и 6,0 % товарооборота розничной торговли.

Государству следует поддерживать развитие интернет-торговли, а ритейлерам закладывать в стратегии развития принципы омниканальности. Все это в совокупности будет способствовать дальнейшему росту и развитию интернет-торговли в России.

Литература:

1. Глобальное развитие e-commerce. Исследование консалтинговой компании IPG.Estate. – URL: https://rgud.ru/documents/2020-IPG.Research_E-commerce.pdf
2. Минаков А.В. Перспективы развития интернет-торговли и интернет-магазинов в России // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6(182). – С. 143–152.

3. Прохоров Ю.Н., Каращук О.С. Розничная интернет-торговля в России: состояние, тенденции и дальнейшее развитие // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 5(113). – С. 196–206.
4. Земцова Л.В., Петров Д.В. Современное состояние и тенденции развития Интернет-торговли в России // Финансовая экономика. – 2022. – № 3. – С. 222–225.
5. Торговое дело: коммерция, маркетинг, менеджмент. Теория и практика / Э.А. Арустамов, В.В. Бронникова, О.М. Валигурская [и др.]. Т. 4. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2022. – 358 с.
6. Шайдуллина В.К. Состояние и перспективы электронной торговли в России // Вестник университета. – 2019. – № 4. – С. 118–123.
7. Сводные аналитические данные Ассоциации компаний интернет-торговли. – URL: https://akit.ru/analytics/analyt-data
8. Розничная торговля и общественное питание // Данные Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya
9. Объем рынка и темпы роста розничной интернет-торговли в России. – URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2022
10. Проект федерального закона № 310163-4 «Об электронной торговле» (внесен депутатом ГД В.Я. Комиссаровым) // СПС Гарант.

The Impact of Online Commerce on the Development of the Retail Sector in Russia

Kumekov S.A.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to the study of the impact of e-commerce on the development of retail trade in Russian conditions. The article presents the results of the analysis of statistical data and research showing the dynamics of the development of online commerce and its impact on the retail sector of Russia. Examples of successful cases of Russian companies that have been able to successfully integrate e-commerce into their activities and increase their competitiveness in the market are given. As a result of the research, the author's approach to systematization of the factors influencing the growth of online commerce in the retail sector is proposed, and a number of recommendations for its further development are proposed. The results of the study can be used to stimulate the growth of e-commerce in Russia.

Key words: online commerce, retail sector, legislation, online retailers, retail turnover

УДК 353, 332

Государственное управление развитием арктических кластеров в условиях современных внешнеполитических реалий

Михайлова М.В.
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Дмитриева Т.А.
Ассистент кафедры
государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обзора научной, нормативно-правовой и аналитической информации, затрагивающей проблемы развития арктического региона в условиях изменения внешнеполитического курса России. Целью научного исследования определены анализ основных форм и методов государственной поддержки арктических кластеров и выявление наиболее эффективных инструментов государственного регулирования их формирования и развития. Научная и практическая значимость работы заключается в освещении актуальных теоретических и прикладных аспектов государственного управления развитием арктических кластеров. Проанализирована роль Центра кластерного развития (ЦКР) АО «Технопарк СПб» в функционировании арктического кластера Санкт-Петербурга, а также его роль в инновационном развитии Арктической зоны. Показана эффективность деятельности ЦКР, его значимость в осуществлении межкластерного взаимодействия и поддержке кластерных инициатив в регионах РФ. Основным выводом исследования является необходимость расширения форматов государственной поддержки участников кластеров, что позволит ускорить инновационное развитие Арктической зоны. Научная новизна исследования обусловлена изменениями внешнеполитического курса России и формированием новых требований к проведению региональной политики в Арктической зоне, а именно: осторожно наращивать международное сотрудничество с учетом национальных интересов РФ в Арктике; переориентировать экономические рельсы в сторону импортозамещения и налаживания производств для развития Арктической зоны. Одним из главных инструментов региональной политики здесь выступают экономические кластеры. Важно для реализации устойчивого развития арктических территорий формировать кластеры с использованием форм и методов государственного регулирования. В исследовании авторами обозначены как теоретические, так и эмпирические выводы по вопросу государственного регулирования развития арктических кластеров.

Ключевые слова: государственное управление, Арктика, арктический кластер Санкт-Петербурга, устойчивое развитие арктической территории, кластеризация, инновации, центры кластерного развития, органы исполнительной власти

В новой Концепции внешней политики РФ, которая была утверждена Указом Президента РФ 31 марта 2023 г. [1], важнейшим региональным внешнеполитическим направлением России обозначена Арктика. В Концепции отражены новые внешнеполитические реалии, в которых предстоит развиваться России, и прежде всего – это возрастание угроз международной безопасности, жесткое противостояние с Западом и поворот на Восток. При этом приоритеты внешней политики остались прежними, но существенно поменялись условия и направления их реализации. Это нашло отражение не только в новой внешнеполитической Концепции, но и в недавних изменениях Основ государственной политики России в Арктике, внесенных Указом Президента РФ 21 февраля 2023 г. [2]

В связи с тем, что западные страны приостановили деятельность значимых для России организаций, а именно: Арктического совета (далее – АС), Совета Баренцева / Евроарктического региона, из вышеупомянутых документов законодателю пришлось убрать упоминание о них. Несмотря на это, в 2023 г. Россия достойно завершила свое председательство в АС, сквозным приоритетом которого была тематика ответственного управления для устойчивой Арктики.

В последнее время перспективы сотрудничества в Арктике Россия видит с такими «неарктическими» государствами, как Китай и Индия. Так, в ходе визита в Москву Си Цзиньпина о двухстороннем сотрудничестве в Арктике упоминается в итоговом совместном российско-китайском коммюнике от 21 марта 2023 г.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью обзора научной, нормативно-правовой и аналитической информации, затрагивающей проблемы развития арктического региона в условиях изменения внешнеполитического курса России для определения эффективных инструментов государственного управления. К проблемам развития арктических территорий можно отнести высокие затраты инвесторов, недостаточное финансирование со стороны государства и отсутствие отдельной федеральной стратегии по ее поддержке, нехватка кадров, в том числе управленческих.

Исследование вопросов изучаемой темы более всего нашло отражение в отечественных и зарубежных научных публикациях в рамках рассмотрения концепции устойчивого развития арктических территорий. Так, в статьях *S. Schubert, G. Schamel* [10], *T. Tyrrell, R. Johnston* [3] рассмотрены эффективные форматы устойчивого развития туризма, с акцентом на необходимость минимизировать экологический ущерб арктическим регионам.

В последние годы трендом в научной литературе стал кластерный подход. И это не удивительно, так как заметно увеличение количества самих кластеров, прежде всего в экономике. Появляются и различные дефиниции кластера. Так, *S. Gardiner и N. Scott* утверждают, что кластер – это географически сконцентрированные предприятия, имеющие интересы, что позволяет им объединять свои усилия для достижения преимуществ [4]. В научных работах *Y.-J.A. Lee, J. Kim и S. Jang* сделан акцент на выгоды, которые получают участники кластера. К ним авторы относят увеличение инновационного потенциала, возникновение различных возможностей за счёт совместного развития инфраструктуры и технологий, накопление знаний, увеличение спроса [5].

В России также заметен широкий интерес к рассматриваемой теме, о чем говорит увеличение количества научных публикаций историков, географов и экономистов в последние годы. Среди авторов можно назвать ученых Иркутского национального исследовательского технического университета [6], Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова [7], Санкт-Петербургского государственного университета [8], коллектив исследователей под руководством М.Ю. Калашниковой, рассматривающих процессы кластеризации как основу для эффективного взаимодействия между государством и бизнесом в решении проблем потенциала Арктической зоны [9].

Цель данного исследования – провести анализ форм и методов государственной поддержки арктических кластеров.

В исследовании авторами использованы общенаучные методы, в частности, методы анализа, обобщения, классификации. Метод анализа правовых, программных документов и итогов деятельности региональных органов власти позволил оценить ситуацию с кластерными инициативами в России на примере Санкт-Петербурга и определить основные, наиболее эффективные инструменты государственного регулирования в формировании и развитии арктических кластеров.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что на фоне изменения внешнеполитического курса России сформировался целый ряд новых требований к проведению региональной политики в арктической зоне. Это, прежде всего, изменения в международном сотрудничестве в Арктике. Здесь на себя обращает внимание главная новелла – неарктические государства приглашены к сотрудничеству в развитии Северного морского пути. С одной стороны, государству необходимо различными механизмами защищать его статус как внутренних морских вод, с другой – необходимо открыть его экономически, привлекая иностранные инвестиции. Здесь необходимо очень осторожно наращивать международное сотрудничество с учетом национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Кроме того, в условиях противостояния с западными странами и введения жестких торгово-экономических санкций необходимо переориентировать экономические рельсы в сторону импортозамещения и налажива-

ния производств для развития Арктической зоны. И здесь, на помощь приходят экономические кластеры. Важно для реализации устойчивого развития арктических территорий формировать кластеры с использованием форм и методов государственного регулирования.

Гипотеза

В решении проблем устойчивого развития арктической территории помогает развитие кластеров, что позволяет в первую очередь улучшить международный инвестиционный климат в арктических регионах, инфраструктуру регионов, создать благоприятные условия, помочь субъектам МСП, которые работают или могли бы начать работать в Арктике. Кластерная инициатива является одним из способов повышения качества жизни населения арктических регионов. На эффективность функционирования кластеров влияет государственная поддержка, осуществляемая в правовой, финансовой, организационной и других формах.

Основная часть

В арктическую зону России частично или полностью входят девять регионов. Мурманская область, Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа – полностью. Архангельская область, Красноярский край и три республики – Коми, Карелия и Якутия – частично. Общая территория составляет около пяти млн кв. км, с количеством жителей около 2,5 млн, причем это 40 % от всего населения Арктики. Общий доход российского бюджета с этих территорий составляет около 20 %.

Социально-экономическое развитие регионов, входящих в Арктическую зону РФ, зависит от развития всех отраслей, но прежде всего работающих в направлении импортозамещения и привлечения иностранных инвестиций. Как показывают научные исследования, в последние годы на развитие арктического потенциала и привлечения международных инвестиций работает процесс кластеризации [10].

Кластер – это добровольное партнерское объединение географически сконцентрированных взаимосвязанных компаний и организаций во взаимодополняющих отраслях.

Государственная политика в РФ направлена на поддержку кластерной инициативы как фактора устойчивого развития Арктической зоны. В ходе исследования был проведен анализ форм и методов государственной поддержки арктических кластеров. К формам государственной поддержки можно отнести: правовую, финансовую, имущественную, связанную с передачей государственного имущества для владения или использования по льготным условиям, информационную, организационную, кадровое обеспечение, поддержку науки и инноваций, поддержку внешнеэкономической деятельности.

Правовая поддержка государства заключается в разработке и принятии правил, которые определяют нормы и регулируют деятельность арктических кластеров. Она осуществляется с целью реализации «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.», утвержденной Указом Президента РФ № 645 [11], а также государственных программ, принятых на ее основе. В этом ключе разработана и реализуется госпрограмма развития и модернизации туристкой инфраструктуры Арктики, направленная на увеличение количества предприятий индустрии гостеприимства (гостиницы, дома отдыха, комфортабельные средства размещения, общественное питание и т.д.).

Обращаясь к уже упомянутой выше Стратегии, важно отметить государственную программу модернизации Беломорско-Балтийского канала, а также строительства на территории Российской Федерации круизных судов арктического ледового класса для улучшения транспортной доступности арктических территорий.

Государственная финансовая поддержка участников кластеров заключается в предоставлении им финансовой помощи в виде субсидий, государственных инвестиций, гарантий и льготного налогообложения. В настоящее время органами государственной власти на федеральном уровне разработан план первоочередных действий, в который включаются меры по стабилизации ситуации в условиях внешнего санкционного давления. К мерам поддержки российского бизнеса и граждан РФ относится финансовая поддержка в виде грантов для молодых предпринимателей до 25 лет, деятельность которых ведется в Арктической зоне. Средства гранта могут получить как индивидуальные предприниматели, так и учредители юрлиц [12]. В федеральном бюджете на эту меру в 2022 г. было предусмотрено более 2 млрд руб. Также средства запланированы и на следующие годы.

Фонд развития промышленности разрабатывает программы и проекты для развития инновационных кластеров. Для участников промышленных кластеров разработаны экспортоориентированные проекты и проекты по импортозамещению. На их реализацию в 2022–2023 гг. было заложено 5,1 млрд руб. и 2,6 млрд руб. соответственно [13]. Так, в 2022 г. Правительство Мурманской области подписало соглашение о сотрудничестве с Фондом развития промышленности (ФРП) Минпромторга. Документ предусматривал финансовую поддержку крупных инвестиционных проектов, поскольку введенные санкции ударили по арктическим шельфовым проектам. Проекты по освоению арктического шельфа были практически остановлены, для продолжения их реализации потребовались отечественные разработки. В этих условиях финансовая поддержка государства способствовала возможности производить отечественные материалы и развивать горно-химический кластер в Мурманской области.

На развитие арктической зоны работают туристические, промышленные и научно-производственные арктические кластеры на базе региональных Центров кластерного развития (далее – ЦКР). Одна из целей региональных ЦКР – организационно-информационная поддержка кластеров. Она достигается реализацией услуг на базе ЦКР, а именно:

– проведение научных семинаров, конференций и круглых столов по темам развития кластеров;

– организация выставок и ярмарок;

– распространение информации по реализуемым кластерным проектам;

– координация деятельности участников кластера.

Минэкономразвития с 2010 г. осуществляет субсидирование ЦКР в рамках программы развития малого и среднего предпринимательства (МСП). Так, Центр кластерного развития в СПб является оператором научно-производственного арктического кластера Санкт-Петербурга. Поддержка развития территориальных кластеров в Санкт-Петербурге осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства СПб от 23.06.2014 г. № 495.

Научно-производственный арктический кластер Петербурга сформировался в марте 2020 г. по инициативе Комитета СПб по делам Арктики. В кластер входят более 30 компаний, а также учебные заведения.

Основными направлениями деятельности Центра кластерного развития СПб являются формирование и организационное становление кластера путем предоставления соответствующих услуг, в частности, разработка основных документов, проведение консультаций, мониторинга и рабочих встреч (табл. 1).

ЦКР ведет работу по развитию совместных кластерных проектов, выстраивает цепочки взаимодействия между участниками кластера, привлекает в проекты дополнительные компетенции. Это не только участники кластера, но и субъекты МСП, для которых крупные компании кластера могут стать заказчиками продукции и услуг. Так, в I квартале 2022 г. Центр кластерного развития оказал поддержку 80 предприятиям, в том числе 52 предприятиям, являющимся субъектами МСП Санкт-Петербурга [14].

1,52 млрд руб. на реализацию своих инновационных проектов получили предприятия – участники Научно-производственного арктического кластера Санкт-Петербурга в форме государственных субсидий в течение 2022 г. Господдержка была предоставлена девяти организациям кластера, в том числе – НИИ «Нептун», ОАО «Авангард», ПАО «Интелтех», ЦНИИ «Электрон», «ЛЭТИ» [14]. Большинство проектов, получивших госфинансирование, реализуются в сфере высокотехнологичного импортозамещения.

Таблица 1

Услуги, предоставляемые организациям арктического кластера Санкт-Петербурга Центром кластерного развития АО Технопарк СПб [14]

Тип услуги	Описание услуги
Образовательная поддержка и кадровое обеспечение	Организация и проведение обучающих семинаров с привлечением сторонних организаций с целью обучения сотрудников. Проведение вебинаров для предприятий МСП, являющихся участниками кластера. Проведение круглых столов для предприятий МСП, являющихся участниками кластера. Обеспечение подготовки специалистов в области развития кластеров, включая обучение и переобучение кадров в новых специальностях.
Консультационная поддержка	Вступление в кластер. Проектирование цепочек взаимодействия между участниками территориального кластера. Меры поддержки бизнеса, реализуемые профильными министерствами. Подготовка документов для получения государственных мер поддержки, реализуемых профильными министерствами. Проведение публичных обсуждений проектов стратегий (программ) развития территориальных кластеров с участием должностных лиц органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, а также представителей научных и образовательных учреждений, НКО и общественных организаций.
Организационная и координационная поддержка	Обеспечение участия в телеконференциях в рамках международных проектов. Обеспечение участия в рабочих совещаниях, посвященных презентациям проектов, а также обсуждению вопросов двустороннего сотрудничества. Обеспечение участия в ознакомительном визите в Санкт-Петербург представителей Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов с участниками проекта. Координация совместных кластерных и межкластерных проектов.
Информационная поддержка	Распространение информации по реализуемым кластерным проектам. Оказание услуг по продвижению продукции в сети Интернет посредством размещения в электронном каталоге предприятий. Сбор, обработка и актуализация информации о продукции и услугах, производимой и оказываемых организацией, в электронном каталоге предприятий – участников территориальных кластеров Санкт-Петербурга «Атлас кластеров». Информирование об образовательных мероприятиях ЦКР.

Еще одно важное направление субсидирования – поддержка научно-исследовательской деятельности и внедрение современных программ непрерывного образования. Государственное регулирование кадровой кластерной оптимизации заключается в обеспечении подготовки специалистов в области развития кластеров, включая обучение и переобучение кадров в новых специальностях. Отчасти эту задачу решают все те же Центры кластерного развития, на базе которых реализуются различные обучающие программы для представителей МСП. Основной массив новых специалистов выпускают высшие и средние учебные заведения, которые являются участниками кластеров. Так, в научно-производственный арктический кластер Петербурга входят такие учебные заведения, как СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, «ЛЭТИ» и Морской технический колледж им. адмирала Сенявина. Студенты этих учебных заведений осваивают необходимые компетенции, проходя практику и стажировку на предприятиях арктического кластера Петербурга, тем самым пополняя ряды высококвалифицированных специалистов. Увеличивая количество бюджетных мест в вузах и колледжах, входящих в арктический кластер, содействуя сотрудничеству между учебными заведениями и производственными предприятиями, государство тем самым способствует развитию и внедрению новых технологий в отечественное производство продукции для арктической зоны. Кроме этого, для решения кадровых проблем в функционировании кластеров государственные органы власти оказывают содействие развитию Федерального и региональных центров компетенций (ФЦК и РЦК), цель которых – повышать производительность на предприятиях, входящих в арктические кластеры. При непосредственном участии государственных органов власти для реализации этой цели открываются РЦК на базе кластерных организаций, крупных и мелких предприятий, фирм. РКЦ внедряют обучающие программы «арктического» профиля, реализуют программы опережающего обучения, совершенствуют программы повышения производительности, а также проводят научные конференции, обучающие семинары, симпозиумы для обмена опытом участников кластеров, в том числе по реализации государственных инициатив.

Поддержка науки и инноваций со стороны государства, кроме этого, заключается в финансировании исследований и разработок новых технологий; создании стабильного спроса на научно-технически сложные продукты через государственные заказы; развитии инфраструктуры для поддержки инновационного бизнеса, таких как бизнес-инкубаторы и технопарки; расширении механизмов венчурного финансирования для поддержки рискованных инновационных проектов.

Государственная поддержка внешнеэкономической деятельности арктических кластеров направлена прежде всего на содействие привлечению иностранных инвестиций в кластеры, а также на поддержку экспорта продукции кластера.

Таким образом, на основе проведенного исследования были сформулированы предложения по совершенствованию государственного регулирования развития арктических кластеров:

– устранение пробелов, касающихся вопросов кластеризации в федеральном законодательстве; в настоящее время регулированием этой практики занимаются региональные власти. Так, к примеру, в Федеральном законе от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ», к сожалению, не затронуты вопросы кластеризации, что затрудняет регулирование развития арктического туризма, а также развитие арктических кластеров в туризме, задачей которых является производство туристических продуктов, привлечение и координация органами государственной власти всех заинтересованных в развитии этой отрасли (бизнес, учреждения образования, науки и медицины, СМИ, НКО, страховые и транспортные компании и др.);

– субсидирование Министерством экономразвития РФ регионов, в том числе не входящих в Арктическую зону, с целью организации центров кластерного развития (ЦКР) для оптимизации отечественной «арктической» промышленности. Центр кластерного развития, одним из учредителей которых является субъект РФ в лице органа исполнительной власти, может осуществлять также эффективное межкластерное взаимодействие. Цель межкластерного взаимодействия – зарабатывать совместно, но не наживаться друг на друге, и здесь также очень важна роль государства в соблюдении баланса интересов.

ЦКР посредством предоставления консультационных и организационных услуг участникам кластеров призваны способствовать поддержке кластерных инициатив в регионах РФ.

Основным выводом исследования можно также считать необходимость расширения форматов государственной поддержки участников кластеров, что позволит ускорить инновационное развитие Арктической зоны.

Таким образом, система государственного управления арктическими кластерами предполагает политику регулирования интересов, поддержку инвесторов и инициативы самих участников кластеров, а не монопольное конструирование кластера как сегмента государственной структуры.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (ред. от 21.02.2023) // СПС КонсультантПлюс.
3. Tyrrell T.J., Johnston R.J. Tourism sustainability, resiliency and dynamics: Towards a more comprehensive perspective // Tourism and Hospitality Research. – 2008. – Т. 8, Tourism sustainability, resiliency and dynamics. – № 1. – P. 14–24.
4. Gardiner S., Scott N. Successful tourism clusters: Passion in paradise // Annals of Tourism Research. – 2014. – Т. 46. – P. 171–173.
5. Lee Y.-J.A., Kim J., Jang S. Intertemporal Tourism Clusters and Community Resilience // The Professional Geographer. – 2021. – Т. 73. № 3. – P. 567–572.
6. Баяскаланова Т.А., Куклина М.В., Богданов В.Н. Туризм в Российской Арктике: проблемы и возможности развития // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 109–119.
7. Валькова Т.М., Шумков Д.С. Арктический туризм: Шпицберген // Географическая среда и живые системы. – 2020. – URL: https://www.geoecosreda.ru/jour/article/view/97
8. Севастьянов Д.В. Арктический туризм в Баренцевоморском регионе: современное состояние и границы возможного // Арктика и Север. – 2020. – № 39. – С. 26–36.
9. Kalachnikova M.Y., Shaparov A.E., Shadrina O.N., Myakshin V.N. Tourist Destinations in the Regions of the Russian Arctic: Opportunities and Obstacles to Development // Revista ESPACIOS. – 2020. – Vol. 41. – P. 27.
10. Логунцова И.В. Особенности развития туризма в арктической зоне России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 87. – С. 39–47.
11. Указ Президента РФ от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (ред. от 27.02.2023) // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 г. № 296 «О внесении изменений в Правила отбора организаций, включенных в отраслевые перечни системообразующих организаций Российской экономики, претендующих на предоставление в 2020 году мер государственной поддержки» // СПС КонсультантПлюс.
13. Фонд развития промышленности РФ. – URL: https://frprf.ru/navigator-gospodderzhky/
14. Центр кластерного развития СПб. – URL: https://spbcluster.ru/wp-content/uploads/2022/05/Otchet-za-1-kvartal-2022g.pdf

State Management of Arctic Cluster Development in the Context of Modern Foreign Policy Realities

Mikhailova M.V., Dmitrieva T.A.
Saint-Petersburg State University of Economics

The relevance of the research topic is due to the need to review scientific, regulatory and analytical information affecting the development of the Arctic region in the context of changes in Russia's foreign policy. The purpose of the scientific research is to analyze the main forms and methods of state support for Arctic clusters and identify the most effective tools for state regulation of their formation and development. The scientific and practical significance of the work lies in highlighting the relevant theoretical and applied aspects of public management of the development of Arctic clusters. The role of the Center for Cluster Development (CCD) of Technopark SPb JSC in the functioning of the Arctic cluster of St. Petersburg, as well as its role in the innovative development of the Arctic zone is analyzed. The effectiveness of the Central Committee's activities, its importance in the implementation of inter-cluster cooperation and support for cluster initiatives in the regions of the Russian Federation is shown. The main conclusion of the study is the need to expand the formats of state support for cluster participants, which will accelerate the innovative development of the Arctic zone. The scientific novelty of the study is due to changes in Russia's foreign policy and the formation of new requirements for regional policy in the Arctic zone, namely: to carefully increase international cooperation, taking into account the national interests of the Russian Federation in the Arctic; to reorient the economic rails towards import substitution and the establishment of production facilities for the development of the Arctic zone. And here, economic clusters are one of the main instruments of regional policy. It is important to form clusters using forms and methods of state regulation for the implementation of sustainable development of the Arctic territories. In the study, the authors identify both theoretical and empirical conclusions on the issue of state regulation of the development of Arctic clusters.

Key words: public administration, Arctic, St. Petersburg Arctic cluster, sustainable development of the Arctic territory, clustering, innovation, cluster development centers, executive authorities

УДК 332.1

Патентная активность региона как инструмент обеспечения технологического суверенитета страны (на примере Республики Татарстан)*

Нестулаева Д.Р.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

Авхадиева Э.А.
Бакалавр кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

Укрепление технологического суверенитета возможно только через инновационный путь развития и внедрения в производство технологических инноваций, поэтому анализ патентной активности субъектов Федерации является актуальной задачей для исследования. В связи с чем, в работе, были рассмотрены показатели количества поданных заявок и полученных патентов на изобретение в Республике Татарстан, выявлены лидеры по подаче патентных заявок, представлены данные по использованию патентов. В результате исследования был сделан вывод о высокой патентной активности республиканских вузов, но низком показателе внедрения изобретений в производство, что тормозит переход от импортозамещения в сторону создания и внедрения новых технологий в Татарстане. Поэтому региональным властям необходимо создать условия для конструктивного диалога между вузами (драйверам создания интеллектуальной собственности) и предприятиями (местами внедрения разработок в производство) с целью усиления технологического суверенитета страны.

Ключевые слова: патентная активность, патент, технологические инновации, технологический суверенитет

Главной производительной силой в постиндустриальном обществе становятся наука, информация и знания, которые формируют новый технологический уклад и усиливают позиции страны в направлении достижения технологического суверенитета. В связи с чем, главенствующая роль отводится защите интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная собственность – это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации предпринимателей и юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которые охраняются законом [1]. Согласно ст. 1225 ГК РФ к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности (РИД) и средствам индивидуализации отнесены 16 объектов форм, среди которых можно выделить изобретения, полезные модели, промышленные образцы, которые отражают техническое решение. В ст. 1345 ГК РФ сказано, что подтверждением права на изобретение, полезную модель, промышленный образец является патент, поэтому анализ патентной активности необходим для оценки технологических инноваций и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10215 «Экономическая стабильность Республики Татарстан через развитие технологического суверенитета», https://rscf.ru/project/23-28-10215/

определения потенциала инновационной активности страны и регионов.

Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ много лет проводит анализ ключевых трендов патентной активности отечественных разработчиков. Согласно исследованиям, патентная активность России за последние годы снижалась, и если в 2015 г. отечественные заявители подали в стране и за рубежом 33,5 тыс. патентных заявок на изобретения (что составило 1,2 % всех патентных заявок в мире), то в 2021 г. только 25,5 тыс.(соответствует 0,8 % всех патентных заявок в мире) [2].

Интересно, что в общемировом измерении почти 67,6 % всех поданных в 2021 г. заявок на регистрацию патентов пришлось на азиатские страны (причем 45,2 % от общего количества заявок было сделано в Китае), в то время как в 2011 г. их доля составляла только 54,6 % [3].

Анализ динамики выдачи патентов в РФ за последние 10 лет представленный на рисунке 1, демонстрирует тренд на понижение с 2015 г. Считаем, это связано с отложенным эффектом антироссийских санкций после присоединения Крыма к России в 2014 г. и поэтапным свертыванием иностранными юридическими лицами масштабных инвестиционных программ в РФ, что повлекло сокращение импорта высоких технологий.

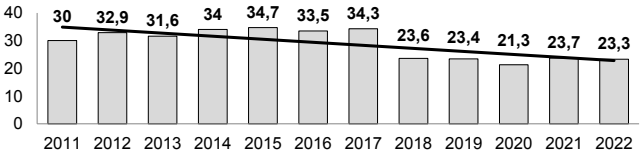


Рис. 1. Количество выданных патентов в России за 2011–2022 гг., тыс. ед. [3]

А начавшийся в 2022 г. виток новых санкционных ограничений только усилил тренд на понижение, т.к. недостаток инвестиций в НИОКР серьезно сказывается на сокращении патентной активности, а экономике Российской Федерации нужно время для адаптации к новым условиям, хотя бы 4–5 лет. Помимо снижения количества полученных патентов можно наблюдать отрицательную динамику и в количестве действующих патентов на изобретения, если в 2021 г. их было 264,5 тыс., в 2022 г. – 259 тыс., то в 2023 г. – 250 тыс. (-5,8%). По нашему мнению, снижение данного показателя не так стремительно, как сокращение величины выданных патентов (-16% 2021/2023 гг.), что связано с желанием иностранных компаний в будущем вернуться на российский рынок, для чего они продлевают ранее полученные патенты.

Санкционные ограничения безусловно отрицательно повлияли на позицию России на мировом рынке и продемонстрировали высокую зависимость отечественных бизнеса и промышленности от западных технологий. И даже несмотря на колоссальный научный и производственный потенциал РФ, к сожалению, мы пошли по пути наименьшего сопротивления, и многие годы покупали готовые технические решения за рубежом, не наращивая объем финансирования на разработку собственных НИОКР. И даже сейчас отечественные компании компенсируют нехватку высокотехнологичных продуктов и промышленных технологий через параллельный импорт или путем покупки альтернативных продуктов с низким качеством или урезанным функционалом. И это понятно, т.к. создание продукта «с нуля» требует больших финансовых, человеческих и временных ресурсов.

Государственная поддержка, в виде софинансирования, грантов, налоговых льгот и др., компаний занимающихся исследованиями и разработками является хорошим стимулом для них. Но, к сожалению, реальность такова, что динамика внутренних затрат на НИОКР в РФ отрицательна (рис. 2).

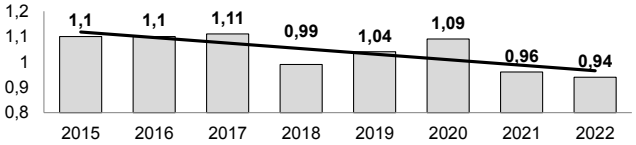


Рис. 2. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки, % к ВВП [4]

Но даже в условиях санкционных ограничений, сокращения иностранного финансирования и отвлечения финансов государственного бюджета на специальную военную операцию, в 2022 г. на НИОКР было направлено 1435,9 млрд руб. (67,3 % доля вложения государства), что подтверждает важность, как для государства, так и отечественных компаний создания задела для технологической независимости страны.

Технологическая независимость предполагает «наличие способности отечественных производителей обеспечить в необходимом объеме производство продукции в основе, которой – уникальное техническое решение» [5], к таким техническим решениям можно отнести изобретения, полезные модели и промышленные образцы. В данной работе мы остановимся только на анализе поданных заявок и полученных патентов на изобретения.

Как было сказано ранее, динамика подачи заявок на изобретение в РФ имеет отрицательный тренд (в 2022 г. подано в 1,5 раза меньше заявок, чем в 2015 г.), такая тенденция складывается и по федеральным округам РФ (табл. 1).

Как видим из таблицы 1 Приволжский федеральный округ занимает второе место по количеству поданных заявок, лидерами в нем стали Республика Татарстан (735 заявок в 2022 г.), Республика Башкортостан (430), Пермский край (428) и Самарская область (373), что говорит о высоком научном потенциале данных регионов [5].

Более подробно проведем анализ лидера данного региона, по количеству поданных заявок на изобретение, Республики Татарстан.

Таблица 1

Количество заявок на выдачу патентов на изобретения, поданных российскими заявителями, по федеральным округам РФ в 2018–2022 гг. [5]

№	Федеральный округ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1	Центральный	13 832	10 780	10 136	8 688	8 143
2	Приволжский	3 437	3 467	3 371	3 359	3 299
3	Северо-Западный	2 205	3 688	5 131	2 180	2 279
4	Сибирский	1 916	1 934	1 834	1 896	1 820
5	Южный	1 610	1 502	1 317	1 386	1 298
6	Уральский	1 003	1 017	1 007	1 114	1 165
7	Дальневосточный	456	493	482	452	475
8	Северо-Кавказский	428	406	421	32	442
9	не определен	39	50	60	62	49
Итог		24 926	23 337	23 759	19 169	18 970

Республика Татарстан славится тем, что здесь в силу развитой промышленности и научно-технического потенциала, сложились предпосылки для развития сильнейших инженерных школ в стране, но последние события в мире также отрицательно отразились и на изобретательской активности региона (рис. 3).

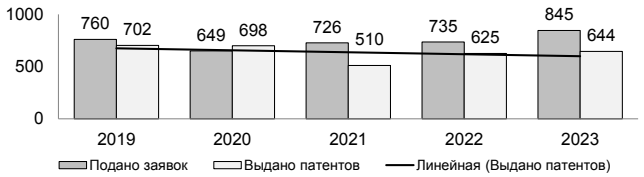


Рис. 3. Количество поданных заявок и выданных патентов на изобретение в РТ, тыс. ед. [6]

В разрезе экономических субъектов по количеству поданных заявок на изобретение лидируют предпринимательский сектор, вузы и образовательные учреждения, что является логичным, т.к. именно эти субъекты обладают достаточными финансовыми и человеческими ресурсами для решения технических задач (рис. 4).

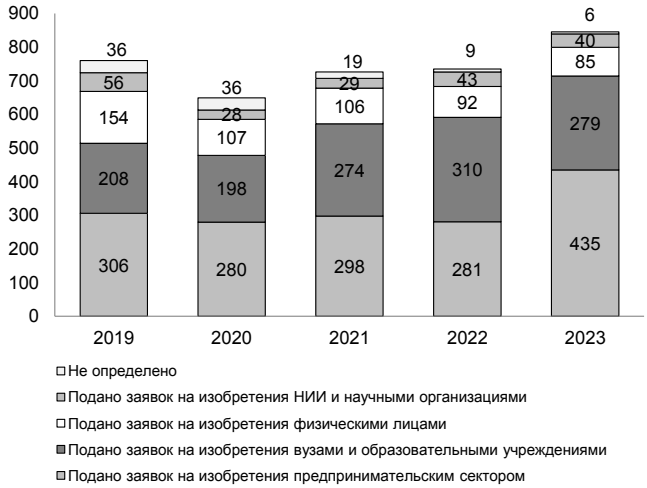


Рис. 4. Количество поданных заявок на изобретение различными экономическими субъектами в РТ [6]

Лидерами по подаче заявок на изобретения и полезные модели в РТ за последние три года (2021–2023 гг.) стали:

• *в предпринимательском секторе:* ПАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина (621 заявка за 3 года; организация занимает второе место по РФ), ПАО «КАМАЗ» (173), ООО «Газпром трансгаз Казань».

• *среди вузов и образовательных учреждений*: Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (223 заявки за 3 года), Казанский государственный архитектурно-строительный университет (223), Казанский (Приволжский) федеральный университет (193), Казанский государственный аграрный университет (139), АНО ВО «Университет Иннополис» (102, Казанский государственный энергетический университет (98), Казанский государственный медицинский университет (97), Казанский национальный исследовательский технологический университет (84) [6].

В разрезе отраслей с большим отрывом лидирует заявки в нетфтехимии (более 190 заявок), и уже потом машиностроении (более 45 заявок), медицине, транспорте и химической промышленности. Такое деление связано с отраслевой структурой экономики РТ, где наибольший удельный вес занимает промышленность – 46 %, в том числе, добыча полезных ископаемых – 25 %.

Помимо анализа поданных заявок и полученных патентов на изобретения, важным показателем укрепления технологического суверенитета является использование объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС). За пятилетний период с 2018 по 2022 гг. прослеживается стабильный рост использования ОИС в России, однако в действительности этот показатель составляет всего лишь около 10 % от всех ОИС имеющих правовую охрану. Например, для патентов на изобретение этот показатель в 2023 г. составлял всего 7,9 %, для ПФО это показатель составил 1,8 %, для Республики Татарстан – 0,6 %, что является лучшим показателем среди субъектов данного округа (доля используемых изобретений в РТ от общего количества используемых изобретений в ПФО составляет 37 %).

Среди востребованных патентов на изобретения лидирует «добыча сырой нети и природного газа» (794 используемых изобретения), что объясняется тем, что нефтегазохимический комплекс Татарстана является бюджетообразующей отраслью республики. На втором месте «образование» (481 используемое изобретение), далее «научные исследования и разработки» (75 используемых патентов на изобретение) [6].

Таким образом, можно констатировать, что Республика Татарстан на протяжении многих лет за-

нимает лидирующие позиции среди регионов по количеству полученных патентов и использованию объектов интеллектуальной собственности. Это связано с такими факторами, как развитая промышленность в регионе, сильная научно-техническая база, большое количество образовательных организаций и исследовательских центров с признанными научными школами, ведущими исследования по приоритетным направлениям развития науки и техники.

Закрепление права на интеллектуальную собственность (получение патента) является основополагающей в продвижении инноваций и является первым шагом на пути к технологическому суверенитету. Вторым шагом должно стать стимулирование вовлечения объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот, т.к. именно внедрение новых разработок и инновационных технологий в реальный сектор экономики даст возможность стране перейти на VI технологический уклад. Но, к сожалению, мы сильно уступаем в части коммерциализации и практического внедрения разработок в производство. Например, для Республики Татарстан, характерна высокая патентная активность среди вузов (в топ-10 по подаче заявок на изобретения и полезные модели 8 это вузы), но образовательная организация не может внедрить самостоятельно патент в производство, необходима производственная база. Конечно, многие вузы сотрудничают с предприятиями в рамках научно-исследовательских разработок, но до конструктивного диалога в данном вопросе еще далеко. И здесь, как нам видится, региональные органы власти должны стать связующим звеном и повлиять на интеграцию науки, образования и бизнеса, через корректировку научно-исследовательских программ вузов с целью получения конкретных прикладных результатов для решения задач, связанных с достижением технологического суверенитета страны.

Литература:

1. Источники права интеллектуальной собственности. – URL: https://www.consultant.ru/edu/center/training/ip/theme1/
2. Нестеренко А.В., Стрельцова Е.А. На пути к технологическому суверенитету: патентная активность России в 2015–2022 гг. – URL: https://issek.hse.ru/news/820285722.html
3. Россия на глобальном рынке интеллектуальной собственности. – URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiya-na-globalnom-rynke-intellektualnoy-sobstvennosti/
4. Мартынова С.В., Ратай Т.В. Финансирование российской науки в новых условиях: итоги 2022 г. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/870115734.pdf
5. Суконкин А.В., Иванова М.Г., Кузьмина Н.И., Евстратова А.С., Завгородняя Ю.В. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2022: коэффициент изобретательской активности в регионах Российской Федерации. – М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2023. – 63 с.
6. Аналитические данные по Республике Татарстан. – URL: https://patentrt.ru/analytics/analiticheskie-dannye-po-respublike-tatarstan

Patent Activity of the Region as a Tool to Ensure the Technological Sovereignty of the Country (on the Example of the Republic of Tatarstan)

Nestulaeva D.R., Avkhadieva E.A.
Kazan State Power Engineering University

Strengthening technological sovereignty is possible only through an innovative way of development and introduction of technological innovations into production, therefore, the analysis of patent activity of the subjects of the federation is an urgent task for research. In this regard, in the work, the indicators of the number of applications filed and patents received for inventions in the Republic of Tatarstan were considered, leaders in filing patent applications were identified, data on the use of patents were presented. As a result of the study, it was concluded that the high patent activity of republican universities, but the low rate of introduction of inventions into production, which slows down the transition from import substitution towards the creation and introduction of new technologies in Tatarstan. Therefore, the regional authorities need to create conditions for a constructive dialogue between universities (drivers of intellectual property creation) and enterprises (places of implementation of developments in production) in order to strengthen the technological sovereignty of the country.

Key words: patent activity, patent, technological innovations

УДК 338.484:332.12

Темпы восстановления и корреляция отдельных показателей экономики туризма Республики Татарстан

Низамутдинова Г.Ф.
Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры сервисных технологий Казанского национального
исследовательского технологического университета

Актуальность исследования продиктована необходимостью развития экономики туризма РТ и повышения вклада отрасли в ВРП. Цель: установить динамику, прирост и корреляцию отдельных показателей экономики туризма. Выявлены особенности восстановления показателей экономики туризма в период постпандемии. Представлены значения коэффициентов корреляции показателей, позволяющие прогнозировать изменения взаимосвязанных параметров экономики туризма РТ. Впервые установлены высокие темпы восстановления оборота в сфере общепита, числа лиц в санаторно-курортных и коллективных средствах размещения и их практически линейная связь с турпотоком и ВРП. Результаты имеют ценность для построения экономико-математических моделей.

Ключевые слова: ВРП, темпы роста, экономика туризма, корреляция, Татарстан, пандемия

Привлекательность дестинаций Республики Татарстан для потребителей туристических услуг обусловлена возможностями реализации познавательного, культурологического, религиозного, рекреационного, делового и других видов туризма в регионе. Влияние пандемии и политической конфронтации на международной арене обеспечило деструктивные изменения в глобальных цепочках формирования добавленной стоимости во многих отраслях экономики [1], в том числе в туризме, где произошла переориентация на внутренние потоки потребителей услуг. При этом важным остается повышение доли туристических услуг в структуре внутреннего валового общероссийского и регионального продукта [2]. В этой связи интерес представляет решение следующих исследовательских вопросов:

– каковы темпы восстановление показателей экономики туризма РТ относительно периода пандемии;

– каково влияние отдельных показателей экономики туризма РТ на турпоток и валовый региональный продукт (ВРП).

Анализ имеющихся публикаций по проблеме развития туристической отрасли экономики позволил выявить исследования, наиболее близкие к рассматриваемым вопросам:

– П.Г. Николенко и А.М. Терехов производят анализ динамики отдельных показателей отрасли туризма с применением статистических данных до 2020 г. включительно. Авторы исследуют число въездных и выездных поездок, реализованных турпакетов по России и др. странам и их среднюю стоимость, число коллективных средств размещения и предлагают прогнозные экономико-математические модели изменения этих показателей [2]. Влияние на ВРП или валовую добавленную стоимость (ВДС) не рассматривается, статистика не охватывает период восстановления после пандемии.

– Д.Р. Мамаева с соавторами исследуют влияние ряда показателей на ВДС в туризме Казахстана с привлечением статистики до 2017 г. Несмотря на то что исследование не охватывает период резкого падения экономики туризма в пандемию, авторами приведена методика выявления взаимного влияния множества показателей. Оценена корреляция ВДС и численности населения, протяженности путей сообщения различных типов, уровня заработной платы, числа обслуженных посетителей, объема услуг туроператоров и многих других. Выделены наиболее влияющие факторы и получено уравнение регрессии, обеспечивающее прогнозирование ВДС на

уровне страны [3]. Показатели региональной экономики туризма и влияние на ВРП не приводятся.

– Ю.П. Алексеева и В.А. Рубцов производят регрессионно-корреляционный анализ набора факторов, влияющих на ВДС по аналогии с предыдущим исследованием, но на примере РТ. Авторами установлены наиболее значимые факторы, имеющие прямое выраженное воздействие на ВДС: число гостиниц и санаторно-курортных средств, оборот общественного питания, среднемесячная зарплата и численность населения. При этом первичные статистические данные для анализа не приводятся, а предоставляются результаты в виде корреляционных коэффициентов до 2020 г. [4]. Характер восстановления показателей экономики РТ после пандемии (по имеющимся данным до 2022 г.) и их влияние на ВРП и туристических поток не рассматриваются.

В связи с недостаточностью исследований по проблеме восстановления показателей экономики туризма РТ относительно периода пандемии, а также вследствие дискуссионности вопросов влияния отдельных показателей на турпоток и ВРП целесообразно произвести анализ их динамики, прироста и корреляции.

На основе данных Татарстанстата [5; 6] Росстата [7] и Госкомитета РТ по туризму [8] выбраны данные за 5 лет, симметрично относительно года пандемии, для набора показателей, систематизированных в таблице 1.

Первичные статистические данные исследуемых показателей экономики туризма РТ в динамике за 2018–2022 гг., их изменение в год пандемии относительно 2019 г., их восстановление в 2022 г. относительно 2020 г. и 2018 г. представлены в таблице 2. Согласно таблице 2, наиболее сильное падение вследствие пандемии (2020 г. к 2019 г.) претерпели показатели – число принятых в РТ иностранных туристов и их количество в коллективных средствах размещения на 73,96 и 76,19 % соответственно; стоимость реализованных туров на 94,64 %.

Средний уровень сокращения (на 30–50 %) за тот же период демонстрируют показатели – число российских граждан в коллективных средствах размещения (-36,13 %) и санаторно-курортных организациях (-38,50 %); количество реализованных путевок (-45,09 %); оборот в сфере общественного питания (-23,95 %); величина туристического потока (-47,22 %). Закономерно, что наименьшему

Таблица 1

Набор показателей экономики туризма РТ (*x*) для оценки их темпов роста и взаимосвязи с изменением турпотока и ВРП (составлено автором)

Код	Наименование показателя	Код	Наименование показателя
x1	оборот в сфере общественного питания, млрд руб.	*x7*	численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.
x2	число санаторно-курортных организаций и орг. отдыха, ед.	*x8*	численность размещенных лиц в санаторно-курортных организациях, тыс. чел.
x3	Гостиницы и аналогичные средства размещения, ед.	*x9*	число реализованных путевок населению, тыс.
x4	число принятых иностранных туристов в РТ, тыс. чел.	*x10*	стоимость реализованных путевок, млрд руб.
x5	число коллективных средств размещения, ед.	*y1*	туристический поток, млн. чел
x6	численность граждан РФ, размещенных в коллективных средствах размещения, млн чел.	*y2*	индекс физического объема ВРП, %

Таблица 2

Динамика показателей экономики туризма РТ за 2018–2022 гг., их изменение в пандемию, темпы восстановления и коэффициенты корреляции (составлено и рассчитано автором по данным [5–8])

Год	*y1*	*y2*	*x1*	*x2*	*x3*	*x4*	*x5*	*x6*	*x7*	*x8*	*x9*	*x10*
2018	3,4	102,2	44,1	196	416	24,551	612	2,117	140,844	161,424	154,5	9,8707
2019	3,6	102,8	47,6	182	403	24,419	585	2,228	106,989	157,67	155,9	10,212
2020	1,9	96,9	36,2	152	387	6,359	539	1,423	25,473	96,965	85,6	0,5444
2021	3,3	103,2	46,6	156	340	7,080	496	2,088	34,576	172,847	84,1	6,8436
2022	3,9	106,0	54,7	177	405	8,243	582	2,554	53,490	168,494	97	8,5575
2020/2019, %	-47,22	-5,74	-23,95	-16,48	-3,97	-73,96	-7,87	-36,13	-76,19	-38,50	-45,09	-94,67
2022/2020, %	105,26	9,39	51,10	16,45	4,65	29,63	7,98	79,45	109,99	73,77	13,32	1471,9
2022/2018, %	14,71	3,72	24,04	-9,69	-2,64	-66,43	-4,90	20,64	-62,02	4,38	-37,22	-13,30
Коррел *y1*	1	0,966	0,929	0,644	0,214	0,392	0,400	0,984	0,466	0,931	0,413	0,926
Коррел *y2*	0,966	1	0,979	0,471	0,077	-0,143	0,241	0,985	0,242	0,921	0,167	0,800

воздействию пандемии подверглись инфраструктурные показатели: число санаторно-курортных, организованных, коллективных средств размещения возросло на 16,48; 3,97; 7,87 % соответственно.

Наиболее существенные темпы восстановления в период постпандемии (2022 г. к 2020 г.) регистрируются у показателей турпотока (105,26 %); оборота в сфере общепита (51,10 %); числа российских и иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения (79,45 % и 109,99 %) и в санаторно-курортных организациях (73,77 %). В связи с общим ростом цен по России и стремительно возрождающейся отраслью туризма в период постпандемии наблюдается существенный прирост стоимости суммарно проданных путевок – в 17 раз. При том, что число реализованных туров возросло только на 13,32 %. Инфраструктурные факторы, связанные с числом различных средств размещения, отдыха и рекреации в связи с несущественным падением в пандемию демонстрируют малые темпы роста.

Анализируя темпы восстановления экономики туризма симметрично относительно года пандемии (2022 г. к 2018 г.), можно отметить, что не все показатели демонстрируют прирост значений до уровня 2018 г. Незначительно ниже уровня 2018 г. остаются показатели: число санаторно-курортных, организованных, коллективных средств размещения (на 9,62, 2,64, 4,90 %). Не восстановились до уровня 2018 г. показатели числа и стоимости реализованных путевок, что, вероятно, обусловлено развитием самостоятельного бронирования перелетов и мест проживания населением. Существенно ниже уровня 2018 г. остается численность принятых иностранных граждан в РТ (на 66,43 %) и размещенных иностранцев в коллективных средствах размещения – на 62,02 %, что обусловлено неприятием России рядом недружественных государств.

В таблице 2 также представлены результаты корреляционного анализа взаимного влияния ряда показателей экономики туризма (*x1–x10*) и туристического потока (*y1*), а также индекса физического объема ВРП (*y2*). При сильной корреляции и близости коэффициента к единице можно считать, что связь стремится к линейной функции и изменение одного показателя скажется на уровне значений другого. Наименьшая корреляционная связь наблюдается у инфраструктурных факторов с турпотоком и ВРП, а также у показателя количества принятых в РТ иностранных туристов. Средняя связь у показателя числа иностранцев в средствах размещения РТ с турпотоком и ВРП. При этом связь с турпотоком на 0,2 ед. выше по данным показателям.

Курсивом в таблице 2 выделены значения коэффициентов корреляции, стремящиеся к единице. Высокую корреляционную связь демонстрируют: оборот в сфере общепита с турпотоком (0,929) и ВРП (0,979); число лиц в санаторно-курортных и коллективных средствах размещения с турпотоком (0,931 и 0,921) и ВРП (0,984 и 0,985); стоимость реализованных путевок с турпотоком (0,926) и ВРП (0,8). Практически линейный характер корреляции данных показателей обуславливает их использование при прогнозировании изменения ВРП и построении экономико-математических моделей.

Таким образом, произведена оценка динамики отдельных показателей экономики туризма и темпов ее восстановления относительно периода пандемии и допандемийного уровня. Наиболее значительные темпы восстановления зарегистрированы у показателей оборота общественного питания и числа лиц в санаторно-курортных и коллективных средствах размещения. Эти же показатели, наряду со стоимостью реализованных туров, имеют сильную корреляционную связь с туристическим потоком и индексом физического объема ВРП. Результаты исследования служат основой для последующего построения регрессионно-корреляционных моделей и проверки их адекватности.

Литература:

1. Шайхутдинова Ф.Н. Структура торговли промышленной продукцией стран ЕАЭС: влияние пандемии и деглобализации экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 3. – С. 40–43.
2. Николенко П.Г., Терехов А.М. Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития // Статистика и Экономика. – 2022. – №19(4). – С. 57–70.
3. Мамраева Д.Г., Ташенова Л.В. Корреляционно-регрессионный анализ развития туризма в Казахстане // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 4 (30). – С. 110–114.
4. Алексеева Ю.П., Рубцов В.А. Корреляционно-регрессионный анализ факторов, влияющих на туристическую дестинацию (на примере Республики Татарстан) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 64–73.

5. Валовой региональный продукт. Татарстанстат. – URL: https://16.rosstat.gov.ru/folder/136134 (дата обращения: 10.02.2024).
6. Туризм. Татарстанстат. – URL: https://16.rosstat.gov.ru/folder/228037 (дата обращения 10.02.2024).
7. Официальная статистика. Туризм. Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 10.02.2024).
8. Информация об итогах развития отрасли туризма Республики Татарстан. Госкомитет РТ по туризму. – URL: https://tourism.tatarstan.ru/documents.htm (дата обращения: 10.02.2024).

Rate of Recovery and Correlation of Individual Indicators of the Tourism Economy of the Republic of Tatarstan

Nizamutdinova G.F.
Kazan National Research Technological University

The relevance of the study is dictated by the need to develop the tourism economy of the Republic of Tatarstan and increase the industry's contribution to GRP. Goal: to establish the dynamics, growth and correlation of individual indicators of the tourism economy. The features of the recovery of tourism economic indicators in the post-pandemic period have been identified. The values of the correlation coefficients of indicators are presented, which make it possible to predict changes in interrelated parameters of the tourism economy of the Republic of Tatarstan. For the first time, high rates of restoration of turnover in the catering sector, the number of people in sanatorium-resort and collective accommodation facilities, and their almost linear relationship with tourist flow and GRP have been established. The results are valuable for constructing economic and mathematical models.

Key words: GRP, growth rate, tourism economy, correlation, Tatarstan, pandemic

УДК 332.1

Приоритет российской цивилизационной платформы как фактор устойчивого развития экономического пространства*

Орлов С.Л.
Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность *темы исследования определяется современным переходом государства к национальной экономической модели развития, имеющим объективную основу, связанную с геополитическими изменениями нынешнего этапа мирового тренда и постепенного освобождения от необоснованного единообразия приоритетов западного либерализма.* ***Цель и задачи*** *исследования заключаются в раскрытии особенностей нынешнего этапа национального развития, в основе которого лежит переход к новому цивилизационному порядку, способствующему построению наиболее приемлемой для России устойчивой национальной экономической системы. Данный тезис обосновывается также и тем, что прежня модель, функционирующая на протяжении более тридцати лет, развивалась на первоначальном этапе в режиме перманентного кризиса и не соответствовала требованиям поступательного роста и социальным запросам общества, демонстрируя на протяжении длительного периода в последние годы черты устойчивой рецессии.* ***Научная и практическая значимость*** *работы заключается в раскрытии основных механизмов построения эффективной системы государственного управления разнообразным ресурсным потенциалом, имеющимся в пределах национальной территории, на основе ресурсной самодостаточности и значительного обновления хозяйственного механизма на условиях экономического, научно-технологического, промышленного и финансового суверенитета.* ***Основные результаты*** *и выводы, представленные в исследовании, состоят в рассмотрении особенностей исторически наиболее приемлемой российской (евроазиатской) цивилизационной платформы и её влияния на трансформационный переход к устойчивой национальной социально-экономической системе.* ***Ценность исследования и научная новизна*** *состоят в изложении содержательных элементов российской (евроазиатской) цивилизационной платформы и основанных с этим важнейших элементов устойчивого развития экономического национального пространства.*

Ключевые слова: геополитическая система, евразийская цивилизационная платформа, устойчивость национальной модели, ресурсная самодостаточность, новая экономика, прогрессивные межгосударственные отношения, военно-политическая, экономическая и духовная парадигма

Нынешний процесс преобразования геополитической системы, в наиболее явственной форме наблюдаемый с 2022 г. и не имевший прецедента с середины сороковых годов прошлого столетия, имеет особую актуальность для научных исследований. Современный геополитический разворот возник совсем не случайно, а стал фундаментальным импера-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

тивом о неприемлемости для будущего миропорядка большинства прежних постулатов, ещё совсем недавно воспринимаемых как основополагающие доктрины на протяжении последних десятилетий. **Нынешнюю трансформацию можно характеризовать как выстраданную обществом и государством, основанную на принципиально иных, чем западный либеральный образец ценностей и приоритетов, т.н. евразийскую цивилизационную платформу, в историческом и философском плане наиболее обоснованную и приемлемую для России.**

В чём же смысл и основные сущностные характеристики такого стандарта? По мнению автора, здесь переплетается сложная историческая и философская основа современного сознания, культурных и ментальных особенностей, характеризующих многонациональное население России. Возможно, на эти особенности и отличия от принятых общеевропейских устоев оказало влияние географическое положение, значительное территориальное пространство, поступательное продвижение Российского государства вглубь евразийского континента и, следовательно, постепенное взаимное проникновение и даже в некоторой степени обмен традициями и обычаями между различными народами. Этого практически не было на значительно меньшем пространстве западной и центральной Европы. К тому же целый ряд современных европейских стран должны признать особую роль бывшего СССР в создании или сохранении их государственности: Австрия, Германия, Польша и др. О нашей стране в плане сохранения территориальной целостности практически никто никогда не заботился, и вряд ли подобное можно ожидать в обозримом будущем. Необходимость трансформации к новому цивилизационному порядку рассматривалась автором вскоре после начала СВО [1]. Однако сейчас, хотя бы в самой краткой форме, целесообразно обозначить более глубинный смысл понятия «российская цивилизационная платформа», заключающийся в достигнутом уровне общественного и духовно-нравственного развития и материальной культуры, отличном от других подобных формаций и распространённом в пределах национальной территории, пограничных и близлежащих дружественных государств.

Именно отступление на государственном уровне от рассматриваемых условий в угоду западным либеральным ценностям явилось непроходимым препятствием на пути к достижению национальной безопасности и суверенитета, исходя из устоявшихся разнообразных критериев данного понятия: экономический, научно-технологический, промышленно-производственный, финансовый и т.д. Это почти сразу привело в отторжению естественных российских устоев в экономике и социальной политике от достигнутой в предыдущие годы некоторого среднего уровня социально-экономического развития. Кроме того, насаждение чуждого либерального тренда во многих случаях осуществлялось путём агрессивной политики и было неприемлемо для подавляющего большинства населения. Сейчас Россия вновь возвращается в орбиту собственных национальных ценностей и приоритетов, перестраивая также и экономическую составляющую национальной цивилизационной модели. О том, насколько непросто шло развитие страны в последние годы, свидетельствуют данные таблицы 1.

Так, за десятилетний период 2013–2022 гг. дважды наблюдалась отрицательная динамика ВВП, четыре раза – объёма розничного товарооборота и шесть раз – реальных располагаемых денежных доходов населения. В целом это привело к снижению уровня народного потребления. Относительно устойчивое развитие отмечалась в секторе АПК, активно развернувшегося в сторону импортозамещения на фоне западных санкций и продвижения поставок зерновых на экспорт. В общих чертах к 2023 г. привязка преимущественно к западной экономической модели привела скорее всего к постоянно возобновляемому рецессионному типу развития без серьёзных положительных перспектив, в отличие от требуемой устойчивой траектории поступательного роста. **Восстановительный тренд обозначился в 2023 г., ещё пока только знаменуя начало национального трансформационного перехода, но окончательные сдвиги будут реально ощутимы на рубеже 2030-х гг.**

Вместе с тем фундаментальная устойчивость национальной экономики определяется разнообразными собственными ресурсами и значительно более осознанными задачами государственного управления. При этом прослеживается определённая взаимосвязь между прошлым этапом социально-экономического развития и нынешним, когда многие ранее признанные доктрины подлежат серьёзному переосмыслению и возможному принятию к действию. При этом устойчивость национальной модели становится важнейшим фактором будущего продвижения для постановки и реализации стратегических планов развития.

Вопросы устойчивого развития на территориях национальных пространств и в мире в целом неоднократно и под различным ракурсом рассматривались многими известными авторами [2–4]. В частности, С.Ю. Глазьев и С.Д. Бодрунов при постановке данной проблемы полагают, что «сейчас, как никогда, нужен надёжный “компас”, чтобы не заблудиться и найти верное направление дальнейшего движения и развития» [3, с. 10]. Речь в данном случае идёт как о глобальном восприятии устойчивости, так и о стабильном развитии национальной экономики в рамках общемирового хозяйственного организма.

Национальное пространство такой страны, как Россия, имеет более заметные особенности, нежели характерные для многих государств общие при-

Таблица 1

Динамика важнейших социально-экономических показателей РФ в 2013–2023 гг.

Показатели	Годы										
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Темпы роста (снижения), в %% к предыдущему году											
Численность населения*	100,2	100,2	101,8	100,2	100,2	100,1	99,9	99,6	100,04	99,6	99,8
Валовой внутренний продукт (ВВП)	101,8	100,7	97,5	100,3	101,6	102,8	102,0	97,0	104,7	97,9	103,6
Реальные располагаемые денежные доходы населения	104,0	99,3	97,6	95,5	99,5	102,4	101,0	98,0	103,1	99,0	105,4
Промышленное производство	100,4	101,7	99,2	102,2	102,1	103,5	103,4	97,4	105,3	99,4	103,5
Продукция сельского хозяйства	105,8	103,5	102,6	104,8	103,1	99,8	104,3	101,5	99,1	110,2	102,9
Инвестиции в основной капитал	100,8	98,5	89,9	99,8	104,8	105,4	102,1	98,6	107,7	104,6	106,5****
Розничная торговля	103,9	102,7	90,0	95,4	101,3	102,8	101,9	96,8	107,3	93,3	106,4
Индекс потребительских цен**	106,5	111,4	112,9	105,4	102,5	104,3	104,9	103,0	108,4	111,9	107,4
Количество населения с доходами ниже прожиточного минимума, млн чел., оценка за год в целом	15,5	16,1	19,6	19,4	18,9	18,4	18,1	19,6	16,1***	15,3	13,5

* численность населения, начиная с 2015 г., определяется с учётом Республики Крым и г. Севастополя. Расчёт относительных показателей осуществляется исходя из сравнения данных Росстата по состоянию на конец и начало текущего года без учёта новых регионов – Донбасса и Новороссии;

** декабрь текущего к декабрю прошлого года;

*** здесь и далее в соответствии с Правилами, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 26.11.2021 г., № 2049.

**** оценочные данные в I–ом кв. 2024 г.

оритеты и предлагаемые для всех единообразные черты. Российская пространственная модель отличается, главным образом, кардинальными особенностями формирования исторически сложившегося ареала, характерным географическим расположением, своеобразным и неповторимым многообразием менталитета и традиций населения, определёнными сложностями при подготовке и распределении ограниченных трудовых ресурсов и, как следствие, присущих нашему государству характерных приоритетов инфраструктурного и связанного с ним инфраструктурного обустройства территории. Поэтому насаждаемая сверху единообразная модель пространственного развития, в основе которой прослеживался вектор на единообразные для всех стандарты и критерии, не могла учесть множества специфических для России факторов, стать поступательным драйвером или заметным ускорителем процессов, а скорее обозначила значительную технологическую зависимость и неустойчивость национальной экономической системы.

Длительный период Россия следовала единообразию геополитических постулатов, и, возможно, полный отказ от многих из них является единственно приоритетным вектором будущего устойчивого развития. В последние полтора десятка лет мировая экономика характеризуется не просто как технологичный ресурс, а в высшей степени информационно насыщенной, имея ввиду транслирование национальных экономических систем к шестому технологическому укладу, если брать за основу классификацию, предложенную С.Ю. Глазьевым [2]. Это ещё более усложняет глобальный тренд развития, усиливая межнациональное неравенство и социальное расслоение. Об этом же свидетельствует и наступившая «нецикличность» вместо ранее прогнозируемой цикличности в относительно стабильной макроэкономической и политической сфере. Пока такой разворот непросто объяснить на основе прежнего научного подхода, тем не менее сейчас это становится истиной, всё чаще подтверждаемой на практике. Поэтому наиболее точно предсказать общемировое направление глобального развития в условиях нынешнего мейнстрима, в значительной степени нацеленного на приоритеты саморегулируемого рынка, остаётся достаточно проблематичным. Поэтому базовые элементы устойчивой модели практически любой государственной системы можно сформулировать преимущественно в пределах отечественного пространства. В данном случае основополагающим можно считать приоритет национальной модели устойчивого экономического развития, представленной системой целеполагания и связанных с ней задач, а затем обоснованно формировать условия, способствующие их реализации и эффективному встраиванию этой схемы в общемировые хозяйственные звенья. При этом определяющим фактором является изменение сознания и применяемых механизмов перехода к национальной модели для государственного и крупного корпоративного управленческого звена, а также эффективная подготовка кадров для этих целей. Подчеркнём, в основе подобных трансформаций лежит фундаментальный переход к евразийской цивилизационной платформе, о которой упоминалось ранее.

Особое значение в данном случае имеет нацеленность на реализацию экономического, промышленно-технологического и обеспечивающего разнообразные потребности национального пространства

финансового суверенитета. Значение ранее признанных постулатов классической, а затем доведённых до обязательных условий западно-либеральной экономики, таких, как частная собственность, свободное ценообразование в большинстве секторов общественного хозяйства, всеобъемлющая защита конкуренции на всех уровнях хозяйственной иерархии, уже не столь очевидны для положительного развития многочисленных звеньев нынешней хозяйственной системы. По этой причине российскому пространству, учитывая имеющиеся особенности, крайне сложно было найти собственную нишу в системе очерченных координат. Именно это следует считать важнейшим фактором построения собственной отечественной модели пространственного развития.

Углубляя исследование, представим основной смысл базового целеполагания, способствующего формированию устойчивости национального пространства, заключающегося в достижении стабильно развивающейся территории, на которой созданы условия для достижения экономического, финансового, научно-технологического и промышленного суверенитета, комплексной инфраструктурной связанности и разносторонней социальной защиты населения. При этом прерогативой остаётся обеспечение национальной безопасности, содержание которой раскрывается через реализацию национальных интересов и стратегических приоритетов [4]. При этом следует подчеркнуть, что устойчивость долгосрочного развития для России во многом зависит от эффективно функционирующей взаимосвязи «**государственное управление – ресурсная самодостаточность**». Многие экономисты во главу угла в последнее время ставят именно ресурсное обеспечение, однако необходимость ускоренной перестройки прежнего мышления и внедрение новых механизмов в нынешнюю систему управления, о чём упоминалось выше, также необходимы.

В недавнем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию будущая национальная модель определена как «новая экономика» [5]. Основополагающие приоритеты для создания отечественной экономической модели, обеспечивающей подобный устойчивый пространственный тренд, сформулируем следующим образом, дополнив ранее обозначенные преимущества:

– самостоятельное обеспечение важнейшими жизненно необходимыми видами ресурсов (продовольствие, энергетика, разнообразное сырьё для внутреннего потребления и переработки);

– макроэкономическая внутренняя устойчивость в границах национального пространства;

– интеллектуальная основа продвижения к шестому технологическому укладу (четвёртая промышленная революция) – образование, наука и научное обслуживание, разработки в сфере высоких технологий;

– связывающая национальное пространство комплексная современная инфраструктура (дорожно-транспортная, финансовая, цифровая и коммуникационная т.д.);

– стабильное социальное развитие и оперативное устранение возникающих диспропорций в пределах национальной территории России;

– постоянный мониторинг макроэкономической и структурно-отраслевой ситуации в различных секторах общественного хозяйства в условиях ограничения доступности к мировым товарным и технологическим рынкам;

– разработка стратегического и долгосрочного прогнозов социально-экономического развития России на период до 2030 г. и в перспективном варианте до 2036 г. с учётом опыта перестройки хозяйственного механизма, приобретённого в 2022–2023 гг. Это вытекает из принятой к реализации системы шестилетнего цикла стратегического планирования на срок полномочий Президента России [6];

– развитие положительно зарекомендовавших в отечественной и мировой практике гражданских институтов, обеспечивающих законодательные механизмы функционирования национальной пространственной модели;

– достижение эффективного результата на этапе трансформации к перспективным двусторонним взаимовыгодным контактам с внешнеэкономическими партнёрами, способствующим формированию дружественного окружения на основе прогрессивных межгосударственных отношений;

– устойчивые, конкурентоспособные и привлекательные позиции в формирующейся новой мирохозяйственной системе.

Важнейшим элементом достижения устойчивого развития следует считать ресурсную самодостаточность национальной модели по всему спектру наиболее значимых объёмных позиций, каждая из которых должна быть развёрнута и по структуре:

– трудовой потенциал (человеческие ресурсы);

– природный потенциал (ресурсы полезных ископаемых);

– продовольственные ресурсы, лекарственные препараты и медикаменты;

– материально-техническое обеспечение, **включая гражданские средства производства и продукцию ВПК;**

– финансовый потенциал;

– информационное обеспечение.

Таким образом, объективная потребность в реализации условий для построения отличной от прежней политической и экономической модели развития возникла на основе поступательного возрастания национального самосознания и отхода от длительных, в значительной степени несвойственных, а порою унизительных для России прерогатив и устоев во взаимоотношениях с некоторой частью между-

народного сообщества, представляющего западную коалицию. Это определяется экономическим суверенитетом, слагаемые которого формируются на основе технологической, финансовой, кадровой, инфраструктурной и внешнеэкономической независимости. Вместе с тем устойчивое внешнеэкономическое взаимодействие России неизменно сопряжено с дальнейшим поиском наиболее эффективных партнёрских отношений со всеми государствами, если это не противоречит национальной безопасности, национальным интересам и стратегическим приоритетам [7; 8]. Именно такой подход послужил обоснованным императивом для продвижения по направлению к национально ориентированной новой экономике. Прочный каркас устойчивости пространственного развития на основе национальной цивилизационной платформы поддерживается современной отечественной военно-политической, экономической и духовной парадигмой России.

Литература:

1. Орлов С.Л., Строев П.В. – Новая реальность и новый путь для России // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2. – С. 64–66.
2. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
3. Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центрката-лог, 2023. – 340 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. – URL: https:// Kremlin.ru/events/prezident/news/73585/-.
6. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Путин В.В. Выступление на XXI съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия», 17 декабря 2023 г. – URL: http//www.Kremlin.ru/ events/prezident/transcripts/73083.
8. Путин В.В. Выступление на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, 21 декабря 2023 г. – URL: http//www. Kremlin.ru/events/prezident/transcripts73013/.

The Priority of the Russian Civilizational Platform as a Factor of Sustainable Development of the Economic Space

Orlov S.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the research topic is determined by the modern transition of the state to a national economic model of development, which has an objective basis associated with the geopolitical changes of the current stage of the global trend and the gradual liberation from the unjustified uniformity of the priorities of Western liberalism. The purpose and objectives of the study are to reveal the features of the current stage of national development, which is based on the transition to a new civilizational order that contributes to the construction of the most acceptable stable national economic system for Russia. This thesis is also justified by the fact that the previous model, which has been functioning for more than thirty years, developed at the initial stage in a permanent crisis mode and did not meet the requirements of progressive growth and social demands of society, demonstrating for a long period in recent years the features of a stable recession. The scientific and practical significance of the work lies in the disclosure of the main mechanisms for building an effective public administration system with a diverse resource potential available within the national territory, based on resource self-sufficiency and significant renewal of the economic mechanism on the terms of economic, scientific, technological, industrial and financial sovereignty. The main results and conclusions presented in the study consist in considering the features of the historically most acceptable Russian (Eurasian) civilizational platform and its impact on the transformational transition to a stable national socio-economic system. The value of the research and the scientific novelty consist in the presentation of the substantive elements of the Russian (Eurasian) civilizational platform and the related most important elements of the sustainable development of the economic national space.

Key words: geopolitical system, Eurasian civilizational platform, stability of the national model, resource self-sufficiency, new economy, progressive interstate relations, military-political, economic and spiritual paradigm

УДК 338.23

Экономическая безопасность в инвестиционной сфере региона: проблемы обеспечения и перспективы развития

Смоленникова Л.В.
Кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансов, экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Инвестиционная политика государства является определяющей в развитии каждого региона. Актуальным в этой связи рассматривается вопрос обеспечения экономической безопасности в сфере инвестиций. В рамках поставленной в статье цели раскрыта сущность экономической безопасности в инвестиционной сфере и основные направления государственной политики по ее обеспечению. Отмечена степень разработанности проблемы и значимость инвестиционных процессов в обеспечении устойчивого развития региона. Как результат типологического развития дефиниции экономической безопасности, раскрыта сущность понятия инвестиционной безопасности. Определены направления государственной политики по обеспечению экономической безопасности в инвестиционной сфере регионов. Результатом работы является инструментарий оценки инвестиционной безопасности, включающий системы индикаторов развития инвестиционной сферы региона и их анализ в системе мониторинга.

Ключевые слова: управление инвестициями, экономическая безопасность, инвестиционная безопасность, государственная политика, принципы реализации, системы индикаторов, мониторинг

Сбалансированное, комплексное и системное развитие регионов, его инновационных секторов экономики в условиях реализуемой государством политики обеспечения технологического суверенитета возможно лишь при наличии благоприятной инвестиционной среды, инвестиционной привлекательности экономических субъектов и активизации инвестиционных процессов.

Особенности протекания региональных инвестиционных процессов, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития российских регионов, оказывают влияние на реализацию задач национальной экономики, национальных программ и проектов. В этой связи важным является вопрос идентификации и систематизации внутренних и внешних угроз экономической безопасности региона, оказывающих влияние на инвестиционную сферу.

Степень разработанности проблемы характеризуется многообразием исследований двух ключевых направлений: управления инвестициями и обеспечением экономической безопасности в системе управления инвестициями. В частности:

– при уточнении и формировании понятийного аппарата инвестиционной аксиоматики изучены и использованы результаты исследований Е. Бем-Баверка, И.А. Бланка, И.Л. Виленского, Д.А. Ендовицкого, В.В. Ковалева, В.Н. Лившица, К.Р. Макконелла, Г.А. Маховиковой, А. Смита, Ф.У. Шарпа;

– анализ ретроспективы управления инвестициями основывался на результатах исследований М.П.Афанасьева, В.О. Ключевского, В.И. Ленина, Ю.М. Самохина и др. ученых;

– в исследовании регионального инвестиционного процесса и вопросов управления инвестициями основой явились теоретические положения, изложенные в трудах И. Ансоффа, И.В. Борзакова, Е.В. Быковской, А.Г. Гранберга, В.П. Жданова, А.С. Мельникова, М.И. Самогородской и др.;

– в исследовании инвестиционной среды, инвестиционного климата, инвестиционной привле-

кательности методологической основой стали работы Т.Л. Безруковой, Л.Л. Игониной, Н.И. Корда, Н.В. Никитиной, Ю.А. Погодина, Т.В. Тепловой и др. исследователей.

Для формирования авторской позиции о значимости обеспечения устойчивого и безопасного развития региона изучены и использованы труды Л.И. Абалкина, М.А. Бендикова, С.Ю. Глазьева, А.П. Градова, Д.А. Ендовицкого, И.В. Ильина, Е.А. Ильяшенко, Г.Б. Клейнера, В.В. Криворотова, М.И. Кротова, В.И. Ксенофонтова, И.К. Ларионова, Е.А. Олейникова, В.Л. Ортынского, В.Л. Поздеева, В.К. Сенчагова, В.Л. Тамбовцева, А.И. Татаркина, Д.С. Хайруллова, В.Х. Цуканова, Т.Н. Юдиной и др.

В числе зарубежных ученых, специализирующихся в области экономической безопасности, следует назвать Б. Бьюзана, Я. Вайлда, О. Вейвера, С. Кобера, Д. Лосмана, Х. Несадурай, Ч. Месяца, Ш. Ронис и др.

Однако в сложившихся условиях развития региональной экономики важность внедрения принципов экономической безопасности на мезоуровне и активизации роли государства в управлении инвестиционными процессами обусловливают сохраняющуюся актуальность проблемы и необходимость ее дальнейшей проработки.

Обеспечение безопасности любой экономической сферы (системы) является непрерывным процессом защиты от внутренних и внешних угроз, что определяет важность построения адаптивного механизма управления региональными инвестициями на принципах экономической безопасности [1]. Исследователи рассматривают значимость инвестиционных процессов в обеспечении устойчивого развития региона, формулируют дефиниции «*экономическая безопасность*», «*инвестиционная безопасность*», принципы построения безопасности на мезоуровне, определяют риски и угрозы, влияющие на инвестиционную активность региона [2].

Сложность заключается в том, что системный подход к управлению инвестициями и инвестиционной безопасности предусматривает комплексный анализ объекта управления как определенной целостности, но система при этом является динамичной, противоречивой, развивающейся на базовых принципах. Таких принципов мы выделили три:

– *принцип объективности* – предполагает исследование инвестиционного процесса под влиянием социально-экономических явлений и причинно-следственных связей в развитии региона;

– *принцип историзма* – означает необходимость рассмотрения вопросов управления региональными инвестициями в развитии – изучение генезиса и поэтапных трансформаций;

– *принцип инвестиционной когерентности* – означает, что все экономические явления, процессы, элементы управления инвестициями рассматриваются во взаимосвязи.

Заметим, что инвестиционная когерентность рассматривается нами как гармонически согласованное протекание во времени, пространстве и ресурсном обеспечении инвестиционных процессов, управление ими для перехода количественных изменений в новые качества, что отражается в конечном счете в синергетическом и мультипликативном эффектах.

Системно-синергетический подход при проведении анализа позволяет акцентировать элементы региональной системы:

– *активные*: население, бизнес-сообщество, органы управления. Активные элементы являются носителями целей региона;

– *пассивные:* инфраструктура, институты, безопасность, экология. Пассивные элементы обеспечивают достижение целей.

Исследование взаимосвязей названных элементов позволяет установить, что в региональной системе управления инвестициями и инвестиционной безопасностью осуществляется преимущественно *косвенное (опосредованное) управление*, т.е. воздействие на объект управления через среду его обитания, жизнедеятельности. Среда региона создает мотивацию и условия для развития населения и экономических субъектов и включает цели, стратегии, институты, инфраструктуру, факторы производства и другие элементы [3]. При этом *угрозой инвестиционной безопасности* следует признать определенную совокупность факторов и условий, создающих опасность для объекта управления в виде причинения ущерба или вреда в определенный момент (или интервал) времени.

Это позволяет дать следующее понятие инвестиционной безопасности: *инвестиционная безопасность, как самостоятельный типологический вид экономической безопасности, означает состояние защищенности от внешних и внутренних экономических и финансовых угроз, которые могли бы подорвать способность государства обеспечить привлечение инвестиционных ресурсов и выполнение функций управления инвестиционной деятельностью на всех уровнях, снизить эффективность и безопасность экономической деятельности производителей и интересов потребителей.*

Эффективное использование инвестиционных ресурсов обеспечивается мерами экономической политики государства, реализацией национальных проектов и государственных программ, направленных на устойчивый рост экономики и социально направленное развитие государства, общества, личности. Устойчивость и развитие – важнейшие характеристики и ключевые составляющие экономической и инвестиционной безопасности.

Важнейшие направления государственной политики по обеспечению экономической безопасности

в инвестиционной сфере (инвестиционной безопасности) регионов включают:

– *снижение деформированности структуры экономики*, все еще сохраняющей выраженную сырьевую направленность;

– *сокращение количества дотационных регионов*, не имеющих собственных ресурсов для расширенного воспроизводства и обеспечения качества жизни населения;

– *увеличение инвестиций в обновление основных фондов*, имеющих физическую и моральную изношенность, приводящих к техногенным авариям и снижению конкурентоспособности отечественной продукции;

– *развитие объектов транспортной и энергетической инфраструктуры* (путей сообщения и транспортных средств, коммунальных сетей, объектов связи и др.), сдерживающих инвестиционное развитие бизнеса;

– *рост научно-технического и технологического потенциала*, обеспечивающего разработку инновационных решений, их внедрение в экономику в рамках стратегических направлений технологического суверенитета страны.

Стратегия инвестиционно-инновационного развития базируется на сценарных условиях Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. Понятно, что различие сценариев (консервативного, инновационного, форсированного) вытекает из внутренних факторов, разной модели поведения бизнеса и государственной политики регионального развития и обеспечения макроэкономической сбалансированности, а поставленные в Стратегии задачи решаются в рамках совершенствования инвестиционных механизмов:

– *бюджетной политики* – в части обеспечения приоритетности инновационных расходов и определения параметров и траектории изменения основных статей расходов бюджета, необходимых для развития инноваций (наука, образование, институты развития, поддержка бизнес-инноваций);

– *налоговой и тарифно-таможенной политики* – в части оптимизации уровня налоговой нагрузки на базовые факторы инновационного развития и введения налоговых льгот;

– *технической политики* – в части формирования стимулов к технологической модернизации и инновациям, а также к снятию барьеров и ограничений на внедрение новых технологий;

– *конкурентной политики и политики в сфере борьбы с коррупцией* – в части минимизации возможностей для несправедливой конкуренции через использование административного ресурса, предотвращения и пресечения антиконкурентных действий экономических субъектов, а также формирования благоприятного предпринимательского климата, включая деятельность правоохранительных и контрольных органов, судебной системы, общее правовое регулирование создания и ведения бизнеса;

– п*олитики в сфере государственных закупок* – в части создания необходимых инструментов и процедур, дающих возможность государственным заказчикам закупать инновационную продукцию, а государству в целом стимулировать за счет государственных закупок создание такой инновационной продукции;

– *внешнеэкономической политики* – в части более активного отстаивания интересов российских инновационных компаний на внешних рынках, поиска за рубежом технологических партнеров для российских предприятий, способных оказать значимое содействие в технологической модернизации российской экономики.

Региональная политика в этой связи может рассматриваться как комплекс мер разных направлений государственной экономической политики в части установления более высокого приоритета поддержки тех регионов, которые инвестируют в инновационное развитие.

Следует отметить, что современные институты и механизмы обеспечения экономической безопасности в сфере инвестиций сформированы в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4]; «Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года»; «Планом действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25 % их доли в валовом внутреннем продукте» и др. документами стратегической направленности.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены 9 национальных целей, среди которых: ускорение технологического развития РФ, вхождение Российской Федерации в число крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %. Во исполнение национальных целей развития были утверждены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г.» (ОНДП), инструментами реализации которых являются Государственные программы Российской Федерации – комплексы мероприятий по достижению целевых показателей, структурированные по этапам, срокам и ответственным исполнителям. Наиболее значительные направления реализации Государственных программ выделены в национальные проекты (программы). Среди них,

с точки зрения обеспечения экономической безопасности, ключевыми являются Государственные программы РФ «Научно-технологическое развитие РФ», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Экономическое развитие и инновационная экономика», национальные проекты «Повышение производительности труда и поддержка занятости», «Наука» и др.

Для оценки уровня развития инвестиционной сферы региона могут определяться системы показателей, характеризующих ее устойчивость в части: состояния экономики (инвестиционный потенциал), инновационного развития, демографической характеристики и уровня жизни населения (рис. 1).

Формирование систем индикаторов (показателей) всегда вариативно, зависит от решаемых стратегических задач и особенностей развития конкретного региона. Наличие системы индикаторов и установление их пороговых значений необходимо для использования в системе мониторинга. Как постоянно действующая система сбора, анализа информации о состоянии индикаторов, мониторинг позволяет выявлять сдерживающие факторы и угрозы устойчивости экономики региона, прогнозировать и устанавливать приоритеты социально-экономического развития, экономической и инвестиционной безопасности. Система мониторинга должна обеспечивать комплексность изучения процессов в инвестиционной сфере региона на основе использования структурированной системы индикативных показателей, логически взаимосвязанных в рамках единой концепции инвестиционной безопасности.

Анализ индикаторов может осуществляться с применением различных методов: сравнением современных параметров показателей с аналогичными показателями за предшествующие периоды (текущий анализ); сравнением прогнозных параметров с современными (перспективный анализ).

Рассмотрение показателей с позиции ретроспективной динамики требует определения временных рамок исследования. По оценке экспертов, для выявления четкой динамики развития регионов и результатов ее регулирования минимальная продолжительность ретроспективы должна составлять не менее 5–8 лет.

Рис. 1. Индикаторы развития инвестиционной сферы региона

Свод разнородных индикативных показателей в интегральные осуществляется с применением формулы многомерной средней, широко применяемой при проведении исследований на мезоуровне. Для приведения разнородных (т.е. имеющих разные измерители и размерности) частных показателей к сопоставимому виду используется предусмотренная методом многомерной средней процедура предварительной *нормализации их значений*, то есть преобразования в безразмерные относительные величины.

Формализованное представление системы показателей безопасности в инвестиционной сфере региона:

$$\boldsymbol{K_i = \Sigma\, k_{ji} / M,\ j = 1,\ M}$$

где: K_i – интегральный (комплексный) показатель безопасности в инвестиционной сфере i-го региона

k_{ji} – индикатор развития инвестиционной сферы *i*-го региона

M – общее количество индикаторов $k_{ji} = f_{ji}\ (x_{1ji}, x_{2ji}, \ldots, x_{nji})$

$$\sum_{n=1}^{N} x_{nji} = k\ ji, \mathrm{n}\ =\ 1, \mathrm{N}$$

где xnji – индикативный показатель безопасности в инвестиционной сфере *i*-го региона для *j*-го индикатора

N – количество индикативных показателей для *j*-го индикатора

Значение индикатора при необходимости уточнения расчетов может быть определено и как средняя многомерная величина:

$$k_{ji} = \frac{\Sigma x_{ni}}{n}$$

Для нормализации индикативных показателей и перевода их абсолютных значений в безразмерные относительные величины за базу принимаются:

– *средние значения показателей за анализируемый период*. Показатели остальных периодов рассчитываются путем деления фактического значения показателя региона на среднее значение показателя;

– *показатели начального периода* (при текущем анализе) либо *текущего периода* (при перспективном анализе). Показатели остальных периодов рассчитываются путем деления фактического значения показателя региона на показатель базового периода;

– *максимальные значения показателей ряда*. Показатели остальных периодов рассчитываются путем деления фактического значения показателя региона на максимальное значение показателя ряда.

Построение механизма управления инвестициями и инвестиционной безопасности, основанного на систематическом мониторинге возможных управляемых параметров регионального развития (индикаторов), позволяет получать объективное представление об особенностях и возможностях пространственной дифференциации деятельности инвесторов, выявлять вероятные деструктивные факторы и риски ведения инвестиционной деятельности, нивелируя фактор эмерджентности социально-экономической среды и реализуя проактивную инвестиционную политику.

Инвестиции, выступая ключевым условием экономического роста и экономического развития, определяют основные параметры технологической трансформации, модернизации и расширенного воспроизводства производственной базы, а следовательно, реализуемая инвестиционная политика может рассматриваться как один из главных факторов обеспечения экономической безопасности в инвестиционной сфере.

Ускорение технологического развития планируется осуществлять за счет повышения инвестиционной активности организаций, внедрения новых инструментов стимулирования их развития и поддержки инновационной инфраструктуры. Важно, что основной вектор динамики развития в значительной степени определяется ускоренным развитием инновационных секторов экономики и реализацией региональных стратегий инновационного развития. В числе мер, направленных на повышение инвестиционной активности организаций и стимулирование инновационного и научно-технологического потенциала регионов создание регулятивных стимулов и снятие ограничений к внедрению инновационных продуктов и налоговое стимулирование. Большое значение в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации, утвержденном Правительством РФ на период до 2024 г., придается политике развития и использования прямых и венчурных инвестиций. Для реализации региональных программ инновационного и научно-технологического развития рассматривается в качестве неотложных мер необходимость создания научных инновационно-технологических центров.

Литература:

1. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника / кол.авторов; под науч. ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 350 с.
2. Экономическая безопасность в новой реальности: Теория и методология / [О.А. Миронова и др.]; под ред. О.А. Мироновой, В.Л. Поздеева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 407 с.
3. Тимофеев Р.А., Шлычков В.В., Алафузов И.Г. Актуальные вопросы функционирования региона как социально-экономической системы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 63–70.
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года // СПС Гарант.

Economic Security in the Investment Sphere of the Region: Problems of Provision and Development Prospects

Smolennikova L.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The investment policy of the state is decisive in the development of each region. In this regard, the issue of ensuring economic security in the field of investment is considered relevant. Within the framework of the goal set in the article, the essence of economic security in the investment sphere and the main directions of state policy to ensure it are revealed. The degree of development of the problem and the importance of investment processes in ensuring sustainable development of the region are noted. As a result of the typological development of the definition of economic security, the essence of the concept of investment security is revealed. The directions of state policy to ensure economic security in the investment sphere of the regions have been determined. The result of the work is a toolkit for assessing investment security, including systems of indicators for the development of the investment sector of the region and their analysis in the monitoring system.

Key words: investment management, economic security, investment security, public policy, implementation principles, indicator systems, monitoring

УДК 338.26

Управление национальными проектами и государственными программами в Российской Федерации: методологические аспекты

Стрельникова Н.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, экономики и организации производства,
декан экономического факультета Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Реализация государственной политики обеспечения технологического суверенитета разных сфер экономической и социальной жизни России рассматривается как особо значимая с позиции эффективного управления национальными проектами, актуальность которого обусловлена национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами страны. В рамках поставленной цели в работе систематизирована информация о реализуемых в настоящее время национальных проектах, приведена характеристика направлений и инициатив их реализации. Продемонстрированы принципы и особенности управления национальными проектами и государственными программами на региональном уровне. В качестве результата в статье представлено аналитическое содержание государственной программы Республики Марий Эл «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность» и охарактеризована возможность ее реализации в установленные сроки.

Ключевые слова: национальные проекты, государственные программы, национальные интересы, стратегические приоритеты, управление, принципы, направления реализации

В условиях сохраняющейся турбулентности макроэкономической среды и динамичности качественных преобразований в системе управления государственными финансами в условиях развития технологических инноваций встает вопрос о стратегической дальнозоркости, совершенствовании методов и инструментов раннего обнаружения угроз и рисков, возникающих в процессе реализации национальных проектов с целью повышения эффективности использования государственных ресурсов и обеспечения контрольно-надзорных и регулирующих функций на региональном уровне.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации продекларировано, что «национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов» [1, п. 27]. В сложившихся геополитических условиях российская экономика, испытывающая давление санкционной политики Запада, развивается в рамках четко очерченных национальных интересов.

Об этом свидетельствуют статистические данные Минэкономразвития России [2] о росте ВВП в январе 2024 года (превышение уровня прошлого года на +4,6 %); росте промышленного производства (в январе ускорился до +4,6 %). Улучшение динамики связано прежде всего с восстановлением темпов роста в обрабатывающем секторе, ускорение темпов которого достигло до +7,5 % в основном за счёт отраслей, ориентированных на внутренний спрос. Наибольший положительный вклад в динамику обрабатывающих производств по итогам января 2024 г. вносит машиностроительный комплекс (+4,5 п.п.). Вместе с металлургическим и пищевым комплексами эти три сектора дали 89 % совокупного роста выпуска обрабатывающих производств в январе. Отмечен также рост добычи угля, прочих полезных ископаемых, предоставления услуг в об-

ласти добычи полезных ископаемых. Положительную динамику демонстрируют объемы строительных работ, оптовой торговли, продукции сельского хозяйства, рост показателей потребительского спроса. Инфляция в январе 2024 г. составила 7,44 %. Уровень безработицы в январе составил 2,9 % от рабочей силы. Рост реальных денежных доходов по итогам 2023 г. составил +4,6 %.

Приведенные примеры свидетельствуют о значимости тех направлений развития, которые обеспечивают стабильность, устойчивый рост и безопасность российской экономики, необходимые для достижения стратегических национальных приоритетов России. Для наглядности содержания национальных интересов и национальных приоритетов России мы представили их текстовое извлечение из «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 (табл. 1).

Каждый из стратегических приоритетов учтен при разработке национальных проектов, включен рядом положений в отдельные федеральные государственные программы, а также учитывается в процессе реализации экономической политики в регионах России.

Степень разработанности проблемы реализации национальных проектов характеризуется в первую очередь практическим развитием института государственных программ и проектных принципов управления. Заметим, что перечень государственных программ Российской Федерации, изначально утвержденный Распоряжением Правительства от 11 ноября 2010 г. № 1950-р, в настоящее время насчитывает более 50 госпрограмм.

«Новая система управления госпрограммами предусматривает их перевод на единые проектные принципы управления с повышением управленческой гибкости, совершенствование механизма целеполагания с ориентацией на достижение национальных целей развития, цифровой формат взаимодействия. Усилены инструменты контроля и мониторинга, более четко разграничены полномочия участников, предусмотрен более гибкий формат и уровень принятия решений в зависимости от масштаба изменяемых параметров госпрограмм. Обновленные, в соответствии с новой методологией, госпрограммы были сформированы, утверждены и вступили в силу с 1 января 2022 года» [3, п. 1.3]. В 2023 г. были приняты «Правила формирования сводного доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ», которыми предусмотрено определение интегральной оценки и рейтинга государственных программ. Важным моментом явилось установление критериев эффективности реализации госпрограмм. При этом упрощение некоторых процедур управления коснулись делегирования полномочий в области принятия решений о корректировке параметров программ, порядка перераспределения бюджетных ассигнований, не предусматривающего внесение изменений в Федеральный закон от 27.11.2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете» [3, п. 1.3].

Таблица 1

Национальные интересы и национальные приоритеты России (извлечение из источника [1])

Национальные интересы [1, ст. 25]	Национальные приоритеты [1, ст. 26]
1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; 2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; 3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; 5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; 6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; 7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; 8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений.	1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Методологической основой разрабатываемой проблемы формирования и принципов реализации национальных проектов и государственных программ явились научные доклады Института экономики РАН, представленные публикациями Л.И. Абалкина, В.С. Автономова, Р.С. Гринберга, С.Ю. Глазьева, А.Е. Городецкого, В.М. Полтеровича, А.Я. Рубинштейна, Я.М. Миркина, П.А. Минакера и др. ученых [4–6].

Многие ученые при исследовании проблемы сохраняют традиции рассматривать отдельные ее аспекты в рамках пространственной экономики, в связи с чем механизмы

управления национальными проектами и государственными программами следует рассматривать как уровневые, включающие возможность делегирования определенных процессов и инструментов управления на региональный и муниципальный уровни.

Многообразие теоретических концепций, посвященных стратегическим направлениям и национальным программам развития, с позиции государственной региональной политики позволяют видеть, что теоретические обобщения национальных задач могут отступать перед политической целесообразностью их реализации в том или ином конкретном регионе. Поэтому реализация большинства национальных проектов на региональном уровне осуществляется в рамках государственных программ и конкретных задач, предусмотренных программами для развития региональной экономики.

Систематизированная информация о реализуемых в настоящее время национальных проектов, направлений и инициатив представлена в таблице 2.

Принципами реализации государственных программ, согласно которым осуществляется управление, являются [8, п. 5]:

– принцип достижения национальных целей;

– принцип приоритетов социально-экономического развития и национальной безопасности;

– принцип включения всех инструментов и мероприятий в соответствующей отрасли и/или сфере;

– принцип обеспечения консолидации бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджета государственных внебюджетных фондов;

– принцип оценки расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников, используемых на реализацию госпрограммы;

Таблица 2

Информация о национальных проектах России [7]

Национальный проект	Цель проекта	Направления реализации. Инициативы проекта.
НП «Демография»	Поддержка семей с детьми, активного долголетия, занятости и здорового образа жизни	- помощь семьям при рождении детей; - содействие занятости; - старшее поколение; - общественное здоровье; - спорт – норма жизни
НП «Здравоохранение»	Обеспечение больниц и поликлиник современным оборудованием, создание онлайн-сервисов для врачей и пациентов и др.	- развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи; - борьба с онкологическими заболеваниями; - борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями; - развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям; - обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами; - развитие экспорта медицинских услуг
НП «Туризм и индустрия гостеприимства»	Обеспечение качественного сервиса туристам, и всесторонней поддержки государства -организаторам мест отдыха и туристических маршрутов.	- развитие туристской инфраструктуры; - повышение доступности туристских услуг; - совершенствование управления в сфере туризма
НП «Образование»	Строительство школ с современным оборудованием. Обеспечение техникумов и колледжей новыми мастерскими. Повышение конкурентоспособности российской высшей школы.	- строительство школ – создание новой образовательной инфраструктуры и безбарьерной среды в школах для детей с ограниченными возможностями здоровья; - создание цифровой образовательной среды; - открытие центров дополнительного образования, детских технопарков; - развитие системы среднего профессионального образования, оснащение колледжей современным оборудованием; - вовлечение граждан в волонтерскую деятельность; - социальные лифты для каждого.
НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	Поддержка бизнеса на всех этапах его развития: от стартовой идеи до расширения и выхода на экспорт.	- создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса; - поддержка и создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами; - помощь в развитии бизнеса; - создание цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов МСП

Продолжение таблицы 2

НП «Жилье и городская среда»	Повышение доступности жилья за счет развития ипотеки и наращивания объемов строительства	- ипотека (льготная ипотека на приобретение жилья в новостройках); - жилье (увеличение объема ввода жилья); - формирование комфортной городской среды (благоустройство); - обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда (расселение аварийных домов); - чистая вода (введение в эксплуатацию объектов питьевого водоснабжения
НП «Культура»	Расширение доступности культурных благ и возможностей участия в создании культурных ценностей для жителей	- культурная среда (реконструкция и капитальный ремонт детских школ искусств и переоснащение муниципальных библиотек, реконструкция детских театров и тюзов); - цифровая культура (создание виртуальных концертных залов); - строительство центров культурного развития; - творческие люди (добровольческое движение «Волонтеры культуры»); - строительство домов культуры; - реконструкция театров кукол и тюзов
НП «Безопасные качественные дороги»	Сделать дороги страны более комфортными и безопасными	- региональная и местная дорожная сеть; - безопасность на дорогах (усиление контроля за соблюдением правил дорожного движения и повышением качества обучения в автошколах); - обновление пассажирского транспорта; - передовые дорожные технологии (общесистемные меры развития дорожного хозяйства); - автодороги Минобороны; - строительство и ремонт магистралей
НП «Экология»	Охрана окружающей среды	- ликвидация свалок; - обезвреживание опасных отходов; - оздоровление Волги; - утилизация и переработка мусора; - чистый воздух; - сохранение озера Байкал
НП «Наука и университеты»	Вхождение России в первую пятерку стран, ведущих разработки в приоритетных областях	- интеграция в сфере науки, высшего образования и индустрии; - инфраструктура для научных исследований и подготовки кадров; - исследовательское лидерство за счет развития масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям; - развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей сектора исследований и разработок (кадры); - кампусы (площадки для развития важнейших технологий и реализации Стратегии научно-технологического развития)
НП «Цифровая экономика Российской Федерации»	Ускоренное развитие цифровых технологий в экономике и социальной сфере	- регулирование цифровой среды; - информационная инфраструктура; - кадры для цифровой экономики; - информационная безопасность; - цифровые технологии; - цифровое государственное управление
НП «Производительность труда»	Обеспечение 5 процентного ежегодного прироста производительности труда на средних и крупных предприятиях несырьевых отраслей экономики	- системные меры по повышению производительности труда (эффективный труд); - адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях (бережливое производство)
НП «Международная кооперация и экспорт»	Выход отечественных производителей на международные рынки	- промышленный экспорт; - экспорт сельхозпродукции; - поддержка экспортеров

Продолжение таблицы 2

НП «Беспилотные авиационные системы»	Развитие отрасли беспилотных авиационных систем (БАС)	- поэтапное открытие неба для использования беспилотников; - центр коллективного пользования для разработчиков БАС; - льготный лизинг гражданских беспилотников
НП «Экономика данных»	Достижение технологического суверенитета и продвижение собственных технологий и решений	- совершенствование нормативного регулирования; - устранение цифрового неравенства; - укрепление кадрового потенциала
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	Обеспечение связанности территорий и быстрого перемещения по стране	- железные дороги между городами; - морские порты России; - Европа – Западный Китай; - региональные аэропорты; - Северный морской путь; - Железнодорожные подходы к портам Азово-Черноморского бассейна

– принцип координации государственных программ с государственными программами субъектов РФ, программами развития государственных корпораций и компаний;

– принцип учета показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и показателей национальных целей;

– принцип выделения в структуре госпрограммы проектов, реализуемых согласно Постановлению Правительства РФ от 31.10.2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»;

– принцип закрепления ответственного лица за реализацию каждого структурного элемента государственной программы;

– принцип обеспечения возможности маркировки мероприятий (результатов), соответствующих сферам реализации комплексных программ;

– принцип однократности ввода данных при формировании государственных программ и их мониторинге.

Реализация принципов осуществляется в соответствии с комплексом методов (процессов) управления государственными программами, включающих: а) формирование системы документов, в основе которой – паспорт программы и паспорта структурных элементов программы; б) процесс выделения межбюджетных трансфертов субъектам РФ на реализацию госпрограммы; в) процессы предоставления бюджетных инвестиций и субсидий юридическим лицам; в) формирование информационно-аналитического обеспечения управления госпрограммой; контроль за выполнением показателей государственных программ, отвечающих реализации принципов управления.

Поскольку параметры финансового обеспечения государственных программ формируются, выделяются и контролируются в разрезе отдельных элементов (мероприятий), то для понимания данной процедуры приведем пример содержания Госпрограммы Республики Марий Эл «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность (2013–2025 годы)». Программа утверждена Постановлением Правительства Республики Марий Эл от 31.08.2012 г. № 326 (в ред. Постановления от 17.11.2023 г. № 574). Элементами (системными мероприятиями) госпрограммы выступают пять подпрограмм:

1 – «Повышение эффективности системы экономического планирования»;

2 – «Развитие инвестиционной деятельности»;

3 – «Развитие малого и среднего предпринимательства»;

4 – «Развитие торговли»;

5 – «Развитие внешнеэкономической деятельности».

Ключевыми показателями (индикаторами) Госпрограммы на 2025 г. определены:

– объем ВРП на душу населения – 404,0 тыс. руб.;

– среднемесячная начисленная заработная плата работников – 44,0 тыс. руб.;

– рост реальной заработной платы относительно базового уровня 2011 г. – 149,2 %;

– число высокопроизводительных рабочих мест – 98 тыс.;

– прирост высокопроизводительных рабочих мест – 3,9 % к предыдущему году;

– производительность труда на одного работающего – 839,7 тыс. руб.;

– индекс производительности труда относительно базового уровня 2011 г. – 165,6 %;

– удельный вес численности высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников – 31 %.

Достижение приведенных выше показателей обеспечивается финансированием в установленных объемах госпрограммы (табл. 3).

Ответственным исполнителем Госпрограммы и всех ее пяти подпрограмм было определено Министерство промышленности, экономического развития и торговли Республики Марий Эл. О недостаточной эффективности управления госпрограммами в регионе ответственным лицом свидетельствуют итоги рейтинга регионов России за 2023 г., в кото-

Таблица 3

Объем финансирования, выделенного на реализацию госпрограммы (ГП) «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность (2013–2025 гг.)» и ее подпрограмм (ПодП) [9]

Показатель	Всего по ГП	ПодП 1	ПодП 2	ПодП 3	ПодП 4	ПодП 5
Объем финансирования, всего	1 892,7	30,1	602,4	1 230,7	-	947,3
в т.ч.						
– за счет средств республиканского бюджета	785, 4	27,3	602,4	144,4	-	947,3
– за счет средств федерального бюджета	1 101,6	1 101,6	-	1 080,6	-	-
– за счет бюджетов муниципальных образований	5,7	-	-	5,7	-	-

ром Республика Марий Эл заняла 61 место из 85 регионов (без Донецкой, Луганской народных республик и Запорожской и Херсонской областей [10]).

При подведении итогов рейтинга агентством «РИА Рейтинг» были учтены показатели: качества жизни, социально-экономического положения региона, рынка труда, материального благополучия населения, научно-технического развития, приобщения населения к здоровому образу жизни. В рейтинге регионов по качеству жизни в 2023 г. Республика Марий Эл заняла 54 место из 85 регионов, поднявшись против 2022 г. на 1 место вверх. По соотношению среднедушевого долга по кредитам и зарплаты на начало 2024 года Республика Марий Эл заняла 42 место из 85 регионов России. Объем задолженности перед банками в среднем на одного жителя региона составил 332,0 тыс. руб. В рейтинге российских регионов по уровню безработицы в четвертом квартале 2023 г. республика заняла 53 место из 85, уровень безработицы в регионе составил 3,0 %, снизился к соответствующему периоду 2022 г. на 0,4 пп.

Таким образом, приведенная статистика объясняет недостаточный объем выделенного финансирования по государственной программе Республики Марий Эл «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность (2013–2025 гг.)» и сложность достижения к 2025 г. установленных целевых индикаторов по реализации включенных в состав программы подпрограмм и системных мероприятий.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. О текущей ситуации в Российской экономики. Январь 2024 года. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a49a2dd6e995ebd78b52f8f52636c23e/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_yanvar_2024_goda.pdf
3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России) // СПС КонсультантПлюс.
4. Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч.доклад. – СПб.: Алетейя, 2010. – 664 с.
5. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020. – 424 с.
6. Экономические теории в пространстве и времени / Под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна. – СПб.: Алетейя, 2020 – 360 с.
7. Проекты. – URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects.
8. Постановление Правительства РФ от 26.05.2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (с изм. и доп. от 21 декабря 2023 г.) // СПС Гарант.
9. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 31.08.2012 г. № 326 «О государственной программе Республики Марий Эл «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность (2013–2025 гг.)». – URL: https://docs.cntd.ru/document/424051966.
10. Итоговый рейтинг регионов РФ – 2023. – URL: https://riarating.ru/infografika/20231225/630255428.html

Management of National Projects and State Programs in the Russian Federation: Methodological Aspects

Strelnikova N.M.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The implementation of state policy to ensure technological sovereignty of various spheres of economic and social life in Russia is considered to be particularly significant from the position of effective management of national projects, the relevance of which is determined by the national interests and strategic national priorities of the country. Within the framework of this goal, the work systematizes information about national projects currently being implemented and provides a description of the directions and initiatives for their implementation. The principles and features of managing national projects and government programs at the regional level are demonstrated. As a result, the article presents the analytical content of the state program of the Republic of Mari El "Economic development and investment activity" and characterizes the possibility of its implementation within the established time frame.

Key words: national projects, state programs, national interests, strategic priorities, management, principles, directions of implementation

УДК 351.786.2:656.2(495.7)-057.58

Влияние коммуникаций органов исполнительной власти г. Москвы и общества на сценарии развития транспортной инфраструктуры

Темникова Ю.Ю.
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва)

Исследование посвящено актуальной проблеме взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы и общественности в процессе формирования и реализации сценариев развития транспортной инфраструктуры мегаполиса. Цель работы – анализ влияния указанных коммуникаций на эффективность транспортных систем города. В статье использованы методы кластеризации данных и глубинного анализа для выявления ключевых векторов развития инфраструктуры на основе статистических данных Департамента транспорта Москвы, результатов социологических исследований и публичных обсуждений за период 2018–2022 гг. Выявлены значимые достижения в развитии транспортной сети, ставшие результатом открытого диалога власти и общества: реализация проекта МЦК, оптимизация маршрутов и расписания движения транспорта на основе обратной связи, повышение доступности и комфортности городской среды. Практическая значимость исследования заключается в обосновании эффективности коммуникативной модели управления транспортной инфраструктурой. Научная новизна работы связана с разработкой методологии оценки влияния общественного участия на процессы транспортного планирования в условиях современного мегаполиса. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования механизмов взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере развития городской инфраструктуры.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, Москва, коммуникации органов власти, общественное участие, городское планирование, Московское центральное кольцо, обратная связь

Взаимодействие между органами исполнительной власти Москвы и гражданским обществом выявило целый ряд ключевых направлений для развития транспортной инфраструктуры. Среди них – увеличение доступности и комфорта общественного транспорта, снижение транспортной нагрузки на центральные районы города и развитие альтернативных видов транспорта. Одним из заметных результатов стало строительство Московского центрального кольца (далее – МЦК), осуществленное в период с 2011 по 2016 гг. Этот проект стал возможным благодаря активному участию общественности в дискуссиях и консультациях. По данным Московского транспортного узла, МЦК обслуживает около 350 тыс. пассажиров ежедневно, что свидетельствует о его значительном влиянии на повседневную жизнь горожан.

Согласно данным Департамента транспорта Москвы, в 2018 г. ежедневный пассажиропоток в городе составлял около 15 млн чел. Однако, несмотря на развитую сеть общественного транспорта, жители столицы сталкивались с рядом проблем, таких как переполненность вагонов метро и автобусов в часы пик, длительное время ожидания транспорта и недостаточное покрытие некоторых районов города маршрутами общественного транспорта[1]. Горожане активно выражали свое недовольство качеством

[1] Аналитическая записка «Развитие электротранспорта в Москве». – М.: Агентство промышленного развития города Москвы, 2022.

транспортных услуг через различные каналы обратной связи, включая официальные порталы и социальные сети[2].

В ответ на запросы общественности органы исполнительной власти Москвы приняли ряд мер по улучшению транспортной инфраструктуры города. В период с 2018 по 2022 гг. число автобусных маршрутов увеличилось на 7 %, что позволило охватить общественным транспортом дополнительно 12 % населения[3]. Особое внимание было уделено повышению доступности транспорта для маломобильных групп граждан: доля транспортных средств, оборудованных для перевозки пассажиров с ограниченными возможностями, возросла с 65 % в 2018 г. до 80 % в 2022 г. [1].

В контексте развития метрополитена внедрение автоматизированных систем управления поездами привело к снижению интервалов между поездами на 15–20 % на наиболее загруженных линиях. Это, согласно анализу проездных билетов, предоставленных московским метрополитеном, позволило увеличить пропускную способность линий на 25 % и уменьшить время ожидания для пассажиров. Интеграция цифровых технологий в систему управления транспортным потоком города Москвы, включая внедрение интеллектуальной транспортной системы (далее – ИТС), существенно повлияла на эффективность движения. Согласно данным Департамента транспорта Москвы, благодаря ИТС удалось снизить количество дорожных пробок на 20 % и увеличить среднюю скорость движения в центре города на 10 км/ч [2].

Развитие сети велосипедных дорожек и системы городского велопроката способствовало увеличению числа велосипедистов на 35 % в период с 2019 по 2021 гг. и снижению загруженности дорог на 5 %[4]. Реализация программы модернизации улично-дорожной сети привела к снижению количества ДТП на 18 % за период с 2018 по 2022 гг.[5]

Важным фактором повышения эффективности транспортной инфраструктуры стало активное вовлечение горожан в процесс принятия решений. За указанный период число общественных слушаний по вопросам развития транспорта увеличилось на 40 %, что коррелирует с ростом удовлетворенности населения транспортными услугами на 25 %[6]. Внедрение «умных» светофоров позволило сократить время простоя на перекрестках на 17 %[7], а увеличение количества электробусов в городском транспортном парке на 150 % привело к снижению выбросов вредных веществ на 30 % [3].

Реализация комплексных мер, включая строительство новых станций метро, транспортно-пересадочных узлов и модернизацию наземного транспорта, позволила сократить среднее время в пути на 20 % для 40 % жителей Москвы [4]. В результате развития трамвайных линий нагрузка на метрополитен снизилась на 10 % [5]. Цифровизация сервисов общественного транспорта способствовала увеличению его использования на 15 % (рис. 1) [6].

В 2022 г. ежедневный пассажиропоток в Москве достиг 19 млн чел., что на 26 % больше показателя 2018 г. [7]. Это стало возможным благодаря эффективному взаимодействию органов власти и общественности, а также реализации комплексных мер по развитию транспортной инфраструктуры.

Инвестиции в модернизацию транспортной системы Москвы за период с 2018 по 2022 гг. выросли на 20 %, что повысило качество и доступность транспортных услуг [6]. Реконструкция и обновление инфраструктуры метрополитена, включая модернизацию более 30 станций, привели к сокращению среднего времени ожидания поезда на 15%. Применение современных аналитических инструментов, таких как система анализа трафика на основе данных с видеокамер и датчиков движения, позволило на 25 % снизить продолжительность дорожных заторов.

Особое внимание было уделено повышению доступности общественного транспорта для маломобильных групп населения. Количество низкопольных автобусов и трамваев увеличилось на 40 %, обеспечив более комфортные условия передвижения для пассажиров с ограниченными возможностями.

В рамках реализации государственной политики по стимулированию использования экологически чистого транспорта были введены меры поддержки для владельцев электромобилей, что привело к увеличению их количества на дорогах Москвы на 30 % за последние три года (рис. 2). Кроме того, город активно развивает сеть велосипедных маршрутов и инфраструктуру для электросамокатов, способствуя снижению интенсивности автомобильного трафика и улучшению экологической обстановки. Например, внедрение системы анализа трафика на основе данных с видеокамер и датчиков движения позволило снизить время ожидания в пробках на 25 % (рис. 3).

Цифровизация городской экономики посредством инициативы «Умный город» дала московским

[2] Аналитическая записка «Цифровизация транспортных услуг в Москве: текущее состояние и направления развития». – М.: Департамент информационных технологий города Москвы, 2022.

[3] Аналитический доклад «Интеллектуальная транспортная система Москвы: результаты и перспективы развития». – М.: НИУ ВШЭ, 2021.

[4] Годовой отчет ГУП «Московский метрополитен». 2022.

[5] Ткаченко М. Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2022. Аналитический обзор. Нацдоклад 2022. – М., 2023.

[6] Исследование «Оценка влияния развития транспортной инфраструктуры на качество жизни москвичей». Институт Генплана Москвы, 2021.

[7] Отчет о функционировании системы «умных» светофоров в Москве. Центр организации дорожного движения Правительства Москвы, 2022.

властям возможность оперативно реагировать на меняющиеся транспортные потребности горожан. В результате качество городских услуг повысилось.

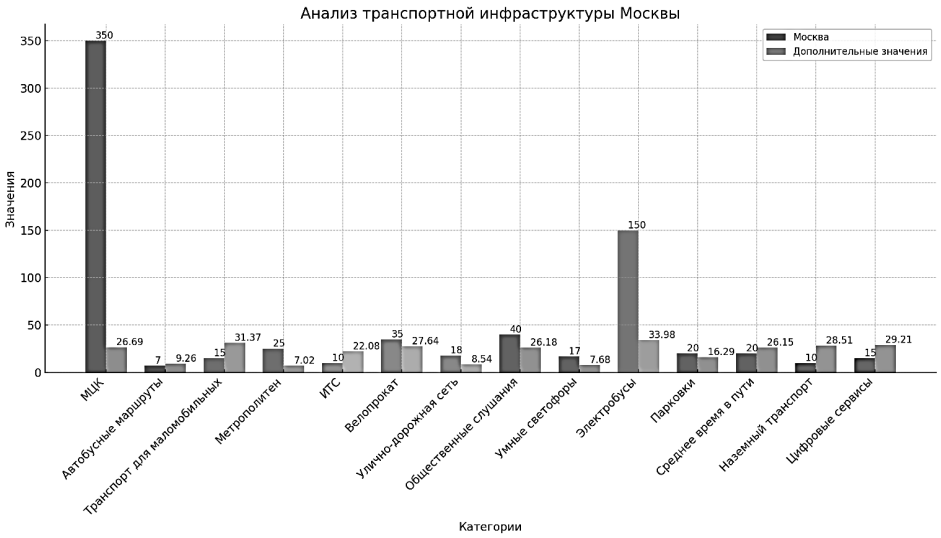


Рис. 1. Анализ транспортной инфраструктуры Москвы

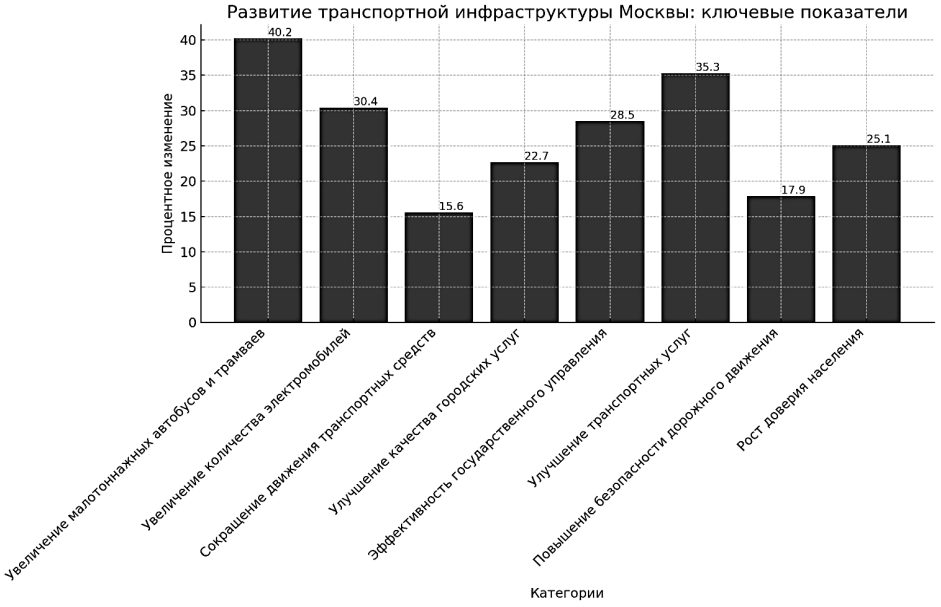


Рис. 2. Развитие транспортной инфраструктуры Москвы (2022)

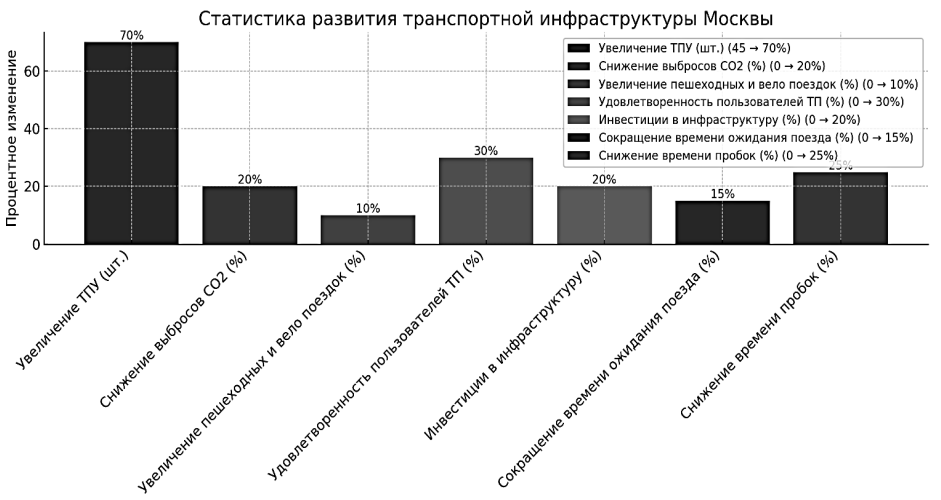


Рис. 3. Статистика развития транспортной инфраструктуры Москвы

В рамках дискуссии вокруг результатов исследования, подчеркивающего взаимодействие исполнительной власти Московского муниципалитета и широкой общественности в вопросах развития транспортной инфраструктуры, необходимо отдельное рассмотрение вклада государственного управления в эту процедуру.

Принятие методической стратегии управления и развития транспортной сети Москвы демонстрирует существенную эффективность при реализации сложных проектов. О такой эффективности свидетельствуют результаты, достигнутые благодаря внедрению интегрированных транспортных систем. В частности, эмпирические исследования показывают, что интеграция указанных систем улучшила качество транспортных услуг и повысила уровень удовлетворенности пользователей. Внедрение передовых технологий управления транспортной инфраструктурой, таких как интеллектуальные светофоры и гибкое управление парковочными местами, является примером качественной реализации государственной политики в сфере транспорта. Эти меры не только стимулировали дорожное движение, но и повысили безопасность дорожного движения [1].

Акцент следует сделать именно на гражданской активности, поскольку она имеет отношение к процессу принятия решений. Муниципальные политики Москвы активно вовлекают граждан в дискуссии, а также вырабатывают предложения, касающиеся сферы транспорта, тем самым порождая индивидуальные и продуктивные решения. Следовательно, доверие населения к городской

администрации неуклонно растет и укрепляет социальные связи.

Внедрение концепции «умного города» позволило органам исполнительной власти Москвы оперативно реагировать на изменения транспортного спроса и оптимизировать работу городских служб. Интеграция цифровых технологий в систему управления транспортом способствовала повышению качества обслуживания пассажиров и эффективности использования городских ресурсов[8].

Реализация стратегии развития транспортной инфраструктуры Москвы демонстрирует высокую эффективность комплексного подхода к решению задач городской мобильности. Интеграция различных видов транспорта в единую систему, внедрение интеллектуальных технологий управления трафиком и повышение безопасности дорожного движения являются важнейшими факторами улучшения качества жизни горожан[9].

Результаты исследования подчеркивают значимость конструктивного диалога между органами исполнительной власти и общественностью в процессе формирования и реализации транспортной политики Москвы. Активное вовлечение жителей города в обсуждение и поиск решений транспортных проблем способствует повышению эффективности принимаемых мер и укреплению доверия населения к действиям городских властей.

Опыт Москвы в развитии транспортной инфраструктуры может служить примером успешной практики государственного управления, ориентированного на удовлетворение потребностей граждан и создание комфортной городской среды. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на оценку долгосрочных эффектов реализуемых программ и разработку новых подходов к оптимизации транспортных систем крупных городов.

Литература:

1. Бочкарев А.А., Бочкарев П.А. Логистика городских транспортных систем: учеб. пособие для среднего профес. образования. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 150 с.
2. Герами В.Д., Колик А.В. Городская логистика. Грузовые перевозки: учеб. для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 343 с.
3. Беломестнов И.В. Цифровизация пунктов пропуска для снятия барьеров и развития экономики // Эксперт транспортной безопасности. – 2022. – С. 42–45. – URL: https://securityexp.ru/cifrovizacija-punktov-propuska
4. Казанская Л.Ф., Савицкая Н.В., Камзол П.П. Перспективы развития беспилотного транспорта в России // Бюллетень результатов научных исследований. – 2018. – № 2. – С. 18–28.
5. Крылов А.Н., Мозговой А.И., Кузина Г.П. Повышение конкурентоспособности транспортной компании за счет инвестиций в инфраструктуру // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». – 2022. – № 1 (31). – С. 49–59.
6. Кузьмин Д.В., Багинова В.В. Дискретно-событийная имитационная модель работы перекрестка // Академик Владимир Николаевич Образцов – основоположник транспортной науки: труды Межд. науч.-практ. конф., посвященной 125-летию университета. – М.: Российский ун-т транспорта, 2021. – С. 487–497.
7. Куропятник Е. Финансирование крупных инфраструктурных проектов: китайский опыт и российская практика // Review of Business and Economics Studies. – 2022. – № 2(10). – С. 56–90.

The Influence of Communications Between the Executive Authorities of Moscow and Society on Scenarios for the Development of Transport Infrastructure

Temnikova Yu.Yu.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The study is devoted to the urgent problem of interaction between the executive authorities of the city of Moscow and the public in the process of forming and implementing scenarios for the development of the transport infrastructure of the metropolis. The purpose of the work is to analyze the impact of these communications on the efficiency of the city's transport systems. The article uses data clustering and in-depth analysis methods to identify key vectors of infrastructure development based on statistical data from the Moscow Department of Transport, the results of sociological research and public discussions for the period 2018–2022. Significant achievements in the development of the transport network have

[8] Исследование «Умный город: лучшие практики и перспективы развития». НИУ ВШЭ, 2022.

[9] Отчет об исполнении бюджета города Москвы по разделу «Транспорт». Департамент финансов города Москвы, 2022.

been identified as a result of an open dialogue between the government and society: the implementation of the MCC project, optimization of routes and timetables based on feedback, increasing accessibility and comfort of the urban environment. The practical significance of the study is to substantiate the effectiveness of the communicative model of transport infrastructure management. The scientific novelty of the work is related to the development of a methodology for assessing the impact of public participation on transport planning processes in a modern megalopolis. The results obtained can be used to improve the mechanisms of interaction between public authorities and civil society institutions in the field of urban infrastructure development.

Key words: transport infrastructure, Moscow, government communications, public participation, urban planning, Moscow Central Ring, feedback

УДК 336.13

Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования

Шавалеева Ч.М.
Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Публично-правовые образования, обеспечивающие реализацию ключевых функций государства, играют немаловажную роль в государственном секторе экономики. С гражданско-правовой точки зрения публично-правовые образования являются одним из субъектов хозяйствования, но особый статус обуславливает различия в условиях их функционирования, рассмотрение которых представляет научный интерес. Целью исследования является изучение особенностей функционирования публично-правовых образований в Российской Федерации. В исследовании проведен анализ соответствия публично-правовым образованиям признаков юридических лиц. Сделан вывод о том, что публично-правовым образованиям соответствуют признаки, характерные всем субъектам экономики, но их проявление имеет свою специфику.

Ключевые слова: государственный сектор экономики, публично- правовые образования

Государственный сектор является одним из важнейших секторов экономики. Несмотря на множественность научных публикаций, посвященных государственному сектору, в экономической литературе до сих пор нет единой исчерпывающей трактовки данного понятия. Анализируя существующие подходы к понятию «государственный сектор экономики», можно выделить несколько основных подходов к его содержанию [1, с. 185]:

1) государственный сектор рассматривается в качестве самостоятельного сектора экономики;

2) государственный сектор экономики представляется как набор объектов государственной собственности;

3) государственный сектор экономики определяется как совокупность организаций, находящихся в собственности государства.

В нормативных правовых актах в современной истории России понятие «государственный сектор экономики» впервые было обозначено в Федеральном законе от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», в ст. 2 которого в системе государственных прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации выделяется прогноз развития государственного сектора экономики [2]. Данный закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором понятие «государственный сектор экономики» уже не упоминается.

Определение государственного сектора экономики было дано в Постановлении Правительства Российской Федерации от 09.09.1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации» [3]. При этом состав хозяйствующих субъектов государственного сектора экономики был определен в Постановлении Правительства Российской Федерации от 04.01.1999 г. № 1 «О прогнозе развития государственного сектора экономики Российской Федерации», согласно которому при разработке прогноза развития государственного сектора экономики Российской Федерации к хозяйствующим субъектам государственного сектора экономики было рекомендовано относить государственные унитарные предприятия, в том числе казенные; государственные

учреждения; хозяйственные общества, в уставном капитале которых более 50 % акций (долей) находятся в государственной собственности или в собственности хозяйственных обществ, относящихся к государственному сектору экономики [4].

Позже состав хозяйствующих субъектов государственного сектора экономики был уточнен на основе Постановления Правительства РФ от 29.01.2015 г. № 72 «О некоторых мерах по совершенствованию статистического наблюдения в сфере управления государственным имуществом», в соответствии с которым к хозяйствующим субъектам государственного сектора относятся [5]:

– государственные унитарные предприятия, в том числе казенные;

– государственные учреждения – автономные, бюджетные и казенные;

– хозяйственные общества, в уставном капитале которых есть акции (доли), находящиеся в государственной собственности;

– акционерные общества, в отношении которых Российская Федерация или субъекты Российской Федерации обладают специальным правом на участие в управлении («золотая акция»).

Таким образом, согласно подходу, установленному в нормативных и правовых актах, государственный (муниципальный) сектор формируют государственные (муниципальные) организации и организации с государственным (муниципальным) участием, что соответствует наиболее распространенному в экономической литературе подходу.

На наш взгляд, при группировке секторов экономики не следует ограничиваться только организациями, следует учитывать все субъекты хозяйствования: государство – организации – домашние хозяйства, каждый из которых имеет свои цели и задачи. Имеющиеся подходы к характеристике государственного сектора экономики делают акцент только на организациях. Государство и домашние хозяйства в этом контексте рассматриваются поверхностно. Если отнесение домашних хозяйств к частному сектору не вызывает дискуссий, то статус публично-правовых требует уточнения.

Когда в составе государственного сектора экономики рассматриваются только государственные (муниципальные) организации и/или организации с государственным (муниципальным) участием, в данном секторе экономики не учитывается само публично-правовое образование как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений. Бесспорно, от имени публично-правовых образований действуют органы государственной (муниципальной) власти и казенные учреждения, учитываемые в составе государственного (муниципального) сектора экономики. Но представлены они там в качестве юридического лица со своими целями и задачами.

Публично-правовые образования, как субъекты гражданского права, имеют все признаки, необходимые для участия в гражданском обороте, аналогичные признакам юридического лица. Соответственно, как и любой другой субъект хозяйствования, публично-правовое образование должно быть учтено в составе секторов экономики. При этом подходы, имеющиеся в экономической литературе, в соответствии с которыми в качестве элемента государственного сектора рассматривается государственная (муниципальная) собственность, на наш взгляд, являются дискуссионными. Собственность сама по себе не является сектором экономики, она может принадлежать субъекту экономики, относящемуся к тому или иному сектору, и использоваться им для выполнения его задач и функций.

Исходя из этого, мы считаем, что государственный (муниципальный) сектор экономики – это совокупность субъектов экономики, находящихся в собственности государства (муниципальных образований), в том числе публично-правовые образования, организации, а также хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля публично-правовых образований превышает 50 % (рис. 1).

Необходимость государственного (муниципального) сектора обусловлена задачами, реализацию которых он обеспечивает. При рассмотрении этого аспекта, на наш взгляд, следует отталкиваться от основных задач государственной политики, сформулированных и выделенных Р.А. Масгрейвом и П.Б. Масгрейвом, в числе которых [6, с. 26]:

– предоставление общественных благ;

– корректировка существующего распределения доходов и богатства с целью обеспечения соответствия общественным представлениям о справедливом распределении;

Рис. 1. Государственный (муниципальный) сектор в РФ

– стабилизация экономики и финансовой системы – обеспечение высокой занятости, разумного уровня цен и соответствующего уровня экономического роста.

Помимо непосредственного финансирования экономических и социальных задач через организации данного сектора государство способно стимулировать или ограничивать производство необходимых товаров и услуг, регулировать цены на них, контролировать деятельность организаций, имеющих общенациональное, стратегическое значение (рис. 2).

Несмотря на множественность хозяйствующих субъектов, входящих в государственный (муниципальный) сектор, ключевую роль в реализации общественных функций играет само публично-правовое образование. Публично-правовые образования, как субъекты гражданского права, имеют все признаки, необходимые для участия в гражданском обороте, аналогичные признакам юридического лица, в числе которых [7]:

1) участие в гражданском обороте и в суде от своего имени;

2) самостоятельная ответственность по своим обязательствам;

3) имущественная обособленность.

Однако проявление указанных признаков в отношении публично-правовых образований имеет свои особенности.

Рассматривая особенности первого признака – участие в гражданском обороте и в суде от своего имени – следует отметить, что, согласно ст. 125 Гражданского кодекса РФ, в гражданско-правовых отношениях публично-правовые образования могут выступать:

– непосредственно – через органы государственной (муниципальной) власти;

– опосредованно – по их специальному поручению от их имени могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане.

Рис. 2. Роль государственного (муниципального) сектора в экономике

При непосредственном участии в гражданско-правовом обороте от имени публично-правового образования чаще всего выступают органы исполнительной власти в лице министерств, агентств, служб, имеющих статус казенных учреждений.

Помимо непосредственного участия в гражданско-правовых отношениях публично-правовые образования могут участвовать через официального представителя. В случаях, когда органы государственной власти, юридические или физические лица не имеют права выступать от имени публично-правового образования, они могут наделяться такими полномочиями специальными поручениями органов государственной власти.

Следующий признак публично-правовых образований, как участника гражданских правоотношений, – самостоятельная ответственность по своим обязательствам. Ст. 126 Гражданского кодекса РФ определяет, что [7]:

– Российская Федерация и субъекты РФ отвечают по своим обязательствам имуществом, принадлежащим им на праве собственности, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной собственности;

– юридические лица, созданные Российской Федерацией, субъектами РФ, не отвечают по их обязательствам;

– Российская Федерация, субъекты РФ не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, предусмотренных законом;

– Российская Федерация не отвечает по обязательствам субъектов РФ;

– субъекты РФ не отвечают по обязательствам друг друга, а также по обязательствам Российской Федерации.

Итак, законодательно определено, что каждое публично-правовое образование отвечает только по своим обязательствам. Однако в части ответственности по обязательствам созданных публично-правовыми образованиями юридических лиц, указанной в п. 3 ст. 126 Гражданского кодекса РФ, существуют исключения. Так, публично-правовые образования несут субсидиарную ответственность по обязательствам [7]:

1) казенных учреждений, в случае недостаточности у них денежных средств для расчетов по своим обязательствам;

2) бюджетных и автономных учреждений, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества у учреждений, на которое в соответствии с законодательством может быть обращено взыскание;

3) казенного предприятия при недостаточности его имущества.

При этом имущество, закрепленное публично-правовыми образованиями за государственными (муниципальными) унитарными предприятиями и учреждениями, не может быть использовано для расчетов по обязательствам публично-правовых образований.

Третий признак публично-правовых образований, как субъекта гражданско-правовых отношений, – имущественная обособленность. Наряду с частной собственностью законодательство РФ признает государственную (муниципальную) собственность. Право собственности на имущество у публично-правовых образований возникает аналогично иным субъектам гражданских правоотношений. Однако в силу статуса публично-правовых образований они имеют особые права для отчуждения имущества.

Особенности можно выделить и в части использования государственного (муниципального) имущества – не всем закрепленным имуществом публично-правовые образования могут распоряжаться по своему усмотрению. Так, имущество публично-правовых образований подразделяется на два вида:

– имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями;

– средства бюджета и иное имущество, которое не закреплено за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями, составляющее государственную (муниципальную) казну.

Несмотря на то что имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями, не теряет статуса государственного (муниципального), оно находится в пользовании унитарных предприятий, казенных, бюджетных, автономных учреждений и, соответственно, не может быть без изъятия использовано публично-правовыми образованиями в целях, не связанных с деятельностью указанных организаций. В этой связи основной собственностью публично-правовых образований, которую они могут использовать в процессе своей деятельности, является имущество государственной (муниципальной) казны.

Таким образом, публично-правовые образования в настоящее время являются важным элементом государственного (муниципального) сектора экономики, обеспечивающим реализацию ключевых задач государства. Публично-правовые образования в гражданско-правовых отношениях уравниваются с юридическими лицами частного права. Однако обладают отличительными особенностями, необходимыми для реализации их основных функций.

Литература:

1. Шавалеева Ч.М., Шайхелисламов С.Р. Роль государственного сектора экономики в формировании регионального бюджета (на примере бюджета Республики Татарстан) // Финансовая экономика. – 2023. – № 3. – С. 185–188.
2. Федеральный закон от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» // СПС Гарант.
3. Постановление Правительства РФ от 09.09.1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. Постановление Правительства РФ от 04.01.1999 г. № 1 «О прогнозе развития государственного сектора экономики Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Постановление Правительства РФ от 29.01.2015 г. № 72 «О некоторых мерах по совершенствованию статистического наблюдения в сфере управления государственным имуществом» // СПС Гарант.
6. Масгрейв Р.А., Масгрейв П.Б. Государственные финансы: теория и практика / Пер. с англ. – М.: Бизнес Атлас, 2009. – 716 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I: от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС Гарант.

The State as an Element of the Public Sector of the Economy: Role and Features of Functioning

Shavaleyeva Ch.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

An important role in the public sector is played by public legal entities that ensure the implementation of key functions of the state. From a civil law point of view, public legal entities are one of the economic entities subject to generally established requirements, but the special status and purposes of creation determine differences in the conditions of their functioning. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the functioning of public legal entities in the Russian Federation.

Key words: public sector of the economy, public legal entities

УДК 338.27

Современные инструменты бизнес-аналитики и обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов

Швецов А.В.
Доктор экономических наук, профессор кафедры информационных систем в экономике Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Короткова А.В.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Рыжаков Е.Д.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов, экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Аналитические методы исследования широко используются в деятельности по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов, поскольку позволяют формировать необходимую для управления информацию. Актуальность инструментов бизнес-аналитики с применением новых информационных технологий только растет, особенно для решения вопросов информационной безопасности.

В рамках поставленной в работе цели авторами представлена оценка состояния информационной безопасности в России, что связано с ростом количества преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также методами защиты информации. Показано значение интегрированных решений, необходимых для развития систем бизнес-аналитики.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информационная безопасность, бизнес-аналитика, преступность

Не вызывает сомнений важность обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов, из чего складывается экономическая безопасность государства в целом. Развитие цифровых технологий на современном этапе несет не только перспективы в виде ускорения бизнес-операций и получение дополнительной прибыли или хотя бы выполнение нулевой нормы рентабельности, но и серьезные угрозы. Данные угрозы связаны с рядом последствий. Понятно, что последствия для бизнеса будут отличаться в зависимости от масштаба. Очевидно, что в случае малого и даже среднего бизнеса последствия реализации угроз безопасности будут несравнимо меньше, чем для крупного.

Негативные последствия для бизнеса могут наступить в ряде случаев, связанных с некомпетентностью персонала, саботажем решений, отказом

техники, умышленным взломом систем и доступом к информации.

В последние годы количество преступлений в сфере высоких технологий неуклонно растет. Это связано в том числе с повышением общей компьютеризации большинства процессов жизнедеятельности и бизнеса. Противоправные действия совершаются как против цифровой инфраструктуры, так и с использованием цифровых средств доступа и каналов связи.

На рисунке 1 представлена диаграмма динамики совершенных правонарушений с применением средств информационно-коммуникационных технологий в период с 2018 по 2022 гг.

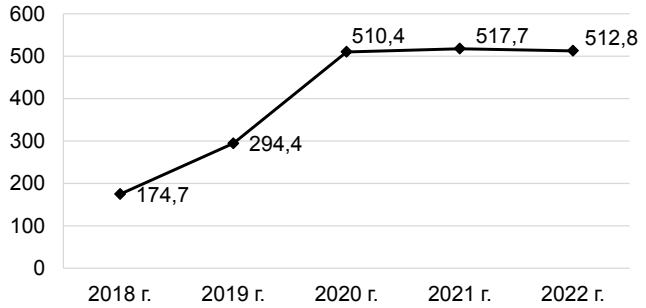


Рис. 1. Динамика совершенных правонарушений с применением средств информационно-коммуникационных технологий в РФ, тыс.

Следует также отметить удельный вес данных преступлений в общем объеме преступных деяний, который последние три года держится на уровне 25–26 %.

Между тем уровень преступности в сфере экономики является одним из показателей состояния экономической безопасности, согласно Указа Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [1].

Противодействие подобного рода преступным деяниям осуществляется не только со стороны правоохранительных органов. За технологической стороной проблемы следит Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, в задачи которой входит в том числе мониторинг угроз и рисков информационной безопасности.

В общем смысле, под угрозой понимается потенциально возможное событие, действие (воздействие), процесс или явление, которые могут привести к нанесению ущерба чьим-либо интересам.

Согласно ГОСТ Р 50922-96, под угрозой информационной безопасности понимается совокупность условий и факторов, создающих опасность нарушения информационной безопасности. С точки зрения информационной безопасности некоторого информационного объекта можно выделить угрозы конфиденциальности, целостности и доступа.

По расположению источника угроз следует выделить внешние и внутренние. Так, например, согласно данным сборника «Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 г.» [2], из 683495 случаев использования информационно-коммуникационных технологий при совершении преступлений только 6973 (около 1 %) можно отнести к внутренним угрозам.

Угрозы можно классифицировать также по уровню наносимого ущерба – общие (значительный ущерб), локальные (причинение вреда отдельным частям объекта безопасности) и частные (причинение вреда отдельным свойствам элементов объекта безопасности). Согласно исследованиям, «в России в 2022 г. прогнозировались потери на уровне 165 млрд руб., однако обострение геополитической обстановки и ставший следствием шквал атак удвоили потери бизнеса и граждан» [3].

По природе возникновения угрозы информационной безопасности следует разделить на объективные и субъективные. Очевидно, что количество субъективных или искусственно вызванных угроз много больше, чем объективных. То же самое следует сказать и о рисках информационной безопасности и размере ущерба.

Важным является и то, что риски умышленных угроз в настоящее время намного превосходят непреднамеренные или случайные, что отражается в статистике преступлений в данной сфере.

Следует отметить, что в Российской Федерации действует методика оценки угроз безопасности информации, принятая Федеральной службой по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) 05.02.2021 г. Кроме того, в соответствии с приказом ФСТЭК от 4 марта 2017 г. № 17 [4], использование банка данных угроз ФСТЭК является обязательным.

Для оценки угроз информационной безопасности ФСТЭК использует калькулятор, определяющий уровень угроз по трем группам метрик – базовым, временным и контекстным (рис. 2).

На основе численного значения базового вектора V уязвимости присваиваются один из четырех уровней опасности:

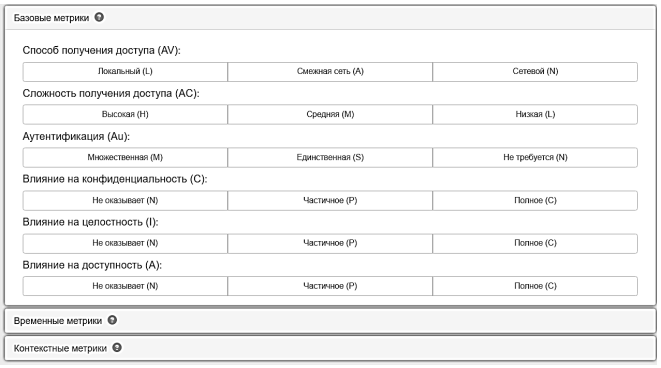


Рис. 2. Формы заполнения метрик в калькуляторе ФСТЭК РФ [5]

• низкий уровень опасности, если $0,0 \leq V \leq 3,9$;
• средний уровень опасности, если $4,0 \leq V \leq 6,9$;
• высокий уровень опасности, если $7,0 \leq V \leq 9,9$;
• критический уровень опасности, если $V = 10,0$.

В результате делается вывод об уровне уязвимости исследуемой системы, функционирующей в некотором бизнес-процессе. Итогом должно стать некоторое решение, повышающее уровень информационной и экономической безопасности.

Помимо использования техническими специалистами хозяйствующего субъекта данного калькулятора можно воспользоваться рядом других сервисов оценки уязвимости программного обеспечения, например, *ScanOval* или антивирусных программ.

Для повышения эффективности бизнеса необходимо не только защитить свои данные и технологические секреты от взлома или искажения, но и наладить аналитическую работу с накапливаемыми массивами производственной информации, внешними открытыми данными и прочим. С этой целью можно использовать множество разрозненных инструментов, позволяющих проводить кластерный, регрессионный, факторный анализы, использовать технологии *data mining* и даже нейронные сети. Однако средний и крупный бизнес страны на протяжении двух десятилетий все активнее начинает использовать системы бизнес-аналитики, а не отдельные инструменты.

Использование программ *Business Intelligence* (*BI*-аналитики) позволяет минимизировать объем ручного труда при сборе и обработке больших массивов информации, ускорив тем самым работу аналитиков.

Принцип работы *BI*-систем базируется на трех основных процессах: сборе информации, систематизации и визуализации. Сбор информации, как правило, происходит из разных источников, в частности *CRM* и *ERP*-систем, электронных таблиц на жестком диске или размещенных в облаке и других. Систематизация заключается в переводе собранных на предыдущем этапе данных к единому формату.

Визуализация заключается в формировании аналитической информации в удобном для пользователя виде – отчеты, дашборды, диаграммы, презентации и проч. Гибкость настроек визуализации позволяет пользователю с начальным уровнем навыков создавать удобные для анализа формы.

Современный этап использования систем бизнес-аналитики связан с трудностями, обусловленными санкционным режимом разработчиков программного обеспечения относительно нашей страны. И если часть крупных разработчиков ПО для бизнеса еще присутствуют на отечественном рынке ПО, то значительная часть софтверных компаний ушли с него и не поддерживает тот софт, который ранее был приобретен отечественными покупателями. В сфере бизнес-аналитики таким продуктом является *Power BI*. При попытке физического или юридического лица купить систему или скачать ознакомительную версию через интернет сайт выдает сообщение о том, что данный продукт в Российской Федерации не доступен.

Отечественными аналогами данного продукта следует считать системы: *Visiology, Modus BI*, 1С-Аналитика, Даталенс, Форсайт. Стандартная архитектура каждого из решений выглядит в соответствии с рисунком 3.

Рис. 3. Архитектура отечественных BI-решений

В соответствии с велением времени на отечественном рынке систем *BI*-аналитики присутствуют и облачные решения, например, *Yandex Datalens*, являющаяся частью экосистемы *Yandex.Cloud* и предоставляется бесплатно для всех пользователей.

Следует сделать вывод о том, что процессы информатизации в Российской Федерации идут достаточно быстро. Они тесно связаны с ростом правонарушений, наносящих значительный ущерб экономике страны и благосостоянию граждан. Процессы защиты информации и данных зачастую сильно отстают от «продвинутых» методов взлома, кражи информации и мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Действительно, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, выполняя в том числе функцию контролирующего рынок ПО органа, формирует перечень угроз и рисков информационной безопасности, однако действовать на опережение не может.

Отечественный рынок систем бизнес-аналитики достаточно успешно развивается, чему способствуют решения Правительства РФ по поддержке сектора экономики, связанного с высокими технологиями.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.

2. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 г. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat –
3. Ошанина О. Интернет несет потери. – URL: https://www.vedomosti.ru/importsubstitution/new_technologies/articles/2023/03/14/966290-internet-neset-poteri
4. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11 февраля 2013 г. № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» (с изм. и доп.) // Российская газета. – 2013. – 26 июня. – № 136.
5. Калькулятор СТЭК РФ. – URL: https://bdu.fstec.ru/calc

Modern Business Analytics Tools and Ensuring Economic Security of Economic Entities

Shvetsov A.V., Korotkova A.V., Ryzhakov E.D.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

Analytical research methods are widely used in activities to ensure the economic security of business entities, since they allow the generation of information necessary for management. The relevance of business analytics tools using new information technologies is only growing, especially for solving information security issues.

As part of the goal set in the work, the authors present an assessment of the state of information security in Russia, which is associated with the increase in the number of crimes in the field of information and communication technologies, as well as methods of information protection. The importance of integrated solutions necessary for the development of business intelligence systems is shown.

Key words: economic security, information security, business analytics, crime

УДК 353, 332

Теоретические подходы к устойчивому развитию как основа государственного управления устойчивым развитием территорий

Юденко М.Н.
Доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Бачуринская И.А.
Доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Дмитриева Т.А.
Ассистент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье рассматриваются теоретические положения концепции устойчивого развития в рамках возможности применения их положений в государственном управлении устойчивым развитием территорий. Целью исследования является определение особенностей данных подходов относительно возможности применения к устойчивому развитию территорий. Выявлено, что механизмы государственного регулирования заложены во всех теоретических подходах к устойчивому развитию, что имеет практическое значение и позволяет использовать данный вывод в рамках государственного регулирования при определении условий и возможности развития территорий, а также в государственном управлении устойчивым развитием территорий. Отмечено, что анализируемые теоретические подходы к концепции устойчивого развития в недостаточной степени и порой косвенно увязаны с эффективностью государственного управления устойчивым развитием, а также с показателями качества жизни населения. По результатам анализа теоретических положений и их применимости к государственному управлению устойчивым развитием территорий предложено рассмотреть предложение о формировании системы показателей, позволяющих оценить эффективность государственного управления устойчивым развитием территорий. В данном контексте возможно продолжение исследований в сфере государственного управления устойчивым развитием территорий.

Ключевые слова: государственное регулирование, теоретические подходы, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, территории

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена нерешенными вопросами устойчивого развития территорий, несмотря на многолетние продолжающиеся исследования и дискуссии в этой области. Какую бы точку зрения авторы статьи ни приняли при исследовании того или иного подхода к устойчивому развитию территорий, мы все равно будем иметь различные интерпретации в зависимости от интересов сторон исследований и дискуссий. Тем не менее авторы придерживаются позиции о необходимости участия государства в решении существующих проблем в области народонаселения, урбанизации, экологических аспектов, развития научно-технического процесса и многих других процессов, определяющих устойчивость территорий.

В Докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее», озвученном в 1987 г. (известный как Доклад Брундтланд) [1], была определена цель работы комиссии – поиск путей устойчивого развития наций. И начиная с того периода времени, проблемы «устойчивого развития» решаются во многих сферах жизнедеятельности общества – экологии, экономики, деятельности бизнеса, урбанистике. В Докладе «устойчивое развитие» определяется как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего без ущерба для способности будущих поколений» удовлетворять свои собственные потребности [1; 2].

В Докладе значимым является акцент на проблемах урбанизации и необходимости регулирования городской инфраструктуры. При этом обращается внимание на необходимость государственного регулирования данного процесса и особо отмечается, что правительствам стран требуется разработать четкую стратегию развития населенных пунктов. Отмечается также, что в развивающихся странах недостаточное количество муниципалитетов, которые имели бы власть и обученный персонал, чтобы обеспечивать нормальные условия жизни населению.

Государственное управление устойчивым развитием в России впервые обозначено в Указе Президента РФ от 01.06.2006 г. «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Под устойчивым развитием в Концепции понимается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы» [3]. Далее следует конкретизация: «Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной ёмкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и её глобальным изменениям» [3]. При этом такая трактовка присуща только данному документу. В целом российское понимание устойчивого развития не отличается от международного и раскрывает данное определение через понимание глобальных противоречий между природой и обществом, решение которых должно быть направленно на формирование в будущем социо-эколого-экономической системы, которая, следуя законам развития биосферы, разрешит данные проблемы и сформирует принципы и требования устойчивого развития.

В данном документе особо подчеркивается ведущая роль государства в переориентации всех институтов и формировании заинтересованности граждан, бизнеса и социальных групп в решении задач устойчивого развития.

В работах российских и зарубежных авторов [4–6] отмечается, что вопросы устойчивого развития связаны с новым качеством социально-экономического развития в глобальном, страновом и региональном аспектах, на которое накладываются экологические ограничения в свете решения острых проблем, встающих перед человечеством. Однако большинство авторов рассматривают именно региональный аспект устойчивого развития, с чем сложно не согласиться, так как регионализм устойчивого развития объективно обуславливается тем, что социально-экономические процессы, структура производства и его специализация имеют четко выраженный региональный характер. Однако на процессы регионального развития существенное влияние оказывают территориальные аспекты, в том числе: природно-климатические условия, неравномерность распределения природных ресурсов, сложившаяся система расселения населения, традиции хозяйственного уклада. Социально-экономическое развитие, использование природных ресурсов и охрана окружающей среды во всех случаях соотносятся с определенной территорией. Учитывая данный аспект, можно утверждать, что базисом регионального развития является именно территория и ее особенности. Понятие «устойчивость» близко к понятию повторяемости или цикличности и не противоречит термину «развитие». Таким образом, обеспечение устойчивого развития территорий является одной из актуальных задач современной экономической науки и практики [7]. Важность проблем государственного управления устойчивым развитием территорий также подтверждается нормативно-правовыми актами, принятыми на государственном уровне, например, Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.

В связи с этим, отмечается заинтересованность как ученых, так и органов государственной власти и общества в решении вопросов устойчивого развития, что отражает актуальность дальнейшего развития теоретических положений трактовки понятия устойчивого развития в контексте развития территорий и роли государственного регулирования в реализации данных процессов.

В исследовании один из подходов к устойчивому развитию, активно дискутируемый в научной лите-

ратуре, – эколого-системный [8]. В рамках данного подхода рассматриваются проблемы устойчивости окружающей среды. Данный подход предполагает применение методов компьютерного моделирования. Активные последователи данного подхода – А.Д. Урсул, В.А. Коптюг и др. ученые. В своей энциклопедической монографии В.А. Коптюг, В.М. Матросов, В.К. Левашов под устойчивым развитием понимают «развитие, которое обеспечивает удовлетворение разумных потребностей людей и сохранение разумного удовлетворения будущих поколений» [9]. Что нами считается важным и требующим осмысления, – это подход ученых к функциям государства в период движения страны к устойчивому развитию. Некоторые из функций озвучены таким образом:

– государство считает наивысшими приоритеты критериев выживания, высокой нравственности, качества жизни и устойчивого развития;

– государство – возбудитель новой движущей силы экономики и общества, субъект создания конкурентной среды за счет высокого качества жизни;

– выработка стандартов и всемерная поддержка к стремлению высокого качества жизни – обязанность государства и др. [9, с. XV–XVI]. В работе «Государство в российской модели общества» академика В.Л. Макарова, являющейся первоисточником, в 1999 г. представлены последние две функции как положения новой теории государства [10].

Определяя роль регулирующей функции государства в устойчивом развитии страны, ученые предложили некоторые институциональные механизмы, такие как создание Кодекса устойчивого развития, позволяющего разрабатывать Стратегию устойчивого развития. Актуальность данного предложения подтверждается фактом, что и до настоящего времени видение проблемы устойчивого развития в России неординарно и необходимо продолжать исследование проблем реализации принципов устойчивого развития совместно с государственными структурами.

В июне 2023 г. Совет по международным стандартам устойчивого развития впервые выпустил стандарты по ESG-отчетности (МСФО S1 и МСФО S2) [11; 12], которые должны стать ключевым ориентиром при гармонизации международной стандартизации в области устойчивого развития. Содержание отчетности включает четыре блока:

1. Управление. Необходимо раскрыть информацию о процессах и управленческих практиках, которые имеют отношение к мониторингу и управлению рисками и возможностями в области устойчивого развития.

2. Стратегия. Необходимо описать общий подход компании к управлению рисками и возможностями в области устойчивого развития.

3. Риск-менеджмент. Необходимо определить, каким образом компания определяет, оценивает и мониторит риски и возможности в области устойчивого развития.

4. Показатели и цели. Необходимо раскрыть данные по показателям в области устойчивого развития, а также прогресс по достижению поставленных целей в этой области [13, с. 17].

Актуальность государственного управления территориями в части устойчивого развития определяется существующими проблемами, ограничивающими устойчивое развитие, такими как ограниченность ресурсов, соседство плотно заселенных территорий с ограниченными ресурсами и наоборот, с малонаселенными территориями, обладающими огромными ресурсами. Осознание необходимости устойчивого развития человека, общества, природы означает, что этот путь должен быть социально-ориентированным, экологическим и гуманистическим. Россия развивается в данном направлении. В течение нескольких лет, несмотря на внешние воздействия, данные бюджета страны позволяют сделать вывод о его социальной направленности. Экологическая составляющая – одно из направлений федеральных проектов и программ. Россия двигается в сторону экологического устойчивого развития. О чем свидетельствуют национальный проект «Экология», федеральные проекты: «Чистая страна», «Чистый воздух», «Комплексная система обращения с ТКО» и пр.

В рамках эколого-системного подхода мы выделяем труды А.Д. Урсула [14]. В его работе встречается интересный подход к устойчивому развитию с точки зрения интенсивного и экстенсивного развития. Ученый отмечает: «Кроме социального аспекта, важно отметить те работы в области экономики, которые развивают не экстенсивный, а именно интенсивный способ производства и любой хозяйственной деятельности, который является эколого-безопасным и экономически более справедливым» [14, с. 5]. А.Д. Урсул предлагает переход от экономоцентрической модели неустойчивого развития (далее – НУР) к модели устойчивого развития (далее – УР).

Символически экономоцентрическая модель НУР описана ученым с помощью известного отношения результатов деятельности (*Р*) к затратам (*З*):

$$\boldsymbol{Э = Р/З},$$

Увеличение экономической эффективности в формах прибыли, производительности, рентабельности и других взаимосвязанных понятий экономики выражает главный мотив и интерес деятельности человека в рыночной стихии.

Переход от модели НУР к модели УР как всеохватывающий управленческий процесс может быть символически представлен как наложение основных ограничений на естественно (стихийно) протекающий рыночный процесс, что должно снижать его негативные последствия для общества и приро-

ды. Упрощенно формула устойчивого развития может выглядеть следующим образом:

$$УР = Э * Б * С,$$

где *Б* – ограничения, с помощью которых создается возможность сохранения биосферы;

С – социальные ограничения, которые необходимо реализовывать в системе «человек – общество».

Символы *Б* и *С* означают выход за пределы лишь экономических отношений в более широкие (институциональные; пространства – экологическое и социальное и пр.) [14, с. 5].

Можем ли мы выделить регулирующую роль государства в данном исследовании? Ответ однозначный – да. Это реализация социальных задач.

Следующий подход к концепции устойчивого развития – эколого-экономический. Под эколого-экономической системой ученые понимают интеграцию экономики и природы, связывающую функционирование производства и протекающие естественные процессы [15, с. 410].

Большинство предприятий, осуществляющих свою деятельность на той или иной территории, проводят контроль деятельности в области охраны окружающей среды, но такой контроль является внутренней деятельностью и не может считаться достаточным для обеспечения уверенности в том, что деятельность предприятий в полной мере соответствует требованиям экологической безопасности. Поэтому роль государственного регулирования заключается в направленности на соблюдение требований экологического законодательства и обеспечение устойчивого развития предприятий с точки зрения воздействия на окружающую среду.

Методологической основой эколого-экономического подхода устойчивого развития является наличие разнонаправленных взаимодействующих элементов, центральным звеном в этих отношениях выступает человек. Теоретические положения данного подхода созвучны с эколого-системным подходом. Так, С.Е. Метелев, О.В. Гончарова обращают внимание, что системный подход позволяет сорганизовать компоненты устойчивого развития, которыми на национальном уровне выступают показатели устойчивого развития: показатели окружающей среды, показатели экономики, показатели социальной сферы. И обращают внимание, что задачи устойчивого развития необходимо решать в рамках государственной Стратегии устойчивого развития РФ и Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [3; 15]. В соответствии с данными стратегическими документами задача экологической политики по обеспечению экологической безопасности на долговременный период заключается в преодолении негативных явлений деэкологизации производства. Вместе с тем Концепция перехода предполагает, что решение стратегических задач устойчивого развития должно осуществлять на территориальном уровне – уровне регионов. Проблемы устойчивого развития, решаемые на территориальном уровне, должны соответствовать национальным задачам, но с учетом местных особенностей:

– формирование территориального хозяйственного механизма, регулирующего социально-экономическое и экологическое развитие;

– реализация мер по развитию социальной инфраструктуры, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия;

– развитие природоохранных мероприятий на незастроенных территориях и пр.

Особое место в проблематике устойчивого развития занимают вопросы территориальной устойчивости. Мы поддерживаем мнение А.П. Кузнецова, Р.Ю. Селименкова, которые, кроме экономического (т.е. территория как единое пространство экономических связей и производственных цепей) и экологического (т.е. территория как обособленное образование, отличающееся единством экосистем на его территории) подходов, выделяют управленческий подход [4, с. 16]. Управленческий подход обеспечивается в том числе и через государственное регулирование устойчивого развития путем внедрения эколого-ориентированных методов хозяйствования.

Следующий подход к концепции устойчивого развития – экономико-социальный экологический подход, который стал формироваться в 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию. Данный подход предполагал единство экономической, социальной составляющей и охраны окружающей среды.

Впервые «концепция триединого итога» была предложена в 1994 г. Джоном Элкингтоном. В своем труде ученый вводит аббревиатуру «*triple bottom line*» *TBL* (триединый результат деятельности компании: экономический, экологический и социальный). Программа *TBL* фокусирует внимание корпораций не только на экономических, но также и на экологических и социальных ценностях. При реализации данной концепции выгоду получает не только бизнес-организация или её потребители, но и все прочие члены общества. Экологический и социальный результат может добавить ценность экономическому результату деятельности компании [16].

В подходе триединства к концепции устойчивого развития впервые было уделено внимание роли науки в формировании устойчивого развития. Странам было рекомендовано подготовить базы данных по показателям устойчивого развития (показатели качества, состояния окружающей среды, развития экономической и социальной сфер). Для управления процессом перехода к устойчивому развитию и оценки эффективности используемых средств следует устанавливать целевые ориентиры и ограничения с обеспечением процедуры контроля за их

достижением (соблюдением). Целевые ориентиры могут быть выражены в показателях, характеризующих качество жизни, уровень экономического развития и экологического благополучия и пр.

В России, в базе статистических данных Росстата, предложено 17 взаимосвязанных и неразделимых целей и задач в области устойчивого развития на период до 2030 г. К ним относятся: ликвидация нищеты и голода, хорошее здоровье, качественное образование, чистая вода, достойная работа, партнерство в интересах устойчивого развития и пр. Достижение 17 целей обеспечивают 176 показателей. И возникает закономерный вопрос – каким образом проходят процессы государственного координирования 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) на период до 2030 г., национальных целей Российской Федерации, зафиксированных в Указе Президента Российской Федерации № 474, национальных проектах и федеральных программах. И ответ иллюстрируется в разработанном документе – добровольный национальный обзор (ДНО), который подготовлен с целью определения текущего положения России на пути к достижению Целей устойчивого развития, зафиксированных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка 2030). При подготовке обзора было выявлено, что большинство целей и задач устойчивого развития уже в той или иной мере заложены в основные стратегические и программные документы, принятые в России. Большое значение для достижения ЦУР «имеет участие гражданского общества, бизнеса, неправительственных организаций, волонтеров и научного сообщества» [17, с. 10].

Обращая дальнейшее внимание на теоретические подходы концепции устойчивого развития, Е.С. Балашова, С.Р. Шарипова так же рассматривают реализацию данного подхода в комплексе экономической, социальной и экологической составляющей [8].

Обратимся к краткому изложению корпоративного подхода. Влияние корпоративного подхода на устойчивое развитие описывает в работе *John Elkington* [16], который отмечает, что с 1960 г. по настоящее время экологическую повестку дня сформировали три большие волны общественного давления. Роли и обязанности правительства и государственного сектора изменяли свои функции в ответ на каждую из этих трех волн. Первая волна принесла понимание того, что воздействие на окружающую среду и природные потребности в ресурсах должны быть ограничены и этот посыл нашел отклик в законодательстве. Реакция бизнеса была защитной, фокусируясь в лучшем случае на соблюдение законодательных норм. Вторая волна привела к более широкому осознанию того, что производству и новым видам продукции необходимы новые технологии, что привело к пониманию того, что процессы развития должны стать устойчивыми, бизнесу чаще обычного придется брать на себя ведущую роль. Реакция бизнеса на выполнение данных посылов привела к тому, что бизнес стал более конкурентоспособным. Третья волна фокусируется на растущем признании того, что устойчивое развитие потребует глубоких изменений в управлении корпорациями, сосредоточив внимание на правительстве и на гражданском обществе. Теперь, помимо соответствия нормам законодательства, условиям конкурентоспособности, ответные меры бизнеса должны быть сосредоточены на создании рынка [16].

Представляет научно-практический интерес кластерный подход к устойчивому развитию территорий, который широко распространен в отечественной науке. Основой данного подхода является теория развития предприятий и экономики определенной территории за счет создания кластеров. Обычно теория кластерного устойчивого развития применятся как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия по всем направлениям деятельности кластера и обеспечивает качество жизни населения, проживающего на этой территории. Кластерное развитие территорий обеспечивает устойчивое развитие территории за счет ее конкурентоспособности и закладывается в основу стратегий социально-экономического развития и государственных стратегических документов [18].

В статье И.Н. Свистуновой [17] подчеркивается, что основой устойчивого развития региона является кластерный подход, который позволяет органам государственной власти добиться устойчивого конкурентного преимущества. По мнению авторов, Е.С. Балашовой и С.Р. Шариповой кластерный подход позволяет анализировать проблемы устойчивого развития на микро- и мезо уровне, при этом результаты исследований могут быть применены при стратегическом планировании развития территорий [8]. Конечно, кластерный подход ограничен возможностями его реализации, по причине того, что каждая территория имеет свой ресурс средств, в том числе и финансовых, что в неравной мере позволит той или иной территории участвовать в реализации национальных целей и задач.

Следующий рассматриваемый подход – это институциональный подход к устойчивому развитию. Авторы статьи предлагают использовать данный подход с точки зрения институтов государственного управления устойчивым развитием территорий. Несмотря на мнения ряда ученых и политиков об ограничении роли государства в экономике, бизнесе, политических сферах, авторы уверены, что без института государственного управления цели устойчивого развития территорий будут достигаться неэффективно. Мы не будем углубляться в институциональную экономику, но представим видение института «устойчивое развитие» с позиции

Г.В. Клейнера [19]. Под институтом устойчивого развития будем понимать относительно устойчивые по отношению к изменению отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода времени формальные и неформальные нормы, регулирующие принятие решений в направлении устойчивого развития территорий, деятельность субъектов, включая органы исполнительной власти и механизмы, обеспечивающие соблюдение данных норм. На наш взгляд, институциональный подход может быть рассмотрен в качестве актуального подхода стратегии устойчивого развития территорий. Аргументируем правомерность выбора институционального подхода наличием документа «ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты», регулирующего достижение национальных целей [20]. В нем озвучено, что поддержание эффективных институтов в стране опирается на регулярное совершенствование правоотношений в соответствии с требованиями правовых актов.

Проведенный анализ основных положений концепций устойчивого развития позволяет говорить о его комплексном характере. Комплексный характер подтверждают особенности регуляторного подхода в области зеленого финансирования. В соответствии с рекомендациями ЦБ по предоставлению (раскрытию) финансовыми организациями информации клиентам о финансовых продуктах устойчивого развития, финансовые продукты – это в широком смысле слова предлагаемые финансовыми организациями продукты, которые отвечают целям Парижского соглашения и целям устойчивого развития России [8]. Характеристики таких продуктов включают учет *ESG*-факторов и связанных с ними рисков и возможностей. Среди финансовых продуктов устойчивого развития можно выделить облигации, акции и депозитарные расписки на акции, паи паевых инвестиционных фондов, биржевых инвестиционных фондов, страховые инструменты. В настоящий момент в России адаптирована классификация Международной ассоциации рынков капиталов (ICMA)17, в соответствии с которой выделяются следующие типы облигаций:

– зеленые облигации;

– социальные облигации;

– облигации в сфере устойчивого развития;

– облигации, связанные с устойчивым развитием [9; 21, с. 11].

Ключевыми компонентами таких облигаций, связанных с устойчивым развитием, выступают следующие: выбор ключевых показателей эффективности; оценка целей устойчивой деятельности; характеристики облигации; отчетность; проверка.

Проведенное исследование положений концепции устойчивого развития территорий, с точки зрения ученых исследователей и существующих институтов, позволяет сделать вывод о первостепенной важности роли государственного регулирования при определении условий и возможности развития территории. Достаточно большое количество ученых и их научных работ определяют актуальность разрабатываемого вопроса. В свою очередь, изучение научных трудов и авторские исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Выделены следующие теоретические подходы концепции устойчивого развития, признаваемые наукой и практикой: эколого-системный, эколого-экономический, экономико-социальный экологический научный подход (триединства), корпоративный, кластерный, институциональный.

2. Все теоретические подходы к устойчивому развитию предполагают обязательность государственного регулирования.

3. Теоретические подходы прямо или косвенно содержат в качестве базовых три аспекта – экономический, социальный и экологический.

4. Кластерный и институциональный подходы являются скорее всего инструментами реализации постулатов устойчивого развития, включая развитие территории.

5. Корпоративный и кластерный подходы содержат аспекты влияния бизнеса на устойчивое развитие территорий.

6. Перечисленные подходы к концепции устойчивого развития в недостаточной степени и порой косвенно увязаны с эффективностью государственного управления устойчивым развитием.

7. Стандарты устойчивого развития – 2023 направлены на деятельность предприятий и организаций, но не затрагивают деятельность территорий. Соответственно, не затрагивает подход к управлению рисками и возможностями в области устойчивого развития на территории.

Авторы не считают необходимым построение принципиально новых моделей и разработки теоретических подходов к устойчивому развитию территорий, хотя такие предложения время от времени возникают в научных кругах [15]. Считаем важным предложить систему показателей, позволяющих оценить эффективность государственного управления устойчивым развитием тех или иных территорий. Безусловно, критерии достижения целей устойчивого развития существуют, но их достижение (недостижение) не увязано с деятельностью органов государственной власти.

Представляется непростым оценить усилия той или иной территории в выполнении задач и целей устойчивого развития. Объективная трудность заключается в существенных отличиях территорий (регионов) в социальном, экономическом и экологическом развитии.

Мнения ряда ученых о сомнительности перспектив решения национальных задач на уровне той или

иной территории в части базовой составляющей устойчивого развития – экологической опровергаются государственным подходом к решению, несомненно, этой сложной задачи. В едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., в разделе «Комфортная и безопасная среда для жизни» как раз по регионам и по годам установлены задания по созданию устойчивой среды обращения с ТКО, снижению выбросов опасных загрязняющих веществ и пр. А в соответствии с указом Президента РФ № 68 (2021 г.) «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов РФ» к методикам оценки устойчивого развития территорий в части экологической составляющей можно отнести методику «Качество окружающей среды».

Литература:

1. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». – URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
2. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. – 2023. – № 1(17). – С. 21–35.
3. Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102040449&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1/(дата обращения: 05.11.2023).
4. Кузнецов А.П., Селименков Р.Ю. Устойчивое развитие региона: эколого-экономические аспекты / Под науч. рук. д.э.н., проф. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 136 с.
5. Социально-экономическое развитие территорий / И.А. Бачуринская, Н.В. Васильева, О.В. Веденеева [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-тет, 2020. – 86 с.
6. Якимчук Н.Н., Кузнецова М.Н., Иванова М.В. Государственное управление устойчивым развитием территорий: опыт Финляндии и России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 85. – С. 45–68. – DOI 10.24412/2070-1381-2021-85-45-68.
7. Клейнер Г.Б. Системная устойчивость национальной экономики // Перспективы и ограничения устойчивого социохозяйственного развития России: экономические и правовые аспекты / Под ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиниди, А.О. Иншаковой. — М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2016. — С. 19–40.
8. Балашова Е.С., Шарипова С.Р. Генезис теоретических представлений об устойчивом развитии социально-экономических систем // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 371–387.
9. Новая парадигма развития России: комплексные исследования проблем устойчивого развития / Институт машиноведения им. А.А. Благонравова, Центр исследований устойчивости и нелинейной динамики, Институт социально-политических исследований и др.; Под ред. Коптюга В.А., Матросова В.М., Левашова В.К. – М.: Издательство «Academia»; Иркутск: РИЦ ГП «Облинформпечать», 2000. – 459 с.
10. Макаров В.Л. Государство в российской модели общества // Труды Научного семинара «Неизвестная экономика». – М.: Изд. ЦЭМИ, 1997.
11. IFRS Sustainability Standards Navigator // IFRS. – URL: https://www.ifrs.org/issued-standards/ifrs-sustainability-standards-navigator/
12. IFRS S2 Sustainability Disclosure Standard // IFRS. – URL: https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/publications/pdf-standards-issb/english/2023/issued/part-a/issb-2023-a-ifrs-s2-climate-related-disclosures.pdf?bypass=on
13. Рябова М.И. Национальное управление устойчивым развитием и ESG в Российской Федерации. Аналитический доклад. – URL: https://mgimo.ru/upload/2023/11/nacionalnoe-upravlenie-ustojchivym-razvitiem-i-esg-v-rf.pdf (дата обращения: 07.02.2024).
14. Концептуальные проблемы устойчивого развития. – URL: http://cawater-info.net/ecoindicators/pdf/ursul.pdf. (дата обращения: 15.02.2024).
15. Метелев С.Е., Гончарова О.В. Методологические аспекты эколого-экономической оценки перехода общества к устойчивому развитию // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2(34). – С. 409–412.
16. Elkington. Enter the triple bottom line // The triple bottom line: Does it all add up. – 2004. – Т. 11. № 12. – P. 1–16.
17. Свистунова И.Н. Кластерный подход как основа устойчивого развития региона // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Т. 7, № 5 – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/232EVN515.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

18. Дзагова С.С. Стратегии кластерного развития территорий региона // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и финансов в современных условиях. – 2016. – URL: http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomiki-menedzhmenta-i-finansov-v-sovremennykhusloviyakh-sbornik-nauchnykh-trud/sektsiya-2-ekonomika-i-upravlenie-narodnym-khozyaystvomspetsialnost-08-00-05/strategii-klasternogo-razvitiya-territoriy-regiona/ (дата обращения: 10.02.2024).
19. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004. – 240 с.
20. ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». – URL: https://www.who.int/ru/tools/your-life-your-health/a-healthy-world/SDG-16-Peace-and-Justice-Strong-Institutions (дата обращения: 20.02.2024).
21. Рекомендации Банка России по предоставлению (раскрытию) финансовыми организациями информации клиентам о финансовых продуктах устойчивого развития // Банк России. – URL: https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6195 (дата обращения: 15.02.2024).

Theoretical Approaches to Sustainable Development as the Basis for Public Management of Sustainable Development of a Territory

Yudenko M.N., Bachurinskaya I.A., Dmitrieva T.A.
Saint-Petersburg State University of Economics

The paper analyzes existing theoretical provisions of the concept of sustainable development within the framework of the possibility of applying their provisions in public management of sustainable development of territories. The purpose of the study is to determine the features of these approaches regarding the possibility of application to the sustainable development of territories. It has been revealed that the mechanisms of state regulation are embedded in all theoretical approaches to sustainable development, which has practical significance and makes it possible to use this conclusion within the framework of state regulation in determining the conditions and possibilities for the development of territories, as well as in state management of sustainable development of territories. It is noted that the analyzed theoretical approaches to the concept of sustainable development are insufficiently and sometimes indirectly linked to the effectiveness of government management of sustainable development, as well as to indicators of the quality of life of the population. Based on the results of the analysis of theoretical provisions and their applicability to state management of sustainable development of territories, it was proposed to consider a proposal to form a system of indicators that would allow assessing the effectiveness of state management of sustainable development of territories. In this context, it is possible to continue research in the field of public management of sustainable development of territories.

Key words: government regulation, theoretical approaches, sustainable development, sustainable development goals, territories

УДК 34

Реализация права на распространение информации в России

Амирова Р.Р.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Автором рассмотрен процесс правового регулирования коммуникационного пространства Интернет как безопасной информационной среды. Предложены пути устранения существующих пробелов законодательства, легализующего деятельность блогеров, в частности, не только их права, но и обязанности. По результатам исследования сделаны выводы о необходимости создания четких правовых норм, позволяющих свободно распространять и свободно производить информацию в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: право на информацию, право на распространение информации, запреты, информационное общество, производство информации, этическое нормы, искусственный интеллект

В современном российском обществе сформировались научно-технические условия для реализации права каждого на распространение информации, закрепленного в ныне действующей Конституции РФ. При этом ч. 2 ст. 29 Конституции устанавливает и ограничения, налагаемые на данное право, – это действия (пропаганда или агитация), которые нацелены на возбуждение в обществе ненависти и вражды – социальной, расовой, национальной, религиозной, одновременно нельзя пропагандировать превосходство социальное, расовое, национальное, религиозное, языковое [1].

В соответствии с данной нормой 27 июля 2006 г. вступил в силу Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где в ст. 9 прямо указывается на то, что какое-либо ограничение на доступ к информации возможно только на уровне федерального закона: «Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2].

В условиях изменяющихся социально-политических обстоятельств обществу и государству необходимо постоянно переосмыслять вопросы, касающиеся границ дозволенного в распространении информации, что находит отражение не только в науке конституционного права, но и в ряде статей Конституции РФ. Вместе с тем в 1993 г. в период трансформации общественного сознания и поиска новых политико-юридических ценностей появилась конституционная норма о запрете цензуры (ч. 5 ст. 29) [1].

В науке есть много вариантов определения содержания понятия «цензура». Например, в работах И.Г. Фроловой [3, с. 62], С.А. Куликовой [4, с. 22–29]. Во всех имеющихся определениях можно выделить ключевые критерии: контроль со стороны органов государственной власти, контроль со стороны институтов гражданского общества, взаимный контроль госорганов и гражданских институтов, общий объект – все разнообразие информации, соответствующей достижениям научно-технического развития на печатных, видео-, аудионосителях.

90-е гг. XX в. в России стали периодом глубокого переосмысления культурно-исторических ценностей предыдущей советской эпохи. Желая перестроить духовную жизнь общества, многие писатели, публицисты, общественные деятели стали активными пропагандистами свободы слова. Ответом на запрос общества в возможности открыто выражать собственное мнение по самым разным вопросам на-

стоящего, прошлого и будущего нашей страны стал принятый в конце 1991 г. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [5], где одновременно со свободами для СМИ было легально закреплено понятие «цензура». Спустя 30 лет данная законодательная норма не утратила своей актуальности.

Информационное пространство в начале XXI в. стало сферой непримиримой когнитивной борьбы самых разнообразных политико-идеологических сил, поэтому государству необходимо было сформулировать законодательные нормы, поддерживающие стабильное, устойчивое развитие государства: в 2010 г. был принят Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [6], а в 2014 г. был принят Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7], к 2021 г., в соответствии с Указом Президента РФ, сформирована и принята «Стратегия национальной безопасности РФ» [8].

С расширением содержательного контента в сети Интернет до сих пор существует проблема его правового регулирования, в том числе в контексте сохранения виртуального пространства как безопасного информационного ресурса для самых разнообразных видов деятельности. Поэтому, к сожалению, существуют неурегулированные вопросы законодательного характера. Так, 18 июня 2016 г. Выборгский районный суд города Санкт-Петербурга вынес решение № 2-10119/2016 о блокировке информационного ресурса о криптовалютах *bitcoininfo.ru* [9]. Администрация ресурса узнала о данном судебном решении только после вступления его в законную силу. После исполнения была подана апелляционная жалоба. Одно из ее оснований – не привлечение администрации сайта *bitcoininfo.ru*, которая является заинтересованным в данном процессе лицом (владельцем ресурса). Однако суд посчитал иначе: апелляционным определением № 33-2537/2017 от 13 февраля 2017 г. постановил, что апелляционная жалоба заявителя в его доводах и аргументах по поводу нарушений, которые он стремился обжаловать (посчитал, что его права и законные интересы были ущемлены), была не обоснована, а суд, в свою очередь, не разрешал вопрос о каком-либо праве заявителя и никаких обязанностей на него не возлагал [10].

Одним из вариантов решения этой и подобных проблем представляется издание акта официального толкования права, в котором будет явно предлагаться признать владельца сайта представителем ресурса либо непосредственно стороной по делу. Личность владельца предлагается устанавливать по *whois*-записям доменного имени. С учетом этого право на судебную защиту будет реализовываться в полной мере, так как владелец сайта будет в состоянии явиться лично в судебное заседание и защищать свои права. По подсудности такие дела будут рассматриваться в общем порядке, по месту нахождения ответчика.

Важным шагом в регулировании права на распространение информации стало принятие Госдумой РФ (7 марта 2017 г.) в первом чтении поправки к Федеральному закону № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: согласно этой поправке, «зеркала» запрещенных на территории России сайтов блокируются в досудебном порядке.

Ранее, 5 марта 2014 г., поправка, принятая в вышеупомянутый закон, также вызвала широкий общественный резонанс – так называемый Закон о блогерах [11] обязывал владельцев всех популярных сайтов, аккаунтов в соцсетях зарегистрироваться в Роскомнадзоре и осуществлять свою деятельность вне зависимости от профиля сайта, страницы, аккаунта, места его размещения и регистрационной зоны в соответствии с российским законодательством. Внесенные изменения также касались определения понятий «блогер» и «организатор распространения информации». Например, «блогер», согласно Федеральному закону, определяется как «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети “Интернет”, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети “Интернет”» [11]. На наш взгляд, данную формулировку стоит уточнить, конкретизировать, так как контент социальных сетей значительно расширил возможности распространения информации, увеличил возможности привлечения большого количества подписчиков, в том числе несовершеннолетних, в качестве потребителей информации, что в определенных случаях может представлять угрозу для их здоровья и развития [12].

Наряду с правами, которые имеют «блогер» и «организатор распространения информации», законодатель, как важную составляющую их деятельности, выделил не только права, но и обязанности. Одной из них является обязанность хранить на территории России «информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий» [11], но на данный момент ее по-прежнему трудно реализовать из-за недостаточного количества серверных мощностей на территории России.

В конце 2016 г. громким прецедентом стала блокировка Роскомнадзором деловой социальной сети *LinkedIn*, связанная с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»

[13], предписывающим хранить персональные данные граждан Российской Федерации, а также информацию из вышеуказанного списка только на её территории. Блокировка *LinkedIn* стала первым масштабным случаем применения ограничения доступа к сайту по причине нарушения данного федерального закона. Несмотря на этот прецедент, никаких достоверных сведений о переносе в Россию данных пользователей *Apple, Google, Microsoft* и других крупнейших *IT*-компаний не поступало [14]. Таким способом – блокировкой доступа к ресурсу государственная власть обозначила границы деятельности и для иностранных компаний, у которых нет присутствия на территории РФ, а значит, административные штрафы и проверки со стороны надзорных органов не являются для них серьезным риском, что способствует противоправной деятельности в информационном пространстве России.

Право на информацию включает в себя еще один малоисследованный аспект – право свободно производить информацию. Ряд ученых, в частности С.Н. Шевердяев [15, с. 217–270], Н.Н. Федосеева [16, с. 6–11] и др. придерживаются позиции, согласно которой право на доступ к информации имеет статус самостоятельного конституционного права, а право на производство информации – это одно из правомочий права на информацию.

Актуализация права свободно производить информацию произошла с момента технологического прорыва – использования искусственного интеллекта в разнообразных сферах общественной жизни.

В соответствии с Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» [17]. Опираясь на содержание понятия «искусственный интеллект», закрепленного в Стратегии, можно сформулировать несколько потенциальных угроз его использования: он должен имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение), а значит, он будет способен к саморазвитию (на этапе создания так называемого «сильного искусственного интеллекта»), следовательно, производить новую информацию. Учитывая, что это все-таки заранее заданный алгоритм, то насколько эта информация будет безопасна для общества, развивающегося в информационном пространстве новейших технологий?

Сегодня законодатель еще стоит на пороге создания предельно четкого регулирования использования искусственного интеллекта в ключевых социально-значимых сферах общества – медицине и образования [18]. Безусловно, и общественное мнение должно со своей стороны сформулировать этические нормы внедрения данной технологии, которые должны стать ключевыми при принятии соответствующих законодательных актов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
3. Фролова И.Г. Цензура СМИ в России: за и против // Право и безопасность. – 2012. – № 1. – С. 82–86.
4. Куликова С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 22–29.
5. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 13.06.2023 г.) // Российская газета. – 1992. – № 32.
6. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (посл. ред. от 10.07.2023 г. № 286-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (посл. ред. от 17.02.2023 г. № 28-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Стратегия национальной безопасности России (02.07.2021 г.). – URL: https://strategy24.ru/rf/news/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-02072021-2
9. Решение Выборгского районного суда (города Санкт-Петербурга) от 18 июня 2016 г. № 2-10119/2016 // Выборгский районный суд г. Санкт-Петербурга. – URL: https://vbr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo.
10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.02.2017 г. № 33-2537/2017 по делу № 2-10119/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей”» (посл. ред. от 29.07.2017 г. № 276-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (посл. ред. от 28.04.2023 г. № 178-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
14. Роскомнадзор заявил об отказе LinkedIn переносить данные пользователей в Россию // Интерфакс. – URL: http://www.interfax.ru/business/552672

15. Шевердяев С.Н. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства // Актуальные проблемы обеспечения доступа к информации. – М.: Ин-т проблем информ. права, 2004. – С. 217–270.
16. Федосеева Н.Н. Право граждан на доступ к информации в Российской Федерации // Гражданское право. – 2007. – № 3. – С. 6–11.
17. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
18. Смирнова О.М. Роль институтов гражданского общества в формировании правовой политики РФ в сфере здравоохранения // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 29–31.

Realization of the Right to Disseminate Information in Russia

Amirova R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The author considers the process of legal regulation of the Internet communication space as a secure information environment. The ways to eliminate the existing gaps in legislation legalizing the activities of bloggers, in particular not only their rights, but also their duties, are proposed. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the need to create clear legal norms that allow for the free dissemination and free production of information in the face of modern challenges.

Key words: the right to information, the right to disseminate information, prohibitions, information society, information production, ethical standards, artificial intelligence

УДК 347.78

Особенности определения понятия произведений с неустановленным правообладателем («сиротских» произведений) во Франции

Барышев С.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Актуальность темы статьи обусловлена широким распространением произведений с неустановленным авторством в отсутствие механизма их правового регулирования в России и наличием данного механизма во Франции, что обуславливает необходимость исследования зарубежного опыта правового регулирования.

Целью исследования является изучение отдельных проблем правового режима «сиротских» произведений во Франции. Задачами исследования являются: анализ проблем определения системы признаков «сиротского» произведения, проблем определения признаков «сиротского» произведения, установленных в целях их использования.

Научная значимость работы заключается в юридическом анализе системных признаков «сиротского» произведения в авторском праве Франции, что служит основанием для проведения дальнейших сравнительно-правовых исследований. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных материалов для формирования эффективного механизма правой защиты «сиротских» произведений в России.

По результатам проведенного исследования выявлена система общих и специальных признаков «сиротского» произведения в авторском праве Франции, выявлены проблемы взаимосвязи специальных признаков «сиротского» произведения и разрешенных способов его использования.

Ценность проведенного исследования заключается в построении системы общих и специальных признаков «сиротского» произведения в их взаимосвязи с правовыми способами использования произведения.

Ключевые слова: авторское право, «сиротские» произведения, использование произведения, признаки произведения, обнародование произведения

Развитие цифровых технологий создания и распространения информации приводит к существенным изменениям в правовом режиме тех объектов гражданских прав, которые становятся предметом отношений в сфере подобного цифрового обмена. Преобразование произведения в цифровую форму, пригодную к распространению в телекоммуникационных сетях, предоставляет широкие возможности для их использования. Данные произведения могут быть неизвестны широкой публике до их перевода в цифровую форму и последующего распространения. Использование произведений в сети Интернет свидетельствует о значительном распространении практики размещения произведений без указания авторства. Еще более значимо данное явление в случае создания произведения изначально в электронной форме. В таком случае автор может быть указан в виде логина или никнейма. В рассматриваемом случае возникает проблема законного использования такого рода произведений. Отсутствие указания на авторство либо отсутствие автора приводит к невозможности получения от него согласия на ис-

пользование произведения. Актуальность данной проблемы в полной мере ощущается практически во всех государствах с развитой системой телекоммуникационных сетей. В то же время далеко не во всех из них разработаны правовые механизмы, которые позволяли бы, с одной стороны, защитить права авторов, а с другой, обеспечить использование их произведений, в том числе и в социальных интересах.

Следует констатировать, что в Российской Федерации в настоящее время данный правовой механизм отсутствует. В этой связи представляется интересным изучение опыта разработки и практического применения данного правового механизма во Франции.

Основу вышеуказанного правового режима составляет понятие произведения с неизвестным авторством. В его отсутствие становится невозможным отграничение данных произведений от схожих правовых объектов, например, произведений фольклора или произведений, изданных или иным образом обнародованных под псевдонимом. Французское законодательство в ст. L113-10 Кодекса интеллектуальной собственности Франции (далее – *CPI*) [1] содержит определение понятия произведения с неустановленным правообладателем, именуемое «*L'œuvre orpheline*», дословно «сиротское» произведение, которое мы будем использовать в дальнейшем. Основываясь на законодательной дефиниции, можно выделить ряд признаков «сиротского» произведения.

Прежде всего, данное произведение должно относиться к числу произведений, охраняемых нормами авторского права. Данный постулат подтверждает непреложную аксиому французского авторского права о наделении автора исключительными правами на творческое произведение с момента его создания независимо от степени известности автора. Отсутствие указания на авторство, неизвестность автора или иного правообладателя не делают «сиротское» произведение общедоступным, что является важнейшей гарантией сохранения прав на него, в том числе и в случае использования такого произведения в публикациях в прессе самостоятельно или на основе лицензии [2, с. 7]. В то же время данный признак позволяет отграничить «сиротские» произведения от объектов, которые в принципе не охраняются авторским правом.

Важнейшим признаком «сиротского» произведения является факт его обнародования. Отсутствие факта обнародования делает невозможным придание произведению статуса «сиротского» и исключает возможность его использования в каком бы то ни было случае без разрешения правообладателя. Соответственно, не могут рассматриваться как «сиротские» произведения, находящиеся в частных коллекциях при отсутствии факта их представления широкой публике. Французское законодательство допускает различные способы обнародования произведения, в частности, путем опубликования, выпуска в свет, постановки на сцене. Однако, как будет нами показано ниже, далеко не все возможные способы обнародования применимы в случае последующего использования «сиротского» произведения.

Конституирующим признаком «сиротского» произведения является невозможность установления личности или местонахождения его правообладателя, несмотря на тщательные, обеспеченные доказательствами поиски [3, с. 10]. В качестве правообладателя «сиротского» произведения может выступать как автор, так и иной правообладатель. В этой связи можно выделить две разновидности «сиротских» произведений. Первая из них предполагает невозможность достоверного установления личности автора или иного правообладателя произведения. Вторая предполагает невозможность установления его местонахождения либо невозможность установления связи с ним для решения вопроса о возможном использовании произведения. Неизвестность правообладателя в двух указанных ситуациях существеннейшим образом отличается. Неизвестность личности автора или иного правообладателя, например, при использовании им псевдонима, никнейма, при отсутствии возможности установления взаимосвязи данного псевдонима с конкретным лицом действительно делает невозможным установление каких-либо правоотношений с автором, в том числе и в целях защиты его произведения. Во втором же случае, когда личность правообладателя в принципе установлена, но он не может быть найден, в принципе не исключается возможность установления его местонахождения, что предъявляет особые требования к доказательствам невозможности определения последнего. Здесь наиболее ярко проявляется одна из целей введения правового режима «сиротского» произведения, а именно, обеспечение социально-общественного интереса в отношении использования произведения.

Правовой режим «сиротского» произведения существенно изменяется в том случае, если в отношении него объективно существует несколько правообладателей, например, если оно создано в соавторстве. Режим соавторства предполагает совместное использование произведения по взаимному согласию либо в случае отсутствия последнего по решению суда. Соответственно, особый правовой режим к такому произведению может быть применен только в случае неизвестности личности всех соавторов или невозможности установить местонахождение всех из них. То же самое положение применимо и в том случае, если автор известен, но неизвестен один из правообладателей на произведение. В то же время данное положение оставляет открытым вопрос о раздельном соавторстве либо наличии распределения прав между автором и иным право-

обладателем в отношении произведения. Например, известно лицо, издавшее книгу, но нет возможности связаться с автором произведения в отношении возможности использования его в иной форме. В данном случае, по нашему мнению, необходимо исходить из объема прав правообладателя. В том случае, если его права не охватывают конкретные способы использования произведения, а автор не может быть обнаружен, то в отношении данных способов произведение может быть признано «сиротским», что не противоречит нормам *CPI*.

В этой связи необходимо отметить, что определенные вопросы вызывает истечение срока охраны имущественных прав автора. Если в отсутствие личности автора время создания произведения невозможно точно установить, то открытым остается вопрос о сроке охраны таких произведений. На наш взгляд, в данном случае по аналогии должны применяться положения ст. L123-3 *CPI*, в соответствии с которыми срок действия исключительного права на произведения, изданные под псевдонимом, составляет семьдесят лет, начиная с первого января года, следующего за годом опубликования произведения. Однако соответствие объекта авторских прав признакам, указанным в ст. L113-10 *CPI*, не означает *a priori* появления у него особого статуса «сиротского» произведения, предусматривающего возможность его использования специально установленными законом способами.

Обеспечению принципа сохранения авторских прав на произведение, независимо от возможности установления его автора, способствует и предъявление особых требований к самому произведению. В качестве «сиротского» произведения могут рассматриваться далеко не все творческие произведения. Определение правового режима «сиротского» произведения ставится в зависимость от признания его таковым на территории Франции или на территории любой другой страны Европейского союза (далее – ЕС).

К первым из них относятся опубликованные произведения, в том числе в виде книг, журналов, газет или других произведений, входящих в состав фондов общедоступных библиотек, музеев, архивных служб, учебных заведений, учреждений, выполняющих функции сохранения кинематографического или звукового наследия, например, Национального института аудиовизуальной продукции (*Institut national de l'audiovisuel*) [4]. К такого рода произведениям приравниваются включенные в состав упомянутых фондов аудиовизуальные или звуковые произведения, а также произведения, созданные организациями общественного вещания до 1 января 2003 г. и являющиеся частью архивов данных организаций. Данное положение выводит из круга возможных «сиротских» произведений объекты авторских прав, находящиеся в частных коллекциях, к которым нет общественного доступа, в том числе и при условии их обнародования. Также к «сиротским» не относятся и произведения, созданные частными организациями вещания, в том числе и в случае их передачи по сетям общественного телевидения. С другой стороны, на наш взгляд, не исключается возможность отнесения к «сиротским» произведений находящихся в фондах библиотек, музеев, учебных заведений, созданных частными лицами, но носящих общедоступный характер.

Вместе с тем необходимо учитывать и положения ст. L135-1 *CPI*, требующей не просто обнародования произведения, а обнародования определенными способами на определенной территории. Таким образом, к «сиротским» произведениям в первую очередь относятся вышеупомянутые произведения первоначальное опубликование или передача в эфир которых имели место в одном из государств – членов Европейского союза. Еще одним важнейшим ограничением круга «сиротских» произведений является исключение из их числа отдельных фотографий и других неподвижных изображений, существующих как самостоятельные произведения, что в значительной степени нивелирует значение всего правового механизма охраны. На данное обстоятельство, в частности, указал Высший совет по вопросам литературной и художественной собственности (*Le Conseil supérieur de la propriété littéraire et artistique*): «Учитывая исключение из сферы действия директивы фотографий и неподвижных изображений, составляющих наиболее важный источник “сиротских” произведений, следует отметить, что объем произведений, на которые распространяется режим, предусмотренный директивой, априори представляется очень небольшим» [5, с. 12]. В то же время данное ограничение в значительной степени нивелируется тем, что оно не распространяется на фотографии и иные изображения, включенные в другие произведения: книги, журналы, аудиовизуальные произведения.

Принципиально важным в этой связи является способ обнародования произведения. В качестве такого выступает либо опубликование, либо передача в эфир, либо организация публичного доступа к произведению одной из организаций, получающих права на «сиротское» произведение.

Вторым видом произведений, за которыми признается режим «сиротского», являются произведения, признаваемые в качестве такого на территории любого из государств ЕС в соответствии со ст. 2 Директивы ЕС «О разрешенных видах использования произведений неизвестных авторов» [6, с. 12]. С учетом данного положения во Франции в принципе могут признаваться права и на «сиротские» произведения, не признаваемые таковыми в соответствии с внутренним французским законодательством, но признанные таковыми в соответствии с общими положениями европейского законодательства.

Совокупность общих и специальных признаков «сиротских» произведений тесным образом связана с разрешенными способами использования произведений. Более того, на основе анализа норм французского законодательства можно сделать вывод о том, что специальные признаки «сиротского» произведения призваны обеспечить его правовой режим исключительно в целях использования особыми субъектами в некоммерческих, социально-культурных целях [7, с. 32]. К таковым, в соответствии со ст. L135-2, относятся использование «сиротских» произведений перечисленными в п. 1 ст. L135-1 учреждениями образования и культуры в целях обеспечения всеобщего доступа к ним любого лица по собственной инициативе, а также в целях воспроизведение такого произведения в целях его оцифровки, предоставления доступа, индексации, каталогизации, сохранения или реставрации.

Таким образом, современное французское законодательство с учетом практики его применения устанавливает особую систему признаков «сиротского» произведения. Данная система включает в себя общие и специальные признаки.

К общим признакам относятся охраноспособность произведения в соответствии с общими нормами авторского права Франции, необходимость его обнародования, невозможность установления автора или определения его местонахождения, несмотря на предпринятые усилия в поиске, в соответствии со ст.ст. R135-1 – R135-4 *CPI*.

К специальным признакам относятся ограничение круга произведений объектами, находящимися в фондах организаций культуры и образования, необходимость обнародования произведения определенными способами на территории стран ЕС.

Кроме того, закрытый перечень разрешенных способов использования произведения устанавливается в отношении только тех «сиротских» произведений, которые соответствуют как общим, так и специальным признакам.

Литература:

1. Loi n° 92-597 du 1 juillet 1992 relative au code de la propriété intellectuelle (partie législative) // Journal officiel de la Republique française du 3 juillet. – 1992.
2. Carre S., Macrez F. Les ambivalences du copyright européen dans la construction du marché unique numérique // Europe. – 2020. – № 7. – P. 5–12.
3. Greslou E., Dord-Crouslé S., Hue-Gay et al. L'édition numérique de corpus d'auteurs – aspects juridiques: Guide préparé par le groupe de travail "Questions juridiques" du consortium CAHIER. – URL: https://shs.hal.science/halshs-03400177 (дата обращения: 25.02.2024).
4. Pierrat E. Les dangers de la mention droits reserves. – URL: https://www.livreshebdo.fr/article/les-dangers-de-la-mention-droits-reserves-iiii (дата обращения: 25.02.2024).
5. Rapport de la mission sur la transposition de la Directive 2012/28/ue sur les oeuvres orphelines // Conseil superieur de la propriete litteraire et artistique. – 2014. – 17 juillet. – P. 13.
6. Directive 2012/28/UE du Parlement européen et du Conseil du 25 octobre 2012 sur certaines utilisations autorisées des œuvres orphelines // Journal officiel de l'Union européenne. – 2012. – L 299/5- L 299/11.
7. Cornu M. Les mutations du droit d'auteur au xxe siècle. – URL: https://www.cairn.info/revue-apres-demain-2018-2-page-31.htm (дата обращения: 25.02.2024).

Features of the Definition of the Concept of Works of Unknown Authorship ("Orphan" Works) in France

Baryshev S.A.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The relevance of the topic of the article is due to the wide distribution of works of unknown authorship in the absence of a mechanism for their legal regulation in Russia and the presence of this mechanism in France, which necessitates the need to study foreign experience of legal regulation.

The purpose of the study is to study individual problems of the legal regime of "orphan" works in France. The objectives of the study are: analysis of the problems of determining the system of

characteristics of an "orphan" work, analysis of the problems of determining the characteristics of an "orphan" work established for the purpose of their use.

The scientific significance of the work lies in the legal analysis of the systemic features of an "orphan" work in French copyright law, which serves as the basis for further comparative legal research. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained materials to form an effective mechanism for the legal protection of "orphan" works in Russia.

Based on the results of the study, a system of general and special characteristics of an "orphan" work in French copyright law was identified, and problems of the relationship between the special characteristics of an "orphan" work and the permitted methods of its use were identified.

The value of the study lies in the construction of a system of general and special characteristics of an "orphan" work, in their relationship with the legal ways of using the work, as well as identifying its possible authors.

Key words: copyright, "orphan" works, use of the work, characteristics of the work, publication of the work

УДК 340; 34.01

Сравнительно-правовой анализ организации особо охраняемых природных территорий в странах Европы

Батыршина Г.Ф.
Ассистент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается законодательное регулирование особо охраняемых природных территорий в странах Европы. Исследование выявляет различия и общие принципы в определениях и категориях особо охраняемых природных территорий в законодательстве этих стран. Рассматриваются вопросы сохранения биологического разнообразия, а также влияние и роль международных организаций, таких как Natura 2000 и Международный союз охраны природы. Выделяются различия в законодательстве об особо охраняемых природных территориях в странах Европы, что позволяет расширить научное понимание данной проблематики и развить более эффективные и устойчивые подходы к охране природы.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, категории/виды особо охраняемых природных территорий, сохранение биологического разнообразия, Natura 2000, Международный союз охраны природы, морские охраняемые территории

Наиболее важными ключевыми документами по регулированию особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) во всех странах, включая европейские, являются Конвенция ООН о биологическом разнообразии (1992 г.) [1], касающаяся сохранения важных водно-болотных угодий, Рамсарская конвенция (1971 г.) [2], предусматривающая сохранение природного наследия для будущих поколений, Конвенция о всемирном наследии (1972 г.) [3]. Эти конвенции устанавливают юридические обязательства по созданию охраняемых районов и достижению их эффективности в соответствии с целями сохранения.

Одной из главных международных организаций в области охраны природы является Международный союз охраны природы (далее – МСОП), созданный 5 октября 1948 г. во Франции. ООПТ были и остаются среди главных приоритетов МСОП с момента его создания [4]. Согласно МСОП, ООПТ – это четко определенное географическое пространство, признанное, предназначенное и управляемое посредством правовых или иных эффективных средств для долгосрочной охраны природы вместе со связанной с ней экосистемой и культурными ценностями. Общим признаком понятия ООПТ, указанного в документах МСПОП, с определением, указанным в российском законодательстве, является то, что оба понятия имеют целью охрану природы, а также в обоих понятиях есть направленность на сохранение культурных ценностей. Отличительной особенностью понятий является то, что в нашем российском законодательстве об ООПТ дается более широкое понятие данных участков, которые включают участки земли, водной поверхности и воздушного пространства (Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – ФЗ «Об ООПТ»)) [5].

Классификация ООПТ, разработанная МСОП, является одной из наиболее признанных во всем мире. В соответствии с последней классификацией выделяются шесть основных категорий ООПТ: 1) строгий природный резерват; 2) национальный парк; 3) памятник природы; 4) управляемый природный резерват (заказник); 5) охраняемая ландшафтная

область (наземная и морская); 6) территория устойчивого природопользования [6]. Унифицированная классификация МСОП позволяет упорядочить категории ООПТ. Классификацию МСОП используют для учёта, отчётности, мониторинга, планирования в сфере ООПТ и для совершенствования национального экологического законодательства различных стран. Стоит отметить, что, согласно документам МСОП [4], основными целями созданиями ООПТ являются развитие туризма и рекреации, а также устойчивое использование природных ресурсов.

В рамках природоохранной политики стран Европы существует союз *Natura 2000*, который является крупнейшей скоординированной сетью ООПТ в мире. Сеть охватывает 18 % территории ЕС и более 8 % его морской территории [7]. Одной из важнейших особенностей данной экологической сети является то, что ООПТ, которые создаются в ее рамках, не всегда соотносятся с природными территориями, наделенными особым режимом в соответствии с национальным законодательством европейских стран.

Помимо *Natura 2000* также была основана Изумрудная сеть, которая базируется на тех же принципах, как и вышеупомянутая. Это было началом реализации Панъевропейской (общеевропейской) стратегии [8] биологического и ландшафтного разнообразия. Изумрудная сеть и *Natura 2000* полностью синхронизированы друг с другом, помогают разработать согласованный подход к защите естественных местообитаний и видов на европейском континенте. Они представляют собой две наиболее важные европейские сети ООПТ и формируют крупнейшую скоординированную сеть ООПТ в мире.

В прошлом веке в странах Европы произошло значительное увеличение как количества ООПТ, так и общей их площади. Ожидается, что в Европе количество ООПТ еще больше возрастет, поскольку новая стратегия ЕС в области биоразнообразия устанавливает амбициозную цель в том, чтобы 30 % земли и 30 % воды были защищены к 2030 г. особым природоохранным режимом [9].

В странах Европы по вопросу использования ООПТ часто возникают конфликты между защитниками природы и фермерами из-за введения правил сохранения биоразнообразия, ограничивающих сельскохозяйственную деятельность со значительным экономическим воздействием для фермеров [10]. Здесь необходим баланс частных и публичных интересов, так как занимаемая большая площадь ООПТ оказывает сильное давление на землепользование, связанное с сельским хозяйством, транспортом и городским развитием.

Во Франции сохранение дикой природы и естественной среды обитания растений и животных в настоящее время является основой политики устойчивого развития, а также преследуется цель смягчения последствий изменения климата и адаптации к ней. В отличие от многих других стран, Франция никогда не принимала специального закона, регулирующего ООПТ. Само понятие ООПТ не определяется французским законодательством [11].

ООПТ могут быть созданы в результате инициатив национального правительства, местных или региональных властей и могут быть учреждены в соответствии с природоохранным законодательством или отраслевыми законами Франции [11]. ООПТ, созданные в соответствии с законодательством об охране окружающей среды [12], не только охраняются указанным законодательством, отраслевое законодательство также способствует охране данных территорий. В частности, два отраслевых закона содержат конкретные положения, касающиеся защиты природных территорий: Закон о планировании землепользования [13], а также Закон о лесном хозяйстве [14].

Во Франции создаются две основные группы ООПТ: национальные и региональные заповедники и парки. Предусмотрены морские охраняемые территории, которые разделены на 9 категорий различных по форме управления и природоохранному режиму (Объекты *Natura 2000* в море; национальные парки с морской частью; природные заповедники с морской частью; биотопы префектур, имеющие морскую часть; морские природные парки; морские части домена; морские части национальных охотничьих и диких животных; национальные объекты с морской частью, внесенной в список Всемирного наследия; национальные биосферные заповедники с морской частью) [15]. Во Франции координация в области данных морских территорий обеспечивается под руководством Министерства окружающей среды Французским управлением по биоразнообразию [16].

В Италии предусмотрен более широкий перечень ООПТ, чем во Франции: национальные и региональные парки; государственные и региональные заповедники; заповедные болотистые экосистемы; морские заповедники. В Италии принят Закон от 6 декабря 1991 г. № 394 «Об охраняемых территориях», в котором излагаются основные принципы, классификация, учреждение и управление ООПТ [17]. Закон Италии № 394 считается одним из лучших законов об охране природы в Европе, поскольку он ввел концепцию повышения ценности ООПТ и создания условий производственной деятельности, совместимой с сохранением природного наследия. Закон объединяет сохранение природы, ландшафта, истории, антропологии и местной культуры с экономическими возможностями и возможностями устойчивого развития.

Национальные парки и морские зоны находятся в ведении Министерства окружающей среды и охраны суши и моря Италии, а региональные парки находятся в ведении региональных администраций.

Есть также заповедники, находящиеся под эгидой Министерства сельскохозяйственной политики Италии. В зависимости от типа территории органом управления ООПТ может быть независимая общественная организация на национальном или региональном уровне, консорциум, муниципальная администрация или ассоциация [18]. Достаточно проблематичным на сегодняшний день в Италии является правовое регулирование морских ООПТ ввиду отсутствия единого органа управления и четкого законодательства.

Великобритания имеет много различных категорий ООПТ, некоторые из них созданы исключительно для охраны природы, в то время как другие служат целому ряду целей. Согласно законодательству Великобритании, под ООПТ понимается район, представляющий особый интерес в силу его флоры, фауны, геологических или физиографических особенностей [19]. В этом определении отсутствует привязка к ограничению оборота и пределам экономической деятельности, как это сделано в России.

В Великобритании ООПТ делятся на ряд категорий: 1) охраняемые территории, созданные в соответствии с национальным законодательством (сюда относятся достопримечательности, представляющие особый научный интерес, а также национальные заповедники); 2) охраняемые территории, созданные в результате директив Европейского союза или других европейских инициатив (специальные природоохранные и специальные защитные зоны); 3) охраняемые территории, созданные в соответствии с глобальными соглашениями; 4) морские охраняемые территории (включает в себя морские заповедные зоны и охраняемые морские районы) [20].

К примеру, в Англии [21], Шотландии [22] и Уэльсе [23] ООПТ могут быть наделены режимом особого научного интереса. Данный режим получают памятники природы биологического и геологического значения в соответствии со специальными правилами выбора. Режим может быть получен для любого участка земли, который представляет особый интерес по фауне, флоре, геологическим, физико-географическим или геоморфологическим особенностям. Наделенные соответствующим режимом территории защищены законом от нового строительства и какого-либо вмешательства, которое может нанести им вред.

В Северной Ирландии, Англии и Уэльсе существуют территории повышенной природной привлекательности – это ООПТ, которые предназначены для сохранения ландшафтной ценности. Данным правовым режимом наделяют государственные органы Великобритании (Агентство «Естественная Англия»; Агентство природных ресурсов Уэльса; Агентство по окружающей среде Северной Ирландии). Зоны повышенной природной привлекательности пользуются уровнем защиты таким же, как и национальные парки Великобритании, но, в отличие от национальных парков, ответственные органы не имеют собственных полномочий по планированию. Они также отличаются от национальных парков более ограниченными возможностями для обширного отдыха на свежем воздухе [24].

В 1992 г в Чешской Республике был принят Закон «О сохранении природы и ландшафта» [25], согласно которому ООПТ – это уникальные области, имеющие природное, научное или эстетическое значение. Выделяется шесть категорий ООПТ в Чехии: национальные парки, охраняемые ландшафтные территории, природные национальные резерваты, природные резерваты, национальные природные памятники и природные памятники. В рассматриваемой стране большую часть территории ООПТ составляют охраняемые ландшафтные территории, а также национальные парки [26]. Также числятся ООПТ международного значения: шесть биосферных заповедников ЮНЕСКО, 12 являются участниками Рамсарской конвенции, две включены в число биогенетических резерватов, 16 особых территорий обитания птиц, назначенные в соответствии с новыми международными критериями *BirdLife* – международной организации по защите птиц и сохранению их среды обитания [27]. Многие уникальные территории Чехии включены во все категории ООПТ европейского уровня. Несколько из них поддерживаются (с 2005 г.) *Natura 2000* и Организацией по охране птиц (*Bird Species Protection*).

В ходе исследования был проведен сравнительно-правовой анализ определений и категорий ООПТ в законодательстве стран Европы. Были выявлены существенные различия в подходах и терминологии, используемой в данных странах при классификации и определении ООПТ. В законодательстве стран Европы часто применяются категории ООПТ, предусмотренные в рамках системы *Natura 2000.* Данный подход позволяет обеспечить единое понимание и единые стандарты при защите ООПТ европейских стран. Некоторые страны устанавливают свои категории ООПТ, которые не схожи с другими странами (территории повышенной природной привлекательности (Англия, Северная Ирландия и Уэльс)), а также ООПТ, могут наделяться особым режимом («режим особого научного интереса» (Англия, Шотландия,Уэльс).

Такое сопоставление законодательства европейских стран позволяет лучше понять особенности механизмов защиты природных территорий в различных регионах и использовать лучший опыт в данной сфере.

Литература:

1. Конвенция «О биологическом разнообразии» от 05.06.1992 // СЗ РФ. – 1996. – № 19.
2. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц. Заключена в г. Рамсаре 02.02.1971 г. // СПС Гарант.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (закл. в г. Париже 16.11.1972) // СПС Гарант.
4. Устав международного союза охраны природы и природных ресурсов 5.10.1948 г. № 124. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901941373
5. Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 01.05.2022 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.
6. IUCN (1994) Guidelines for Protected Area Management Categories. CNPPA with the assistance of WCMC. – IUCN, Gland, Switzerland and Cambridge, UK, 1994. – 261 p.
7. Natura 2000 // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/environment/nature/natura2000/index_en.htm (дата обращения: 03.09.2023).
8. Biodiversity strategy // European Commission. – URL: https://environment.ec.europa.eu/strategy/biodiversity-strategy-2030_en (дата обращения: 03.09.2023).
9. EU Biodiversity Strategy for 2030 from 20.05.2020 № 380. – URL. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52020DC0380.
10. Koutsouki A., Nastis S., Bournaris T., Zikos D. A Review on the Relation between European Protected Areas, Farming Systems and Certification/Labelling Schemes of Agri-Food Products with a Protected Area Logo. – URL: https://www.preprints.org/manuscript/202305.1790/v1.
11. Code de l'environnement 18.09.2001 № 2000-914. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006074220/LEGISCTA000006176504/2022-11-01/.
12. Loi № 2010-788 du 12 juillet 2010 portant engagement national pour l'environnement, JO du 13/07/2010 (Loi dite «Grenelle II»). – URL: https://www.actu-environnement.com/ae/reglementation/loi_du_12_07_2010_devx0822225l.php4
13. Loi fédérale du 22 juin 1979 sur l'aménagement du territoire (Loi sur l'aménagement du territoire, LAT) 1 janvier 1980 RO 1979 1573. – URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC003493/
14. Loi n° 2001-602 du 9 juillet 2001 d'orientation sur la forêt. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000006613761
15. Guignier A., Prieur M. Legal Framework for Protected Areas // IUCN-EPLP. – 2010. – № 81. – P. 10–11.
16. Chassé P., Blatrix C., Frascaria-Lacoste N. Determining the location of protected areas in France: Does «scientific interest» matter? // Perspectives in Ecology and Conservation. – 2021. – № 19 (3). – P. 379–386.
17. Legislation «Laying down the legal framework for protected areas» 1991 № 394. – URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/ru/c/LEX-FAOC005411.
18. Bertini A., Caruso I, Vitolo T Inland Areas, Protected Natural Areas and Sustainable Development // Eng. Proc. – 2022. – № 18. – P. 20–26. – https://doi.org/10.3390/engproc2022018020
19. Act «Wildlife and Countryside» from 30.10.1981. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/69/contents.
20. Starnes T., Beresford A.E., Buchanan G.M., Lewis M., Hughes A., & Gregory R.D. The extent and effectiveness of protected areas in the UK // Global Ecology and Conservation. – 2021. – № 30. – https://doi.org/10.1016/j.gecco.2021.e01745
21. Act «The Conservation of Habitats and Species Regulations» from 30.11.2017 № 1012. – URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2017/1012/introduction/made.
22. Act «Nature Conservation (Scotland)» from 11.06.2004 № 2004. – URL: https://www.legislation.gov.uk/asp/2004/6.
23. Act «Wildlife and Countryside» от 30.10.1981 № 69. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/69/enacted.
24. Act «Nature Conservation» from 03.07.2013 № 951. – URL: https://leap.unep.org/countries/dk/national-legislation/nature-conservation-act-no-951-2013.
25. The Czech National Council Act № 114/1992 on Protection of Nature and the Landscape. – URL: https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC183146/.
26. Act «Protection of Nature and the Landscape» from 19.02.1992 № 114/92 // FAL. – 1994. – № 43. – P. 276–279.
27. Status of Biological Resources and Implementation of the Convention on Biological Diversity in the Czech Republic. First Report // Ministry of the Environment of the Czech Republic. – Prague, 2000. – 65 p.

Comparative Legal Analysis of the Organization of Specially Protected Natural Areas in European Countries

Batyrshina G.F.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the legislative regulation of specially protected natural areas in European countries. The study identifies differences and common principles in the definitions and categories of specially protected natural areas in the legislation of European countries. The analysis of the established differences in legislation on specially protected natural areas allows for the expansion of scientific understanding of this issue and the development of more effective and sustainable approaches to nature conservation.

Key words: specially protected natural areas, categories/types of protected areas, conservation of biological diversity, Natura 2000, International Union for Conservation of Nature, marine protected areas

УДК 343.7

Роль оценочных признаков при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности

Биккулов А.Э.
Аспирант Сургутского государственного университета

Целью статьи является: анализ основных оценочных признаков, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности, разработка рекомендаций по решению проблем, связанных с использованием оценочных признаков в этой сфере. Автор рассматривает оценочный признак как категорию уголовного права, анализирует мнения советских и современных российских исследователей. Основное внимание сосредоточено на анализе конкретных оценочных признаков, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности. Выделяются количественные, качественные и кумулятивные признаки и даётся их краткая характеристика. Рассматривается вопрос об устранении оценочных понятий из норм Уголовного кодекса РФ. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что оценочные признаки являются такими характеристиками, которые не конкретизируются в законе и определяются по внутреннему убеждению правоприменителя, а многие признаки, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности, законодателем не конкретизированы, а разъяснения Верховного Суда Российской Федерации являются фрагментарными и несистемными. Автор считает, что нет необходимости отказываться от оценочных понятий и предлагает их систематизировать как в рамках главы 22, так и в рамках всего Уголовного кодекса Российской Федерации. Также подчёркивается необходимость выработки единого подхода и системы критериев для определения оценочных признаков преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: оценочная категория, оценочное понятие, оценочный признак, преступление в сфере экономической деятельности, уголовная ответственность, уголовное право

Оценочные признаки, характеризующие преступления как в целом, так и в контексте экономической деятельности, вызвали интерес неслучайно. Такого рода признаки, с одной стороны, определенно упрощают реализацию задач правового регулирования, поскольку освобождают законодателя от необходимости конкретизировать те или иные аспекты при формулировании определённых правовых норм. Это одновременно означает и отсутствие у законодателя необходимости прорабатывать массу дополнительных нюансов при разработке, обсуждении и принятии законопроектов, что позволяет ускорить правотворческий процесс. Для правоприменителя оценочные признаки создают некоторый простор для принятия решения по своему усмотрению, поскольку оценка той или иной ситуации в определенной мере зависит именно от конкретного должностного лица, и оно вправе действовать по своему внутреннему убеждению, хотя и в определенных рамках. Кроме того, наличие оценочных признаков в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства для стороны защиты создает дополнительные возможности представить и обосновать наличие каких-либо исключительных обстоятельств, заслуживающих внимания и обеспечивающих более индивидуализированный подход. В конечном итоге оценочные признаки являются и средством преодоления проблемы чрезмерного фор-

мализма, свойственного практике решения тех или иных вопросов органами власти.

В то же время оценочные признаки вносят некоторую неопределённость в правоприменительную практику, поскольку при их наличии допускается разрешение аналогичных по своему характеру ситуаций по-разному, в том числе и не вполне справедливо, что ставит под сомнение декларируемые российским законодательством принципы равенства и справедливости. И в связи с этим порождаются определённые проблемы. Поэтому оценочные признаки требуют пристального внимания, нуждаются в осмыслении, а нормы, содержащие их, возможно, в пересмотре.

Что же касается преступлений в сфере экономической деятельности, то при формулировании ряда составов отечественный законодатель активно использует оценочные признаки. В этом контексте, учитывая проблемность квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, оценочные признаки можно рассматривать в числе предпосылок, осложняющих формирование единообразной правоприменительной практики.

Соответственно, целью данной статьи являются анализ основных оценочных признаков преступлений в сфере экономической деятельности и разработка рекомендаций по решению проблем, связанных с применением оценочных признаков (понятий).

В настоящее время ни в одном источнике действующего законодательства не представлена трактовка рассматриваемой категории, несмотря на довольно давнюю историю ее упоминания. В этой связи нужно сказать о С.И. Вильнянском, который ещё в 1956 г. упомянул в своей работе оценочное понятие, охарактеризовав его наличием широкой формулировки, благодаря которой суд получает, в частности, «возможность свободной оценки фактов» [1, с. 13]. С того времени к проблематике оценочных понятий стали обращаться многие отечественные ученые, предлагавшие свои варианты определений.

Интересен также подход советского правоведа А.В. Наумова, рассматривавшего феномен оценочных понятий как признаков состава преступления, оценка которых дается, исходя из правосознания субъекта правоприменения [2, с. 97]. В контексте такого подхода нормативные положения при решении конкретного вопроса отходят на второй план по своей значимости, а ключевым фактором становится именно правосознание правоприменителя.

Примечательно, что в рамках представленного подхода термин «оценочный признак» отождествлен с термином «оценочное понятие», что в целом представляется вполне обоснованным и нами поддерживается. В то же время указанным автором делается акцент на роли правосознания в применении оценочных признаков и определённо нивелируется роль писаного права. И в этой связи необходимо уточнить, что правоприменитель, оперируя тем или иным оценочным признаком, стремится (или по крайней мере должен стремиться) следовать конкретным юридическим нормам. А правосознание в этом плане выступает не как основа, а именно как некоторый вспомогательный ориентир, способствующий применению правовых норм, но никак не заменяющий эти нормы.

В.Е. Жеребкин, раскрывая природу оценочных понятий, отмечал их неопределяемость в законе, теории или судебной практике, также присущие им объем и содержание. Причем содержание таких понятий, по его мнению, не представляется возможным четко зафиксировать [3].

В контексте изложенного представляется возможным возразить указанному автору. Во-первых, к оценочным понятиям возможно относить те из них, которые нормативно не определены даже при наличии определения в актах судебной практики и (или) в научных источниках, поскольку именно законодательная неопределённость того или иного понятия или признака даёт возможность решать тот или иной вопрос на усмотрение конкретного правоприменителя. То есть, если то или иное понятие зафиксировано, например, в теории, то в этом случае нет оснований не относить его к оценочным, поскольку правоприменитель оперирует прежде всего именно формально закреплёнными нормами, а не теми идеями, которые получили закрепление в научных трудах. Также нельзя не относить к оценочным понятиям те, которые получили некоторую фиксацию в судебной практике, в том числе и на уровне высших судебных инстанций (Конституционный Суд РФ или Верховный Суд РФ), но нормативно не закреплены. В этом случае, учитывая изменчивость судебной практики, вряд ли можно говорить о том, что получившее судебное толкование понятие утратило свою оценочность.

Толкование тех или иных понятий в источниках судебной практики не представляется возможным рассматривать в качестве решения проблемы оценочных понятия и в связи с тем, что в рамках отечественной правовой системы судебные прецеденты и соответствующие акты, содержащие их, не рассматриваются в качестве источников права, во всяком случае де-юре. Поэтому решение проблемы оценочных понятий лежит в поле деятельности органов законодательной власти, а не судебной.

Спорным представляется и мнение о том, что оценочное понятие в принципе не представляется возможным зафиксировать нормативно. В этой связи можно полагать, что оценочность обусловливается не принципиальной невозможностью фиксации конкретного понятия или признака с соответствующими конкретизирующими его критериями оценки, а самим фактом отсутствия такой конкретизации.

Поэтому думается, что определённые оценочные признаки, которые содержатся в тех или иных законах, в том числе в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [4] (далее – УК РФ), могут быть уточнены по крайней мере на основе конкретных критериев, в том числе и количественных. Безусловно, нормативное решение задачи уточнения оценочных признаков может быть крайне сложным и трудоемким, но гипотетически возможность такого решения не может быть исключена.

Д.Р. Касимов в своем диссертационном исследовании применительно к уголовному праву трактует оценочные понятия как юридически зафиксированные термины, для применения которых отсутствуют точные условия [5, с. 11]. Изложенное означает возможность применения соответствующих оценочных понятий к неограниченно широкому кругу ситуаций. И в этом плане для правоприменителя созданы достаточно удобные условия, позволяющие ему в том числе оценивать то или иное деяние в целом либо обстоятельства его совершения, причем как ограничительно, так и расширительно, по собственному усмотрению.

Надо сказать, что наличие оценочных признаков, не конкретизированных законодательно, представляется вполне естественным для современного права. Такой же позиции в целом придерживается, например, Т.А.О. Эндикот [6]. В этой связи думается, что обилие оценочных признаков, причем не только в нормах уголовного права, обусловливается стремлением законодателя, с одной стороны, адаптировать право к самым разным ситуациям, которые объективно возможны в существующих реалиях, и, с другой – избежать чрезмерного расширения объёмов нормативного материала и казуальности правового регулирования. То есть законодатель обоснованно стремится минимизировать тот нормативный материал, который правоприменителю придётся рассматривать в ходе разрешения той или иной ситуации. И в этом плане полное устранение всех оценочных понятий представляется, хотя и возможным, но нецелесообразным, поскольку в таком случае объём нормативного материала будет кратно увеличиваться, что приведёт к упрощению одних аспектов применения и к осложнению других аспектов.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов то, что правоприменитель всегда будет склонен в ходе квалификации правовой оценки того или иного деяния руководствоваться своими интересами. То есть если правоприменителем является субъект, представляющий сторону обвинения, то он, вероятнее всего, будет расширительно толковать соответствующие нормы. И в этом состоят ключевые риски, дающие основания аргументировать необходимость ограничения возможности для принятия решений по усмотрению правоприменителя. С другой стороны, излишне жесткие рамки лишают правоприменителя многих возможностей при квалификации соответствующего деяния, особенно с учетом того, что все гипотетически возможные ситуации практически невозможно представить. Соответственно, оставление законодателем возможностей для принятия решений по усмотрению правоприменителя (конечно, в определенных рамках) можно расценивать как необходимость. В этом плане принципиально важно поддерживать баланс.

С учётом изложенного к оценочным признакам целесообразно относить такие характеристики того или иного факта, явления, деяния, которые ввиду отсутствия нормативно закреплённых критериев оценки юридически оцениваются по личному усмотрению правоприменителя, на основе его правосознания, внутреннего убеждения и с учетом особенностей конкретной ситуации.

Оценочные признаки, характеризующие преступления в сфере экономической деятельности, отличаются многочисленностью, что обусловило необходимость их классификации. В этой связи, учитывая составы преступлений, предусмотренные нормами гл. 22 УК РФ, представляется возможным выделить прежде всего две группы оценочных признаков (понятий):

1. Количественные признаки.
2. Качественные признаки.

В контексте изложенного к числу количественных признаков можно отнести характеристики, отражающие размер, масштаб преступления, также последствия, которые оно повлекло. К качественным причисляются те признаки, которые не подлежат денежному либо иному численному измерению, во всяком случае, с точки зрения законодателя. Что касается кумулятивных признаков, то они компануют в себе и количественные, и качественные аспекты оценки.

Количественные оценочные признаки используются, например, в ст.ст. 191 и 192 УК РФ, где упоминаются крупный и особо крупный размер, в том числе ущерба, дохода, задолженности, определяемый, согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ, в денежной сумме: более 2 млн 250 тыс. руб. – для крупного размера, ущерба, дохода; более 9 млн руб. – для особо крупного.

Что касается качественных оценочных признаков, то они упоминаются, например, в ст. 177 УК РФ в контексте злостного характера соответствующего деяния. Примечательно, что в данном случае не конкретизируется, в чем именно проявляется злостный характер деяния. В этом плане качественные оценочные признаки представляются более спорными, особенно в контексте исследуемой категории преступлений, где за основу оценки общественной опасности берется чаще всего денежный критерий, являющийся более объективным.

Некоторыми авторами также выделятся кумулятивные оценочные признаки [7, с. 92], что тоже

представляется обоснованным. Пример кумулятивного оценочного признака усматривается в ч. 4 ст. 183 УК РФ, которая предполагает решение вопроса квалификации соответствующего деяния с учетом таких оценочных признаков, как крупный ущерб, сопряженный с тяжкими последствиями. В этом случае денежная оценка вреда, причиненного в результате совершения преступного деяния, дополняется неденежной оценкой.

В контексте сказанного важно подчеркнуть особую значимость оценочных понятий в ходе дачи правовой оценки совершенному в сфере экономической деятельности преступлению, ведь в этом случае, как справедливо замечают М.А. Уваров и Ю.Н. Носатов, общественная опасность определяется, исходя из количественных характеристик, отражающих последствия содеянного [8, с. 121]. Иными словами, применительно к рассматриваемой категории преступлений, как правило, опасно не столько само деяние как таковое, сколько тот размер, объём вреда, измеренный количественно.

Следует отметить, что оценочные признаки, отражающие размер вреда, используются и как конструктивные элементы состава, и в качестве квалифицирующих признаков, предполагающих назначение более строгого наказания в рамках дифференциации ответственности [9, с. 79]. И если в первом случае оценка такого рода признаков связана с решением вопроса о наличии или отсутствии в деянии состава преступления, то во втором случае вопрос лишь в определении мер наказания, а квалификационного значения указанные признаки не имеют.

Надо сказать, что законодатель в целом верно поступил, избрав в качестве основы для правовой оценки рассматриваемых преступлений признаки, оцениваемые в количественных, прежде всего денежных показателях. Как справедливо замечает Н.А. Лопашенко, такого рода количественные признаки делают закон более понятным и менее зависимым от усмотрения правоприменителя [10, с. 221]. Вряд ли можно поспорить с данным утверждением.

Вместе с тем применительно к отдельным случаям квалификации преступлений, связанной с определением количественных характеристик деяний, возникают некоторые вопросы, требующие особо пристального внимания законодателя. Так, если обратиться к ч. 2 ст. 186 УК РФ, то становится не все однозначно, поскольку поддельные денежные средства, о который ведется речь в указанной норме, по своей стоимостной оценке никак не могут коррелировать со стоимостью денежных единиц, произведённых Центральным Банком России. В этой связи И.В. Осипов предлагает за основу брать номинал поддельных денег [8, с. 80], что представляется вполне оправданным.

То есть, например, в случае, когда 1 млн фальшивых руб. сбывается за 500 тыс. руб., то в качестве ориентира целесообразно рассматривать именно номинал сбываемой поддельной валюты. Думается, в этом есть определённая логика, поскольку в экономику таким образом вводится 1 млн поддельных денежных средств, в результате чего причиняется сопоставимый с миллионом рублей ущерб. А полученные в сумме 500 тыс. руб. денежные средства в таком случае будут отражать лишь преступно полученный доход, а не реальный вред, нанесенный экономическим отношениям.

Достаточно сложным и неоднозначным является вопрос использования в ряде норм признака систематичности получения прибыли, который отражает, например, незаконное предпринимательство. Как полагает И.А. Клепицкий, торговая деятельность и деятельность по выполнению работ является общественно полезной [11, с. 137]. То есть если рассматривать отдельные составы преступления в таком контексте, то целесообразно разграничить случаи, когда само по себе деяние наносит тот или иной ущерб, и случаи, когда деяние как таковое ущерба не наносит, но некоторые его последствия обладают вредоносным свойством в силу иных причин, например, в силу отсутствия государственной регистрации либо в силу неуплаты предусмотренных законодательством налогов. Однако данный вопрос требует более тщательной проработки.

Говоря о проблематике оценочных понятий, следует отметить особое отношение к ней Верховного Суда РФ, который счел недопустимым при признании гражданина виновным ограничиваться лишь ссылкой на оценочные категории, в частности, на тяжкий характер последствий, существенность вреда, корыстную или иную заинтересованность [12]. Думается, что такой подход суда в целом представляется верным, поскольку нацелен на минимизацию излишне формального и неиндивидуализированного подхода к рассмотрению дел. Вместе с тем детальных и систематизированных разъяснений в части оценки каждого оценочного признака Пленум Верховного Суда РФ не дал. Такие разъяснения во многом носят фрагментарный характер, что оставляет указанную проблему по-прежнему нерешенной.

Нельзя не сказать о том, что в литературе высказываются предложения о необходимости минимизации круга оценочных признаков, характеризующих те или иные преступления [13, с. 104]. И в целом такой взгляд на развитие уголовного законодательства имеет под собой определённые основания, в том числе применительно к проблематике рассматриваемых в данной статье преступлений. Но, несмотря на сложность и неоднозначность оценочных понятий, не представляется целесообразным стремиться к их искоренению как в целом, так и применительно к уголовному праву, на что обращают внимание и другие авторы [14, с. 737]. Думается, здесь принципиально важно не устранять такого рода поня-

тия или подбирать им замену, а конкретизировать те подходы и критерии, на основе которых должны разрешаться те или иные ситуации, предполагающие применение оценочных понятий.

Примечателен опыт Германии и Франции, где действует ответственность за совершение налоговых преступлений вне зависимости от размеров неуплаченных сумм. Более того, в Германии не имеет значения и умысел лица, уклоняющегося от уплаты налогов: к ответственности привлекаются как лица, имевшие прямой умысел на это деяние, так и лица, действовавшие с косвенным умыслом [15]. В этой связи вряд ли следует развивать отечественное уголовное законодательство по примеру указанных стран, исключая из него отдельные оценочные понятия, поскольку это может привести к ещё более широкому применению репрессивных мер, что не способствует дифференциации уголовной ответственности, которая, в свою очередь, заложена в основу УК РФ как базовый принцип. Более того, внедрение подобного опыта в отечественную правотворческую практику чревато чрезмерным ростом рисков для представителей предпринимательского сообщества, что тоже нельзя назвать приемлемым.

В то же время нельзя не отметить, что в отдельных случаях отечественный законодатель не учитывает сложившуюся судебную практику, в результате чего отдельные нормы УК РФ «загромождены ненужными признаками, которые не отражают действительность» [16, с. 27].

Стоит сказать, что применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности весьма спорным остаётся вопрос о целесообразности сохранения в числе признаков такого оценочного понятия, как «тяжкие последствия». Единственным случаем применения такого признака (понятия) можно считать ч. 4 ст. 183 УК РФ. В этой связи А.Н. Каменева справедливо задаётся вопросом об уместности сохранения указанных признаков в нормах, включенных в главу 22 УК РФ [17, с. 55]. И такие сомнения вполне оправданны, учитывая специфику исследуемой категории преступлений, а также неконкретность указанных положений, которые дают огромный простор правоприменителю для расширительного толкования правовой нормы.

По итогам выполненного анализа автор приходит к следующим выводам касательно оценочных признаков:

1. Оценочные признаки представляют собой такие характеристики, которые в силу отсутствия конкретизирующих нормативных положений оцениваются по внутреннему убеждению правоприменителя (суда, следователя, дознавателя, прокурора).

2. Наличие оценочных признаков следует рассматривать как вполне естественное явление, причем как для права в целом, так и для уголовного права, в частности, что во многом продиктовано стремлением законодателя сократить объём нормативного материала, обеспечив при этом адаптивность каждой из норм, где такие признаки применяются, к максимально широкому кругу правовых ситуаций.

3. Отечественный законодатель, употребляя во многих нормах о рассматриваемых преступлениях оценочные признаки (оценочные понятия), не конкретизирует ни их, ни те критерии, на основе которых должны приниматься соответствующие решения правоприменителем, проводящим квалификацию деяния. В итоге следователям и судам создаются чрезвычайно широкие возможности для усмотрения, а это порождает определенные предпосылки для злоупотреблений. Что же касается разъяснений, которые давались Верховным Судом РФ, то они носят несистемный и фрагментарный характер, что тоже не может способствовать разрешению рассматриваемой проблематики.

В целях решения проблем, связанных с использованием оценочных признаков в уголовно-правовых нормах, целесообразно не стремиться к полному искоренению такого рода признаков. Более логичным представляется уточнение критериев их оценки. Представляется целесообразным систематизировать все оценочные признаки (оценочные понятия), употребляемые как в рамках главы 22, так и в рамках всего УК РФ. Далее же каждое из понятий может быть конкретизировано непосредственно Верховным Судом РФ.

Автор считает принципиально важным выработать некий общий подход и основанную на нем систему критериев для оценки каждого из оценочных понятий, что позволило бы минимизировать риски злоупотреблений и чрезмерно широкого толкования норм и одновременно сохранить адаптивность УК РФ к каждой рассматриваемой ситуации.

Литература:

1. Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института им. Л.М. Кагановича. – 1956. – Вып. 7. – С. 3–18.
2. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград, 1973. – 176 с.
3. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. – Киев: Вища школа, 1976. – 150 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2022. – 235 с.
6. Endicott T.A.O. Vagueness in Law. – Oxford, 2000. – 213 p.
7. Трунцевский Ю.В. Формальные и оценочные признаки составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 86–97.
8. Уваров М.А., Носатов Ю.Н. Характер и степень общественной опасности преступлений, посягающих на конкуренцию в сфере экономической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 120–124.
9. Осипов И.В. Уголовно-правовая характеристика размера преступной деятельности как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 1 (33). – С. 78–84.
10. Лопашенко Н.А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 220–228.
11. Клепицкий И.А. Начало бизнеса: риск наказания // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 130–161.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Волкова А.С. Проблема толкования оценочных признаков преступлений в целях обеспечения экономической безопасности РФ // Вопросы развития современной науки и техники. – 2021. – № 1. – С. 99–105.
14. Гармышев Я.В., Егерев И.М., Пархоменко С.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732 739.
15. Müller K. Steuerhinterziehung (§ 370, 371 AO). – Berlin, 2018. – 416 S.
16. Тимофеев С.В. Некоторые особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным получением и разглашением сведений, составляющих банковскую, налоговую и коммерческую тайну // Правовой альманах. – 2021. – № 8. – С. 18–27.
17. Каменева А.Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 5(162). – С. 53–63.

The Role of Evaluative Features in the Qualification of Crimes in the Field of Economic Activit

Bikkulov A.E.
Surgut State University

The purpose of the article is: to analyze the main evaluative signs that characterize crimes in the field of economic activity; to develop recommendations for solving problems related to the use of evaluative signs in this area. The author considers the evaluative feature as a category of criminal law, analyzes the opinions of Soviet and modern Russian researchers/ The author focuses on the analysis of specific evaluative features that characterize crimes in the field of economic activity. Quantitative, qualitative and cumulative signs are distinguished, and their brief description is given. The issue of eliminating evaluative concepts from the norms of the Criminal Code is being considered. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that evaluative signs are such characteristics that are not specified in the law and are determined by the inner conviction of the law enforcement officer. It is concluded that many of the signs that characterize crimes in the field of economic activity are not specified by the legislator, and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation are fragmentary and unsystematic. The author believes that there is no need to abandon evaluative concepts and proposes to systematize them both within the framework of Chapter 22 and within the framework of the entire Criminal Code of the Russian Federation. The author also emphasizes the need to develop a unified approach and a system of criteria for determining the evaluative signs of crimes in the field of economic activity.

Key words: evaluation category, evaluation concept, evaluation feature, crime in the field of economic activity, criminal liability, criminal law

УДК 342

Значение правовых категорий в исследовании природы молодежного парламентаризма

Будзишвили Ц.З.
Соискатель кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность выбранной темы исследования обуславливается тем, что на современном этапе развития российского государства наблюдается устойчивый интерес к исследованию молодежного парламентаризма как конституционно-правового явления. Цель исследования состоит в разработке теоретических положений, составляющих в совокупности комплексное научное представление о природе молодежного парламентаризма. Сущность молодежного парламентаризма может быть раскрыта на основе таких правовых категорий, как «представительство», «представительная функция» и др., которые автор рассматривает как взаимодополняемые. При этом научная новизна исследования выражается в том, что ранее не проводившееся изучение их соотношения может позволить обобщить и дополнить представление о данном конституционно-правовом явление.

Ключевые слова: представитель, представительство, представительность, представитель власти, представительная функция, признак представительности, молодежный парламентаризм

Для комплексного и всестороннего исследования такого явления, как молодежный парламентаризм, необходимо обратить внимание на рассмотрение соотношения категорий «представительная функция» и «признак представительности» молодежного парламентаризма сквозь призму их основных начал и отличительных особенностей.

А.А. Рудаков определяет юридическую категорию как развитую форму абстрактного мышления человека, предельно отражающую и обобщающую существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов, используемая юридической наукой в качестве своего метода [1, с. 42], а П.С. Баринов, рассматривая категории юридической науки и практики, делает вывод о том, что категории права и юридической практики – «наиболее общие понятия, вырабатываемые в ходе практической юридической деятельности, получающие формальное закрепление в официальных правовых документах в целях регулирования общественных отношений, а также способствующие обеспечению единства системы законодательства и юридической практики» [2, с. 133].

Также А.А. Рудаков отмечает, что наиболее остро поставлен вопрос об оценке методологического значения общих (универсальных) юридических категорий, то есть тех, которые в одинаковой мере распространимы на все юридические науки и наиболее полно и абстрактно отражают процессы и явления, изучаемые этими науками [1, с. 4]. При этом для разрешения данного вопроса С.С. Алексеев исследовал три основных пути: отрицание такого значения юридических категорий; относительное признание за ними такого значения (так как они выражают философское содержание правоведения, являются конкретизацией философских категорий) и признание за ними самостоятельного методологического значения в пределах правоведения [3, с. 135–136].

Категория «представительство», вне зависимости от юридического оформления, в качестве государственного и политического понятия существовала с давних времен [4, с. 15].

Для понимания сути представительства, его компонентов и характеристик необходимо рассмотреть этимологическое значение понятий «представитель», «представительство», «представительность», «представитель власти». Так, «Большой толковый

словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова определяет понятие «представитель» как: 1) лицо, действующее по чьему-нибудь поручению, от имени кого-нибудь, представляющее собой кого-нибудь, чьи-нибудь интересы (например, представители международных организаций); 2) должностное лицо, представляющее интересы какого-нибудь государства, какого-нибудь учреждения (полномочный представитель); 3) человек, представляющий в своем лице тот или иной разряд людей, ту или иную область деятельности, являющийся одним из лиц данного разряда (например, представитель русского народа) [5, с. 770]; а «Словарь русского языка» С.И. Ожегова как: 1) лицо, которое представляет чьи-то интересы, выражает чьи-то взгляды; 2) человек, представляющий в своем лице какой-то разряд, группу людей или какую-то область деятельности, выразитель чьего-то интереса; 3) типичный образец того или иного разряда существ, предметов [6, с. 306].

«Большая советская энциклопедия» определяет представительство как совершение одним лицом в гражданском праве (представителем) от имени и в интересах другого лица (представляемого), на основании определенных полномочий, сделок или иных юридически значимых действий, которые непосредственно создают, изменяют и прекращают гражданские права и обязанности представляемого [7, с. 514]. Также, «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова отражает ряд характеристик понятия «представительство»: 1) наличие представителей, порядок, обычай, правило избирать представителей (преимущественно в применении к выборам в какие-нибудь органы; юр.); 2) выполнение обязанностей представителя, обладание правами представителя (представитель чьих-нибудь интересов); 3) должность, права и обязанности представителя; 4) учреждение, выполняющее чьи-нибудь поручения, представляющее чьи-нибудь интересы (например, дипломатическое представительство, торговое представительство) [5, с. 770].

С.А. Авакьян отмечает, что понятие «представительность» является многозначным и используется для характеристики того, насколько полно (неполно) представлены в органе, учреждении какие-то слои населения или их интересы. К примеру, «применительно к выборной законодательной власти всегда представительность соизмерялась с тем, сколько конкретно избрано в соответствующий орган депутатов – рабочих, крестьян, учителей, женщин и так далее» [4, с. 23–24].

В специализированных словарных источниках этимологическое значение понятие «представительный орган» указывается как обобщенное и издавна принятое наименование коллегиальных органов государственной власти или местного самоуправления, состоящих из депутатов (представителей), избираемых населением [8, с. 541], «представитель власти» – должностное лицо, наделенное правами и обязанностями по осуществлению функций органов государственной власти или государственного управления, в соответствии с которым он вправе давать обязательные для исполнения указания гражданам, учреждениям и организациям [8, с. 540].

Особенностью парламента, по сравнению с другими органами государственной власти, является то, что только в парламенте посредством представительства населения и ведущих политических партий представлены интересы большинства граждан [9, с. 71]. К определяющим признакам представительного органа государственной власти М.А. Козак первым обозначает представительный характер [10, с. 73].

А.В. Безруков «представительность» рассматривает как важнейший признак парламента [11, с. 10], И.В. Гранкин среди признаков, которыми должны обладать законодательные органы, выделяет народную представительность, которая обусловлена фактом выборности населением [12, с. 19–21].

Согласно ст. 94 Конституции Российской Федерации, Федеральное Собрание является представительным и законодательным органом Российской Федерации [13]. Представительным органом Федеральное Собрание Российской Федерации является потому, что оно представляет интересы всего многонационального народа России [14, с. 13].

Также важно обратить внимание на то, что традиционно к основным функциям парламента помимо законодательной и контрольной относят представительную функцию. По мнению М.А. Липчанской, представительная функция современного парламента прежде всего проявляется «в двух основных направлениях: при формировании органа и в процессе организационной деятельности парламента» [15, с. 24].

Следует отметить, что многие исследователи анализируют категорию «представительство» в той или иной форме, так, например, можно назвать диссертационные работы А.А. Гончарова «Горизонтальный уровень» (СПб, 2002), А.В. Савоськина «Представительная (законодательная) власть в России (конституционно-правовое исследование)» (Челябинск, 2007), А.К. Глухаревой «Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации» (Москва, 2008), К.В. Мурычева «Система представительных органов власти в Российской Федерации» (Москва, 2009), Н.А. Петуховой «Парламентский контроль в системе народного представительства Российской Федерации» (Москва, 2017), В.Е. Степанова «Совершенствование управления представительствами субъектов Российской Федерации, расположенными в городе Москве» (Москва, 2020) и др.

При этом вопросам определения и соотношения категорий «представительная функция» и «признак

представительности» молодежного парламентаризма не было уделено внимание.

В целом рассматривая смысловое значение понятий «функция» и «признак», можно увидеть, что «функция» чаще всего интерпретируется как круг обязанностей, назначение, роль, внешнее проявление свойств какого-нибудь объекта в определенной системе отношений, а «признак» – как отличительная особенность и характеристика какого-либо явления, его отличительное свойство.

В Инструктивном письме Министерства образования Российской Федерации от 24.04.2003 г. № 2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» признается, что при всем разнообразии форм молодежного парламентаризма выявление и представление интересов молодежи субъекта Российской Федерации (муниципального образования), повышение эффективности участия молодежи в жизни республики, края, области, автономного округа, города является главной объединяющей функцией [16].

Ж.Т. Тумуров среди основных функций молодежных парламентских структур, таких как участие в нормотворческой деятельности, подготовка молодых кадров, проведение социально-значимых мероприятий и просветительская деятельность, первой выделил функцию «представление интересов в органах власти» [17, с. 13–14]. И.Н. Гукова также определяет «представительство законных интересов молодежи при органах государственной власти местного самоуправления» как одну из функций молодежных представительных структур [18, с. 157].

Н.А. Самохвалов отмечает, что представление прав, свобод, законных интересов и инициатив молодежи является одной из основополагающих функций, на практическую реализацию которых прежде всего направлены органы молодежного самоуправления [19, с. 23].

Представительная функция является одной из основных, так как парламентарии молодежных парламентов представляют интересы молодых граждан, проживающих на соответствующей территории. Необходимо отметить, что «проживание на определенной территории» выступает одной из характеристик признака представительности молодежного парламентаризма.

Согласно ст. 7 Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь участвует в реализации молодежной политики, в том числе в таких формах, как: участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органах государственной власти, созданных при федеральных органах государственной власти, органах субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях [20].

Молодежный парламентаризм представляет собой систему представительства прав и объективных интересов молодежи. Одним из основных признаков молодежного парламентаризма выступает представительность.

В Республике Татарстан в целях содействия деятельности Государственного Совета Республики Татарстан в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем молодежи, а также создания условий для молодежи в освоении навыков законотворческой деятельности и участия молодежи Республики Татарстан в движении российского молодежного парламентаризма был создан и успешно функционирует Молодежный парламент при Государственном Совете Республики Татарстан [21].

Следует также отметить, что в целом представительность молодежного парламентаризма находит свое отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность молодежных парламентов и, в частности, в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность Молодежного парламента при Государственном Совете Республики Татарстан, согласно которым членами данного Молодежного парламента могут быть граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Татарстан, в возрасте с 18 до 30 лет включительно на день подтверждения их полномочий в качестве члена Молодежного парламента (п. 5 «III Состав и порядок формирования Молодежного парламента» Положения о Молодежном парламенте при Государственном Совете Республики Татарстан [21]). В других субъектах Российской Федерации территориальная принадлежность представителей молодежных парламентов обозначается как:

– зарегистрированные по месту жительства (например, п. 4 «I. Общие положения» Положения о Молодежном парламенте при Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) [22], п. 4.3 «Состав Молодежного парламента») Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямала-Ненецкого автономного округа [23]);

– имеющие постоянную либо временную регистрацию (например, п. 5.6 «Состав и порядок формирования Молодежного парламента» Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» [24]);

– имеющие место жительства (например, п. 1 ст. 6 «Член Молодежного парламента» Закона Московской области о Московском областном молодежном парламенте [25]);

– проживающие (например, п. 3.1. «3 Состав Молодежной палаты» Положения о Молодежной палате при Парламенте Кабардино-Балкарской Республики [26]);

– постоянно проживающий (например, п. 12 «Глава 3. Состав и порядок формирования Молодежного

парламента» Положения о Молодежном парламенте при Новгородской областной Думе [27]);

– постоянно или преимущественно проживающие (например, п. 3.1.2. «3. Состав, порядок формирования и срок полномочий Молодежного парламента» Положения об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Верховном Совете Республики Хакасия [28], п. 4.2. «4. Состав и порядок формирования Молодежного парламента) Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Кировской области [29]);

– проживающий (учащийся или работающий) на территории области не менее одного года (например, п. 3.1.3. «3. Состав и порядок формирования Молодежного парламента» Положения о Молодежном парламенте Ленинградской области [30]).

Вместе с тем помимо закрепления в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность молодежных парламентов в субъектах Российской Федерации, признака представительности некоторые субъекты выделяют функции отдельно, например, Положение о Молодежном парламенте Кузбасса при Законодательном Собрании Кемеровской области – Кузбасса, в соответствии с возложенными на него основными задачами, осуществляет такие функции, как: 1) участие в установленном порядке в рассмотрении и обсуждении проектов законов Кемеровской области, 2) участие в проводимых Законодательным Собранием Кемеровской области – Кузбасса заседаниях, депутатских слушаниях, заседаниях комитета по вопросам туризма, спорта и молодежной политики Собрания Кемеровской области – Кузбасса и иных мероприятиях и так далее [31]. Молодежный парламент Кировской области для реализации основных задач выделяет такие функции, как участие в обсуждении проектов законов Кировской области, проектов постановлений Законодательного Собрания, проектов федеральных законов, участие в мониторинге правоприменения нормативных правовых актов, ведение просветительской и разъяснительной работы среди молодежи, направленной на повышение правовой культуры молодежи, формирование активной гражданской позиции молодежи [29].

Положение о Молодежной общественной палате при Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан закрепляет «Основные задачи и функции Молодежной общественной палаты», относя к последним анализ федерального законодательства Республики Башкортостан, проектов законов и постановлений Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан в части, затрагивающей права и интересы молодежи, взаимодействие с молодежными парламентскими структурами субъектов Российской Федерации и молодежными советами при представительных органах муниципальных образований Республики Башкортостан, общероссийскими, межрегиональными и местными общественными молодежными, студенческими объединениями, объединениями учащейся и работающей молодежи, а также проведение правовой и разъяснительной работы в молодежной среде [32].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что категории «представительство», «представительная функция» и иные производные от них понятия выступают фундаментальными при формировании целостного научного представления о молодежном парламентаризме как конституционно-правового явления.

Литература:

1. Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: монография. – М.: Проспект, 2017. – 232 с.
2. Баринов П.С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 129–133.
3. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Применение права. Наука права. Курс лекций: учеб. пособие. Вып. 4. / Ред.: Осипов Ю.К., Чиркин В.К. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 203 с.
4. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. – М.: Юстицинформ, 2022. – 484 с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», 2007. – VIII, 1239 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1949. – 968 с.
7. Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 20. – 608 с.
8. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.
9. Парламентаризм: учеб. / Под ред. В.И. Добросоцкого. – М.: Магистр, 2020. – 264 с.
10. Парламентаризм: история, теория, технология: коллективная монография / Под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2022. – 202 с.
11. Безруков А.В. Парламентское право и парламентские процедуры в России: учеб. пособие. – М.: Юстицинформ, 2018. – 144 с.

12. Гранкин И.В. Основные признаки законодательных органов // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 5. – С. 19–21.
13. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (в ред. от 04.10.2022) // СПС КонсультантПлюс.
14. Варлен М.В., Мазуревский К.С. Конституционные основы порядка формирования и деятельности представительных органов в Российской Федерации: учебное пособие для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 184 с.
15. Липчинская М.А. Представительная функция институтов представительной демократии: проблемы реализации на современном этапе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 16–27.
16. Инструктивное письмо Министерства образования Российской Федерации от 24.04.2003 г. № 2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. – 2003. – № 6.
17. Тумуров Ж.Т. Молодежный парламентаризм – форма реализации молодежной политики: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Чита, 2013. – 24 с.
18. Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 156–159.
19. Самохвалов Н.А. Модели молодежного представительства как форма повышения участия молодежи в общественно политической жизни российского государства // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 2. – С. 22–26.
20. Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ (в ред. 10 января 2021) «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. –2021. – № 1 (ч. I).
21. Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 11.07.2019 г. № 2983-V ГС (в ред. от 24.12.2019) «О Молодежном парламенте при Государственном Совете Республики Татарстан» // СЗ РТ. –2019. – № 60 (ч. I).
22. Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. (в ред. 21.10.2021) «О Положении о Молодежном парламенте при Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) // Якутские ведомости. – 2018. – № 50.
23. Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.02.2016 г. № 257 (в ред. от 21.11.2022) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2016. – № 1–2.
24. Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 16.03.2022 г. № 110 (в ред. от 22.03.2023) «Об утверждении Положения о Молодежном парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» // Официальный сайт Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – URL:www.assembly.spb.ru
25. Закон Московской области от 16.04.2010 г. № 40/2010-ОЗ (в ред. от 06.07.2023) «О Московском молодежном парламенте» // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2010. – № 72.
26. Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 31.10.2009 г. № 177-П-П (в ред. от 30.09.2020) «О Положении о Молодежной палате при Парламенте Кабардино-Балкарской Республики» // Официальная Кабардино-Балкария. – 2009. – № 45.
27. Постановление Новгородской областной Думы от 27.10.2022 г. № 325-7 ОД (в ред. от 27.10.2022) «О Положении о Молодежном парламенте при Новгородской областной Думе» // Новгородские ведомости (деловая пятница). – 2022. – № 48.
28. Постановление Верховного Совета Республики Хакасия от 01.07.2009 г. № 212-5 (в ред. от 31.03.2021) «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Верховном Совете Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. –2009. – № 46.
29. Постановление Законодательного Собрания Кировской области от 18.07.2013 г. № 27/221 (в ред. от 27.01. 2022) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. –2013. – № 5(149). – Ст. 5324.
30. Постановление Законодательного Собрания Ленинградской области от 28.03.2012 г. № 264 (в ред. 04.05.2023) «Об образовании Молодежного парламента Ленинградской области» // Вести. – 2012. – № 55.
31. Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса от 24.04.2019 г. № 375 (в ред. 14.12.2022) «Об утверждении Положения о молодежном парламенте Кузбасса при Законодательном Собрании Кемеровской области – Кузбасса. // Официальное опубликование правовых актов.
32. Постановление Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан от 27.09.2007 г. № ГС-2156 (в ред. от 17.02.2022) «О Положении о Молодежной общественной палате при Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан. // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. – 2007. – № 19(265). – Ст. 949.

The importance of Legal Categories in Exploring the Nature of Youth Parliamentary

Budzishvili Ts.Z.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the chosen topic of the study is determined by the fact that at the current stage of development of the Russian state there is a steady interest in the study of youth parliamentary as a constitutional and legal phenomenon. The purpose of the study is to develop theoretical provisions that together form a comprehensive scientific understanding of the nature of youth parliamentary. The essence of youth parliamentary can be disclosed on the basis of such legal categories as "representation", "representative function", etc., which the author considers as complementary. At the same time, the scientific novelty of the study is expressed in the fact that previously unexamined study of their correlation can allow to generalize and supplement the idea of this constitutional-legal phenomenon.

Key words: representative, representation, representativeness, representative of power, representative function, sign of representativeness, youth parliamentary

УДК 34.01

Биобанкинг в РФ: пути совершенствования законодательства

Гурылева М.Э.
Доктор медицинских наук,
профессор кафедры биоэтики, медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Актуальность проблемы, поднятой в проведенном исследовании, заключается в необходимости разработки правового обеспечения развития одной из перспективных отраслей современных технологий – биотехнологии, имеющей существенное значение для обеспечения безопасности нашей страны. Целью работы стал анализ законодательной базы биобанкинга в Российской Федерации. По результатам исследования сделан вывод о несформированности отечественной правовой базы в области сбора, хранения, тестирования, обработки биоматериала. Предложено использовать опыт нормативного регулирования технологически развитых государств.

Ключевые слова: биобанк, правовые проблемы, правовое регулирование, биотехнологии, экономическая деятельность

Наука в XXI в. делает большие успехи в области биомедицины. Ученые убеждены, что путь изучения генома человека позволит выйти на новый уровень развития ранней диагностики заболеваний, реализовать концепцию трансляционной и прецизионной медицины, более эффективно проводить разработку инновационных лекарственных средств, но те же знания могут стать источником для создания средств уничтожения людей с определенными генетическими характеристиками.

Биобанк – это организация, которая получает, хранит, обрабатывает и/или распространяет биологические образцы – такое определение дает Международное сообщество по биологическим и экологическим репозиториям (*ISBER*) [1]. Одновременно понятие «банк клеток» закреплено в решении Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 г. № 77 «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза» и в решении Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 г. № 89 «Об утверждении Правил проведения исследований биологических лекарственных средств Евразийского экономического союза» [2; 3].

Биобанки могут существовать при больницах, исследовательских центрах, фармацевтических компаниях. Биобанкинг – это отдельный вид экономической деятельности, который занимается хранением биологических материалов и/или образцов, а также иными, тесно связанными с хранением видами экономической деятельности (обработка, передача образцов и получаемой информации) [1]. Частично сферу биобанкингав Российской Федерации регулирует Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (далее – ФЗ № 180-ФЗ): он дает определение «биомедицинский клеточный продукт», регулирует его обращение [4]. С научной точки зрения понятие «биоматериал» крайне широкое [5], поэтому для легализации нового вида экономической деятельности, основанной на современных достижениях в области биологической науки и медицины, законодатель стремится дать границы содержания понятия «биоматериал». Так, в Федеральном законе от 3.12.2008 г. № 242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [6] «биологический материал – содержащие геномную информацию ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека». Упоминания биоматериала человека содержится в Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Некоторые

взаимоотношения биобанка и донора биоматериала прописаны в Федеральном законе от 20.07.2012 г. № 125 «О донорстве крови и ее компонентов». Имеется «Положение о Банке стволовых клеток пуповинной/плацентарной крови человека» (приказ Министерства здравоохранения РФ от 25.07.2003 г. № 325 «О развитии клеточных технологий в Российской Федерации»). Вместе с тем в отечественном законодательстве нет точного перечня биоматериалов человека.

В правоприменительной практике РФ зачастую рассматривают ФЗ № 180-ФЗ как основу регуляции всей деятельности в области работы с биоматериалами, отождествляя понятия «биоматериал» и «биомедицинский клеточный продукт», но биомедицинские клеточные продукты – это лишь часть биоматериала. Также существует понятие «биообразцы» (к примеру, ткани и органы, волосы и ногти, кровь и ее компоненты, сперма, слюна, моча, клеточные культуры, бактерии, вирусы). На сегодняшний день необходимо все-таки дать точное определение вышеупомянутых понятий для выработки всей терминологической базы, которая будет лежать в основе регулирования на законодательном уровне сферы деятельности, связанной со сбором, хранением биоматериалов (биообразцов) человека. Действующее законодательство РФ в настоящее время лишь мозаично регулирует вопросы биобанкинга.

В Приказе Министерства здравоохранения РФ от 30.04.2013 г. № 281 «Об утверждении научных платформ медицинской науки» определяется необходимость разработки биомедицинских продуктов, сбора биообразцов, создания национальных регистров (канцер-регистра злокачественных новообразований), разработки тест-систем и апробации молекулярных и биоинформационных технологий, основ персонифицированной и регенеративной медицины. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 2010.2017 г. № 842н «Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов», определяет условия организации и деятельности биобанков, а также порядок хранения в них биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов [7], при том что определение понятия «биобанк» в законодательстве отсутствует, а также нет законодательных требований к их организационно-правовым формам и формам собственности (государственный, частный и т.п.). Есть технические требования к правилам хранения биологического материала (утверждены приказом Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2017 г. № 842н и ГОСТ Р ИСО 20387-2021 «Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования» [8]). Имеющийся механизм регулирования нормами подзаконных актов недостаточен: законодателю необходимо восполнить пробелы, касающиеся правового статуса биобанка, его места в системе экономической деятельности, четко прописать механизм сохранения конфиденциальности персональных данных доноров биоматериалов. На уровне закона должны быть прописаны условия получения информированного согласия лиц, предоставляющих биоматериал, четко сформулированы цели его использования, сроки хранения биобанком. Сегодня этот вопрос находится только в поле этических рекомендаций, представленных в первом «Национальном руководстве по биобанкированию». В руководстве описываются общие, правовые и этические, а также практические аспекты работы биобанков [9].

До появления биобанков работа с биологическими объектами велась с помощью компьютерного моделирования, но этого оказалось недостаточно, т.к. самыми эффективными являются методики, разработанные с использованием биоматериалов. Больше всего исследовательских биобанков находится в Европе и Северной Америке.

В 2002 г. на Тайване Всемирная медицинская ассоциации на своем саммите приняла декларацию «Об этических рекомендациях относительно баз данных о здоровье и биобанках», которая призывает врачей и других лиц, участвующих в использовании биологического материала человека, соблюдать принципы этики (например, учет добровольности при сборе, хранении и использовании данных и биологического материала).

Тем не менее до сих пор в международном праве не существует системы правовых актов, очерчивающих границы деятельности биобанка. Но работа над национальным правовым полем и регламентацией ведется во многих странах. В основе регулирования также, как и в Российской Федерации, применяется национальное законодательство о трансплантации, биомедицинских исследованиях. В Финляндии, Швеции и Бельгии внутригосударственное регулирование в области заготовки, хранения, использования, обработки биоматериала практические сформировано. Другие страны Европейского Союза пока ориентируются на следующие документы: Директива 95/46/ЕС от 24.10.1995 г. «О защите прав физических лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных» и сменивший ее Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» [10]. Эти документы касаются только одного важного вопроса в деятельности биобанка — порядка и формы выражения согласия доноров на исполь-

зование их биологического материала. Директива № 2004/23/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза (принята 31.03.2004) «Об установлении стандартов качества и безопасности для донорства, приобретения, контроля, обработки, сохранения, хранения и распределения человеческих тканей и клеток» [11] предусматривает, что члены ЕС должны обеспечить аккредитацию, авторизацию или лицензию компетентного органа всем учреждениям, где проводится деятельность по контролю, обработке, сохранению, хранению или распределению человеческих тканей и клеток, предназначенных для применения людьми.

Одним из первых банков в РФ стал банк стволовых клеток Казанского государственного медицинского университета, созданный в 2005 г. На сегодняшний день существуют как государственные, так и коммерческие биобанки, среди них – биобанк Северо-Западного федерального медицинского исследовательского центра им В.А. Алмазова (2012), Национальный БиоСервис (2014), Банк биологического материала Национального медицинского исследовательского центра терапии и профилактической медицины Минздрава России (2014), «Биобанк» Национального медицинского исследовательского центра детской гематологии, онкологии и иммунологии им Д. Рогачева (2015), Национальный Биосервис (2013).

В декабре 2014 г. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию отметил, что России необходимо выстроить стратегию национальной безопасности с перспективой в 10–15 лет, обеспечив необходимыми инструментами развития отраслей перспективных технологий с целью достижения высокого качества жизни граждан. Это способствовало принятию государственной программы поддержки развития высоких технологий – Национальной технологической инициативы [12]. Она должна определить лицо российской экономики к 2035 г. В программе приняли участие технологические предприниматели, университеты и исследовательские центры, институты развития, экспертные и профессиональные сообщества, органы исполнительной власти (программа Хэлснет [13]). В 2018 г. под эгидой Министерства здравоохранения РФ была создана НАСБИО – Национальная ассоциация биобанков и специалистов по биобанкированию для развития сети биобанков в России, оказания специализированных и образовательных услуг в области биобанкирования, содействия в разработке и реализации научных и практических проектов и программ.

Таким образом, развитие биобанков на основе клеточных технологий является сферой национально-государственных интересов РФ. Для эффективного развития данной сферы экономики необходимо, чтобы предпринимательская деятельность в ней осуществлялась на основе всех имеющихся организационно-правовых форм (как коммерческих, так и некоммерческих) и всех форм собственности. С этой целью законодательным органам власти РФ необходимо создать непротиворечивое, беспробельное законодательство, учитывающее приоритетные интересы государства, его национальную безопасность.

Литература:

1. Мохов А.А. Биобанкинг – новое направление экономической деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 3. – С. 33–40.
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 3.11.2016 г. № 77 «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза». – URL: https://docs.cntd.ru/document/456026099?ysclid=lspuyni2438402394323 (дата просмотра: 17.02.2024).
3. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 г. № 89 // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // СПС Гарант.
5. Смирнова О.М., Щербаков В.А., Баженова А.А. Биологический материал человека: правовое регулирование использования и хранения половых клеток донора // Медицинское право. – 2019. – № 5. – С. 28–32.
6. Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20.10.2017 г. № 842н «Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков» // СПС Гарант.
8. ГОСТ Р ИСО 20387-2021. Национальный стандарт Российской Федерации «Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования». Дата ведения 2022-03-01. – URL: https:// docs.cntd.ru/document/1200181384?ysclid=lspvj1rej4786669804 (дата обращения: 17.02.2024).

9. Биобанкирование. Национальное руководство / Под ред. А.Н. Мешкова, А.С. Глотова и С.В. Анисимова. – М.: Триумф, 2022. – 308 с.
10. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27.04.2016 г. // СПС Гарант.
11. Директива Европейской комиссии 2006/86/ЕС от 24.10.2006 г. // СПС Гарант.
12. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // СПС Гарант.
13. План мероприятий («дорожная карта») «Хелснет» Национальной технологической инициативы. – URL: https:// static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/037/137/original/План_мероприятий.pdf?1516783281 (дата обращения: 17.02.2024).

Biobanking in the Russian Federation: Ways to Improve Legislation

Guryleva M.E.
Kazan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

The relevance of the problem raised in the conducted research lies in the need to develop legal support for the development of one of the promising branches of modern technology – biotechnology, which is essential for ensuring the security of our country. The purpose of the work was to analyze the legislative framework of biobanking in the Russian Federation. According to the results of the study, a conclusion was made about the lack of formation of the domestic legal framework in the field of collection, storage, testing, and processing of biomaterials. It is proposed to use the experience of regulatory regulation of technologically developed countries

Key words: biobank, legal problems, legal regulation, biotechnology, economic activity

УДК 340.1

Особенности механизма правового регулирования градостроительных отношений в системе права России

Зарицкий М.В.
Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета

Многообразие форм градостроительной деятельности, предусмотренное в ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024 г.) (далее – ГрК РФ), опосредует комплексный характер правового режима и типа правового регулирования градостроительных отношений. Определение правовой природы комплексных правовых образований и их места в системе права является актуальной проблемой не только теории права, но и правового регулирования. Субъектный состав регулируемых правом отношений, права и обязанности субъектов, а также подлежащий защите интерес формируют содержание правоотношений и позволяют установить особенности механизма правового регулирования. В результате проведенного в настоящей статье анализа норм, закрепляющих права и обязанности участников градостроительных отношений с учетом многообразия и различий видов градостроительной деятельности, было установлено, что содержание отдельных видов градостроительных отношений отличается в зависимости от объема правосубъектности их участников и вида градостроительной деятельности. Также объем правосубъектности участников градостроительных правоотношений может служить основанием для их классификации.

Ключевые слова: градостроительная деятельность, градостроительные отношения, субъекты градостроительных отношений, правовой статус, субъектный состав, механизм правового регулирования

Участники градостроительных правоотношений перечислены в ст. 5 ГрК РФ – это Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, физические и юридические лица. Однако права и обязанности субъектов градостроительных отношений зависят от конкретного вида градостроительной деятельности.

В п. 1 ст. 1 ГрК РФ определено, что градостроительная деятельность включает: деятельность по территориальному планированию, градостроительному зонированию, планировке территории, архитектурно-строительному проектированию, строительству, капитальному ремонту, реконструкции, сносу объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений, комплексному развитию территорий и их благоустройству. Учитывая специфику предмета и метода правового регулирования градостроительных норм, обусловленную многообразием градостроительных отношений (ст. 4 ГрК РФ), целью настоящего исследования является определение содержания градостроительных отношений относительно прав и обязанностей их участников – субъектов градостроительных отношений.

Согласно п. 7. ст. 9 ГрК РФ, субъектами градостроительных отношений по территориальному планированию выступают в лице уполномоченных органов государственной власти Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также, в лице органов местного самоуправления, муниципальные образования. При этом, в соответствии с п. 3 ст. 9 ГрК РФ, документы территориального планирования являются обязательными для органов государственной власти и местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений.

Документы территориального планирования утверждаются в зависимости от уровня Президентом РФ, Правительством РФ (п. 1,2 ст. 11 ГрК РФ), высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (п. 1 ст. 15 ГрК РФ), представительным органом местного самоуправления (п. 1 ст. 20, п. 1 ст. 24 ГрК РФ).

Согласно п.1 ст.12, п. 3 ст. 16 ГрК РФ, проект схемы территориального планирования Российской Федерации, двух и более субъектов, субъекта Российской Федерации до ее утверждения подлежит обязательному согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также с органами местного самоуправления муниципальных образований.

Проект схемы территориального планирования муниципального района, согласно п.п. 2–4 ст. 21 ГрК РФ, подлежит согласованию с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и/или с органами местного самоуправления поселений, входящих в состав муниципального района, а также имеющих общую границу с муниципальным районом.

При этом иные вопросы, кроме указанных в названных нормах, не могут подлежать согласованию (п. 4 ст. 16, п. 5 ст. 21, п. 5 ст. 25 ГрК РФ).

Участие в градостроительных отношениях по территориальному планированию правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства, включая физических и юридических лиц, согласно п. 8 ст. 11, п. 7 ст. 13, п. 7 ст. 15, п. 7 ст. 20 ГрК РФ, ограничено правом оспаривания в судебном порядке документов территориального планирования, если их права и законные интересы нарушаются или могут быть нарушены в результате утверждения схем территориального планирования.

Также, согласно п. 10 ст. 11, п. 9 ст. 13, п. 8 ст. 15, п. 8 ст. 20 ГрК РФ, указанные лица вправе представить предложения о внесении изменений в схемы территориального планирования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных районов.

Следовательно, нормы градостроительного законодательства не только содержат исчерпывающий перечень субъектов градостроительных отношений по территориальному планированию, но также их права, обязанности и пределы их участия при подготовке документов территориального планирования.

Субъектами градостроительных отношений по градостроительному зонированию являются Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования, представленные такими органами, как глава местной администрации, представительный орган местного самоуправления, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в части разработки проекта правил землепользования и застройки.

В соответствии с п. 5 ст. 31 ГрК РФ, решение о подготовке проекта правил землепользования и застройки принимается главой местной администрации, который также утверждает комиссию для разработки и согласования указанных правил. Согласно п. 1 ст. 32 ГрК РФ, правила землепользования и застройки утверждаются либо представительным органом местного самоуправления, либо местной администрацией.

Учитывая, что градостроительный регламент представляет собой часть правил землепользования и застройки (ст. 30 ГрК РФ), он также утверждается органами местного самоуправления (п. 1 ст. 8 ГрК РФ).

Согласно п. 4 ст. 32 ГрК РФ, участие физических и юридических лиц в отношениях по градостроительному зонированию так же, как и по территориальному планированию, ограничено лишь возможностью оспаривания в судебном порядке решения об утверждении правил землепользования и застройки.

Кроме того, в соответствии с пп. 5 п. 3 ст. 33 ГрК РФ, физическими или юридическими лицами могут вноситься предложения о внесении изменений в правила землепользования и застройки либо в инициативном порядке, либо в случае, если их применение затрагивает права и интересы заявителей.

Участниками градостроительных отношений по планировке территорий, непосредственно принимающими решение о подготовке документации по планировке территории и выступающими ее разработчиками, согласно ч.ч. 1, 2, 15 ст. 45 ГрК РФ, являются от имени Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований органы государственной власти и местного самоуправления, а также специальные субъекты, перечисленные в ч. 1.1. ст. 45 ГрК РФ.

Согласно ч. 17 ст. 45 ГрК РФ, органы государственной власти и местного самоуправления, а также физические и юридические лица вправе оспорить в судебном порядке документацию по планировке территории.

Субъектами градостроительных отношений по архитектурно-строительному проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту и сносу объектов капитального строительства, а также по эксплуатации зданий и сооружений, согласно ст.ст. 47–52 ГрК РФ, являются, наряду с органами государственной власти и местного самоуправления, застройщики, технические заказчики или лица, получившие соответствующее разрешение для выполнения инженерных изысканий (п. 2 ст. 47 ГрК РФ), а также индивидуальные предприниматели или юридические лица, которые являются членами саморегулируемых организаций в области архитектурно-строительного проектирования (п. 4 ст. 48 ГрК РФ).

Осуществление архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта и сноса объектов капитального строительства, а также эксплуатации зданий и сооружений находится в зоне ответственности физических и юридических лиц. Однако их участие в указанной сфере ограничено необходимостью согласования разработанных проектов, предоставлением разрешений на право осуществления отдельных видов градостроительной деятельности в специально предусмотренных в законе случаях.

Многообразие и различия видов градостроительной деятельности определяют и различия их содержания.

Несмотря на то что по общему правилу субъектами градостроительных отношений являются РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, физические и юридические лица, участие в отдельных видах градостроительных отношений перечисленных субъектов не является одинаковым. Так, при осуществлении таких видов градостроительной деятельности, как территориальное планирование, градостроительное зонирование и планировка территории, участие публично-правовых образований является определяющим развитие указанных градостроительных отношений, то есть именно РФ, субъекты РФ и муниципальные образования в лице своих уполномоченных органов осуществляют градостроительную деятельность по территориальному планированию, градостроительному зонированию и планировке территории. Участие частных лиц – физических и юридических лиц в указанных видах градостроительной деятельности ограничивается лишь возможностью оспаривания в судебном порядке принятых решений в случае наличия нарушений их прав. Следовательно, в случае отсутствия нарушений прав конкретных физических и юридических лиц указанные категории никаким образом не могут повлиять на принимаемые решения в ходе осуществления территориального планирования, градостроительного зонирования и планировке территории.

При реализации иных видов градостроительной деятельности, таких как архитектурно-строительное проектирование, строительство, реконструкция, капитальный ремонт и снос объектов капитального строительства, а также эксплуатация зданий и сооружений, доля участия физических и юридических лиц намного существеннее.

Таким образом, формат и величина прав и обязанностей субъектов градостроительных отношений, то есть их правосубъектности не являются одинаковыми и равными.

Правовой статус публично-правовых образований в лице их органов как субъектов градостроительных отношений ограничен их компетенцией, которая формируется полномочиями отдельных органов и отличает их от субъектов частного права [2, с. 9].

Формами реализации закрепленных полномочий публично-правовых образований являются нормативно-правовые акты и индивидуально-определенные правовые акты, например, схемы территориального планирования, правила землепользования и застройки, генеральный план, градостроительный план земельного участка, разрешение на строительство.

Права и обязанности частных субъектов определяются содержанием конкретного вида градостроительных отношений. При этом особенностью их правового регулирования является то, что градостроительные нормы закрепляют, как правило, права субъектов градостроительного права, обязанности следуют из закрепленных принципов градостроительной деятельности [1, с. 90]. В градостроительных нормах преобладают права над обязанностями и запретами [3, с. 84].

Следовательно, субъектный состав отдельных видов градостроительных отношений позволяет определить содержание градостроительных правоотношений, опосредованное совокупностью прав и обязанностей их субъектов, и провести классификацию субъектов градостроительных отношений. А именно, в зависимости от объема правосубъектности и вида градостроительной деятельности можно различать субъектов градостроительных отношений, которые непосредственно осуществляют градостроительную деятельность, и субъектов градостроительных отношений, права и интересы которых подвержены воздействию при осуществлении градостроительной деятельности.

Литература:

1. Болтанова Е.С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал Российского права. – 2017. – № 10. – С. 81–91.
2. Лавренюк А.В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – 23 с.
3. Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. – М.: Проспект, 2016. – 232 с.

Features of the Mechanism of Legal Regulation of Urban Planning Relations in the Russian Legal System

Zaritsky M.V.
Kuban State University

The variety of forms of urban planning activity provided for in Art. 1 of the Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 № 190-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on February 1, 2024) (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation), mediates the complex nature of the legal regime and the type of legal regulation of urban planning relations. Determining the legal nature of complex legal entities and their place in the legal system is an urgent problem not only in the theory of law, but also in legal regulation. The subject composition of relations regulated by law, the rights and obligations of subjects, as well as the interest subject to protection form the content of legal relations and make it possible to establish the features of the mechanism of legal regulation. As a result of the analysis carried out in this article of the norms establishing the rights and obligations of participants in urban planning relations, taking into account the diversity and differences in types of urban planning activities, it was found that the content of certain types of urban planning relations differs depending on the scope of the legal personality of their participants and the type of urban planning activities. Also, the scope of legal personality of participants in urban planning legal relations can serve as the basis for their classification.

Key words: urban planning activities, urban planning relations, subjects of urban planning relations, legal status, subject composition, mechanism of legal regulation

УДК 343.91

Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере Белгородской области)

Зейналбдыева А.В.
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

Свиридов Р.В.
Кандидат юридических наук, начальник отдела кадров Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

Назаренко И.С.
Старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

В данной статье авторы провели комплексный анализ криминологической характеристики лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних на территории Белгородской области за период 2021–2022 гг. В данном субъекте федерации отмечается значительный рост преступлений, совершенных в отношении детей. Целью работы является комплексное изучение субъектов преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. В качестве задач выступают: установление корреляционной связи между криминальным деянием и отклонениями в психике; выявление психолого-педагогических факторов, способствующих формированию подобного рода патологии. Научная и практическая значимость обуславливаются тем, что при разработке тактических приёмов и методических рекомендаций, направленных на борьбу с насильственными действиями сексуального характера в отношении несовершеннолетних, необходимо учитывать особенности субъекта преступления. Ценность проведенного исследования заключается в возможности повышения эффективности раскрытия и предупреждения сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: педофилия, инцест, личность преступника, половые преступления, половая неприкосновенность, сексуальное насилие

В настоящее время в России можно отметить рост количества преступлений против половой свободы несовершеннолетних. Данные посягательства являются одним из распространенных видов криминальной активности в отношении несовершеннолетних, однако стоит указать на их высокий уровень латентности, так как жертвы могут предпочесть сокрыть данные о совершенном противоправном деянии.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних увеличилось за период последние 10 лет более чем на 44 %, стоит отметить, что половина из таких противоправных деяний совершается знакомыми лицами, а каждое пятое из них – членами семьи, каждое девятое – родителями (законными представителями) [1].

Огромное значение для раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений имеет изучение характеристик личности педофила. Такие знания позволяют разработать различные тактические приёмы и методические рекомендации, направленные на борьбу с насильственными действиями сексуального характера в отношении несовершеннолетних [2].

Стоит отметить, что, несмотря на изучение данной проблематики учеными из различных сфер знаний, до сих пор возникают дискуссии относительно многих вопросов рассматриваемой категории лиц. Например, специалисты в области клинической психиатрии, утверждают, что педофил – это лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и которое старше потерпевшего более чем на 5 лет. Необходимо обратить внимание на тот факт, что рассматриваемое сексуальное расстройство в основном наблюдается у лиц мужского пола [2].

Преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних могут совершаться лицами как мужского, так и женского пола. По результатам изучения судебной практики рассматриваемой категории преступлений, процентное соотношение между мужчинами и женщинами составляет 97 и 3 % соответственно. Такая дифференциация обуславливается как нарушениями полоролевой идентичности, так и социально приемлемыми способами снятия психоэмоционального напряжения. Несмотря на идентичную уголовно-правовую квалификацию деяний мужчин и женщин, совершивших сексуальные преступления, на наш взгляд, существуют гендерные различия. Так, можно отметить наличие взаимосвязи между насилием женщины в детстве и вероятностью совершения ею преступления против половой неприкосновенности в отношении собственного ребенка [7].

В качестве психолого-педагогических факторов, способствующих формированию у личности педофила подобного рода отклонений, выступают: постоянные конфликты в семье; отсутствие в семье одного из родителей, преимущественно отца; психотравмирующие ситуации, в частности, систематическое насилие в семье; сложные взаимоотношения между членами семьи и отсутствие эмоциональных связей между ними; неумение устанавливать психологические контакты с окружающими и др. Необходимо отметить, что в 80 % случаев преступники, подвергшиеся сексуальному насилию в детстве, переносят свой травматический опыт и не считают свои действия противоправными. Как правило, педофилами становятся мужчины, которые состоят в родственных связях с потерпевшими или же являются соседями и хорошими знакомыми семьи. В большинстве случаев они находят подход к детям, налаживают доверительные отношения, иногда даже становятся авторитетом для ребенка.

Особое внимание необходимо уделить такой форме сексуального насилия, как инцест, которая является опасной и наиболее чаще встречающейся. По нашему мнению, к инцесту стоит относить половое сношение не только между кровными родственниками, но и между членами семьи, проживающими совместно (отчим, мачеха, другие родственники). При этом контакт отец – дочь и отчим – падчерица является самой распространенной формой семейного насилия внутри семьи. Такого рода преступники, как правило, злоупотребляют алкоголем, а матери, зная о совершении противоправного деяния, не подвергают данные факты огласке, так как считают это «семейным делом». Такой семье свойственен замкнутый образ жизни, ограничивающий контакты с внешним окружением, поэтому сведения о них достаточно скрыты для общества, в соответствии с чем преступления становятся латентными. Женщины при этом отказываются полностью или частично от ведения половой жизни с мужем, а отклоняющееся поведение супруга терпят и делают вид, что не замечают. По некоторым данным, потерпевшие в 75 % случаев сами выступали в качестве инициатора полового сношения с отчимом или отцом для свободного самоопределения в дальнейшем, для выбора сексуального партнера [3].

Стоит отметить, что наличие психического заболевания не является в обязательном порядке поводом для совершения противоправных сексуальных действий, а обуславливается рядом сопутствующих социальных факторов.

В результате проведенных исследований было установлено, что у каждого четвертого существовали психические отклонения, которые, по мнению экспертов, не оказали влияния на совершение преступления. Психические аномалии, установленные в ходе обследования, распределились в такой последовательности: умственная отсталость (38 %), синдром зависимости от алкоголя (29 %), психопатия (21 %), неврозы (11 %), остаточные явления травм

черепа (7 %). Исходя из приведенного перечня, умственно отсталым лицам, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ, были назначены принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра [4].

Анализируя рассматриваемую категорию преступлений, можно прийти к выводу, что 92 % лиц, совершивших сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних, были признаны здоровыми, и только лишь 8 % из них были признаны судом недееспособными [6].

Однако стоит отметить, что наука уголовного права и криминологии объясняет совершение преступления сексуальной направленности не субъективными факторами, а в большей степени наличием объективных факторов. Так, у обследуемых были обнаружены симптомы олигофрении, характеризующиеся различной степенью нарушениями речевых навыков, проблемами с двигательным аппаратом, нарушением эмоциональной сферы; также особое внимание стоит уделить внешним признакам, например, таким, как строение черепа, «тупое выражения лица», скудность мимики [4].

Согласно проведенным исследованиям, у каждого четвертого подэкспертного был выявлен диагноз синдром зависимости от алкоголя, а 70 % страдали алкогольной зависимостью. В результате злоупотребления происходит деградация личности, моральные и этические нормы размываются, поэтому данным лицам свойственны сексуальные перверсии в формах педофилии гомо- или гетеросексуального характера, эксгибиционизма, инцеста [4].

В данной статье авторы провели комплексный анализ криминологической характеристики лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних на территории Белгородской области за период 2021–2022 гг. В данном субъекте федерации отмечается рост преступлений, за исследуемый период совершенных в отношении несовершеннолетних на 28 % (2020 г. – 54 преступления, 2021 г. – 133 преступления, 2022 г. – 170 преступлений). Чаще всего жертвами сексуальных посягательств становились девочки в возрасте 15–17 лет, затем девочки 12–14-летнего возраста.

Существенный рост обусловлен совершением длящихся многоэпизодных преступлений, охваченных единым умыслом. Без учета многоэпизодных составов рост преступлений составил 10 % (2020 г. – 47 преступлений, 2021 г. – 59 преступлений, 2022 г. – 65 преступлений).

Так, в 2022 г. ОМВД России по Чернянскому району Белгородской области было установлено совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности родителями в отношении своих малолетних детей. Согласно материалам уголовного дела, гражданин Г. и гражданка Г. с 2014 по 2022 гг. совершали изнасилования и насильственные действия сексуального характера в отношении своего сына 2011 г. рождения и своей дочери 2008 г. рождения. Г. 1977 г. рождения имеет образование – среднее профессиональное, к уголовной ответственности ранее не привлекался, на учете в органах внутренних дел не состоял. Супруга Г. 1985 г. рождения имеет среднее образование, ранее не судима, на учете в органах внутренних дел не состояла.

По статистическим данным УМВД России по Белгородской области, за период 2021–2022 гг. к уголовной ответственности было привлечено 88 чел., самая высокая криминальная активность наблюдается у лиц в возрасте от 18 до 24 лет и составляет 45 % (39 лиц). Следующая группа преступников, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, находится в возрасте от 30 до 39 лет – 21 % (18 лиц). Далее возрастные группы распределились следующим образом:

– от 16 до 17 лет – 1 % (1 лицо);
– от 25 до 29 лет – 11 % (10 лиц);
– от 40 до 49 лет – 15 % (13 лиц);
– от 50 до 59 лет – 4 % (4 лица);
– более 60 лет – 3 % (3 лица).

Рассматриваемую категорию противоправных деяний совершают субъекты с различным уровнем образования. Так, на территории Белгородской области преобладают лица со средним профессиональным образованием 46 % (40 лиц). Среднее образование имели 24 % (21 лицо), основное общее 16 % (14 лиц). Наличие высшего образования отмечалось только у 10 % (9 лиц), и только у 4 % (4 лица) было начальное или отсутствовало образование вовсе.

Большинство лиц, привлеченных к ответственности, проживали на территории городских администраций (73 %), соответственно жителями сельской местности являлись 27 %.

Если обратиться к роду деятельности педофилов, то данное соотношение распределилось следующим образом:

– без постоянного источника дохода – 48 % (42 лица);
– наемные рабочие – 37 % (32 лиц);
– студенты – 8 % (7 лиц);
– пенсионеры – 3 % (3 лица);
– самозанятые – 1 % (1 лицо).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступления рассматриваемой сексуальной направленности находят свое распространение среди трудоспособных граждан без постоянного источника дохода. Также стоит учесть изменения, происходящие в городской и сельской местности, которые существуют в социально-демографической сфере жизни. При миграции сельского населения и урбанизации отмечается рост преступности в городах.

Проведя анализ места жительства преступников, можно прийти к выводу, что 98 % (86 лиц) были жителями Белгородской области и только 2 % проживали на территории иного субъекта федерации. Исходя из данной статистики, следует то, что девять из десяти преступников – местные жители, непосредственно проживающие на той территории, где и совершаются преступные деяния.

Если рассматривать национальный состав, то данные распределились следующим образом:

– русские – 95 % (83 лица);

– выходцы из Северо-Кавказского региона – 2 % (2 лица);

– украинцы – 1 % (1 лицо);

– цыгане – 1 % (1 лицо).

Большинство лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, являются гражданами РФ.

Стоит отметить, что рассматриваемая категория преступлений, как правило, совершается без признаков соучастия, также отсутствуют примеры привлечения к ответственности за сексуальные посягательства в составе организованной группы. В состоянии алкогольного опьянения находилось 23 чел. (26 %), однако, необходимо указать на тот факт, что данный вид противоправных деяний может носить длящийся характер и проведение освидетельствования становится невозможным в силу временных рамок.

Особое внимание при раскрытии и расследовании преступлений сексуального характера против несовершеннолетних стоит обратить на тот факт, что 7 % (6 лиц) на момент совершения посягательства имели две и более судимости. Наличие специального рецидива было выявлено у 3 % (3 лица). У 14 % (12 лиц) обследованных был криминальный опыт, судимость была погашена или же они были освобождены от уголовной ответственности. Также стоит отметить неоднократность привлечения рассматриваемых лиц к административной ответственности (мелкие хищения, нахождение в общественных местах в состоянии опьянения, нарушение общественного порядка).

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что преступления данного вида в Белгородской области преимущественно совершались лицами мужского пола в возрасте от 18 до 24 лет (45 %), не имеющими постоянного источника дохода (48 %) либо ограничивающимися временными заработками (37 %), имеющими среднее профессиональное образование (46 %), местные жители (98 %), ранее знакомые с потерпевшими либо проживающие совместно, ранее не судимые либо судимые за преступления небольшой и средней тяжести, не состоящие под административным надзором.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что при комплексном подходе к изучению типологий педофилов, использовании специальных знаний в области судебной психиатрии, психологии, судебной сексологии сотрудники правоохранительных органов смогут определить тип личности преступника, а также сформировать круг подозреваемых, что даст возможность повысить эффективность раскрытия и предупреждения сексуальных преступлений.

Литература:

1. Протокол от 07.12.2022 г. № 34 заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав // Банк документов. – URL: https://docs.edu.gov.ru/document/id/3512 (дата обращения: 14.02.2024).
2. Свистильников А.Б., Новоселов Н.Г., Ковтун В.А. Криминологическая характеристика личности преступника-педофила и ее роль в борьбе с насильственными действиями сексуального характера // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 2(5). – С. 159–164.
3. Тимкина Д.В. Психолого-педагогические аспекты формирования личности преступника с расстройством сексуального влечения в форме педофилии // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сбор. материалов, Воронеж, 23 мая 2018 г. Ч. 2. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел РФ, 2018. – С. 354–357.
4. Скрипченко Н.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Журнал российского права. – 2017. – № 1(241). – С. 123–130.
5. Брусенцева В.А., Яковлев Н.А. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Социально-политические науки. – 2017. – № 4. – С. 114–117.
6. Курилова Е.Н. Криминологическая характеристика лиц, осуществляющих сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних (некоторые аспекты) // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 78–81.
7. Филиппова Ю.М. Социально-психологические особенности личности осужденных женщин как субъекта преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 73–79.

Criminological Characteristics of the Personality of the Criminal Who Committed a Crime Against the Sexual Integrity of Minors (on the Example of the Belgorod Region)

Zeynalbdyeva A.V., Sviridov R.V., Nazarenko I.S.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin

In this article, the authors conducted a comprehensive analysis of the criminological characteristics of persons who committed illegal sexual acts against minors in the Belgorod region for the period 2021–2022. In this subject of the Federation, there is a significant increase in crimes committed against minors. The aim is a comprehensive study of the subjects of crimes against sexual freedom and inviolability of minors. The tasks are: to establish a correlation between a criminal act and mental abnormalities; to identify psychological and pedagogical factors contributing to the formation of a pedophile's personality of this kind of pathology. The scientific and practical significance is due to the fact that when developing tactics and methodological recommendations aimed at combating sexual violence against minors, it is necessary to take into account the characteristics of the subject of the crime. The value of the conducted research lies in the possibility of increasing the effectiveness of disclosure and prevention of sexual crimes against minors.

Key word: pedophilia, incest, criminal identity, sexual crimes, sexual integrity, sexual violence

УДК 343.114

Институт апелляции в теории права: некоторые исторические аспекты

Зиганшин Р.Р.
Аспирант кафедры конституционного и международного права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В данной статье рассматриваются понятие апелляции в теории права. Автор анализирует основные черты апелляции в различные периоды истории. Рассматривается связь между апелляцией и итерацией, а также задачи апелляционного и кассационного пересмотра дела. Предлагается определение апелляционного производства.

Ключевые слова: апелляционное производство, апелляция, итерация, судебная реформа, апелляционный суд

Апелляционный порядок пересмотра судебных решений, хотя и имеет давние традиции в отечественном судопроизводстве, в новейшую эпоху был введен сравнительно недавно.

В терминологической литературе слово «апелляция» определяется как: «1. Обжалование определения, постановления низшей инстанции (обычно судебной) перед высшим. 2. Обращение к кому-либо, чего-либо за поддержкой, советом» [1, с. 36]. В юридическом понимании, конечно, используется первое из этих значений, причем в отношении судопроизводства, хотя в практике понятие апелляции используется и в других случаях (например, апелляция по результатам вступительного экзамена в вуз). В Юридической энциклопедии апелляция (от латинского *appellatio* – обращение) определяется как «одна из форм обжалования судебных решений по гражданским и уголовным делам в суд высшей (апелляционной) инстанции, имеющий право пересмотреть дело» [2, с. 50].

На наш взгляд, термином «апелляция» охватываются следующие понятия. Во-первых, это обращение лица в апелляционный суд в виде специального документа под названием «апелляция». Во-вторых, это форма защиты нарушенного или оспариваемого права, в том числе, по мнению апеллянта, со стороны суда первой инстанции. В-третьих, это само процессуальное рассмотрение апелляций. С понятием апелляции тесно связаны такие категории, как апелляционный суд, апелляционная инстанция, апелляционное производство.

В литературе отдельно выделена связь между апелляцией и так называемой итерацией (на латыни – *iteratio*) в судебном процессе. Как отметил Э. Мурадьян, «...итерации ценятся как признание права требовать проверки, и сторона освобождается от сомнений, или, возможно, при новой судебной процедуре произойдет погружение в такую глубину, при которой открывается правда, становится понятной суть вещей... Итерация имеет смысл и при нежелательном результате; судебный урок становится понятнее, его убедительность для стороны и судебной аудитории не менее ценны, чем так называемая процессуальная экономия» [3, с. 56].

В литературе предлагались различные определения апелляции как апелляционного производства, как в виде кратких предложений, так и путем перечисления признаков апелляции. Так, известный дореволюционный исследователь И. Фойницкий под апелляцией понимал «пересмотр высшей инстанцией обжалованного незаконченного приговора низшего суда в его основах как фактических, так и юридических, но в пределах поданной жалобы» [4, с. 109]. По мнению И. Петрухина, это «способ проверки судебных приговоров и решений, заключающийся в том, что суд второй инстанции рассматривает уголовные и гражданские дела по жалобам участников процесса путем проведения нового судебного следствия и вынесения приговора или решения вместо отмененного» [2, с. 50]. В.А. Кройтор отметил следующие основные черты апелляции: апелляция подается на решение суда первой инстанции, которое не

вступило в законную силу; дело в связи с поданной апелляционной жалобой направляется на рассмотрение в апелляционный суд; подача апелляции обусловлена неправильным применением судом первой инстанции норм материального права или нарушением процессуальных норм; суд апелляционной инстанции, рассматривая дело, решает как вопрос факта, так и вопрос права, то есть как юридическую, так и фактическую сторону дела, в том же объеме, что и суд первой инстанции [5, с. 384].

На наш взгляд, всем этим и некоторым другим определениям не хватает полноты. В первом случае не упоминается о способе пересмотра, во втором обращается внимание только одним способом – новое рассмотрение дела по существу, а в третьем – об этом способе вообще не упоминается.

Считаем возможным определить апелляционное производство как деятельность суда апелляционной инстанции по рассмотрению обращений заинтересованных участников судебного процесса о пересмотре незаконных и необоснованных, по их мнению, судебных актов, не вступивших в законную силу с повторным, в случае необходимости, рассмотрением дела по правилам, предусмотренными для суда первой инстанции, и вынесением по результатам рассмотрения соответствующего решения.

Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений возникло в повестке дня с самого начала судебно-правовой реформы. При этом были учтены как отечественный опыт и традиции, так и прогрессивные черты системы судопроизводства других государств [6, с. 112; 7, с. 29].

В Российской империи создание апелляционной инстанции увязывается с демократическими судебными реформами начала 60-х гг. XIX в. Апелляционными судами стали судебные палаты, которым было предоставлено право пересмотра судебных решений, выносимых окружными судами. В свою очередь, их решения могли быть пересмотрены кассационной инстанцией – Сенатом [4, с. 348–349]. С другой стороны, Первый отдел Сената был апелляционной инстанцией относительно созданных в каждой губернии по 10–14 «судебно-административных присутствий» для рассмотрения жалоб на действия и решения органов государственной власти [8, с. 10].

Не возникал вопрос об апелляционном пересмотре судебных решений и в первые годы советской власти, поскольку это не отвечало задачам революционного правосудия – как можно быстрее подавлять сопротивление недовольных и наказывать представителей общественных слоев, находившихся на вершине социальной пирамиды в предреволюционные годы [9, с. 90]. Об этом свидетельствует отмена всех судоустройственных актов. Более того, в отдельные периоды советской истории право граждан на обжалование судебных решений откровенно отрицалось.

Постепенно в советском уголовном и гражданском процессах сформировались три стадии пересмотра судебных решений: в кассационном, надзорном порядке и в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, а в арбитражном процессе был введен пересмотр решений государственного арбитража в порядке надзора [10, с. 62].

Нельзя отрицать, что создание апелляционных судов – это не какая-нибудь дань моде, а глубоко продуманный и даже запоздалый шаг, обусловленный необходимостью обеспечить гражданам и юридическим лицам более свободный доступ к правосудию [11, с. 195; 12, с. 45] на контрольных стадиях судопроизводства. Безусловно, существовавший в советские времена кассационный порядок не в полной мере обеспечивал такой доступ.

Установленный советским процессуальным законодательством надзорный порядок пересмотра судебных решений формально считался исключительным, предназначенным для исправления отдельных ошибок, допускаемых кассационными инстанциями. На самом же деле подавляющее большинство незаконных и необоснованных решений пересматривалось именно в порядке наблюдения. Этому способствовало то, что основная масса этих дел рассматривалась на областном уровне президиумами соответствующих судов, а круг должностных лиц судов и прокуратуры, которые могли инициировать пересмотр путем принесения протестов, был достаточно широк. Основным недостатком этой системы было то, что заинтересованные лица не имели права требовать рассмотрения дел в апелляционном порядке. Сначала председатели судов и их заместители, прокуроры областей и их заместители, рассматривая жалобу, решали вопрос о том, есть ли необходимость истребовать и изучать дела, а если они считали, что оснований для опротестования нет, дела возвращались по принадлежности. Именно поэтому введение апелляции, как и кассации в ее нынешнем виде, означает «стремление отойти от формально-тоталитарной, бюрократической юстиции к демократической юстиции» [13, с. 105].

Для правильного определения ценности апелляционного порядка рассмотрения судебных решений необходимо в теоретическом плане определиться относительно его направленности.

По мнению председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева, «...важным условием повышения качества правосудия является своевременное выявление и устранение судебных ошибок. Поэтому по законодательной инициативе ВС образованы кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции и кассационный, и апелляционный военные суды» [14]. Однако, на наш взгляд, задачи апелляционного и кассационного пересмотра в этом плане существенно отличаются. В апелляционном производстве на первый план

действительно выходит «невозможность» или, лучше, «предотвращение» судебной ошибки, если учитывать, что ошибочное с юридической или фактической стороны решение суда еще не вступило в законную силу и может её набрать только после того, как апелляционный суд признает его законным и обоснованным. В кассационном же производстве речь идет не о том, чтобы сделать невозможным нарушение (оно уже произошло из-за принятия незаконного решения, оставления его без изменений апелляционной инстанцией и, тем более, исполнения этого решения), а о том, чтобы устранить его, в случае необходимости, путем поворота исполнения.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что институт апелляции имеет давнюю историю, он развивался и модернизировался со временем, чтобы отразить потребности и требования общества, с целью обеспечения справедливости и защиты прав участников судебного процесса. С ростом сложности общества и возрастанием числа правовых споров институт апелляции становится все более значимым. Он обеспечивает контроль за законностью судебных решений и помогает улучшить качество правосудия, а также способствует поддержанию правового порядка и эффективному функционированию правового государства.

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. Яз., 1988. – 750 с.
2. Судебная власть / Ин-т государства и права Рос. акад. наук / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
3. Мурадьян Э.М. Итерации в судебном процессе // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 55–61.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.
5. Кройтор В.А. Защита прав и интересов в суде. – Харьков: Эспада, 2002. – 528 с.
6. Мезяев А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном международном уголовном процессе // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 4. – С. 14–17.
7. Мезяев А.Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики): автор. дисс. … докт. юрид. наук. – М., 2013. – 68 с.
8. Сидорова Н.В. Апелляция в системе производства в суде второй инстанции в уголовном процессе России. – Томск: Лань, 2006. – 208 с.
9. Дерябина А.С. История и развитие института апелляции // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 15 (27). – С. 89–91.
10. Большакова В.М. К вопросу о хроноразрыве в истории института апелляции // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2019. – № 15. – С. 61–66.
11. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учеб. / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Э.Р. Адамова [и др.]. – М.: ООО «Проспект», 2021. – 848 с.
12. Международное право: учеб. для аспирантов / А.Х. Абашидзе, П.А. Банис, А.К. Бисултанов [и др.]. – М.: Российский ун-тет дружбы народов (РУДН), 2022. – 431 с.
13. Борисова Н.В. Формирование института апелляции в российском уголовном процессе // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 105–109.
14. Лебедев оценил работу новых апелляций и кассаций. – URL: https://pravo.ru/news/244163/ (дата обращения: 24.11.2023).

The Institute of Appeal in Legal Theory: Some Historical Aspects

Ziganshin R.R.
University of Management «TISBI» (Kazan)

This article examines the concept of appeal in legal theory. The author analyzes the main features of the appeal in different periods of history. The connection between appeal and iteration, as well as the tasks of appellate and cassation review of the case are considered. A definition of appeal proceedings is proposed.

Key words: appellate proceedings, appeal, iteration, judicial reform, appellate court

УДК 347.1+346.1

Проблемы правового регулирования отношений по обращению с твердыми коммунальными отходами

Измайлов Р.Р.
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования обусловлена теоретическими и практическими проблемами в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. Целью исследования является установление концептуальных правовых проблем в организации механизма обращения с твердыми коммунальными отходами. Для достижения поставленной цели решается ряд задач: выявлены проблемы договорного регулирования в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами; предложены пути оптимизации правового обеспечения процедуры сбора и вывоза твердых коммунальных отходов; уточнены правила ценообразования и контроля за субъектами в рассматриваемой сфере. Научная и практическая значимость результатов заключается в предпринятой попытке комплексного исследования правовых проблем в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. В статье делается вывод о законодательных противоречиях в понимании производственного цикла исследуемой сферы и предлагается изменение модели взаимодействия между региональным оператором и потребителем, а также предлагаются пути повышения прозрачности правоотношений в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. Проведенное исследование позволяет обобщить основные теоретические аспекты правового регулирования сферы обращения с твердыми коммунальными отходами, а также предлагает практические рекомендации правоприменителю.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, рынок жилищно-коммунальных услуг, правовое регулирование, предпринимательская деятельность, жилищно-коммунальная услуга, концепция правового регулирования

В России на протяжении последнего десятилетия идет реформирование правового регулирования деятельности в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО). Представляется, что изменения в регулировании рассматриваемой сферы являются недостаточными и не носят системного характера, что обуславливает общую неэффективность реформы. Нормативные основы обращения с твердыми коммунальными отходами закреплены в специальном Федеральном законе от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1]. В ст. 1 указанного Закона под твердыми коммунальными отходами понимаются отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. В жилищном законодательстве избран более узкий подход к пониманию производственного цикла по обращению с ТКО. Так, в п. 5 ст. 30 ЖК РФ [2] под обращением с твердыми коммунальными отходами понимаются транспортирование, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов. Согласно «Правилам предоставления коммунальных услуг» [3], предоставление конечному потребителю коммунальной услуги по обращению с ТКО осуществляется на основании возмездного договора с региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами, который носит публичный характер.

Одной из частых проблем, возникающих при взаимодействии потребителя и регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами, является отсутствие заключенного договора между указанными субъектами. Как справедливо отмечает А.А. Громов, «если лицо является региональным оператором по уборке коммунальных отходов, оно в любом случае не может отказаться от заключения договора с собственниками ТКО; у него нет опции ограничить свою деятельность таким образом, чтобы она не породила на его стороне обязанность заключить договор» [4, с. 134]. Договор оказания услуг по обращению с ТКО при отсутствии подписанного сторонами договора в виде единого документа считается заключенным региональным оператором со всеми потребителями, находящимися в зоне его действия. На первый взгляд, такая юридическая конструкция выглядит логично и направлена на эффективное достижение цели – сбор, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов на территории субъекта Российской Федерации региональным оператором. В исследуемых отношениях потребитель выступает заведомо слабой стороной договора и нуждается в защите. Следует согласится с позицией профессора К.М. Арсланова, который отмечает, что у российского законодателя общее стремление к обеспечению добросовестного поведения сторон договора и предотвращению злоупотреблений в договорах с участием слабой стороны [5, с. 290]. Однако на практике попытка уравновесить возможности потребителя и регионального оператора в осуществлении своих гражданских прав порождает проблему, когда отдельные, недобросовестные региональные операторы выставляют потребителям счета на оплату услуги по вывозу ТКО за период, когда она фактически не оказывалась. Например, гражданам-потребителям, проживающим в ИЖС или дачных домах, направляются счета-фактуры за предшествующий период, хотя место (площадка) накопления ТКО отсутствовало. Сформировавшиеся в судебной практике [6, п.п. 15–16] подходы перекладывают бремя доказывания отсутствия фактического вывоза ТКО, оказания услуги не в полном объеме или ненадлежащим образом на собственника ТКО, что для гражданина-потребителя является крайне затруднительным. Представляется, что одним из возможных путей решения сложившейся ситуации могло бы послужить изменение модели взаимодействия между региональным оператором и потребителем-гражданином с отходом от конструкции публичного договора для них. Для юридических лиц сохранение текущей модели выглядит обоснованным и позволяет сохранить баланс интересов регионального оператора и хозяйствующего субъекта.

Еще одной проблемой является организация непосредственно процедуры сбора и вывоза ТКО из места накопления. Создание мест или площадок для накопления ТКО относится к обязанностям органов местного самоуправления, управляющая организация на основании решения собрания собственников может лишь принять решение о создании контейнерной площадки на земельном участке, относящемся к общему имуществу, при условии соблюдения санитарных правил и норм. Согласно СанПиН [7], по общему правилу расстояние от площадок по сбору ТКО до объектов жилой инфраструктуры должно быть не менее 20 м, но не более 100 м. Размещение контейнерной площадки ближе минимально допустимого санитарными правилами расстояния до многоквартирного дома нарушает право граждан на благоприятную окружающую среду [6, п. 25]. Все данные о местах накопления ТКО включаются в специальный реестр, который содержит сведения о нахождении мест накопления; данные о технических характеристиках; данные о собственниках и об источниках образования ТКО. В случае, если место накопления ТКО включено в реестр, то презюмируется, что оно соответствует санитарным нормам и правилам, так как перед созданием и включением в реестр такие объекты согласовываются с органом местного самоуправления на основании письменной заявки. Бремя надлежащего содержания площадки возложено на организацию, которая осуществляет управление в многоквартирном доме, а в случае, если площадка обслуживает несколько многоквартирных домов, расходы на содержание распределяются пропорционально. На регионального оператора законодатель возлагает обязанность по надлежащему оказанию услуги по обращению с ТКО. Особо отметим, что некачественное асфальтовое полотно, грунтовые дороги или неочищенные от снега подъездные пути к площадке не являются основанием для ненадлежащего оказания услуг. Указанная позиция подтверждается и судебной практикой, указывающей, что «выпадение снега в зимний период относится к предсказуемому явлению, не является чрезвычайным и не может быть отнесено к обстоятельствам непреодолимой силы» [6, п. 20]. Представляется, что нарушение установленных санитарными нормами и правилами сроков вывоза ТКО является основанием для привлечения регионального оператора к ответственности по ст. 13 Закона о защите прав потребителей [8].

Актуальной проблемой регулирования отношений на рынке жилищно-коммунальных услуг остаются вопросы ценообразования. По мнению О.А. Акопян, «целью государственного регулирования цен в России на современном этапе развития экономики являются: обеспечение рационального соотношения между монополиями и конкуренцией, которое не привело бы к разрушительным последствиям для экономики; осуществление социальной политики и защита социально уязвимых слоев насе-

ления» [9, с. 3–4]. В сфере жилищно-коммунальных услуг в силу социальной значимости для граждан и организаций обеспечение рыночного ценообразования и доступных для потребителя услуг особенно важно. С другой стороны, организации, оказывающие услуги, в том числе в сфере обращения с ТКО, сталкиваются с износом инфраструктуры, а также нехваткой инвестиций в основные фонды. Допустимость включения отдельных расходов регионального оператора в тариф сегодня носит противоречивый характер. Так, «Правилами регулирования тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами» [10] допускается включение расходов по приобретению емкостей для складирования таких отходов, предоставляемых потребителю, в состав тарифа. На первый взгляд, обеспечение контейнерами, баками, полиэтиленовыми мешками и иными емкостями для складирования отходов выглядит обоснованно, однако в ряде случаев встречаются злоупотребления. Например, когда вполне пригодные, отвечающие всем требованиям контейнеры для мусора заменяют на новые, возлагая дополнительные расходы на конечного потребителя. В то же время, согласно сложившимся подходам судебной практики [6, п. 22], источниками расходов на строительство и эксплуатацию мусороперегрузочных станций не могут являться регулируемые тарифы в сфере обращения с ТКО. Такой подход, безусловно, выгоден конечному потребителю и позволяет сэкономить на оплате услуг за счет снижения тарифа, но для добросовестного регионального оператора создает проблему капитальных вложений в основные средства и невозможность своевременно обновлять оборудование.

Безусловно влияет на цену конечной услуги по обращению с ТКО организация раздельного сбора мусора. Зарубежный опыт свидетельствует, что внедрение раздельного сбора ТКО способно стимулировать граждан сортировать отходы при условии снижения стоимости их вывоза [11, с. 58]. В России собственник ТКО вправе выбрать один из расчетных способов осуществления коммерческого учета отходов (по нормативам накопления ТКО или по количеству и объему контейнеров в местах накопления ТКО), если субъект РФ не перешел на раздельный сбор мусора. При раздельном сборе мусора, потребитель самостоятельно сортирует мусор, в соответствии с региональными правилами и вправе производить коммерческий учет отходов, исходя из количества и объема контейнеров, указав в договоре объем отходов. Такие правовые стимулы нельзя признать достаточными, так как для большого количества потребителей в многоквартирных домах они являются неочевидными, с точки зрения влияния на цену конечной услуги. Кроме того, предложенный механизм фактически оставляет без внимания тех граждан, кто готов осуществлять сортировку отхода в тех субъектах, где не перешли на раздельный сбор мусора. Представляется, что одним из путей решения могла бы служить постепенная организация перехода на раздельный сбор отходов и включение в специальный реестр дополнительных сведений о местах накопления ТКО при организации раздельного сбора, а также «понижающий» тариф коэффициент при оплате услуг по обращению с ТКО для таких потребителей. Для достижения указанной цели уполномоченные органы могли бы использовать уже сложившуюся судебную практику [6, п. 38] определения экономической целесообразности территориальной схемы обращения с отходами и действующих на ней объектов.

Говоря о значительной роли в организационных отношениях по обращению с ТКО органов местного самоуправления, отметим, что возложенные законодательством на них обязанности не всегда подкреплены полномочиями по контролю и привлечению к дисциплинарной ответственности региональных операторов за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Органы местного самоуправления после согласования схемы обращения и мест накопления с ТКО становятся наблюдателями, не имеющими возможности влиять на фактическое оказание конечным потребителям услуг в своем муниципальном образовании. Практика антимонопольного органа по пресечению злоупотребления доминирующим положением региональным оператором на рынке, недопустимости ущемления прав и законных интересов собственников ТКО [6, п. 41] и практика государственного жилищного надзора при определении соответствия размера платы установленным тарифам [6, п. 42] лишь частично позволяет защитить интересы конечного потребителя. Представляется, что наделение профильного министерства (например, Минстроя РФ) или ведомства (ФАС России) специальными полномочиями по контролю за деятельность региональных операторов в сфере обращения с ТКО могло бы сделать исследуемые отношения более прозрачными для конечных потребителей и общества в целом, а сами услуги качественными и доступными для потребителя.

Таким образом, общая неэффективность реформы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами обусловлена проблемами концептуального характера. Законодательные противоречия в понимании производственного цикла по обращению с ТКО порождают практические проблемы при обращении с ними. Представляется целесообразным изменение модели взаимодействия между региональным оператором и потребителем-гражданином с отходом от конструкции публичного договора. Нарушение региональным оператором установленных санитарными нормами и правилами сроков вывоза ТКО является основанием для привлечения регионального оператора к ответственности за ненадлежащее оказание услуг. Одним из способов право-

вого стимулирования перехода на раздельный сбор отходов могло бы послужить включение в специальный реестр таких мест накопления. Наделение профильного государственного органа специальными полномочиями по контролю за деятельностью региональных операторов позволит сделать исследуемые отношения более прозрачными, а сами услуги качественными и доступными для потребителя.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. – 1998. – № 121.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Российская газета. – 2005. – № 1.
3. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (ред. от 28.11.2023) // Российская газета. – 2011. – № 116.
4. Громов А.А. Публичный договор: сфера действия // Вестник гражданского права. – 2023. – № 4. – С. 127–191.
5. Арсланов К.М. Конвергенция российского и германского опыта гражданско-правового регулирования: история, современность и перспектива: дисс. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2020. – 599 с.
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: http://vsrf.ru/documents/thematics/33230/.
7. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 г. № 3 (ред. от 14.02.2022) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» // Официальный интернет-портал правовой информации.
8. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. – 1996. – № 8.
9. Акопян О.А. Некоторые финансово-правовые аспекты регулирования ценообразования // Финансовое право. – 2022. – № 2. – С. 3–8.
10. Постановление Правительства РФ от 30.05.2016 г. № 484 «О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами» (вместе с «Правилами регулирования тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами») (ред. от 27.01.2024) // СЗ РФ. – 2016. – № 23. – Ст. 3331.
11. Глеба О.В., Чудакова К.А. Раздельный сбор отходов в России: проблемы и пути решения // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 2. – С. 56–59.

Problems of Legal Regulation in the Field of Solid Municipal Waste Management

Izmailov R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is due to theoretical and practical problems in the field of municipal solid waste management. The purpose of the study is to establish conceptual legal problems in organizing the mechanism for handling municipal solid waste. To achieve this goal, a number of tasks are being solved: problems of contractual regulation in the field of municipal solid waste management have been identified; ways to optimize the legal support for the collection and removal of municipal solid waste have been proposed; the rules for pricing and control over entities in the area under consideration have been clarified. The scientific and practical significance of the results lies in the attempt made to comprehensively study legal problems in the field of municipal solid waste management. The article draws a conclusion about legislative contradictions in understanding the production cycle of the area under study and proposes a change in the model of interaction between the regional operator and the consumer, as well as suggesting ways to increase the transparency of legal relations in the field of municipal solid waste management. The conducted research allows us to summarize the main theoretical aspects of the legal regulation of the sphere of municipal solid waste management, and also offers practical recommendations to law enforcers.

Key words: solid municipal waste, housing and communal services market, legal regulation, entrepreneurial activity, housing and communal services, concept of legal regulation

УДК 342 (67.400.1)

Юридические фикции в основах конституционного строя России

Коваленко А.С.
Старший преподаватель кафедры конституционного
и международного права, аспирант
Алтайского государственного университета (Барнаул)

Юридическая фикция является сложным и многогранным правовым явлением, интерес к которому не угасает с течением времени. В научной литературе сформировано теоретическое представление о юридической фикции, выделены различные подходы к ее правовой природе. Однако особенности и проявления юридических фикций в отечественном конституционном праве исследованы весьма фрагментарно.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей действия юридических фикций в основах конституционного строя России. Для этого выделяется конституционно-правовая фикция как разновидность юридической фикции, используются принципы «двойственного» подхода для выявления специфики действия конституционно-правовых фикций в основах конституционного строя России. Приводятся примеры проявления юридической фикции в нормах Конституции РФ, федерального законодательства.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что обобщены и представлены характерные черты действия правовых фикций в основах конституционного строя, к числу которых отнесены абстрактные правовые понятия и принципы, скрытость (латентность), политическая и идеологическая выраженность и обусловленность.

Ключевые слова: юридическая фикция, конституционно-правовая фикция, конституционное право, основы конституционного строя России, абстрактные правовые понятия, политическая выраженность

Юридическая фикция, будучи универсальным технико-юридическим приемом разработки и реализации норм права, признающим несуществующее положение существующим [1, с .83], присутствует во всех отраслях права с присущими ей особенностями, обусловленными спецификой самой отрасли. В научной литературе высказываются мнения о концентрации юридических фикций в процессуальных отраслях российского права в связи с детальностью их правового регулирования. Однако полагаем, что для конституционного права России в не меньшей степени характерно признание существующего несуществующим и наоборот, то есть согласие с отклонением от действительности в качестве некой условной истины. Это дает основания, во-первых, для утверждения о действии юридических фикций в конституционном праве России, во-вторых, для выделения конституционно-правовой фикции как особой разновидности юридической фикции.

Е.С. Аничкин определяет конституционно-правовую фикцию в качестве нормативного положения, содержащегося в Конституции РФ и иных источниках конституционного права, которые признают заведомо несуществующее положение существующим и наоборот, а также имеющих отраслевую особенность [2, с. 100].

Конституционное право определяет основы государственного устройства, задает институционально-нормативные векторы развития и правового регулирования других отраслей права. Предмет конституционного права составляют различные общественные отношения, которые характеризуют в том числе основы конституционного строя России.

Юридическая фикция позволяет в рамках отрасли отечественного конституционного права устанавливать определенный вектор развития общественных отношений, правовое регулирование которых должно быть надлежащим образом сформировано. Иное неосознанное проявление конституционно-правовой фикции может возникнуть при расхождении конституционных принципов, норм Конституции РФ, регулирующих основы конституционного строя с положениями текущего законодательства, смысловым толкованием Основного закона, придаваемым органом конституционного контроля.

Конституционно-правовые фикции в основах конституционного строя имеют ряд характерных особенностей:

1. Сферой действия конституционно-правовых фикций являются преимущественно абстрактные правовые понятия и принципы.

Полагаем, что именно в статьях главы первой Конституции РФ наиболее ярко проявляется сфера действия конституционно-правовых фикций, связанных с использованием абстрактных правовых понятий и принципов, таких как «демократическое государство», «правовое государство», «социальное государство», «суверенитет», «народ», «федеративное государство», «принцип разделения властей», «равноправие субъектов Российской Федерации», «самостоятельность местного самоуправления» и других. Как правило, у таких понятий, отсутствуют легальные определения, не детализированы правовые признаки, что обусловливает их смысловую подвижность в зависимости от складывающейся конъюнктуры [2, с. 93].

Подобного рода абстрактные правовые понятия и принципы не имеют единого доктринального определения, отличаются вариативностью смыслового наполнения, обусловленного в том числе причинами идеологического и политического характера.

В то же время данная проблема в ряде случаев решается путем принятия поправок к Конституции РФ. Так, понятие «социальное государство», закрепленное в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, получило правовое наполнение в ходе конституционной реформы 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 75.1 [3] о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан с имплементацией таких понятий, как «социальное партнерство», «политическая и социальная солидарность». Конституционный Суд РФ в заключении о соответствии Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» отметил, что указанные в ст. 75.1 Конституции РФ условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан конкретизируют положения о социальном государстве [4].

Конституция РФ определяет единственным источником власти в стране ее многонациональный российский народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), принцип народовластия является основополагающим для развития избирательной системы, принципов формирования органов государственной власти и местного самоуправления. Конституционного строя не существует без реализации принципа суверенитета народа.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ). Конституционные основы проведения референдума непосредственно закреплены в положениях Федерального конституционного закона от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [5]. Действующий Федеральный конституционный закон пришел на смену Федеральному конституционному закону от 10.10.1995 № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» 1995 г. [6]. За период существования указанных нормативных правовых актов общероссийские референдумы не проводились. В истории современной России референдумы были 25 апреля и 12 декабря 1993 г.

Современные инициативы проведения всероссийского референдума заканчивались на стадии отказа в регистрации инициативных групп. Например, Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ от 17.10.2018 г. № 186/1459-7 «Об инициативах проведения референдума в Российской Федерации» прекращены все процедуры по реализации инициативы проведения референдума Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением возраста, по достижении которого граждане Российской Федерации получают право на назначение пенсии по старости [7]. В связи с тем, что было зарегистрировано несколько региональных подгрупп в разных субъектах РФ со схожими по смыслу и содержанию формулировками вопроса, то не представлялось возможным в силу требований Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации» (п. 18 ст. 15) объединить их в единую инициативную группу по проведению референдума.

Положения о порядке созыва и проведения общероссийского референдума неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ.

При рассмотрении одного из таких дел судьей Конституционного Суда РФ В.О. Лучиным было изложено мнение, в котором он отметил, что Конституционный Суд РФ, признав не противоречащим Конституции РФ оспоренный закон, указал на формальную возможность проведения не менее двух референдумов в рамках четырехлетнего избирательного цикла, однако этим требованиям закон и не отвечает. Таким образом, фактически создана

«квазинорма», установившая новые условия действия закона о федеральном референдуме [8]. Подтверждение конституционности названного Закона сделало право на референдум в РФ, возможно, самым нереализуемым положением Конституции РФ.

Путь к становлению и реализации основных идей правового государства, к которым традиционно относят легитимность публичной власти, взаимную ответственность государства и личности, разделение властей, неблизкий и не быстрый. За прошедшие более тридцати лет с даты принятия Конституции РФ была проведена, безусловно, большая работы по формированию законодательной базы по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, институционализации и структуризации системы общественных объединений и движений граждан (в т.ч. и политических партий), формированию избирательной системы.

Сам по себе активный законотворческий процесс еще не тождественен наличию правовой культуры и равенству всех перед законом. Ведь главная идея правового государства – связанность государства правом, гарантирующим предсказуемость и надежность действий государства, подчинение государства праву, защиту граждан от возможного произвола государства и его органов [9, с. 118].

Одним из подтверждений отчасти слабой реализуемости конституционной нормы о правовом государстве служит, например, информация из ежегодного доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей о результатах своей деятельности за 2023 г. В нем приводятся следующие данные: за отчетный период в адрес федерального Уполномоченного поступило 125 367 обращений, из них 14 603 (11,65 %) – это обращения по защите прав предпринимателей по категории «уголовные дела», 110 764 (88,35 %) – по категории «административные дела». Количество подобного рода обращений остается довольно высоким из года в год. В качестве причины столь значительного их числа по категории «уголовные дела» указывается «незаконное уголовное преследование» [10]. Статистика рассмотрения судами уголовных дел по статьям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, например, за 2022 г. является тому подтверждением: «В прошлом году судами рассмотрено 5,8 тыс. дел о предпринимательстве в отношении 6,6 тыс. лиц, осуждено 73 %, а в отношении 27 % уголовное преследование прекращено судом» [11].

Президент РФ В.В. Путин неоднократно ставил вопрос о разрешении ситуации с имеющим массовый характер необоснованным уголовным преследованием предпринимателей. Например, в своем Послании Федеральному Собранию РФ в 2019 г. отметил: «Сегодня почти половина дел не доходят до суда, … а это значит, что возбуждали кое-как или по непонятным соображениям». Глава государства сделал акцент, что проблемы кроются в законодательстве и правоприменительной практике [12].

Конституционно-правовые фикции в правовом регулировании основ конституционного строя обнаруживаются в абстрактных, слабо идентифицируемых понятиях с подвижным смысловым наполнением. Приведенные в качестве примеров положения Конституции РФ в некоторых случаях свидетельствуют о проявлении фиктивности отдельных норм, составляющих содержание конституционного строя.

2. Конституционно-правовые фикции являются скрытыми (латентными), поскольку формально текст нормативного правового акта остается неизменным.

Модификация смысла нормы Конституции РФ может происходить посредством ее толкования Конституционным Судом РФ и принятия законодательных актов, изменяющих ее первоначальный смысл. Векторы правового развития основ конституционного строя получают не всегда адекватное наполнение в иных нормах Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, что приводит к дискредитации соответствующей конституционно-правовой идеи в обществе и, как следствие, превращению этой идеи в фиктивную.

Классическим примером конституционно-правовой фикции является положение ч. 1 ст. 5 Конституции РФ о равноправии субъектов Российской Федерации, согласно которому Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации, во взаимосвязи с частью второй этой же статьи Конституции России, в которой термин «государство» используется для обозначения республики как субъекта Российской Федерации.

И.В. Сухинина полагает, что ч. 2 ст. 5 Конституции РФ является юридической фикцией, так как с понятием «государство» всегда связано понятие «суверенитет», предполагающее верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и внешнюю независимость, а республики, как и все другие субъекты Российской Федерации, суверенитетом не обладают, ибо это нарушило бы конституционный принцип равноправия субъектов Российской Федерации [цит. по: 13].

Такое приравнивание понятий «государство» и «республика» в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ привело к появлению в конституциях республик положений об их суверенитете, независимости и полноты всей власти многонациональных народов республик и явилось основанием для признания таких положений не соответствующими Конституции РФ и не подлежащими применению [14]. Особый смысл по-

нятия «республика», заложенный в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, был выявлен лишь в процессе толкования Конституции РФ. Следовательно, норма ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, расценивая республику как государство, признает несуществующее существующим, что является проявлением конституционно-правовой фикции.

Текст конституционно-правовой номы остается неизменным, но интерпретация, данная органом конституционного правосудия, придает фиктивность конституционно-правовой норме в части приравнивания понятий «республика» как субъекта Российской Федерации и «государство». В приведенном примере юридическая фикция проявляется в виде несовместимости отождествленных в смысловой цепочке правовых понятий.

Иллюстрацией данной особенности конституционно-правовой фикции может служить развитие положений ст. 12 Конституции РФ о местном самоуправлении, его самостоятельности как одной из основ конституционного строя в других нормах Конституции РФ, текущем законодательстве.

Принцип независимости местного самоуправления приобретает характер фиктивного в связи с возникновением напряжения между положениями ст.ст. 12 и 131 Конституции РФ и отраслевым законодательством. Это проявляется в том, что положение ч. 1 ст. 131 Конституции РФ о самостоятельности населения в определении структуры органов местного самоуправления в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом, входит в противоречие с принципом независимости местного самоуправления, заложенным в ст. 12 Основного закона. В то же время закрепляет фактически сложившееся правовое регулирование по данному вопросу.

Структура органов местного самоуправления, определённая ст. 34 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [15], с установлением наличия в качестве обязательных: представительного органа, главы муниципального образования и местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) не предполагает вариативности и провозглашенной независимости в ее определении. Уточненное в ходе конституционной реформы 2020 г. положение ч. 1 ст. 131 Конституции РФ минимизирует независимость населения в этом вопросе, оставляя на усмотрение местного населения вопрос о включении в структуру органов местного самоуправления контрольно-счетного органа (ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ) [15].

Критической точки зрения придерживается А.А. Кондрашев, настаивая на том, что де-юре установлена жестко централизованная система государственной власти, в которую интегрированы и органы местного самоуправления. Они включены в систему органов публичной власти. Все эти новеллы полностью входят в противоречие со ст. 12 Конституции РФ, эти нормы ликвидируют в полной мере самостоятельность органов местного самоуправления [16].

3. Выраженная политическая или идеологическая окраска.

Необходимо отметить, что конституционно-правовые фикции в научной литературе традиционно характеризуются наличием политической, идеологической составляющей, что гораздо реже или вовсе не упоминается учеными по отношению к юридическим фикциям в других отраслях права.

Конституционные критерии демократии – абстрактное явление, наполнение которого возможно в зависимости от политико-идеологического курса. Россия есть демократическое государство (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), в котором высшим выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ). В процессе осуществления многонациональным народом России своей власти заметную роль играют политические партии.

Требования к численности политической партии (пп. «б» п. 2 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [17]), варьировались, начиная с 2010 г. до 45 тыс. членов партии (с 01.01.2010 г. до 01.01.2012 г.), далее до 40 тыс. членов партии (с 01.01.2012 г. до 03.04.2012 г.), и с 3 апреля 2012 г. до 500 членов партии [18].

По состоянию на 1 января 2015 г. количество политических партий, зарегистрированных на территории Российской Федерации, составляло 75 [19], но уже по состоянию на 1 января 2024 г. – 25 [20]. Согласно требованиям Федерального закона от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», политическая партия ликвидируется по решению Верховного Суда РФ, в том числе и за неучастие в выборах в течение семи лет. Манипуляции с правовой регламентацией построения многопартийности привели к тому, что подавляющее большинство россиян в той или иной степени не доверяют существующим партиям [21], не принимают участия в их деятельности.

Законодателем был допущен существенный дефект логики конституционно-правового регулирования создания и деятельности политических партий, выразившийся в том, что для регистрации федеральной партии необходимо 500 чел., а для регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 200 тыс. подписей избирателей [22]. Это привело к нивелированию значимости института политической партии, деятельность некоторых из них порой ограничивается рамками одного избирательного цикла.

Ст. 13 Конституции РФ провозглашен принцип многопартийности, федеральным законодательством установлены гарантии деятельности политических партий [23]. Полагаем, что возведенный на конституционный уровень один из элементов демократического государства – принцип многопартийности в действительности слабо реализуется по причинам неправового характера.

Возможности для представителей непарламентских партий в проведении мероприятий в помещениях, находящихся в государственной и муниципальной собственности, доступа к государственным и муниципальным средствам массовой информации практически ограничены.

Реализация права на участие в выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации для многих непарламентских политических партий является весьма затруднительной в силу действующего правового регулирования порядка выдвижения кандидатов. Отметим, что положение ч. 6 ст. 22 Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [24] о поддержке выдвижения кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации депутатами представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации как необходимом условии регистрации кандидата на соответствующих выборах рассматривалось Конституционным Судом РФ на предмет оценки соответствия данной нормы Конституции РФ [25]. Как указывали заявители, данная норма «вводит необоснованные ограничения, не позволяет в условиях значительного преобладания на местном уровне представителей одной из политических партий получить статус зарегистрированного кандидата лицам, выдвинутым от других политических партий или в порядке самовыдвижения». Действительно, например, по итогам выборов в 2023 г. высших должностных лиц в 21 субъекте Российской Федерации 19 кандидатов, одержавших победу, были выдвинуты Всероссийской политической партией «**Единая Россия**», 2 – Коммунистической партией Российской Федерации [26]. Находим, что данный пример демонстрирует, что принцип многопартийности в некоторых аспектах его реализации становится сферой действия конституционно-правовой фикции именно по причинам политического характера.

Подытоживая вышесказанное, можем резюмировать, что юридические фикции в правовом регулировании основ конституционного строя действуют в абстрактных правовых понятиях и принципах, что является закономерным процессом в силу специфики конституционных норм. Конституционно-правовые фикции, обнаруживающие себя непосредственно в декларируемых гл. 1 Конституции РФ нормах, на наш взгляд, выполняют важную роль, признавая существующими обстоятельства не соответствующими действительности, определяя вектор развития правового регулирования. Но во взаимосвязи с нормами, развивающими конституционные догмы политического режима и устройства государства, они иногда приобретают характер фиктивных норм, что приводит к негативному правовому эффекту. Характерной особенностью юридических фикций в основах конституционного строя Россия является политическая и идеологическая причина возникновения.

Дальнейшее изучение влияния конституционно-правовых фикций, действующих в основах конституционного строя России, имеет перспективу и важное значение для совершенствования текущего законодательства с целью наибольшего соответствия писаного права общественным отношениям.

Литература:

1. Танимов О.В. Теория юридических фикций / Отв. ред. Т.В. Кашанина. – М.: Проспект, 2016. – 225 с.
2. Аничкин Е.С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности виды, действие // Научн. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 87–105.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации»» // СЗ РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.
5. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
6. Федеральный конституционный закон от 10.10.1995 г. № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. – 1995. – № 42. – Ст. 3921.
7. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17.10.2018 г. № 186/1459-7 «Об инициативах проведения референдума в Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – № 235.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 г. № 10-П «По делу о проверки конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 25. – Ст. 2564.
9. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. – М.: Проспект, 2019. – 578 с.
10. Доклад Президенту РФ – 2023. – URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html
11. В 2022 г. суды прекратили уголовное преследование более чем четверти бизнесменов // Интерфакс. – URL: https://www.interfax.ru/russia/886171.
12. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. – 2019. – № 38.
13. Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы. – М.: Юстицинформ, 2018. – 135 с.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. – 2000. – № 29. – Ст. 3117.
15. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (по сост. на 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
16. Кондрашев А.А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – URL: https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/44909992
17. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (по сост. на 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
18. Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» // СЗ РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1721
19. Список политических партий, зарегистрированных Минюстом России, на 1 января 2015 г. – URL: https://rg.ru/2015/05/19/partii-dok.html
20. Министерство Юстиции РФ // Сайт Министерства Юстиции РФ. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/
21. Кынев А. Редизайн системы: что ждет новые российские партии. – URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/06/02/2020/5e3acbce9a79473df27d5b81
22. Федеральный закон от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (по сост. на 29 мая 2023 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.
23. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (по сост. на 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 29. Ст. 2950.
24. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (по сост. на 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. – 2021. – № 52 (ч. I). – Ст. 8973.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. II). – Ст. 8062.
26. Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – URL: http://www.cikrf.ru/?ref=tjournal.ru

Legal Fictions in Foundations of the Constitutional System of Russia

Kovalenko A.S.
The Altay State University (Barnail)

A legal fiction is a difficult and multifaceted phenomenon, and it is a permanent object of scientific interest till a long period of time. Theoretical understanding, different approaches to understanding legal background about the legal fiction are formed and presented in scientific literature. But features and demonstrations of a legal fictions in modern constitutional law are explored partially.

The purpose of this issue is to identify features of actions of the legal fictions in the foundations of constitutional system of Russia. To reach this purpose the constitutional fiction is determined as one of type of a legal fictions, the author uses the principles of a dual approach to find specific manifestations of the legal fictions in norms of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation.

The scientific novelty of this issue consists of generalization and presentation of specific features of the legal fictions in the foundations of constitutional system of Russia, in which are abstracts legal concepts and principles, political and ideological expression.

Key words: constitutional fiction, constitutional law, the foundations of constitutional system of Russian Federation, abstract legal concepts, political expression

УДК 342.5

Государственные символы Республики Татарстан: законодательство и судебная практика

Курманов М.М.
Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
профессор кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования заключается в том, что Конституция РФ в ст.ст. 71, 72 не относит символы субъектов РФ как к предметам ведения Российской Федерации, так и к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, и, соответственно, собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, обобщение судебной практики в данной сфере, вызывает практический и научный интерес.

Результаты исследования показали, что субъекты РФ при принятии символов ограничены, так как символы подлежат регистрации в Геральдическом совете при Президенте РФ, и, как установила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ: «субъект РФ не вправе регламентировать вопрос о собственных символах государственной власти без указания о том, что эти символы устанавливаются наряду с символами государственной власти Российской Федерации».

Надеемся, что предлагаемые выводы и рекомендации получат признание со стороны федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и науки.

Ключевые слова: символы субъектов Российской Федерации, герб, флаг, гимн субъекта Российской Федерации

Государственные символы – герб, флаг, гимн субъектов РФ, особенно республик, являются атрибутами государственности данных государств, таковыми они признаны Конституцией Российской Федерации[1].

В данной статье представлен анализ положений Конституции РФ и федерального законодательства по разграничению полномочий в данной сфере, законодательства Республики Татарстан и судебной практики.

Конституция РФ в ст.ст. 71, 72 не относит символы субъектов РФ как к предметам ведения Российской Федерации, так и к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ.

Соответственно, вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов субъекты Российской Федерации осуществляет собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

В отличие от предметов ведения РФ и предметов совместного ведения РФ и ее субъектов, в Конституции РФ прямо не перечислены предметы ведения субъектов РФ. Таким образом, эти предметы ведения закреплены по так называемому остаточному принципу. Следовательно, к предметам ведения субъектов РФ можно отнести: принятие законов субъекта; установление системы органов государ-

[1] Для автора эта тема еще актуальна тем, что он является одним из участников принятия герба, флага, гимна Республики Татарстан, будучи депутатом Верховного Совета Республики Татарстан.

ственной власти; территориальное устройство; символику (герб, флаг, гимн); награды и почетные звания и др. [1].

Каким образом символы республик и других субъектов РФ закреплены в законодательстве Республики Татарстан и законодательстве субъектов РФ?

Как верно отметил А.В. Безруков, символика и символ-понятия не тождественные. Подробный анализ приводит к выводу о том, что законодатели разных субъектов РФ, регламентируя государственную символику, тем самым самоидентифицируют себя внутри государства. При этом проанализированный терминологический ряд различен, в том числе по содержанию. Каждый термин, закрепленный в нормативно-правовом акте, несет в себе смысловую нагрузку, поэтому использование на региональном уровне различных терминов должно быть тщательно выверено [2].

В рамках внутригосударственной юрисдикции, как правило, создаются необходимые правовые рычаги, позволяющие избежать или снизить риск появления одинаковых символов у разных субъектов права. Например, в России право на установление собственных символов самостоятельно реализуют субъекты федерации и муниципальные образования, однако содержание этих символов анализируется при их внесении в Государственный геральдический регистр, созданный в целях систематизации и упорядочения использования официальных символов и отличительных знаков [3].

Исходя из вышеизложенного, можно *предполагать*, что это предмет ведения субъекта Российской Федерации. Почему выделяем слово «предполагать», а потому что если по остаточному принципу данное полномочие можно отнести к полномочиям субъекта Российской Федерации, то это еще не значит, что субъект Российской Федерации может принять герб и флаг на свое усмотрение. Как мы убедились, принятый законом субъекта Российской Федерации, государственный герб и государственный флаг должны пройти утверждение, регистрацию в Геральдическом совете при Президенте РФ и только после этого признаются таковыми. А если не пройдут утверждение, то как быть тогда? За таким примером далеко ходить не надо. Рядом с Казанью расположен город Зеленодольск. В 1997 г. депутаты Зеленодольского объединенного Совета народных депутатов на своем заседании приняли герб города, а Геральдический совет при Президенте РФ его не утвердил, и депутатам пришлось принимать его заново в другом виде и, самое печальное, без изображения винта от корабля, что немаловажно для города кораблестроителей. Оказывается, по правилам геральдики нельзя изображать винт корабля.

Характерным для этого момента являются рассуждения А.Н. Лебедева, который, соглашаясь с положением о том, что Конституция Российской Федерации относит Основной закон субъекта Российской Федерации к ведению субъекта Российской Федерации, поскольку субъект Российской Федерации самостоятелен в его принятии, отсутствует процедура согласования, утверждения или одобрения со стороны Федерации. С другой стороны, название Основного закона субъекта Российской Федерации (конституция, устав) и содержание его норм должны соответствовать нормам Конституции Российской Федерации в части установления статуса субъекта Российской Федерации (п. «а» ч. 1 ст. 72). Поэтому содержание норм основного закона субъекта Российской Федерации относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации. Таким образом, Основной закон субъекта Российской Федерации одновременно является как предметом исключительного ведения субъекта Российской Федерации (порядок принятия, изменения), так и предметом совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации (название акта, содержание норм) [4].

Обратимся к законодательству Республики Татарстан. Конституция Республики Татарстан в ст. 121 закрепляет: «Республика Татарстан имеет Государственный герб, Государственный флаг и Государственный гимн – официальные символы, выражающие суверенитет Республики Татарстан, самобытность и традиции народа Татарстана.

Описание государственных символов Республики Татарстан и порядок их официального использования устанавливаются законом Республики Татарстан». А ст. 64 Конституции РФ устанавливает: «Долг каждого в Республике Татарстан – уважительно относиться к государственным символам Российской Федерации и Республики Татарстан.

Публичное проявление неуважения к государственным символам Республики Татарстан влечет ответственность, предусмотренную законом».

На основе данного правового предписания в Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях включена ст. 2.4 «Незаконные действия по отношению к государственным символам Республики Татарстан».

«Публичное проявление неуважения к Государственному гербу или Государственному флагу Республики Татарстан, выражающееся в нанесении оскорбительных надписей, в повреждении, уничтожении, либо использование Государственного герба, Государственного флага, Государственного гимна Республики Татарстан такими способами, которые указывают на явное к ним пренебрежение, а равно использование их с нарушением установленных правил – влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц – от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда» [5, ст. 2.4].

Состав административного правонарушения был сформулирован[2]. А кто в субъектах Российской Федерации контролирует соблюдение законодательства о государственных символах? Я тут всегда вспоминаю смешной эпизод в своей практике. После принятия флага Республики Татарстан изготовили определенное количество флагов и направили в города и районы. К одному из заместителей главы администрации уже упомянутого мною города обращается директор школы и спрашивает, как вывесить флаг, зеленой или красной стороной вверх. Тот отвечает: «Слушай, позвони хазрату, то есть мулле, он тебе ответит». В Республике Татарстан контроль за использованием наименования «Республика Татарстан» возложен на Министерство юстиции Республики Татарстан, а за соблюдением законодательства о символах Республики Татарстан – на органы внутренних дел. Безусловно, возложение на органы внутренних дел данного права обоснованно. Однако контроль за использованием их с нарушением установленных правил на какой-либо орган не возложен. А такие нарушения, к сожалению, сплошь и рядом.

К сожалению, герб и флаг Республики Татарстан были подвергнуты судебному преследованию: хотелось бы довести материалы и выводы Верховного Суда Российской Федерации.

Прокурор Республики Татарстан обратился в Верховный Суд Республики Татарстан с заявлением, где просит признать противоречащей федеральному законодательству ст. 11 Закона Республики Татарстан «О мировых судьях в Республике Татарстан» в редакции «В зале заседаний мировых судей устанавливается Государственный флаг Республики Татарстан и помещается изображение Государственного герба Республики Татарстан» в связи с отсутствием обязательности установления флага и герба Российской Федерации в зале судебных заседаний мирового судьи.

Ст. 11 Федерального закона от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» закрепляет: «В зале судебных заседаний мировых судей помещается Государственный флаг Российской Федерации и изображение Государственного герба Российской Федерации, а также может устанавливаться флаг и помещаться изображение герба соответствующего субъекта Российской Федерации» [6, ст. 11]. Практически все республики воспроизвели эту норму в своих законах. Как видим, в Законе Республики Татарстан упоминание о Государственном флаге и Государственном гербе Российской Федерации отсутствует. На наш взгляд, какого-либо разрешения, утверждения в виде принятия нормативного предписания для помещения в зал заседаний мирового судьи Государственного флага и Государственного герба Российской Федерации со стороны республик не требуется. Тем более ст. 70 Конституции РФ определяет: «Государственный флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и **порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом**» (*выделено автором*). На основании этого приняты Федеральные конституционные законы «О Государственном гербе Российской Федерации» и «О Государственном флаге Российской Федерации», где установлен порядок официального использования герба и флага, в том числе в зале судебного заседания. Тем не менее Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает данную норму Закона Республики Татарстан противоречащей федеральному законодательству и в решении указывает, что «субъект РФ не вправе регламентировать вопрос о собственных символах государственной власти без указания о том, что эти символы устанавливаются наряду с символами государственной власти Российской Федерации». Извините, а в каком федеральном законе такая обязанность субъектов Российской Федерации закреплена?

Это непоследовательное решение достойно полемики и должно стать предметом рассмотрения Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Надеемся, что предлагаемые выводы и рекомендации получат признание со стороны федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ.

Литература:

1. Братановский С.Н., Галицкая Н.В. Предметы ведения и полномочия Российской Федерации и ее субъектов // Гражданин и право. – 2022. – № 10-12. – С. 14–21.
2. Безруков А.В. К вопросу о понятии государственной символики в законодательных актах субъектов Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 28–36.

[2] Автор был руководителем группы по подготовке проекта Кодекса Республики Татарстан об административных правонарушениях.

3. Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4. – С. 110–121.
4. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации: (Основы концепции, конституционная модель, практика). – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. – 197 с.
5. Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19.12.2006 г. № 80-ЗРТ. – URL: https://docs.cntd.ru/document/543596642
6. Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // СПС Гарант.

State Symbols of the Republic of Tatarstan: Legislation and Judicial Practice

Kurmanov M.M.
Kazan Institute (branch) of the VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic lies in the fact that the Constitution of the Russian Federation in Articles 71, 72 does not include the symbols of the constituent entities of the Russian Federation both as subjects of jurisdiction of the Russian Federation and as subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, and, accordingly, its own legal regulation, including the adoption of laws and other regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation, a generalization of judicial practice in this area is of practical and scientific interest.

The results of the study showed that the subjects of the Russian Federation are limited in the adoption of symbols, since symbols are subject to registration in the Heraldic Council under the President of the Russian Federation, and, as the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation established: "a subject of the Russian Federation does not have the right to regulate the issue of its own symbols of state power without instructions that these symbols are established along with the symbols of state power of the Russian Federation."

We hope that the proposed conclusions and recommendations will receive recognition from federal government bodies, government bodies of the constituent entities of the Russian Federation and science.

Key words: symbols of the subjects of the Russian Federation, coat of arms, flag, anthem of the subject of the Russian Federation

УДК 340:115:7

Процессуальное принуждение в юрисдикционнном процессе

Курносова В.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Чулюкин Л.Д.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию института процессуального принуждения в юрисдикционном процессе. Актуальность исследования вызвана правоограничительной природой процессуального принуждения и необходимостью ввиду этого установления четких условий и границ его применения, а также отсутствием единого законодательного подхода к данной категории. Целью проведенной работы является всестороннее исследование процессуального принуждения в отдельных видах юрисдикционных процессов, установление общих закономерностей с целью обоснования общих теоретических конструкций рассматриваемого явления. Научной и практической значимостью работы стало формирование целостного представления о закономерностях становления мер процессуального принуждения в российском праве, а также выявление необходимости четкого закрепления в действующем законодательстве единого подхода к понятию «мера процессуального принуждения». Авторами также выявлены субъекты и объекты применения мер процессуального принуждения, проведена их классификация по степени роли их участия в реализации целей и задач правосудия. В заключении авторами сделан вывод о необходимости установления четких процедур обжалования мер процессуального принуждения как гаранта защиты против недобросовестного поведения участников процесса и доступа к правосудию.

Ключевые слова: юрисдикционный процесс, процессуальное принуждение, меры пресечения, суд, правосудие, процессуальная ответственность

Становление и развитие мер процессуального принуждения неразрывно связано со становлением юридического процесса со времен древнерусского права. Одной из первых мер процессуального принуждения являлось поручительство, что было связано с сильным влиянием родовой общины в системе мер юридической ответственности. Постепенно начинает развиваться такая мера процессуального принуждения, как содержание во дворе у пристава (в сарае, яме и т.п.), получившее название «отдача за пристава». Соборное уложение 1649 г. среди основных мер процессуального принуждения упоминает тюремное заключение, применявшееся воеводами.

В период нового времени находит свое развитие идея разграничения мер уголовно-процессуального принуждения и мер уголовного наказания и появляются такие меры процессуального принуждения,

как содержание в тюрьме и при полиции, отдача на поруки, полицейский надзор и домашний арест.

Детальное развитие система мер процессуального принуждения Нового времени получила в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Это было связано в том числе и с развитием независимости судебной власти. Так, среди мер процессуального принуждения в упомянутом Уставе появляются: 1) отобрание вида на жительство или подписка о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу.

Следующим этапом развития мер процессуального принуждения в российском праве можно выделить советский период и первые процессуальные кодексы. Так, получают свое развитие: привод, наложение ареста на имущества, отстранение от должности, обязательство о явке, денежное взыскание и иные меры процессуального принуждения, нашедшие свое место и в современном процессуальном законодательстве [1, с. 117].

Под процессуальным принуждением принято традиционно понимать деятельность компетентных органов, связанную с применением мер воздействия к субъекту юридического процесса, с целью обеспечения защиты правопорядка, предупреждения и устранения противоправного поведения.

Меры процессуального принуждения не следует отождествлять с мерами процессуальной ответственности, представляющей собой меры процессуального воздействия на виновное лицо, нарушившее правопорядок, с целью применения к нему правоограничений.

На сегодняшний день современное российское законодательство не содержит единого закрепления понятия «мера процессуального принуждения». Данное определение мы можем обнаружить лишь в Кодексе административного судопроизводства РФ, понимающего под мерами процессуального принуждения установленные данным Кодексом действия, которые применяются к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства. Однако данное понятие отсутствует в российском гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве, хотя и содержащем перечень данных мер.

Мера процессуального принуждения, по нашему мнению, это предусмотренное законом средство воздействия на участников юридического процесса с целью предотвращения возможных препятствий для осуществления целей и задач правосудия. Меры процессуального принуждения являются видом мер государственного принуждения, однако отождествлять данные категории считаем невозможным. Данные меры применяются только в рамках юридического процесса и к его участникам в случаях, если их поведение может препятствовать реализации целей и задач правосудия. Такие меры используются в качестве средства обеспечения реализации участниками судопроизводства своих законных обязанностей. Таким образом, основанием применения мер процессуального принуждения является реализация целей и задач судопроизводства в целом: своевременное производство процессуальных действий, обеспечение надлежащего поведения, а также пресечение неправомерного поведения участников процесса и злоупотребления правом с их стороны, гарантия исполнения и исполнимости решения суда.

В зависимости от характера воздействия меры процессуального принуждения можно разграничить на две группы: правоограничения личного и имущественного характера.

К первой группе принято относить: задержание подозреваемого, заключение под стражу, подписка о невыезде, домашний арест, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым, привод, временное отстранение от должности, запрет определенных действий, ограничение от имени суда выступления участника судебного разбирательства, предупреждение или удаление из зала судебного заседания, лишение участника судебного разбирательства слова. К правоограничениям имущественного характера относятся: судебный штраф, залог, денежное взыскание. Кроме того, меры процессуального принуждения можно разделить по отраслевому признаку: уголовно-процессуальные меры, административно-процессуальные меры и гражданско-процессуальные меры.

Применение мер процессуального принуждения отнесено к компетенции государственных органов или должностных лиц, в чьи правомочия входит возможность применения мер процессуального принижения. Вопрос о разграничении этих субъектов является дискуссионным, ввиду отсутствия в процессуальном законодательстве четкого перечня лиц, наделенных такими компетенциями [2, с. 253].

По нашему мнению, представляется возможным выделить два вида субъектов, наделенных правом применять меры процессуального принуждения. К первому относится непосредственно сам суд (судья), а ко второму виду относятся лица, содействующие правосудию: пристав, следователь, дознаватель, прокурор, орган дознания. В основу проведенной нами классификации легли цели и задачи конкретной процедуры, реализуемой в ходе юридического процесса, объем правомочий и статус субъекта, а также его роль в процессе установления правосудия.

Объектами же применения мер процессуального принуждения выступают сами субъекты правоотношений: физические и юридические лица, к которым непосредственно применяются данные меры.

Исходя из их роли и целей участия в юридическом процессе, среди указанных лиц можно выделить непосредственные стороны юридического процесса и иных участников. К первой группе относятся истец и ответчик в гражданском процессе, подозреваемый обвиняемый. Вторую группу составляют иные участники юридического процесса: понятой, свидетель, эксперт, специалист, третьи лица, потерпевший, гражданский истец и ответчик. В основу данной классификации взят правовой статус субъектов, а также цели и задачи их непосредственного участия в процессе, преследуемый ими законный интерес, а также роль в ходе установления истины по делу.

Далее следует отметить, что по своей сущности меры процессуального принуждения представляют собой инструменты ограничения прав и свобод граждан, поэтому для их применения необходимо законное основание и правоприменительный акт компетентного органа о применении данной меры [3, с. 54].

Меры процессуального принуждения являются по своей сущности правоприменительными актами, что предопределяет формы их процессуальной фиксации. Правоприменительные акты о назначении мер процессуального принуждения издаются в установленной законом форме. Как правило, такие акты предполагают письменную форму и издаются в форме определений суда. Однако законом может быть предусмотрена и устная форма, например, в случае предупреждения и удаления из зала судебного заседания.

Выбор правоприменителем меры процессуального принуждения должен основываться на принципах законности, соразмерности и целесообразности и отвечать целям и интересам правосудия в каждом конкретном деле, что связано с дискреционным характером полномочий правоприменителя по данному вопросу. Таким образом, применение той или иной меры процессуального принуждения связано с объективным соотнесением избираемой меры с характером содеянного, причиненного вреда, личности лица, к которому применяется данная мера, с целями и задачами правосудия, а также возможными угрозами в реализации его целей и задач [4, с. 8].

Правоограничительная природа мер процессуального принуждения предопределяет в законодательстве наличие процессуального порядка их обжалования с целью обеспечения соблюдения гарантий защиты прав и свобод личности. Российское процессуальное законодательство предусматривает такую процедуру путем подачи представления прокурора, частной жалобы или апелляционной жалобы на определение суда. При этом такая мера пресечения, как удаление участника из судебного заседания, не предусматривает возможности самостоятельного обжалования (ввиду устной формы такой меры), однако незаконное и необоснованное применение данной меры может стать процессуальным основанием для апелляционного обжалования решения суда в целом.

Таким образом, правоограничительная природа мер процессуального принуждения определяет практическую необходимость единого и четкого законодательного закрепления подхода к понятию «мера процессуального принуждения», отражавшего цели и задачи применения данных мер и определявшего перечень субъектов и объектов ее применения. Актуальность и дискуссионность рассматриваемого вопроса также связана с размытостью законодательно определенных рамок оснований применения мер процессуального принуждения, ограниченных дискреционными полномочиями самого правоприменителя. Система мер процессуального принуждения является важнейшим гарантом в реализации целей и задач правосудия и призвана обеспечивать защиту против недобросовестного и неправомерного поведения участников юридического процесса, реализации целей и задач, стоящих перед судопроизводством. Данные обстоятельства подтверждают необходимость единого законодательного закрепления понятий, категорий и процедур, связанных с применением мер процессуального принуждения.

Литература:

1. Манджиева Е.В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России // Академическая мысль. – 2018. – № 4 – С. 117–119.
2. Кипрова Т.Н. Субъекты исполнения мер процессуального принуждения // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 254–257.
3. Загидуллин М.Р. Процессуальная ответственность в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 1. – С. 54–59.

4. Решетникова И.В. Унификация процессуального законодательства. Ждать ли революций?! // Законы России. – 2015. – № 3. – С. 3–9.
5. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 701 с.
6. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М.: Наука, 1989. – 252 с.

Procedural Coercion in Jurisdictional Proceedings

Kurnosova V.V., Chulyukin L.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article is devoted to the study of the institution of procedural coercion in the jurisdictional process. The relevance of the study is caused by the law-restrictive nature of procedural coercion and the need, in view of this, to establish clear conditions and boundaries of its application, as well as the lack of a unified legislative approach to this category. The purpose of the work carried out is a comprehensive study of procedural coercion in certain types of jurisdictional processes, the establishment of general patterns in order to substantiate the general theoretical constructs of the phenomenon under consideration. The purpose of the work carried out is a comprehensive study of procedural coercion in certain types of jurisdictional processes, the establishment of general patterns in order to substantiate the general theoretical constructs of the phenomenon under consideration. The scientific and practical significance of the work was the formation of a holistic understanding of the patterns of formation of procedural coercion measures in Russian law, as well as the identification of the need to clearly consolidate a unified approach to the concept of "procedural coercion measure" in the current legislation. The authors also identified the subjects and objects of the application of procedural coercion measures, and classified them according to the degree of the role of their participation in the implementation of the goals and objectives of justice. In conclusion, the authors concluded that it is necessary to establish clear procedures for appealing procedural coercion measures as a guarantor of protection against dishonest behavior of participants in the process and access to justice.

Key words: jurisdictional process, procedural coercion, preventive measures, court, justice, procedural responsibility

УДК 342.553:342.5

Правовая основа местного самоуправления: современное состояние и проблемы регулирования

Лихачев А.С.
Аспирант кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета (Йошкар-Ола)

Европейская хартия местного самоуправления долгое время составляла правовую основу местного самоуправления в России. Однако в связи с прекращением в 2023 г. ее действия качественно изменится роль российского законодательства в области местного самоуправления, что потребует оценки его состояния в современных условиях. Особое внимание в исследовании уделяется законодательным новеллам, ставшим следствием внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации и, безусловно, влияющим на процессы, происходящие на муниципальном уровне. Анализ законодательства показал наличие не только позитивного начала преобразований, но и ряд проблем, изучение которых стало целью исследования. В работе дается авторская оценка сложному процессу регулирования местного самоуправления и отдельным изменениям действующей организации местного самоуправления, в частности, переходу на одноуровневую территориальную основу. В статье предлагаются пути по совершенствованию существующего правового механизма. Трансформация местного самоуправления, по мнению автора, возможна только с непосредственным сохранением тесной связи между населением и местной властью. Научная новизна исследования заключается в выявлении недостатков в новых законодательных нормах и обосновании рисков от реализации некоторых законодательных положений.

Ключевые слова: местное самоуправление, Европейская хартия местного самоуправления, Конституция Российской Федерации, муниципальный правовой акт, правотворческая инициатива граждан

Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» Россия прекратила в отношении себя действие Европейской хартии местного самоуправления от 15.10.1985 г. Данный шаг являлся вынужденным для нашего государства. Таким образом, завершилось почти 25-летнее сотрудничество России с Советом Европы, длившееся с апреля 1998 г. «Положительным моментом данного сотрудничества можно считать построение новой системы местного самоуправления» [1, с. 48] в молодом государстве, где еще десять лет назад (на момент ратификации Европейской хартии местного самоуправления) самоуправления не существовало.

Некоторые ученые опасаются, что в текущей ситуации «местное самоуправление в России может стать обычным низовым звеном организации государственной власти» [2, с. 203], выражая ее интересы и обеспечивая реализацию решений государственных органов власти, отходя от решения вопросов населения. Однако Россия уже накопила достаточный самостоятельный опыт реализации и организации местного самоуправления, а потому подобные опасения могут быть преждевременными.

Многие положения Хартии нашли прямое отражение в Конституции России. В частности, публичная природа полномочий органов местного самоуправления, отмеченная Хартией, неоднократно подчеркивалась Конституционным Судом России, а затем была задекларирована и в Конституции страны, став «самым близким к гражданам уровнем публичной власти» [3, с. 209].

Однако в целом Конституция России, определяя принципы самостоятельности местного самоуправления, его финансирования и права на судебную защиту, а также регулируя вопросы территориальной организации местного самоуправления, оказалась более прогрессивным документом, так как данные нормы содержались в первоначальной редакции Основного закона страны и их использование не было связано с ратификацией Хартии. Более того, Конституция России в некоторых положениях явилась более совершенным правовым регулятором самоуправления. Так, Хартия закрепила общее понятие местного самоуправления, под которым понимала право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею [4], тогда как в России местное самоуправление осуществляется гражданами лично или через органы местного самоуправления. То есть источник муниципальной власти – это население страны, а органы местного самоуправления – механизм, фактически способ реализации такой власти.

В условиях правовой трансформации местного самоуправления Конституция России, признавая и гарантируя местное самоуправление, становится основным документом и источником правового регулирования местного самоуправления. Нормы о местном самоуправлении преимущественно распределены в тексте Конституции в первой главе, посвященной основам конституционного строя, второй – «права и свободы человека и гражданина» и восьмой главе, непосредственно регулирующей местное самоуправление.

«Включение местного самоуправления в единую вертикаль публичной власти еще более подчеркнуло необходимость сохранения и развития гражданских начал муниципального сообщества» [5, с. 52]. Данные изменения свидетельствуют о постепенном «сближении понятий государственного и муниципального управления» [6, с. 93]. Таким образом, местное самоуправление представляет собой широкое и многоаспектное явление, потенциал которого в развитие норм Конституции должен совершенствовать федеральное законодательство.

При этом целью законодательного регулирования местного самоуправления должно стать устранение правовых барьеров для взаимодействия местного самоуправления с государственной властью, которое реализуется с учетом двух важных принципов: самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий и того, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Принятый Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) был направлен на решение проблемы удаленности населения от органов местного самоуправления и повышение качества деятельности местной власти, но сегодня, спустя 20 лет после принятия, данный закон представляет собой «лоскутное одеяло» [7, с. 458], «многочисленные изменения продемонстрировали отход от изначально закрепленной концепции развития местного самоуправления» [8, с. 162].

Федеральный закон № 131-ФЗ выступает основным правовым регулятором отношений в сфере местного самоуправления [9, с. 440], своевременно подвергаясь актуализации и корректировке с учетом запросов времени и общества. Таким образом, он за более чем двадцатилетний период своего действия стал основой развития муниципально-правовых отношений, однако на смену ему в рамках реализации поправки к Конституции России подготовлен проект Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – законопроект).

Основной новеллой данного законопроекта становится внедрение одноуровневой системы местного самоуправления, что отражает принцип централизации власти, указывая на принципиально новое понимание местной власти законодателем [10, с. 60]. Также замена в определении понятия местного самоуправления вместо термина «власть народа» размытым термином «самоорганизация населения» может в конечном итоге сказаться на качестве самоуправления. При этом нельзя забывать об уже сложившейся практике местного самоуправления и его правовом регулировании, указывающих на необходимость сохранения в том числе поселенческой основы местного самоуправления.

В этой связи до принятия законопроекта следует обратить внимание на сложившееся правовое регулирование местного самоуправления на уровне субъектов Российской Федерации.

Фактически градация нормативных правовых актов на субъектовом уровне идентична российскому уровню. В качестве основы здесь выступает Конституция (Устав) субъекта, определяющая аналогичные Конституции страны принципы организации местного самоуправления в пределах субъекта. Во исполнение Конституций (Уставов) субъекта принимаются необходимые законы.

Так, например, в Республике Марий Эл действуют Закон Республики Марий Эл от 4 марта 2005 г. № 3-З «О регулировании отдельных отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления в Республике Марий Эл», Закон Республики Марий Эл от 18 июня 2004 г. № 15-З «О статусе, границах и составе муниципальных районов, городских округов в Республике Марий Эл» и Закон Республики Марий Эл от 28 декабря 2004 г. № 62-З «О составе и границах сельских, городских поселений в Республике Марий Эл». Также в субъекте право-

вую основу местного самоуправления составляют подзаконные правовые акты. Однако данным уровнем система правового регулирования местного самоуправления не исчерпывается, поскольку помимо нее сложилась самостоятельная система муниципальных правовых актов.

На сегодняшний день при реализации двухуровневой модели организации местного самоуправления муниципальный район является наиболее сложным по своей структуре видом муниципального образования, который состоит из поселений, выступающих самостоятельными муниципальными образованиями. Учитывая сложность административно-территориального устройства муниципальных районов, следует отметить достаточно разветвленную систему муниципальных нормативных правовых актов, действующих на различного уровня территориях.

Так, правовой основой выступают решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, а также уставы муниципальных образований. Каждое поселение в составе муниципального района имеет свой устав. Данные нормативные правовые акты обладают прямым действием и применяются на всей территории соответствующего муниципального образования. Некоторые ученые, отмечая, что законодательством устав провозглашен «краеугольным камнем местного самоуправления» [11, с. 16], указывают на ограничение свободы уставного регулирования Федеральным законом № 131-ФЗ, в частности, его ст. 44.

Следующими по юридической силе в системе муниципальных правовых актов идут нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования. Среди них можно выделить важнейшие решения по принятию устава, регулированию местного бюджета, установлению местных налогов и сборов и т.д.

Местная администрация, выполняя функции исполнительного органа, издает акты, нацеленные на непосредственное решение вопросов местного значения. Практически «основная функция исполнительно-распорядительного органа – это осуществление повседневной управленческой, организационной деятельности» [12, с. 3].

Обеспечение близости органов местного самоуправления к населению той территории, на которую распространяется местная власть, – это важное условие существование местной власти как таковой. За счет системы муниципальных правовых актов, в частности, достигается обеспечение связи между населением и органами местного самоуправления.

Правотворческий процесс в контексте создания правовых основ местного самоуправления представляется важнейшей функцией, которой обладают органы местного самоуправления. Еще одной особенностью местного самоуправления является наличие правотворческой инициативы со стороны граждан. Так, группа граждан вправе внести проект муниципального нормативного правового акта. Данный вид реализации непосредственной демократии «можно было бы считать разновидностью коллективного обращения граждан» [13, с. 370], но у такого механизма, как правотворческая инициатива, есть существенные правовые отличия, например, предмет, который заключается в создании гражданами полноценного проекта муниципального правового акта, тогда как обращение ставит своей целью в большинстве случаев решение каких-либо проблем.

Минимальная численность такой группы людей «не может превышать 3 % от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом» [14]. В Республике Марий Эл муниципальное правовое регулирование данного вопроса решается следующим образом: в г. Козьмодемьянске минимальная численность инициативной группы – 25 чел., а в г. Йошкар-Оле – 1 % от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом. Таким образом, вопрос доступности данного механизма целиком и полностью зависит от муниципальных органов. При его решении необходимо сохранять определенный баланс. Подобная инициатива не должна быть, с одной стороны, труднодоступной и сводящей к минимуму инициативу населения по предложению проекта муниципального акта. С другой стороны, правотворческая инициатива граждан должна отражать мнение достаточного числа населения, чтобы быть принятой во внимание. Следовательно, с правовой точки зрения данный механизм участия населения в правотворческом процессе видится требующим доработки и корректировки.

Вместе с тем произошедшие конституционные изменения во взаимосвязи с уже действующим регулированием в федеральном законодательстве только усилили и без того существенное «государственное управление в организационных основах местного самоуправления» [15, с. 355]. Наличие же стройной системы муниципальных актов, которая формировалась последние десятилетия, во главе с уставом представляется необходимейшим элементом правового регулирования местного самоуправления. Вместе с тем следует признать, что муниципальные акты не обладают всей полнотой свободы регулирования, будучи вынужденными дублировать региональное и федеральное законодательство.

Таким образом, в сфере правовой регламентации местного самоуправления существует целый комплекс проблем. В их числе, по нашему мнению, следует назвать многоуровневость регулирования – фактически существует три системы регулирования – государственный (федеральный и субъекта Федерации) и муниципальный. Особняком стоят иници-

ативы, исходящие от населения, решения, принятые на сходах и местных референдумах. Подобное правовое разнообразие может свидетельствовать об усложнении системы правового регулирования местного самоуправления и необходимости совершенствования данного механизма.

Следовательно, существенным условием развития не только местного самоуправления, но и государства в целом выступает гармонизация всего правового регулирования и гармонизация взаимоотношений внутри единой системе публичной власти, в основе которых должен лежать приоритет интересов населения. Именно наличие стройной и выверенной структуры правовых актов есть залог развития самоуправления, обеспечения его качества, повышения уровня жизни людей. Взаимодействие всех элементов системы не должно сводить местные инициативы и муниципальное правовое регулирование в механическое копирование региональных и федеральных правовых актов, так как каждый муниципалитет при реализации своих полномочий имеет свои особенности, что и должно получать отражение посредством собственной правовой регламентации.

Литература:

1. Гарифуллин Р.Р., Аминов И.Р. Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. – 2022. – № 5. –С. 36–41.
2. Худолей К.М. Изменения в законодательстве об организации местного самоуправления // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 190–203.
3. Михеева Т.Н., Габдрахманова Э.Г. О некоторых проблемах муниципально-правовой ответственности // Образование и право. – 2021. – № 4. – С. 208–211.
4. Европейская хартии местного самоуправления от 15.10.1985 // СЗ РФ. – 1998. – № 36. – Ст. 4466.
5. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Развитие местного самоуправления как фактор совершенствования системы публичной власти в России // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2023. – № 3. – С. 39–59.
6. Адонина С.Ю., Михеева Т.Н. Местное самоуправление в реформе публичной власти // Образование и право. – 2023. – № 3. – С. 92–96.
7. Лаврентьев А.Р. Изменения в законодательстве о местном самоуправлении: резервы исчерпаны // Юридическая техника. – 2023. – № 17. –С. 455–459.
8. Казанцева О.Л., Кузина Е.В.. Местное самоуправление в системе российской государственности: проблемы и перспективы // Правоприменение. – 2022. – № 6(3). – С. 161–171.
9. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. Некоторые размышления по поводу 20-летия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2023. – № 23 (4). – С. 439–445.
10. Зимина Н.В. Современное реформирование местного самоуправления: политологический анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2022. – № 28 (3). – С. 57–62.
11. Голещихин В.С. Институт уставов муниципальных образований как сакральный рудимент федерального законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5(138). – С. 11–20.
12. Хазиева Э.М., Бадретдинов И.Р. Полномочия и правовые акты местной администрации // StudNet. – 2021. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-i-pravovye-akty-mestnoy-administratsii (дата обращения: 12.12.2023).
13. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. – М.: Юстицинформ, 2022. – 484 с.
14. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
15. Русаков М.И., Цветков В.В. Понятие организационных основ местного самоуправления в России и его современное конституционное регулирование // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 351–355.

Legal Basis of Local Self-Government: Current State and Problems of Regulation

Likhachev A.S.
Mari State University (Yoshkar-Ola)

The European Charter of Local Self-Government has long been the legal basis of local self-government in Russia. However, due to the termination of its operation in 2023, the role of Russian legislation in the field of local government will change qualitatively, which will require an assessment of its state in modern conditions. The study pays special attention to legislative innovations that resulted from amendments to the Constitution of the Russian Federation introduced in 2020 and, of course, affect the processes taking place at the municipal level. The analysis of the legislation showed the presence of not only a positive beginning of transformations, but also a number of problems, the study of which became the purpose of the study. The study provides an author's assessment of the complex process of regulating local self-government and individual changes in the current organization of local self-government, in particular, the transition to a single-level territorial basis. The paper suggests ways to improve the existing legal mechanism. According to the author, the transformation of local self-government is possible only with the direct preservation of a close relationship between the population and local authorities. The scientific novelty of the study is to identify shortcomings in the new legislative norms and substantiate the risks from the implementation of certain legislative provisions.

Key words: local self-government, European Charter of Local Self-Government, Constitution of the Russian Federation, municipal legal act, law-making initiative of citizens

УДК 343.1

Полномочия прокурора в процессе применения мер безопасности в стадии предварительного расследования

Маслова Т.Н.
Старший помощник прокурора Вахитовского района города Казани прокуратуры Республики Татарстан, младший советник юстиции

Прокурорский надзор является эффективным правовым инструментом выявления и устранения фактов нарушения прав и законных интересов личности, интересов общества и государства в уголовно-процессуальной деятельности. Содержание ст. 37 УПК РФ включает достаточный перечень правомочий прокурора в уголовном процессе. Особое внимание, как мы считаем, должно уделяться надзору за процессом обеспечения безопасности участников предварительного расследования.

В качестве цели статьи определено выявление проблем и предполагаемое их решение в процессе прокурорского надзора за применением мер безопасности в стадии предварительного расследования по уголовному делу. Задачи – представить анализ и сопоставление правовых актов (норм УПК РФ, Закона № 119-ФЗ и др.), регулирующих обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства; определить специфику прокурорского надзора за применением мер безопасности в предварительном расследовании. Представленный анализ определяет основные направления развития и совершенствования прокурорского надзора в сфере уголовно-процессуальной деятельности. Усиление гарантий процесса обеспечения безопасности участников уголовного процесса с позиций надзорной деятельности прокурора непосредственно связано с достижением цели уголовного судопроизводства.

К основным результатам исследовательской работы можно отнести определение основных элементов предмета прокурорского надзора за обеспечением безопасности участников в стадии предварительного расследования.

Ценность проведенного исследования отражается в оригинальности постановки проблемы – прокурорского надзора за обеспечением безопасности личности в стадии предварительного расследования. Сформулировано авторское видение содержания предмета прокурорского надзора в данной сфере.

Ключевые слова: меры безопасности, защита потерпевших и свидетелей, прокурорский надзор, уголовное дело

Актуальность проблематики прокурорского надзора за применением мер безопасности участников уголовного процесса в стадии предварительного расследования обусловлена обязанностью государства по защите прав и законных интересов личности (ст. 2 Конституции РФ) [1, с. 110–113]. Осуществление контроля за правильным применением закона, в данном случае уголовно-процессуального, является важной гарантией достижения цели уголовного судопроизводства, обеспечения эффективности уголовно-процессуального доказывания и защиты участников производства по уголовному делу. Законом установлена совокупность гарантий личности в уголовном судопроизводстве, участникам – на их личную и имущественную безопасность, а также работникам правоохранительных органов.

Для того чтобы более подробно раскрыть полномочия прокурора в процессе применения мер безопасности в стадии предварительного расследования, а также при его окончании, необходимо понять, что из себя представляет дефиниции: «прокурор», «предварительное следствие», «меры по обеспечению безопасности субъекта», «обеспечение безопасности».

Прокурор традиционно понимается как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе проведения уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью таких органов, как дознание и предварительное следствие [2]. Отметим, что влияние прокурора при осуществлении прокурорского надзора было существенно ограничено на основании Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» [3], положения которого вызвали острую дискуссию, не утихающую по настоящее время [4; 5, с. 431–435; 6, с. 33–39]. Как полагаем, прокурор должен быть наделен необходимыми полномочиями по надзору за проведением предварительного расследования и выявлением нарушений закона при проведении процессуальной деятельности дознавателя и следователя.

В системе уголовно-процессуальных стадий предварительное расследование определяет досудебную подготовку достаточности доказательств и виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

Эта уголовно-процессуальная деятельность обусловлена возможным противоправным оказанием воздействия на участников процесса с целью воспрепятствования собиранию доказательств. Для предотвращения этого негативного влияния законом предусмотрены уголовно-процессуальные меры безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), а также иные процессуальные меры защиты участников уголовного процесса [7]. Вместе с тем не исключаем возможности незаконного или необоснованного отказа в реализации таких мер со стороны дознавателя или следователя либо, наоборот, их применение в случаях, когда отсутствуют предпосылки для принятия такого процессуального решения. В такой ситуации прокурорский надзор, как полагаем, имеет важное значение. От своевременности исправления процессуальных ошибок применения мер безопасности к участникам предварительного расследования, выявленных прокурором в процессе его надзора, зависит перспектива раскрытия преступления и установления виновного лица.

Общепринятым считается определение мер по обеспечению безопасности как процессуальных и иных средств «по защите участников уголовного процесса, членов их семей и близких при наличии реальной угрозы осуществления противоправных действий в отношении их в связи с участием в уголовном процессе» [8, с. 15]. По нашему мнению, это определение может быть несколько расширено. Качество таких мер имеет процессуальный и внепроцессуальный характер, они могут применяться только при наличии определенных законом предпосылок (повода и основания их применения). Кроме того, качество и содержательность угрозы участнику уголовного процесса также имеет важное значение.

Дознаватель, следователь и иные должностные лица обязаны своевременно принять все необходимые (достаточные) и установленные законом меры по эффективной и своевременной защите прав и законных интересов свидетелей, потерпевших, а также осуществлять защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, поскольку человек, его права и свободы являются высшим благом. В этом контексте право на безопасное участие в уголовном деле является частью совокупности конституционных прав личности.

В ст. 37 УПК РФ установлен, как полагаем, достаточный перечень полномочий прокурора по надзору за проведением предварительного расследования:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий.

Помимо уголовно-процессуальных норм, деятельность прокурора основывается на Федеральном законе от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [9], который регламентирует надзорные правомочия прокурора на стадии предварительного расследования и при его окончании. Проанализировав данный нормативно-правовой акт, можно сделать вывод, что прокурор при выявлении нарушения норм права органом дознания (дознавателем) обязан лично вмешаться в производство дознания, отменить незаконное решение и исправить допущенную ошибку. Обжалование указаний надзирающего прокурора вышестоящему прокурору при производстве дознания не приостанавливает их исполнения.

По нашему мнению, к перечню мер безопасности, которые могут быть применимы в стадии предварительного расследования, следует отнести:

1) неуказание персональных сведений защищаемых лиц в бланке заявления о совершенном или готовящемся преступлении, составленных процессуальных актах, протоколах следственных и иных процессуальных действий;

2) изъятие настоящих персональных данных участника процесса из материалов уголовного дела и присвоение псевдонима защищаемому лицу (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) [10, с. 480–486];

3) предупреждение участников уголовного процесса и иных лиц, которые могут присутствовать при производстве следственных и иных процессуальных действий, об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования, включая сведения о защищаемых участниках производства по уголовному делу (ст. 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ);

4) возможность предъявления для опознания не личности обвиняемого, а его фотографии или видеоизображения (как представляется, по общим правилам производства следственных действий проведение (замена) одного следственного действия вместо другого является недопустимым и влечет правовые последствия, указанные в ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Однако, по нашему мнению, если проведение опознания лица с обеспечением его безопасности невозможно, это обстоятельство должно расцениваться как допустимость опознания по фотографии);

5) предъявление личности подозреваемого, обвиняемого для опознания вне визуального контроля опознаваемого (такое условие возможно на основании ч. 8 ст. 193 УПК РФ) [11, с. 82–98];

6) опознание личности дистанционно с применением видеоконференцсвязи (ст. 189.1 УПК РФ);

7) проведение следственных действий с аудио- и видеопомехами с целью обеспечения безопасности и отсутствия возможности идентификации защищаемого лица;

8) использование в процессе производства по уголовному делу аудио- и видеозаписей показаний защищаемых лиц и их демонстрация подозреваемому или обвиняемому;

9) прослушивание телефонных и иных переговоров как защищаемых лиц, так и лиц, оказывающих противоправное воздействие (ч. 2 ст. 186 УПК РФ) [12, с. 20–33];

10) исключение из материалов дела перед ознакомлением с ним обвиняемого, защитника и из обвинительного заключения и его приложений сведений о защищаемых лицах;

11) уведомление защищаемых субъектов о принятии уголовно-процессуальных решений;

12) учет мнения защищаемых лиц при принятии ряда уголовно процессуальных решений [13].

13) выделение уголовного дела в отдельное производства в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) [14, с. 27–32].

14) применение меры пресечения в отношении обвиняемого по мотивам возможной угрозы с его стороны в отношении участников уголовного процесса (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) [15, с. 88–94].

В Законе о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [16] определены два запрета о разглашении конфиденциальных сведений: (1) о защищаемом лице, (2) о применяемых мерах безопасности. Отметим, что качество и содержательность указанных сведений, которые запрещается сообщать иным, посторонним лицам, не конкретизируется в законе. Как полагаем, такая детализация просто необходима, так как подробное перечисление конфиденциальных сведений – самостоятельная гарантия их секретности и обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Немаловажным представляется обеспечение участия защищаемого лица, которым может быть обвиняемый, подсудимый или осужденный, в рассмотрении жалоб на решения, принимаемые по уголовному делу. Так, осужденный Мальцев обжаловал приговор в кассационном порядке, затем он заявил ходатайство об участии в рассмотрении дела судом кассационной инстанции, которое поступило в Верховный Суд Российской Федерации 4 апреля 2006 г. Суд кассационной инстанции отказал осужденному в удовлетворении ходатайства об участии в рассмотрении дела. Президиум Верховного Суда РФ отметил, что «право осужденного на участие в рассмотрении дела судом кассационной инстанции было нарушено и уголовное дело подлежит передаче на новое кассационное рассмотрение» [17].

Прокурорский надзор во все времена является основной универсальной формой контроля со стороны государства за корректным исполнением всей действующей нормативно-правовой базы в нашем государстве.

Таким образом, на прокурора возлагается обязанность осуществления надзора за процессом применения мер безопасности в нескольких направлениях. Прежде всего, он обязан проверять не только (1) законность и (2) обоснованность, но и (3) своевременность вынесения процессуального решения о применении (отказе в применении, изменении) мер безопасности.

В предмет прокурорского надзора включается контроль как (1) уголовно-процессуальных мер безопасности, установленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, так и (2) внепроцессуальных (универсальных) мер государственной защиты, установленных в Федеральном законе от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государ-

ственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Инициатором прокурорского надзора в этом направлении может быть (1) дознаватель, следователь, которые обязаны направлять прокурору копии процессуальных актов, в том числе и о процессе безопасности лиц в уголовном деле, а также (2) участники производства по уголовному делу, которые нуждаются в обеспечении их личной и иной безопасности, имеющие право обжалования прокурору действий, бездействия и принимаемых решений о процессе безопасности.

Литература:

1. Епихин А.Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. – 2014. – № 6. – С. 110–113.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СПС Гарант.
3. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.
4. Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 10-16.
5. Татьянина Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрайт, 2011. С. 431–435.
6. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 33–39.
7. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – Сыктывкар: Сыктывк. ун-т, 2000. – 164 с.
8. Малахова Л.И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 4. – С. 14–18.
9. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.11.2022) // СЗ РФ. 1995. – № 47. – Ст. 4472.
10. Епихин А.Ю., Мишин А.В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29. № 4. – С. 480–486.
11. Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 82–98.
12. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Гришина Е.П. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей – жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 20–33.
13. Меры безопасности в досудебном производстве. – URL: https://megaobuchalka.ru/6/38613.html.
14. Чурилов С.Н. О некоторых вопросах института досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 27–32.
15. Епихин А.Ю. Заключение под стражу как средство обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста. Материалы Всерос. межведомственной науч.-практ. конф. – Нижний Новгород, 2011. – С. 88–94.
16. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
17. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.09.2013 г. № 125-П13ПР «Норма статьи 375 УПК РФ не лишает осужденного права заявить ходатайство об участии в рассмотрении дела не в кассационной жалобе, а в порядке, предусмотренном главой 15 УПК РФ» (документ опубликован не был) // СПС КонсультантПлюс.

Powers of the Prosecutor in the Process of Applying Security Measures in the Preliminary Investigation Stage

Maslova T.N.
Kazan Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan Junior Counsel to Justice

Prosecutor's supervision is an effective legal tool for identifying and eliminating violations of the rights and legitimate interests of an individual, the interests of society and the state in criminal procedural activities. The content of Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation includes a sufficient list of powers of the prosecutor in criminal proceedings. In our opinion, special attention should be paid to the supervision of the process of ensuring the safety of participants in the preliminary investigation.

As a goal, as a final result, the identification of problems and their intended solution in the process of prosecutorial supervision of the application of security measures at the stage of preliminary investigation in a criminal case is determined. The tasks are to present an analysis and comparison of legal acts (norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Law No. 119-FZ, etc.) regulating the provision of state protection to participants in criminal proceedings; to determine the specifics of prosecutorial supervision over the use of security measures in a preliminary investigation. The presented analysis defines the main directions for the development and improvement of prosecutorial supervision in the field of criminal procedure. Strengthening the guarantees of the process of ensuring the safety of participants in criminal proceedings from the standpoint of the supervisory activity of the prosecutor is directly related to achieving the goal of criminal proceedings.

The main results of the research work include the definition of the main elements of the subject of prosecutorial supervision over ensuring the safety of participants at the stage of preliminary investigation.

The value of the conducted research is reflected in the originality of the formulation of the problem – the prosecutor's supervision of ensuring the security of the individual at the stage of preliminary investigation. The author's vision of the content of the subject of prosecutorial supervision in this area is formulated.

Key words: security measures, protection of victims and witnesses, prosecutor's supervision, criminal case

УДК 343.985

Типичная криминалистическая характеристика посткриминального противоправного воздействия как компонент частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

Мишин А.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается типичная криминалистическая характеристика посткриминального противоправного посягательства, которая должна быть использована для построения частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Целью работы является анализ посткриминального посягательства с криминалистических позиций. Для достижения поставленной цели автор решает задачи по описанию отдельных элементов рассматриваемой характеристики и закономерных связей между ними.

Основные результаты исследования приведены в содержании статьи. При решении поставленных задач автор приходит к следующему выводу, обосновывающему ценность проведённого исследования: знания типичной криминалистической характеристики посткриминального противоправного посягательства позволят проанализировать основные тенденции, которые определяют динамику формирования и проявления специфических закономерностей такого посягательства в условиях противодействия уголовному правосудию. Указанные знания могут быть востребованы в криминалистической деятельности лица, ведущего производство по уголовному делу, связанному с осуществлением посткриминального противоправного посягательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, противоправное воздействие, криминалистическая характеристика, обеспечение безопасности, участник процесса, угрозоноситель

Посткриминальное противоправное воздействие в отношении участников уголовного судопроизводства относится к одному из распространённых и опасных приёмов противодействия правосудию. Цель такого воздействия – затруднение либо прекращение процесса получения необходимых доказательств в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Рассматриваемое воздействие, как правило, осуществляется после совершения преступления и, следовательно, является посткриминальным, то есть продолжением преступной деятельности с целью противодействия правосудию (за исключением случаев, когда воздействие реализовано до момента совершения преступления на стадии приготовления и покушения).

Согласно официальным данным, чаще всего (67,9 %) посткриминальное противоправное воздействие осуществляется в отношении участников производства по уголовному делу, не наделённых властными полномочиями по принятию процессуальных решений [1, с. 4]. По результатам нашего изучения 200 уголовных дел, связанных с указанным воздействием, рассмотренных различными звеньями и инстанциями судов общей юрисдикции Республики Татарстан, Чувашской Республики, Удмуртской Республики, Ульяновской области в период 2015–2023 гг., чаще всего посткриминаль-

ное противоправное воздействие осуществляется в отношении свидетеля (42,4 %), потерпевшего (30,6 %), а также подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (16 %).

По нашему мнению, посткриминальное противоправное воздействие на участников процесса можно анализировать с криминалистических позиций в рамках определённой криминалистической категории – типичной криминалистической характеристики указанного воздействия. Отметим, что такая характеристика должна стать важной частью частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Характеристика отдельных элементов системы противоправного посягательства со стороны лица, совершившего преступление, в отношении свидетелей и потерпевших изучалась И.А. Бобраковым [2], Е.И. Замылиным [3], И.В. Тишутиной [4], Р.Р. Рахматуллиным [5] и др.

Криминалистическая характеристика посткриминального противоправного воздействия включает в себя совокупность криминалистически значимых сведений о чертах (свойствах) личности субъекта и объекта воздействия, способа, обстановки, орудий и средств воздействия, а также характера его результата (последствий). Указанные сведения структурируются в рамках отдельных взаимообусловленных элементов рассматриваемой характеристики, находящихся в корреляционных связях и отражающих собой динамическую информационную систему процесса посткриминального противоправного воздействия в отношении защищаемого лица. На основе обобщения характеристик конкретных посткриминальных противоправных посягательств может формироваться их типичная криминалистическая характеристика, что позволяет проанализировать основные тенденции проявления специфических закономерностей таких посягательств в условиях противодействия уголовному правосудию. Знания указанной характеристики могут использоваться субъектом доказывания для оценки ситуации конкретного посткриминального противоправного воздействия, своевременного распознания первичных его признаков и принятия мер по упреждению и нейтрализации [6, с. 88].

По результатам проведённого нами исследования, как уже было отмечено выше, объектом посткриминального противоправного воздействия является, как правило, конкретный участник производства по уголовному делу, не наделённый властными полномочиями и владеющий уголовно-релевантной информацией: свидетель (42,4 %), потерпевший (30,6 %), подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве (16 %). Значительно реже (11 %) противоправному воздействию подвергаются заявитель, очевидец, жертва преступления, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено.

Использование сведений о личности защищаемого лица как объекта неправомерного воздействия имеет важное значение для выявления и анализа его связей с субъектом воздействия (угрозоносителем), что позволяет установить характер их взаимоотношений и, следовательно, предусмотреть возможность своевременного предупреждения и нейтрализации противодействия правосудию. При этом изученная нами практика показывает, что чаще всего посткриминальное противоправное посягательство осуществляется угрозоносителем в отношении лица, ранее ему незнакомому.

Субъектом посткриминального противоправного посягательства (угрозоносителем) является чаще всего подозреваемый, обвиняемый, подсудимый (в том числе соучастник преступления или член организованной преступной группы), а также лица из их криминального окружения, заинтересованные в противодействии уголовному правосудию. Кроме того, результаты проведённого нами исследования свидетельствуют, что субъектами посткриминального противоправного воздействия в подавляющем большинстве случаев выступают лица мужского пола (96 %).

При совершении тяжких и особо тяжких преступлений посткриминальное противоправное воздействие осуществляется чаще всего группой лиц по предварительному сговору, что значительно повышает эффективность воздействия.

Особенности посткриминального противоправного посягательства во многом обусловлены обстановкой, при которой оно осуществляется. Угрозоноситель чаще всего заранее подбирает наиболее благоприятные время, место и условия для неправомерного посягательства, в том числе исключающие присутствие очевидцев его осуществления.

Согласно результатам опроса следователей следственного управления следственного комитета по РТ, посткриминальное противоправное воздействие в форме личного контакта угрозоносителя с участником процесса в большинстве случаев осуществляется в условиях отсутствия очевидцев (71,8 %), что значительно повышает результативность воздействия. При этом зачастую воздействующий субъект использует маскировку своего внешнего вида, особенно в тех случаях, когда угрозоноситель известен объекту воздействия. В последние годы рассматриваемое воздействие всё чаще осуществляется с применением информационно-телекоммуникационных технологий, что сопровождается подменой мобильных номеров, *IP*-адресов, сокрытием информации электронного профиля угрозоносителя, подделкой аккаунта и т.п.

Посткриминальное противоправное воздействие может осуществляться различными способами, определённым образом связанными в первую очередь с объектом, обстановкой и средствами (орудиями) воздействия. Способ воздействия угрозоноситель избирает в зависимости от внешних условий, в которых оно осуществляется, в том числе с учётом обстоятельств, способствующих достижению цели воздействия. Избираемые способы посткриминального посягательства обусловлены также характером и степенью тяжести совершённого преступления, социальным положением, материальными возможностями, интеллектуальными способностями, преступным опытом угрозоносителя, а также его осведомлённостью о личности воздействуемого и доказательственной значимости показаний последнего.

Стоит отметить, что посткриминальное воздействие может осуществляться насильственными и ненасильственными способами, при этом ненасильственные способы проявляются в форме психического, психологического и материального воздействия. Способы противоправного воздействия нередко комбинируются (например, применение психического или психологического насилия с предложением услуг по улучшению материального благосостояния; уговоры – с шантажом). В случаях, когда воздействие на участника процесса не достигает целей, угрозоноситель прибегает к повторению неправомерных действий, в том числе посредством их усиления, объединения.

Посткриминальное противоправное воздействие чаще всего является результативным. Согласно опубликованным в юридической литературе данным, лишь в «каждом пятом случае имевшееся по уголовному делу воздействие преступника не оказало существенного влияния на предварительное расследование и результаты разбирательства дела в суде» [7, с. 10].

В заключение отметим, что знания типичной криминалистической характеристики посткриминального противоправного посягательства позволят проанализировать основные тенденции, которые определяют динамику формирования и проявления специфических закономерностей такого посягательства в условиях противодействия уголовному правосудию. Указанные знания могут быть востребованы в криминалистической деятельности лица, ведущего производство по уголовному делу, связанному с осуществлением посткриминального противоправного посягательства.

Литература:

1. Информационно-справочные материалы к Всероссийскому совещанию-семинару «Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите» // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Краснодар, 2019.
2. Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 210 с.
3. Замылин Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 236 с.
4. Тишутина И.В. Противодействие расследованию: теория и практика выявления и преодоления / Под общ. ред. А.Ф. Волынского. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 346 с.
5. Рахматуллин Р.Р. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика упреждения, выявления и преодоления. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 219 с.
6. Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства / Под ред. докт. юрид. наук., проф. В.Н. Григорьева. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 168 с.
7. Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1997. – 45 с.

A Typical Criminalistic Characteristic of Post-Criminal Unlawful Encroachment as a Component of the Private Criminalistic Theory of Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings

Mishin A.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article considers a typical criminalistic characteristic of post-criminal unlawful encroachment, which should be used to build a private criminalistic theory of ensuring the safety of participants in criminal proceedings.

The purpose of the work is to analyze post-criminal encroachment from a forensic perspective. To achieve this goal, the author solves the tasks of describing the individual elements of the characteristic under consideration and the natural relationships between them.

The main results of the study are given in the content of the article. In solving the tasks set, the author comes to the following conclusion, substantiating the value of the research: knowledge of the typical criminalistic characteristics of post-criminal unlawful encroachment will allow analyzing the main trends that determine the dynamics of the formation and manifestation of specific patterns of such encroachment in the context of countering criminal justice. This knowledge may be in demand in the criminalistic activities of a person conducting proceedings in a criminal case related to the implementation of a post-criminal unlawful encroachment.

Key words: criminal proceedings, unlawful encroachment, criminalistic characteristic, security, participant in the process, threat carrier

УДК 347.921.1

Значение межотраслевых связей в сфере правового регулирования вещественных доказательствах по уголовным делам

Муратов К.Д.
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

Система норм права, регламентирующая права собственника предмета, вещи и документа, впитывает в себя нормы различных отраслей права: гражданского, административного, уголовного. Изъятые и приобщенные в качестве вещественных доказательств предметы и документы по уголовному делу могут быть значимыми по своим признакам и свойствам для определения законных владельцев и собственников. Автор на основании теоретического, сравнительно-правового и исторического анализа исследует, во-первых, законодательную модель нормативного единства разрешения судьбы предметов, документов и иного имущества. Во-вторых, показывает взаимосвязь судопроизводств с точки зрения оптимальных процессуальных процедур в гражданском и уголовном процессах при рассмотрении гражданско-правовых споров о вещественных доказательствах по уголовным делам.

Цель настоящего исследования состоит в анализе научных мнений, законодательных моделей и формулировании выводов о применении межотраслевых связей для эффективного разрешения вопросов о судьбе вещественных доказательств и защите прав собственников и законных владельцев. В связи с этим, автор показывает значение единства нормативных правил применения и использования вещественных доказательств в гражданском и уголовном судопроизводствах.

В исследовании анализируются актуальные мнения ученых на проблему судебного права и единства судебной практики. Позиции ученых последовательно изложены с тем, чтобы показать эффективность формирующейся концепции единства нормативной базы о судьбе предметов, документов и иного имущества. Проблемы изъятия, ареста, хранение, применения в доказывании вещественных доказательств по уголовному делу могут охватываться системой нормам различных отраслей права.

Автор излагает выводы и результаты исследования: во-первых, обосновывает создание межотраслевого процессуального механизма определения сущности и значения предметов документов и имущества с позиций собственника или законного владельца; во-вторых, предлагает совместить ряд процессуальных процедур при разрешении гражданско-правового спора о судьбе вещественных доказательств; в-третьих, показывает значение мониторинговых исследований правоприменительной практики с позиций целей исследования.

Ключевые слова: конституционные основы, собственник, законный владелец, вещественные доказательства, вещное право, гражданско-правовой спор, нормативная основа, единство судебной практики, система отраслей права, гражданский процесс, уголовное дело, правоприменительная практика

Конституционные права и свободы определяют уровень защищенности гражданских прав в соответствии с действующим законодательством: гарантируется единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ); признаются и защищаются равным образом, частная, государственная, муниципальная и иные форы собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ); право иметь в собственности имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться им единолично и совместно (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях последовательно разъясняет имущественные права и механизм защиты прав собственника и законного владельца имущества.

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства. Вещественными доказательствами могут быть не только орудия и средства преступления, но и деньги, ценности и иное имущество, которое может подлежать конфискации в порядке, установленном Правительством РФ (п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

Таким образом, возникающие гражданско-правовые споры о принадлежности и установлению собственника или законного владельца вещественных доказательств по уголовным делам должны разрешаться во взаимосвязи норм права и на конституционных основах защиты собственности и экономической деятельности. В связи с этим в исследовании преследуются аналитические цели о взаимосвязи судопроизводств и определения оптимальных судебных процедур при определении судьбы вещественных доказательств.

Известные советские процессуалисты Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников писали, что идея судебного права выражает не только научную концепцию, теоретическую модель, но и, прежде всего, реально существующее явление правовой жизни: соотношение трех отдельных, но органически связанных друг с другом отраслей права – судоустройства, гражданского и уголовного судопроизводства [1, с. 25–30]. Идея судебного права, объединяющего судопроизводства, была представлена в концепции проф. И.Л. Петрухина в отдельном параграфе академического курса учебника по уголовному процессу [2, с. 33]. В своих трудах Э.М. Мурадьян последовательно пишет о необходимости изучения взаимосвязи процедурных правил трех судопроизводств [3], о проблеме истины в судебном праве [4, с. 8], о судебно-процессуальном единстве как феномене судебного права и связывает возможность осуществления альтернативных процессуальных прав через установленные судебные или иные юридические процедуры [5, с. 544–555].

В последующем идеи о судебном праве стали более отчетливо проявляться в договорно-правовом регулировании. В работе М.Ю. Челышева и Н.Г. Муратовой рассматриваются взаимосвязанные модели договорно-правовых отношений [6, с. 10–27]. В гражданском праве договорное право обеспечило формулирование концепции процессуального договора, которым стали заниматься ученые различных отраслей права, акцентируя внимание на межотраслевые связи: о теоретических основах договорно-правового регулирования [7, с. 10–11], о дискреционной практике правового регулирования [8, с. 10–27], о процессуальном договоре [9, с. 20–21], о процессуальном договоре в гражданском процессе других стран [10, с. 30–32], о взаимодействии частного и публичного интереса [11, С. 69–71]; о межотраслевой конвергенции [12, с. 12–14], о единстве нормативной основы вещественных доказательств [13, с. 20–21] и о единстве вещественных доказательств в условиях взаимосвязи судопроизводств при разрешении спора о судьбе и принадлежности вещественных доказательств [14, с. 185–192].

Научные позиции о необходимости изучения совмещения оптимальных процессуальных процедур при разрешении гражданско-правового спора о принадлежности вещественных доказательств по уголовным делам как объектов материального мира и объектов вещных прав не обеспечивают полноту исследований этой проблематики. Логично, как представляется, преподнести научные позиции известных русских юристов о сложных межотраслевых правоотношениях субъектов права. Например, А.Х. Гольмстен, который создал теорию о принципе тождества в гражданском процессе, по-новому взглянул и на уголовно-процессуальные отношения [15, с. 14–15]. Он предположил, что если усматривается спорное материальное правоотношение, то это повод возникновения и дальнейшего существования процессуального отношения. К концу XIX в. в российской правовой системе прослеживаются идеи о формировании теории единства судебных процедур. В.А. Рязановский проследил истоки развития идеи единства судебного процесса. Он писал, что «..целью (постулатом) процесса, всякого процесса, является достижение материальной истины, т.е. соответствия решения норме права (правомерность) и действительным обстоятельствам дела (материальная правда в узком смысле)» [16, с. 31–32].

Таким образом, проблема гражданско-правового спора о судьбе и принадлежности вещественных доказательствах по уголовным делам имеет глубокую историко-правовую и теоретико-правовую основу, обладает высокой степенью дискуссионности и имеет прикладное значение для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Научная новизна исследования данной работы определяется общественно-социальной значимостью одной из самых дискуссионных проблем юриспруденции – межотраслевые связи уголовного и гражданского судопроизводств. Гражданско-правовой спор о принадлежности вещественных доказательств по уголовным делам должен быть обеспечен оптимальными процессуальными процедурами в условиях существующих диспозиций норм гражданского права и уголовного процесса. Правовые последствия применения предметов, документов и имущества, признанных вещественными доказательствами, например, в виде ареста и конфискации, могут нарушать личные и имущественные права физических и юридических лиц. Конституционные права и свободы определяют уровень защищенности гражданских прав в соответствии с действующим законодательством: гарантируется единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, свобода экономической деятельности. В настоящее время в законодательстве усиливается значение правовой защиты арестованного имущества, значение разумного срока при наложении ареста на имущество, и, как следствие, этим охраняются права юридических лиц на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельностью, не запрещённой законом.

Цель и задачи исследования заключается в том, чтобы показать современное значение межотраслевых связей двух судопроизводств, гражданского и уголовного, при разрешении спора о вещественных доказательствах, применяя исторические воззрения русских юристов на возможность совместить процедуры, а также применяя правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, поставить задачи исследования: показать значение единых процессуальных правил, обобщить существующие нормативные акты о вещественных доказательствах, сформулировать выводы и предложения.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что предложенные научно-теоретические выводы, обобщающие существующие дискуссионные вопросы о процессуальных правилах разрешения гражданско-правового спора о судьбе вещественных доказательств как имущества собственников и законных владельцев могут быть использованы в совершенствовании правового регулирования комплекса вопросов о межотраслевом использовании вещественных доказательств.

Практическая значимость исследования заключается в определении системы вещественных доказательств по уголовным делам (предметов, документов, имущества) с тем, чтобы усилить межотраслевое правовое регулирование их видов и механизма хранения. Это покажет возможные варианты определения судьбы вещественных доказательств в процессуальных решениях, в итоговых и промежуточных решениях суда. В частности, в ст. 75 ГПК РФ говорится о «немедленном осмотре и исследовании вещественных доказательств, подвергающихся быстрой порче». Но такие виды вещественных доказательств существуют и по уголовным делам (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ): «…хранение скоропортящихся вещественных доказательств должны обеспечиваться в условиях хранения, соизмеримых с их стоимостью». В связи с этим представляется возможным дать рекомендации субъектам права при возникновении данных правоотношений.

Эволюция тематики исследования показывает, что предположение о единстве правового пространства, единства судебной практики и межотраслевые связи судопроизводств имеет оптимистичную перспективу и определенные направления в совершенствовании институтов гражданского и уголовного процесса. Взаимосвязь судопроизводств для разрешения правовых споров наиболее активно заинтересовала правоведов с принятием в России Судебных уставов 1864 г. Сенатор Н.А. Буцковский впервые предложил юридической общественности формы взаимосвязи судопроизводств – уголовного и гражданского [17, с. 511]. Во-первых, он считал, что при взаимосвязанных правоотношениях сначала должен быть решен гражданский вопрос с точки зрения гражданского судопроизводства [17, с. 511]. Во-вторых, Н.А. Буцковский считал, что нужно отдавать предпочтение письменным доказательствам в спорах имущественных [17, с. 515]. В-третьих, при рассмотрении гражданских сделок могут выявиться признаки преступления [17, с. 517]. В-четвертых, имущественные потери от сделки могут быть вполне вознаграждены решением суда, и дополнительного уголовного преследования по тому же предмету может быть не всегда – только при признаках мошеннического похищения, присвоения или растраты чужого имущества [17, с. 518]. Кроме того, он писал, что все уголовные дела можно разделить на две группы: а) дела «чисто уголовные» и б) дела, которые можно назвать, как пишет Н.А.Буцковский, «уголовно-гражданские» [17, с. 525]. Н.А. Буцковский приходит к заключению, что уголовное преследование за преступление по гражданской сделке, за исключением только некоторых случаев, не должно начинаться без жалобы со стороны потерпевшего лица [17, с. 543].

Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18] в ст. 5 УПК РФ был введен п. 13.1 «имущество» – это любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях, бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бума-

гах или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права.

В связи с актуальными вопросами владения собственностью и имуществом приведем ряд позиций Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 31 января 2011 г. была сформулирована позиция относительно обеспечения законного ограничения права собственности, свободы предпринимательской и экономической деятельности, а такие ограничения могут вводиться в соответствии с требованиями справедливости, разумности и соразмерности [19].

Кроме того, Конституционный Суд РФ разъяснил ч. 1 и ч. 2 Гражданского кодекса РФ с позиций ряда норм Конституции РФ: имущественные права на спорную вещь могут иметь не только собственники, но и иные участники гражданского оборота, а также добросовестные приобретали. Также было установлено, в соответствии с конституционными нормами, что права и обязанности сторон в договоре должны осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, обеспечивая баланса прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, сторон в договоре, третьих лиц. При этом возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров также должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными [20]. Конституционный Суд РФ отмечал, что современные представления о процессуальных процедурах в уголовном процессе зачастую приобретают «расплывчатые» очертания и не только в связи возможностью их применения по правилам процессуальной аналогии [21]. Кроме того, в указанном выше Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П собственник имущества определяет форму защиты своих прав в соответствии со ст. 44 УПК РФ, предусматривающей, что гражданским истцом является юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением, и ст. 90 УПК РФ, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках, в том числе арбитражного судопроизводства, признаются, в том числе следователем, без дополнительной проверки.

Следующие виды и механизм хранения регулируются ст. 82 УПК РФ, а также, рядом постановлений Правительства РФ: 1) громоздкие предметы и партии товаров, хранение которых затруднено (ч. 1 ст. 82 УПК РФ); 2) скоропортящиеся товары и продукция и имущество, подвергающееся быстрому моральному старению (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 3) изъятые из незаконного оборота наркотические средства, психотропные вещества (п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 4) деньги, ценности, имущество, доходы, полученные в результате преступления (п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 5) ценности (п. 4 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); электронные носители информации (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 6) товары легкой промышленности (п. 6 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 7) изъятые из оборота незаконно произведенные этиловый спирт, алкогольная и спиртсодержащая продукция (п. 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 8) изъятые из незаконного оборота табачные изделия, никотинсодержащая продукция, сырье, полуфабрикаты, тара (упаковки), этикетки (п. 7.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); изъятое игровое оборудование при незаконной организации и проведении азартных игр (п. 8 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 9) животные, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания (п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ); 10) древесина и полученная из нее продукция – лесоматериалы, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях по ст.ст. 191.1, 226.1 и 260 УК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Проблемы соотношения видов вещественных доказательств по УПК РФ и диспозиций состава преступления по УК РФ можно представить по следующим позициям. В шести разделах Особенной части Уголовного кодекса РФ тексты диспозиций составов преступлений помогают определить возможную доказательственную модель вещественных доказательств. В *разделе VII «Преступления против личности»* больше всего прослеживаются следующие модели вещественных доказательств: следы повреждений тела человека; сведения о частной жизни; оружие или другие предметы, используемые в качестве оружия (орудия преступления) и др. В *разделе VIII «Преступления в сфере экономики»* больше всего прослеживаются следующие модели вещественных доказательств: финансово-хозяйственная и банковская документация; электронные носители информации и электронные средства платежа; деньги, бумаги, валюта, и иное имущество; игровое и иное оборудование и др. В *разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»* больше всего прослеживаются следующие модели вещественных доказательств: следы устрашения населения – взрывов, поджогов, техногенных аварий; тексты «уставов преступных групп», «преступной иерархии»; письменные свидетельства финансирования терроризма и обещания пособничества, оружие, взрывчатые и отравляющие вещества; следы в форме электрических сигналов (компьютерная информация). О предметах, имуществе при расследовании экологических преступлений также можно подучить сведения в соответствии с федеральным законодательством, регламентирующим правоотношения в области охраны окружающей среды, охраны животных и другие законы. В *разделе X «Преступления против государственной власти»* больше всего прослеживаются следу-

ющие модели вещественных доказательств: международные и дипломатические документы; сведения из электронных или информационно-телекоммуникационных сетей; бюджетно-бухгалтерские документы и должностные инструкции, декларации о доходах и расходах и др. В *разделе XI «Преступления против военной службы»* больше всего прослеживаются следующие модели вещественных доказательств: поддельные военно-правовые документы; картографические документы о месте нахождения военной части или месте военной службы; поддельные медицинские документы. В *разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества»* больше всего прослеживаются следующие модели вещественных доказательств: заведомо ложные сведения о фактах, установленных приговором Международного военного трибунала, о ветеранах Великой Отечественной войны с использованием СМИ и сети Интернет; искусственное создание доказательств обвинения, оружие массового поражения и др.

Интересную дискуссию среди ученых и практиков вызвала правовая позиция Конституционного Суда РФ в Постановлении от 19.06.2023 г. № 33-П, которая признала положения ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств» не соответствующими ряду статей Конституции РФ в той мере, в какой эти положения служат основанием для уничтожения вещественных доказательств по двум или более уголовным делам [22]. В Постановлении отмечалось: судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон и эти требования должны соблюдаться и при использовании в доказывании по уголовному делу вещественных доказательств (п. 3); стороны обвинения и защиты наделены равными правами на представление доказательств и участие в их исследовании (п. 4); вещественные доказательства имеют особую информационную значимость для разрешения дела, и они могут быть уникальными с точки зрения важности для конкретного уголовного дела, являться первоначальными доказательствами (п. 4); будучи взаимосвязаны и взаимообусловлены, первичные вещественные доказательства и доказательства, производные от них (осмотры, экспертизы) не предполагают подмену и не допускают подмену одних другими (п. 4); при помощи вещественных доказательств достигается высокая степень достоверности исследований, которые проводятся с ними в ходе доказывания, и, базируясь на научных методах познания окружающей действительности, предполагают в качестве обязательного требования повторяемость и проверяемость результата (п. 4); отсюда и обязательность обеспечивать сохранность вещественных доказательств, в том числе с учетом их уникальности и значимости для разрешения уголовного дела и для возможного его пересмотра после отмены приговора, что может повлечь и дальнейшее (проверочное) исследование вещественного доказательства (п. 4). Авторские исследования показали [23, с. 575–577], что интересные закономерности прослеживаются при изучении обвинительных приговоров и судебных решений по гражданским делам: продукция в виде лесоматериалов, породы древесины сохраняются путем передачи в учреждения лесничества для обращения в доход государства [24]. Но, порой, древесина, признанная вещественным доказательством, передается для хранения на частные предприятия и теряет деловые качества и товарную ценность [25].

Выводы и результаты.

1. Выявлены проблемы определения статуса предмета, документа или иного имущества, если они одновременно признаны вещественными доказательствами по уголовному делу и по гражданскому делу. Эти проблемы, например, высказаны в правовых позициях Верховного Суда РФ по вопросам конфискации имущества в уголовном судопроизводстве [26].

2. При гражданско-правовом споре о принадлежности вещественных доказательств по уголовным делам в виде больших партий изъятого из незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей необходимо применить правовые позиции Конституционного Суда РФ [27] и судебную практику [28].

3. Установлено нормативное единство по вопросам хранения, уничтожения и реализации вещественных доказательств [29] при условии, что хранение некоторых из них затруднено [30].

4. Необходимо учитывать при разрешении споров о вещественных доказательствах перечень товаров легкой промышленности [31]

5. Совмещать при принятии процессуальных решений законодательный механизм и подзаконные нормативные акты о судьбе леса [32], правовые правила об охране данных вещественных доказательств [33] и требований к складам древесины [34].

6. Представление в пользование хранение и реализация представителей животного мира, водных биологических ресурсов осуществляется в условиях нормативного единства о судьбе этих видов вещественных доказательств: животных [35], водные биологические ресурсы [36], а также руководствуясь правовыми позициями Верховного Суда РФ [37].

7. Защита прав собственников и законных владельцев информации и электронных носителей информации при хранении, копировании и использование электронной информации осуществляется на основании системы норм: о копировании при изъятии документов [38], о хранении электронной информации [39], а также руководствуясь правовыми позициями Верховного Суда РФ [40].

Литература:

1. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права / Под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983. – 223 с.
2. Уголовный процесс: учеб. / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Изд-во Проспект, 2001. – 517 с.
3. Мурадьян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). – М.: Проспект, 2003. – 126 с.
4. Мурадьян Э.М. Истина как проблема судебного права. – М.: Юрист, 2004. – 287 с.
5. Мурадьян Э.М. Судебное право / Ассоц. Юридический центр. – СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2007. – 567 с.
6. Муратова Н.Г., Челышев М.Ю. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 10–27.
7. Левина М.В. Договорное регулирование в публично-правовой сфере: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – 26 с.
8. Валиев Р.Г. Дискреционная практика правового регулирования: теоретико-правовая концепция: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. – Казань, 2024. – 63 с.
9. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. – М.: Статут, 2015. – 366 с.
10. Брановицкий К.М. Процессуальный договор в доктрине гражданского процесса ФРГ // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 12. – С. 30–32.
11. Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории. – Казань: Казан. гос. ун-тет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 260 с.
12. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. – Нижний Новгород 2022. – 62 с.
13. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. – Казань, 2023. – 56 с.
14. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в сфере межотраслевых связей уголовного судопроизводства: концепция формирования единых судебных вещественных доказательств // Российский теоретический и научно-практический журнал общественных наук (экономика и право). Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 2. – № 8. – С. 185–192.
15. Гольмстен А.Х. Принцип тождества в гражданском процессе. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884. – 278 с.
16. Рязановский В.А. Единство процесса. Вступ. ст. Треушникова М.К. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1996. – 75 с.
17. Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 г.: С портр. авт.. – СПб.: тип. Скарятина, 1874. – 616 с.
18. Федеральный закон Российской Федерации от 29.06.2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // СЗ РФ. – 2011. – № 6.
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // СПС КонсультантПлюс.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П // Решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. 1995-2001 гг. / Сост. Н.Т. Ведерникова и А.Н. Ткач. – М.: Изд-во «Палеотип»: ИКЦ «Маркетинг», 2002. – С. 155–165.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 УПК РФ и ряда его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // СПС Гарант.
23. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве: дисс. … докт. юрид. наук. – Казань, 2023. – 613 с.
24. Приговор мирового судьи судебного участка № 14 Пустошкинского района Псковской области (Дело № 1-8/14-2018) // Официальный сад Пустошкинского района Псковской области: сайт. – URL:http://mirsud.pskov.ru/courtsst/?id=14 / (дата обращения: 26.11.20220).
25. Козак А. «Лес рубят – куда деньги летят?» – URL: https://ampravda.ru/2011/03/17/029480.html (дата обращения: 21.10.2022).
26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // СПС КонсультантПлюс.
27. Постановления Конституционного Суда РФ от 30 марта 2016 г. № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алко-

гольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СГИВ» // СПС КонсультантПлюс.
28. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 г. № 47 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СПС КонсультантПлюс.
29. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.05.2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» // СПС Гарант.
30. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.2012 г. № 848 «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» (с изм. и доп. на 19.06.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации.
31. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.03.2014 г. № 180 «Об утверждении перечня товаров легкой промышленности, изъятых из незаконного оборота или конфискованных при производстве по уголовным делам или делам об административных правонарушениях и подлежащих уничтожению, а также о порядке их уничтожения» (с изм. и доп.) // СПС Гарант.
32. Постановление Правительства РФ от 23.07. 2009 г. № 604 «О реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43-46 Лесного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
33. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2128 «О порядке определения характеристик древесины и учета древесины» // СПС КонсультантПлюс.
34. Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 г. № 2017 «Об утверждении требований к размещению и характеристикам складов древесины» // СПС КонсультантПлюс.
35. Постановлением Правительства РФ от 02.02.2019 г. № 75 «Об утверждении Правил передачи на хранение, для содержания и разведения или реализации вещественных доказательств в виде животных, а физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания» // СПС КонсультантПлюс.
36. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2008 г. № 765 об утверждении «Правил подготовки и принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование» // СПС КонсультантПлюс.
37. Постановления Пленума Верховного Суда от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, ст. 258.1 УК РФ)» // СПС КонсультантПлюс.
38. Постановлением Правительства РФ от 22 апреля 2017 г. № 482 «Об утверждении положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» // СПС КонсультантПлюс.
39. Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.04.2018 г. № 445 «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» // СПС КонсультантПлюс.
40. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС КонсультантПлюс.

Problems of Civil Dispute about Ownership on Material Evidence in Criminal Cases

Muratov K.D.
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

The system of legal norms regulating the rights of the owner of an object, thing and document absorbs the norms of various branches of law: civil, administrative, criminal. Objects and documents seized and included as material evidence in a criminal case may be significant in their characteristics and properties for determining the legal owners and proprietors.

The author, based on theoretical, comparative legal and historical analysis, examines, firstly, the legislative model of normative unity in resolving the fate of objects, documents and other property.

Secondly, it shows the interrelation of legal proceedings from the point of view of optimal procedural procedures in civil and criminal proceedings when considering civil disputes about material evidence in criminal cases.

The purpose of this study is to analyze scientific opinions, legislative models and formulate conclusions on the use of intersectoral connections to effectively resolve issues regarding the fate of material evidence and the protection of the rights of owners and legal holders. In this regard, the author shows the importance of the unity of normative rules for the application and use of physical evidence in civil and criminal proceedings.

The study analyzes the current opinions of scientists on the problem of judicial law and the unity of judicial practice. The positions of scientists are consistently presented in order to show the effectiveness of the emerging concept of the unity of the regulatory framework on the fate of objects, documents and other property. Problems of seizure, arrest, storage, and use in proving material evidence in a criminal case can be covered by a system of rules of various branches of law.

The author outlines the conclusions and results of the study: firstly, he justifies the creation of an intersectoral procedural mechanism for determining the essence and meaning of document items and property from the position of the owner or legal owner; secondly, it proposes to combine a number of procedural procedures when resolving a civil dispute over the fate of material evidence; thirdly, it shows the importance of monitoring studies of law enforcement practice from the perspective of the research objectives.

Key words: constitutional foundations, owner, legal owner, material evidence, property law, civil dispute, regulatory framework, unity of judicial practice, system of branches of law, civil process, criminal case, law enforcement practice

УДК 342

Категория «детство» как междисциплинарное понятие в социально-гуманитарных науках и отраслях права

Мустафина Л.Р.
Старший преподаватель
кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования в том, что в юриспруденции на детство как социально-правовое явление обращено в меньшей степени внимание. Обосновывается это тем, что нет комплексного юридического подхода, хотя ведутся разработки по проблемам детства в различных областях социально-гуманитарных знаний, изучен теоретический материал и приведены некоторые цитаты ученых. Цель сформировать целостное научное представление о детстве. Задача статьи раскрыть содержание понятия «детство» как междисциплинарной категории в социально-гуманитарных науках и отраслях права. Отмечено, что целостного осмысления междисциплинарного подхода детства в данный момент нет. Выявлены пробелы относительно природы детства в науке конституционного права. Научная новизна данной статью в том, что являясь социально-правовой категорией детство не рассматривалось в полном объеме , как междисциплинарная правовая категория, что является, на наш взгляд, ценностью проведенного исследования.

Ключевые слова: междисциплинарное понятие, юридический подход, несовершеннолетний, ребенок, дети, детство

Представления о том, какие компоненты социального, правового, культурного и экономического характера формируют детство как общественный феномен, лежат в основе определения его понятия.

Исследования не только в области права, но и педагогического плана, собственно, как и общефилософского понятия детства и его фундаментального научного значения, начинаются со средневековья. В современной литературе представлено множество различных позиций о том, из чего формируется данная категория и в каких аспектах подлежит изучению, рассмотрены частные взгляды на периодизацию эволюции. Проведены объемные исследования, проанализированы различные концепции – от самых ранних до новейших.

В то же время говорить о завершенности, какой-либо полноте знаний, исчерпывающих проблему, едва ли правильно, обобщение предлагаемых доктриной позиций не дает оснований считать неактуальными дальнейшие исследования. Какой сегмент общественной жизни изучает та или иная отрасль наук, так она и формирует свои представления о детстве как индивидуально-личностном и социально-правовом феномене.

В этой связи уместно привести слова Д.Б. Эльконин, который подчеркивал: «Ребенок присваивает общество. Все, что должно появиться у ребенка, уже существует в обществе, в том числе потребности, общественные задачи, мотивы и даже эмоции» [1, с. 496].

В настоящее время достаточно большой объем исследований отражён в психологической, педагогической, демографической, социологической, юридической литературе, представляется актуальным рассмотреть некоторые из них, с большим акцентом на особенностях вопроса в области права.

Как правило, в основе последнего лежат социологические аксиомы, в свою очередь опирающиеся на исследования психологов. Признанные в мировой науке ученые, такие как А. Валлон, Л.С. Выготский,

Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон, изучили психическое развитие детей. Возрастной периодизации уделено самое большое место в их исследованиях [2]. Изучены специальные категории (возраста или периода развития), которые применяются для изучения явлений детства. Как утверждает Л.С. Выготский, «возраст — это период развития ребенка, имеющий свои особенности, структуру и динамику. Процесс развития ребенка включает в себя фиксированный период времени, например, один, три или пять лет» [3, с. 234].

В настоящее время поддерживается периодизация развития ребенка, предложенная В. Квинном в 2000 г., это: младенчество – от появления на свет до трех лет; 3–6 лет – раннее детство, детство – 6–12 лет, подростковый возраст – 12–18 лет [4, с. 118]. Указанные возрастные периоды не зафиксированы и подлежат изменению. Это связано с тем, что эти периоды не связаны с определенным временем, а с деятельностью, которую дети проводят вместе с матерью и в учебных заведениях.

Детство изучено Л.М. Выготским в рамках дефектологии, А.А. Дубовским – в лечебной педагогике и др. По мнению педагогики, детство рассматривается как образовательное и воспитательное пространство. И.Д. Демакова пишет: «Основой гуманистической педагогики является отношение к ребенку как к человеку, которому свойственны как хорошие, так и плохие черты. Отсюда задача педагога – строить свою деятельность как развитие в ребенке его лучших черт и ослабление и ограничение его отрицательных проявлений» [5, с. 19]. Уважение как принцип – главный элемент в воспитательной работе педагога в сфере детства.

С точки зрения американской исследовательницы М. Мид (1901–1978 гг.), которая первая в мире описала процесс взросления, практика умывания, пеленания, приучения к чистоте оказывают большую роль в формировании личности человека. Она хотела убедить научную общественность в том, что возрастные циклы по воспитанию детей связаны с изменением цивилизации; сумела доказать, что могут вообще отсутствовать психологические изменения детей, которые, по мнению большинства, присутствуют в период полового созревания [6].

Согласно ее позиции (и некоторых других исследователей в области социологии, антропологии и демографии), «детство» – структурный компонент общества, а не воспитательная или естественная категория.

Известный в данной сфере исследований автор А.А. Шабунова особо подчеркивает, что для надлежащего демографического развития страны необходимо уделять большое внимание проблематике детства и качественно ее оценивать [7]. Вопросы образования, воспитания и развития детей, как по ее мнению, так и других ученых (Н.М. Римашевской, Е.Б. Бренеевой), для общества и государства должны быть на первом месте.

Подходы с позиции социологии и демографии представлены в работах: Н.М. Римашевской, Е.Б. Бренеевой, которые к категории «дети» относят лиц с отличительными качествами, характерными психологическими, социальными и физиологическими характеристиками в период с момента появления на свет до семнадцати лет. В трудах Н.М. Римашевской основное внимание уделено больше социальному положению детей в семье [8].

В области права заслуживают отдельного упоминания и ученые-юристы, такие как Генрих Миттейс (1889–1952 гг.), А.Г. Гойбарг (1883–1962 гг.), известные своими исследованиями детства.

Особенностью правовой сферы является важное обстоятельство – помимо доктрины наличие регулирующих тот или иной сегмент общественных отношений юридических актов. На международном уровне период детства определен в следующем документе. В 1989 г. генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах ребенка, которая определила, что «... ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста...». Но в Конвенции общего юридического определения понятия «детство» не сформулировано.

До Петра I в России отдельной категории населения, как детство, юридически не существовало, для государства интереса не представляло. Институт детства стал развиваться лишь в XVIII в. В то время термин «детство» рассматривался по-иному. В первом значении – это возраст или определенные циклы жизни человека, в которые входят стадия младенчества, роста, взросления. Во втором значении независимо от возраста – это степень родства, который употреблялся в Своде законов Российской империи.

После правового преобразования в России, в связи с превышением смертности над рождаемостью, характеризующем «старение» нации, перед государством стало необходимым защитить детство наряду с материнством, поставив его в ряд приоритетных вопросов. С принятием Конституции РФ детство защищено государством наряду с материнством и семьей (ст. 38 Конституции РФ).

Юридический подход предполагает понимание детства как периода от начала жизни до возраста 18 лет. Эта парадигма служит одновременно фундаментом в регламентации вопросов, связанных с правовым положением и защитой, обеспечением прав и законных интересов детей и подростков (малолетних и несовершеннолетних) в различных отраслях права.

По трудовому законодательству Российской Федерации прием на работу и ведение трудовой деятельности детей 14-ти лет допускается с согласия, оформленного письменно, одного из родителей либо опекунов. «Лица, ... достигшие возраста пят-

надцати лет, могут заключать трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью и без ущерба для освоения образовательной программы.

...В организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках допускается с согласия одного из родителей (опекуна) и разрешения органа опеки и попечительства заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, для участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию. Трудовой договор от имени работника в этом случае подписывается его родителем (опекуном)» (ст. 63 ТК РФ).

По общему правилу гражданского законодательства в комментарии к ст. 28 ГК РФ говорится: «Дети подразделяются на малолетних (от 6 до 14 лет), сделки от их имени совершают только родители, сами дети имеют право самостоятельно совершить лишь мелкие бытовые сделки и другие, перечисленные в ГК РФ, вся ответственность здесь лежит на родителях, усыновителях либо опекунах; несовершеннолетние (от 14 до 18 лет), имеющие частичную дееспособность, вправе самостоятельно распоряжаться своим любым доходом» и др., указанными в ГК РФ. Ни одни из них не обладают полной дееспособностью, поскольку она наступает с восемнадцати лет (ст. 26 ГК РФ). Еще можно осуществить процедуру эмансипации (ст. 27 ГК РФ). Также полностью дееспособным можно стать, вступив в брак ранее 18 лет (ст. 21 ГК РФ).

Уголовное законодательство «несовершеннолетними признает лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет» (ст. 87 УК РФ). Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что для закона возраст лица на время совершения преступления имеет значение. В соответствии со ст. 20 УК РФ, «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста», за отдельные преступления – четырнадцати лет. Законом не предусмотрено специальных видов наказания к таким детям, в ст. 88 УК РФ перечислены виды наказаний, которые применяются к ним.

Несовершеннолетние, совершившие преступления, могут быть наказаны и к ним также могут быть применены обязательные меры воспитательного воздействия. Ст. 88 УК РФ предусматривает виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним. С фактом совершения преступления статус лица меняется.

Этот подход отличается от всех вышеперечисленных, хотя, как нам представляется, детство возникает и прекращается в зависимости от момента времени, в котором участвует ребенок и от конкретной ситуации.

Кроме того, и в семейном законодательстве интересы ребенка находятся под защитой государства (ст. 1 СК РФ) наравне с семьей. Очевидно, что от уважения всех членов семьи, взаимной любви друг к другу зависит, в какой заботе и благосостоянии будут воспитываться дети, как пройдет их детство и развитие. Родители несут ответственность за обеспечение получения детьми общего образования, должны осуществлять духовно-нравственное развитие, проявлять заботу о здоровье (ст. 63 СК РФ).

Следует отметить, что в настоящее время тема детства находится на стыке различных исследований, имеющих антропологическую и гуманитарную направленность. Однако целостного осмысления междисциплинарного подхода к «детству» в данный период нет, хотя это важно в российском обществе. Состояние разработанности проблемы понятия «детство» даёт основание для её постановки и решения.

Литература:

1. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
2. Демакова И.Д. Педагогика и психология о феномене «пространство детства» // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – № 1(13). – С. 42–49.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека – М.: Эксмо, 2005. – 1136 с.
4. Квинн В. Прикладная психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 560 с.
5. Демакова И.Д. Понятие «детство» в психологии и педагогике // Ценности и смыслы. – 2012. – № 3(19). – С. 14–22.
6. Mead M. Coming of age in Samoa; a psychological study of primitive youth for western civilisation. – New York: W. Morrow & Company, 1928. – 297 p.
7. Шабунова А.А., Головчин М.А., Леонидова Г.В. Образование: региональные проблемы качества управления. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 199 с.
8. Римашевская Н.М. Детство как потенциал социально-демографического развития России // Народонаселение. – 2011. – № 2. – С. 4–11.

The Category «Childhood» as an Interdisciplinary Concept in the Social Sciences and Humanities and Branches of Law

Mustafina L.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is that in jurisprudence, less attention is paid to childhood as a socio-legal phenomenon. This is justified by the fact that there is no comprehensive legal approach, although research is underway on childhood problems in various fields of social and humanitarian knowledge, theoretical material has been studied and some quotations from scientists are given. The goal is to form a holistic scientific understanding of childhood. The task is to reveal the content of childhood as an interdisciplinary category in the social sciences and humanities and branches of law. The essence and content of childhood are revealed. It is noted that there is currently no holistic understanding of the interdisciplinary approach of childhood. Gaps have been identified regarding the nature of childhood in the science of constitutional law. The scientific novelty of this article is that, being a socio-legal category, childhood was not fully considered as an interdisciplinary legal category, which, in our opinion, is the value of the conducted research.

Key words: interdisciplinary concept, legal approach, minor, child, children, childhood

УДК 347.451.031.3

Право общественных объединений на обращение в суд за защитой прав группы потребителей

Нигматуллина Ю.Р.
Председатель Региональной общественной организации Республики Татарстан «Защита прав потребителей» (Казань)

В статье дана правовая оценка категориям, используемым в законодательстве о защите прав потребителей применительно к участию общественных объединений в обращении в суд с соответствующим заявлением. Автор акцентировал внимание на понятии «группа потребителей» в его соотношении со смежным термином «неопределённый круг потребителей», а также на трансформации законодательных норм, предопределивших структуру субъективного права на судебную защиту. В результате исследования отмечается, что несовпадение предмета правового регулирования законодательства о защите прав потребителей и процессуального законодательства привело к разграничению права на судебную защиту группы потребителей и права на обращение в суд с заявлением о такой защите. Сформулирован основной вывод, базируясь на сложившейся правоприменительной практике, трактующей группу потребителей по конкретному объединяющему критерию для определённого круга граждан, вступающих в правоотношения по приобретению товара, работы или услуги с персонифицированным субъектом предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: права потребителей, защита прав потребителей, потребитель, коллективный иск, гражданское право, общественные объединения, общество по защите прав потребителей, право на защиту

В действующем российском законодательстве длительное время прослеживается акцент на индивидуально-правовые формы защиты прав потребителей, поскольку основой правоотношений между гражданином и субъектом предпринимательской деятельности выступает такой частноправовой инструмент, как договор. Определяющим критерием правового регулирования в подобном ракурсе остаётся приверженность общему гражданско-правовому механизму защиты субъективных прав, вытекающих из соответствующих договорных обязательств, за тем лишь исключением, что потребитель наделяется специальными правами, которые, в свою очередь, снабжены системой дополнительных гарантий [1; 2].

Напротив, использование публично-правовых форм защиты базируется на разнице в отраслевой принадлежности норм, подлежащих применению в том или ином случае нарушения прав потребителей [3; 4]. При этом критерий публичности нередко трактуется судебными инстанциями по количеству лиц, чьи права и законные интересы затронуты выявленным правонарушением [5; 6].

Тем самым в юридической литературе сложился подход, согласно которому индивидуальные и публичные формы защиты прав потребителей разграничиваются не только в силу квалификации нарушения по отраслевому законодательству, но и по признаку выделения группы потребителей, а при невозможности выявления такой группы – неопределённого круга потребителей [7, с. 74; 8, с. 66].

Вместе с тем ряд исследователей критично настроены к указанному теоретическому осмыслению типологии форм защиты прав потребителей, поскольку выдвигают на передний план процессуально-правовые особенности осуществления выбранного механизма защиты [9, с. 55; 10, с. 80]. В такой плоскости количество участников на определённой стороне спора не придаёт ему публично-правовой или частноправовой характер в связи с тем, что значение приобретает предмет правоотношений и от-

раслевая принадлежность доказываемого правонарушения (в силу степени общественной опасности) [11, с. 1409; 12, с. 143].

Подача общественным объединением заявления в суд о защите прав потребителей, предусмотренная п. 2 ст. 45 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [13] (далее – Закон № 2300-1), традиционно воспринимается учёными в качестве проявления публично-правовой формы [14, с. 220]. Обоснованием такой трактовки является специальный статус общественных объединений, уполномоченных нормами Закона № 2300-1 на реализацию различных защитных мер вне зависимости от правовой природы отношений, послуживших основой при привлечении гражданином подобных организаций к возникшим проблемам. Так, абз. 8 п. 2 ст. 45 Закона ранжирует их право на обращение в судебные органы по следующим параметрам:

1) в защиту прав потребителей, что является целью основной деятельностью рассматриваемых общественных объединений;

2) в защиту законных интересов отдельных потребителей;

3) в защиту законных интересов группы потребителей;

4) в защиту законных интересов неопределённого круга потребителей.

Приведённая в пример норма, по существу, дублирует положения п. 7 ст. 40 Закона № 2300-1, в которой аналогичное субъективное право закреплено за органом государственного надзора. Не случайно в абз. 9 п. 2 ст. 45 общественные объединения потребителей уполномочены на совместные действия с органом государственного надзора в сфере формирования информационных ресурсов о качестве и безопасности товаров и услуг, а также о защите прав потребителей.

Несмотря на использование в абз. 8 п. 2 ст. 45 Закона № 2300-1 формулировки «законные интересы», предполагается, что общественные объединения в равной степени уполномочены способствовать защите субъективных прав потребителей [15, с. 81]. Вместе с тем в дефинициях, задействованных в анализируемом законе, права и законные интересы потребителей никоим образом не разграничиваются, что, в свою очередь, не позволяет говорить о разнице механизмов их защиты.

Закон № 2300-1 сводит механизм защиты прав потребителей на неопределенный срок к претензионному процессу, который можно отличить по стандартам процессуальной и правовой принадлежности норм, регулирующих его реализацию. Таким образом, в правоприменительной практике наблюдается преемственность административных и процессуальных механизмов защиты прав потребителей. Однако действующее законодательство прямо не запрещает использование других видов юридических процедур, включая гражданские и арбитражные. Однако в отношении последнего суды, как правило, не используют механизмы арбитражной процессуальной защиты, поскольку они ориентированы на защиту интересов граждан, которые не используют приобретенные товары (работы, услуги) в коммерческих целях.

Выбор между установленными видами судебного разбирательства (например, между администрацией и гражданином) явно зависит не от правового статуса сторон, а от предмета иска. Это сформулировано в ст. 2300-1 Закона, п. 1 ст. 46 прекращение незаконной деятельности контрагентов-потребителей. Следует особо отметить, что вышеуказанные нормы относятся только к репрессивному характеру претензий, подаваемых в суд.

Таким образом, предметные области правоотношений, возникающих при осуществлении защиты прав потребителей на неопределенный срок, могут быть ранжированы как по критериям отраслевой принадлежности, так и по содержанию субъективных прав, которые подлежат защите таким образом. Например, если незаконные действия производителя, продавца, подрядчика или других уполномоченных лиц, описанные в абз. 1 ст. 46 Закона № 2300-1, затрагивают право потребителя на безопасность (ст. 7 Закон № 2300-1), то орган государственного надзора, органы местного самоуправления и общественные объединения потребителей должны использовать административные и процессуальные механизмы для осуществления защиты, если нарушение прав потребителя на гарантийные обязательства другой стороной носит массовый характер, в таких случаях сохраняется непрерывность гражданско-процессуального механизма, чтобы защитить круг потребителей на неопределенный срок.

Примечательно, что в содержании норм Закона № 2300-1 не раскрывается категория «группа потребителей», в отличие от термина «неопределённый круг потребителей», который получил конкретизацию в ст. 46 Закона № 2300-1. Как следует из теоретических наработок, групповой признак является промежуточным между отдельно взятым потребителем и неопределённым кругом потребителей, которые выделяются по критерию массовости (неперсонифицированности) потенциальных правонарушений [16, с. 204].

В большинстве научных публикаций характеристика группы потребителей происходит посредством социально-экономической градации покупателей или заказчиков работ (услуг): целевые группы потребителей, несовершеннолетние потребители, потребители определённых услуг или товаров и т.п. [17, с. 307; 18, с. 69]. В судебной практике чаще всего используется словосочетание «адресная группа потребителей», которое базируется на конкретном

объединяющем критерии, свойственном определённому кругу граждан непосредственно в их правоотношениях по приобретению товара, работы или услуги с персонифицированным субъектом предпринимательской деятельности [18].

Однако в аспекте принципов регулирования защиты прав потребителей, выделяемых Законом № 2300-1, критерии разграничения группы потребителей от неопределённого круга потребителей заложены в эволюции законодательных норм.

Так, первоначально в содержании п. 2 ст. 45 Закона № 2300-1 (имевшей на тот момент времени нумерацию ст. 43) потребители, в чьих интересах общественные объединения могли предъявлять иски в суд, разделялись на лиц, состоявших в членстве таких объединений, и на граждан, не имеющих членства в соответствующей общественной организации. В отношении второй категории потребителей действовало ограничение: общественное объединение могло заниматься их защитой в судебном порядке при условии, что нарушение затрагивало исключительно субъективное право, прямо предусмотренное законодательством, а не законный интерес.

Кроме того, в редакции Закона № 2300-1 от 02.11.2004 г. право общественных объединений на защиту прав потребителей было сформулировано в широком ключе – в качестве права на обращение в суд в защиту прав потребителей, в том числе неопределённого круга потребителей. Тем самым к актуальному состоянию анализируемой нормы данное право вновь было детализировано не только с выделением понятия «группа потребителей», но и конкретизацией предмета и средств такой защиты. В частности, общественные объединения реализуют рассматриваемый механизм защиты как в отношении субъективных прав, так и в отношении законных интересов потребителей. Инструментом осуществления этого права выступает подача заявлений в суд в противовес использованному ранее в п. 2 ст. 45 обширному термину «обращение».

Исходя из указанных законодательных изменений, следует заключить, что общественные объединения могут реализовать защиту прав потребителей в разнообразных формах, предусмотренных нормами Закона № 2300-1, в том числе посредством обращения в суд с соответствующим заявлением. При этом ст. 45 не наделяет их одновременно правом представления законных интересов группы потребителей в судебном процессе, что представлялось бы логичным по семантике рассматриваемого субъективного права. Такой подход законодателя обосновывается несовпадением предмета регулирования между Законом № 2300-1 и процессуальными кодексами, которые обладают большей юридической силой в установлении судебного порядка рассмотрения заявлений общественных объединений потребителей. В противном случае Закон № 2300-1 определял бы специальный процессуальный порядок рассмотрения подобных заявлений. В правоприменительной практике указанная норма трактуется в узком смысле: правонарушитель должен довести сведения лишь до своих потенциальных потребителей, что может ограничиваться территориальным масштабом его предпринимательской деятельности, субъектно-объектными параметрами и диапазоном времени, на протяжении которого осуществлялись противоправные действия.

В результате необходимо констатировать матричную структуру права общественных объединений на обращение в суд за защитой прав потребителей, поскольку Закон № 2300-1 сужает его до подачи заявления в процессуальном порядке и оставляет вопросы дальнейшего участия данных организаций на усмотрение суда с учётом требований процессуального законодательства. Тем самым право на судебную защиту, принадлежащее отдельно взятым потребителям, объединившимся в группу, не делегируется в полном объёме общественным объединениям. Последние наделены правомочием реализовать один из механизмов осуществления рассматриваемого субъективного права, а именно посредством обращения в суд с заявлением в защиту такой группы. Тем самым анализ группового признака при защите прав потребителей позволяет сделать вывод, что группа выделяется в силу объединяющего критерия, свойственного для определённого круга граждан при их участии в правоотношениях по приобретению товара, работы или услуги с персонифицированным субъектом предпринимательской деятельности (контрагентом данной группы потребителей).

Литература:

1. Образцова В.И. Гражданско-правовые формы защиты прав потребителей и их особенности // Актуальные проблемы современной науки. – 2018. – № 6 (103). – С. 54–56.
2. Хавзиев А.А. Формы защиты прав потребителей с позиции трех компонентов методологии цивилистики // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2022. – С. 110–114.
3. Зинорова Е.Н. Способы и формы защиты нарушенных прав потребителей // Академическая публицистика. – 2023. – № 9-2. – С. 210–217.
4. Неменок Н.П. Понятие и виды административно-правовых форм защиты прав потребителей в Российской Федерации // Юридический мир. – 2013. – № 5. – С. 28–32.

5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 г. № 88-27737/2023 по делу № 2-3280/2023 «О защите прав и законных интересов неопределенного круга потребителей и о прекращении противоправных действий в отношении неопределенного круга потребителей» // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2019 г. по делу № 33-28692/2019 «Истец указал, что оспариваемые действия ответчика касаются неопределенного круга лиц, а именно любых лиц, которые уже приобрели либо имеют намерение приобрести оказываемые ответчиком услуги, информация о которых размещена на сайте» // СПС КонсультантПлюс.
7. Овезов Г.Т. Общая характеристика форм и способов защиты прав потребителей // Вопросы науки и образования. – 2017. – № 7 (8). – С. 74–75.
8. Гаджиалиева Н.Ш., Османов Т.Р. К вопросу о формах защиты прав потребителей в России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – Т. 34. № 2. – С. 61–68.
9. Янева Р.Р. Лица, участвующие в деле о защите прав потребителей: состав, их процессуальные права и обязанности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2017. – № 32. – С. 53–61.
10. Прохорова Ю.С. Процессуальные особенности правового положения лиц, участвующих в деле, по спорам о защите прав потребителей, вытекающих из ненадлежащего оказания или неоказания туристских услуг // Академическая публицистика. – 2019. – № 1. – С. 79–82.
11. Богдан В.В. Частноправовые и публично-правовые начала регулирования защиты прав потребителей в России // Политика и общество. – 2014. – № 11 (119). – С. 1404–1411.
12. Сурменева Е.А. Публично-правовые способы защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 6 (98). – С. 140–149.
13. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766; СЗ РФ. – 2023. – № 32 (Ч. I). – Ст. 6206.
14. Фирсов Н.А. Правовой статус и полномочия общественных объединений потребителей // Правовестник. – 2019. – № 5 (16). – С. 219–221.
15. Николаева А.В. Процессуальное положение общественных объединений потребителей при рассмотрении судами дел о защите прав потребителей // Право.by. – 2015. – № 5 (37). – С. 79–83.
16. Цатурян М.А. Досудебное урегулирование как одна из форм защиты прав и законных интересов группы лиц и неопределенного круга лиц – потребителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 6-4 (81). – С. 203–207.
17. Косенко С.А. Ограничения доступа маломобильных групп населения-потребителей // Вестник Волжского института экономики, педагогики и права. – 2014. – № 2. – С. 304–309.
18. Тультаев Т.А. Формирование целевой группы потребителей финансовых услуг в коммерческой деятельности банка // Вестник Академии. – 2011. – № 1. – С. 68–71.
19. Определение Верховного Суда РФ от 16.10.2023 г. № 300-ЭС23-19957 по делу № СИП-1046/2022 «В удовлетворении требования отказано, поскольку доказано, что для адресной группы потребителей товаров регистрация спорного обозначения вызывает неприятные ассоциации и оказывает деструктивное воздействие на психику» // СПС КонсультантПлюс.

The Right of Public Associations to go to Court to Protect the Rights of a Consumer Group

Nigmatullina Y.R.
Regional Public Organization of the Republic of Tatarstan "Consumer Protection"

The article evaluates the categories used in the legislation on the protection of consumer rights in relation to the participation of public associations in applying to the court for protection. The author focused on the concept of "consumer group" and correlated it with the related term "indefinite circle of consumers". The article also analyzes the transformation of legislative norms, which influenced the structure of the subjective right to judicial protection. As a result of the study, it is noted that the discrepancy between the subject of legal regulation of legislation on the protection of consumer rights and procedural legislation has led to the distinction between the right to judicial protection of a group of consumers and the right to apply to court for such protection. The author formulated the main conclusion based on existing law enforcement practice. A group of consumers is determined by a specific unifying criterion for a certain circle of citizens entering into legal relations for the acquisition of goods, work or services with a personalized business entity.

Key words: consumer rights, consumer rights protection, consumer, class action, civil law, public associations, society for the protection of consumer rights, right to judicial protection

УДК 343

Антикоррупционное просвещение в образовательных организациях

Новаковская А.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Салмина С.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Селивановская Ю.И.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Туфетулов А.М.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Противодействие коррупции остается приоритетной задачей нашего государства уже на протяжении долгого периода времени. Антикоррупционное просвещение выступает одним из направлений деятельности по предупреждению (профилактике) коррупции. Особую актуальность антикоррупционное просвещение приобретает в процессе образовательной деятельности, т.к. формирование антикоррупционных ценностей необходимо начинать с раннего возраста, и тогда будущее поколение вырастет в ситуации непринятия коррупции.

Целью исследования являются определение роли антикоррупционного просвещения в образовательных организациях и выявление наиболее эффективных методов антикоррупционного просвещения.

В работе предпринята попытка сформулировать авторское понятие антикоррупционного просвещения, определить цели и задачи такой деятельности. Эффективность антикоррупционного просвещения в образовательных организациях различных уровней общего и профессиональ-

ного образования зависит от учета возрастных и психоэмоциональных особенностей обучаемых, а также выбора методов просветительской деятельности.

В рамках проведенного исследования проведен комплексный анализ базовых теоретических понятий антикоррупционного просвещения с учетом последних изменений законодательства Российской Федерации, а также определены наиболее эффективные методы антикоррупционной просветительской деятельности. Полученные результаты могут использоваться в дальнейших теоретических исследованиях и в процессе осуществления образовательной деятельности (обучения и воспитания).

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционное воспитание, методы антикоррупционного просвещения

Искоренение коррупции является одним из национальных интересов России на современном этапе, – указывается в п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1].

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», противодействие коррупции – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [2].

Одной из наиболее важных форм предупреждения (профилактики) коррупции является, на наш взгляд, антикоррупционное просвещение.

В современной литературе авторы называют схожие по своему содержанию явления по-разному: просвещение, образование, обучение, воспитание и т.д., поэтому для начала стоит разобраться с терминологией.

Образование, как правило, рассматривается в качестве процесса получения новых знаний, умений и навыков, а также в качестве результата этого процесса.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», образование представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения [3], то есть воспитание и обучение являются составными частями образования.

К характерным чертам образования следует отнести необходимость формального подтверждения полученных знаний, умений и навыков.

Антикоррупционное образование, по аналогии с образованием в целом, также включает в себя антикоррупционное обучение и антикоррупционное воспитание. Так как это единый целенаправленный процесс, то существовать обучение и воспитание друг без друга не могут. Результатом такого процесса должны стать сформированные компетенции в области противодействия коррупции, а также полученные антикоррупционные знания, умения, навыки и ценностные установки.

Ситуация с понятием «просвещение» выглядит чуть сложнее. Понятие «просвещение» в целом, а также его отдельные виды – «правовое просвещение», «антикоррупционное просвещение» достаточно часто используется в нормативно-правовых актах. Например, в ст. 18 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» говорится: В целях правового просвещения и правового информирования субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера [4]. Понятие «правовое просвещение» также встречается в Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [5].

Согласно «Толкового словаря» С.И. Ожегова, просвещение – это знания, образованность, их распространенность [6]. «Толковый словарь» Д.Н. Ушакова определяет просвещение как образование, обучение [7].

Однако образование и просвещение не являются синонимами. А.С. Доценко отмечает, что «правовое образование, правовое воспитание и обучение включены в правовое просвещение в той же степени, в которой правовое просвещение включено

в них, при этом правовое просвещение является содержательно более широкой категорией» [8, с. 182]. Просвещение – это более сложный, длительный процесс, направленный, как правило, на получение дополнительных знаний, умений и навыков. Просвещение достаточно часто дополняет образование.

Разница между образованием и просвещением заключается в том, что образование носит обязательный характер либо для всех, либо для определенных групп людей, которые определены законодательством. Просвещение же основывается на интересе просвещаемых.

П.А. Кабанов сформулировал следующее определение понятия «антикоррупционное просвещение»: «система распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц» [9, с. 49].

Весной 2021 г. была предпринята законодательная попытка поставить точку в споре относительно понятия «просвещение». Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» был дополнен понятием просветительская деятельность, согласно которому просветительская деятельность – осуществляемая вне рамок образовательных программ деятельность, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов и затрагивающая отношения, регулируемые настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [10]. Если раннее к отличиям просветительской деятельности можно было отнести ее неформальный характер, то сегодня она вполне формализована. При этом многие ученые отмечают, что к недостатком указанного закона следует отнести чрезвычайно широкое определение просветительской деятельности. Любовь Глебова, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, обращает внимание на то, что «просветительская деятельность по своей природе не должна быть зарегулированной, к ней совершенно точно не должно быть больше требований, чем к образовательной деятельности. Именно поэтому ее и отделяли от образовательной деятельности» [11, с. 27].

Таким образом, если опираться на базовое законодательное понятие просвещения, под антикоррупционным просвещением следует понимать осуществляемую вне рамок образовательных программ деятельность, направленную на распространение антикоррупционных знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в сфере противодействия коррупции, целью которой является формирование антикоррупционного мировоззрения у населения. При этом антикоррупционное мировоззрение формируется и в процессе образовательной деятельности. Если следовать данному определению, то антикоррупционное образование и антикоррупционное просвещение являются взаимоисключающими понятиями, составными частями какого-то большего процесса, которому наука должна дать название. На наш же взгляд, что также подтверждается результатами проведенного исследования, понятие «антикоррупционное просвещение» более широкое по объему, чем понятие «антикоррупционное образование».

В связи с этим предлагаем понимать под антикоррупционным просвещением осуществляемую как в рамках образовательных программ, так и вне их деятельность, направленную на распространение антикоррупционных знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в сфере противодействия коррупции, целью которой является формирование антикоррупционного мировоззрения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– формирование системы знаний о понятии, признаках, типичных формах коррупции и видах коррупционных правонарушений;

– формирование системы знаний о негативных последствиях коррупции, в том числе знаний об административной и уголовной ответственности;

– формирование умений и навыков, достаточных для самостоятельного выявления признаков коррупции;

– формирование и развитие практических навыков правильно реагировать при столкновении с коррупцией;

– формирование ценностных установок, необходимых для отказа от совершения коррупционных правонарушений;

– формирование у населения гражданской позиции в отношении коррупции.

Уникальной сферой, с точки зрения антикоррупционного просвещения, является сфера образования, поскольку указанные мероприятия осуществляются как в отношении лиц обучающихся, так и в отношении обучающих, то есть сотрудников образовательных организаций. Особую актуальность приобретает антикоррупционное просвещение в сфере образования в связи с тем, что распространение коррупции в процессе получения образования «закладывает условия для воспроизводства коррупционных отношений» [12, с. 11], – отмечается в литературе.

Антикоррупционное просвещение реализуется в рамках изучения дисциплин (модулей) основных

образовательных программ различных уровней общего и профессионального образования, связанных с историей, экономикой, обществом, государством и правом, а также в рамках различных форм внеучебных мероприятий.

Эффективность антикоррупционного просвещения основывается на выборе ценностей, наиболее понятных и знакомых для обучающихся с учетом возрастных, психофизических и иных особенностей, социальных и гендерных характеристик.

Содержание антикоррупционной просветительской работы на различных уровнях общего и профессионального образования различаются. Ряд авторов, например, Т.А. Артеменкова и А.Ю. Гусев, отмечают, что «с учащимися дошкольных образовательных организаций, младшими школьниками и даже со школьниками средних классов разговаривать о коррупции преждевременно. Антикоррупционная тематика будет для них непонятной и ненужной» [13, с. 33]. С одной стороны, с этим можно согласиться, так как возрастные особенности указанных категорий обучающихся не позволят понять терминологию антикоррупцонной деятельности. Однако начинать антикоррупционное просвещение, наш взгляд, следует именно в этом возрасте, говоря о добре и зле, о справедливости и т.д., то есть о базовых ценностях. В средней школе можно переходить к изучению базовых понятий антикоррупционной деятельности, «одной из ключевых задач антикоррупционного воспитания в этом возрасте – сформировать антикоррупционное мировоззрение и развить способности, необходимые для возникновения у молодых людей активной гражданской позиции в отношении к коррупции» [14, с. 12].

На период старшей школы и профессионального образования приходится основной пласт антикоррупционного просвещения, проводимого в рамках образовательной деятельности. К данному этапу обучающиеся уже обладают достаточными знаниями, опытом, позволяющим изучать и анализировать причины коррупции, говорить о различных видах ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Повышению эффективности образовательных и иных мероприятий для обучающихся данной возрастной категории, направленных на антикоррупционное просвещение, будет способствовать использование активных и интерактивных образовательных технологий. Активные методы обучения предполагают взаимодействие педагога и обучаемого, когда обучаемому отводится активная роль в ходе занятия. При интерактивных методах обучения происходит взаимодействие не только педагога и обучаемого, но и обучаемых между собой. Результатом применения активных и интерактивных методов обучения должны выступить активизация мышления, развитие коммуникативных навыков, развитие партнерских отношений и умения работать в команде, получение опыта самостоятельного принятия решений, повышение эффективности занятий.

К активным методам обучения, как правило, относятся: лекция-диалог, проблемная лекция, консультация, практикум, лабораторная работа, собеседование, реферат, экскурсия, анализ конкретной ситуации, выездное занятие, деловая игра, диспут, «круглый стол», конференция, метод проектов. К методам интерактивного обучения: метод мозгового штурма (атаки), разработка группового проекта, решение ситуационных (практических) задач (казусов), приглашение гостя, дискуссия, инсценировка, квиз, мастер-классы специалистов и экспертов, олимпиада. При этом необходимо отметить, что один и тот же метод может быть как активным, так и интерактивным в зависимости от ситуации. Например, если в ходе конференции обучаемый взаимодействует только с педагогом, то есть только педагог может задавать вопросы, то тогда можно говорить об активном методе обучения, если же вопросы задают и другие обучаемые, возможно, возникает дискуссия, то активным метод трансформируется в интерактивный метод обучения.

На необходимость использования в антикоррупционной просветительской деятельности интересных форм и методов указывают и нормативно-правовые акты. Если в Указе Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» указывается на необходимость организовать проведение международных и всероссийских студенческих антикоррупционных мероприятий [15] в общем виде, то Программа по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 гг. конкретизирует данное требование путем указания на необходимость проведения конкурсов на антикоррупционную тематику среди обучающихся образовательных организаций высшего образования [16].

В процессе антикоррупционной просветительской деятельности можно применять различные методы, но цели антикоррупцинного просвещения будут достигнуты, если информация будет преподносится в игровой, доступной форме. Среди современных методов можно выделить конкурс создателей социальной рекламы и антирекламы. Идеей конкурса является привлечь внимание населения к коррупционным проблемам нашего общества. Не теряют актуальности и встречи с людьми, чья деятельность связана с противодействием коррупции – сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Республики Татарстан, отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Прокуратуры Республики Татарстан.

Интересным представляется опыт Управления контроля и антикоррупционной работы Аппарата

Исполнительного комитета муниципального образования Казани по проведению квизов на антикоррупционную тематику среди школьников, студентов, а также среди сотрудников различных организаций, в том числе для сотрудников мэрии Казани. Подобного рода мероприятия имеют целью не только антикоррупционное просвещение, но и укрепление корпоративной культуры, поддержание командного духа.

Среди творческих конкурсов на антикоррупционную тематику следует выделить конкурс среди студентов Казанского (Приволжского) федерального университета «СМЕХ против коррупции» [17]. Работы победителей и призеров данного конкурса свидетельствуют о том, что обучаемые не только владеют соответствующими знаниями, но и способны творчески подходить к решению сложных проблем. Отличительной особенностью творческих конкурсов является то, что их участники получают знания, у них формируется антикоррупционное мировоззрение, а их работы могут использоваться в ходе дальнейшей просветительской работы. Размещение работы победителей и призеров на официальных интернет-ресурсах позволяет неограниченному количеству людей ознакомиться с ними, а форма подачи информации в виде комиксов, видеороликов, графических плакатов успешно привлекает внимание к антикоррупционной тематике.

Таким образом, антикоррупционное просвещение – это осуществляемая как в рамках образовательных программ, так и вне их деятельность, направленная на распространение антикоррупционных знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в сфере противодействия коррупции, целью которой является формирование антикоррупционного мировоззрения.

Антикоррупционное мировоззрение – это устойчивая система антикоррупционных взглядов, идей, мыслей, принципов, ценностных ориентаций, определяющая поведение людей, сформированное у населения нетерпимое отношение к коррупционному поведению, неприятие коррупции как образа мысли и образа действий.

Цели антикоррупцинного просвещения будут достигнуты, если информация будет преподноситься в игровой, доступной форме, антикоррупционные мероприятия будут проводиться с учетом возрастных, психофизических и иных особенностей обучаемых, их социальных и гендерных характеристик.

Наиболее актуальными среди форм антикоррупционного просвещения являются, на наш взгляд, олимпиады, творческие конкурсы, встречи с сотрудниками правоохранительных органов, квесты и квизы, конкурс эссе, деловые игры и подготовка презентаций и видеороликов.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: [федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ] // СЗ РФ. – 27.06.2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3851.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24813 (Дата обращения: 01.02.2024).
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. – URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=60625 (дата обращения: 01.02.2024).
8. Доценко А.С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1. – С. 179–188.
9. Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 42–51.
10. Федеральный закон от 05.04.2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // СЗ РФ. – 2021. – № 15 (Ч. I). – Ст. 2452.
11. Просвещение: нужно ли регулировать? / Л. Глебова, И. Шаблинский, М. Поваляев и др. // Закон. – 2021. – № 6. – С. 27–34.
12. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования: учеб. пособие / Е.А. Акунченко, П.А. Вырва, И.А. Дамм и др.; Под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 200 с.
13. Артеменкова Т.А., Гусев А.Ю. Антикоррупционное воспитание и просвещение на всех уровнях образования: учеб.-метод пособие. – URL: https://www.tmturinsk.ru/2023/GLY/antikorrupcionnoe_vospitanie_i_prosveshhenie_na_vs.pdf (дата обращения: 3.02.2024).
14. Антикоррупционное обучение и воспитание молодежи: методические рекомендации для учителей средних общеобразовательных организаций / Под общ. ред. Л.А. Потаповой. – Саранск, 2020. – 107 с.
15. Указ Президента РФ от 16.08.2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (ред. от 26.06.2023 г.) // СЗ РФ. – 2021. – № 3. – Ст. 6170.

16. Распоряжение Минобрнауки России от 14.12.2021 г. № 475-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 годы» // СПС Гарант.
17. Сборник работ призеров и победителей конкурса среди студентов КФУ «СМЕХ против коррупции». – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1763978877/Sbornik.rabot.Smeh.protiv.korrupcii.pdf (дата обращения: 4.02.2024).

Anti-Corruption Education in Educational Institutions

Novakovskaya A.V.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Salmina S.V., Selivanovskaya J.I., Tufetulov A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

Countering corruption has remained a priority of our state for a long period of time. Anti-corruption education is one of the activities for the prevention (prevention) of corruption. Anti-corruption education is of particular relevance in the process of educational activities, since the formation of anti-corruption values must begin from an early age, and then the future generation will grow up in a situation of non-acceptance of corruption.

The purpose of the study is to determine the role of anti-corruption education in educational organizations, as well as to determine the most effective methods of anti-corruption education.

The work made an attempt to formulate the author's concept of anti-corruption education, to determine the goals and objectives of such activities. The effectiveness of anti-corruption education in educational organizations of various levels of general and professional education depends on taking into account the age and psycho-emotional characteristics of the students, as well as the choice of methods of educational activities.

Within the framework of the study, a comprehensive analysis of the basic theoretical concepts of anti-corruption education was carried out, taking into account the latest changes in the legislation of the Russian Federation, as well as the most effective methods of anti-corruption educational activities, and this choice was justified.

Within the framework of the study, a comprehensive analysis of the basic theoretical concepts of anti-corruption education was carried out, taking into account the latest changes in the legislation of the Russian Federation, as well as the most effective methods of anti-corruption educational activities, and this choice was justified. The results obtained can be used in further theoretical studies of anti-corruption education issues, and can also be used in the process of carrying out educational activities (training and upbringing).

Key words: anti-corruption education, methods of anti-corruption education

УДК 340.125

Праксеологические условия наступления юридической ответственности по российскому законодательству

Рязанова М.Н.
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В представленной статье с позиции праксеологического методологического подхода сопоставлены общие и специальные условия возникновения юридической ответственности. Автор акцентировал внимание на проекции достижений социальной философии в отношении теоретико-правовых направлений оценки эффективности отдельных видов ответственности. В результате в статье сформулирован вывод о преобладании правовых абстракций, предопределяющих широту усмотрения правоприменителя при решении проблемы целесообразности наложения тех или иных мер ответственности в силу комплекса обстоятельств, которые либо отсутствуют в законодательстве, либо сформулированы завуалированным образом. Главенствующими методами научного исследования стали формально-логический и аналитический, а также отдельные частнонаучные методы (правовая праксеология, правовая герменевтика). В своей совокупности они позволили оценить тенденции российской правоприменительной практики, предопределяющие праксеологические условия юридической ответственности. Автор выдвигает в качестве основного вывода тот факт, что в праксеологическом значении юридическая ответственность должна не только достигать результатов, гармонирующих с целями правового регулирования, но и осуществляться посредством оказания реального эффекта в отношении правонарушителя.

Ключевые слова: юридическая ответственность, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения

Теоретико-правовое осмысление института юридической ответственности построено на разграничении не только понятийных особенностей, но и системы условий, при наличии которых реализуются предусмотренные нормами права меры неблагоприятного воздействия на правонарушителей. В концентрированном виде дискуссии среди учёных сводятся к сопоставлению двух классических подходов, трактующих сущность юридической ответственности (ретроспективное и позитивное понимание) [1–3], с современными течениями правовой мысли, в рамках которых исследуются разнообразные дефекты законодательного регулирования мер, форм и целей ответственности, а также оценивается эффективность её применения в разных отраслях права [4–6].

Названные параметры имеют практико-ориентированное значение, поскольку зависят от факторов развития человеческой деятельности, которая выступает основным предметом правовой праксеологии [7, с. 47; 8, с. 12]. Данное научное направление изначально затрагивало анализ тенденций правоприменительной практики по вопросам возникновения различных видов ответственности, а также ориентировалось на поиск обобщающих признаков, которые в своей совокупности характеризуют состояние всего института юридической ответственности в его практическом выражении [9, с. 78].

Однако за годы своего развития праксеологический подход в теории права вышел за рамки исследования лишь официальной практики, чтобы

учитывать влияние поведенческой активности на результаты правового регулирования определённых типов отношений, в том числе с целью выявления эффективности наложения отдельных мер ответственности [10, с. 61]. В отличие от психолого-правового направления, в рамках которого предпринимаются попытки определить особенности сознания личности, в правовой праксеологии значение приобретают только внешние поведенческие акты, что наглядно прослеживается в практическом разнообразии правонарушений и возникающих за их совершение видов юридической ответственности.

Тем самым праксеологическая методика позволяет анализировать такие отрицательные явления юридической ответственности, как правовая аномия, безнормативность, безответственность и другие тенденции её практического воплощения. В представлении отдельных исследователей праксеология сопряжена с изучением такой категории, как правовая реальность, в рамках которой происходит соотношение формальных норм с их фактическим восприятием людьми [11; 12]. В плоскости юридической ответственности это означает потребность в анализе лиц, к которым применены определённые санкции, на фоне практического эффекта использованных правоприменителем мер ответственности [13; 14].

Впрочем, помимо исключительно практических особенностей применения юридической ответственности, праксеологический подход позволяет установить специальные условия её возникновения непосредственно в нормах права. Хрестоматийным примером в данном случае выступает гражданско-правовая ответственность у субъекта, не имеющего достаточной имущественной базы для реализации мер материального характера. Среди основных условий наступления рассматриваемого вида юридической ответственности действующее гражданское законодательство Российской Федерации не называет имущественную состоятельность правонарушителя. Между тем в правоприменительной практике часто поднимается вопрос об исполнении судебного решения, которым оформлены материальные обременения в отношении виновного лица [15; 16], не способного к моменту наложения подобных мер ответственности выполнить предъявляемое требование (возместить убытки, выплатить задолженность, оплатить неустойку, вернуть имущество).

Праксеологическим эффектом послужило введение в 2015 г. [17] в нормы Гражданского кодекса РФ [18] формулы, предопределяющей потенциальный размер убытков. В частности, согласно абз. 2 п. 2 ст. 393, полное возмещение убытков должно учитывать положение кредитора при надлежащем исполнении обязательства, в том числе внедоговорного. Помимо этого, судебные органы наделены правом усмотрения посредством толкования таких гражданско-правовых абстракций, как справедливость и соразмерность ответственности (п. 5 ст. 393 Гражданского кодекса РФ). Примечательно, что закономерный в подобных случаях вариант банкротства не воспринят в действующем российском законодательстве в качестве проявления юридической ответственности, хотя обладает его отдельными признаками (например, негативным характером для лица).

Несколько иначе решается указанная проблема в случаях применения мер публично-правовой ответственности. Так, при возникновении схожей ситуации у лица, привлечённого к материальным мерам уголовной ответственности, должна последовать замена наказания. Вместе с тем ст. 80.1 Уголовного кодекса РФ [19] допускает освобождение от подобного наказания по причине «изменения обстановки» при наличии нескольких условий:

1) было совершено преступление небольшой или средней тяжести;

2) виновное лицо или совершённое им деяние утратило общественную опасность.

В основу праксеологического эффекта при применении различных мер юридической ответственности закладывается физическое состояние правонарушителя, позволяющее ему реализовать предписанное судом ограничение. Например, в системе условий возникновения уголовной ответственности такой критерий прослеживается лишь в части определения вменяемости виновного лица, что, в свою очередь, выступает одним из элементов состояния его здоровья. Однако при назначении уголовного наказания фактическое состояние подсудимого учитывается не только судом, но и государственным обвинителем.

Тем самым в правовой праксеологии принято разграничивать юридическую ответственность, выступающую законной реакцией государства на противоправное поведение виновного лица, от ответственности, являющейся правовым состоянием правонарушителя. В последнем случае нередко употребляется термин «деликтоспособность», который приобрёл неоднозначное понимание в отраслевых науках, но воспринимается в качестве неотъемлемого условия наступления юридической ответственности в теоретико-правовых исследованиях. При этом действующее российское законодательство прямо не указывает на него, как на элемент применения мер негативного характера, а лишь по косвенным нормативным положениям позволяет оценить предрасположенность лица в силу своего физического, психического, имущественного и иного заслуживающего внимание состояния к несению определённых видов юридической ответственности.

Приведённые примеры показывают юридическую ответственность в ракурсе человеческой деятельности, осуществляемой в рамках определённых обстоятельств. Поэтому она направлена

на использование предусмотренного законодательством инструментария работы с субъектом, который приобретает праксеологические признаки опредмечивания или распредмечивания в процессе реализации наложенных мер ответственности:

1) в первом случае необходимо вести речь о факторах, влияющих не только на выбор санкции, но и на решение вопроса о целесообразности их применения;

2) во втором случае (при распредмечивании) наложенные меры юридической ответственности рассматриваются в плоскости человеческой деятельности, обладающей спецификой в силу законодательства, регламентирующего порядок исполнения санкции (например, в пенитенциарном законодательстве, в законодательстве об исполнительном производстве).

Между тем в обоих вариантах эффективность юридической ответственности оценивается при сопоставлении целей правового регулирования с фактическими результатами.

Таким образом, праксеологическими условиями юридической ответственности являются различные факторы и тенденции, предопределённые законодательством либо выработанные в правоприменительной практике с учётом принципов человеческой деятельности, которые сформированы в социально-философских учениях о праксеологии и детализированы в правовых науках. Тем самым условия юридической ответственности разграничиваются на основные и специальные не только по критериям субъекта, объекта, целей и функций, но и других обстоятельств, влияющих на исполнимость тех или иных мер ответственности. Впрочем, анализ действующего российского законодательства демонстрирует перенос подобных условий на усмотрение правоприменителя посредством использования в нормативных конструкциях правовых абстракций, в форме которых в равной степени могут выступать и принципы, и оценочные понятия.

Следует заключить, что, как отмечалось выше, в праксеологическом значении юридическая ответственность должна не только достигать результатов, гармонирующих с целями правового регулирования, но и осуществляться посредством оказания реального эффекта в отношении правонарушителя. Исследование подобных процессов на примере отдельных случаев показало, что они тяготеют к универсализации, т.е. обретают вид тенденции, влияющей на институт юридической ответственности за продолжительный период времени.

Литература:

1. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (49). – С. 7–15.
2. Карданов Р.А. Роль и значение позитивной юридической ответственности // Актуальные проблемы современной науки. – 2016. – № 4 (89). – С. 86–90.
3. Фарзалиева Д.М. Соотношение позитивной и негативной гражданско-правовой ответственности // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 7. – С. 106–107.
4. Калашеева О.М. Проблемы эффективности юридической ответственности // Вестник науки. – 2018. – Т. 2. – № 9 (9). С. 91–92.
5. Чаннов С.Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 59–69.
6. Белов С.В., Кузнецов А.В. Эффективность реализации административной ответственности за неповиновение сотруднику полиции // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2020. – № 4. – С. 72–76.
7. Войцеховский С.Н. Понятие и разновидности праксеологии // Журнал научных и прикладных исследований. – 2016. – № 8. – С. 46–50.
8. Рязанова М.Н. Правовая праксеология как направление в современных юридических исследованиях // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 9–13.
9. Монахова Л.Ю., Федотова В.С. Праксиология и праксеология в историко-методологическом дискурсе // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 76–87.
10. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Монография. – Тольятти: ТГУ, 2010. – 172 с.
11. Ланг П.П. Правовая реальность: философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 11–17.
12. Петров А.В., Горбатова М.К. Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 9–1. – С. 18–25.
13. Калашникова А.С., Левочкина Н.С. Сравнительный анализ оценок правовых явлений у насильственных и ненасильственных правонарушений // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 58–65.
14. Пичугин В.Г. Исследование вменённого и субъективного мотива совершения преступления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7. – № 3А. – С. 37–45.

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 г. № 305-ЭС23-17347 по делу № А40-159859/2022 «О взыскании убытков в порядке суброгации» // СПС Гарант.
16. Определение Верховного Суда РФ от 18.07.2019 г. № 307-ЭС19-5190 по делу № А56-88551/2017 «О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о взыскании расходов на устранение недостатков» // СПС Гарант.
17. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2023. – № 31 (Ч. III). – Ст. 5777.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 1 (ч. I). – Ст. 22.

Praxeological Conditions for the Onset of Legal Liability Under Russian Legislation

Ryazanova M.N.
Law Kazan branch of the Russian State University of Justice

This article uses a praxeological methodological approach to compare general and special conditions for the emergence of legal liability. The author focused on the projection of the achievements of social philosophy in relation to theoretical and legal directions for assessing the effectiveness of certain types of responsibility. As a result, the article formulates a conclusion about the predominance of legal abstractions that predetermine the breadth of discretion of the law enforcement officer when solving the problem of the appropriateness of imposing liability measures due to a set of circumstances. They are either absent from the legislation or formulated in legal norms in a veiled manner. The dominant methods of scientific research have become formal-logical and analytical methods, as well as certain private scientific methods (legal praxeology, legal hermeneutics). These methods made it possible to assess the trends in Russian law enforcement practice that predetermine the praxeological conditions of legal liability. The author puts forward as the main conclusion the fact that, in a praxeological sense, legal responsibility should not only achieve results that are in harmony with the goals of legal regulation, but also be carried out by providing a real effect in relation to the offender.

Key words: legal responsibility, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

УДК 346.26

К вопросу о содержании категории «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства»: цивилистический аспект

Сиразеев Р.Р.
Соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования определяется социально-экономической и правовой важностью вопросов поддержки малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) в современных условиях гражданского оборота. Цель исследования заключается в раскрытии цивилистической природы понятия «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства». В качестве исследовательских задач ставятся: анализ уровня развития МСП, определение функциональной взаимосвязи частных и публичных интересов, лежащих в основе поддержки МСП, выявление объективно-субъективных элементов в содержании поддержки, характеристика гражданско-правовых средств, обеспечивающих развитие МСП. Научная значимость работы определяется формированием нового цивилистического понимания поддержки субъектов МСП в разрезе инструментального подхода к праву. Практическая значимость представленного материала заключается в возможности использования основных выводов и положений при реформировании правового комплекса в области поддержки малого и среднего предпринимательства, с упором на частноправовые механизмы, а также на уровне саморегулирования, при применении гражданско-правовых средств поддержки субъектами МСП. Научная новизна результатов исследования заключается в раскрытии гражданско-правовой природы поддержки МСП, систематизации частноправового инструментария, создающего условия для развития МСП.

В результате проведенного исследования обоснована необходимость усиления гражданско-правовых средств поддержки субъектов МСП. Отмечена необходимость уточнения понятия инфраструктуры поддержки субъектов МСП с дифференциацией элементов (субъекты, способы, процедуры и т.д.). Выделены правосубъектные, вещно-правовые, обязательственные, организационные и информационные средства поддержки малого и среднего предпринимательства. Показана специфика каждой группы инструментов. Предложено расширение стимулирующих вещных прав, предоставляющих субъектам МСП возможность обладать государственным и муниципальным имуществом. Обоснована необходимость упрощения процедур по приобретению арендуемых земельных участков для добросовестных предпринимателей и усиления мер имущественной ответственности публично-правовых образований, препятствующих реализации преимущественных прав. С целью повышения стимулирования субъектов МСП при участии в закупках рекомендовано уменьшение финансовых и административных барьеров, повышение гарантий исполнения обязательств со стороны заказчиков, предоставление большей диспозитивности в изменении договорных условий. В качестве выводов отмечена необходимость пересмотра действующего механизма поддержки МСП с углублением и дифференциацией гражданско-правового инструментария.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, МСП, поддержка, интерес, публично-правовые средства, гражданско-правовые средства, процедуры

Состояние малого и среднего предпринимательства выступает своего рода индикатором развития экономики. В большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития общий объем МСП в структуре ВВП составляет более 50 %, например, в Китае – 70–80 %, в США – около 60 % [1, с. 14]. Россия характеризуется относительно небольшим удельным весом малого бизнеса. За последнее время, однако, в нашей стране стал наблюдаться его уверенный рост. Вклад МСП в ВВП достиг 21 % в 2023 г., что в денежном выражении составило около 32,6 трлн руб. Сейчас в России функционирует около 6 млн малых и средних предприятий с числом работников более 30 млн чел. Планируется, что к концу 2024 г. доля малого и среднего предпринимательства в ВВП составит 32,5 % [2].

Публично-правовые ограничения, вытекающие из принятых в отношении России санкций, повлияли на реализацию гражданских прав и обязанностей участников гражданского оборота, и особенно это проявилось в сфере деятельности малого и среднего предпринимательства.

С одной стороны, небольшие организации оказались наиболее уязвимыми перед рисками [3, с. 92]. С другой же стороны, именно малое и среднее предпринимательство проявило гибкость в переориентировании деятельности и удовлетворении новых потребностей экономики [2].

Вопросам поддержки малого и среднего предпринимательства уделено достаточно пристальное внимание в науке предпринимательского права. В то же время авторы крайне редко обращаются к раскрытию базовой категории, отражающей сущность отношений: «поддержка». В основном исследуются конкретные формы, меры, методы поддержки, оценивается их эффективность и т.д. [4–7]. Между тем, именно в термине «поддержка» заложены концептуальные основы, характеризующие соответствующий комплекс отношений как с позиции публичного, так и частного права. В содержании данного понятия, различных его преломлениях в зависимости от специфики гражданско-правовых отношений кроются характер и функции всего правового воздействия на предпринимательскую среду.

В русле инструментальной теории права [8–9] понимание термина «поддержка» предопределяет выяснение таких признаков, которые позволяют выстроить набор юридически значимых способов достижения определенных целей субъектов. Поддержка оказывается тогда, когда это необходимо, существует непрерывно, обеспечивая функционирование того или иного явления, создавая устойчивость и одновременно динамику.

В формально-юридическом значении, в правоприменительной практике, на уровне правового сознания «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства» воспринимается как некая «помощь сверху», посредством публично-правовых регуляторов. Основной формой поддержки считается государственная (муниципальная) поддержка, что вытекает из смысла Федерального закона от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [10]. Поддержка определяется через публичные правосубъектные средства («деятельность органов государственной власти РФ, органов публичной власти федеральной территории, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций…»), образующие соответствующую инфраструктуру. В то же время в законодательстве не раскрыто содержание инфраструктуры поддержки.

На региональном уровне правового регулирования отношений в сфере поддержки МСП можно встретить более широкие трактовки соответствующей инфраструктуры. В частности, в Республике Татарстан инфраструктура выстраивается как по субъектному, так и по отраслевому признакам, а также включает набор процедур по реализации мер поддержки, информационные, организационно-правовые, иные ресурсы [11]. Для целей синхронизации правовых регуляторов целесообразно нормативно определить содержание инфраструктуры поддержки субъектов МСП, опирающееся не только на субъектный признак, но и на иные элементы (процедурная составляющая, механизм функционирования инфраструктуры и т.д.).

Концептуальное понимание поддержки МСП предопределяет ее трактовку как инструмента достижения целей и решения задач: правовых (правотворческих, правореализационных, правоприменительных); экономических (например, на микроэкономическом уровне – увеличение прибыли, на макроуровне – рост ВВП); социальных (повышение качества жизни людей, развитие институтов социального предпринимательства и т.п.).

Деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства как объект поддержки аккумулирует множественность правоотношений частноправового и публично-правового характера. Понимание поддержки преимущественно как инструмента публичной власти, представляется, выводит из поля зрения широкий спектр иных способов и инструментов, связанных с содействием субъектам МСП методами частного права. Представляется, поддержку МСП следует рассматривать объемно, подразумевая под

ней все формы деятельности, направленной на создание условий для развития гражданского оборота с участием соответствующих категорий субъектов.

Малое и среднее предпринимательство удовлетворяет потребительский спрос в товарах, работах, услугах. Уровень общественного благосостояния прямо пропорционален степени развития данного сегмента, что наделяет цели поддержки свойствами социальной направленности. Одновременно обеспечиваются общественный и публичный интересы, связанные с национальным производством, занятостью, динамикой финансовой системы, налогообложением, поддержанием конкуренции и т.д. Переплетение частных, общественных и публичных интересов, связанных со сферой МСП, предопределяет возможность понимания поддержки как комплексного межотраслевого механизма, решающего на каждом этапе предпринимательской деятельности определенный круг задач.

Частноправовой ракурс поддержки субъектов МСП детерминирован интересами самих предпринимателей. Эффективность поддержки, как правило, определяется положительными изменениями в имущественной сфере (рост прибыли, расширение активов и т.д.). Но в дополнение к измеримым количественным показателям всегда необходимо учитывать качественные, например, информационно-психологические аспекты восприятия поддержки: удовлетворен ли предприниматель процессом и результатами, насколько удобными и необременительными оказались процедуры получения тех или иных льгот. Например, реализация такой формы поддержки, как интеграция субъектов МСП в сферу закупок для публичных нужд, сопряжена со значительным количеством требований и ограничений (невозможность влиять на условия контракта, необходимость предоставления обеспечения исполнения обязательств, наличие ряда формальных оснований для включения в реестр недобросовестных поставщиков и т.д.), снижающих предпринимательскую активность.

Л.В. Андреева обращает внимание на то, что сфера закупок ориентирована больше на крупный бизнес [12, с. 34–35]. Полноценной поддержке малого и среднего предпринимательства будут способствовать, в частности, уменьшение финансовых и административных барьеров для участия в торгах, увеличение квот закупок у субъектов МСП, упрощение процедур закупок с участием лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в статусе самозанятого, повышение уровня гарантий своевременного исполнения обязательств со стороны публичных заказчиков, определение четких критериев добросовестности поставщиков, предоставление большей диспозитивности в изменении договорных условий.

Таким образом, совокупность объективно-субъективных элементов в содержании поддержки МСП дает более объемное представление о ней.

Поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства также можно представить как стимулирующий правовой режим, охватывающий систему правовых средств обеспечения интересов лиц, обладающих статусом МСП (единство и целостность поддержки). Дифференциация поддержки распределяется по уровням, видам правоотношений, отраслевому признаку, правовому статусу субъектов и т.п.

Поддержка субъектов МСП реализуется на уровнях публично-правового воздействия, частно-публичного и частноправового. В публично-правовом ракурсе поддержка – сугубо «вертикальный» правовой инструмент, выстроенный методами прямого административного воздействия (специальные налоговые режимы, предоставление субсидий и т.д.). Смешанная поддержка характеризуется сочетанием гражданско-правовых и публично-правовых средств (инфраструктура, образованная АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», сорегулирование и др.). В гражданско-правовом значении поддержка выглядит как саморегулируемая система, складываемая на горизонтальном уровне правоотношений.

С цивилистических аспектов объектом поддержки субъектов МСП выступает их частноправовая деятельность, а последствия поддержки, в свою очередь, носят гражданско-правовой характер, вызывая изменения в имущественной среде предпринимателей. В этом преломлении правовой режим поддержки образуется сочетанием правосубъектных, вещно-правовых, обязательственных, организационных и информационных правовых средств. Такая дифференциация позволяет функционально раскрыть способы воздействия на имущественные отношения [13, с. 61].

Правосубъектные средства (наличие гражданско-правового статуса лица, относящегося к МСП) создают основания для приобретения льгот и стимулов, а также позволяют представлять и защищать интересы предпринимателей (саморегулируемые объединения и т.п.)

Вещно-правовые средства отвечают за материальную обеспеченность через конструкции вещных прав. Как экономически слабые субъекты, представители малого и среднего бизнеса обладают меньшими ресурсами для обладания имуществом на праве собственности. Вариации же ограниченных вещных прав для них лимитированы. Представляется, что в гражданском и отраслевом (земельном) законодательстве следует установить перечень льготных вещных прав с разумными ограничениями (критерии добросовестного, эффективного использования, специальные основания и условия приобретения и т.д.). Например, безвозмездное использование земельных участков, относящихся к публичной собственности, можно предусмотреть

для некоторых категорий МСП (в стратегически важных, социально ориентированных направлениях) на определенный срок, с возможностью продления соответствующего права.

Обязательственные средства поддержки связываются с динамикой гражданского оборота. Основным приемом выступает гражданско-правовой договор, причем не всякий, а тот, который содержит элементы поддержки. В широком смысле любой договор, заключаемый с предпринимателем из категории МСП, направленный на приобретение его товаров (работ, услуг), может оказывать «поддерживающий» эффект (например, если потребитель осознанно предпочитает покупку сельскохозяйственной продукции не в торговых сетях, а у мелких фермеров). Подобного рода поведение является проявлением общественной поддержки малого и среднего предпринимательства.

В качестве обязательственных правовых средств, закладывающих условия для развития МСП, можно обозначить специальные договорные конструкции, элементные особенности которых снабжены определенными стимулами для соответствующей категории субъектов (например, договоры в области краудфинансирования, в рамках партнерских программ, связанные с размещением на маркетплейсах, и т.д.).

Как отмечает А.В. Михайлов, классические договорные конструкции в эпоху цифровизации трансформируются, что особенно отразится на предпринимательской среде [14, с.71]. Распространенные сегодня технологии блокчейн и смарт-контрактов изначально развивались в сфере услуг и торговли. Восприятие нового договорного инструментария оказывается наиболее подвижным в поле деятельности малого бизнеса. В перспективе ускорение гражданского оборота с участием субъектов МСП потребует концептуального пересмотра предпринимательских договоров.

В основе организационных инструментов поддержки МСП лежат процедуры, направленные на улучшение условий предпринимательской деятельности. Процедурное нагромождение влечет к снижению мотивации, затруднению в удовлетворении имущественных и неимущественных интересов. Так, например, установленные в законодательстве процедуры и требования по приобретению субъектами МСП арендуемых земельных участков в собственность [15], с одной стороны, носят ограничительный характер, поскольку направлены на охрану публичной собственности и поддержание конкуренции. С другой стороны, распространены злоупотребления со стороны распорядителей имуществом и препятствия в реализации преимущественных прав предпринимателей [16–17]. Представляется, что назрела необходимость упрощения соответствующих процедур для добросовестных предпринимателей и усиления мер имущественной ответственности публично-правовых образований.

Информационные средства поддержки МСП выражаются в обеспечении субъекта коммерчески ценной информацией, информационной безопасности, расширении информационных возможностей предпринимателей, интеграции бизнеса в цифровую среду и др. В условиях цифровой экономики требуется непрерывное обновление и увеличение специальных инструментов информационного характера.

Итак, понимание поддержки малого и среднего предпринимательства в гражданско-правовом ракурсе позволяет выяснить многообразие частноправовых средств и последствий их применения, определить уровень стимулирования, оценить эффективность.

Гражданский оборот сегодня претерпевает существенные изменения. Увеличение доли малого и среднего предпринимательства объективно потребует пересмотра действующего механизма поддержки с опорой на качественные показатели, углубленную дифференциацию методов и средств содействия. Перед реформированием соответствующего правового комплекса должны быть тщательно проанализированы наиболее уязвимые сферы предпринимательства, систематизированы ограничения, препятствующие достижению целей поддержки.

Литература:

1. Кочнев А.А. Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: особенности и перспективы развития // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 1. – С. 5–25.
2. Больше от меньших: вклад МСП в экономику России вырос до 21%. – URL: https://iz.ru/1635167/mariia-stroiteleva/bolshe-ot-menshikh-vklad-msp-v-ekonomiku-rossii-vyros-do-21
3. Юнусов И.А., Чумарина Г.Р. Государственное регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства как объективная необходимость // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 2(48). – С. 91–96.
4. Мусабирова Д.А. Правовые формы, условия и порядок государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ и субъектах РФ // Инновационная наука. – 2015. – № 12 – С. 146–148.

5. Ручкина Г.Ф. Некоторые антикризисные финансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Банковское право. – 2022. – № 3. – С. 29–37.
6. Чернышева Т.К. Финансовые и нефинансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных отраслях российской экономики // Научные записки молодых исследователей. – 2019. – № 5. – С. 35–42.
7. Иванова Ж.Б., Касперских Е.Ф. Проблемы правового регулирования государственной имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 47–49.
8. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 49 с.
9. Филиппова С.Ю. Инструментальная методология цивилистического исследования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 57 с.
10. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
11. Инфраструктура поддержки предпринимательства. Министерство экономики Республика Татарстан. – URL: https://mert.tatarstan.ru/Development_and_support_of_small_and_medium_businesses/infrastructure.html (дата обращения: 27.02.2024).
12. Андреева Л.В. Прогнозная оценка эффективности изменения правил об участии субъектов малого и среднего предпринимательства в регламентированных закупках // Предпринимательское право. – 2018. – № 2. – С. 34–41.
13. Измайлов Р.Р. Система правовых средств на рынке жилищно-коммунальных услуг // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 61–63.
14. Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 68–72.
15. Федеральный закон от 22.07.2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 2008. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3615.
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2019 г. № Ф03-4834/2019 по делу № А51-2861/2019 // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2022 г. № 01АП-6019/2022 по делу № А43-5735/2022 // СПС КонсультантПлюс.

On the Issue of the Content of The Category «Support for Small and Medium-Sized Businesses»: Civil Aspect

Sirazeev R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research is determined by the social, economic and legal importance of supporting small and medium-sized businesses (SME) in modern conditions of civil circulation. The purpose of the study is to reveal the civil law nature of support for small and medium-sized businesses. The tasks are: analysis of the level of development of SME, determination of the functional relationship of private and public interests underlying SME support, identification of objective-subjective elements in the content of support, characterization of civil law means ensuring the development of SME. The scientific significance of the work is determined by the formation of a new civil law understanding of support for SME in the context of an instrumental approach to law. The practical significance of the presented material lies in the possibility of using the main conclusions and provisions for reforming the legal complex and practice in the field of supporting small and medium-sized businesses, with an emphasis on private legal mechanisms. The scientific novelty of the research is expressed in the disclosure of the civil law nature of SME support, the systematization of private law tools creating the conditions for the development of SME. As a result of the study, the need to strengthen civil law means of supporting SME was substantiated. The need to clarify the concept of support infrastructure for SME, with differentiation of elements (subjects, methods, procedures) is noted. Legal personality, real, obligatory, organizational and information legal means of supporting are highlighted. The specifics of each group of instruments are shown. As conclusions, the need to review the current mechanism for supporting SME was noted, with the differentiation of civil law instruments.

Key words: small and medium-sized enterprises, support, interest, public legal means, civil law instruments, procedures

УДК 343.241

Ответственность за незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Сундурова О.Ф.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Одной из задач для России и многих других государств является противодействие преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (наркотиков). Для обеспечения общественной безопасности законодателями Российской Федерации и Республики Беларусь дифференцируются уголовно-правовые меры, направленные на совершенствование правового регулирования ответственности за совершение преступлений, связанных с распространением наркотиков.

Представляет научный интерес сравнительное исследование положений, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков по УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, которое позволяет более эффективно противодействовать указанным преступлениям. В статье отмечается достаточно высокий уровень регламентации ответственности за данные преступления, в то же время автор обосновывает предложения по совершенствованию их законодательного регулирования.

Цели и задачи научного исследования заключаются в обосновании предложений по совершенствованию уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и выявление тенденций в судебной практике по рассматриваемым преступлениям в Российской Федерации и Республике Беларусь. Автор, в частности, указывает, что в УК Республики Беларусь предусмотрена более последовательная дифференциация ответственности за рассматриваемые преступления; удачным является включение в ст. 327 УК РБ примечания, в котором раскрываются основные понятия.

Предложения и рекомендации, обоснованные в данной статье, могут использоваться в дальнейших теоретических исследованиях, а также в дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Предлагаются новации в уголовном законодательстве России для более последовательной дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: наркотики, незаконный оборот, повторное совершение деяния, уголовная ответственность

В последние годы немало внимания уделяется законодательному урегулированию проблем, возникающих в практической деятельности судов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов как в России, так и в других государствах. В Республике Беларусь преступления с использованием наркотических средств, психотропных веществ яв-

ляются не часто встречающимися в сопоставлении с Россией. Об этом свидетельствуют данные статистики. Так, в Республике Беларусь в 2018 г. за их совершение осуждено 2452, 2019 г. – 2284, 2020 г. – 2002, 2021 г. – 2050, 2022 г. – 2467 лиц [1]. В России число осужденных за рассматриваемые преступления (с учетом новых опасных психоактивных веществ) составляет: в 2018 г. – 92528, 2019 г. – 79631, 2020 г. – 70142, 2021 г. – 76548, 2022 г. – 75385 лиц [2].

УК Республики Беларусь включает 8 составов преступлений (ст.ст. 327–332) за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров или их аналогов, а УК РФ – 11 (ст.ст. 228–233).

Наиболее существенные отличия положений УК Республики Беларусь от норм УК РФ за рассматриваемые преступления сводятся к следующему:

а) ст. 327 УК РБ включает примечание, раскрывающее основные понятия, употребляемые в статьях (ст.ст. 327–332): наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры (п. 1); особо опасные наркотические средства и психотропные вещества (п. 2); аналоги наркотических средств и психотропных веществ (п. 3). Несомненно, решение о включении примечания с содержанием основных понятий является удачным. Известно, что в России эти понятия закреплены в Федеральном законе от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Нам видится, что толкование их в УК РФ следует позаимствовать, дополнив примечание к ст. 228 УК РФ ч. 1^1 понятиями, используемыми в ст.ст. 228–233 УК РФ. Наряду с наркотическими средствами, психотропными веществами, прекурсорами наркотических средств или психотропных веществ, их аналогами, следовало бы включить растения и их части с содержанием запрещенных средств и веществ. Это в известной мере облегчит понимание того, что является предметом рассматриваемой группы преступлений;

б) отличается признание прекурсоров и растений (их частей) по УК РБ и УК РФ. Так, в УК РФ отдельно выделены статьи (ст.ст. 228^3, 228^4) за совершение деяний с прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ. А в УК Республики Беларусь прекурсоры определены на равных условиях с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами.

Напротив, по УК РФ растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (их части), закреплены наряду с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами. Кроме того, в отдельной ст. 231 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное культивирование растений с содержанием рассматриваемых средств или веществ. Если сравнить пределы наказания в виде лишения свободы за выращивание растений или грибов с содержанием наркотических средств организованной группой за незаконный посев (от 5 до 15 лет лишения свободы по ч. 3 ст. 329 УК РБ), то они являются менее строгими в сравнении с пределами наказания за незаконный оборот наркотических средств, совершенными организованной группой (от 10 до 20 лет лишения свободы по ч. 4 ст. 328 УК РБ). Таким образом, признание предметом преступления растений с наркотическими средствами или психотропными веществами (их частей) в статьях УК РФ наряду с наркотическими средствами и психотропными веществами, их аналогами является более предпочтительным и обоснованным при привлечении виновных лиц к ответственности. Очевидно, что рассматриваемые запрещенные средства содержатся в растениях, которые запрещены для потребления без медицинского назначения и находятся под контролем государства;

в) в Российской Федерации и Республике Беларусь дискутируется вопрос о включении в Уголовный кодекс составов, называемых преюдиционными. Несмотря на неоднозначное отношение к этой проблеме, их количество постепенно возрастает как в УК РБ, так и УК РФ. Ст. 328^2 УК РБ устанавливает ответственность за повторное совершение деяния лица, ранее отбывавшего административное наказание. Среди оснований применения данной нормы к лицу, употребившему рассматриваемые средства или вещества, белорусский законодатель выделяет: 1) отсутствие медицинского назначения для приема наркотических средств или психотропных веществ и 2) нахождение лица под воздействием наркотиков или психотропных веществ в общественном месте, сопровождаемое антиобщественным поведением, или 3) при приеме их на работе. Если такое же поведение повторяется в течение года после привлечения к административной ответственности, то лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 328^2 УК РБ за повторное их употребление.

Нам видится, что в России повторное потребление наркотических средств и психотропных веществ не должно влечь уголовную ответственность, к тому же высока вероятность, что она коснется несовершеннолетних, а в последние годы в Российской Федерации наблюдается рост количества несовершеннолетних, впервые употребивших наркотические средства.

УК РФ дифференцирует ответственность за преступления с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами в зависимости от их размера (значительный, крупный и особо крупный), сами их виды и нахождение их в том или ином перечне (утверждается Правительством РФ) зависит от уровня его контроля со стороны государства. В УК РБ предусмотрена более последовательная дифференциация ответственности за рассматриваемые преступления, в основу которой положен: 1) размер (например, крупный);

2) перечень, в который они входят (например, особо опасных наркотических средств и психотропных веществ). Более строгая ответственность предусмотрена за преступления с особо опасными наркотическими средствами и другими запрещенными веществами и закрепляется она, как правило, в ч. 2 соответствующих статей УК РБ.

Заслуживающей внимания для анализа является ст. 8 УК РБ, предусматривающая преюдициальное значение совершения преступления в иностранном государстве. При решении этого вопроса законодатель отсылает нас к международным правовым актам (ст. 8). Будет ли привлечено к уголовной ответственности по ст. 328^2 УК РБ лицо, ранее привлеченное к административной ответственности за употребление наркотического средства и вновь потребившее в течение года после привлечения к административной ответственности наркотическое средство на территории иностранного государства? Например, в России место потребления не выделяется в качестве признака состава правонарушения. Однако, если имеются достаточные основания полагать, что лицо употребило запрещенные средства без назначения врача или отказалось от выполнения требования о прохождении медицинского освидетельствования, то оно подлежит административной ответственности за их потребление (ст. 6.9 КоАП РФ). Состояние наркотического опьянения не всегда является очевидным для окружающих, поэтому и освидетельствование производится в очевидных случаях. Соответственно, и административная ответственность наступает не всегда.

В санкциях УК РФ за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов, предусмотрено наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, арест, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельность с установлением их пределов. Особенностью УК РБ является то, что по некоторым наказаниям, например, лишению свободы, ограничению свободы и аресту установлены пределы в санкции, а в отношении таких наказаний, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест, ни минимальный, ни максимальный пределы в санкции не закреплены, они содержатся в общих нормах (ст.ст. 50, 51, 54 УК РБ). За потребление наркотических средств и других запрещенных веществ (ст. 328^2 УК РБ) предусмотрено наказание в виде штрафа или ареста либо ограничения свободы на срок до двух лет. При назначении штрафа суд учитывает ранее наложенный административный штраф, поскольку его размер должен превышать максимальный размер административного штрафа. Ограничение свободы отбывается как в условиях изоляции от общества, так и без нее при наличии установленных в УК РБ оснований (ст. 55 УК РБ). УК РФ включает наказание в виде ограничения свободы без изоляции от общества, но в условиях применения к лицу электронного слежения.

В судебной практике Республики Беларусь указывается, что суды в основном правильно и своевременно разрешают дела рассматриваемой категории, однако встречаются и ошибки, которые проистекают из трудностей, связанных с определением квалифицирующих признаков [3, с. 10]. Возникают трудности при определении ответственности за незаконное приобретение и незаконное изготовление наркотических средств; разграничении незаконного изготовления и незаконной переработки; при переквалификации действий виновных, например с ч. 3 на ч. 1 ст. 328 УК РБ; при квалификации действий лица, изготовившего наркотики для другого лица из ингредиентов, купленных на совместные средства.

Дискуссионным является вопрос о посредничестве в приобретении наркотических средств. При такой квалификации возможна неправильная квалификация действий сбытчиков. По мнению практиков, санкции статей УК РБ, устанавливающие ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляются строгими. Обращаем также внимание, что, по данным судебной практики, лицам, привлеченным к ответственности по квалифицированным составам в Республике Беларусь, назначается, по существу, минимальный размер наказания в виде лишения свободы, в том числе при повторном сбыте наркотических средств [3, с. 12].

В РФ суды не всегда точно осуществляют толкование понятий изготовления, переработки, производства наркотических средств и психотропных веществ [4]. Существуют сложности при квалификации действий лиц, совершающих перевозку запрещенных средств без цели сбыта, пересылку или их сбыт.

Таким образом, проведенное сравнительное исследование положений УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, устанавливающих уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, показало, что в УК РБ осуществлена более глубокая дифференциация уголовной ответственности по данной группе преступлений, в основу которой положены размер наркотиков и перечень, в который они включены; в УК РБ, кроме того, установлена уголовная ответственность за повторное потребление наркотиков лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности; признание предметом преступления растений с наркотическими средствами или психотропными веществами (их частей) в статьях УК РФ наряду с наркотиками, их аналогами является более предпочтительным по сравнению с УК РБ.

Литература:

1. Статистические данные за 2018, 2019, 2019, 2020, 2021, 2022 гг. о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 20.08.2023).
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 20.08.2023).
3. Калинкович В., Дулько Л. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Судовы Веснік. – 2014. – № 2. – URL: https://court.gov.by/upload/OBZORY/sv2-2014.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) // СПС КонсультантПлюс.

Responsibility for Drug Trafficking Under the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Sundurova O.F
University of Management «TISBI»,
Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan)

One of the tasks for Russia and many other states is to combat crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances (drugs). To ensure public safety, legislators of the Russian Federation and the Republic of Belarus differentiate criminal legal measures aimed at improving the legal regulation of liability for crimes related to drug trafficking.

Of scientific interest is a comparative study of the provisions establishing criminal liability for crimes related to drug trafficking under the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Republic of Belarus, which makes it possible to more effectively combat these crimes.

The article notes a fairly high level of regulation of liability for these crimes, at the same time the author substantiates proposals for improving their legislative regulation.

The goals and objectives of the scientific research are to substantiate proposals for improving criminal liability for crimes related to drug trafficking and to identify trends in judicial practice for the crimes in question in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author, in particular, points out that the Criminal Code of the Republic of Belarus provides for a more consistent differentiation of responsibility for the crimes in question; successful is the inclusion in Art. 327 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, notes in which the basic concepts are revealed; repeated consumption of narcotic drugs and psychotropic substances should not entail criminal liability in Russia.

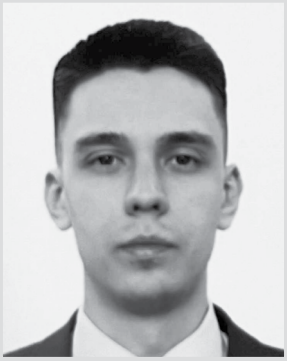
The proposals and recommendations substantiated in this article can be used in further theoretical research, as well as in further differentiation of criminal liability for crimes related to drug trafficking.

Innovations in the criminal legislation of Russia are proposed for a more consistent differentiation of criminal liability for crimes related to drug trafficking.

Key words: drugs, illegal trafficking, repeated commission of an act, criminal liability

УДК 340

К вопросу о понимании юридической природы явлений судебной сферы (на примере судебного доказывания)



Хабибуллин А.Р.
Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Изучение юридической природы судебно-правовых явлений, к числу которых относится судебное доказывание, имеет междисциплинарный характер и выступает одним из проблемных вопросов публично-правовых процессуальных наук. Проведенное исследование связано с решением нескольких исследовательских задач, в число которых входит уяснение смысла и содержания такой теоретической конструкции, как юридическая природа. Таким образом, целью проведенного изыскания выступает осмысление и уточнение содержания понятия «юридическая природа» на примере судебного доказывания, которое выступает неотъемлемой частью любого вида судопроизводства. Практический аспект исследования ориентирован на совершенствование правового нормирования явлений судебно-правовой сферы. Новизна работы выражается в том, что систематизация и анализ предложенных доктринальных подходов к осмыслению юридической природы судебного доказывания позволило автору выявить ее предназначение, установить признаки и свойства, позволяющие квалифицировать его одновременно в качестве комплексного, межотраслевого и отраслевого. Ценность проведенного научного исследования обусловливается тем, что автор обосновал основные направления, позволяющие установить своеобразие юридической природы судебного доказывания.

Ключевые слова: юридическая природа, процессуальное право, процессуальное законодательство, судопроизводство, судебное доказывание

Категория «правовая (юридическая) природа» является одной из малоизученных как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках.

В частности, Т.А. Дураев и Н.В. Тюменева полагают, что данное понятие сопровождает познавательную деятельность любых правовых феноменов, включая общераспространенные и уникальные, доктринальные и законодательно закрепленные, институциональные и процессуальные независимо от их пространственного расположения (национального, зарубежного, международного) [1]. С.В. Малюгин отмечает, что категория «юридическая природа» применяется в целях познания содержания и значения тех или иных явлений государственно-правовой действительности, причем в качестве таковых могут выступать разнообразные правовые объекты, в том числе нормы, отрасли права, нормативные правовые акты, сферы законодательства и пр. [2]. А.В. Захаров считает, что правовая природа юридического факта, процесса или явления имеет прямое отношение к вопросу об отраслевой принадлежности норм, которыми эти отношения регламентируются с целью определить, какие нормы «ответственны» за регулирование данной группы общественных отношений [3].

Иными словами, категория «юридическая природа» призвана указать, с одной стороны, на принадлежность исследуемого явления к конкретной сфере (области) правового регулирования, а с другой – на группу отраслевых правовых норм, под воздействием которых оно находится. При этом для ее характеристики имеют значение не только нормы (первичные, производные), но и правовые формы их закрепления.

Если исходить из предложенного формально-юридического подхода к пониманию данной категории, то общественные отношения, связанные с таким явлением судебной сферы, как установление истинности утверждений сторон перед компетентным судом в предписанной законом форме [4], принадлежат к различным сферам, областям и сторонам публично-процессуального правового регулирования (конституционно-правовой, гражданско-процессуальной, уголовно-процессуальной, арбитражно-процессуальной и пр.), которые располагают как общими (акты конституционного законодательства), так и специфичными правовыми источниками (процессуальное законодательство).

В этой связи, как отмечает С.В. Курылев, процессуальное право устанавливает нормы, обеспечивающие возможность применения законов логического доказательства, получение судом необходимого и доброкачественного материала, достаточного для установления истины [5]. Нормы процессуального права внешним образом выражены в специальных кодифицированных законодательных актах, обеспечивающих их формальную определенность и единообразное применение в судебной системе (ст.ст. 55–87 Гл. 6 «Доказывание и доказательства» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [6]; ст.ст. 73–90 Раздела III «Доказывание и доказательства» Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [7]; ст.ст. 64–89 Гл. 7 «Доказательства и доказывание» Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ [8]; ст.ст. 59–84 Гл. 6 «Доказательства и доказывание» Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ [9]).

Следовательно, юридическая природа судебного доказывания, с точки зрения высказанного общетеоретического подхода, характеризуется прежде всего конкретной сферой отраслевого правового регулирования, принадлежностью первичных и производных от них норм отраслевому процессуальному праву, формирующему содержание процессуального законодательства в соответствии с устройством судебной власти.

В то же время судебное доказывание как объект правового регулирования и элемент системы процессуального законодательства Российской Федерации выступает предметом межотраслевого правового регулирования.

В частности, судебное доказывание в цивилистическом судебном процессе, к которому относится арбитражное, гражданское и административное судопроизводство, трактуется Ю.К. Свиридовым как урегулированная нормами процессуального права деятельность суда и лиц, «участвующих в деле, образующая динамично протекающий процесс по выявлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств, позволяющих установить факты и обстоятельства, имеющие значение для разрешения по существу рассматриваемого судом дела» [10].

В то же время Я.В. Чичайкина справедливо указывает на то, что обнаружение, сбор, фиксация, а также проверка и непосредственная оценка доказательств выступают общими элементами судебного доказывания и, следовательно, присутствуют во всех видах судопроизводства [11].

Вместе с тем в конституционном судопроизводстве, направленном на разрешение исключительно вопросов права, имеет место некоторая специфика в характеристике элементов доказывания, поскольку, как отмечает Ю.Г. Антонина, представляется необходимым различать в предмете доказывания юридические факты, установленные путем анализа нормативных правовых актов (правовые обстоятельства), и юридические факты, установленные путем исследования конкретных жизненных обстоятельств (фактические обстоятельства) [12]. Аналогичную точку зрения выдвигает и А.М. Черников, который отмечает, что, несмотря на сходство, отдельные элементы конституционно-судебного доказывания имеют особое содержательное наполнение, обусловленное спецификой конституционно-контрольной деятельности [13].

Таким образом, в рамках отраслевого и межотраслевого процессуального правового регулирования формируются не только собственные внутриотраслевые правовые образования (процессуальные институты) отдельных отраслей судебного процессуального права о доказывании и доказательствах, но и межотраслевой институт процессуального права о судебном доказывании и доказательствах.

Вместе с тем Н.П. Асланян и Т.В. Новикова утверждают, что назначение понятия «правовая природа» в познавательной деятельности заключается в установлении родовой принадлежности правового явления, выявлении принадлежащих ему «первородных» свойств (признаков) [14].

Характерные признаки (свойства), как правило, раскрываются в соответствующих теоретических представлениях, посвященных явлениям судебной сферы.

Так, применительно к судебному арбитражному процессу судебное доказывание рассматривается как комплекс процедур по исполнению лицами, участвующими в деле, своей процессуальной обязанности по доказыванию, а также доказательственные процедуры, осуществляемые непосредственно органами арбитражного правосудия [15]. Под доказыванием в уголовном судопроизводстве предлагается понимать регламентированную уголовно-процессуальным законом познавательно-удостоверительную деятельность участников уголовного судопроизводства, направленную на установление обстоятельств,

необходимых для разрешения уголовного дела, по существу [16]. Доказывание в административном процессе (административно-юрисдикционном, административно-процедурном) представляет собой деятельность уполномоченных на то должностных лиц, участников административного процесса, включающую в себя собирание, проверку и оценку доказательств по административному делу [17]. Доказывание в судебном конституционном процессе представляет собой познавательную деятельность участников конституционного судопроизводства, направленную на выявление, проверку и юридическую оценку правовых и фактических обстоятельств по делу в целях обеспечения прямого действия и верховенства конституции в системе нормативных правовых актов.

Исходя из вышеприведенных доктринальных позиций, доказывание в судебном производстве представляется возможным анализировать в следующих основных направлениях, а именно, как:

а) средства исполнения процессуальной обязанности уполномоченными и иными лицами, участвующими в судебном разбирательстве;

б) особой судебной процессуальной процедуры (совокупности судебных процессуальных процедур), осуществляемой прежде всего органами судебной власти и обладающей специфичными признаками (судебные доказательственные процедуры);

в) сложного процесса, охватывающего не только процессуальную, но и мыслительную деятельность уполномоченных субъектов по обоснованию какого-либо положения и выведению нового знания на основе исследованного доказательственного материала [18];

г) особого вида познавательной деятельности, которую можно квалифицировать в качестве познавательно-удостоверительной, влекущей определенные юридические последствия для участников судебного дела.

Таким образом, в юридической природе судебного доказывания как явления судебной сферы переплетаются черты объективной и субъективной реальности, в том числе принадлежность процессу познания, которое осуществляется судьями как компетентными лицами, обладающими профессиональным правосознанием (субъективная сторона), а также основывается на общефилософском концепте отражения как общего свойства материального мира (объективная сторона).

В юридической природе судебного доказывания как сложном правовом явлении сочетаются различные качества и свойства (признаки), которые характеризуют его в виде объекта отраслевого и межотраслевого правового регулирования, элемента системы кодифицированного процессуального законодательства, процессуального института (внутриотраслевого, межотраслевого), средства исполнения процессуальной обязанности компетентных органов и лиц, разновидности юридической (судебной) процедуры, процессуальной деятельности и особого вида познавательной деятельности.

Литература:

1. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. Правовая природа как категория правоведения // Вестник Саратовской юридической академии. – 2022. – № 6 (149). – С. 15–22.
2. Малюгин С.В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3 (108). – С. 46–48.
3. Захаров В.А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. – М.: Норма, 2002. – 208 с.
4. Хрестоматия по гражданскому процессу / Авт.-сост. Борисова Е.А. и др.; Под общ. ред. Треушникова М.К. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1996. – 225 с.
5. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
7. Уголовный процессуальный кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
9. Кодекс об административном судопроизводстве Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 49.
10. Свиридов Ю.К. Доказывание по делам, возникающим из публичных правоотношений в гражданском и арбитражном процессах России: сравнительный анализ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 24 с.
11. Чичайкина Я. В. Теоретический аспект формирования доказательств в судебном расследовании // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 586–588.

12. Антонина Ю.Г. К вопросу о предмете доказывания в конституционном судебном процессе // Legal Concept. – 2015. – № 3 (28). – С. 66–71.
13. Черников А.М. Собирание и исследование доказательств в конституционном судебном процессе России и США // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 3. – С. 86–100.
14. Асланян Н.П., Новикова Т.П. Об интерпретации термина «правовая природа» // Baikal Research Journal. – 2018. – Vol. 9. – № 4. – DOI 10.17150/2411-6262.2018.9(4).17.
15. Арбитражный процесс: учеб. / Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. – М.: Статут, 2010. – 570 с.
16. Шахбанова Х.М. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие (курс лекций). – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2018. – 195 с
17. Спиридонов П.Е. Теоретические аспекты доказывания в административном процессе // Государственное управление и административный процесс. – 2019. – № 11 (108). – С. 19–26.
18. Григорьева Т.А., Ткаченко Е.В. К вопросу об особенностях доказывания в современном судебном производстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 161–166.

On the Question of Understanding the Legal Nature of the Phenomena of the Judicial Sphere (on the Example of Judicial Evidence)

Khabibullin A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The study of the legal nature of judicial and legal phenomena, which include judicial evidence, has an interdisciplinary character and is one of the problematic issues of public law procedural sciences. The conducted research is connected with the solution of several research tasks, among which is the clarification of the meaning and content of such a theoretical structure as the legal nature. Thus, the purpose of the conducted research is to comprehend and clarify the content of the concept of legal nature on the example of judicial evidence, which acts as an integral part of any type of legal proceedings. The practical aspect of the research is focused on improving the legal regulation of the phenomena of the judicial and legal sphere. The novelty of the work is expressed in the fact that the systematization and analysis of the proposed doctrinal approaches to understanding the legal nature of judicial evidence allowed the author to identify its purpose, establish signs and properties that allow it to be qualified simultaneously as a complex, intersectoral and sectoral. The value of the conducted scientific research is due to the fact that the author has substantiated the main directions that allow us to establish the uniqueness of the legal nature of judicial evidence.

Key words: legal nature, procedural law, procedural legislation, judicial proceedings, judicial evidence

УДК 342

Целеполагание в муниципальном правотворчестве (на примере института вступления в силу муниципальных правовых актов)

Хабибуллина Г.Р.
Доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Изучение структуры целеполагания в муниципальном правотворчестве, которая как всякая организованная деятельность носит целевую устремленность, выступает одной из актуальных проблем теории правотворческого процесса на всех его уровнях. Проведенное исследование связано с решением ряда исследовательских задач, в число которых входит установление целевой устремленности вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления как одной из самостоятельной стадии муниципального правотворческого процесса. Таким образом, целью проведенной работы выступает выявление системы целеполагания, присущей именно вступлению в силу и обнародования муниципальных правовых актов. Практический аспект исследования связан с совершенствованием правового регулирования муниципального правотворческого процесса. Новизна работы выражается в том, что автор обосновал, что стадия вступления в силу актов муниципального правотворчества является самостоятельной стадией муниципального правотворческого процесса, поскольку несет в себе общие и специфические цели, которые автор систематизировал и классифицировал. Ценность проведенного научного исследования обусловливается тем, что автор дополнил теоретические воззрения о муниципальном правотворческом процессе в целом и стадии вступления в силу муниципальных актов, в частности.

Ключевые слова: целеполагание, муниципальное правотворчество, муниципальный правовой акт, вступление в силу

В теории и практике муниципального правотворчества назначение института вступления в силу правотворческих актов анализируется с позиции целеполагания одноименного вида деятельности компетентных органов и должностных лиц местного самоуправления. Это обстоятельство позволяет некоторым авторам выделять в системе функциональных основ института или отрасли права целеопределяющую функцию, указывающую на некие цели, поскольку принимать нормы, как отмечает О.В. Пискунова, не имеющие целевой нагрузки, бессмысленно, а в некоторых случаях и противозаконно [1].

В этой связи А.Е. Гавришев отмечает, что для муниципального правотворчества характерно выявление уполномоченными на то органами в режиме самоорганизации воли местного населения и формирование в соответствии с нею публично-властных предписаний, закрепляемых в нормативных правовых актах муниципального уровня, признаваемых и защищаемых государством [2].

Несмотря на то что автор выделяет в качестве основополагающей цели муниципального правотворчества создание нормативных правовых актов, он, по сути, связывает целеполагание в данной сфере также с осуществлением коллективного права на местное самоуправление, когда граждане, исходя из общих интересов, коллегиально решают вопросы местного значения непосредственно и (или) через органы местного самоуправления.

Таким образом, институт вступления в силу муниципальных правовых актов выступает процессуальной формой взаимосвязи муниципального правотворчества с механизмом реализации коллективных прав, обладающих конституционной природой. Следовательно, назначение данного института неразрывно связано как с атрибутивными целями правотворческой деятельности в муниципальных образованиях, так и с целями обеспечения реализации конституционных прав и свобод, прежде всего общественно-политических.

Вместе с тем все же следует уточнить круг основных целей муниципального правотворчества, состав которых, с одной стороны, отражает назначение правотворческой деятельности в целом, а с другой – выражает специфику муниципального правотворчества как особой разновидности подзаконного правотворчества.

Как известно, правотворческая деятельность направлена на подготовку, принятие (издание) и совершенствование правовых актов, имеющих нормативный характер. Следовательно, помимо создания компетентные органы и должностные лица местного самоуправления осуществляют совершенствование муниципальных правовых актов, включая юридически значимые действия по их обновлению и отмене устаревших.

Специфика муниципальной правотворческой деятельности выражается в том, что нормативное регулирование распространяется лишь на те общественные сферы, которые обозначены Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [3] в качестве вопросов местного значения, являющихся, как отмечает И.И. Тепляков, производными от предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов [4]. Данное обстоятельство приводит к тому, что особыми целями муниципального правотворчества, ориентированными на интеграцию в правовую систему Российской Федерации и нормативно-правовую систему субъектов Российской Федерации, т.е. на внешний для их действия контур, выступают обеспечение согласованности правовых актов местной публичной власти с федеральным и региональным законодательством, а также приведение их в соответствие с вышестоящими конституционными и иными актами государственного правотворчества в случае расхождения, установленного уполномоченными органами государства.

Кроме того, территориальные и организационные основы местного самоуправления, влияющие на многочисленный состав и многообразие взаимосвязей субъектов муниципального правотворчества, нацеливают последних на обеспечение внутренней согласованности правовых актов местного самоуправления, в систему которых входят устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан), нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования, правовые акты главы муниципального образования, местной администрации, иных предусмотренных в уставном порядке органов и должностных лиц местного самоуправления.

В связи с тем, что правотворчество в муниципальных образованиях имеет несколько правореализационных форматов (непосредственное муниципальное правотворчество, осуществляемое посредством местного референдума (схода граждан), опосредованное муниципальное правотворчество, возлагаемое на органы и должностные лица местного самоуправления), обеспечение преобладающей формы правового регулирования на местах тоже следует относить к специфическим внутренним целям муниципального правотворчества.

В данной правовой ситуации непосредственное муниципальное правотворчество подчиняет себе опосредованное, поскольку по требованию ч. 2 ст. 45 Федерального закона № 131-ФЗ для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления граждан, дополнительно требуется принятие (издание) муниципального правового акта, причем орган местного самоуправления или должностное лицо местного самоуправления, в компетенцию которого входит принятие (издание) указанного акта, обязаны в течение 15 дней со дня вступления в силу решения, принятого на референдуме (сходе) граждан, определить срок подготовки и (или) принятия соответствующего муниципального правового акта.

Итак, целеполагание в муниципальном правотворчестве, исходя из его принадлежности к одноименному виду публично-правовой деятельности, обладает сложной структурой, поскольку ее элементами выступают: а) общие цели правотворчества (правотворческой деятельности), которые заключаются в создании муниципальных правовых актов, их совершенствовании и отмене; б) внешние цели, связанные с необходимостью согласования между собой актов государственного правотворчества и актов муниципального правотворчества; в) внутренние цели, связанные с необходимостью поддержания целостности и согласованности системы муниципальных правовых актов; г) внутренние цели, связанные с обеспечением приоритета результатов непосредственного муниципального правотворчества в системе муниципальных правовых актов.

Система целеполагания в муниципальном правотворчестве является подвижной и открытой, о чем, в частности, свидетельствуют и доктринальные источники. Так, Н.П. Алешкова отмечает, что его специфика выражается в принятии (издании) муниципальных правовых актов и (или) заключении договоров (соглашений), содержащих правовые предписания,

а также в совершении юридически значимых действий в отношении действующих муниципальных правовых актов и договоров (соглашений) [5].

Казалось бы, автор разделяет позиции тех, кто полагает, что назначение муниципального правотворчества совпадает с основными целями специализированной деятельности по формированию правовых норм. Однако Н.П. Алешкова выделяет еще один правореализационный формат в виде муниципального договорного правотворчества, а значит, среди общих, внешних и внутренних целей муниципального правотворчества формируется их самостоятельная подсистема: а) создание, совершенствование и отмена норм договоров (соглашений), заключаемых между органами местного самоуправления; б) согласование актов государственного правотворчества и муниципального договорного правотворчества; в) согласование актов государственного договорного и муниципального договорного правотворчества; г) согласование актов муниципального договорного правотворчества с системой муниципальных правовых актов; д) поддержание целостности и согласованности системы актов муниципального договорного правотворчества; е) согласование актов муниципального договорного правотворчества с правовыми актами, принятыми путем прямого волеизъявления граждан.

Еще одна позиция, заслуживающая внимания, связана с тем, что в систему муниципального правотворчества, а значит, и целеполагания включаются юридически значимые действия в отношении муниципальных правовых актов, а также договоров (соглашений), заключаемых органами местного самоуправления, для которых вполне допустимо ввести теоретическую конструкцию целей-средств. Поскольку Н.П. Алешковой отмечаются изданные муниципальные правовые акты и договоры (соглашения), то юридически значимыми действиями по отношению к ним выступают, во-первых, внешние, осуществляемые, к примеру, органами государственного контроля и надзора (федеральными, региональными), и, во-вторых, внутренние, осуществляемые субъектами муниципального правотворчества (правовой мониторинг, толкование).

Однако вполне правомерно вести речь и о тех юридически значимых действиях, которые производятся на стадиях муниципального правотворческого процесса, включая их официальное опубликование (обнародование) и вступление. Их включение в систему целеполагания муниципального правотворчества связано с тем, что процесс создания правовых актов местного самоуправления обладает заданной последовательностью, упорядоченностью, относительной протяженностью во времени, результативностью, целенаправленным, вспомогательным и подчинённым (по отношению к основным целям муниципального правотворчества) характером.

Так, на этапе завершения процесса муниципального правотворчества реализуются не только его общие, внешние и (или) внутренние цели, но и достигаются те результаты (правовые и иные последствия), которые имманентны именно стадии вступления в силу муниципальных правовых актов. К ним относятся: а) конституционно значимые цели, к которым относятся защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе коллективных, участие в формировании компонентов правовой системы Российской Федерации, нормативно-правовой системы субъекта Российской Федерации, системы муниципальных правовых актов, установление режима законности и правопорядка; б) информационные цели, связанные с обеспечением возможности ознакомления или доведения до всеобщего сведения местного населения текста муниципальных правовых актов; в) социально-правовые цели, связанные с удовлетворением наиболее значимых общественных потребностей местного населения; г) публично-властные цели, связанные с формированием и закреплением в правовых формах общей воли местного населения; д) правореализационные цели, среди которых можно отметить установление устойчивых и стабильных взаимосвязей между муниципальной правотворческой и правоприменительной деятельностью, а также формирование надлежащих условий для перевода абстрактных публично-властных предписаний, содержащихся в муниципальных правовых актах, в конкретные модели поведения субъектов муниципальных правоотношений.

Итак, целеполагание в муниципальном правотворчестве является сложноустроенным, определяется его видами и их соотношением, взаимодействием с актами государственного правотворчества, а также целями-средствами, характеризующими каждую стадию муниципального правотворческого процесса.

В контексте целеполагания муниципальное правотворчество представляет собой самостоятельный вид и направление деятельности компетентных органов и должностных лиц местного самоуправления, организованный для достижения свойственных ей общих, внешних и внутренних целей, связанный с принятием (изданием) муниципальных правовых актов и (или) заключением договоров (соглашений) между органами местного самоуправления, а также совершением иных юридически значимых действий.

Литература:

1. Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 26 с.
2. Гавришев А.Е. Муниципальное правотворчество в Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Ростов-на Дону, 2004. – 26 с.
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. 25.12.2023 г.) // Российская газета. – 2003. – № 202.
4. Тепляков И.И. Вопросы местного значения как предмет ведения органов местного самоуправления: история. Теория, практика: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Казань, 2019. – 32 с.
5. Алешкова Н П Современное понятие муниципального правотворчества // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 56–62.

Goal-Setting in Municipal Law-Making (Using the Example of the Institution of Entry into Force of Municipal Legal Acts)

Khabibullina G.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The study of the goal-setting structure in municipal law-making, which, like any organized activity, has a goal orientation, is one of the urgent problems of the theory of the law-making process at all its levels. The conducted research is connected with the solution of a number of research tasks, among which is the establishment of a target aspiration for the entry into force of law-making acts of local self-government as one of the independent stages of the municipal law-making process. Thus, the purpose of the work carried out is to identify the goal-setting system inherent in the entry into force and promulgation of municipal legal acts. The practical aspect of the study is related to the improvement of the legal regulation of the municipal law-making process. The novelty of the work is expressed in the fact that the author has proved that the stage of entry into force of acts of municipal law-making is an independent stage of the municipal law-making process, since it carries general and specific goals that the author has systematized and classified. The value of the conducted scientific research is due to the fact that the author supplemented the theoretical views on the municipal law-making process in general and the stage of entry into force of municipal acts in particular.

Key words: goal setting, municipal law-making, municipal legal act, entry into force

УДК 342.76

Функции судебного решения при ограничении конституционных прав и свобод

Шайдуллова К.А.
Аспирант кафедры теории и истории государства права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье проведено соотношение концептуальных подходов к системе функций, выполняемых судебным решением при ограничении конституционных прав и свобод. Автор акцентировал внимание на солидаристской, позитивистской и социологической теориях, обосновывающих функциональное предназначение судебного порядка наложения ограничительных мер на субъективные права. В результате в статье отмечается, что отсутствие в отраслевом или специальном законодательстве указания на необходимость принятия судебного решения при ограничении субъективных прав не может рассматриваться в качестве легализованного механизма внесудебного наложения подобных ограничений. В качестве определяющих методов исследования автором были задействованы общенаучные (формально-логический, аналитический) и частнонаучные методы (метод правового моделирования, теория конституционализации). Основной вывод заключается в том, что конституционно-правовые цели и ценности направлены на выработку условий для введения подобных ограничений, поэтому в своей совокупности они представляют собой механизм ограничения конституционных прав и свобод на основании судебного решения с верифицирующей, правоприменительной и охранительной функциями.

Ключевые слова: конституционное право, субъективные права, ограничение прав, судебное решение, защита прав, права человека, судебный порядок, правовые гарантии

Несмотря на сегментарный состав в Конституции РФ ограничений, накладываемых на конституционные права и свободы на основании судебного решения, их широкое воплощение наблюдается в отраслевом и специальном законодательстве. Многочисленные нормы, устанавливающие судебный порядок введения таких ограничений, позволяют сформулировать функциональное предназначение применяемого в таких случаях юрисдикционного механизма.

В одних исследованиях выделены системные функции, выполняемые судебными актами относительно субъективных прав и свобод [1; 2]. В частности, к ним отнесены: правовосстановительная, правоохранительная и правопревентивная функции. В других научных работах говорится о сегментарных функциях, выполняемых судебными постановлениями при ограничении определённых прав и свобод: регулятивная, восполнительно-корректирующая, контрольная [3, с. 74]. Наиболее широкий спектр функций судебных решений в плоскости теории ограничения субъективных прав и свобод прослеживается в процессуально-правовых исследованиях, построенных на гипотезе о том, что результат любого судебного процесса затрагивает чьи-либо права и свободы с ограничивающим эффектом [4, с. 161; 5, с. 223].

Помимо названных выше, к таким функциям причисляются: идеологическая, информационная, сигнализирующая, доказательная, воспитательная и др. Тем самым в юридической литературе образовались три основных учения о понимании, классификации и систематизации функций судебных актов:

1) позитивистская концепция, согласно которой принимаемые судом решения имеют правореали-

зационный характер, поскольку призваны зафиксировать определённый юридический факт (или его отсутствие), дать правовую оценку отдельно взятой ситуации и санкционировать дальнейшие действия (или соблюдение обязанности прекратить действия), предусмотренные законодательством [6];

2) социологическая концепция, в соответствии с которой судебные решения призваны не только зафиксировать определённый факт, имеющий юридическое значение, но и выработать вектор изменения правовых норм, а в отдельных случаях – сформулировать норму, подлежащую применению [7];

3) солидаристская концепция, обосновывающая правообразующие процессы, которые проявляются посредством судебных решений, выполняющих не только формально-юридические функции по применению норм права (контрольную, регулятивную, восполнительную функции), но и комплекс функций по выработке и трансформации нормативного материала на основе общественного консенсуса [8, с. 271].

Рассмотрим более подробно каждое из указанных научных течений применительно к механизму ограничения субъективных прав и свобод, сложившемуся в конституционном законодательстве Российской Федерации.

В общем виде нормы Конституции РФ определили верифицирующий характер судебных решений при ограничении отдельных конституционных прав и свобод. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, лишение имущества происходит исключительно посредством принятия судебного решения. При этом в названной норме не сформулированы основания и условия, при которых право собственности, а равно иное имущественное право, гарантированное Конституцией РФ, может быть ограничено или прекращено в принудительном порядке.

В развитие указанного требования отраслевое законодательство, как правило, дублирует положение о необходимости принятия судебного решения при ограничении субъективного права собственности лишь для проверки законности. Однако в качестве уточнения по критерию предмета правового регулирования и особенностей отраслевых правоотношений имеются примеры внесудебных механизмов реализации отдельных ограничений.

Так, в п. 1 ст. 243 Гражданского кодекса РФ [9] сформулированы общие требования для применения конфискации:

– наличие судебного решения;

– основания, предусмотренные законом.

Вместе с тем в п. 2 ст. 243 Гражданского кодекса РФ, как исключение из указанного правила, выделяется административный порядок принудительного изъятия имущества, что допустимо в случаях, предусмотренных законом. В частности, подобный вариант возможен при незаконном заготовлении лесных ресурсов по смыслу ч. 1 ст. 99.1 Лесного кодекса РФ [10], в то время как ст. 3.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях [11] требует исключительно судебный порядок санкционирования подобной конфискации.

Напротив, в абз. 3 ст. 45 Закона Российской Федерации от 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [12] определена обязанность местных органов власти конфисковать продукты и товары народного потребления, которые поступили для реализации и загрязнены радиоактивными веществами в объёме, превышающем предельно допустимые нормы. При этом в отношении лиц, виновных в названных действиях, закон бланкетным способом установил административную и уголовную ответственность в зависимости от тяжести совершённого правонарушения, что предполагает обязательность принятия судебного решения.

Более усложнённый внесудебный порядок конфискации имущества предусмотрен в п. 4 ст. 21 Федерального закона от 02.01.200 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [13], согласно которому пищевые продукты трёх категорий (фальсифицированные, опасные, некачественные) изымаются из обращения, направляются на специальную экспертизу и по её результатам утилизируются. Наличие судебного решения для применения указанной нормы закон не требует. Однако Правительством РФ разработан порядок подобного изъятия и уничтожения опасных пищевых продуктов [14], в соответствии с которым государственные органы, осуществляющие надзор и контроль в данной сфере, должны обратиться в суд с заявлением об изъятии перечисленных продуктов, материалов или изделий.

Таким образом, отсутствие в отраслевом или специальном законодательстве указания на необходимость принятия судебного решения при ограничении права собственности не может рассматриваться в качестве легализованного механизма внесудебного наложения подобных ограничений. Кроме того, в подзаконных нормативно-правовых актах, призванных детализировать указанный механизм, прослеживается преемственность судебного порядка наложения соответствующих ограничений, что вытекает из конституционных требований, но не гармонирует со специальным законодательством.

Более вариативный механизм содержится в п. 3 ст. 56 Земельного кодекса РФ [15], согласно которому права на землю могут быть ограничены не только судебным решением, но и актами органов государственной власти, органов местного самоуправления. При этом отдельно оговорено требование об оформлении ряда ограничений, накладываемых в связи с установлением особых условий использования территории, через акт соответствующего государственного или муниципального органа. В частно-

сти, по смыслу п. 1 ст. 106 Земельного кодекса РФ правовой режим подобных «особых условий» устанавливает Правительство РФ, а решение о введение такого режима (п. 6 ст. 106) принимают уполномоченные органы.

Конституционный Суд РФ вполне определённо выработал подход, при котором любое изъятие имущества у владельца или пользователя требует обращения в суд вне зависимости от отсутствия соответствующих законодательных требований [16; 17].

На наш взгляд, в приведённых примерах прослеживается сочетание нескольких правовых смыслов ограничения конституционного права собственности:

– как наказание (санкция) за совершённое правонарушение;

– как мера государственного принуждения, налагаемая в целях установления истины (в рамках уголовного, гражданского, арбитражного, административного процессов) или обеспечения охраны прав и законных интересов граждан;

– как мера государственного реагирования при необходимости защиты конституционно значимых ценностей, к числу которых относятся также права и свободы граждан;

– как способ защиты субъективных прав и свобод.

Типологизация указанных ограничений по критерию обязательности принятия судебного решения, по нашему мнению, построена не на формально-юридических требованиях законодательства, а на необходимости оперативного вмешательства государства в осуществление субъективного права собственности или иного имущественного права, если подобная реализация причиняет вред другим лицам (публичным интересам) или угрожает наступлением неблагоприятных последствий, вызванных обоснованными рисками.

Отчасти обозначенный вывод нашёл своё отражение в практике Конституционного Суда РФ. Так, государство обязано признавать, соблюдать и защищать конституционное право частной собственности, что обеспечивается посредством осуществления правосудия, как неотъемлемого механизма ограничения данного субъективного права. При этом само по себе право собственности выражается не только в возможностях собственника по владению, пользованию и распоряжению определённым имуществом, но и в соблюдении совокупности ограничений, предусмотренных федеральными законами, что гармонирует с ч. 2 ст. 8, ч. 3 ст. 17, ч.ч. 1–2 ст. 19, ст.ст. 35 и 55 Конституции РФ [18].

Между тем введение ограничений в отношении конституционного права собственности сопряжено с необходимостью соблюдения ряда условий, к числу которых относятся:

1) сохранение существа данного субъективного конституционного права;

2) недопустимость утраты его содержания;

3) соблюдение общеправовых (конституционно-правовых) принципов;

4) соблюдение конституционных критериев (в т.ч. справедливости и соразмерности).

При этом Конституционный Суд РФ отмечает ряд обязанностей, сопровождающих осуществление субъективного права собственности, к которым, в частности, причисляется соблюдение требований специального законодательства (например, таможенного, налогового, экологического и др.), что сопряжено как с самим правовым регулированием, так и с достижением конституционно защищаемых целей [19].

Судебное решение, санкционирующее определённое ограничение конституционных прав и свобод, не может носить лишь формальный характер, поскольку оно опирается на результаты изучения участниками судебного процесса фактических и юридических обстоятельств по делу. Тем самым обеспечивается конституционно провозглашённый принцип справедливости и равноправия.

Что же касается законных интересов самого гражданина или организации, чьи субъективные права подвергаются ограничению, то они обеспечиваются конституционным правом на судебную защиту. Отраслевое законодательство уточняет, что при несогласии лица с наложенными ограничениями оно вправе обжаловать их в судебном порядке. В свою очередь, как регулярно подчёркивает Конституционный Суд РФ, данное право не предоставляет свободу выбора способов защиты и процедур, поскольку последние могут определяться исключительно федеральными законами [20].

Таким образом, по рассмотренным примерам прослеживается состоятельность позитивистской концепции обоснования функций, выполняемых судебным решением, ограничивающим определённые конституционные права и свободы. Вместе с тем нами учтены особенности отраслевого правового регулирования в соотношении с конституционно-правовыми абстракциями (целями и ценностями), направленными на выработку условий для введения подобных ограничений. В своей совокупности они представляют собой механизм ограничения конституционных прав и свобод на основании судебного решения со следующими функциями:

– верифицирующая функция, которая обязывает суд проверить обоснованность и законность накладываемого ограничения, выступающего формой соответствующего юридического факта;

– правоприменительная функция выделяет суд среди других субъектов правореализации и наделяет его комплексом полномочий по выявлению, оценке и правовой квалификации (оценке) вводимого ограничения;

– охранительная функция, которая обязывает суд соотнести фактические и юридические обстоятель-

ства накладываемого ограничения с конституционно-правовыми принципами, ценностями и целями, выступающими пределами регулирования правоотношений, содержание которых составляют определённые субъективные права, свободы и законные интересы.

Литература:

1. Коструба А.В. Правовая природа судебного решения в контексте теории юридических фактов // Вопросы правоведения. – 2015. – № 5 (33). – С. 151–162.
2. Остапчук К.С. Роль естественного права в развитии теории судебного решения // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 10. – С. 65–69.
3. Дюкова Е.А. Конституционно-правовые основы контрольной деятельности судебной власти в Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 195 с.
4. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дисс. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 485 с.
5. Берова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 447 с.
6. Павлисова Т.Е. О пользе концепции юридического позитивизма в современной науке и правоприменительной практике // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 117–119.
7. Чунина М.С. Судебное нормотворчество высших судов Российской Федерации как средство достижения определённости права // Государственно-правовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 297–300.
8. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты. – М.: Проспект, 2023. – 464 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2023. – № 31 (Ч. III). – Ст. 5777.
10. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278; 2023. – № 1 (ч. I). – Ст. 47.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; 2023. – № 14. – Ст. 2380.
12. Закон Российской Федерации от 15.05.1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (ред. от 28.12.2022) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 21. – Ст. 699; 2023. – № 1 (ч. I). – Ст. 16.
13. Федеральный закон от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 150; 2020. – № 29. – Ст. 4504.
14. Постановление Правительства РФ от 07.10.2020 г. № 1612 «Об утверждении Положения о порядке изъятия из обращения, проведения экспертизы, временного хранения, утилизации или уничтожения некачественных и (или) опасных пищевых продуктов, материалов и изделий, контактирующих с пищевыми продуктами» // СЗ РФ. – 2020. – № 42 (ч. II). – Ст. 6579.
15. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147; 2023. – № 14. – Ст. 2373.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 13.01.2000 г. № 21-О «По жалобам малого предприятия “Кинескоп” и Сочинского пассажирского автотранспортного предприятия № 2 на нарушение конституционных прав и свобод статьей 276 Таможенного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 3.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 3.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобами открытых акционерных обществ “Газпром”, “Газпром нефть”, “Оренбургнефть” и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 3.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ “АвтоВАЗ” и “Комбинат “Североникель”, обществ с ограниченной от-

ветственностью “Верность”, “Вита – Плюс” и “Невско – Балтийская транспортная компания”, товарищества с ограниченной ответственностью “Совместное российско-южноафриканское предприятие “Эконт” и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 5.

20. Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 г. № 708-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Ильи Викторовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 310 и статьей 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС Гарант.

Functions of a Court Decision when Limiting Constitutional Rights and Freedoms

Shaidullova K.A.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The article deals with the correlation of conceptual approaches to the system of functions performed by a court decision when restricting constitutional rights and freedoms. The author focuses on solidaristic, positivist and sociological theories that substantiate the functional purpose of the judicial procedure for imposing restrictive measures on subjective rights. As a result, the article notes that the absence in industry or special legislation of an indication of the need for a judicial decision when restricting subjective rights cannot be considered as a legalized mechanism for the extrajudicial imposition of such restrictions. The author used general scientific (formal-logical, analytical) and private scientific methods (the method of legal modeling, the theory of constitutionalization) as the defining research methods. The main conclusion is that constitutional and legal goals and values are aimed at developing conditions for the introduction of such restrictions, therefore, in their entirety they represent a mechanism for restricting constitutional rights and freedoms based on a court decision with verification, law enforcement and protective functions.

Key words: constitutional law, rights, restriction of rights, court decision, protection of rights, human rights, judicial procedure, legal guarantees

УДК 342.2

Особенности разграничения предметов ведения и полномочий в сфере регулирования вопросов официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов

Шуб А.М.
Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обусловлена необходимостью установления пределов действия принципа федерализма при государственно-правовом регулировании вопросов вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления. Целью и задачами научного исследования выступают выявление, обоснование и формирование комплексного представления о взаимосвязанных универсально-предметных конституционных и законодательных нормах, принадлежащих институту разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации, которые структурируют правовые основы и определяют основное содержание института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов. В результате проведенного исследования предложена их авторская интерпретация, дополняющая учение об актах муниципального правотворчества в части их вступления в силу и обнародования, установлено системообразующее значение для институционализации той группы муниципальных правовых норм, которая регламентирует соответствующие общественные отношения, а также выявлена юридическая природа института официального опубликования (обнародования) актов муниципального правотворчества. Ценность представленного научного исследования выражается в том, что автор раскрыл концептуальные основы данного муниципального института, выявил его конституционно-правовые основы и их структуру, установил специфику разграничения предметов ведения и полномочий в области официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов.

Ключевые слова: муниципальные правовые акты, официальное опубликование (обнародование)

Соотношение конституционных и законодательных основ института официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов имеет важное значение для его общей характеристики, поскольку предполагает его обязательное рассмотрение, с одной стороны, в системе разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов, а с другой – в системе вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления.

Это свидетельствует о том, что одной из руководящих основ института официального опубликования актов муниципального правотворчества является принцип федерализма, который трактуется в научном мире как: принцип государственно-территориального устройства [1]; принцип организации федеративных отношений [2]; правовой принцип организации государственной и общественной власти [3] и др.

Таким образом, принцип федерализма имеет узкое и широкое понимание. Если в узком значении его понимание ограничивается вопросами разграничения государственной власти между государством и его составными частями, то в широком – федерализм, как отмечает Л. Морено, распространяется на сферу самоуправления и раздельного правления [4].

Широкое понимание принципа федерализма актуализируется в характеристике муниципального института вступления в силу правотворческих актов местного самоуправления.

Как показывает содержание ст.ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации, вступление в силу актов муниципального правотворчества прямо не относится ни к группе предметов исключительного ведения Российской Федерации, ни к группе предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Однако, наличие среди предметов совместного ведения таких сфер как обеспечение законности и правопорядка (п. 2 «б» ч. 1 ст. 72), а также общих принципов организации местного самоуправления (п. «и» ч. 1 ст. 72) позволяет предположить, что отдельные аспекты официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов могут относиться к числу «подразумеваемых полномочий» органов государственной власти в РФ.

В частности, выделение такого предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, как обеспечение законности и правопорядка, обладающих качествами единства, целостности и системности независимо от формы государственного устройства, связано с тем, что нормативную основу для них на территории муниципального образования формируют все уровни публичной власти, включая местный, посредством принятия специально уполномоченными органами и должностными лицами местного самоуправления правотворческих актов с последующим их изданием в установленном порядке.

Обеспечение режима законности и правопорядка на муниципальном уровне предполагает учет множества факторов, в том числе: а) соблюдения в муниципальном правотворчестве и правоприменительной деятельности требований Конституции Российской Федерации, конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, актов федерального и регионального законодательства; б) возможность в установленных пределах конкретизировать универсально-предметные конституционные и законодательные нормы федерального значения; в) возможность в установленных пределах конкретизировать универсально-предметные конституционные и законодательные нормы регионального значения; г) возможность в установленных границах и объеме регулировать вопросы организации и деятельности муниципальной власти, не получившие своего отражения в законодательстве, но имеющие непосредственное отношение к вопросам местного значения, предметам ведения или полномочиям органов местного самоуправления.

В свою очередь, определение круга универсально-предметных законодательных норм для системы местного самоуправления, равно как и вопросов местного значения муниципальных образований, предметов ведения или полномочий органов местного самоуправления, является сферой совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, предметом регулирования Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [5].

С этих позиций законоположения о вступлении в силу муниципальных правовых актов, предусмотренные ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ, могут рассматриваться в различных ракурсах.

Во-первых, как пример универсально-предметной нормы (нормы-принципы), входящей в систему общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации, на основе которой могут формироваться иные правовые принципы, имеющие руководящее значение для института официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов.

Во-вторых, как взаимосвязанная совокупность общеобязательных для исполнения норм-правил о правомерном поведении субъектов Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, местного населения (схода граждан), органов и должностных лиц местного самоуправления в области регулирования отношений по официальному опубликованию (обнародованию) и вступлению в силу актов муниципального правотворчества.

В-третьих, в качестве комплекса норм-принципов (например, об обязательном официальном опубликовании (обнародовании) муниципальных правовых актов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина) и норм-правил, имеющих императивный характер для регионального и муниципального уровней организации публичной власти.

В-четвертых, как способ законодательного оформления одного из предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, не нашедшего своего прямого закрепления в Конституции Российской Федерации. Речь идет о регулировании вопросов вступления в силу муниципальных правовых актов представительного органа муниципального образования о налогах и сборах, которые по требованию ч. 1 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ устанавливаются Налоговым кодексом Российской Федерации. Безусловно, этот вопрос также можно отнести к такому предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, как установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (п. «и» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации).

В-пятых, как способ законодательного закрепления одного из предметов исключительного ведения Российской Федерации в информационном пространстве, связанного с соблюдением в муниципальном правотворчестве правового режима кон-

фиденциальности, регулируемого в федерально-законодательном порядке. Данный вывод следует из содержания ч. 3 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которой порядок опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов устанавливается уставом муниципального образования и должен обеспечивать возможность ознакомления с ним граждан, за исключением муниципальных правовых актов или их отдельных положений, содержащих сведения, распространение которых ограничено федеральным законом.

В-шестых, в качестве законодательной основы правотворчества субъектов Российской Федерации, несмотря на то, что ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ не включает положений о правовых формах и (или) организационных средствах участия субъектов Российской Федерации в рассмотрении вопросов официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов. Это обстоятельство объясняется тем, что, согласно правовой позиции федерального законодателя, данная предметная сфера является исключительно объектом уставного (муниципального) правового регулирования, а значит, имеет непосредственное отношение к основным атрибутам самостоятельности муниципальной власти в публично-властных правоотношениях: вопросам местного значения, предметам ведения и полномочиям органов и должностных лиц местного самоуправления.

Следовательно, субъекты Российской Федерации при регулировании вопросов организации местного самоуправления и (или) прав, обязанностей и ответственности указанных представителей муниципальной власти призваны руководствоваться федеральной законодательной моделью их нормирования, т.е. фактически воспроизводить в полном объеме положения той же ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предусматривающей условия введения в действие актов муниципального правотворчества. В результате в законодательных актах субъектов Российской Федерации по вопросам местного самоуправления доминируют универсально-предметные законодательные нормы, идентичные по своему содержанию вышеназванной федеральной норме.

Вместе с тем наличие государственных полномочий субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления предполагает, что им предоставляется некоторая свобода усмотрения при регулировании отдельных аспектов муниципальных правоотношений по вступлению в силу местных правовых актов.

Так, Закон Воронежской области от 28 декабря 1994 г. № 8-з «О местном самоуправлении в Воронежской области» [6] характеризуется тем, что он содержит: а) универсально-предметные законодательные нормы федерального значения, преобразованные в региональные (к примеру, положение о том, что устав муниципального образования вступает в силу после его официального опубликования (обнародования)); б) отредактированные универсально-предметные законодательные нормы федерального значения, приближенные по своему содержанию к оперативным нормам (например, положение о том, что муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу не ранее дня официального опубликования (обнародования)); в) производные от универсально-предметных законодательных норм федерального значения, направленные на уточнение отдельных элементов института официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов (в частности, в ч. 6 ст. 22 названного Закона Воронежской области отмечается, что акты, принятые представительным органом местного самоуправления, вступают в силу в сроки, определенные уставом муниципального образования; в ч. 3 ст. 30 того же Закона Воронежской области закрепляется, что акты исполнительного органа местного самоуправления вступают в силу с даты их принятия, если иное не установлено в них самих либо не следует из федерального закона, закона Воронежской области или правовых актов представительного или исполнительного органов местного самоуправления).

Еще один подход к правовому регулированию муниципальных правоотношений по официальному опубликованию (обнародованию) актов муниципального правотворчества демонстрирует законодательство Кабардино-Балкарской Республики, основанное на концептуальной идее, согласно которой в сфере республиканского и муниципального правотворчества (правотворческого процесса) имеются общие (совместные) вопросы. В этих целях республиканский законодатель использует теоретическую и нормативную конструкцию «правовой акт в Кабардино-Балкарской Республике», который в равной мере распространяется на нормативные правовые акты Кабардино-Балкарской Республики и правовые акты муниципальных образований в ее составе.

Так, согласно Закону Кабардино-Балкарской Республики от 3 августа 2002 г. № 52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» [7] для всех видов правовых актов (государственных, муниципальных) устанавливаются одинаковые способы текстуального оформления, каждый из которых имеет свои особенности, отражаемые в соответствующих наименованиях, а именно: подлинный текст правового акта (подлинник, эталонный экземпляр); официально опубликованный текст правового акта; заверенная печатью компетентного органа (должностного лица), принявшего (издавшего, подписавшего) акт, копия правового акта, совпадающая

с его подлинником; официальный машиночитаемый текст правового акта; официальный электронный образ правового акта, являющийся копией эталонного экземпляра текста правового акта в электронном графическом формате, размещенный на официальном сайте компетентного органа (должностного лица) в информационно-телекоммуникационной сети и в иных сетевых изданиях; неофициально опубликованный текст правового акта, опубликованный (размещенный) в изданиях, не относящихся к числу источников их официального опубликования; незаверенная печатью компетентного органа (должностного лица), принявшего (издавшего, подписавшего) акт, копия правового акта, совпадающая с его подлинником.

В контексте данной законодательной нормы республиканского значения, касающейся объекта муниципальных правоотношений по официальному опубликованию (обнародованию) и вступлению в силу актов муниципального правотворчества, субъекты Российской Федерации могут обладать ограниченной свободой усмотрения в этой области. При этом муниципальные образования вправе рассматривать такие нормы в качестве универсально-предметных и воспроизводить их в своих правовых источниках.

Итак, с учетом специфики разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации законодательные основы института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов обладают многозначной юридической природой и строением; придают данному институту межотраслевой характер; продуцируют формирование и объединение муниципальных уставных норм в области официального опубликования (обнародования) и вступления в силу актов муниципального правотворчества в самостоятельное и автономное правовое образование (институт) отрасли муниципального права.

Литература:

1. Каскулов И.А. Система конституционных принципов российского федерализма // Образование и право. – 2017. – № 4. – С. 83–89.
2. Фарукшин М.Х. Федерализм. Теоретические и прикладные аспекты. – М.: Юристъ, 2004. – 527 с.
3. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: автореф. дисс. … докт. юрид. наук. – М., 1997. – 45 с.
4. Марено Л. Многообразие и единство в федеративных государствах мира // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 149–169.
5. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 14.02.2024) // Российская газета. – 2003. – № 202.
6. Закон Воронежской области от 28 декабря 1994 г. № 8-з «О местном самоуправлении в Воронежской области» // Коммуна. – 1995. – № 2–3.
7. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 3 августа 2002 г. №52-РЗ «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» // Кабардино-Балкарская Правда. – 2002. – № 155–156.

Peculiarities of Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Powers in the Sphere of Regulation of Issues of Official Publication (Promulgation) of Municipal Legal Acts

Shub A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is due to the need to establish the limits of the principle of federalism in the state-legal regulation of the entry into force of legislative acts of local self-government. The purpose and objectives of the scientific research are to identify, substantiate and form a comprehensive understanding of the interrelated universal-subject constitutional and legislative norms belonging to the institute for the delimitation of subjects of competence and powers in the Russian Federation, which structure the legal framework and determine the main content of the institute for the official publication (promulgation) of municipal legal acts. As a result of the conducted research, their author's interpretation is proposed, complementing the doctrine of acts of municipal law-making in terms of their entry into force and promulgation, the system-forming importance for the institutionalization of that group of municipal legal norms that regulates relevant public relations is established, and the legal nature of the institution of official publication (promulgation) of acts of municipal law-making is revealed. The value of the presented scientific research is expressed in the fact that the author revealed the conceptual foundations of this municipal institution, revealed its constitutional and legal foundations and their structure, established the specifics of the differentiation of subjects of competence and powers in the field of official publication (promulgation) of municipal legal acts.

Key words: municipal legal acts, official publication (promulgation)

УДК 34.01

Особенности регулирования труда медицинских работников при использовании дистанционных технологий

Щербаков В.А.
Старший преподаватель кафедры биомедэтики,
медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета,
магистрант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обусловлена спецификой трудовых правоотношений в сфере здравоохранения, которые в последние пять – семь лет претерпели серьёзную трансформацию под влиянием внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в процесс оказания медицинской помощи. Цель научного исследования – рассмотреть влияние дистанционных технологий на реализацию трудовых прав медицинского работника. Научная и практическая значимость работы заключается в анализе норм трудового права, проблем их реализации в сфере медицины. По результатам исследования сделан вывод о необходимости принятия юридических норм, регулирующих дистанционный труд медицинских работников. Новизна проведенного исследования заключается в осмыслении необходимости принятия правовых норм в зависимости от узкой специализации медицинских работников.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, медицинский работник, телемедицина, дистанционная работа, телемедицинские технологии, трудовой договор

Информационно-коммуникационное пространство современного общества постоянно трансформируется. Появление новых технических устройств, программных продуктов вносит изменение в характер труда человека. Новый технологический уклад актуализировал использование инструментов информационных технологий в разнообразных сферах общественной жизни. В зависимости от характера труда данные технологии придают особенности их использования и, соответственно, правового регулирования.

Сфера здравоохранения и медицины, как никакая другая, стала пионером использования последних достижений научно-технического прогресса. Ныне действующий Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 323-ФЗ) был принят в 2011 г., но только с 1 января 2018 г. в нём появились нормы, закрепляющие содержание понятия «телемедицинские технологии» (ст. 2, п. 22) и нормы, регулирующие особенности медицинской помощи, оказываемой с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий (ст. 36.2).

Новая коронавирусная инфекция *COVID*-19 способствовала широкому внедрению телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи, что дало возможность массовому внедрению дистанционной формы работы в разные сферы медицинской деятельности [2]. Согласно ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ, медицинским работником может быть не только физическое лицо, которое имеет медицинское образование, иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, но это может быть и физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность [1]. Среди них – врачи (работники с высшим медицинским образованием, например, при дистанционной работе – врач клинической лабораторной диагностики,

врач лучевой диагностики), также это могут быть работники со средним профессиональным медицинским образованием (например, медицинский регистратор). Следовательно, в соответствии с законодательством, дистанционным медицинским работником может быть и лицо без медицинского образования (например, методист по адаптивной физкультуре, массажист). Профессиональные функции, исполняемые медицинскими работниками с использованием дистанционных технологий, повышают эффективность и оптимизируют процесс оказания медицинской помощи.

С 2013 г. в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) закреплено содержание понятий «дистанционная (удалённая) работа», «дистанционный работник» (ст. 312.1) [3].

Существует много ситуаций, дающих возможность медицинскому работнику исполнять свои трудовые обязанности дистанционно в течение полного рабочего дня или в какую-то его часть (временно). Например, чтение и расшифровка ЭКГ, рентгеновских снимков врачом-диагностом и т.д.; работа в колл-центрах, оформление медицинской документации медицинским регистратором; повышение квалификации – неотъемлемая, обязательная часть профессиональной деятельности сотрудника медицинской организации: дистанционный формат способствует проведению конференций, участию в семинарах специалистами разного профиля [4].

Ст. 350 ТК РФ выделяет некоторые особенности при нормативном регулировании труда медицинского работника. Среди прочего – «дежурство на дому» – пребывание медицинского работника медицинской организации дома в режиме ожидания вызова на работу (для оказания медицинской помощи в экстренной или неотложной форме) [3].

С 2018 г., в соответствии с нормами ст. 36.2 ФЗ № 323-ФЗ, при оказании медицинской помощи можно использовать телемедицинские технологии (в режиме онлайн-взаимодействия медицинских работников друг с другом, с пациентами). Но главным образом для консультаций пациента (его законного представителя) в целях профилактики, сбора, анализа жалоб пациента и данных анамнеза, оценки эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента, а также принятия решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации) [1].

В рамках медицинской организации работник, осуществляющий свои трудовые функции в дистанционной форме (полностью или частично) также оформляет трудовой договор, в котором на основании существующей нормы Трудового кодекса РФ предопределяется её выполнение в рамках рабочего времени с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и сетей связи общего пользования. На основании ТК РФ модели дистанционной работы врача, среднего и младшего медицинского персонала могут быть: на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора), временной (непрерывно в течение определённого трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору срока, не превышающего шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте) [3].

В трудовом законодательстве нет запрета на исполнение трудовых функций медработником посредством удаленной (дистанционной) работы с целью оказания как медицинской помощи, так и медицинских услуг посредством технологий телемедицины (п. 22, ст. 2, ст. 36.2 ФЗ № 323-ФЗ). Об актуальности данной формы трудовых отношений свидетельствует разрешение проведения дистанционных медицинских осмотров, которые используют медицинские изделия, обеспечивающие передачу данных о состоянии здоровья работников и дистанционный контроль автоматизировано и дистанционно (ч. 9 ст. 46 ФЗ № 323-ФЗ).

Трудовой договор, регулирующий профессиональную деятельность медицинского работника при дистанционной работе, в своём содержании опирается на нормативные требования, которые являются общими для всех трудовых договоров, в соответствии со ст. 57 ТК РФ, нормами гл. 49.1 ТК РФ, являющимися специальными нормами.

Такой медицинский работник по своему усмотрению может установить режим рабочего времени (в том числе неполное рабочее время, так как это допускается нормой ст. 312.4 ТК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда», специальная оценка условий труда не проводится в отношении условий труда дистанционных работников [5]. Данная норма распространяется и на медицинских дистанционных работников.

Дистанционная форма работы медицинского работника оказалась особо востребованной в период пандемии COVID-19. Врачи, средний и младший медицинский персонал работали в условиях повышенного эпидемиологического риска. В этот период были приняты новые льготы, компенсации и гарантии для работающих в «красной зоне». Диагностика заболеваний в период пандемии – ключевой этап лечебного процесса. Врачи лучевой диагностики (устанавливающие диагноз с использованием компьютерной томографии), в том числе работающие дистанционно, испытывали повышенную нагрузку. Поэтому на них были распространены те же гарантии, льготы и компенсации, которые установлены для медицинских работников в данный период.

Заработная плата дистанционного медицинского работника устанавливается по общим правилам (ст. 312.5 ТК РФ).

Уязвимостью данной формы работы является отсутствие обязанности работодателя брать на себя организацию проведения обязательных медицинских осмотров, за исключением случаев, предусмотренных коллективным трудовым договором медицинской организации, в разработке и принятии которого учтены мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ст. 312.7 ТК РФ).

На современном рынке труда все большую популярность приобретает так называемая «платформенная занятость», которая предполагает использование цифровой платформы как посредника между исполнителями и потребителями, в том числе медицинских консультационных услуг. При таком типе взаимодействия между врачом и пациентом медицинскому работнику также необходимо заключить трудовой договор с агрегатором для легализации своей профессиональной деятельности, который даст возможности использовать при таком типе занятости все социальные гарантии в соответствии с законодательством. Трудность оформления данных отношений заключается в дискуссионности вопроса о том, какую форму договора предполагает платформенная занятость: трудовой договор или гражданско-правовой договор, либо в законодательстве должно быть выработано определение новым гибридным отношениям [6].

Учитывая, что телемедицинские, в том числе дистанционные, услуги предполагают консультационную медицинскую деятельность врача, то данная форма работы приобретает все большую популярность в здравоохранении. Нужно иметь в виду, что ряд медицинских консультаций по определенным видам медицинской деятельности можно осуществлять на основании лицензии (п. 46, ч. 1, ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности») [7]. Перечень медицинских услуг содержится в Номенклатуре [2]. Лицензию может получить только медицинская организация или индивидуальный предприниматель. В этом случае врачу (медицинскому работнику) для легализации своей трудовой деятельности (в том числе дистанционной) необходимо зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя (что даст возможность получить лицензию).

Таким образом, телекоммуникационные технологии, цифровизация здравоохранения способствуют повышению эффективности оперативности предоставления медицинской помощи (услуги) пациенту. Профессиональная деятельность медицинского работника в новых технологических условиях защищена нормами трудового законодательства РФ [8], но требует доработки на уровне подзаконных актов, нормы которых будут регулировать дистанционную профессиональную деятельность медицинских работников в зависимости от их специализации.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 07.10.2015 г. № 700н «О номенклатуре специальностей специалистов, имеющих высшее медицинское и фармацевтическое образование» // СПС Гарант.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации // СПС Гарант.
4. Остапюк В.Г., Речанская А.В. О некоторых особенностях защиты трудовых прав медицинских работников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-2 (50). – С. 103–107.
5. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // СПС Гарант.
6. Серова В.А. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 477. – С. 260–268.
7. Федеральный закон от 4.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС Гарант.
8. Смирнова О.М. Роль институтов гражданского общества в формировании правовой политики РФ в сфере здравоохранения // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 29–31.

Features of Labor Regulation of Medical Workers When Using Remote (Information) Technologies

Shcherbakov V.A.
Kazan State Medical University,
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is due to the specifics of labor legal relations in the field of healthcare, which in the last five to seven years have undergone a serious transformation under the influence of the introduction of information and telecommunication technologies in the process of providing medical care. The purpose and objectives of the scientific research are to consider the impact of remote technologies on the implementation of labor rights of a medical worker. The scientific and practical significance of the work lies in the analysis of labor law norms and the problems of their implementation in the field of medicine. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to adopt legal norms regulating the remote work of medical workers. The value and novelty of the study lies in understanding the need to adopt legal norms depending on the narrow specialization of medical workers.

Key words: labor relations, medical worker, telemedicine, remote work, telemedicine technologies, employment contract

УДК 316.422; 338.4

Анализ транспортного развития в формировании комфортного городского пространства

Бесчасная А.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Костромин П.А.
Магистрант кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Протопопова Д.В.
Магистрант кафедры государственного и муниципального управления
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье представлен обзор транспортных проблем города и возможных путей их решения. В качестве объекта рассмотрения выступает г. Екатеринбург. Совершенствование городской транспортной сети является направлением и условием воплощения стратегических планов пространственно-территориального развития регионов. Поэтому в качестве цели выступает поиск направлений расширения дорожно-транспортной инфраструктуры города-миллионника, которая достигалась посредством выявления проблем г. Екатеринбурга. Обзор текущей ситуации в Екатеринбурге построен на анализе вторичных данных, почерпнутых из открытых источников и СМИ, а меры по сокращению проблем смоделированы на основе положительных практик других городов. В результате проведенного анализа авторы определили, что баланс в развитии города, его инфраструктуры и создании комфортной городской среды необходимо искать в продвижении общественного транспорта, экологичных и индивидуальных средств передвижения, а также в активной позиции горожан, в их участии в управлении.

Ключевые слова: пространственное развитие, транспорт, город, стратегия развития, комфортная среда

Формирование и развитие городов непосредственно связано с дорогами. Города возникали вдоль и на пересечении дорог, дороги внутри городов обусловили их внутреннюю организацию. По мере научно-технического развития городские поселения наполнились транспортом, что сопрово-

ждалось усилением проблем скученности, безопасности и экологии [1]. Очевидно, что стремление по их сокращению требовало управления развитием города. Данная проблема продолжает оставаться актуальной.

Создание комфортных городских пространств стало одной из национальных целей развития российских городов в рамках исполнения Указа Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.». Также целям создания комфортной городской среды подчинен Национальный проект «Жильё и городская среда». В рамках данных государственных программных документов каждый город разрабатывает и корректирует собственные программы развития.

В Екатеринбурге первоначально еще в 2001–2002 гг. был разработан «Стратегический план развития Екатеринбурга», который в последующем был неоднократно актуализирован, и в настоящее время Екатеринбург реализует перспективы развития в соответствии со «Стратегическим планом развития Екатеринбурга до 2035 г.» [2–4]. Основной целью стратегии, реализуемой как в России, так и в Екатеринбурге, является создание комфортных условий для жизни, которые обеспечивают развитие, самореализацию и воспроизводство населения.

Екатеринбург – город с богатой трехсотлетней историей. Крупные города традиционно имеют проблемы с трафиком и транспортной доступностью. Поэтому одна из целей пространственного развития города Екатеринбурга – обеспечение устойчивого и сбалансированного развития городского пространства. Достижение этой стратегической цели предполагает реализацию трех подцелей: развитие городской транспортной сети, способствующей повышению мобильности населения, связности и доступности городских территорий; интенсивное преобразование городских территорий; формирование комфортной среды [5].

Воплощение в жизнь стратегии пространственного развития Екатеринбурга является актуальным делом по нескольким причинам:

1. В связи с ростом числа жителей Екатеринбурга и прилегающих к нему территорий возрастает потребность в рациональном использовании пространства для обеспечения комфортной жизни жителей, т.е. эффективном размещении жилых районов, зон отдыха и зеленых зон, а также транспортных маршрутов и промышленных объектов.

2. Необходим поиск баланса экономического развития и экологии. Пространственное развитие территории должно происходить при учете потребностей экономического роста и сохранении экологической устойчивости.

3. Развитие транспорта в сочетании с городской инфраструктурой. Пространственное развитие должно учитывать улучшение транспортной доступности и связанности разных районов города, а также оптимизацию транспортных потоков для сокращения пробок, снижения автомобильных выхлопов в атмосферу и улучшения качества жизни населения в целом.

4. Пространственное развитие территорий должно способствовать справедливому доступу к ресурсам и услугам для всех жителей города.

5. Пространственное развитие территорий должно включать активное участие граждан в принятии решений и планировании развития города. Обратная связь от жителей позволит учитывать их потребности и интересы при формировании стратегии развития, способствовать их лояльности и ответственности.

6. Пространственное развитие должно учитывать не только сохранение существующих исторических и культурных объектов, но и создание новых объектов культуры и туризма.

Одним из условий создания комфортной городской среды является развитие транспортной сети.

Екатеринбург – четвертый по численности населения город России. В настоящее время в нем наблюдается пространственное расширение за счет застройки периферийных территорий при одновременном отставании в развитии городской инженерной и транспортной инфраструктуры. Поэтому главным источником проблем является внутригородская маятниковая миграция от мест жительства екатеринбуржцев к местам обучения или работы [6]. Проблемы транспортного характера выражаются в следующем:

1. Наиболее очевидной проблемой города, которая выступает кумулятивным итогом многих других, является проблема загруженности дорог. В часы пик многие основные магистрали и перекрестки испытывают значительную перегруженность, что снижает скорость движения и вызывает проблемы с доступностью транспорта. По данным сервиса «Яндекс.Пробки», Екатеринбург входит в топ-10 городов России по уровню пробок и имеет средний индекс пробок 6,0 из 10. Средняя скорость движения в часы пик составляет около 20 км/ч. Время задержки из-за пробок в часы пик составляет от 30 мин. до 1 ч. в зависимости от района города. Основными причинами этого являются: недостаточная пропускная способность дорог и перекрестков, увеличение числа автомобилей на дорогах из-за роста трафика.

2. Недостаток надежности, комфорта и доступности общественного транспорта. Около 70 % жителей города используют общественный транспорт для передвижения по городу. В городе функционирует около 150 автобусных маршрутов, 30 трамвайных маршрутов и 15 троллейбусных маршрутов. Средняя частота движения общественного транспорта в часы пик составляет 7–10 мин., в непиковые

часы – 15–20 мин. Средняя загрузка общественного транспорта в часы пик составляет около 90–100 % от вместимости, в непиковые часы – 50–60 % [7; 8]. Нерегулярность графиков и переполненность общественного транспорта зачастую приводят к недовольству пассажиров, вынужденных искать другие способы передвижения, такие как личный автомобиль, такси или каршеринг [9].

3. Неудовлетворительное состояние дорог и транспортной инфраструктуры. По данным администрации города, около 40 % дорог в городе находятся в плохом состоянии и нуждаются в ремонте. Ежегодно в городе ремонтируется около 10 % протяженности дорог. Многие мосты, тоннели и развязки нуждаются в реконструкции в соответствии с современными требованиям [10].

4. Дефицит парковочных мест. В центральных районах города он составляет около 30–40 %. Средняя стоимость парковки в центре города составляет около 50–100 руб. в час. Желание сэкономить деньги на оплате парковочного места ведет к хаотичной парковке транспортных средств на тротуарах, газонах и во дворах. Однако автомобилизация центральных районов Екатеринбурга ниже, чем в периферийных районах. Следовательно, в ряде районов города уровень незаконной парковки на тротуарах и газонах достигает 60–70 % как за счет жителей прилегающих домой, так и тех горожан, которые мигрируют внутри города [11].

Эти данные позволяют более указать на факторы, обусловливающие проблемы и позволяющие разрабатывать зеркальные меры по их решению.

Устранение транспортных проблем требует сотрудничества между местными властями, бизнесом, общественными организациями и жителями города. Положительный опыт в этом вопросе демонстрирует Москва, где транспортная система значительно модернизировалась, стала удобной и эффективной [12; 13]. Для разработки эффективной стратегии развития транспортной сети и инфраструктуры необходимо комплексно внедрять меры в нескольких направлениях:

1. Развитие общественного транспорта является одним из инструментов сокращения транспортных проблем и совершенствования транспортной инфраструктуры в Екатеринбурге. Москва стала успешным примером для подражания в этом направлении. В столице за последние годы на фоне введения зон платных парковок наблюдалось увеличение станций и линий метро, строительство наземного скоростного транспорта, увеличение количества автобусных маршрутов [14]. Данный пример является перспективным для Екатеринбурга – строительство новых линий метро или скоростных трамваев, внедрение выделенных полос для общественного транспорта, координация движения и управления транспортными потоками через внедрение умных технологий.

2. Развитие пешеходной и велосипедной инфраструктуры. В городах, таких как Копенгаген или Амстердам, успешно реализованы проекты по созданию безопасных и комфортных условий для передвижения пешком и на велосипедах. Екатеринбургу будет целесообразно последовать данному опыту и расширить пешеходные зоны и пешеходные дорожки, создать сеть велодорожек, включая их разделение с автомобильными дорогами, обеспечить инфраструктуру для парковки велосипедов и размещения велопрокатных станций. С одной стороны, данное направление городского развития уже является актуальным, а с другой – популяризация здорового образа жизни требует регулярную информационную кампанию о преимуществах использования велосипедов и ходьбы для здоровья, экологии и сокращения трафика на дорогах города.

3. Интеграция разных видов транспорта и применение смарт-технологий. Изучив опыт городов с успешными решениями транспортных проблем, таких как Сингапур и Гонконг, Екатеринбург значительно оптимизирует временные и топливные ресурсы за счет интеграции разных видов транспорта в единый платежный терминал пассажиров. Это будет возможно благодаря использованию «умных» технологий по управлению транспортными потоками. Это направление работы включает в себя внедрение единой системы оплаты проезда для всех видов общественного транспорта с использованием транспортных карт или мобильных приложений, развитие транспортных узлов, где пассажиры могут маневрировать между разными видами транспорта, применение современных технологий для мониторинга и управления транспортными потоками, например, «умные» светофоры, системы диспетчерского контроля и аналитика транспортных данных, улучшение и развитие онлайн-сервисов для планирования маршрутов, отслеживания движения транспорта и получения информации о пробках.

Таким образом, применение этих стратегий в комплексе может существенно изменить ситуацию с транспортными проблемами в Екатеринбурге. Решения должны быть адаптированы к конкретным условиям города и поблемам его жителей. Осознавая проблемы, с которыми сталкиваются жители Екатеринбурга, местные власти и гражданское общество обсуждают возможные решения. Участие горожан в создании комфортной городской среды, в планировании развития пространства городов является оптимальным и эффективным способом управления и удовлетворения запросов населения [15]. Оно помогает оптимизировать усилия городской власти по мониторингу проблемных территорий и иметь предложения от самих «потребителей» городского комфорта. Для успеха таких инициатив необходимо сотрудничество между государственными органами, бизнесом, учеными и гражданским обще-

ством, а также привлечение инвестиций и применение подходов к управлению городским транспортом и инфраструктурой. Такой подход позволит сформировать гибкую и адаптивную стратегию, способную с учетом изменяющихся условий и возникающих проблем привести к значительному улучшению качества жизни в Екатеринбурге.

Литература:

1. Болтаевский А.А. Транспорт как основа современного города // Урбанистика. – 2018. – № 4. – С. 88–95. – DOI: 10.7256/2310-8673.2017.1.17047.
2. Постановление Правительства Свердловской области от 25.01.2018 г. № 28-ПП Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие транспортного комплекса Свердловской области до 2027 г.» // Официальный сайт Министерства транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области – URL: https://mtrans.midural.ru/document/list/document_class/46#document_list (дата обращения: 01.05.2023).
3. Стратегический план развития Екатеринбурга // Официальный портал Екатеринбург.рф (дата обращения: 01.05.2023).
4. Решение Екатеринбургской городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6 «О Стратегическом плане развития Екатеринбурга». – URL: https://docs.cntd.ru/document/802003648 (дата обращения: 01.05.2023).
5. Развитие транспортной системы // Портал госпрограмм РФ. – URL: https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/24 (дата обращения: 01.05.2023)
6. Булавина Л.В., Лаптева Е.А., Мухаметгалиева А.Р., Аллагуатов А.С. Транспорт как фактор устойчивого развития на примере исследования отдалённых жилых районов города Екатеринбурга // Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике. Сб. материалов II Всеросс. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 205–211.
7. Благинин В.А. Проблемы общественного транспорта как объекта автотранспортной инфраструктуры крупного города (на примере МО «Город Екатеринбург») // Вестник ЮГУ. – 2015. – № S3-2 (38). – С. 33–36.
8. Кризис в Гортрансе может привести Екатеринбург к катастрофе // Информационное агентство URA.RU – URL: https://ura.news/news/1052586859 (дата обращения: 01.05.2023).
9. Мухаметгалиева А.Р., Булавина Л.В. общественный транспорт, как решение транспортных проблем в городах (на примере Екатеринбурга) // Школа Науки. – 2018. – № 11 (11). – С. 4–9.
10. Баранова В.А., Бородачева Д.В., Вотинцева В.С., Гришина Я.С., Проскурякова А.Н. Безопасный Екатеринбург. Безопасные дороги // Город: open the future: Тезисы работ финалистов Межд. конкурса молодых ученых и студентов. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2016. – С. 18–22.
11. Леонтьев Е.В., Булавина Л.В. Проблема размещения стоянок постоянного и временного хранения в Екатеринбурге: градостроительный аспект // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2022. – № 3 (54). – С. 45–50.
12. Березинец И.В., Соколова Е.В. Транспортная система и город: какой должна быть транспортная реформа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2020. – № 19 (3). – С. 362–384.
13. Транспортная революция в Москве: что изменилось за 10 лет? // Региональные комментарии – URL: http://regcomment.ru/regions/msk/transportnaya-reforma-sobyanina-kak-za-10-let-izmenilas-sistema-nazemnogo-obshhestvennogo-transporta/ (дата обращения: 01.05.2023).
14. Бесчасная А.А., Покровская Н.Н. Городская партисипативность в социологическом дискурсе // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 46–61.
15. Екатеринбург: ситуационный анализ и разработка принципов формирования транспортной системы // Институт экономики Уральского отделения РАН. – URL: https://economy-ural.ru/transport-strategy-ekb (дата обращения: 01.05.2023).

Analysis of Transport Development in the Formation of a Comfortable Urban Space

Beschasnaya A.A., Kostromin P.A., Protopopova D.V.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article provides an overview of the city's transport problems and possible ways to solve them. The city of Yekaterinburg is the object of consideration. The improvement of the urban transport network is the direction and condition for the implementation of strategic plans for the spatial and territorial development of the regions. Therefore, the goal is to find ways to expand the road transport infrastructure of the city of one million, which was achieved by identifying the problems of Yekaterinburg. An overview of the current situation in Yekaterinburg is based on the analysis of secondary data gleaned from open sources and the media, and measures to reduce problems are modeled on the basis of positive practices in other cities. As a result of the analysis, the authors determined that the balance in the development of the city, its infrastructure and the creation of a comfortable urban environment should be sought in the promotion of public transport, environmentally friendly and individual means of transportation, as well as in the active position of citizens, in their participation

Key words: spatial development, transport, city, development strategy, comfortable environment

УДК 316.472.4:316.772.5-053.2/.6(470.331)

Родители о социальных сетях и мессенджерах для детей: социологический анализ (на примере исследования в г. Твери)

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

Социальные сети и мессенджеры стали полноправными агентами социализации детей в современном цифровом обществе. В статье описаны результаты социологического исследования, целью которого явился анализ представлений детей и родителей города Твери о социальных сетях и мессенджерах. Задачами исследования явились: выявить самые популярные социальные сети и мессенджеры среди родителей и их детей; определить отношение к социальным сетям и мессенджерам; описать мнения родителей об основных целях использования, типах потребляемого контента, достоинствах и недостатках социальных сетей и мессенджеров для их детей. В результате исследования определен эмоциональный окрас пользования детьми данных интернет-ресурсов. Выявлены формы, виды, субъекты и объекты контроля и ограничений со стороны родителей при использовании социальных сетей и мессенджеров детьми. Результаты исследования позволили разработать комплекс рекомендаций для избавления детей от зависимости социальных сетей и мессенджеров.

Ключевые слова: родители, дети, социальные сети, мессенджеры

В настоящее время одной из главных целей всех социальных институтов, являющихся ключевыми агентами социализации детей (государства, общественных организаций, системы образования, семьи), является формирование у детей навыков самостоятельного и ответственного потребления безопасной информации.

Социальные сети и мессенджеры появились сравнительно недавно, но очень быстро распространились и обрели большую популярность. «*Вконтакте*», «*Telegram*», «*WhatsApp*»[1] и другие с каждым днем все развиваются, совершенствуются, вместе с этим становятся все более значимыми и необходимыми для повседневной жизни подростков. Социальные сети и мессенджеры стали полноценными цифровыми агентами процесса социализации детей посредством музыки, игр, видео, коммуникаций. Для многих детей они стали играть одну из ключевых ролей при формировании подражания и влияния на их мнения.

Ко Дню защиты детей компаниями «Добро *Mail.ru*» и «Дети *Mail.ru*» было проведено анкетирование 3000 родителей из крупных городов России. Целью исследование был анализ проведения времени подростками в сети. Согласно результатам исследований, 75 % респондентов уверены, что в летние каникулы их дети проведут в интернете. Большинство респондентов (89 %) считают онлайн-пространство опасным. В качестве наиболее опасных угроз в сети для детей, по мнению родителей, были названы: «попытки незнакомых взрослых познакомиться – 21 %; непристойные предложения от взрослых людей – 19 %; потеря и утечка персональных данных – 16 %; кибербуллинг – 15 %; риск столкнуться с мошенниками и потерять деньги – 13 %; попытки незнакомцев преследовать в реальном мире – 12 %» [1].

Г. Имаева, генеральный директор Аналитического центра НАФИ, отметила: «Изучение цифровой среды – это часть подросткового развития, поэтому,

[1] Мессенджер *WhatsApp* принадлежит *Meta*, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России.

если дети проводят в сети несколько часов в день, не стоит беспокоиться. Информационные порталы и социальные сети помогают подросткам получать новую информацию, узнавать больше о себе и своём месте во взрослом мире» [2].

Гордон Ньюфелд обозначил: «Все это погружение детей в информационно-компьютерные технологии изменяет традиционные взаимоотношения родителей и детей. Привычным источником знания, а порой собеседником и наставником для современных детей становятся гаджеты» [3, с. 384].

В ноябре 2023 г. было проведено социологическое исследование на тему: «Представление детей и родителей города Твери о социальных сетях и мессенджерах». В его организации и проведении участвовали магистранты 1 курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета[2]. С помощью метода анкетирования были опрошены родители в количестве 103 чел., среди которых 80 % опрошенных женского пола и 20 % – мужского. За основу были выбраны следующие возрастные интервалы: 25–30 лет (12 % опрошенных), 31–35 лет (37 % опрошенных) и 36–40 лет (51 % опрошенных). Количество детей у респондентов: два ребенка – 46 %, один ребенок – 41 %, 3 и более детей – 13 %. Материальное положение респондентов распределилось следующим образом: 84 % – среднее материальное положение, 10 % – высокое материальное положение и 6 % – низкое материальное положение.

У детей респондентов в большинстве случаев есть два личных устройства (45 %). Одно устройство принадлежит 37 % детей, три устройства – 10 %, пять и более – 7 %, и ровно четыре устройства принадлежит лишь 1 % детей.

У большинства детей (96 %) есть смартфон. Более половины детей (59 %) имеют «Компьютер (ноутбук)», чуть менее половины – «Телевизор» 42 %. Планшет есть у каждого третьего ребенка (28 %), а приставка – лишь у 12 %. Большинство опрошенных родителей пользуются социальными сетями (94%) и мессенджерами (98%). Данная тенденция охватывает все категории респондентов.

«*Вконтакте*» и «*Telegram*» являются самыми популярными социальными сетями среди родителей (95 и 85 % соответственно). Наименее популярными вариантами, которыми пользуются по трети опрошенных, оказались «Одноклассники» (32 %) и «Яндекс. Дзен» (28 %). Первый вариант наиболее характерен для возрастной категории 36–40 лет, нежели для других возрастных категорий. Большинство опрошенных родителей пользуются такими мессенджерами, как: «*WhatsApp*» и «*Telegram*» (99 и 85 % соответственно).

Говоря об отношении опрошенных к социальным сетям и мессенджерам, стоит отметить, что и к ним большинство относятся положительно. Однако, к социальным сетям отношение незначительно лучше (положительно к социальным сетям относится 69 %, а к мессенджерам – 58 %). Женщины относятся к использованию социальных сетей положительнее, нежели мужчины (62 и 50 % соответственно выбрали вариант «Положительно»).

Большинство родителей говорили о том, что их дети используют социальные сети (85 %) и мессенджеры (87 %). Как правило, меньше всего ими пользуются дети родителей возрастной категории 25–30 лет (58 и 42 % соответственно).

Главная цель использования социальных сетей детьми, по мнению родителей, – общение (63 %). «Самопродвижение» – второй по популярности вариант (49 % опрошенных). Наименее популярным вариантом стало «самообразование» (10 %). В случае с мессенджерами тенденция схожая. Однако, одним из популярных вариантов, помимо причисленных, стал вариант «развлечение» (53 % опрошенных). Данный вариант мужчины выбирали в два раза чаще женщин (15 и 6 % соответственно).

Далее респондентам был задан вопрос: «Какие типы контента наиболее предпочтительны для Ваших детей?». В случае с социальными сетями, самым популярным вариантом стал «чаты» (84 %). За ним последовали варианты «телешоу» (78 %) и «подкасты» (68 %). Наименее популярным стал вариант «приложения» (4 %). В случае с мессенджерами самыми популярными вариантами с одинаковым количеством ответов стали «телешоу» (58 %) и «новости» (58 %). За ними последовал вариант «музыка» (57 %). Наименее популярным стал вариант «каналы» (12 %). Вариант «игры» в данном случае стал наиболее характерным для возрастной категории родителей 36–40 лет (20 %).

По мнению родителей, социальные сети отнимают у их детей больше времени, нежели мессенджеры. В случае с социальными сетями самым распространенным вариантом стал ответ «4–6 часов в день» (86 %). Однако не менее популярным стал вариант «Более 12 часов в день» (70 %), тогда как мессенджеры большинство опрошенных использует 10–12 часов в день (78 %).

Наиболее часто, по мнению родителей, дети испытывают при использовании социальных сетей и мессенджеров такие эмоции, как: «радость» и «душевный подъем» (32, 26 и 39, 26 % соответственно). «Спокойствие» стало еще одним лидирующим вариантом в категории мессенджеров (26 %). Акцентирование внимания на положительных реакциях со стороны своих детей характерно для более младших возрастных категорий опрошенных родителей.

Основными достоинствами социальных сетей и мессенджеров родители назвали «возможность

[2] Автор выражает огромную благодарность студентам К. Рубичевой, С. Степановой, С Дометиной, Д. Добрякову за активное участие, оперативность и профессионализм во время участия в проекте.

общаться» (54 и 52 % соответственно). Менее популярными достоинствами стали «самовыражение» (47 %), «расширение кругозора» (44 %) и «удобство» (40 %). Совсем непопулярным вариантом стало «развитие бизнеса» (3 %), который в основном выбрала старшая возрастная категория родителей. В отношении мессенджеров наиболее часто назывались такие достоинства, как «возможность общаться» (52 %), «доступность» (47 %), «досуговая» (37 %).

Ключевыми недостатками социальных сетей примерно каждый третий родитель (36 %) в одинаковой степени считает уход от реальности в виртуальную среду, 34 % респондентов отметили их влияние на здоровье и 32 % – наличие в них мошенников. Последний вариант оказался особо популярным среди возрастной категории 36–40 лет. Менее половины опрошенных считает главными недостатками мессенджеров использование сленга (45 %) и отсутствие невербального общения (33 %).

Ответы на вопрос о контроле деятельности детей в социальных сетях и мессенджерах оказались довольно неоднозначными. Так, например, за деятельностью в социальных сетях осуществляет контроль 56 % семей, а в мессенджерах – 66 %. В случае с социальными сетями наличие контроля в большей мере подчеркнули мужчины (62 % в сравнении с 55 % у женщин). Помимо прочего, в обоих случаях наблюдается тенденция того, что в семьях с более молодыми родителями контроль присутствует чаще.

Далее респондентам был задан вопрос: «Сколько часов в день Вы контролируете деятельность ребенка в социальных сетях и мессенджерах?». Результаты показали, что большинство родителей не ставят своим детям ограничения по времени их пребывания в виртуальном мире (вариант «сколько угодно» выбрало 57 % в случае с социальными сетями и 39 % в случае с мессенджерами).

Мамы чаще других членов семьи осуществляют контроль за деятельностью детей в социальных сетях и мессенджерах (69 %). Помимо прочего, наблюдается тенденция к тому, что представители того или иного пола выбирают в качестве главного «контролера» представителя своего пола либо самого себя. 39 % родителей осуществляют контроль за деятельностью своих детей в социальных сетях и мессенджерах ежедневно. Говоря о форме контроля, стоит отметить, что визуальный способ контроля пользуется большим спросом у родителей, нежели дистанционный (71 и 50 % соответственно).

60 % родителей не ограничивают контент, который просматривают их дети в социальных сетях, а в мессенджерах его не ограничивают всего лишь 30 % родителей. Опять же в обоих случаях наблюдается тенденция того, что в семьях с более молодыми родителями контроль является более строгим. Чаще всего родители ограничивают своим детям такие социальные сети и мессенджеры, как: «*Вконтакте*» (18%), «*WhatsApp*» (18 %) и «*Skype*» (15 %). Музыка является самым распространенным типом контента, на который распространяются ограничения родителей (75 %). На втором месте находятся подкасты (50 %). Большинство респондентов (70 %) контролируют круг общения своих детей.

Самыми распространенными реакциями детей на ограничения, по мнению родителей, являются обида (31 %) и противоположная ей реакция – понимание (23 %). Варианты «принятие» выбрало 20 % опрошенных, «агрессия» – 17 %, «волнение» – 7 % и «безразличие» – 3 % опрошенных.

Чуть более половины родителей считает, что их дети зависимы от социальных сетей и мессенджеров (54 %).

Таким образом, чтобы избежать постоянного ухода детей в виртуальную среду, родителям стоит уделять больше внимания своим детям в реальной жизни. Начиная с раннего возраста, обучать ребенка информационной грамоте, вовлекать в какие-то совместные дела (например, походы в кино, совместные настольные игры, прогулки и т.д.). Необходимо предупреждать и рассказывать о мошенничестве в сети Интернет. Заботиться о физическом развитии ребенка, возможно, за счет применения ограничений на использование социальных сетей и мессенджеров, так как от этого зависит будущее физическое и психическое здоровье подрастающего поколения в целом.

Литература:

1. Башкиров С. 89 % родителей считают интернет угрозой безопасности детей // РБК «Тренды». – 2022. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/62975e279a79473746f4e3c3 (дата обращения: 11.09.2023).
2. Отцы и дети: как родители и подростки относятся к интернету // Аналитический центр НАФИ. – 2018. – URL: https://nafi.ru/analytics/ottsy-i-deti-kak-roditeli-i-podrostki-otnosyatsya-k-internetu/ (дата обращения: 12.11.2023).
3. Ньюфельд Г. Не упускайте своих детей: детская психология. – М.: Изд-во Ресурс. 2021. – 456 с.

Parents about Social Networks and Messengers for Children: a Sociological Analysis (Using the Example of a Study in Tver)

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

Social networks and messengers have become full-fledged agents of socialization of children in modern digital society. The article describes the results of a sociological study aimed at analyzing the ideas of children and parents of the city of Tver about social networks and messengers. The objectives of the study were: identify the most popular social networks and messengers among parents and their children; determine attitudes towards social networks and messengers; describe parents' opinions about the main purposes of use, types of content consumed, advantages and disadvantages of social networks and messengers for their children. As a result of the study, the emotional coloring of children's use of these Internet resources was determined. The forms, types, subjects and objects of control and restrictions on the part of parents when using social networks and messengers by children are revealed. The results of the study allowed us to develop a set of recommendations for getting rid of children's dependence on social networks and messengers.

Key words: parents, children, social networks, messengers

УДК 316.346.2-055.2

Основные мотивы и риски нахождения женщины в статусе «любовница» (на примере исследования в г. Твери)

Вайсбург А.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных технологий
Тверского государственного технического университета

В статье рассмотрено понятие «измена», распространенное во все исторические периоды существования общества и деструктивно влияющие на современные семейные ценности. Проанализированы результаты интервью. Целью исследования явился опыт нахождения женщин в статусе «любовницы». Задачами исследования стали: описание их представлений о трактовке понятия «измена»; опыт нахождения в статусе «любовницы»; основные мотивы, которые побудили женщин стать любовницами. Практическая значимость работы позволяет оценить риски при нахождении в статусе «любовницы», плюсы, минусы и перспективы подобных отношений между мужчиной и женщиной. Результаты исследования отражают личностный опыт женщин-любовниц, показывают пример отсутствия перспектив подобных отношений. Ценность и научная новизна работы проявляются в охвате уникальной целевой аудиторию женщин, находящихся в статусе «любовница», по одной из самых сенситивных и актуальных тематик современности.

Ключевые слова: любовница, измена, мужчина, женщина, мотивы, причины

В современной науке исследователи представляют две точки зрения на понятие «измена». Первые утверждают, что «...семейные ценности рушатся, моногамия теряет свою ценность и отмирает как социальный институт», они говорят о том, что измена – это дисфункциональное явление общества, а ее распространение свидетельствует о постепенном крушении института семьи. Другие исследователи отмечают положительный эффект измен, считая их фактом, феноменом современной действительности [1].

Согласно результатам проведенных исследований, именно конфликты и ссоры являются первоначальными причинами семейных измен. Однако для женских измен чаще важны внешние обстоятельства. Женщины ищут в изменах любовь, заботу и внимание, недополучаемые в семье от супруга. Почти 80 % изменщиков признались, что «измены начинаются со сновидений и фантазий. Именно они являются триггерами того, что люди делают первые шаги на пути к измене» [2].

При этом ученые выделили и одинаковые мотивы измен обоих супругов, основанные на компенсации какой-либо нереализованной потребности. Среди них ключевыми были названы: «безответная любовь; развод или создание новой семьи; разные места проживания; несовладание с искушением» [2].

При анализе социально-демографического портрета изменщиков Ю.А. Соколова выявила, что в возрасте супругов 20–30 лет, недавно состоящих в браке и имеющих наибольший уровень удовлетворенности браком, наименьшее количество измен. В группе 30–40-летних супругов отмечен рост супружеских измен. Самый высокий уровень измен приходится на супругов в возрасте 40–50 лет. Он обусловлен переоценкой ценностей, переосмыслением прошлого опыта, убыванием физических сил и привлекательности. Наиболее часто в данной возрастной группе изменяют мужчины.

Сходные выводы сделали исследователи М.А. Конина, А.Б. Холмогорова. «Сексуальная активность с возрастом увеличивается, максимально

проявляясь от 41 до 55 лет. Российские мужчины в сравнении с женщинами более неограниченны и раскрепощены в сексуальном поведении» [3].

Несмотря на то что среди современных авторов можно назвать ряд социологов, занимающихся эмпирическими исследованиями супружеской неверности, например, О.К. Лосеву и И.Н. Бобкову, их работы носят скорее информативный, нежели аналитический характер. Анализ литературы свидетельствует о наличии разрыва между теоретическими подходами к объяснению гендерных аспектов феномена измены и его эмпирическими исследованиями, которые фокусируются в основном на сборе статистических данных [3].

Любовница – это женщина, с которой мужчина поддерживает романтические или сексуальные отношения, несмотря на то что у него есть официальная партнерша или супруга. В конечном счете каждая женщина принимает решение стать любовницей по своим собственным мотивам и потребностям. Важно помнить, что нет универсального ответа на вопрос о причинах, и каждая ситуация требует индивидуального подхода и понимания [4].

В ноябре 2023 г. было проведено социологическое исследование на тему: «Причины и мотивы нахождения женщин города Твери в статусе “любовница”»[1]. С помощью метода полуформализованного интервью было опрошено 9 человек: 7 женщин в возрасте 20–28 лет и две женщины в возрасте 45–46 лет. В его организации и проведении участвовали студенты 3 курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета[2].

В ходе исследования выяснилось, что в понятие «измены» участницы вкладывают три основных определения: первое – это предательство, второе – физическая связь с другим человеком и, в-третьих, – эмоциональная связь с другим человеком. Об эмоциональной измене говорят 5 опрошенных: «В первую очередь – это физическая связь с другим человеком, во вторую же – эмоциональная связь». 5 участниц говорят о том, что измена – это физическая близость: «… для меня бы было противно, если бы мой партнёр мне изменил в физическом контакте». Измену как предательство признали только 3 женщины. «Предательство – это когда сначала даёшь надежду, а потом сам же свои слова нарушаешь». Стоит отметить, что большинство женщин в понятие измена вкладывают не одно, а несколько понятий. При этом о предательстве говорят женщины более старшего возраста – 26, 28, 40 лет, об эмоциональной и физической измене – девушки в возрасте 20–21 года.

Женщины отметили, что в данный момент никто из них не состоит в статусе «любовницы», а опыт первого нахождения в данном статусе варьируется в возрасте от 15 до 23 лет. Самый ранний опыт случался в 15 лет, так ответила только 1 участница (девушка, 21 год). Помимо этого, еще 1 участница исследования находилась в статусе «любовница» до своего совершеннолетия (девушка, 20 лет). При этом 2 находились в статусе «любовница» с 18 лет. Продолжительность отношений, находящихся в статусе «любовница», составляет от 2 месяцев до 3-х лет. Отношения не превышают более 7 месяцев. Это указывает на то, что отношения вне брака обычно не имеют долгосрочной перспективы и часто заканчиваются в относительно короткие сроки. Так же 8 из 9 женщин имеют только один опыт в статусе «любовница», и только одна 3 раза состояла в статусе «любовница» (женщина, 46 лет, замужем, 3-е детей).

В ходе исследования участницы исследования выделили мотивы, которые побудили их стать любовницами. Среди них – это надежда на продолжение отношений и выход их на новый уровень (брак, семья), так ответили 3 женщины. А также материальная поддержка со стороны мужчины: «Мы жили в квартире, которую он снимал, и он мог там заплатить за меня, он покупал продукты домой», и получение эмоций (3 женщины: «Когда о тебе заботятся, делают подарки какие-то дорогие, тебе кажется, что ты влюбляешься»). В 2 случаях – удовлетворение сексуальных потребностей.

В ходе исследования выяснилось, что оценка рисков в состоянии статуса «любовница» для женщин практически равнозначна. В 7 опытах в статусе «любовницы» участницы не упомянули риски, из них 6 человек вступили в статус осознанно. Из тех, кто высказался об осознанном опыте, 6 опытов показали также и выгоду, полученную из отношений в статусе «любовница». Единственная женщина, рассказавшая о неосознанном опыте и искренних чувствах: «Те чувства, которые я к нему испытывала, я больше не переживала никогда». Таким образом, можно прийти к выводу о том, что те девушки/женщины, которые вступают в отношения в статусе «любовница» осознанно, существуют там ради выгоды и свой статус особо не скрывают, но знают о нем в большинстве случаев только близкие и родные.

Оставшиеся 4 опыта у женщин в статусе «любовницы» доказывают, что риски есть и они серьезные. Во-первых, это возможность быстро избавиться от «любовницы»: «Не приоритетность, легко избавляются от вас». Об этом риске говорила женщина, вступившая в отношения в статусе «любовница» ради выгоды и неосознанно. Во-вторых, это судебные разбирательства, угрозы: «это может доходить

[1] Автор выражает огромную признательность всем информантам, которые искренне рассказали о своем непростом опыте нахождения в статусе любовницы и поделились этой сенситивной информацией с исследователями.

[2] Автор выражает огромную благодарность студентам П. Абдувахобовой, А. Зайцеву, А. Картавых, А. Попковой, А. Романовой, С. Ченцовой, Ю. Чернышевой за идеи, активное участие, оперативность и профессионализм во время участия в проекте.

до судебных разбирательств о моральном вреде, это могут быть угрозы, могут быть даже угрозы самоубийства и так далее». Об этом рассказала девушка, вступившая в отношения в статусе «любовница» из-за чувств и осознанно. В-третьих, это отсутствие перспектив и то, что мужчина не принадлежит женщине в статусе «любовница»: «Первый и главный риск, что в этих отношениях нет никакой перспективы», «Во-вторых, мужчина не принадлежит тебе полностью». Об этом риске говорила женщина, вступившая в отношения в статусе «любовница» из-за чувств и неосознанно. В-четвёртых, это осуждение и раскрытие статуса «любовница». Про это рассказывала девушка, вступившая в отношения в статусе «любовница» ради выгоды и осознанно.

Оценка плюсов в состоянии статуса «любовница» для девушек практически равнозначна. 7 опытов у женщин в статусе «любовницы» показывают, что они вообще не высказались по поводу плюсов, также и не упомянув минусы отношений в статусе «любовница». Остальные 4 опыта среди женщин свидетельствуют о разных плюсах, но самым частым были названы: забота (2 опыта, из которых обе женщины вступили в отношения из-за чувств); свобода и отсутствие обязательств; любовь; выгода.

Говоря же о минусах отношений в статусе «любовница», мнения 5 «любовниц» – минусы отсутствуют. В то время как оставшиеся (6 опытов женщин в данном статусе) рассказали о минусах подобных взаимоотношений в статусе «любовницы»: одиночество (3 опыта); алкоголизм и манипуляции со стороны мужчины; позиция на роли второго плана; ложь; ревность.

Упоминая перспективы отношений большинство женщин, имеющих 7 опытов подобных отношений, всё же говорит об отсутствии перспектив отношений в статусе «любовница». Причины того, почему они не видят перспектив в отношениях с женатыми партнерами, это, во-первых, переосмысление статуса, так ответили 3 женщины, когда девушки спустя время поняли, что эти отношения были бессмысленными и обреченными на провал. Во-вторых, это обман партнера, когда девушка не знала, что является «любовницей» для мужчины. И перспектива ухода от жены к «любовнице»: «Каждая любовница, кажется, в душе надеется, что её мужчина уйдет от своей жены к ней».

Таким образом, основными мотивами вступления женщин в отношения в статусе «любовница» являются: надежда на продолжение отношений (создание семьи), материальная поддержка со стороны мужчины и помощь в карьерном росте, чувство свободы и отсутствие обязательств, а также получение новых эмоций (любовь, нежность, ощущение нужности) и удовлетворение сексуальных потребностей. Однако такой союз с мужчиной несёт за собой определённые риски, самыми основными можно выделить: лёгкое избавление мужчины от отношений, судебные разбирательства и угрозы от мужчины, отсутствие перспектив на продолжение отношений, осуждение женщины со стороны общества и раскрытие свого статуса «любовница». Упоминая перспективы таких отношений, большинство девушек говорят об их отсутствии.

Литература:

1. Васина И.Д. Измена как феномен супружеских отношений // Горизонты гуманитарного знания. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmena-kak-fenomen-supruzheskih-otnosheniy (дата обращения: 12.11.2023).
2. Качалова А.В. Супружеская измена как социально-психологический феномен // Проблемы современного социологического образования. – 2017. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28998757_61668374.pdf (дата обращения 19.09.2023).
3. Василенко В.Г. Супружеская и партнёрская измена – что это такое и как её пережить. – URL: https://skillbox.ru/media/growth/adultery/ (дата обращения: 04.10.2023).
4. Психология отношений между мужчиной и любовницей. – URL: https://damiko.ru/otnosheniya-i-semya/2526-psihologiya-otnosheniy-mejdu-mujchinoy-i-lyubovnitsey (дата обращения 23.10.2023).
5. Зберовский А.В. Секс с любовницей. Что делают любовницы такого, что мужчины сходят по ним с ума? – URL: https://samopoznanie.ru/articles/seks_s_ljubovnicey_chto_delajut_ljubovnicy_takogo_chto_muzhc/ (дата обращения: 24.12.2023).

The Main Motives and Risks of Finding a Woman in the Status of «Mistress» (Using the Example of a Study in Tver)

Vaisburg A.V.
Tver State Technical University

The article examines the concept of "treason", which is widespread in all historical periods of society and has a destructive effect on modern family values. The results of the interview are analyzed. The purpose of the study was the experience of finding women in the status of "mistress". The objectives of the study were: a description of their ideas about the interpretation of the concept of "betrayal"; the experience of being in the status of a "mistress"; the main motives that prompted women to become mistresses. The practical significance of the work allows us to assess the risks of being in the status of a "mistress", the pros, cons and prospects of such a relationship between a man and a woman. The results of the study reflect the personal experience of female lovers, show an example of the lack of prospects for such a relationship. The value and scientific novelty of the work are manifested in the coverage of a unique target audience of women who are in the status of "mistress" on one of the most sensitive and relevant topics of our time.

Key words: mistress, betrayal, man, woman, motives, reasons

УДК 316.774

Коммуникативные практики в киберпространстве

Гарифзянова А.Р.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Хабибуллина Л.М.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и менеджмента Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается малоизученная в настоящее время проблема коммуникативных практик в киберпространстве – вебкам-моделинг. Это направление иллюстрирует современные тенденции в сфере онлайн-коммуникаций и представляется его участниками не только как способ дополнительного дохода, не требующего серьезных затрат, но и как возможность для эмоциональной разгрузки и общения. Цель исследования: рассмотреть, как вебкам-моделинг вписывается в способы онлайн-коммуникации в современном мире. Статья подготовлена по материалам пилотажного исследования, в рамках которого было проведено более 15 интервью[1] с моделями различных онлайн-площадок. Особенностью научного подхода стало рассмотрение вебкам-моделинга с коммуникативной точки зрения. Вебкам-моделинг, формируясь благодаря интернет-технологиям, в определенной степени создает иллюзию свободы, конструирует мир социально исключенных и тем самым подвергает опасности участниц этой индустрии в части эмоционального воздействия и репутационных рисков. В связи с этим возникает спрос на получение услуг не только сексуального, но и коммуникативного характера, несмотря на реальные угрозы[2].

Ключевые слова: киберпространство, коммуникативные практики, вебкам-моделинг, вебкам-бизнес, виртуальная реальность, глобализация

Киберпространство развивается стремительными темпами, влияя на все сферы человеческой жизни. В условиях всевозрастающей глобализации и цифровизации экономики, на скорость распространения которой повлияла в том числе пандемия коронавируса, неизбежна модернизация профессиональной сферы. Видоизменения, в частности, коснулись и такой специфичной сферы, как интимные услуги. Интернет обусловил появление новой формы этой деятельности – вебкам-моделинга, позволяющий модели взаимодействовать с клиентом удаленно, посредством онлайн-трансляций на специальной интернет-платформе.

[1] В статье использованы данные полуформализованных интервью молодых исследовательниц (Дедюхина Е. взяла 14 интервью в рамках выпускной квалификационной работы, Тивелева Д. – 1 интервью в рамках проектного задания), где Гарифзянова А.Р. являлась научным руководителем. Интервью были взяты в период 2021–2023 гг. Исследование носит пилотажный характер.

[2] За занятие вебкамом в России могут привлечь к ответственности по ст. 242 УК РФ – о демонстрации и рекламе порнографических материалов. За это моделям может грозить лишение свободы от двух до пяти лет.

На сегодняшний день исследования вебкам-форм предоставления и получения интимных услуг представляется сложным направлением для изучения, однако требует концептуальной разработки и сталкивается с трудностями по причине табуированности темы, закрытости данной социальной группы, умалчивания и нахождения в «серой» рыночной зоне. Из чего следует, что *проблема исследования* – это недостаточная изученность данного сегмента. *Цель пилотного исследования* – рассмотреть, как вебкам-моделинг вписывается в современные способы онлайн-коммуникации в современном мире.

Коммуникативные практики на вебкам-платформах зародились в начале XXI в. и до сих пор относятся к не обсуждаемым в обществе темам. По этим причинам академические источники, в которых упоминается вебкам-моделинг как способ коммуникации либо отсутствуют или рассматривают проблему недостаточно полно. Кроме того, в научной литературе используется терминология, присущая либо исследованиям традиционных форм секс-работы, предполагающих взаимодействие в реальном мире, без компьютерных технологий, либо исследованиям порнографического контента, который, в отличие от вебкам-моделинга, не предполагает никакой коммуникации. Следовательно, ни то, ни другое не может в полной мере определить коммуникативные практики, реализуемые в контексте вебкам-моделинга.

Так, И. Алихаджиева лишь частично затрагивает вебкам-моделинг как одну из тенденций секс-индустрии, объясняет некоторые юридические особенности и криминологические риски. Автор предлагает не использовать понятие «проституция» в отношении вебкам-моделинга, настаивая, что интерпретация поведения моделей как виртуальной проституции неверна, так как имитация сексуальных действий девушками в онлайн-формате с целью удовлетворения желаний и потребностей клиентов проституцией в чистом виде не является. Автор пишет: «Выставление обнаженного тела напоказ по согласию обеих сторон без физического полового акта есть суррогат стриптиза, сайта знакомств и секса по видеосвязи» [1, с. 163–166].

Работа Т. Шевцовой посвящена мотивам вовлечения молодежи в вебкам-бизнес, их самооценке, личностной актуализации: в российском менталитете семья воспринимается как большая ценность, поэтому девушки, вовлеченные в вебкам-бизнес, мечтают встретить свою любовь и намерены завести семью. Юноши из данной индустрии стремятся к быстрому и легкому получению материального богатства, так как чувствуют себя обязанными быть успешными «добытчиками». Имеются значительные различия и в уровне самооценки: девушки зачастую удовлетворены, довольны собой, несмотря на большие риски, но отмечают зависимость их самооценки от заработанных денег; юноши-модели же живут в ожидании будущих изменений их жизни, так как не удовлетворены собой, что связано с трудностями работы на рынке, где девушки гораздо больше востребованы. В большинстве случаев цели девушек и юношей недостижимы в условиях сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере: работа в секс-индустрии отталкивает потенциальных партнеров, а невостребованность юношей мешает их заработку, что ведет к низкой самооценке и другим негативным психологическим издержкам у работников вебкам-бизнеса, в частности, вне зависимости от половой принадлежности [2, с. 364–367].

В качестве теоретической основы нашего исследования прежде всего выступили такие теории, как поколенческая теория У. Штрауса и Н. Хоува, позволившая описать изменения как в поведении человека, рожденного в информационном обществе, так и предпочитаемые им способы коммуникации и заработка, его ценности, цели [3]; концепция клиповой культуры Э. Тоффлера объяснила популярность таких коммуникативных практик, как ведение видеотрансляций, особенно на вебкам-платформах [4]; теория эмоционального труда А. Холкшилд объясняет многие тенденции в изучаемой теме, так как эмоциональный труд и вебкам-моделинг взаимосвязаны в информационном обществе [5]; теория социального обмена Дж. Хоманса, сводя социальные взаимодействия к экономическим терминам, наиболее очевидна в случае вебкам-моделинга, где «дары» за общение передаются напрямую, но при вере одной из сторон в эмоциональную близость в таких отношениях [6]. Под вебкам-моделингом мы понимаем прежде всего сферу бизнеса, простроенную на общении вебкам-модели (девушек/редко юношей) и наблюдателей («мембер») в формате видео-чата. Общение происходит онлайн и на платной основе. С момента возникновения вебкам-бизнес сформировался как полноценный рыночный сегмент с большими рисками для участников:

«*Я не отработала 2 недели перед увольнением, и мне сказали, что денег за период я не увижу… Мне еще пригрозили, что, если я что-то плохое про студию напишу, меня сразу найдут. И для убедительности решили слить мое настоящее имя, паспортные данные, адрес и ссылку в ВК. Я тогда очень испугалась и боялась, что ко мне домой могут прийти неадекваты какие-нибудь. И на улицу страшно было из-за этого всего выходить…*» (Инт. 4, девушка, 20 лет).

Но несмотря на это, по мнению экспертов, данный вид предпринимательства в будущем начнет развиваться еще более высокими темпами, так как не имеет никаких рисков, помимо репутационных [1, с. 170]. На данной платформе в коммуникативных практиках участвуют две стороны: вебкам-модели как отправители коммуникации и зрители видеотрансляций как получатели (мемберы). Обе

стороны участвуют в коммуникации, чтобы удовлетворить потребности, определяемые не только личностными особенностями каждого индивида, но и социальным дискурсом, скрытыми желаниями, коммуникационными условиями современного информационного общества. Пользователи вебкам-сервисов на первый взгляд стремятся к удовлетворению сексуальных потребностей, однако определяющим становится именно коммуникативный аспект и материальный достаток. О важности коммуникации свидетельствует и исследование 2019 г. Сечкаревой, согласно которому 40 % пользователей считают, что между вебкам-моделью и зрителями складываются устойчивые, близкие отношения, начиная от дружбы до глубоких эмоциональных связей [7]. Поэтому мы рассматриваем вебкам-моделинг именно с коммуникативной точки зрения. Методами сбора социологической информации выступило полуформализованные интервью с моделями различных площадок и различных возрастов. Стоит отметить, что рекрутинг был осложнен закрытостью группы, табуированностью любых сексуальных тематик и законодательной неоднозначностью представленной темы. Большинство интервью были взяты онлайн по желанию информантов. Основной возраст информанток – 19–25 лет.

Прежде всего следует разделять понятия «вебкам-моделинг» и «проституция», так как гуманистическая стратегия требует рассмотрения объекта с точки зрения тех смыслов, которые он сам вкладывает в свои повседневные практики. Так, информанты свою работу относят к секс-индустрии, но не считают проституцией, так как не вступают в половые отношения с клиентами, а эмоциональную связь с клиентами рассматривают исключительно как актерскую игру:

«*Я иногда совершенно подавлена, но улыбаюсь и травлю шутки, что любая актриса позавидует моему самообладанию во время шоу*» (Инт. 1, девушка, 21 год).

«*На вебке я актриса, которая играет роль, и главное, чтобы мемберу все нравилось. У меня продуманный образ, который «мембер» захочет купить. Это выражается в том, как я одеваюсь, как я общаюсь, как веду себя, но с реальной мной он ничего общего не имеет, в жизни я так себя не веду*» (Инт. 4, девушка, 20 лет).

Это убеждение способствует поддержанию их психологического благополучия, так как жизненные ценности опрошенных моделей являются достаточно традиционными: информанты высказывали желание встретить спутника жизни, завести семью, упоминали важность внимания к детям, правильного воспитания, развития. Желание подарить детям лучшее образование, творческое развитие является одной из основных причин работы в прибыльном бизнесе, значимым ориентиром в их жизни: «*Мой парень пишет музыку, и я должна его во всем поддерживать, так что да, дарю ему свободное время*» (Инт. 2, девушка, 19 лет).

Респондентки (вебкам-модели) в ходе интервью объясняют свой выбор деятельности нехваткой денежных средств к существованию, желанием «быстрых денег», стремлением обеспечить будущую семейную жизнь при минимальных ресурсных тратах. Все это продиктовано как сложившейся образовательной системой и напряженным рынком труда [7; 8], которые не позволяют учиться или получать заработную плату без вторичной занятости, но также обусловлено появлением в киберпространстве запросов:

«*…главный фактор для меня был денежный. Я хотела за учебу сама заплатить и хотелки все свои оплачивать без помощи мамы. Очень заинтересовали условия, отличный ход на сайтах студии с калькулятором зарплаты. Даже при минимальных знаниях сумма меня устраивала*» (Инт. 4 девушка, 20 лет).

Постоянный доступ к информации об успешных людях и, с другой стороны, возможности демонстрации яркой жизни с помощью социальных сетей способствуют появлению у человека новых и новых потребностей [9]. Отсюда происходит желание получить наибольшее количество прибыли при наименьших затратах ресурсов, а риски, имеющие значение только в долгосрочной перспективе, как, например, репутационные, эмоциональные, которым наиболее подвержены работники секс-индустрии, не учитываются как сдерживающие. Риски, которым подвергаются участницы вебкам-бизнеса, действительно, представляют собой большую угрозу и делают участниц уязвимыми и даже социально исключенными:

«*У меня на фоне этого ужасная тревожность появилась, что все они могут переслать еще кому-то, и весь мир узнает обо мне, для меня тогда это просто вселенская катастрофа была…*» (Инт. 4, девушка, 20 лет).

Глобализация способствовала росту числа людей, испытывающих чувство одиночества, более того, самыми распространенными психическими заболеваниями являются депрессия и тревожность, порожденные навязанными ожиданиями от жизни, представлениями об успехе, отчужденностью людей в мегаполисах [10]. Все это вызывает сложности при построении близких и доверительных отношений, так как последнее требует от индивида эмоциональных ресурсов, которые зачастую являются дефицитными. Однако киберпространство способно удовлетворить потребность в такого рода отношениях, и одна из таких возможностей предоставляется вебкам-моделингом, делающим акцент на коммуникации, чем обусловлен высокий ценник на разговорные приватные трансляции. Кроме

того, происходящее в рамках стримов[3], казалось, обеспечивает безопасность, конфиденциальность, комфорт, которые, с одной стороны, являются привлекательными для данной сферы, но, с другой стороны, создают иллюзию контроля над ситуацией. Коммуникативный элемент иногда способствует более снисходительному и понимающему отношению друг к другу обеих сторон, то есть вебкам-модели и ее «мембера» (клиента). И, наоборот, только сексуализированное потребление склоняет к осуждению, которые обе стороны коммуникации должны скрывать: «*Больные извращенцы, которые не могут нормально построить личную жизнь*» (Инт. 5, девушка, 22 года).

Часто лучшим способом сохранить иллюзию безопасности является стратегия дистанцирования, которая также может быстро разрушиться во вовремя «сеанса»: «*Мембер для меня – это бот, я не воспринимаю его как живого человека, правда, пока не включится его микрофон, который почему нельзя отключить или не начнется с2с*[4]*. Вот тогда картинка рушится…*» (Инт. 4, девушка, 20 лет).

Наблюдаемое на постоянной основе, благодаря киберпространству, разнообразие, распространение узнаваемых символов массовой культуры способствует появлению потребности в индивидуальном (особенном) подходе, который бы подчеркивал непохожесть индивида, нуждающегося в товаре или услуге [11]. Иначе говоря, вебкам-моделинг удерживает позиции благодаря кастомизации предоставляемых услуг сексуального характера либо же просто как эмоциональная коммуникация. Одной из особенностей данной кастомизации является отсутствие ограничений в коммуникативных практиках, а значит, и запросов за исключением рамок онлайн-формата (приватная или свободная трансляция). Коммуникативные практики на вебкам-сервисах наиболее ярко иллюстрируют применяемость теории обмена [6]: в вебкам-моделинге мужчины и женщины торгуют своими услугами, заключающиеся не только в имитации сексуальных действий, но и в стиле общения, транслировании необходимых клиенту эмоций, а клиенты же рассматривают живых моделей теми же способами, что и в формальной экономике: стремятся выбрать модель, которая была бы лучшим для них вариантом, точно так же, как выбирают товар. Информанты, в свою очередь, замечали, что начали воспринимать общение в обыденной жизни как трату неоплачиваемого времени: «*Ни за что бы не стала бесплатно общаться на сайтах знакомств!*» (Инт. 3, девушка, 21 год).

Также вебкам-моделинг организован так, что отвечает всем требованиям клипового мышления [4]: транслируется яркость, вычурность, разнообразие, множество альтернатив, среди чего пользователь уже ориентируется по своему усмотрению. Как у вебкам-моделей, так и у их клиентов в условиях вебкам-площадок имеется возможность демонстрации желаемого образа, что также продиктовано условиями киберпространства: «*Я работаю с разными фетишами – футфетиш в разных формах…*» (Инт. 4, девушка, 20 лет).

Таким образом, вебкам-моделинг – одна из современных онлайн-индустрий, где сексуализированное потребление в совокупности с коммуникативными практиками, применяемых в киберпространстве, представляет собой малоизученную сферу, где вовлеченные в данный бизнес модели, с одной стороны, дистанцируются от традиционных форм секс-работы, позиционируя себя в качестве актрис, но с другой, несмотря на высокий материальный доход, демонстрацию успешности, оказываются в зоне рисков, уязвимом положении и могут подвергаться разного рода насилию. В настоящее время это актуальная и недостаточно изученная тема, где коммуникативные практики, складывающиеся вокруг данной индустрии, представляют собой одну из самых малоизученных тем в современной академической дискуссии.

[3] Клиент, заказчик.

[4] Прямой эфир на интернет-сервисе.

Литература:

1. Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 4(125). – С. 160–173.
2. Шевцова Т.С., Давыдова А.Е. Мотивы вовлечения молодых людей в webcam-бизнес // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 68-1. – С. 364–367.
3. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1(1). – С. 37–54.
4. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова [и др.]. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
5. Хокшилд А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств / Пер. И. Кушнарева. – М.: Изд-во Дело, 2019. – 392 с.

6. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен / Под общ. ред. В.И. Добренькова // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – С. 82–91.
7. Сечкарева В.А., Шмалько-Затинацкая С.А. Веб-трансформация сексуальных услуг: от явления к проблематике // Ноябрьские социологические чтения: Сб. мат. молодежной науч. конф., Санкт-Петербург, 09–10 ноября 2020 г. – СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. – С. 36–38.
8. Неравенство и бедность // Росстат: 2020. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 12.03.2021).
9. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования / Под общ. ред. В.С. Собкина. – М.: Изд-во: ФГНУ «Институт социологии образования» Российской академии образования, 2000. – С. 431–460.
10. Жизнь в стрессе: масштаб проблемы и пути решения // ВЦИОМ: 2019. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stresse-masshtab-problemy-i-puti-resheniya (дата обращения: 17.02.2023).
11. Zelizer V.A. The Purchase of Intimacy. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – 368 p.

Communicative Practices in Cyberspace

Garifzianova A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University
Khabibullina L.M.
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the problem of communicative practices in cyberspace – webcam modelling, which is currently understudied. This trend illustrates current trends in online communications and is presented by its participants not only as a way of additional income that does not require serious expenses, but also as an opportunity for emotional relief and communication. The aim of the pilot-study: to examine how webcam modelling fits into modern ways of online communication in the modern world. The article is based on the materials of the pilot study, in which more than 15 interviews with models from various online-platforms were conducted. The peculiarity of the scientific approach was the consideration of webcam modelling from the communicative point of view. Webcam-modelling, formed thanks to Internet-technologies, to a certain extent creates an illusion of freedom, constructs the world of the socially excluded and thereby exposes the participants of this industry to emotional impact and reputational risks. This creates a demand for services that are not only sexual but also communicative, despite the real threats.

Key words: cyberspace, communicative practices, webcam modeling, webcam business, virtual reality, globalization

УДК 316.7

Конструирование реальности (на примере нейросети)

Гаязова Э.Б.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры инновационного предпринимательства,
права и финансового менеджмента Казанского национального
исследовательского технологического университета

В рамках концепции конструирования социальной реальности данная реальность не существует независимо от нашего восприятия, а складывается через социальные взаимодействия, язык, символы и социокультурные конструкции. Идеи, стереотипы, культурные нормы и социальные институты активно формируют наше представление о том, что является реальным в нашем обществе. В статье сравниваются разные ответы на один и тот же вопрос от нейросетей. Это позволяет увидеть различия в интерпретации информации и конструкции смыслов. Исследование показало, что нейросети, становясь референтными источниками информации для молодежи, могут формировать разные смысловые конструкты. Некоторые нейросети не могут дать определенного ответа на определенные вопросы, в то время как другие дают разные варианты смысловых конструктов. Дискуссия основывается на том, как эти смыслы будут формировать новую реальность в будущем и как они повлияют на восприятие и мировоззрение людей через десятилетия.

Ключевые слова: социальная реальность, конструирование, нейронные сети, безопасность, языковые конструкции

Конструирование социальной реальности – это процесс формирования и создания общепринятых представлений, ценностей, норм и социальных конструкций в обществе. Это концепция, которая утверждает, что наше восприятие мира и понимание окружающей нас действительности формируются через взаимодействие с другими людьми, культурными факторами, институтами и общественными процессами. Одними из ключевых исследователей выступают П. Бергер и Т. Лукман. Вместе они разработали концепцию «социального конструирования реальности» [1]. Наше восприятие мира и понимание действительности формируются через социальные взаимодействия, культурные факторы и языковые конструкции. Эта теория основывается на идее о том, что реальность не существует независимо от нас, а складывается через социальные процессы и взаимодействия между людьми.

Как конструируется реальность? Через какие каналы и агенты? Одним агентом выступает институт образования. Морализм как научный подход в социологии образования исходил из веры в социальный прогресс и в образование как в панацею от социальных бедствий, поиска признания и перспектив отрасли при отсутствии развитой теоретической модели образования. Представителями морализма предлагались новые методы анализа проблем образования путем привлечения внимания политиков, деятелей образования, психологов. В первую очередь это базирование на категориях воспитания, обучения и просвещения. Как отмечают некоторые исследователи, такой подход помогает выйти в анализе проблем образования на иной – интерпретативный – уровень [2]. Однако, говоря об образовании как культурном феномене и основном «воспроизводителе» культуры, моралисты не уделяли внимания социальной роли образования.

Социальное конструирование реальности подчеркивает роль общества и социальной среды в формировании наших представлений о том, что являет-

ся реальным. Идеи, ценности, нормы и символы, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, формируются и поддерживаются через общение, культурные институты и социальные структуры. Отметим здесь сложную и ответственную роль учителя школы, преподавателя вуза. Конструирование происходит через агентов социализации в том числе. Многочисленные исследования, проведенные за последнее десятилетие, показывают встраивание интернет-технологий в повседневную жизнь молодого человека. Начиная от мессенджеров, заканчивая продвинутым уровнем использования интернета в своих целях. Особый тренд и внимание уделяется нейронным сетям.

Сегодня молодое поколение, завязанное на интернет-технологиях, широко использует нейросети. В соответствии с исследованием Яндекс, 31 % городских жителей от 18 до 45 лет используют нейросети для генерации текста. При этом 58 % знают о возможностях нейросетей для генерации текста. За полгода с мая 2023 г. количество пользователей выросло больше чем на треть [3].

Система искусственного интеллекта, такая как *ChatGPT* от *OpenAI*, в определенных контекстах способна генерировать тексты, которые трудно отличить от человеческих. Однако важно отметить, что эта способность чаще применяется в создании текстов, не связанных с аналитическими или художественными материалами. В сфере новостей также имеются ограничения, особенно учитывая ужесточение действующего законодательства в некоторых странах, таких как Россия. Это ограничивает возможность генерации новостных материалов, основанных на вымысле. Однако нейросети могут быть использованы для переработки уже существующих текстов и создания новых материалов путем автоматизации процесса переписывания текстов. Это может быть полезным инструментом для редактирования и переработки контента, но не подразумевает создание новостных материалов с нуля, а скорее трансформацию уже существующей информации в другой формат или стиль, соблюдая при этом требования законодательства и этические стандарты.

Что делает нейросеть сегодня? В контексте метаданных задача категоризации, также известная как автоматическое присвоение тегов, представляет собой одно из активных направлений развития в ИТ-сфере многих крупных информационных агентств. Основная цель тегов заключается в умении суммировать основные концепции и содержание материала. Это необходимо для связи данного материала с другими, имеющими схожий смысл или тематику. Расстановка тегов в течение длительного времени осуществлялась вручную журналистами. Однако на текущем этапе развития кажется, что данная деятельность не являлась изначально исключительно прерогативой человека, поскольку технологии автоматизации этого процесса существуют уже на протяжении нескольких лет.

В рамках эксперимента мы задали вопрос самой нейросети: «как нейросеть конструирует реальность»? Ниже приведен ответ от *ChatGPT*: «Нейросеть в контексте конструирования реальности может вносить свой вклад через анализ данных и обработку информации. Она способна анализировать большие объемы данных, выделять закономерности и шаблоны, которые могут влиять на восприятие реальности. Нейросеть может быть задействована в различных областях, например:

– анализ контента: нейросети могут анализировать тексты, изображения, звук и видео для выделения ключевых элементов, тем, эмоционального окраса и смысловых соответствий. Они могут выделять определенные аспекты реальности из различных источников;

– классификация и категоризация: они способны классифицировать информацию по различным критериям, разделять ее на категории или тегировать в соответствии с заранее определенными параметрами. Это позволяет выстраивать структуру и организацию информации;

– прогнозирование и моделирование: могут использоваться для прогнозирования различных сценариев на основе имеющихся данных. Они могут строить модели на основе информации, которая помогает предсказывать возможные развития событий;

– автоматизация процессов: через обучение на больших объемах данных нейросети могут автоматизировать ряд процессов, включая, например, автоматическую расстановку тегов, рекомендации контента или даже создание нового контента на основе анализа существующей информации.

Однако важно отметить, что нейросети работают на основе данных, на которых были обучены. Их способность воспринимать и интерпретировать реальность зависит от качества данных, использованных для обучения, и их ограничений в понимании контекста и эмоций, что оставляет за рамками их способности полностью конструировать реальность»[1].

В рамках понимания нейросетей как нового агента конструирования реальности мы обратились к методу расширенного интервью и мозгового штурма среди студенческой молодежи. Исследование было проведено на 2–4 курсе направления «Издательское дело» Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (выборка 55 студентов). С нейросетями знакомы все студенты. Однако умеют получить оптимальный результат, который можно применить в какой-то работе, лишь 25 %. Большинство студентов считают информацию, полученную из нейросетей, достаточно релевантной.

[1] Сгенерировано при помощи *ChatGPT* от *OpenAI.*

Следовательно, они ей доверяют и часто не перепроверяют.

Мы провели небольшой эксперимент с нейросетью. Задали нескольким разным нейросетям один и тот же вопрос – «кто выиграл во Второй мировой войне?». Объясним нашу мотивацию задать именно такой вопрос. В связи с событиями последних лет и началом специальной военной операции, резонанс получила тема фашизма и возврата к историческим событиям Великой Отечественной войны. К тому же важно понимать, что с каждым новым поколением связь с очевидцами ВОВ теряется, и смыслы, вкладываемые студентами в это понятие, могут конструироваться не только базовыми агентами социализации (семьей и школой), но и референтными лицами в сети Интернет. В соответствии с этой целью мы поставили вопрос таким образом, чтобы понять смысловые конструкты, с которыми сталкивается молодежь.

На рисунке 1 представлен скриншот нейросети *ChatGPT*.

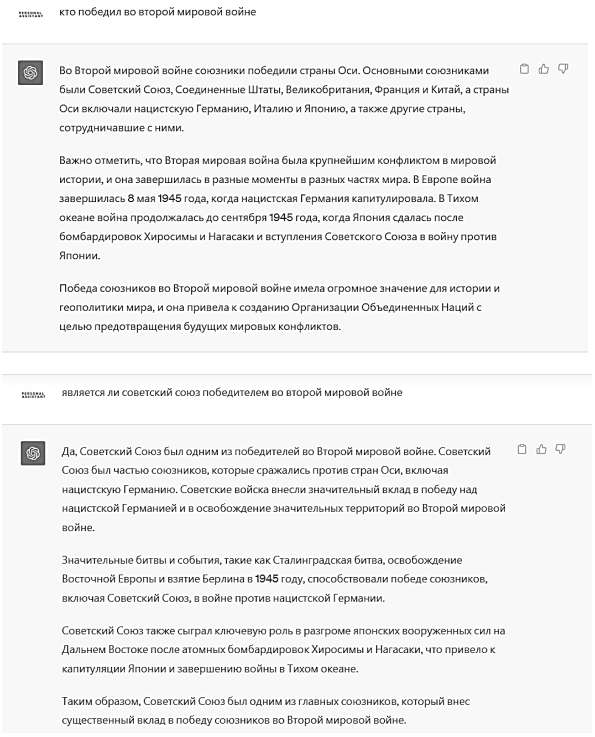


Рис. 1. Ответ нейросети *ChatGPT* на вопрос «Кто победил во Второй мировой войне»

На скриншоте справа мы задали уточняющий вопрос, чтобы лучше понять смысловой конструкт. Как видно, американская нейросеть не забывает в своем конструкте смысла про СССР.

На рисунке 2 представлен скриншот от *GigaChat* сентября 2023 г. (чат-бот в телеграм), а на рисунке 3 – той же нейросети, но декабря 2023 г. (веб-версия).

Ниже можно сравнить эту информацию с полученной из этой же нейросети, но датированную декабрем 2023 г. через веб-версию.

Сравнительный анализ информации, генерируемой одной и той же нейросетью в разные периоды, показывает абсолютно разную интерпретацию и конструирование разных смыслов. И если молодежь считает нейросети референтным источником информации, она столкнётся с разными вариантами смысловых конструктов.

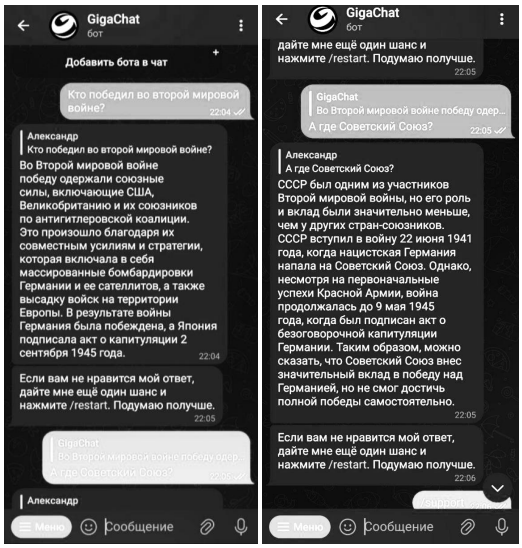


Рис. 2. Скриншот нейросети *GigaChat* от сентября 2023 г.

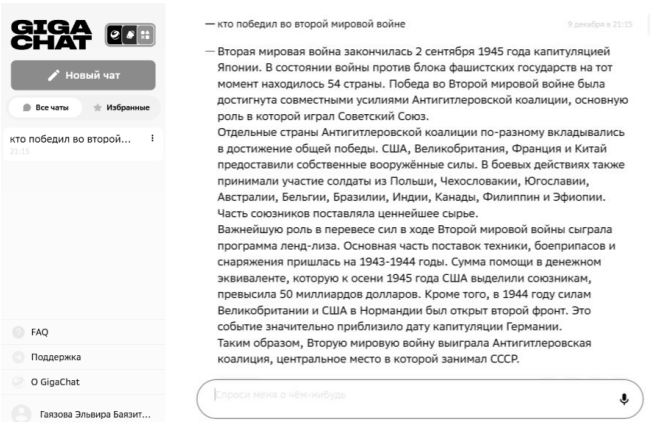


Рис. 3. Скриншот нейросети *GigaChat* от декабря 2023 г. (веб-версия)

Ниже представлен скриншот нейросети Алиса (рис. 4).

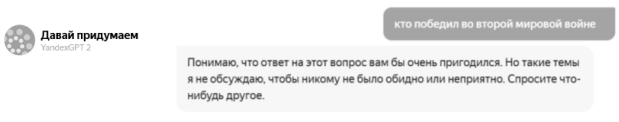


Рис. 4. Скриншот нейросети Алиса с ответом на поставленный вопрос

Нейросеть Алиса определила данный вопрос как невозможный для генерации. Следовательно, референтным каналом получения информации в данном вопросе она стать не может. Однако для российской нейросети такой вариант ответа и отсутствие конструирования смысла, на наш взгляд, является не совсем оптимальным.

На рисунке 5 представлен скриншот нейросети Толстой. Данная нейросеть в телеграмм используется для генерации постов для социальных сетей.

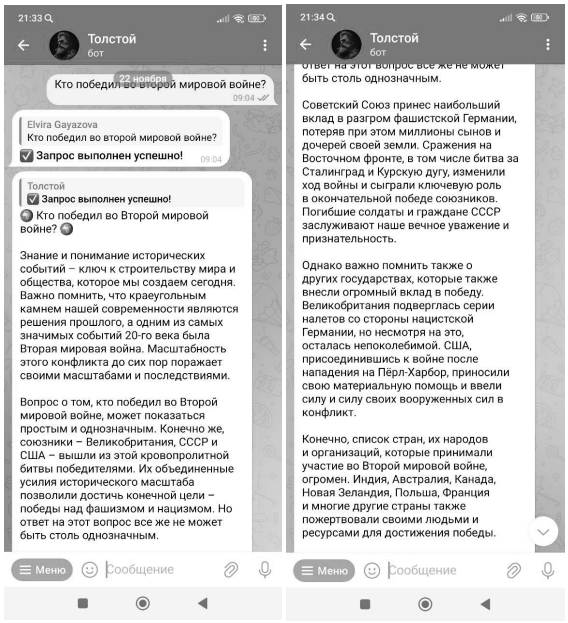


Рис. 5. Скриншот нейросети Толстой с ответом на поставленный вопрос

Предполагаем, что данные результаты генерации текстов вызовут множество вопросов, однако главным для нас выступает следующий – как подобное конструирование смыслов будет формировать новую реальность через 10, 20 лет.

Социальное конструирование реальности имеет глубокое значение для понимания социальных динамик, процессов социализации и влияния социальной среды на формирование мировоззрения людей. Оно позволяет рассматривать реальность как нечто изменчивое и вариативное, создаваемое и пересматриваемое через социальные практики и взаимодействия.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
2. Шарипова М.Р., Гирфанова Е.Ю. Управление качеством высшего образования // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сб. науч. статей 4-й Межд. науч.-практ. конф., Курск, 22 марта 2022 г. – Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2022. – С. 258–261.
3. Нейростат. Статистика генеративных нейросетей: динамика знания и применения. – URL: https://ya.ru/ai/stat (дата обращения: 01.12.2023).

Construction of Reality (By Utilizing Neural Networks as a Case Study)

Gayazova E.B.
Kazan National Research Technological University

Within the framework of the concept of constructing social reality, this reality does not exist independently of our perception but is formed through social interactions, language, symbols, and sociocultural constructs. Our perception of society is shaped by ideas, stereotypes, cultural norms, and social institutions. The paper compares diverse responses to the same question from neural networks, enabling the observation of disparities in information interpretation and semantic construction.

The research demonstrates that neural networks become significant information sources for young people. They can engender distinct semantic constructs. Some neural networks cannot provide definite answers to certain queries, whereas others present various versions of semantic constructs. The discussion revolves around how these semantics might shape a new reality in the future and their potential impact on human perception and worldview in the decades to come.

Key words: social reality, construction, neural networks, security, language constructs

УДК 316.422.42

Влияние социального института туризма на систему потребностей современного человека

Ефремова Д.В.
Аспирант кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

В статье представлены основные модели потребностей индивида, особенности и тенденции института туризма в обществе потребления. Изменчивый характер потребления указывает на трансформационные изменения в системе потребностей индивида. Институт туризма, являясь одной из самых мобильных сфер, способен оказывать влияние на систему потребностей и ценностей человека, при этом создавая свои закономерности и новые типы личности.

Исследование ставит своей целью всестороннее изучение и определение ключевых аспектов влияния института туризма на потребности человека. Задачи исследования включают в себя обзор научной литературы, рассмотрение системы потребностей человека, а также особенностей института туризма. Одной из приоритетных задач исследования является анализ современного состояния потребностей и описание нового типа человека.

Результатом исследования является обоснование влияния института туризма на потребности человека и на такие социальные практики, как социальная мобильность и социальные роли. Проведенное исследование расширит представление о всестороннем влиянии института туризма на многие сферы жизни человека и на современное состояние системы потребностей индивида.

Ключевые слова: социальный институт, потребности, иерархия потребностей, общество потребления, туризм, дромомания

С каждым годом институт туризма все более глубоко проникает в коллективные и индивидуальные потребности современного человека. Находясь практически на одном уровне с такими потребностями, как социальные, духовные, материальные, институт туризма начинает занимать устойчивые позиции в иерархии потребностей человека. Актуальность исследования заключается в изучении изменившихся потребностей современного человека под влиянием социального института туризма. Цель исследования предполагает расширение знаний о влиянии института туризма на потребности человека.

Глобальные процессы способствуют укреплению позиций данного института туризма, это доказали уже несколько предшествовавших кризисов современности. За счет своей гибкости и мобильности туризм способен адаптироваться практически ко всем изменяющимся условиям. Современные тенденции в институте туризма говорят о прочных связях между путешествиями и потребителями туристского продукта. Возможности туризма раскрываются под воздействием разнообразных глобальных кризисов, которые происходили и происходят в разные годы. Зависимость, которая выражается в тесном взаимодействии между потребностями человека и структурообразующими единицами института туризма, добавляет важности данному исследованию. Также необходимо изучить возможные перспективы изменений социального института туризма в обществе потребления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материал статьи может быть интересен для социологов, занимающихся вопросами потребностей индивида, социального института туризма.

Современные условия все больше диктуют человеку, как ему жить, что потреблять, где отдыхать и что покупать. Человек устроен таким образом, что потребности становятся для него естественной и характерной частью жизни. Именно под влиянием нехватки чего-либо организм способен на динамичное развитие.

Все научные теории в области потребностей индивида объединяются для объяснения совокупности условий и факторов, которые оказывают значительное влияние на то, какие нужды испытывает человек и что лежит в основе этого. Исследователи независимо от их теорий подразделяют все потребности человека на осознанные и неосознанные. Для первой группы характерны такие черты, которые позволяют проявлять определенные усилия, для того, чтобы их достичь. Вторая группа в основе своих проявлений ставит основные инстинкты человека, которые необходимы для жизнедеятельности субъекта и продолжения рода. Далее, в качестве показателя определения потребностей из этих двух групп выступает их генезис. По природе происхождения потребности подразделяются на следующие категории: в первую очередь это базовые функции человека, которые составляют основу неосознанных потребностей; во-вторых, функции, которые будут составлять основу социализации личности, они прежде всего зависят от среды обитания индивида, а также от совокупности других условий.

Для понимая структуры изменения потребностей необходимо рассмотреть одну из самых известных теорий потребности человека – теорию иерархии потребностей по А. Маслоу[1]. Многие ученые не отрицают теорию иерархии потребности А. Маслоу, однако находили существенный недостаток в иерархичном порядке. Исследователи делали акцент на том, что все потребности человека одновременно составляют его сущность и являются неотделимыми составляющими. Однако, по теории А. Маслоу, человек, не удовлетворивший первые ступени своих потребностей, не может перейти к удовлетворению последующих.

Вся теория потребностей человека неразрывно связана с обществом потребления. Общество потребления – это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком [1, с. 13]. Одна из ключевых работ по теории общества потребления принадлежит Ж. Бодрийяру. Потребление сводится к цепной психологической реакции, именно она управляет дальнейшими действиями индивида. Отчужденные знаки предметов становятся основой потребления предметов, а их сущность уже не связана с этим. Они существуют лишь в связи друг с другом и только вместе [2].

Процесс потребления самым непосредственным образом связан с уровнем жизни индивида и направлен на удовлетворение основных потребностей, получения удовольствия от использования товаров и услуг. В контексте нашего исследования имеется в виду потребление путешествий. Из-за этого потребление тесно связано с личной идентичностью. Потребительские ценности влияют на все больший спектр социальных взаимодействий. Суверенитет потребителей предполагает, что все экономическое производство в конечном счете определяется предпочтениями потребителей [3].

Институт туризма, имея прочную связь с обществом, приобретает все большее значение в контексте общества потребления. В современный период, когда происходит разгар глобальных кризисов, проблемы института туризма могут ошибочно уйти на второй план, однако стоит уделить этому особое внимание, ведь туризм играет значительную роль в плане экономического роста и развития многих стран. Разнообразные виды туризма (как внутреннего, так и международного) претерпевают серьезные трансформационные изменения, переходя из кризиса в кризис. Сначала туристическая деятельность была парализована пандемией коронавируса, сейчас данный институт нестабилен из-за политической ситуации. Поскольку институт туризма уже прочно вошел во взаимосвязь с потребностями человека, занимая с каждым годом все более прочные позиции, такие изменения могут сильно отразиться на психоэмоциональном состоянии человека [4].

Современные исследования в области институционализации туризма в большей степени говорят о положительном влиянии данного института, о его позитивных функциях, упуская негативные и латентные функции [5, с. 39–41]. Во многих исследованиях приводится общая статистика поездок, уровня занятости, получаемой прибыли [6], но забывается исследование самого человека, главного потребителя данного продукта.

Один из ярких примеров исследований в области институционализации туризма принадлежит Т.П. Ивановой. Автор в своей диссертационной работе [7] рассматривает институт туризма с критической точки зрения, утверждая, что в основе института туризма заложено множество функций, но прежде всего это восстановительная функция, которая в свои приоритеты ставит восстановление не только физического, но и психологического здоровья человека. Также туризм является универсальным средством самоутверждения и самореализации всех россиян, а не только туристов [7].

Отечественные социологи П. Кузнецов, О. Лысикова, О. Понукалина, Т. Черняева, В. Ярская отмечают возросшее значение туризма, и именно это

[1] В общем виде иерархия потребностей А. Маслоу состоит из 7 поочередных ступеней: физиологические потребности, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении, познавательные потребности, эстетические потребности, потребность в самоактуализации.

повлияло на формирование относительно нового развивающегося научного направления – «социология туризма». Однако существует значительное упущение, заключающееся в отсутствии комплексного подхода к пониманию туризма как социального института, это затрудняет исследования сущности, проблем и перспектив дальнейшего развития института [8].

Профессор В.П. Шалаев, занимаясь исследованиями в области философии потребления, оценивает институт туризма с критических позиций, рассматривает основные социальные последствия влияния глобального общества потребления на жизнь современного человека и общества, основные разрушительные тенденции влияния глобального общества потребления, социальный статус туризма в глобальном обществе потребления, его место в системе наук, образования и профессий, как нового бизнеса [9, с. 8].

Трудности, с которыми сталкиваются исследования института туризма, в некоторой степени коренятся в проблемах и двусмысленностях, характерных для общей теории кризиса в современной социологии. «Социология кризисов в туризме» с четко сформулированной концептуальной основой, общим теоретическим подходом или программой сравнительных исследований еще не появилась.

Как и большинство других работ в этой области, изучение кризисов в институте туризма редко опирается на более широкие теоретические подходы в социологии. Исследователи, изучающие кризисы в туризме, редко используют понятие кризиса в терминах какой-либо крупной социологической теории, тем самым придавая ему особый оттенок.

Исследования кризисов в институте туризма до недавнего времени были сосредоточены главным образом на устранении их последствий, а не на их происхождении и динамике. «Кризисное управление туризмом» – это профессиональная практика, направленная на достижение часто само собой разумеющихся целей, особенно на возрождение туризма. Этот вывод указывает на необходимость переориентации исследований кризисов в институте туризма в сторону большей озабоченности социальными процессами, которые порождают разнообразные кризисы или усугубляют их, а также стратегией их управления. Также изучая вопрос кризисов, нельзя забывать о взаимосвязи потребностей человека и последствий их проявления [10].

Современный потребитель туристского продукта отличается от обычных путешественников, ведь его главной целью становится потребление. В связи с этим формируются новые формы поведения, что ведет к возникновению сложностей между пониманием нормы, способствуя дифференциации российского общества под влиянием потребительских практик.

Современная туриндустрия является социальным институтом именно под воздействием общества потребления, и именно благодаря этой форме общества она смогла достичь тех уровней востребованности, что сложились сегодня в понятии туризма как востребуемой сферы бизнеса, профессии и образования. Туризм смог достичь масштаба одной из самых влиятельных сфер благодаря ценностям, стилям жизни, жизненным целям, стереотипам и установкам на потребление. Именно благодаря обществу потребления, развившего потребности человека в рамках проекта индивидуализации и раскрепощения человеческих потребностей, туризм стал сегодня новым социальным институтом [9, с. 13].

Для современного общества потребления в контексте института туризма ключевым представляется преобладание функции потребления над культурно-исторической, познавательной и другими функциями института туризма. Современные туристы под воздействием потребительского общества едут в место дистинации не изучать, а потреблять и покупать. Можно говорить о том, что происходят значительные изменения в системе потребностей современного человека, ведь как только человек в иерархию ценностей ставит туризм – это можно приравнять к зависимости. В этот момент потребитель не интересуется рабочими проектами, семейными проблемами, общением с друзьями [11, с. 333].

С этого момента начинают проявляться дисфункции института туризма, выраженные в противоречии между внутренними интересами потребителя и истинными смыслами путешествий, т.к. путешествие – это изучение нового, получение знаний, преобразование их, а туризм (тем более туризм потребительский) сводится к эгоистичному потреблению составляющих дестинаций без какого-либо положительного эффекта. Под воздействием этих процессов возник избыточный туризм, выраженный в сверхзагрузке мест дестинаций, перенаселении из-за избытка туристов, что может привести к конфликтам с местными жителями и смещению интересов в пользу туриста, нежели к местному населению.

На основе этого, можно говорить, возник новый тип человека – «потребительский тип», который за счет зомбирования, «вбивания» новых стимулов, ставит эрзац-потребности выше первостепенных. К данному типу можно отнести такие характеристики, как:

1. Желание постоянно испытывать чувство «свободы личности», это и является одной из главных ценностей;

2. Прагматичность (за меньшие деньги данный тип желает приобрести как можно больше услуг и желательно качественных);

3. Нарциссизм (он ставит свои потребности превыше потребностей других людей).

Общество потребления воспитало потребителя, который привык себя чувствовать «королем», люди

стали верить в волшебную силу туризма, забывая о его первоначальных, истинных целях. Потребителя уже не пугают преграды на пути к цели (примеры туризма пандемического периода, а также 2022 г.).

Под воздействием таких тенденций сформировалась зависимость потребителя от института туризма – дромомания. Туристы начинают осознавать огромный ресурсный потенциал путешествий. Зачастую путешествия по внешнему миру сопровождаются внутренней трансформацией: поездки становятся катализатором перемен [12]. На сегодняшний день туристы выбирают только осмысленные путешествия, направленные на улучшение ментального здоровья и снятия стресса. Ментальное здоровье человека следует понимать как синоним понятия «психологическое здоровье», оно касается прежде всего душевного благополучия человека в широком смысле слова.

Человек оказался в ситуации, где разрываются социальные связи, преобладает индивидуализм и эгоизм, разрушаются традиционные социальные институты, которые когда-то поддерживали и защищали его. Институт туризма становится универсальным лекарем всех уровней жизни современного человека: физического, психологического и ментального. Именно поэтому нами сделано предположение о том, что в потребностях человека произошли значительные изменения на таких уровнях, как «потребность в принадлежности и любви» и «потребность в уважении и почитании» (основываясь на пирамиде А. Маслоу, это 3 и 4 уровни).

Испытывая постоянные проблемы в социальных контактах, пытаясь добиться уважения среди других, «места в обществе» и при этом не находя этого, человек удовлетворяет эти потребности в ином виде. По этой причине человек стремится улучшить свое ментальное здоровье за счет института туризма.

Нереализованные потребности 3 и 4 уровня сдвигаются на более дальние позиции, уступая место познавательным, эстетическим потребностям и потребностям в самоактуализации. Наличие существенных проблем в принадлежности и любви подтверждают данные статистики браков и разводов в России за 2021 г. По состоянию на 2021 г. в РФ зарегистрировано 923 553 браков. Что на 152 тыс. больше, чем в 2020 г. Можно предположить, что причина роста количества браков кроется в снятии ряда ограничений, которые существовали в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. Между тем отмечается увеличение количества разводов, если в 2020 г. в стране официально развелись 564 033 пары, то в 2021 г. это количество составило уже 644 207 семей, то есть на 80 174 больше. По результатам статистики 2022 г. тенденция сохранилась: общее количество браков составило 1 053 884, в то время как развелось 683 111 пары [13]. При этом по данным ВЦИОМ лишь 9 % опрошенных уверены, что брак необходимо спасать при любых обстоятельствах, в то время как 39 % опрошенных утверждают, что никаких препятствий для расторжения брака нет [14].

Подводя итог, можно сказать, что в условиях гиперсложности, которую можно определить как ситуацию чрезмерного количества взаимозависимостей, в индустрии туризма крайне возросла роль малых воздействий. Они могут спонтанно проявляться или специально формироваться для достижения определенных целей. Именно поэтому институт туризма определяется как важная составляющая внешней и внутренней социально-экономической стабильности, потребностей человека и устойчивого развития обществ в глобализирующемся мире.

Общество потребления постепенно превращает в потребление все сферы обслуживания. Ключевыми для института туризма становятся музеи, места проведения досуга, достопримечательности, природные объекты. Но здесь параллельно меняется и поведение потребителей: они все больше путешествуют, не имея какой-либо ясной и четкой цели, действуя как бы по инерции. Говоря о дальнейшем развитии института туризма за счет того, что путешествия становятся распространённой формой досуга, действующей по принципу «как все», начинает формироваться социальное расслоение, основанное на дифференцированном доступе к возможностям путешествовать. Стратификация проявляется как в местах дестинациях, так и в составе самого тура. Увеличиваются практики мобильности и, как следствие, появляется новая типология социальных ролей в институте туризма, таких как: фланер, потребитель, рекреант, бродяга. На основе этого более ярко прослеживается амбивалентность исследуемого института.

Общество потребления оказало важное воздействие на мысли современного туриста. Уставшие от современной повседневности туристы, которые переполнены обязательствами и контролем, попадают в условия, где весь персонал отелей, турагентств делает из них особенных. Это становится некой игрой, существенной частью потребляемого продукта. В результате человек совершает поездку в социальном пространстве, это и приводит к изменению системы потребностей человека, где на первое место начинают выходить те потребности, которые ранее занимали лишь второстепенную роль.

Литература:

1. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 3–40.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 320 с.
3. Гализдра А.С. Личность и туристское пространство в контексте глобализации // Человек в глобальном мире. Сб. статей молодых ученых. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – С. 83–87.
4. Roitman J. Anti-crisis. – Durham: Duke University Press. 2014. – 157 p.
5. Ахметшин А.М. Туризм лиц с ограниченными жизненными возможностями: дисс. … канд. соц. наук: – М.: МГУ, 2004. – 182 с.
6. Герасимова Е.М. Анализ статистики туризма в период пандемии (2019–2021 гг.) // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 453–463.
7. Иванова Т.П. Трансформации социального института туризма в России: дисс. … канд. соц. наук. – Саратов, 2011. –182 с.
8. Лысикова О.В. Социокультурные практики туризма: социологический анализ. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т., 2008. – 135 с.
9. Шалаев В.П. Институт туризма в глобальном обществе потребления // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. – 2021. – № 13. – С. 5–16.
10. Андреева Е.Б. Социальный туризм в современной России: проблемы и перспективы развития // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – № 2 (13). – С. 120–125.
11. Ильин В.И. Потребление как дискурс. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 445 с.
12. Энциклопедия по экономике. – URL: https://economy-ru.info/info/41189/ (дата обращения: 21.12.2022).
13. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807 (дата обращения: 01.02.2023).
14. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/ (дата обращения: 14.02.2023).

The Influence of the Social Institute of Tourism on the System of Modern Human Needs

Efremova D.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The article presents the main models of individual needs, features and trends of the institute of tourism in the consumer society. The changeable nature of consumption indicates transformational changes in the system of individual needs. The Institute of tourism, being one of the most mobile spheres, is able to influence the system of consumer needs and values, while creating its own patterns and new personality types.

The study aims to comprehensively study and determine the key aspects of the influence of the institution of tourism on human needs. The objectives of the study include a review of scientific literature, consideration of the system of human needs, as well as the characteristics of the institution of tourism. One of the priority tasks of the research is to analyze the current state of needs and describe a new type of person.

The result of the study is to substantiate the influence of the institution of tourism both on human needs and on such social practices as social mobility and social roles. The conducted research will expand the understanding of the comprehensive influence of the institution of tourism on many areas of human life, and will introduce a vision of the current state of the individual's system of needs.

Key words: social institution, needs, hierarchy of needs, consumer society, tourism, dromomania

УДК 316

Корпоративная культура: подходы к определению

Кадникова И.С.
Аспирант кафедры социологии
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Актуальность изучения подходов к определению корпоративной культуры обусловлена тем, что с течением времени смыслы, которые тот или иной феномен содержит, способны меняться. Под воздействием различных условий и факторов понятие «корпоративная культура» также трансформируется. Целью автора является выявление актуальных теоретических подходов к интерпретации, а также практическое их обоснование. Задачи: рассмотреть методологические подходы и раскрыть сущность корпоративной культуры, исследовать ее особенности в группе компаний сферы авиационных услуг. Научная значимость состоит в обобщении существующих точек зрения относительно обозначенной проблематики. Практическая – в возможности учитывать в работе с корпоративной культурой выявленные характерные элементы, не свойственные прочим сферам. Основные результаты: сравнительный анализ подходов к пониманию, который позволил проявить преимущества и некоторые недостатки каждого из них; эмпирические данные, полученные автором, дающие возможность отметить уникальные составляющие корпоративной культуры в группе компаний сферы авиационных услуг. Ценность исследования – в выявлении нетипичных характеристик корпоративной культуры, потенциально дополняющих и расширяющих ее ресурсность. Научная новизна состоит в том, что социологические исследования явления, относительно выбранной среды, отсутствуют, тем самым подтверждая необходимость работы над интересующим проблемным полем.

Ключевые слова: корпоративная культура, системный подход, прагматический подход, деятельностный подход, интегративный подход, корпоративная культура организации в составе группы компаний сферы авиационных услуг

Развитие общества и государства, ставшее первопричиной экономических, политических, социальных и иных изменений, привело к обозначению корпоративной культуры как явления. Изначально в его основе содержалась цель упорядочения взаимоотношений определенной социальной группы, но позднее, в 70-х гг. XX в., актуальным стало осмысление сущности, элементов и формы выражения.

В настоящее время известны разные подходы к пониманию корпоративной культуры. Они имеют в своей природе различные основания: специфику конкретной области научного знания, приоритетное восприятие отдельных ее элементов, временные характеристики, особенности среды возникновения, субъективные взгляды авторов и иные. При этом, несмотря на некоторые сходства, определения неоднородны, а в отдельных ситуациях – не всегда соответствуют друг другу. В научной среде сформировалось несколько общеизвестных подходов к объяснению данного феномена. Сторонники каждого из них опираются на схожие критерии и аспекты.

Значительное влияние на классическое осмысление корпоративной культуры оказали сторонники системного подхода: П.Б. Вейл [1], В.А. Спивак [2], В.В. Козлов [3], Н.Н. Равочкин, С.И. Григашкина [4] и др. Корпоративная культура в одной из интер-

претаций определяется как система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [5]. Такая позиция также нашла отражение в работах современных авторов применительно к отдельным сферам, например, медицинской (О.Л. Задворная, В.А. Алексеев, К.Н. Борисов) [6], сельскохозяйственной (А.Ю. Сафонов) [7] и иным. Свойственная объединяющая особенность этих вариантов трактования состоит в постижении корпоративной культуры как системы, наделенной уникальными элементами и параметрами.

Широкое распространение также получил прагматический подход, приверженцами которого считаются Э. Шейн, Дж. Барни, М. Алвессон [8–10], Э.А. Капитонов [11]. Приоритетное значение отдается практической стороне. Корпоративная культура рассматривается с точки зрения ее ресурсности, а именно как реальный управленческий инструмент. Возникает взаимозависимость ценностей, которые обладают ключевым значением, правил, строящихся на их основе, и, как следствие, закономерного поведения участников определенной социальной группы.

Одним из значимых результатов применения прагматического подхода считается модель корпоративной культуры, предложенная Э. Шейном [10] Он выделил три уровня: поверхностный (артефакты), где фокус направлен на внешние проявления через облик и коммуникацию; внутренний (провозглашаемые ценности) – ценности в коллективном контексте и глубинный (базовые представления, убеждения) – убеждения, формирующиеся на подсознании. Изучение каждого отдельного уровня и их совокупности дают возможность через эту модель оценивать корпоративную культуру отдельной организации по наличию или отсутствию обозначенных элементов.

Деятельностный подход – методология, в соответствии с которой корпоративная культура рассматривается через призму активности социума в конкретной среде. Согласно, например, мнению В.Н. Давыдова, корпоративная культура – способ социального взаимодействия и воспитания (применительно к среде вуза) [12]. Подобные интерпретации встречаются в контексте различных условий и не всегда учитывают иные дополнительные аспекты, отражающие природу обозначенного феномена.

Интегративный подход, представляющийся автору наиболее содержательным и своевременным. Он объединяет в себе некоторые фрагменты прочих, но в их сочетании и синергии позволяет учесть наиболее широкий перечень возможных элементов, что не всегда достижимо при прочих парадигмах. Среди сторонников отмечаются: А.Н. Крылова [13], С.И. Сотникова [14], О.А. Чижикова [15] и др. Посредством инструментов обозначенного подхода корпоративная культура может выступать в качестве некого зеркала, отражающего стиль руководства, уровень взаимодействия сотрудников, особенности поведения персонала, степень профессиональной и моральной характеристики коллектива, что отражается на эффективности функционирования организации в целом [14].

Относительно выбранного проблемного поля в литературе существуют и иные методологические альтернативы рассмотрения: структурно-функциональный, социально-культурный, аксиологический и другие.

На основании проделанного анализа можно сделать вывод, что корпоративная культура – многогранное, содержательно насыщенное и ресурсное явление. Она состоит из определенного набора компонент. Предлагаем обозначить их и сгруппировать, исходя из критерия «субъектов-участников»:

1. «Сотрудник» (личные данные, субъективное здоровье, среда и условия воспитания, принципы, ценности и иные).

2. «Организация» (тип, стратегия, обязательства, традиции, установки и иные).

3. «Внешняя среда» (экономическая ситуация, политическая ситуация, социальные условия, клиенты, партнеры, заказчики и иное).

Все субъекты-участники взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. При этом каждый наделен своими особенными характеристиками, которые неизбежно проявляются в границах обозначенного явления. Эти атрибуты под совместное влияние не попадают или попадают незначительно, так как формируются вне проблемного поля. В этом видим один из источников противоречивого восприятия корпоративной культуры. Спонтанным остается степень их проявления и уровень существенности применительно к условиям определенной среды.

С целью подтверждения выявленной закономерности был проведен опрос, направленный на уточнение места, роли и смыслового содержания корпоративной культуры сотрудниками организации, относящейся к группе новосибирских компаний сферы авиационных услуг. Респонденты – сотрудники подразделений в возрасте от 26 до 60 лет (женщины и мужчины). Опрос проводился в сентябре 2023 г., приняли участие 279 чел. Выборочная совокупность формировалась по случайному принципу. Вопросы анкеты включали 4 блока: «Сотрудник», где уточнялось его восприятие своего места в системе корпоративной культуры, «Организация» – оценивались элементы, характерные для этого «субъекта-участника» с позиции опрашиваемого, «Внешняя среда» – конкретизировалось проявление внешних факторов.

Корпоративная культура по критерию «сотрудник». 89 % опрошенных считают себя частью корпоративной культуры компании, но свою возможность влиять на нее отмечают только 71 %. Высокий уровень развития корпоративной культуры в компании и группе отметило 92 % респондентов. Компания предоставляет привилегии. Каждый опрошенный знает об этом, 87 % пользуются такой возможностью. Данные опроса были дополнены результатами интервью с сотрудником (жен., 36 лет), которое проводилось в январе 2024 г. Основные задачи: распознать, какие свои индивидуальные личностные особенности сотрудник идентифицирует в контексте корпоративной культуры и как их транслирует на нее. «*В корпоративной культуре многое от сотрудников важно: ценности семьи, воспитание, убеждения, представления о красоте (если говорить о логотипе, например). Всегда можно выбрать: просто выполнять свою работу или же делать чуть больше, но при этом иметь возможность кому-то помочь. Очевидно, что никого нельзя заставить так поступать. Для нас корпоративная культура об этом. И тут как раз проявляется заложенное в человека семьей, средой воспитания, личными мотивами… Конечно, серьезная роль принадлежит работодателю, но сделать человека чутким, открытым или добрым для коллег работодателю не под силу…*». Применительно к российской группе компаний сферы авиационных услуг автор отмечает, таким образом, особенности корпоративной культуры, которые могут быть связаны с уровнем нравственности, духовности сотрудников и их возможностью коррелировать с уникальными требованиями и нормами отрасли. Эти факторы потенциально могут влиять на успех организации и общую конкурентоспособность.

Корпоративная культура по критерию «организация». В качестве элементов были отмечены традиции (100 %), безопасность (92 %), правила (90 %), комфорт труда (89 %), ценности (86 %), признание (83 %), символика и атрибутика (76 %), иное (20 %) – указаны праздники, выезды, активный досуг для детей. Варианты ответов и их распределение показывают, что внутри организации понимание корпоративной культуры выходит за пределы распространенного восприятия через ценности и традиции. Появление факторов безопасности, комфорта труда и признания связываются с уникальными свойствами сферы авиационных услуг. Проверить и подтвердить наблюдение, конкретизировать некоторые показатели предполагается посредством анализа прямого открытого вопроса, включенного в анкету: «Чем корпоративная культура в группе компаний сферы авиационных услуг отличается от прочих?». Ответы респондентов проявляют частные характерные моменты. «*В авиации корпоративная культура связана не только с разными мероприятиями. Здесь всегда надо помнить о безопасности и всём, что с ней связано*» (жен., 36 лет). «*Особенность в том, что авиация становится частью жизни и многие работают здесь семьями*» (жен., 49 лет). Тем самым корпоративная культура в обозначенной сфере не исключает базовые элементы присущие феномену, а расширяет его границы, что требует дальнейшего изучения и уточнения. В фокусе следует держать, во-первых, набор элементов, во-вторых, значимость их для сотрудников. Это существенно с точки зрения дальнейшего воздействия на развитие корпоративной культуры. Определив долю каждой компоненты, представляется возможным соразмерно распределить точки приложения усилий и использовать их как ресурс управления в организации.

Корпоративная культура по критерию «внешняя среда». Большинство сотрудников (95 %) считает, что клиенты/партнеры интересуются информацией о компании в СМИ и на прочих площадках. При этом сами участники опроса (78 %) узнают новости в основном из корпоративных источников. Из интервью с соискателем (жен., 40 лет) на одну из вакантных позиций, проведенного в январе 2024 г., удалось уточнить, какие источники информации использовались для составления представления о работодателе. Соискатель изучила карточку работодателя на платформе поиска работы, сайт организации и новостные источники. «*Меня заинтересовало, что есть корпоративные привилегии, ДМС, видеопрезентация*» (жен., 40 лет). Тем самым организация работает над своей привлекательностью для будущих сотрудников, заведомо предугадывая их возможные ожидания, что напрямую демонстрирует уровень корпоративной культуры.

Таким образом, применительно к компании, входящей в состав группы компаний сферы авиационных услуг, нашли отражение обозначенные «субъекты-участники» корпоративной культуры. Также проявилась их взаимосвязь. Вопросы анкеты, касающиеся характеристик личности руководителя, показали субъективные позиции респондентов, что, по мнению автора, связано с их индивидуальными особенностями и имеющимися стереотипами, ранее отмечавшимися как спонтанный, непредсказуемый фактор.

В целом можно отметить, что интегративный подход, когда в совокупности учитывается множество значимых элементов, подтверждается практически. Тем самым происходит расширенное понимание и применение корпоративной культуры. Это дает возможность распознать её внутри любой среды. Обобщая мнения некоторых сторонников методологии, ориентируясь на результаты опроса и интервью, автор предлагает понимать корпоративную культуру как особую сетевую систему, сформированную субъектами-участниками, обладающую уникальными свойствами и наделенную оригинальными цен-

ностными характеристиками, функционирующую с целью гармонизации бизнес-задач, поддержания человекоцентричности и соблюдения баланса эффективности во внешних коммуникациях.

Литература:

1. Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. – М.: Наука, 2007. – 341 с.
2. Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
3. Козлов В.В. Корпоративная культура: опыт, проблемы и перспективы развития. – М.: Гардарика, 2004.– 269 с.
4. Равочкин Н.Н., Григашкина С.И. Философские основания корпоративной культуры современных организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (35). – С. 124–135.
5. Спивак В.А. Корпоративная культура: Теория и практика. – СПб.: Питер, 2001. – 345 с.
6. Задворная О.Л., Алексеев В.А., Борисов К.Н. Формирование и развитие корпоративной культуры медицинских организаций // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – № 3 (27). – С. 142–149.
7. Сафонов А.Ю. Роль корпоративной культуры в управлении персоналом сельхозпредприятия // Московский экономический журнал. – 2020. – № 5. – С. 497–502.
8. Alvesson M. Cultural Perspectives on Organization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 137 p.
9. Barney J.B. Organizational Culture: Can It be a Source of Competitive adventages? // Academy of Management Review. – 1986. – № 3. – P. 656–665.
10. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.
11. Капитонов Э.А. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: Альфа-Пресс, 2005. – 352 с.
12. Давыдов В.Н. Корпоративная культура как способ социального взаимодействия и воспитания в вузе // Образование и наука. – 2008. – № 1. – С. 15–23.
13. Крылов А.Н. Коммуникационный менеджмент. Теория и практика взаимодействия бизнеса и общества. – М.: АСТ, 2015. – 352 с.
14. Управление персоналом организации: учеб. / [С.И. Сотникова, Е.В. Маслов, Н.Н. Абакумова и др.]; под науч. ред. С.И. Сотникова. – Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2015. – 251 с.
15. Чижикова О.А. Корпоративная культура: от теории к практике: сб. науч. трудов. – СПб.: 2014. – 356 с.

Corporate Culture: Approaches to Definition

Kadnikova I.S.
Novosibirsk State University of Economy and Management

The relevance of studying approaches to the definition of corporate culture is due to the fact that over time, the meanings that a particular phenomenon contains can change. Under the influence of various conditions and factors, the concept of "corporate culture" is also being transformed. The aim of the author is to identify relevant theoretical approaches to interpretation, as well as their practical justification. Objectives: to consider methodological approaches and reveal the essence of corporate culture, to explore its features in the group of companies in the field of aviation services. The scientific significance lies in the generalization of existing points of view regarding the identified issues. The practical one is the ability to take into account the identified characteristic elements that are not typical of other areas in working with corporate culture. Main results: a comparative analysis of approaches to understanding, which allowed to show the advantages and some disadvantages of each of them; empirical data obtained by the author, which makes it possible to note the unique components of corporate culture in the group of companies in the field of aviation services. The value of the study lies in identifying atypical characteristics of corporate culture that potentially complement and expand its resource base. The scientific novelty lies in the fact that there are no sociological studies of the phenomenon, relative to the chosen environment, thereby confirming the need to work on the problem field of interest.

Key words: corporate culture, systematic approach, pragmatic approach, activity approach, integrative approach, corporate culture of an organization within a group of companies in the aviation services sector

УДК 316.35.061

Двойная карьера спортивных судей на примере судей футзала

Кальмуцкий В.О.
Аспирант кафедры социологии управления
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Спорт является важной сферой социальной жизни общества, при этом для проведения соревнований необходимо участие спортивных судей, что делает актуальным изучение карьеры официальных лиц в различных видах спорта. Футбол и его разновидности (футзал, пляжный футбол и др.) является самым популярным видом спорта в мире. Цель данного исследования — проанализировать феномен двойной карьеры в профессии судьи футзала путем проведения полуструктурированных интервью с 14 судьями футзала различного уровня. В рамках работы были поставлены задачи: установить, является ли двойная карьера характерной для судей на всех этапах их профессионального развития, как воспринимается работа спортивным судьей: как хобби или как карьера, а также выявить, какие события в карьере судьи воспринимаются как значимые. Результаты исследования подтверждают, что судьи футзала на протяжении всей судейской деятельности находятся в состоянии двойной карьеры, при этом деятельность спортивного судьи воспринимается как сложная категория, сочетающая в себе элементы и карьеры, и хобби. При этом по мере профессионального развития отношение к судейству меняется в зависимости от карьерных успехов. Особенно значимым для судей является привлечение их к судейству более высокого уровня соревнований, что способствуют восприятию судейской деятельности как карьеры. Ценность данного исследования заключается в том, что оно дает понимание динамики двойной карьеры судей футзала и является первым исследованием в России, освещающим этот вопрос, что может способствовать разработке стратегий поддержки и развития профессионального пути спортивных судей.

Ключевые слова: двойная карьера, спортивные судьи, хобби, футзал

В современном мире карьера является ключевым аспектом социальной жизни человека. С точки зрения социологии, карьера не просто отражает профессиональный рост или последовательность занимаемых должностей, но и включает в себя более глубокие аспекты социальной идентичности, взаимодействия и изменения социального статуса [1]. Карьеру можно делить на внутриорганизационную, описывающую траекторию движения сотрудника внутри организации, или межорганизационную, при которой карьера рассматривается как профессиональное развитие работника через несколько организаций [2].

Отдельно необходимо выделить феномен двойной карьеры, когда работник осуществляет свое профессиональное развитие по двум независимым траекториям. Отметим, что проблематика двойной карьеры практически не рассматривается в социологии в целом, и в социологии спорта, в частности.

Феномен двойной карьеры в спорте известен достаточно давно. Так, в научной литературе подчеркивается, что многие известные ученые, такие как Пифагор, Н. Бор, президент Российской академии наук в 2013–2017 гг. академик В.Е. Фортов и другие ученые серьезно занимались спортом [3]. Термин «двойная карьера» подразумевает, что ты не должен выбирать «или – или», а можешь развиваться одновременно в двух траекториях «и – и» [4].

Активно исследуется проблема совмещения спорта и учебы в вузе. Так, например, в одном из исследований показано, что спортсмены-студенты сталкиваются с проблемами совмещения работы и учебы по трем направлениям:

1) временные и территориальные трудности, связанные с необходимость совмещения графика тренировок и игр, с одной стороны, и учебой – с другой;

2) эмоциональные трудности, связанные с беспокойством из-за нехватки времени, в том числе времени для иной деятельности, кроме спорта и учебы;

3) коммуникационные трудности, связанные с отсутствие понимания и поддержки со стороны преподавателей и родителей в таком совмещении.

Все это приводит к тому, что двое из трех студентов-спортсменов задумывались над тем, чтобы завершить учебу в вузе и сосредоточиться на спорте высоких достижений [5].

О.И. Юзова подчеркивает важность развития психологических навыков, нацеленных на совмещение учебы и занятий спорта, таких, как постановка цели, умение говорить «нет», умение составлять четкий календарный и временной план и др. [6].

В науке выделяют четыре стратегие, направленных на поддержку спортсменов-студентов:

1) централизованная государственная поддержка, когда государство устанавливает на законодательном уровне гарантии для студентов, занимающихся спортом;

2) государственные программы, направленные на обеспечение спортсменам доступа к академическому образованию;

3) вовлеченность национальных ассоциаций в решение данных проблем, когда национальные спортивные ассоциации заключают соглашения с высшими учебными заведениями.

4) участие посредников в урегулировании отношений между спортсменами и учебными заведениями [7].

Например, в Европе поддержку спортсменам на этапе учебы в вузе оказывает Европейская сеть студентов-спортсменов [8].

С точки зрения социологии, двойная карьера спортивных судей, относящихся к официальным лицам матча, имеет принципиальное отличие от двойной карьеры спортсменов. Если последние сталкиваются с этой проблемой в детском или юношеском возрасте, иногда уже в младшей школе, когда начинают заниматься спортом [9], то спортивные судьи начинают судейскую деятельность уже во взрослом возрасте.

В то же время проблема двойной карьеры спортивных судей находится за рамками научного внимания. Так, поиск научных статей в elibrary.ru по запросу «двойная карьера спортивных судей» в названиях или аннотациях публикаций не дает результатов.

Данная статья призвана устранить этот пробел, существующий в российской науке, и указать на то, что не только спортсмены, но и спортивные судьи сталкиваются с проблемой двойной карьеры.

В зарубежной науке предлагают рассматривать спортивную карьеру с точки зрения концепции переходов. Переходы – это наиважнейшие ключевые этапы в развитии карьеры, когда меняются представления о себе и мире, требующие соответствующего изменения в поведении и отношениях. Применительно к двойной карьере такие переходы могут быть связаны с:

1) переходом от юношеского ко взрослому спорту, который часто совпадает с учебой;

2) переходом от любительского к профессиональному спорту;

3) завершением спортивной карьеры;

4) новыми профессиональными или личными обязанностями, которые бросают вызов дальнейшему совмещению со спортом [10].

Данные проблемы актуальны и для спортивного судейства. Национальная ассоциация спортивных судей в США указывает, что одним из неконтролируемых факторов, по которым спортивные ассоциации теряют официальных лиц, в т.ч. судей, – это конфликт с основной работой, включая переезд [11].

Данный пример показывает, что, хотя в теории двойная карьера предполагает возможность одновременного развития по двум направлениям, в реальности человек должен расставлять приоритеты и рассматривать один из видов деятельности как основной.

Из исследований мы знаем, что, например, молодые тренеры склонны рассматривать тренерскую деятельность как хобби, в то время как их старшие коллеги рассматривают тренерскую деятельность как призвание [12]. Стоит отметить, что возможность перехода хобби в профессию свойственна не только спортивным чиновникам [13].

Из этого следует, что «двойная карьера» не всегда означает две карьеры, а может подразумевать карьеру по основному месту работы и хобби в спорте.

Вышеизложенное позволяет поставить вопрос с позиции социологии: как спортивные судьи воспринимают судейскую деятельность – как хобби или как карьеру? А кроме того, интерес представляет то, меняется ли отношение к судейству в процессе судейской деятельности?

Для ответа на поставленные вопросы в 2023 г. было проведено 14 полуструктурированных интервью с судьями футзала различного уровня (13 мужчин и 1 женщина, возрастной состав опрошенных лиц – от 20 до 47 лет), касающихся их судейской карьеры из таких городов и регионов, как: Вологда, Екатеринбург, Калуга, Москва, Московская область, Нижний Тагил, Новоуральск, Оренбург, Пенза, Ростов-на-Дону, Тюмень.

Среди вопросов, которые задавались в интервью, были такие, как «Воспринимаете ли Вы судейство

как хобби или как карьеру», «Какие самые значимые события в вашей карьеры имели место быть», «Причины, по которым Вы решили заниматься судейством» и другие.

12 из 14 опрошенных судей указали, что, помимо судейства, имеют работу в другом месте или получают образование. Только один судья указал, что судейство – это его основная деятельность, при этом он занимал руководящую должность в судейском департаменте в своей федерации.

На вопрос о том, рассматривают ли судьи свою деятельность как хобби или как карьеру, единого ответа у судей нет.

Половина судей указали, что воспринимали спортивное судейство как хобби, но затем, по мере профессиональных успехов, они стали воспринимать судейство как карьеру.

В то же время трое судей указали, что изначально смотрели на судейство как на карьеру. Изменение отношения к судейству опрошенные связывают с карьерными успехами – по мере развития профессиональных навыков и скачков в своем развитии, в первую очередь в уровне соревнований судейская деятельность воспринимается все больше как карьера.

Двое из указанных судей стали воспринимать судейство как хобби, связывая это с тем, что «только единицы доходят до высокого уровня, при котором, возможно, этот вид деятельности был бы основной работой». Один и из судей отметил, что он хотел бы, чтобы «*это была карьера, но сейчас это хобби*» (м., 36 лет).

Остальные судьи не стали однозначно трактовать судейство как хобби или карьеру. Некоторые из них не задумывались над этим. Как указал один судья: «*Не задумывался сначала. Просто нравилось, не было вопроса заработка, а по ходу движения карьерной лестницы стал арбитром высокого уровня*» (м., 39 лет). Другой судья обратил внимание, что он не может однозначно сказать, является ли судейство хобби или карьерой: «*Я относился к этому, как к части своей жизни, но точно не как к хобби… С точки зрения финансовой составляющей – это хобби… Нечто среднее между хобби и карьерой*» (ж., 32 года).

Часть опрошенных судей, которые считали судейство хобби, отмечали в ней элементы карьеры: «*Воспринимал как хобби и подработку*» (м., 20 лет).

Результаты опроса показывают, что судейская деятельность — это сложная категория, которая, с точки зрения судьи, совмещает в себе как элементы хобби, так и элементы карьеры. Отношение к судейству может меняться на протяжении жизни, занимать некоторые промежуточные положения между хобби и карьерой. Видно, что на отношение к судейству влияют карьерные успехи и размер дохода от этой деятельности.

На вопрос о том, какие ключевые моменты в судейской деятельности были в работе арбитров, 10 из 14 судей ответили, что переход на более высокий уровень соревнований. В качестве других значимых событий судьи указывали участие в учебно-тренировочных сборах, возможность обмена опытом с более опытными судьями, отстранения от судейства, попадание в топ-5 арбитров сезона.

Как мы указали в начале, с точки зрения социологии, карьера – это не просто последовательность работ и профессиональных достижений, но и сложный социальный процесс, включающий в себя взаимодействие между личными амбициями, социальными ожиданиями и структурными условиями, в рамках которых индивиды формируют свои профессиональные идентичности. Понимание карьеры через призму социологии подчеркивает её многогранность и взаимосвязь с широким спектром социальных факторов, что позволяет на глубоком уровне понять, как индивиды воспринимают свою профессиональную идентичность и управляют своей карьерой.

Проведенные качественные интервью подтверждают, что судья на протяжении своей деятельности вынужден совмещать судейскую деятельность и иную деятельность, т.е. существовать в условиях двойной карьеры во взрослом возрасте.

На восприятие судейства как карьеры или хобби влияют несколько моментов:

Во-первых, судья может изначально быть настроен на судейство как на карьеру или как на хобби.

Во-вторых, наличие успехов, т.е. переход к судейству все более высокого уровня соревнований, или отсутствие таких успехов на протяжении длительного времени меняет отношение к судейству.

В-третьих, значимость дохода от судейской деятельность влияет на то, воспринимают спортивные судьи судейство как карьеру или как хобби.

Важно отметить, что часть судей не относят судейство строго к хобби или к карьере, или вообще не оценивают судейскую деятельность в данных категориях.

С точки зрения значимых событий, в карьере судьи указывают в первую очередь на такие факты, как переходы к судейству более высокого уровня соревнований. Меньшее число судей выделили в качестве значимых событий участие в учебно-тренировочных сборах, отстранение от судейства и т.п. Никто из судей не указал, что для них было важным получение спортивных званий.

Будущие исследования могут быть направлены на сбор количественных результатов о том, как судьи на разном уровне соревнований воспринимают судейскую деятельность: как карьеру или как хобби, от каких факторов такое отношение зависит и на что в практическом плане влияет отношение к судейству как к карьере или как к хобби.

13Литература:

1. Edgar A.M. Burns Dichotomy, Dialectic and Dialogic: How Do Sociology Terms Assist Career Development Theory? // Australian Journal of Career Development. – 2017. – № 21. – P. 5–12.
2. Темнова Л.В., Малахов Ф.В., Восканян Э.С. Концептуальные подходы к исследованию карьеры // Высшее образование в России. – 2016. – № 5. – С. 64–71.
3. Михайлов Б.А., Панчук Н.С., Лебедева Н.Е. Феномен двойной карьеры: спорт и наука // Ученые записки университета Лесгафта. – 2022. – № 7 (209). – С. 284–289.
4. Хвацкая Е.Е., Юзова О.И. Внутренние и внешние ресурсы реализации «двойной» карьеры спортсменами профильного вуза // Научно-педагогические школы Университета. – 2020. – № 5. – С. 32–52.
5. Ильина Н.Л., Хвацкая Е.Е., Березовская Р.А., Мельникова Н.Б., Пузанова К.И. Трудности реализации спортсменами двойной карьеры на этапе обучения в вузе // Ученые записки университета Лесгафта. – 2017. – № 11 (153). – С. 325–330.
6. Юзова О.И. Психологические умения как фактор реализации «двойной» карьеры // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2020. – № 11. – С. 110–113.
7. Поканинов В.Б., Коновалова Л.А. Академическая траектория обучения студентов-спортсменов в реализации «двойной карьеры» в России и зарубежных странах // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 9(223). – С. 346–349.
8. The Contribution of the European Athlete as Student Network (EAS) to European Dual Career ERASMUS+ Sport Collaborative Partnerships: An update / L. Capranica, A. Figueiredo, I. Ābeļkalns, L. Blondel, J. Foerster, O. Keldorf, R. Keskitalo, T. Kozsla, M. Doupona // Cultura, Ciencia y Deporte. – 2021. – Vol. 16, №. 47. – P. 7–17.
9. Хвацкая Е.Е. Образовательная среда спортивной школы как внешний ресурс «двойной» карьеры спортсменов // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации: сб. науч. трудов VI Всерос. науч.-практ. конференции с межд. участием. – Краснодар, 2016. – С. 234–237.
10. Stambulova N., Samuel R.D. Career Transitions. – 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/335001276_Career_Transitions (дата обращения: 21.01.2024).
11. NASO // How to keep good officials retention strategies in officiating. – URL: https://www.sayyestoofficiating.com/recruit-retain-sports-officials/get-the-word-out/how-to-guides/how-to-keep-good-officials-retention-strategies-in-officiating/ (дата обращения: 25.01.2024)
12. Ronkainen N.J., Ryba T.V., McDougall M., Tod D., Tikkanen O. Career or vocation? Meanings in sports coaching and their implications for recruitment and retention of coaches // Managing Sport and Leisure. – 2022. – Vol. 27, № 4. – P. 381–396.
13. Тарасова Т.В., Погбаева А.Д. Анализ особенности соотношений увлечения и профессионального выбора // Вестник МГУ. – 2011. – № 2. – С. 83–85.

Dual Career of Referees on the Example of Futsal

Kalmutskiy V.O.
Novosibirsk State University of Economy and Management

Sports are an important sphere of social life, and the participation of sports referees is essential for conducting competitions, making the study of the careers of officials in various sports highly relevant. Football and its variants, such as futsal, beach football, etc., are the most popular sports worldwide. The aim of this study is to analyze the phenomenon of dual careers in the profession of futsal referees through conducting semi-structured interviews with 14 futsal referees of varying levels. The objectives of the research were to determine whether a dual career is characteristic for referees at all stages of their professional development, how the role of a sports referee is perceived: as a hobby or as a career, and to identify which events in a referee's career are perceived as significant. The findings confirm that futsal referees experience a dual career throughout their officiating activity, with the role of a sports referee being perceived as a complex category that combines elements of both a career and a hobby. As referees progress professionally, their attitude towards officiating changes depending on their career successes. Particularly significant for referees is their involvement in officiating higher-level competitions, which contributes to the perception of refereeing as a career. The value of this research lies in providing an understanding of the dynamics of dual careers of futsal referees and being the first study in Russia to shed light on this issue, which can contribute to the development of strategies for supporting and developing the professional path of sports referees.

Key words: dual career, sports referees, hobby, futsal

УДК 343.9

Девиантное поведение и нормообразование: от протоморали к контекстуально выстроенному сконструированному праву эпохи постмодерна и интегративному изучению преступности

Комлев Ю.Ю.
Доктор социологических наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
Казанского юридического института МВД России;
профессор кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье представлен ретроспективный анализ нормообразования и представлений о социальной норме, девиантном поведении, о праве и преступности как форме девиантности. В девиантологии многие понятия не устоялись, что определяет актуальность предложенных определений и подходов. Автор акцентировал внимание на дуализме и контекстуальности социальной нормы и девиантности. Цель обзора состоит в обосновании интегративного исследования различных проявлений девиантности и преступности на основе дополнительности объективистских и субъективистских интерпретаций социальной нормы. Предложенный исследовательский ракурс является новым. Он обладает практически ценным эвристическим потенциалом при изучении кибердевиантности и киберпреступности для совершенствования моделей социального контроля над ними в новом мире.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная норма, социальный конструкт, контекстуальность, кибердевиантность, киберпреступность, интегративный подход

Девиантное поведение (*deviant behavior*) связано с нарушением социальных норм как правовых, так и неправовых (мораль, обычаи, традиции). Мейнстрим в трактовках девиантости XX в. принадлежит структурному функционализму (Дюркгейм, Парсонс, Мертон, Айкерс, Доттер). В его рамках девиантность трактуется как социальный феномен, состоящий в поведении, систематически нарушающем объективные априори сложившиеся социальные нормы. Например, Д. Доттер определяет девиантное поведение как «фундаментальный отказ повиноваться групповым правилам и нормам» [1, p. 3]. По Н. Смелзеру, девиантное поведение – это «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя» [2, с. 652].

В работах сторонников структурного функционализма встречаются и трактовки девиантности, которые используют в качестве социальной нормы экспектации (ожидания) соответствующего эталонного поведения или правила, образцы поведения. В частности, А. Коэн полагает, что девиантное поведение «идет в разрез с институционализированными ожиданиями, то есть ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [3, с. 520–521]. В рамках теории фрустрации статуса он показывает, что в ходе социализации ее агенты должны учитывать экспектации других людей и вести себя в соответствии с ними.

Отклонения от социальных норм, в том числе преступность, не только объективны, по определению, но и функциональны, «нормальны», по Дюркгейму, в том смысле, что характерны человеческой природе в той же мере, что и конформное поведение: «не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности» [4, с. 39].

Неконтролируемый рост девиаций подобно мутациям в живом организме нарушает равновесие социальной системы, приводит к ее дезорганизации. Во все времена наряду с конформистами – людьми законопослушными рядом сосуществуют девианты: грабители и воры, убийцы и насильники, алкоголики и

наркоманы, проститутки и лудоманы. Общество и государство, ученых и практиков более всего в ряду проявлений девиантности интересуют различные формы криминального поведения, а также пути и меры противодействия им со стороны органов государства и других социальных институтов. Изучение преступности в девиантологическом контексте требует прояснить такое исходное понятие, как «социальная норма».

Определение социальной нормы для девиантологов – вопрос центральный, поскольку с его помощью определяется, как было показано выше, девиантное поведение. Ретроспективный анализ нормообразования позволяет проследить основные вехи в развитии научных представлений о социальной норме, оценить специфику интерпретаций и функциональную роль норм в регуляции общественных отношений.

Процесс нормообразования происходит длительно в течение тысячелетий и развивается от первых норм протоморали в доисторический период к контекстуальному праву эпохи постмодерна.

В обществе охотников и собирателей, когда зарождаются первые элементы общинной организации, первобытные люди могли выжить только в совместной охоте, защите соплеменников и территории. Продолжению рода, укрощению природной агрессивности и зоологических побуждений человека послужило появление первых социальных рестрикций и табу. Ограничения, несовместимые с инстинктом самосохранения, постепенно распространялись на всех членов первобытной общины. Первобытные люди, вопреки естественному отбору, поддерживали жизнь старых, слабых и хворых. В природе забота о немощных особях, если бороться за жизнь они не способны, не только бессмысленна, но и вредна. Они – обуза здоровым и пища для хищников. В культуре первых человеческих общностей поддержка и сбережение стариков – настоятельная необходимость для накопления актуальных знаний и передачи новым поколениям социального опыта. Артефакты, найденные учеными-антропологами в погребениях Ле Шапелье, и иракской пещере Шапидар убедительно подтверждают этот вывод.

По мере социальной эволюции родоплеменной общины для всех первобытных людей устанавливаются первые древние табу, призванные укротить зоологические влечения. Согласно двум из них: «не убивай своих родных» и «не вступай в половую связь со своей матерью и ее детьми-сестрами». Возникновение первых социальных запретов показывает, что антропоиды постепенно стали людьми – существами не только биологическими, но и социальными. Социальные нормы-запреты оказались функциональными и объективно обеспечили первобытным общинам большую сплоченность, выживаемость, адаптивность и конкурентоспособность.

Из первых табу и ограничений, а также повторяющихся успешных взаимодействий соплеменников постепенно складывались правила-требования необходимого поведения членов племени. Эти первые правила вполне можно именовать протоморалью. Они были основаны на повседневном знании, на позитивном и негативном опыте. Протомораль позволила первобытным людям выжить и эволюционировать в суровых условиях дикой природы. Ключевые нормы протоморали определяли наиболее важные взаимоотношения участников родоплеменных сообществ. Они позволяли людям более успешно действовать сообща на охоте, при защите соплеменников, а затем в скотоводстве и земледелии, то есть во время коллективного труда. Базовые из них, как отмечает Т.В. Шипунова: «не убивай своих соплеменников», иначе ослабишь племя; «подчиняйся старшему», поскольку у него больше знаний и опыта; «не укради у равного себе» (равенство физической силы); «помоги соплеменнику, если ему угрожает смерть» [5, с. 78].

Нарушителей ключевых правил вождь и его приближенные, а то и все племя в целом подвергали безжалостному остракизму. В крайних случаях изгоев отлучали от племени, фактически обрекая на гибель. Нарушители норм протоморали, отвергнутые соплеменниками, и были первыми девиантами.

Процесс социализации, как известно, транслирует обыденные знания о нормах поведения от поколения к поколению. В результате протомораль постепенно со временем воспринимается в общине как объективный элемент социального порядка. Хабитуализация (опривычивание) протоморальных норм последовательно абстрагирует нормативную систему от трудовых и иных социальных отношений. С развитием языковой коммуникации и практики общения, рефлексирующих способностей человека происходит дальнейшее осмысление и осознание норм-запретов, ограничений и требований, их вербализация. Получив оформление средствами языка, протоморальные нормы все больше восприниматься общинными людьми как чьи-то субъективные предписания (жреца, колдуна, вождя). Согласно верованиям, за отказ от их выполнения неизбежно последует небесная кара – «боги накажут».

По мере усложнения социальных отношений в ходе исторического процесса одобрение или табуирование определенных моделей поведения посредством создания социальных норм постепенно вычленяется из синкретической практики человека и общества. Эта сфера превращается в относительно самостоятельную форму деятельности – социальное нормотворчество, в том числе правотворчество. С этого момента нормы права, как другие социальные нормы, приобретают статус объективных, всеобщих регуляторов социальных отношений, поскольку начинают действовать во всех сферах человеческого бытия.

Таким образом, в конечном счете, процесс хабитуализации норм поведения человека в общине порождает становление или институционализацию социально-

го порядка. В потестарных племенных образованиях, общинах, союзах племен (вождествах) формируется древнее примирительное право. Архаичное древнее право складывается в ранних государствах.

С развитием культуры, науки от эпохи к эпохе меняется и понимание социальной нормы. В средневековье, например, христианское представление о норме соответствовало морали долга. Как правило, это нравственное поведение перед богом (нравственная жизнь – жизнь во спасение) или перед общиной, обществом, когда общественные интересы ставятся выше личных. Преступность и девиантность в то время трактуется как та или иная степень грехопадения.

В Новое время с расцветом естественнонаучного и социологического, позитивистского знания и развитием капитализма распространяется мораль свободных убеждений. Она опирается на индивидуализм, на такие установки индивида, когда личное превозносится больше, чем общественное.

Позитивист Э. Дюркгейм в конце XIX в. дает объективистскую интерпретация социальной нормы в понимании предписания морали, религии и права, которые выступают как формы коллективного сознания. Каждый индивид, по Дюркгейму, «находит» эти нормы уже «готовыми» и соотносит с ними свое реальное поведение [4]. Объективистское понимание юридической нормы рассматривается, соответственно, как требование, мера должного поведения. Соблюдение правовой нормы обеспечивается санкциями со стороны государства. Право как совокупность наиболее важных социальных норм (правил поведения), регулирующих наиболее значимые отношения между людьми, и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому. Кроме того, они постепенно эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если накапливаются изменения в культуре и условиях жизни людей [4].

Эпохе модерна соответствует право как форма обменных отношений. Формирование законов связано с санкционированием прежде всего обычаев. Другой путь выражается в развитии прецедентного права, третий состоит в оформлении властных велений правителя, государственных институтов. Появление текущего законодательства придает праву новые черты: формальную определенность (писанная форма), объективность (нормативный акт относится в принципе к неопределенному адресату), обеспеченность государственным принуждением [6, с. 298–299].

Девиантологи и правоведы, как это часто бывает в науке, и сегодня «ломают копья» по поводу того, что считать социальной и правовой нормой, что считать правом. Т.В. Шипунова обращает внимание на дискуссионный характер подходов к определению содержания социальной нормы, их классификации. Она справедливо указывает на связь определения социальной нормы с «типом господствующей морали» и пониманием времени [5, с. 73].

Обществоведы часто основным содержанием понятия «норма» считают «соответствие поведения людей социальным ожиданиям», «должное поведение», «требование определенного поведения», «отражение накопленного опыта», «правило поведения» и другие. Например, финский криминолог М. Лайне определяет социальную норму как «правило поведения, созданное общиной или обществом» [7, с. 12]. Я.И. Гилинский – основатель российской девиантологии – считает, что «социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций» [8, с. 31]. Правовые нормы – частный случай социальных норм, продукт их определенного генезиса. Наиболее распространенным является нормативистское представление о праве как о системе общих юридических норм (нормативно-правовых актов – законов, указов, постановлений), установленных государством и опирающихся на возможность организованного им принуждения к их исполнению.

Юридическому позитивизму характерны два элемента для определения понятия права: надлежащее или авторитетное установление права и его социальная действенность (эффективность). Сторонники непозитивистского подхода включают наряду с перечисленными выше элементами еще и моральную составляющую. Если установленная законом правовая норма не соответствует моральным представлениям данной культуры, она остается недейственной. М. Лайне приводит пример на эту тему, описывая опыт христианских миссионеров на островах Тихого океана. Проповедники, выступая перед аборигенами, ужаснулись непринужденной наготе коренных жителей. Миссионеры потребовали, что бы все женщины, посещающие проповеди, носили блузки. Они изумились еще больше, когда на следующий день все женщины не ослушались нового приказа, но вырезали дырки в блузках так, чтобы груди обязательно были видны всем [7, с. 12].

На исходе эпохи модерн во второй половине XX в. по мере ускорения социальных процессов ускользает стабильность социальных феноменов, растет неопределенность и непредсказуемость не только предстоящего будущего и настоящего. В этих новых временных условиях снова меняется представление о социальной и правовой норме и как следствие понимание девиантности. Эти сдвиги в социуме раннего постмодерна были концептуализированы в рамках набиравшего в тот период конструктивистского подхода к пониманию социальных феноменов. Сторонники феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман выполнили детальную разработку основных категорий конструктивизма в работе «Социальное конструирование реальности» [9]. В рамках субъективист-

ской перспективы анализа, заложенной Бергером и Лукманом и поддержанной многими девиантологами и правоведами-конструктивистами на рубеже и начале XXI в., понимание социальных норм и норм права получает дальнейшее развитие. С точки зрения конструктивистов, доминирующим основанием в природе социальной нормы, определяющей поведение человека в группе или обществе, считается ее социокультурная и временная контекстуальность. В итоге все социальные нормы рассматриваются как релятивные, конвенциональные социальные конструкты, поскольку имеют социально-историческую обусловленность. Они – результат истории, типа социума и его культуры.

Феноменологический взгляд на правовые нормы как частный случай социальных норм, а также тот или иной тип правопонимания есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ должного поведении и права, который представляет собой синтез социальных практик и теоретических конструктов. Феноменологический подход открывает право как мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Благодаря феноменологической редукции, описывающей любой фрагмент бытия как феномен или значение, подлежащее объяснению, право обретает свое единство. Оно не является в феноменологической перспективе хаосом правовых фактов и прошлых представлений о праве, а предстает в виде модели, все элементы структуры которой способствуют выражению значимости права в жизни общества [10, с. 17].

В этот период складываются поликонцептуальность и методологический плюрализм, нарастает соперничество научных школ, усиливается критика позитивистских подходов со стороны девиантологов феноменологической ориентации. Они все чаще обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности норм права. Это неслучайно, поскольку позитивистское правопонимание и соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях не вполне обеспечивают должный правопорядок в быстро меняющемся мире. В этот период особенно острой выглядит критика легального формализма и рационализма в позитивистском праве на основе положений постструктурализма и семиотики (Мэннинг, Генри, Милованович). Так, Д. Милованович раскрывает релятивизацию научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах все еще остается полем «постоянных поисков теории» [11, p. 176–179].

Многие ведущие исследователи этой поры (Кристи, Матисен, Альбанезе, Гилинский, Честнов и другие) осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рамках возмездной юстиции (*retributivejustice*) и определяют ситуацию, например, в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля [12, с. 404–410]. Неэффективность, считает Я.И. Гилинский (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий), наказания хорошо известна [13, с. 106].

Феноменологическая (субъективистская) и непозитивистская традиция в постклассических девиантологии и правоведении стимулирует развитие постмодернистских интерпретаций социальной и правовой нормы, а также девиантности во всех ее проявлениях. Так, И.Л. Честнов одним из первых в России рассматривает право как «контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы, постоянно изменяющееся человекоцентристское право» [6, с. 366]. В его авторской концептуализации важно то, что это диалогичное по своей сути право, в котором бинарные оппозиции (должное и сущее, материальное и идеальное, объективное и субъективное и т.д.) взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

Конструкционисты считают, что логика постсовременного нормообразования состоит в том, что социальные нормы конструируются в результате социальных интеракций, диалога – речевого дискурса на основе научного или обыденного знания. С их точки зрения, происходит конструирование/деконструирование социальных норм и тех или иных проявлений девиантности и прежде всего преступности в зависимости от степени их общественного или индивидуального вреда. Следовательно, законодатели в настоящее время совершенствуют правовые кодексы контекстуально на основе соглашений путем конструирования или деконструирования правовых норм и соответствующих санкций.

Таким образом, в рамках феноменологии и конструктивизма социальная норма контекстуальна и поэтому рассматривается как релятивная, конвенциональная социальная конструкция. Соответственно, и девантное поведение – релятивный социальный конструкт. В работах Г. Гесса и С. Шерера показано на примере преступности как формы девиантного поведения, что она не только объективное онтологическое явление, но и мыслительная конструкция, имеющая исторический, изменчивый характер [12, с. 37]. Преступность – искусственный социальный конструкт, результат принятия политических или правовых решений, продукт дискурса в ходе тематизации той или иной острой криминальной проблемы во властных структурах, в СМИ и обществе в целом.

На фоне дальнейшего ускорения социальных изменений, вызванных компьютерной революцией и технологическими инновациями XXI в., глобализацией, цифровизацией всех сфер социальной жизни, сетевизацией социальных коммуникаций и сфе-

ры обслуживания стремительно трансформируются девиантность и преступность. Наблюдается, наряду с разрастанием преступности «белых воротничков и элиты», стремительная диффузия криминальной активности в Интернет-пространство, где «не работает» в полной мере классический принцип неотвратимости наказания. Киберпреступность ежегодно прирастает на 20 и более процентов. Новые вызовы требуют создания новой «сумасшедшей», по выражению Я.И. Гилинского, теории.

Рассмотренные выше генезис и дуализм в совместном понимании нормы и девиации с объективистских и субъективистских позиций открывают новые эвристические возможности интегративного изучения новых проявлений кибердевиантности и высокотехнологичной преступности первой четверти XXI в. Интегративный подход уже широко используется в цифровой девиантологии и криминологии [10, с. 134–154]. Он позволяет на основе девиантологических исследований совершенствовать систему социального контроля над проявлениями цифровой девиантности и преступности. К освоению и использованию этой парадигмы автор приглашает молодых исследователей, проявляющих интерес к девиантологии и смежным областям научного знания (права, IT-технологий, семиотики). Более подробно предпосылки, основные девиантологические постулаты и подходы к теоретической интеграции, а также различные модели междисциплинарного синтеза, в том числе и пост-постмодернистского, использование методологической триангуляции изложены в работе «Интегративная криминология: девиантологический очерк» (2019) [10].

Литература:

1. Dotter D. Creating Deviance: An International Approach. – AltaMira Press, 2004. – 360 p.
2. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
3. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. – М.: Прогресс, 1965. – 550 с.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с анг. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44
5. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 245 с.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
7. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. – 173 с.
8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Издательский дом «Алеф- Пресс», 2013. – 528 с.
9. Бергер П., Лукман Т.Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 334 с.
10. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учеб. пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2019. – 223 с.
11. Barak G. Integrating criminologies // Crime, Law and Social Change. – 1998. Vol. 29. – P. 85–94.
12. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 501 с.
13. Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. – 573 с.

Deviant Behavior and Norm Formation: From Protomorality to Contextually Built Constructed Law of the Postmodern Era and Integrative Study of Crime

Komlev Yu.Yu.
The Kazan Legal Institute MIA of Russia,
University of Management «TISBI» (Kazan)

The article presents a retrospective analysis of norm formation and ideas about social norms, deviant behavior, law and crime as a form of deviance. In deviantology, many concepts are not established, which determines the relevance of the proposed definitions and approaches. The author focused on the dualism and contextuality of social norms and deviance. The purpose of the review is to substantiate the integrative study of various manifestations of deviance and crime based on the complementarity of objectivist and subjectivist interpretations of social norms. The proposed research perspective is new. It has practically valuable heuristic potential in the study of cyberdeviance and cybercrime to improve models of social control over them in the new world.

Key words: deviant behavior, social norm, social construct, contextuality, cyberdeviance, cybercrime, integrative approach

УДК 331.44

Гармонизация волевого воздействия индивида на свою систему мотивации как фактор «производства» синергии в его профессиональной деятельности

Крейк А.И.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Плетнева А.И.
Студентка второго курса
Новосибирского государственного технического университета

Актуальность темы данной работы обусловлена тем, что в условиях современности приобретает важное значение для повышения эффективности профессиональной деятельности работников «производство» синергии вследствие гармонизации волевого воздействия индивида на свою систему мотивации. Целью статьи является научное обоснование «производства» синергии в результате гармонизации волевого воздействия индивида на свою систему мотивации. Задачами данной работы является: а) обосновать возможность «производства» нематериального ресурса «синергия» в процессе профессиональной деятельности работников; б) показать перспективы гармонизации волевого воздействия индивида на свою систему мотивации. Научная и прикладная значимость данной работы в том, что представлено обоснование возможности «производства» синергии путем гармонизации волевого воздействия индивида в его профессиональной деятельности на свою систему мотивации. Проведенное исследование позволило констатировать наличие реальной возможности «производства» синергии и тем самым повышения эффективности деятельности работников путем гармонизации волевого воздействия индивида на свою систему мотивации. Стала очевидной также социальная значимость такой гармонизации для работника в непроизводственной сфере. По мнению авторов, научная новизна и ценность данной работы заключается в том, что синергийное следствие гармонизации волевого воздействия индивида в его профессиональной деятельности на свою систему мотивации в отечественной литературе не рассматривалось. Представленная в данной работе логика «производства» синергии может быть учтена, например, при организации командной работы.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, волевое воздействие, мотивационная система, стимулы к трудовой деятельности, синергия

Традиционным является понимание стимулирования труда как внешнего воздействия на работника. Однако в условиях современности важной задачей для деловых организаций является нахождение

возможностей саморегулирующего воздействия работников на свою систему мотивации, которая бы повысила эффективность их профессиональной деятельности. Т.е. самостимулирование работниками своего профессионального труда для получения собственного блага и одновременно обеспечивающего достижение организационной цели.

Согласно исследованиям в области трудовой мотивации [1] и положениям психологии мотивации [2], сформировалась точка зрения, согласно которой мотивационная тенденция, направляющая действия индивида на цель и мотивирующая, т.е. предопределяющая его трудовую деятельность, возникает как результат взаимодействия мотива и стимула. Эта концепция объясняет различные действия людей в трудовой деятельности. Например, если в начале своей профессиональной карьеры человек получит предложения от двух организаций, то он выберет из них то, которое окажет на него большее стимулирующее воздействие (оплата, социальный успех, возможности дальнейшего обучения и т.п.) в соответствии с его мотивами [3]. Исходя из этого, можно объяснить последующие действия индивида как работника: подписание им контракта, начало работы с определённого момента времени и – на самом общем уровне – его принципиальную готовность включиться в работу. В соответствии с таким подходом, если новичку в начале его трудовой деятельности будет дано самостоятельное задание, при выполнении которого возникнут неожиданные проблемы, для разрешения которых потребуется приложение дополнительных усилий (например, сверхурочная работа), то тогда организация должна предусмотреть введение в действие актуальных для него дополнительных мотиваторов.

На самом деле конкретное действие мотива (например, интерес к полученному заданию) и стимула (заинтересованность в вознаграждении) при выполнении работником полученного задания можно только частично объяснить как интеракцию человека и ситуации.

Поскольку действия людей предопределяются всегда множеством мотивов, то, исходя из представленной выше логики, остаётся непонятным, почему работник-новичок не предпочтёт, например, точно по времени уйти с работы, чтобы заниматься дома своими делами (если они являются для него очень важными)? Или другая ситуация: если работнику нужно выполнить два задания (одно из которых его более интересует), почему он предпочитает выполнить сначала менее значимое для него задание и только потом – более интересное? Отсюда следует вывод – рассматривая процессы, которые так управляют конкретными производственными действиями работников, что их деятельность продолжает быть целеориентированной вплоть до момента выполнения трудового задания, в работе с персоналом нельзя ограничиваться учётом только мотивационной сферы. Должен быть принят во внимание также и волевой аспект в профессиональной деятельности работника.

Современными исследователями, такими как П.М. Голлвитцер [4] и Е.А. Лук [5], обращается внимание на то, что традиционные теории мотивации объясняют в первую очередь выбор субъектом деятельности альтернативы действия. Объяснение же того, каким образом индивиды приходят к тому или иному варианту действия и почему именно конкретное действие осуществляется с определённой интенсивностью, какова длительность этого процесса, требуют отдельного теоретического обоснования. Такие основания человеческих действий исследованы Х.-Д. Шмальтом [6] и Х. Хекхаузеном [2]. Их предшественником был Е. Мойманн [7]. Его теория волевых действий по-прежнему актуальна и соответствует современному пониманию «воления».

Согласно теории Е. Мойманна, волевые действия индивидов основываются на следующих трех компонентах:

– представление о цели;

– одобряющее мнение по этому поводу;

– сознательное выполнение действия [7].

Соответственно, исходным пунктом волевого действия Е. Мойманна является мысленное представление индивидом цели своего действия. Это представление о цели деятельности может предшествовать действию и придавать его развитию направленность и содержание. С представлением индивида о цели его действия тесно связаны последствия действий и, соответственно, их результаты. Как мысль, так и возможные последствия действий могут быть представлены в сознании индивида во время осуществления действий.

Представление о цели только тогда выполняет свою побуждающую к действию роль, когда цель внутренне одобрена субъектом деятельности в результате сознательно принятого им решения [7]. Цель и необходимые для её достижения действия должны быть обязательно внутренне одобрены (приняты) субъектом деятельности – признак, который в современных теориях обозначается как *commitment* или целевая установка [8]. Наконец, согласно теории волевых воздействий, действующий субъект должен познать себя как причину волевого действия, он должен объяснить себе осуществляемое действие своими представлениями о конечной цели деятельности и её личным принятием.

В данном случае рассматриваются действия, которые характеризуются сознательным намерением индивида, так называемые действия воли. Соответственно, мотивационная система субъекта деятельности оказывается под воздействием его собственной сознательно целеориентированной воли. И теперь, если сформулированная цель и со-

держание профессиональной деятельности приняты субъектом «воления», а волевая саморегуляция согласуется с его мотивационной системой, происходит согласованное взаимодействие его психофизиологических потенций и критериальной основы, порождающее синергийный эффект, т.е. «производится» синергия индивида [9]. Это можно выразить формулой: система мотивации + волевое воздействие = синергийный эффект (синергия индивида).

Конкретно полученный синергийный эффект может выражаться в повышенной работоспособности и эффективности работников на положительном психоэмоциональном фоне их профессиональной деятельности. При этом у людей сохраняется также потенциал физических и душевных сил для полноценной жизни во внерабочее время. А это, в свою очередь, наряду с экономическим эффектом дает и социальный эффект. Нахождение же возможности решения проблем и повышения эффективности производства, и гуманизации труда в условиях современности являются весьма актуальными.

Поэтому достижение работниками приемлемого для них уровня гармонизации между желаемым (справедливого вознаграждения за выполняемую работу) и определенного нормативами должным (выполняемая работа) путём волевой саморегуляции своей системы мотивации имеет огромное значение и для них лично, и для деловой организации.

Учитывая данный аспект в работе с персоналом в современных условиях, руководители и службы управления персоналом могут, опираясь не только на мотивационную систему работников, но и на их волевые механизмы, более успешно решать поставленные перед ними задачи [10]. Если мотивы и стимулы к трудовой деятельности у работника гармонизированы (непротиворечиво взаимодействуют) должным волевым воздействием, эффективность профессиональной деятельности работников возрастает без использования дополнительных ресурсов за счёт синергийного эффекта. В этом один из перспективных источников ресурсосбережения в организациях и повышения эффективности работы персонала в условиях современности.

Таким образом, полученный синергийный эффект приводит к повышению работоспособности и эффективности труда работников, создавая позитивный эмоциональный фон в их профессиональной деятельности. Люди сохраняют физическую и психологическую энергию для полноценной жизни в свободное от работы время, что в сочетании с экономическими благами ведет к улучшению их социального состояния.

Современность требует от деловых организаций, с одной стороны, повышения эффективности производства за счет роста производительности труда. С другой стороны, давление со стороны институциональных структур общества и борьба трудящихся за свои права делают необходимым решать задачу гуманизации труда в профессиональной деятельности. Поэтому важно достичь в профессиональной деятельности работников гармонии между их мотивационной структурой и волевым воздействием на нее для удовлетворения потребности быть профессионалом и получения адекватного затраченным усилиям вознаграждения, обеспечивающего удовлетворение жизненных потребностей.

Гармоничное сочетание мотивационной системы работников и их волевое стимулирующее к труду воздействие на эту систему способно увеличить эффективность работы персонала без дополнительных затрат благодаря возникающему синергийному эффекту. Такой подход к работе с персоналом является перспективным источником повышения эффективности труда и ресурсосбережения в деловых организациях в современных условиях. Соответственно, руководители и службы управления персоналом, учитывая этот аспект, смогут эффективно решать стоящие перед ними задачи стимулирования труда персонала, опираясь на мотивационную систему и волевую саморегуляцию работников в их профессиональной деятельности. Решение этой задачи – инструментальная профессиональная деятельность соответствующих служб. В качестве одного из инструментов решения этой задачи может быть развитие системы интрапренерства в деловых организациях.

Литература:

1. Ulich E. Arbeitspsychologie. – Stuttgart: Schäffer-Poeschel, 2011. – 905 s.
2. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
3. Nerdinger F.W. Selbstselektion der Führungsnachwuchses // L.v. Rosenstiel, Th. Lang und E. Sigl. (Hrsg.). Fach – und Führungsnachwuchs finden und fordern. – Stuttgart: Poeschel, 1994. –348 s.
4. Gollwitzer P.M. Abwägen und Planen. Bewußtseinlagen in verschiedenen Handlungsphasen. – Göttingen: Hogrefe, 1991. – 254 s.

5. Locke E.A. The Motivation Sequence, the Motivation Hub, and the Motivation Core // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50. – P. 288–289.
6. Schmalt H.-D. Motivationspsychologie. – Stuttgart: Kohlhammer, 1986. – 156 s.
7. Meumann E. Intelligenz und Wille. – Leipzig: Quelle und Meyr, 1908. – 293 s.
8. Locke E.A. and Latham E.A. A Theory of Goal Setting and Task Performance. – Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1990. – 62 p.
9. Крейк А.И. Синергия как фактор, определяющий современную теоретическую модель организации // Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе: Сб. науч. тр. / Под ред. М.В. Удальцовой. – Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. – С. 260–269.
10. Геворкян Г.А. Механизм оценки синергетического эффекта // Экономика и социум. – 2023. – № 6 (109)-1. – С. 664–674.

Harmonizing the Volitional Influence of an Individual on His Motivation System as a Factor of «Production» of Synergy in His Professional Activities

Kreyk A.I.
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk State University of Economics and Management

Pletneva A.I.
Novosibirsk State Technical University

The relevance of the topic of this work is due to the fact that in modern conditions it becomes important to increase the efficiency of the professional activities of workers «production» of synergy due to the harmonization of the will of the individual on his motivation system. The purpose of the article is the scientific justification of the «production» of synergy as a result of the harmonization of the will of the individual on his motivation system. The objectives of this work are: a) to justify the possibility of «production» of the intangible resource «synergy» in the process of professional activities of employees; b) show the prospects for harmonizing the volitional influence of the individual on his motivation system. The scientific and applied significance of this work is that the rationale for the possibility of «producing» synergy by harmonizing the volitional influence of an individual in his professional activity on his motivation system is presented. The objectives of this work are: a) to justify the possibility of «production» of the intangible resource «synergy» in the process of professional activities of employees; b) show the prospects for harmonizing the volitional influence of the individual on his motivation system. The scientific and applied significance of this work is that the rationale for the possibility of «producing» synergy by harmonizing the volitional influence of an individual in his professional activity on his motivation system is presented. The study made it possible to state the existence of a real possibility of «production» of synergy and thereby increasing the efficiency of workers by harmonizing the volitional influence of the individual on his motivation system. The social significance of such harmonization has also become obvious for an employee in the non-production field. According to the authors, the scientific novelty and value of this work lies in the fact that the synergistic consequence of the harmonization of the will of the individual in his professional activities on his motivation system. The study made it possible to state the existence of a real possibility of «production» of synergy and thereby increasing the efficiency of workers by harmonizing the volitional influence of the individual on his motivation system. The social significance of such harmonization has also become obvious for an employee in the non-production field. According to the authors, the scientific novelty and value of this work lies in the fact that the synergistic consequence of harmonizing the volitional influence of an individual in his professional activity on his motivation system was not considered in domestic literature. The logic of synergy «production» presented in this work can be taken into account, for example, when organizing teamwork.

Key words: professional activity, strong-willed influence, motivation system, incentives to work, synergy

УДК 316

Средовой подход к анализу трудоустройства инвалидов на примере социальной занятости

Новожилова О.А.
Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
заведующая организационно-методическим отделением
Центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов
Петродворцового района Санкт-Петербурга

Трудоустройство является одной из основных проблем инвалидов на пути к полноценной социальной жизни. Доступность, безбарьерность среды рассматриваются автором как синонимы и как условия для полноценной и самостоятельной жизни инвалидов. Доступность сферы занятости во многом зависит от государства и НКО, реализующих возможности занятости инвалидов. От того, насколько доступна окружающая среда, зависит состояние этой социальной группы, ее позиция в социальной структуре общества. В статье предпринята попытка объединить такие актуальные темы социальной политики, как доступная среда и трудоустройство инвалидов, проводится анализ пилотного проекта «Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста». Цель данной статьи – анализ варианта решения проблем социальной инклюзии через доступность трудоустройства. Методом включенного наблюдения были собраны сведения о социальной занятости, реализуемой на одной из площадок Санкт-Петербурга – Центре социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Петродворцового района. Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста – это временная занятость инвалидов, способных к выполнению несложных видов трудовой деятельности с учетом нарушенных функций организма и ограничений жизнедеятельности, со значительной внешней помощью других граждан. Проект решает многие проблемы, среди которых недостаток опыта и образования, трудности в связи с состоянием здоровья, низкая заработная плата, нежелание работодателя принимать на работу человека, имеющего ограничения, а также помогает наладить работу по взаимодействию государственных служб и НКО.

Ключевые слова: доступная среда, средовой подход, трудоустройство, социальная занятость, люди с инвалидностью, молодые инвалиды

Неотъемлемым правом любого человека является право на самостоятельность и, следовательно, труд и оплачиваемую занятость. Однако чаще всего государственная политика в отношении трудоустройства инвалидов сводится к квотированию рабочих мест учреждениями и организациями и штрафным санкциям, если таковые отсутствуют. Реализация права на труд осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № ФЗ-181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Согласно ст. 20 этого Закона, инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости путем проведения мероприятий, повышающих их конкурентоспособность на рынке труда. Однако законодательная база является лишь предпосылкой обеспечения занятости инвалидов. Необходимы детальная разработка механизмов реализации принятых норм, мониторинг текущей ситуации, в том числе с участием НКО. Работодателю зачастую удобнее оказать благотворительную помощь,

чем изменять условия труда в соответствии с индивидуальными потребностями работника. А штрафные санкции, предусмотренные законодательством, приводят к поиску возможностей, позволяющих их обойти. Так, в ряде случаев инвалиды сами предлагают работодателю трудоустроить их, получая лишь небольшую компенсацию, но не работая, чтобы компания смогла избежать штрафов [1].

По данным Федерального реестра инвалидов, по состоянию на 1 марта 2022 г. в Российской Федерации насчитывается 10,52 млн инвалидов, примерно 3,8 млн – инвалиды трудоспособного возраста. Для людей с инвалидностью трудоустройство является не только способом обеспечить себя, но и найти себе достойное место в жизни, почувствовать себя нужным обществу. Однако на пути к трудоустройству возникают многочисленные барьеры, поэтому стабильную работу имеют меньше трети – 26,33 % [2]. Это говорит о том, что в социальной структуре общества данная группа занимает достаточно низкие позиции, фактически оставаясь зависимой от государственной помощи.

В числе препятствий для трудоустройства инвалидов российские авторы выделяют средовые барьеры, среди которых отмечают неподходящую инфраструктуру населенных пунктов, неприспособленность транспорта, отсутствие универсального дизайна помещений и путей передвижения [3]. Указывается и низкий профессионально-квалификационный статус инвалидов, и несовершенство инструментов трудоустройства. Доступная, безбарьерная среда предполагает не только устранение физических барьеров, но и возможность самостоятельно себя обеспечивать, трудиться, самостоятельно получать услуги в сфере образования, медицины, социальной защиты. В связи с этим возникает необходимость в новых формах занятости. Это подразумевает не квотирование рабочих мест, а возможность занятости в проектах, как краткосрочных, так и долгосрочного характера. Среди успешных проектов в Санкт-Петербурге можно назвать инклюзивные мастерские «Простые вещи», кафе «Огурцы» для людей с ментальными нарушениями, центр «МастерОК».

Особого внимания заслуживает пилотный проект «Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста», созданный в 2018 г. Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга. Проект заключается в создании временных рабочих мест для трудоустройства инвалидов I и II группы путем взаимодействия государственной службы занятости и работодателя-координатора, которым может быть любое юридическое лицо, включая НКО, создавшее рабочие места для организации социальной занятости инвалидов. Как отмечает Комитет по труду и занятости Санкт-Петербурга, целью такого проекта явилось создание условий для возможности реализации права на труд инвалидами, испытывающими трудности при трудоустройстве на открытом рынке труда Санкт-Петербурга. Проект направлен на наиболее уязвимую группу – людей с ментальными нарушениями и тяжелыми патологиями опорно-двигательного аппарата (ОДА).

Разнообразные проблемы, связанные с обеспечением доступности окружающей среды для инвалидов, а также их трудоустройства, нашли отражение в работах отечественных исследователей. Особого внимания заслуживают работы Е.Р. Ярской-Смирновой, представившей «инвалидность» как социальный конструкт, П.В. Романова, В.Н. Ярской [1], а также Э.К. Наберушкиной, развивавшей теорию мобильного гражданства инвалидов, проанализировавшей положение данной социальной группы в городской среде [4]. Особого внимания заслуживает институциональный подход к окружающей среде, где социальная уязвимость инвалидов связана с неустроенностью окружающей среды и несовершенством социальных институтов [5].

В данной статье автор использует средовой подход, ставший популярным в социологии во второй половине XX в., хотя до этого он разрабатывался П.А. Сорокиным [6]. Подход позволяет проанализировать взаимодействие человека и окружающих его сред, раскрывает внешние основания внутренней активности субъекта, дает понимание влияния среды на человека и человека на среду его жизнедеятельности [7]. Современник Сорокина Т. Парсонс отмечает, что «любой индивидуальный организм» содержит «результаты воздействия окружающей среды» [8, с. 4]. Среда является неотъемлемым атрибутом системы действия. Выделяются две категории факторов окружающей среды: «влияющие на ненаследственные свойства физического организма и обусловливающие элементы поведения, усваиваемые в процессе обучения». Через взаимодействие со средой проявляется самодостаточность общества, являющаяся по сути главной его функцией.

Говоря о влиянии социальной среды на инвалида, можно использовать подход П. Бурдье. Поскольку индивид включен во взаимодействие в различных социальных средах и принимает участие в их деятельности, он усваивает различные способы поведения и мышления, приобретая так называемый габитус – систему присущих индивиду «рутинных диспозиций мышления и действия, результирующую его знания и опыт» [9]. С таким габитусом он может действовать и естественно вести себя в социальной среде, т.е. независимо от сопровождающих ситуаций, которые общество/среда ему диктуют.

Следует отметить и экологический подход к социализации американского социального психолога У. Бронфенбреннера. Он представил модель среды как систему из четырех концентрических структур: макро-, экзо-, мезо- и микросистем [10]. Бронфен-

бреннер полагал, что макросистема играет важную роль в образе жизни человека, подчиняя себе все внутренние системы. Так, если политика государства не направлена на устранение барьеров окружающей среды, то городские объекты не будут удобны для использования или присутствия в них инвалидов, а соответственно, инвалиды будут депривированы. Однако в жизни мы видим, что среды пересекаются, многие проблемы сред разного уровня решаются по-разному в разных городах или даже районах города и зависят не только от государства, а более низких и гибких уровней власти, а часто от индивидуальных усилий активных граждан. Активистская социология подчеркивает, что людей, способных сопротивляться давлению среды, немного, однако даже инвалиды могут это делать.

Средовой подход является инструментом, позволяющим «приблизить» инвалида в момент его нахождения «в среде». С его помощью мы наблюдаем, что изменение среды ведет к изменению самого индивида. Безбарьерная среда, с точки зрения средового подхода, – это такая среда, в которой на всех уровнях индивид может вести независимую жизнь, на равных с другими принимать участие в политической, экономической и других сферах жизнедеятельности, иметь свободу выбора и беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры, возможность самому выбирать и управлять жизненными ситуациями [1]. Занятость и трудоустройство как один из аспектов среды также можно рассматривать с использованием этого подхода.

Наше исследование опирается на сведения, полученные на базе одного из центров социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Санкт-Петербурга. Центр осуществляет социальное обслуживание детей-инвалидов и инвалидов трудоспособного возраста. Большая часть сведений была получена методом включенного наблюдения, поскольку автор является сотрудником центра, а также методом анализа документов. Эта роль позволила принимать участие в повседневных трудовых практиках инвалидов, наблюдать и анализировать не только официальные дискурсы в отношении инвалидности, но и повседневную работу, возможности среды, действия, включая спонтанные поступки и реакцию всех участников проекта. Наблюдение проходило в рабочие часы участников проекта с 9.00 до 16.00 на протяжении 2 месяцев с сентября по ноябрь 2022 г. Значимые ситуации обсуждались с коллегами, что также помогало автору проанализировать действия реабилитантов.

Возможности проекта «Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста»

Проект, разработанный Комитетом по труду и занятости Санкт-Петербурга, явился площадкой для взаимодействия государства и НКО в вопросах трудоустройства инвалидов. Отметим, что проект является первым в своем роде. С 2018 г. работодателем-координатором является Городская (сейчас – Санкт-Петербургская) ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов (далее – ГАООРДИ) – одна из старейших НКО в городе. За годы ее существования удалось реализовать огромное число социальных проектов. В рамках социальной занятости ГАООРДИ создала на базе своей организации рабочую группу, в которую входит администратор, координатор-руководитель, инструктор по труду. Осуществляя взаимодействие с различными социальными учреждениями, в 2020 г. НКО предоставило 115 мест для трудоустройства инвалидов. Кроме непосредственной работы, для участников проекта проводились психологические консультации и тесты, позволяющие выявить профессиональные умения и навыки соискателей, а также их мотивацию к труду. При поддержке инструктора по труду инвалидам проще адаптироваться, понять собственные возможности и желания, влиться в коллектив. Город также подготовил оформленное портфолио и видео-портфолио для представления себя на открытом рынке труда для самых активных участников проекта.

Проект направлен на то, чтобы вовлечь в трудовую деятельность инвалидов с ментальными нарушениями и тяжелой патологией ОДА, поскольку именно эта группа является наиболее дискриминируемой на открытом рынке труда. Поэтому на рабочем месте человека с инвалидностью непрерывно сопровождает специалист ГАООРДИ, осуществляя значительную помощь путем формирования навыков, применяемых на практике. Такие помощники выполняют от 50 до 95 % функций профессии, осваиваемой человеком с инвалидностью, это может быть и лозоплетение, и делопроизводство, работа в мастерской по батику, столярной, керамической мастерской, работа по благоустройству и озеленению территории, сборка, упаковка и изготовление сувенирной продукции и другое. Такая поддержка помогает реабилитироваться как профессионально, так и психологически [11].

В 2020 г. одной из площадок по реализации программы «Социальная занятость инвалидов трудоспособного возраста» стал Центр социальной реабилитации инвалидов Петродворцового района, где совместно с Агентством занятости были отобраны молодые инвалиды, желающие принять участие в проекте. Важным условием участия в проекте было наличие инвалидности I или II группы с отметкой в Индивидуальной программе реабилитации и абилитации (далее – ИПРА) о том, что человек нуждается в трудоустройстве. Сформировалась группа из 10 человек с инвалидностью под присмотром сопровождающего – инструктора по труду.

Отметим, что это не первый опыт подопечных Центра – участников проекта трудоустройства.

Они и раньше пробовали себя в трудовой сфере, но спустя некоторое время (как правило, 1–2 месяца) увольнялись и возвращались на социальное обслуживание. Причинами являлись как недостаточная работа по мотивации клиентов со стороны сотрудников, так и отсутствие условий для комфортной работы на местах, несовпадение ожиданий с реальностью. Таким образом, уровень занятости и экономической активности инвалидов остается достаточно низким [12]. Причиной низкой мотивации инвалидов к труду также является заработная плата, которая в денежном эквиваленте приравнивается к получаемой инвалидом пенсии. При этом в случае официального трудоустройства размер пенсии значительно снижается, в отличие от участия в проекте. Кроме того, подопечные Центра не всегда подготовлены к тому, чтобы работать. Поэтому участие в проекте, где есть человек, который может оказать помощь в выполнении трудовой функции, было воспринято с энтузиазмом.

Плюсом проекта является и то, что инвалиды работают в Центре реабилитации, то есть там, где они привыкли находиться, фактически совмещая работу с реабилитацией и общением со своими друзьями. Так, участники проекта общались друг с другом в процессе работы и часто звучали такие слова, как «нетрудно», «справлюсь». Периодически слышался смех, что говорит о том, что участники находились в привычной им среде, работали комфортно и с удовольствием. День участников проекта начинался с физкультминутки, затем они получали задание от старшего по площадке Центра. Основная работа состояла в озеленении и благоустройстве территории, поддержке чистоты в Центре и на прилегающей территории. Трудовой отряд занимался уборкой листвы, прополкой, удалением сорняков под декоративными кустами, посадкой растений и уборкой территории. Участники проекта выполняли свои обязанностями с большим энтузиазмом, говорили, что эта работа дала им возможность почувствовать себя нужными. Больше всего нравилось работать вместе, при этом задания инструктором по труду подбирались индивидуально, под возможности каждого реабилитанта. Прогулов не наблюдалось, однако были дни, когда кто-нибудь из участников проекта, ссылаясь на плохое самочувствие или плохую погоду, хотел остаться дома. В таких случаях заведующий отделением, клиентом которого являлся участник проекта, долго беседовала с ним или с его родителями, искала подход и в конце концов человек приходил, ну а уже увлеченный работой забывал о своем нежелании. Работа длилась с 9.00 до 16.00, с перерывом на обед. Обедали также все вместе. Работодатель (ГАООРДИ) обеспечил Центр инвентарем для работ и курировал ход работ. Поскольку среда, в которой находились люди с инвалидностью, не поменялась – то же место и окружение – работа проходила комфортно и без стресса.

Проект настолько понравился всем участникам, что было предложено повторить подобную практику. Трудовой отряд снова начал свою деятельность в августе 2021 г. и в апреле 2022 г. (сроком на 3 месяца). Также получатели социальных услуг в Центре высказали предложение расширить условия участия в проекте с охватом клиентов, имеющих и третью группу инвалидности поскольку зачастую инвалиды и с этой группой также имеют трудности с трудоустройством.

Благодаря проекту в Санкт-Петербурге в 2020 г. на 27 площадках создано 302 рабочих места для людей с инвалидностью, при этом работу и финансовую самостоятельность, по словам авторов проекта, получили 368 человек. Нередко участников социальной занятости трудоустраивают на неполный рабочий день, учитывая состояние здоровья, поэтому на одно место может быть трудоустроено несколько человек. Конечно, учитывая, что заработная плата инвалида составляет примерно 17 тыс. руб., вопрос о полной финансовой самостоятельности остается открытым. На первый план выходит возможность быть нужным, приносить пользу обществу, учиться ответственности и дисциплине и приобретать навыки, которые пригодятся в дальнейшем. Многие инвалиды, овладев новыми навыками, имеют желание трудоустроиться на открытом рынке труда [11]. Предварительно со всеми участниками проекта проводит работу психолог, в беседе узнает потребности человека, готовность его трудоустроиться и уже по результатам для него создается или не создается портфолио, которое в дальнейшем способствует успешному поиску вакансий. Так, с 2019 по 2021 гг. после участия в проекте трудоустроилось 44 чел.

К основным трудностям, с которыми сталкиваются инвалиды в трудовой среде, относятся недостаток опыта и образования, трудности в связи с состоянием здоровья и нежелание работодателя принимать на работу человека, имеющего ограничения [13]. Данный проект также устраняет эти трудности. Недостаток опыта и образования, трудности в связи с состоянием здоровья компенсирует выполнение несложных работ, а нежелание работодателя принимать на работу инвалида уже имеет второстепенный характер – работодателем является НКО, и проект изначально рассчитан на людей с ограничениями жизнедеятельности.

В проекте мы увидели попытку реализации комплексного подхода к решению проблемы трудоустройства инвалидов с ментальными нарушениями и патологиями ОДА – создание благоприятной среды, в которой им комфортно трудиться, при этом не нужно преодолевать многочисленные барьеры и препятствия на пути к рабочему месту. За счет этого снижаются психологические барьеры, человек чув-

ствует себя полноценным членом общества, способным приносить пользу. Это является главным плюсом проекта. Организаторы смогли объединить доступность трудоустройства и окружающей среды в одном проекте. Может сложиться впечатление о создании «тепличных условий» для людей с инвалидностью в вопросах занятости. Однако проект направлен на людей с тяжелыми патологиями ОДА и ментальными нарушениями, т.е. на наиболее уязвимую группу в вопросах занятости – для таких людей, а также их родственников проект является возможностью обеспечить себя, получить новые навыки и, возможно, попробовать в дальнейшем выйти на открытый рынок труда.

Также отмечается недостаточная подвижность государственной системы, ее неумение координировать задачи, взаимодействовать с НКО, отсутствие на местах грамотного руководства. С одной стороны, государство заинтересовано в привлечении НКО к осуществлению социальных услуг, но с другой – воспринимает их как конкурентов и формирует многочисленные преграды на пути к осуществлению проектов. Для развития социального предпринимательства необходимо ограничить монополизм государства в решении социальных вопросов [14]. За счет привлечения НКО в качестве работодателя-координатора на конкурсной основе с предоставлением субсидий государство снижает свою нагрузку. Однако тот факт, что на протяжении почти трехлетнего опыта реализации проекта ГАООРДИ остается единственным работодателем-координатором, говорит о том, что другим НКО пока сложно конкурировать в этой области.

В последнее время тенденцией становится удаленная занятость, доступная многим людям с инвалидностью. Она обладает многими плюсами – свободный график, комфортное место приложения труда, кроме того, работодателю не нужно создавать особые условия для труда инвалида и т.д. Это является хорошей альтернативой для тех, кто не может осуществлять стандартные практики трудоустройства. Однако даже в таком доступном трудоустройстве некоторые, например, люди с ментальными нарушениями все равно оказываются на периферии. В этом случае подобный проект социальной занятости дополняет стандартные и дистанционные практики трудоустройства инвалидов.

Литература:

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 44–55.
2. Федеральный реестр инвалидов // Занятость инвалидов. – URL: https://sfri.ru/analitika/zanyatost/zanyatost?territory=undefined (дата обращения: 01.08.2021)
3. Шабунова А.А, Фахрадова Л.Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 6 (48). – С. 126–142.
4. Наберушкина Э.К. Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города: дисс. ... док. соц. наук. – Саратов, 2013. – 411 с.
5. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Маломобильные горожане как получатели и субъекты социальной помощи в период пандемии COVID-19: по данным социологического опроса // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 63. – С. 145–152.
6. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia, 2005. – 588 с.
7. Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Средовый подход как методологическое основание научного анализа доступности социальных сред для людей с инвалидностью // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 10 (2-2). – С. 50–57.
8. Парсонс Т. О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч. 2 / Сост и общ. ред. С.П. Баньковский. – М.: Университет, 2002. – 424 с.
9. Бурдье П. Структура, габитус, практика. – URL: http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html (дата обращения: 01.08.2021).
10. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 352 p.
11. Комитет по труду и занятости // Социальная занятость инвалидов. – URL: http://rspb.ru/trudoustrojstvo-invalidov/socialnaya-zanyatost-invalidov/ (дата обращения: 01.08.2021).
12. Новожилова О.А. Проблемы молодых инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – № 7 (1). – С. 76–87.
13. Максимова М.Н., Миршарипова Э.А. Проблемы трудоустройства молодых инвалидов // Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии. – 2021. – № 1. –С. 90–94.
14. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 19 (1). – С. 7–22.

Environmental Approach to the Analysis of Employment of Disabled Persons on the Example of Social Employment

Novozhilova O.A.
St. Petersburg State University,
Center for Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children in the Petrodvorets district of St. Petersburg

Employment is one of the main problems of persons with disabilities on the way to a full social life. Accessibility, barrier-free environment are considered by the author as synonyms and as conditions for a full and independent life of people with disabilities. The accessibility of employment largely depends on the state and NGOs that implement employment opportunities for persons with disabilities. The state of this social group, its position in the social structure of society depends on how accessible the environment is. The article attempts to combine such topical topics of social policy as an accessible environment and employment of persons with disabilities, analyzes the pilot project "Social employment of disabled people of working age". The purpose of this article is to analyze the solution to the problems of social inclusion through the availability of employment. By the method of included observation, information was collected on social employment implemented at one of the sites of St. Petersburg – the Center for Social Rehabilitation of Disabled Persons and Disabled Children.

Key words: accessible environment, environmental approach, accessibility, employment, social employment, disabled person

УДК 316.346.32

Особенности досуга студенческой молодежи 1990 – 2000-е гг. (по материалам социологических исследований)

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева,
профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования связана с трансформацией формальных и неформальных досуговых потребностей в постсоветский период развития России, когда в отечественных реалиях наблюдается умножение вариантов проведения молодыми людьми свободного времени. Цель исследования состоит в выявлении изменений, произошедших в досуговой деятельности студенческой молодежи в 1990–2000-е гг. Осуществлено раскрытие содержания понятия «досуг». Обозначены векторы трансформаций, с которыми столкнулось российское общество в представленные хронологические рамки. Приведены основные отличительные характеристики жизнедеятельности студенческой молодежи. На основе обобщения результатов проведенных социологических исследований выявлены связи досуга с другими сферами общественной жизни, главным образом с экономикой. Научная новизна проведенного исследования определяется в предложении авторской трактовки досуга и уточнении социологического содержания изменений досуговых практик российской студенческой молодежи в 1990–2000-е гг., что позволяет выявить существенные факторы, оказывающие влияние на трансформацию предпочтений по поводу организации свободного времени представителями данной социальной группы.

Ключевые слова: досуг, молодежь, студенты, экономический кризис, хобби, общество

В конце минувшего столетия Россия пережила внушительный перечень глубинных онтологических трансформаций, которые коренным образом трансформировали все аспекты человеческой жизнедеятельности. Так, начавшись с политико-правовой сферы, изменения затронули экономику и конституировали для российского социума целый ряд качественно новых реалий, в том числе погрузив индивидов в иные варианты и формы организации и проведения досуга.

Самоочевидно, что изменения досуговой деятельности главным образом затронули студенческую молодежь, которая является такой социально-демографической группой, которая одновременно является «проводником инноваций» и мгновенно реагирует на малейшие сдвиги в общественной жизни, а также легко адаптируется к модификации условий, встраиваясь в качественно иные координаты социальных взаимодействий. Следует отметить, что проблема исследования особенностей досуга студенческой молодежи не нова в научной литературе. Вместе с тем, изменения настолько масштабны и динамичны, что ни одна работа не способна охватить все аспекты изменений, а заявленная проблематика, пожалуй, не может утратить актуальности. Под влиянием усиления процессов глобализации, демократизации, цифровизации полностью изменился традиционных уклад жизни, распалась иерархия аксиологем, которая на протяжении десятилетий направляла развитие общества и государства, появились новые формы проведения досуга, тогда как бывшие когда-то традиционными и устоявшимися способы проведения свободного времени утратили свою значимость. В рамках данного исследования

предполагается выявить наиболее значимые аспекты изменения досуговой деятельности студенчества как особой социально-демографической группы, ведущим видом деятельности которой является образовательная, на протяжении 1990–2000-х гг.

Целью исследования выступает изучение изменений особенностей досуговой деятельности студентов. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1990-х по 2000-е гг. В качестве материалов для изучения использовались результаты проведенных ранее социологических опросов, исследований, то есть нами осуществляется вторичный анализ данных.

Для начала остановимся на выявлении содержания понятия «досуг» в современной научной литературе. В работах К. Маркса под ним понимается «свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» [1, с. 221]. Е.И. Дробинская полагает, что досуг «буквально означает возможность что-то совершить, т.е. это деятельность, посредством которой человек восстанавливает способность к труду и самосовершенствованию» [2, с. 7–8].

Досуг может рассматриваться как «многомерный общественный феномен, как концепцию формирования, сбережения, популяризации и потребления нравственных ценностей, общепризнанных этических норм, познаний, а также различных символов и значений» [3, с. 12], как осуществление личностью незанятого времени в соответствии со сложившимися традициями и практиками [4]. Ранее на основании анализа ряда дефиниций нами была осуществлена концептуализация понятия «досуговые практики», которое в данном исследовании используем по аналогии с термином «досуг» – «реализуемая в свободное время и некоторой социокультурной среде индивидом или группами активность, не связанная с основной деятельностью, направленная на саморазвитие и увеличение творческого потенциала и способствующая более точному пониманию людьми собственной идентичности» [4, с. 29].

90-е гг. прошлого столетия были сложным периодом для всех социально-демографических групп российского населения и прежде всего для детей и молодежи. Распад СССР сопровождался демонтажем системы социальных и образовательных институтов, которые во многом занимались организацией досуговой деятельности подростов и юношей. Как отмечают исследователи, «в трудный для страны 1991 г. страна столкнулась с социально-политическими потрясениями, будущее выглядело неопределенным, этому предшествовал период экономического застоя и перестройки» [5]. В условиях экономического кризиса, материальных трудностей, с которыми сталкивалось большинство российских семей в это время, родители чаще всего полностью посвящали себя работе, что не оставляло времени для должного воспитания детей. В сложившихся условиях молодежь оказалась предоставлена сама себе: «Если в доперестроечные годы государство все-таки находило средства и могло еще как-то удовлетворять определенные досуговые интересы и потребности молодежи в рамках бесплатных секций и кружков, то всеобщая коммерциализация сферы досуга и отдыха в наше время просто лишила людей этой возможности» [6, с. 65]. Внедрение платных услуг в досуговую сферу в условиях экономического кризиса не способствовало повышению разнообразия досуга.

Ситуация усугублялась тем, что прежние ценности утратили свою значимость, на их место пришли новые, «заимствованные» аксиологемы, которые не всегда отвечали личностным потребностям, но при этом активно пропагандировались посредством СМИ. Этот период, безусловно, стал одним из наиболее сложным для российской молодежи, временем расцвета деструктивных субкультур, распространения в их среде негативных явлений наркотизации, алкоголизма, курения, проституции. При этом еще сохраняется влияние прежней системы ценностей, в частности, спорта и ЗОЖ, физического здоровья молодых людей, на важность занятий физкультурой в это время указывает 27 % респондентов [5].

Досуговая деятельность молодых людей в условиях экономического кризиса (как, впрочем, и не досуговая) была связана со стремлением «заработать», получить прибыль, «делать деньги» (на что указали 40% опрошенных), при этом сама работа, производственные процессы особой привлекательностью в глазах изучаемой социальной группы не обладали. Основным требованием к молодым людям этого периода являлось трудолюбие, на что указывали 62 % опрошенных россиян, еще 29 % респондентов выражали желание, чтобы молодые люди были способны самостоятельно обеспечить себя в материальном плане [5]. Во многом полученные результаты объяснялись объективными факторами, 78 % респондентов того времени считали, что основную причину, которая усложняет жизнь молодых людей, составляют материальные трудности [5]. Как пишут исследователи, «снижение уровня жизни населения в целом по стране не могло не сказаться на формах использования времени молодежью, в том числе и на структуре ее досуговой деятельности» [7, с. 144]. Уровень доходов молодых людей стал оказывать влияние на особенности проведения свободного времени: чем выше доход, тем разнообразней досуг.

В целом же в условиях внедрения платных услуг в досуговой сфере в ситуации экономического кризиса стало происходить «одомашнивание» свободного времени, преобладание пассивных форм его

проведения над активными. Последние зачастую были связаны с дополнительными тратами, что не могла себе позволить значительная часть молодых людей. Сложное финансовое положение, в котором оказалась рассматриваемая социально-демографическая группа, обусловило и характер взаимодействия между людьми. В частности, одной из распространенных форм досуговой деятельности 90-х гг. прошлого века являлись визиты к друзьям, знакомым и родственникам или же приглашение к себе в гости. При этом важнейшее место в разговорной повестке отводилось обсуждению роста цен, очередей, товаров, 43 % россиян сказали, что поднимают названные проблемы в разговорах с друзьями [8].

Соответственно, в качестве отличительных особенностей жизнедеятельности молодых людей этого периода следует назвать следующие:

1. В условиях экономического кризиса, распада прежней системы ценностей, перестройки системы производственных отношений жизнедеятельность молодых людей, как, впрочем, и превалирующего числа других социально-демографических групп, была подчинена необходимости заработка, повышения уровня материального благосостояния. В свою очередь, производственная деятельность не обладала привлекательностью для молодых людей.

2. Негативное влияние на развитие досуговых практик оказало внедрение услуг на коммерческой основе, что привело к «одомашниванию» досуга, преобладанию пассивных форм над активными, поскольку последние часто были не «по карману» большинству молодых людей. В это время материальный уровень начинает определять досуг: чем выше доход, тем разнообразнее варианты организации и проведения свободного времени. Усиливается тенденция к стратификации молодежи как социально-демографической группы.

3. В молодежной среде отчетливо проявляются отрицательные маркеры: увеличение наркотизации, алкоголизма, курения, проституции, формирование асоциальных и антисоциальных субкультур и течений.

4. В качестве позитивных тенденций указанного периода следует назвать стремление к занятиям физкультурой и спортом. Кроме этого, в условиях отсутствия определенности, «отеческой» заботы государства молодые люди столкнулись с необходимостью проявления активности и инициативности.

2000-е гг., как и предыдущее десятилетие, были сложным переходным периодом, когда общество приспосабливалось к новым условиям жизнедеятельности. Нельзя не сказать, что определенная стабилизация общественной жизни состоялась, но в целом молодежь середины 90-х и середины 2000-х гг. практически не отличалась. При этом хотелось бы отметить, что названная постепенная стабилизация общества сопровождается снижением привлекательности асоциального или антисоциального образа жизни в глазах молодых людей. В частности, опросы 2005 г. позволяют сделать вывод, что в это время формируется «медицинский» подход к пониманию наркомании, 37 % опрошенных полагали, что наркомания – болезнь и ее приверженцы нуждаются в квалифицированной помощи [9]. При этом еще 37 % респондентов полагали, что наркомания – социальная проблема и «лечить» нужно само общество [9]. Восприятие наркомании как социальной проблемы больше чем третью молодых людей наглядно отображает, с какими вызовами, проблемами и рисками столкнулось российское общество. Вместе с тем то, что больше двух третей респондентов считают наркоманию проблемой (вне зависимости – медицинской или социальной), позволяет сделать вывод о снижении привлекательности подобного образа жизни в глазах молодежи, соответственно, о меньшей вовлеченности в деструктивные течения.

Важно отметить, что на данном этапе исторического развития 35 % молодых людей отводят спорту видное место в их жизни [6, с. 65], т.е. сохраняется сложившаяся в советской образовательно-воспитательной системе практика приобщения к физкультуре и спорту. Однако в условиях коммерциализации данного вида досуговой деятельности лишь треть студентов систематически занимаются данной практикой [7, с. 144]. Сохраняется тенденция «одомашнивания» досуга, что объясняется дороговизной активных форм досуговой деятельности, в результате чего преобладающими остаются пассивные. Музеи и выставки на данном этапе посещают лишь 14,2 % респондентов. Низкой оставалась активность занятий в клубах по интересам, вовлеченности в техническое творчество, художественную самодеятельность – регулярно к этим видам досуга прибегали 16,3 и 15,8 % респондентов. В свою очередь похвастать регулярным посещением театров могли лишь 9,3 % респондентов [7, с. 144].

В целом по поводу досуга молодежи в 2000-х гг. можно сделать следующие выводы:

1. Постепенная стабилизация российского общества сопровождается снижением привлекательности асоциального и антисоциального образа жизни в глазах молодых людей, что сопровождается меньшей вовлеченностью в негативно маркируемые субкультуры и течения;

2. В условиях постепенной стабилизации общества материальные факторы начинают оказывать меньшее влияние на поведение молодых людей, постепенно формируются ориентации на занятия творческой деятельностью, получение интересной работы.

Проанализированные результаты социологических исследований позволяют сделать вывод, что на протяжении заявленного периода российскому обществу и государству удалось минимизировать сложную и по-настоящему кризисную ситуацию

1990-х гг., когда досуговая деятельность была подчинена цели «заработка денег», а на характер выбора форм организации и проведения свободного времени приоритетное влияние оказывал фактор дохода. Начиная с 90-х гг. прошлого столетия, досуговая деятельность стала «одомашниваться», молодые люди делали выбор в пользу пассивных форм, которые не требовали больших затрат. В 1990-х гг. одомашнивание досуга было связано со сложным материальным положением молодых людей, начиная с 2000-х гг. – с проникновением информационно-коммуникационных технологий. Главным достижением 1990-х гг. стало формирование инициативности и активности молодых людей, указанные качества выступают востребованными и по сегодняшний день, что приводит к повышению образа предпринимательства в молодежной среде и находит свое отражение в монетизации хобби. В целом можно сделать вывод, что к завершению исследуемого периода у студентов формируется мотивация к занятиям творчеством и получению интересной работы, то есть стремление «заработать деньги» не уходит, но модифицируется, переставая играть ведущую роль выборе профессии или хобби.

9Литература:

1. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. – Т. 46, ч. 2. – М.: Госполитиздат, 1969. – 618 с.
2. Дробинская Е.И. Свободное время и развитие личности. – Л., 1983. – 89 с.
3. Журик Т.С., Шерстюкова Е.А. Роль организации досуга в развитии личности студента на примере Белгородской области // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 11–18.
4. Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Концептуализация понятия «досуговые практики» в современной социологии // Социодинамика. – 2023. – № 2. – С. 20–32.
5. Какой мы хотим видеть молодежь? // ВЦИОМ. – 23.06.2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring
6. Прозорова Д.В. Трансформация форм проведения досуга молодежи в условиях постиндустриального общества // Смоленский медицинский альманах. – 2015. – № 3. – С. 64–68.
7. Арямов А.В., Арямова Т.В. Досуг российской молодежи: динамика последних десяти лет // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. – № 5. – С. 142–148.
8. А не пойти ли нам в гости? // ВЦИОМ. – 4.07.2022. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/a-ne-poiti-li-nam-v-gosti
9. Наркотическая зависимость: мониторинг // ВЦИОМ. – 26.06.2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring

Peculiarities of Leisure Time for Student Youth in the 1990s – 2000s. (Based on Sociological Research)

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is related to the transformation of formal and informal leisure needs in the post-Soviet period of Russia's development, when in domestic realities there is an increase in options for how young people spend their free time. The purpose of the study is to identify changes that occurred in the leisure activities of student youth in the 1990s-2000s. The content of the concept of "leisure" has been disclosed. The vectors of transformations that Russian society has encountered within the presented chronological framework are indicated. The main distinctive characteristics of the life activity of student youth are given. Based on a generalization of the results of sociological research, connections between leisure and other spheres of public life, mainly with the economy, have been identified. The scientific novelty of the study is determined by the proposal of the author's interpretation of leisure and clarification of the sociological content of changes in the leisure practices of Russian students in the 1990s-2000s, which makes it possible to identify the leading factors influencing the transformation of preferences regarding the organization of free time by representatives of this social group.

Key words: leisure, youth, students, economic crisis, hobby, society

УДК 316.1:004

Оценка эффективности применения цифровых технологий для сбора и обработки социологических данных: критериальный подход

Толкачева Е.В.
Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социального анализа
и математических методов в социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Распространение цифровых технологий способствует развитию научных знаний в различных областях, связанных со сбором данных, включая социологию. В то же время наблюдаются противоречия, заключающиеся в необходимости ускорения процессов сбора и анализа социальных данных, с одной стороны, при обеспечении высокого качества получаемых данных, а также защиты от потенциальных рисков и угроз, связанных с использованием цифровых технологий, с другой стороны. Данная работа направлена на углубление понимания того, как цифровые технологии могут быть включены в традиционные методы опроса, анализа документов и наблюдения. В результате проведенного исследования были определены критерии оценки эффективности цифровых технологий, используемых при сборе и анализе социологических данных. Выделены основные этапы и процедуры методики оценки эффективности.

Ключевые слова: эффективность, цифровые технологии, социологическое исследование, кибербезопасность, сбор и обработка данных

Применение цифровых технологий способствует совершенствованию процессов автоматизированного сбора и обработки социологических данных. Автоматизация позволяет не только освободить социологов от непосредственного участия в рутинном процессе обработки данных, но может рассматриваться также как способ сокращения времени и материальных ресурсов, затрачиваемых для сбора данных в прикладной социологии. Появление большого количества цифровых технологий и прикладного программного обеспечения, которые могут быть использованы социологами для сбора и обработки данных, создает ситуацию некоторой «растерянности» перед обилием новых методов в процессе принятия решения о выборе средств познавательной деятельности [1].

Важным является тот факт, что сбор и обработка социологических данных с помощью цифровых технологий должны учитывать существующие требования к качеству данных. В данном случае значимым является то, насколько используемый цифровой инструмент позволяет получить устойчивые и достоверные данные, способствует сокращению количества пропусков и искажений в них, в том числе путем соблюдения требований кибербезопасности.

Цель данного исследования – определить критерии оценки эффективности цифровых технологий, используемых при сборе и анализе социологической информации. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступили работы отечественных и зарубежных авторов в области цифровых технологий и методологии социологического исследования. В ходе исследования были использованы методы сравнительного анализа, обобщения, формализации, конкретизации.

Определимся с используемыми в статье терминами и их трактовками. Цифровые технологии характеризуются нами по способу передачи данных в виде последовательности битов – нулей и единиц. При этом цифровые технологии включают в себя не только цифровые устройства, способные принимать и обрабатывать цифровой сигнал, но и прикладн-

ные компьютерные программы, которые содержат основные алгоритмы операций с данными. Соответственно, тогда, когда речь идет о применении цифровых технологий в процессах сбора и обработки социологических данных, в первую очередь ставится вопрос, связанный с выбором цифровых устройств и прикладных программ, решающих поставленные исследовательские задачи на требуемом уровне качества и с меньшими затратами. То есть встает вопрос выбора наиболее эффективного способа организационно-технологического обеспечения процесса сбора и обработки социологических данных с помощью прикладных методов социологического исследования, таких как опрос, анализ документов, наблюдение.

Виды цифровых технологий, используемых в процессе сбора и обработки социологических данных, можно отнести к группе технологий так называемого «человеко-машинного взаимодействия» [2]. Это – системы распознавания образов, распознавания и синтезирования речи, автоматического транскрибирования аудио. Составляющими компонентами данных систем являются устройства сбора данных: камеры, микрофоны, сканеры, датчики.

В данной статье рассматривается эффективность цифровых технологий, которые могут быть использованы в ходе наблюдения, экспертного опроса, анализа документов, интервьюирования, анкетирования. Эффективность цифровых технологий в контексте данной статьи трактуется как характеристика, обозначающая свойство цифровых технологий, используемых для сбора и обработки социологических данных, предполагающее соотношение между достигнутыми результатами и затраченными временными, материальными и трудовыми ресурсами. Обозначает способность достижения целей социологического исследования с заданным качественным уровнем, которое обеспечивается в том числе путем соблюдения требований кибербезопасности.

Каждый из социологических методов сбора данных предполагает, как правило, интеграцию нескольких цифровых технологий. Так, метод наблюдения может быть реализован с помощью интеграции систем распознавания образов, распознавания речи и транскрибирования аудио – с использованием микрофонов, камер, датчиков. Применение метода экспертного опроса предполагает использование систем распознавания и синтезирования речи, транскрибирования аудио, а также микрофонов и аудиоколонок. Метод анализа документов – систем распознавания образов и сканера.

Проведем сравнительный анализ эффективности цифровых технологий в процессах сбора и обработки социологических данных. Эффективность цифровых технологий предполагает соответствие собранных данных требованиям достоверности и полноты, которые обеспечиваются в том числе путем предотвращения нарушений технологий обработки данных, отказов и сбоев цифровых устройств, ошибок в работе используемых прикладных программ.

Для количественной оценки эффективности применения цифровых технологий необходимо обозначить критерии, которые позволяют оценить достигнутые результаты и понесенные затраты. Основой для формирования критериев выступают требования, предъявляемые к качеству собранных данных. Методика оценки эффективности цифровых технологий основана на сравнительном анализе экономичности применяемых технологий. Порядок оценки эффективности включает в себя три этапа.

Первый этап предполагает проведение пилотажного исследования с использованием двух процедур сбора и обработки данных: с применением цифровых технологий и без них. В ходе данного этапа фиксируются основные временные, материальные и трудовые затраты по каждой процедуре сбора и обработки социологических данных в отдельности.

Второй этап включает в себя оценку качества собранных и обработанных данных с последующим кодированием полученных результатов. Полученные результаты характеризуются по критериям полноты и достоверности следующим образом:

код 01 присваивается, если данные не распознаны, система выдала ошибку распознавания либо данные неверны более чем на 50% независимо от полноты распознавания;

код 02 – данные частично распознаны, частично с ошибками;

код 03 – данные распознаны в пределах 50 %, распознанная часть содержит до 5 % ошибок;

код 04 – данные распознаны в пределах 95 % и более, распознанная часть содержит до 5 % ошибок;

код 05 – полнота распознавания данных и количество ошибок распознавания до 5 %.

На третьем этапе проводится сравнительный анализ затрат на сбор и обработку социологических данных с применением цифровых технологий. Затраты на применение цифровых технологий при сборе данных состоят из задействованных временных, материальных и трудовых ресурсов. При оценке эффективности применения цифровых технологий затраты необходимо сопоставить с затратами, которые были понесены при использовании социологического метода без цифровых технологий. Структура временных затрат включает в себя время, необходимое для оценки эффективности применения цифровой технологии на пилотажном этапе социологического исследования, времени сбора и обработки данных, а также времени, затраченном на исправление созданных ошибок и устранение возможных сбоев в работе цифровых устройств и прикладных программ. Необходимо отметить, что в результате проведенного сравнительного анализа

могут быть сделаны выводы, что затраты на применение цифровых технологий превышают затраты при использовании традиционной процедуры сбора и обработки данных. Оптимальным же можно считать затраты до 50 % от затрат, понесенных при использовании традиционных методов. Для оценки эффективности применения той или иной цифровой технологии полученные результаты и затраты, связанные с ее использованием, сопоставляются друг с другом. Если затраты ниже 50 % относительно затрат на применение классических методов, а также если собранным и обработанным данным был присвоен код 04 или 05, то применение цифровых технологий можно считать достаточно эффективным.

Опишем возможные причины низкой эффективности цифровых технологий при сборе и обработке социологических данных. Применение систем распознавания образов предполагает риски получения недостоверных и неполных данных в случае неисправности камеры или шумов во внешней среде. Часть информации может быть искажена вследствие неверного расположения объекта исследования, плохого освещения, дефекта печати бумажных документов или ее низкого разрешения, геометрического искажения. Могут возникать сложности в распознавании сленговых фраз и неформального языка. Плохо распознаются: художественные шрифты; вертикальный текст, анкеты, где каждый символ пишется в отдельной ячейке; очень крупный текст, например, когда одно слово занимает половину изображения [3]. Также системы могут содержать ограничения по работе с файлами. Так, например, большинство систем успешно распознает файлы форматов *jpeg, png* и *pdf* с размером файлов не больше 20 MB и не больше 300 страниц в файле.

При использовании системы распознавания речи следует учитывать, что вид опроса может влиять на достоверность собранной информации. В случае массового опроса формулировки вопросов ориентированы на различные группы респондентов, в связи с чем в словарях системы распознавания речи может быть достаточное количество примеров для успешного распознавания. Гораздо сложнее обстоит ситуация с экспертным опросом, который предполагает применение специальной терминологии, что влияет на точность распознавания речи эксперта. Качество звука, темп и четкость произношения могут негативно сказываться на конечном результате распознавания текста [4]. Речь может содержать неоднозначные или нечеткие выражения, которые могут затруднить их распознавание. Например, одно и то же слово или фраза могут иметь разные значения в разных контекстах. У системы распознавания речи могут возникнуть трудности в определении правильного значения и интерпретации таких выражений.

Системы синтезирования речи могут выдавать ошибки вследствие неверного распознавания, полученного от респондента сообщения и генерирования неверного отклика. Похожая проблема может возникнуть и в случае применения системы автоматического транскрибирования аудио.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов. Применение цифровых технологий в процессах сбора и обработки социологических данных не всегда может способствовать снижению затрат времени и количества ошибок данных. Одним из этапов оценки эффективности является фиксация затрат на процессы сбора и обработки данных с применением цифровых технологий. Предложенная в статье методика оценки эффективности цифровых технологий предполагает сопоставление результатов сбора и обработки данных с результатами, полученными традиционными методами с помощью ручного сбора и ввода данных. Использование любых цифровых технологий актуализирует вопросы, касающиеся соблюдения требований кибербезопасности в части сохранения целостности и достоверности собранных и обработанных данных. Применение цифровых технологий в социологических исследованиях может быть достаточно эффективным. В то же время сохраняется множество неурегулированных вопросов этического, правового, экономического, процедурного и инфраструктурного плана, что может быть предметом дальнейших научных исследований, обсуждений и дискуссий.

Литература:

1. Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 3–12.
2. Доронин А.М., Романов Д.А., Романова М.Л. Человеко-машинное взаимодействие и его показатели // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 244–249.
3. Измалкова А.И. Задача визуального распознавания слов при чтении на родном и на иностранном языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2014. – № 16 (702). – С. 34–41.
4. Бабаринов С.Л., Будникова М.А. О распознавании речи // Экономика. Информатика. – 2014. – № 21-1 (192). – С. 182–185.

Assessing the Efficacy of Utilizing Digital Technologies for the Collection and Processing of Sociological Data: a Criterion-Based Approach

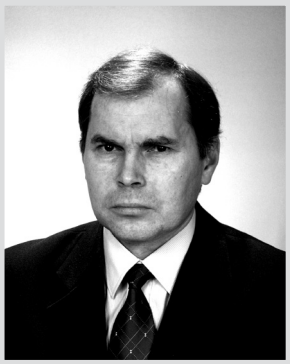
Tolkacheva E.V.
Saint Petersburg State University

The development of digital technologies contributes to the development of scientific knowledge in various fields, including sociology. But there is a contradiction, which lies in the need to accelerate the collection and processing of sociological data while maintaining the high quality of the data obtained, as well as protection from potential risks and threats associated with the use of these technologies. This research provides a deeper understanding of how digital technologies can be integrated into traditional methods of interviewing, document analysis and surveillance. As a result, criteria for evaluating the effectiveness of digital technologies used in the collection and analysis of sociological data were determined. The main stages and procedures of the effectiveness assessment methodology are highlighted.

Key words: efficiency, digital technologies, sociological research, cyber security, data collection and processing

УДК 316.4

Этика науки как фактор развития формально-рационального предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи республик Марий Эл и Татарстан)



Тюленев А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

Валеева А.Ф.
Доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

Сафиуллина Ф.Р.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Актуальность темы исследования заключается в обращении авторов к проблематике научной этики в сфере предпринимательства, которая в современных условиях развития экономики России остается малоизученной областью знаний. Целью представленной работы является исследование взаимосвязи этики науки и формальной реализации предпринимательства, что предполагает решение ряда задач, а именно: определение степени внедрения постулатов научной этики в сознание предпринимателей и на основе полученных результатов отслеживание изменений, происходящих в деловой практике предпринимательских сообществ. Именно в этом состоит научная и практическая значимость данной работы: опираясь на теоретические подходы, изложенные в трудах классиков социологии – Макса Вебера, Роберта Мертона, исследователи показывают взаимосвязь научной этики с политикой, экономикой, религией, то есть теми сферами социальной жизни, где деловая, предпринимательская активность имеет место. Основные результаты и выводы исследовательской работы, отраженные в статье, вытекают из результатов проведенного социологического исследования среди студенческой молодежи двух соседствующих республик – Татарстана и Марий Эл. Ценность проведенного исследования заключается в выявлении позитивного влияния научной этики на развитие предпринимательства и определении степени проникновения этики науки в сознание предпринимателей. Новизна предпринятого исследования заключается в самой постановке вопроса: насколько этика науки про-

никла в сознание предпринимателей двух республик и обращении с этим вопросом к передовой части молодежи – студенчеству, которое в скором времени даст не только теоретические размышления на этот счет, но и на деле реализует полученные в стенах вуза навыки предпринимательской активности.

Ключевые слова: наука, научная этика, рациональность, формальная рациональность, предпринимательство, формально-рациональное предпринимательство

В год 160-летия со дня рождения Макса Вебера как нельзя актуальными представляются его идеи, касающиеся взаимосвязи научной этики и предпринимательства, общим знаменателем которых выступает формальная рациональность. Эти идеи, на наш взгляд, не до конца осмыслены и поняты отечественными гуманитариями, живущими, как им кажется, в обществе постмодерна. В отличие от них, авторы статьи придерживаются более осторожного мнения, полагая, что российское общество лишь вступает на стезю современного развития, где доминирует формально-рациональный способ жизни, научной и предпринимательской деятельности. Некоторые аспекты поставленной в статье проблемы затронуты в более ранней работе, посвященной данной тематике [1].

Одним из видных исследований великого немецкого социолога является его работа «Наука как призвание и профессия», в которой намечены контуры научной этики как особой этической системы, во многом отличной от этосов других сфер, областей и видов профессиональной деятельности. Свойственный ученому рационализм, отмечает Вебер, должен подсказать ему простую и понятную мысль – наука и политика суть разные вещи, их нельзя смешивать или подменять в процессе образовательной деятельности, четко отделяя зерна от плевел, особенно при обращении к таким серьезным темам, как этика науки и предпринимательство.

Немецкий социолог прямо указывает, что преподавателю не следует заниматься в аудитории политикой, каких бы политических убеждений он не придерживался. Даже если ученый рассуждает о политических явлениях, к примеру, о демократии, он не имеет права навязывать свою позицию студентам. Но ясно выразить свою точку зрения он обязан, в этом состоит его долг и неприятная обязанность. Задача ученого делиться со студентами научными знаниями и опытом ведения научной деятельности, а не политическими предпочтениями [2, с. 721–722].

Рассматривая проблему взаимосвязи науки с экономикой в контексте теории рационализации всякой вообще человеческой деятельности, Вебер отводил науке важную роль в развитии предпринимательства. Наука, по его мнению, стала одним ведущих факторов эволюции предпринимательства от материально-рациональных форм организации и функционирования к формально-рациональным. Вебер имел в виду науку античную, особенно математику, дополненную в эпоху Возрождения экспериментом и превратившуюся в экспериментальную науку, имманентно связанную с техникой [3, с. 23]

Вебер подчеркивал, что наука и предпринимательство органически связаны друг с другом, в том случае если они формально-рациональны, ориентированы на достижение высоких результатов в сфере исследовательской и деловой активности, а не на цели, находящиеся за пределами призвания и профессии. Формально-рациональный ученый и формально-рациональный предприниматель мыслят сходными категориями, постоянно сталкиваясь с элементами непредсказуемости и риска, характерными для их профессиональной деятельности. Ученый движим «вдохновением»: от того, придет оно или нет, во многом зависит успех его научных исследований. Коммерсант одержим «коммерческой фантазией», гениальной выдумкой, без чего он обречен на роль приказчика или технического чиновника, неспособного придумать и внедрить в практику организационные инновации [2, с. 710].

Развивая идеи Вебера, Р.К. Мертон акцентировал внимание на исследовании взаимообусловленного развития науки, техники, религии и общества в целом. В книге «Наука, техника и общество в Англии XVII в.» американский социолог выдвинул тезис, впоследствии названный «тезисом Мертона» или «тезисом Вебера – Мертона» [4].

Тезис состоял в том, что пробуждение в Англии XVII в. интереса к естественным наукам было связано прежде всего с распространением и усилением в общественном сознании позиций пуританства. Образ жизни последователей пуританства с его строгостью нравов, аскетизмом, расчетливостью, бережливостью, трудолюбием, целеустремленностью и прочими подобными им добродетелями заложил основы инновационного, соответствующего духу раннего капитализма этоса науки, базировавшегося на принципах универсализма, коммунализма, бескорыстия и скептицизма.

Суть универсализма состоит в доступности ученой карьеры для всех способных, целеустремленных, трудолюбивых и стремящихся к самореализации в научной сфере индивидов. Смысл коммунализма заключается в том, что научные достижения не должны и по природе своей не могут оставаться в частном владении по причине общественного ха-

рактера науки и стремления ученых утвердить свой приоритет в открытии нового. Бескорыстие и связанное с ним нетерпимое отношение ко лжи, органически связанной с корыстью, обусловлено спецификой научных исследований, результаты которых трудно фальсифицировать, поскольку они поддаются верификации. Корыстность ученого характеризуется не стремлением к материальной выгоде, а желанием славы и известности. Научный скептицизм основывается на таких поведенческих стереотипах, как объективность, беспристрастность, скрупулезность, рефлексия, критическое отношение к полученному в ходе исследований знаний, что обусловлено природой последних, нуждающихся в проверке на истинность в отличие от религиозных догм [5, с. 510–511].

Рассматривая взаимосвязь научной этоса и этики протестантства, Р.К. Мертон, изучив исторические документы, обнаружил любопытный факт: 62 % членов первого состава Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе относили себя к пуританам, между тем пуритане отнюдь не составляли большинства населения Англии 1660-х гг. [4].

Мертоновские изыскания позволяют сделать вывод, что между этосом науки, с одной стороны, и этикой формально-рационального предпринимательства, с другой стороны, существует внутренне присущая, имманентная связь, поскольку основу этих видов деятельности составляют принципы протестантской морали.

С целью выявления мнений студенческой молодежи о взаимосвязи этики науки и предпринимательства, а также проверки качества исследовательского инструмента (анкеты) в перспективах дальнейшего более обширного по выборке исследования проведен пилотажный опрос студентов двух высших учебных заведений, Казанского кооперативного института (Республика Татарстан) и Поволжского государственного технологического университета (Республика Марий Эл), в ноябре–декабре 2023 г. Выборочная совокупность исследования составила 100 единиц (n = 100), по 50 чел. от каждого из обследованных вузов. Выборка носила простой случайный характер, исходя из предположения, что все студенты обладают информацией по исследуемой проблеме. Методы анкетирования – аудиторный опрос и опрос по Интернету.

В числе прочих респондентам были предложены два вопроса, относящиеся к теме настоящей статьи. Первый: Как Вы думаете, способствует ли развитию предпринимательства этика науки, основывающаяся на принципах универсализма, коммунализма (коллективизма), материального бескорыстия и организованного скептицизма? Второй: В какой мере, на Ваш взгляд, этика науки проникла в сознание предпринимателей Вашей республики?

Полученные данные представим в виде рисунков 1–2 по Республики Марий Эл (РМЭ) и Республики Татарстан (РТ).

Рисунок 1 демонстрирует весьма существенное различие в ответах мариэловских и татарстанских участников опроса. Свыше половины респондентов из РТ (58,0 %) выбрали безусловно положительный вариант ответа «да», тогда как среди респондентов из РМЭ таких оказалось значительно меньше трети от общего числа принявших участие в опросе (28,0 %). При сложении числа выборов двух вариантов положительного ответа в отношении влияния научной этики на развитие предпринимательства («да» и «скорее да, чем нет») разница между показателями по РТ и РМЭ в некоторой степени нивелировалась, но все равно осталась очень значительной (90,0 % РТ против 60,0 % РМЭ). Соответственно, отрицательных ответов «скорее нет, чем да» и «нет» у мариэловских респондентов оказалось много больше, чем у татарстанских (28,0 % против 8,0 %). Точно также мариэловские участники опроса превзошли татарстанских в выборе неопределенного варианта ответа «затрудняюсь ответить» (12,0 % против 2%).

Предложим гипотетическое объяснение различиям в ответах респондентов двух республик, касающимся положительной роли научной этики в развитии предпринимательских практик. Возможно, оно покажется спорным. Объяснение состоит в том, что уровень социально-экономического развития в целом и предпринимательства, в частности, в Татарстане выше, чем в Марий Эл. Так считают некоторые исследователи, полагая, что Татарстан и Марий Эл представляют собой разные по масштабам и уровню социально-экономического развития регионы Российской Федерации. Татарстан – регион с дифференцированной экономикой, тогда как Марий Эл – среднеразвитая аграрно-промышленная территориальная единица [6].

Помещенные на рисунке 2 данные опроса хорошо коррелируют с данными рисунка 1 как по Марий Эл, так и по Татарстану. Размышляя логически,

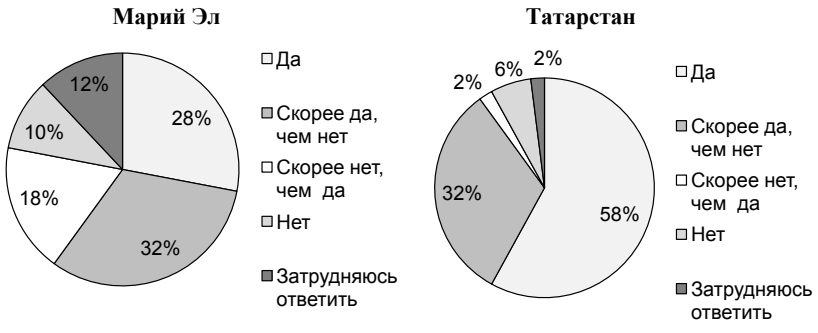


Рис. 1. Позитивное влияние научной этики на развитие предпринимательства

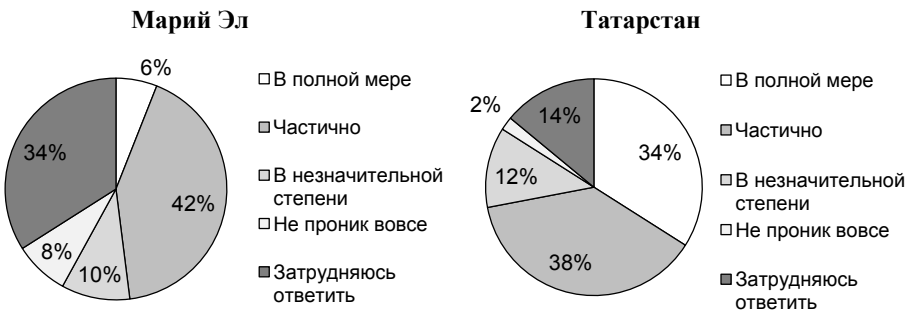


Рис. 2. Степень проникновения этики науки в сознание предпринимателей

иное соотношение, по-видимому, представить было трудно. И объяснение этому, на наш взгляд, следует искать в различии уровней развития предпринимательства и в целом социально-экономического развития Марий Эл и Татарстана. Для полноты картины приведем суммарные проценты положительных вариантов ответа на вопрос о степени проникновения этики науки в сознание предпринимателей. Суммарный процент мариэловских респондентов, выбравших положительный ответ, оставил 48,0 %, причем только 6,0 % остановили свой выбор на варианте ответа «в полной мере». Между тем аналогичные показатели татарстанских участников опроса оказались много выше: 78,0 % положительных ответов в сумме и 34,0 % ответов «в полной мере».

Не станем высоко заноситься в рассуждениях о перспективах дальнейшего развития российского регионального предпринимательства в аспекте усиления и углубления его формальной рационализации под влиянием научной этики, где начала формальной рациональности, безусловно, присутствуют. Выборочная совокупность исследования слишком мала для того, чтобы делать определенные выводы как о будущей динамике формальной рационализации предпринимательства, так и о влияния на этот процесс отчасти формально рационализированной научной этики. Ограничимся двумя замечаниями. Первое касается взаимосвязи между уровнем социально-экономической эволюции региона, включая развитие предпринимательства, и степенью понимания студенческой молодежью характера влияния научной этики на формальную рационализацию деловых практик; влияния позитивного в силу того, что этика – науки формально-рациональна. Пусть в условиях российских регионов и не в абсолютной степени. Второе замечание связано с масштабами и степенью проникновения формально-рациональных начал в деловую активность двух обследованных регионов. Такое проникновение, по мнению опрошенных студентов, действительно имеет место быть, но, с точки зрения студентов из Татарстана, оно значительно глубже, и объяснять этот социологический факт, по-видимому, следует различием в уровнях развития экономики, социальной сферы и предпринимательства.

Литература:

1. Тюленев А.И. Наука как фактор формальной рационализации предпринимательства // Регионология. – 2014. – № 2 (87). – С. 112–121.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.
3. Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–43.
4. Гатина Р.М., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского королевского общества глазами современных историков науки. – URL: http://www.sstu.ru/files/fuss/imagesГатинаМихель.15.pdf (дата обращения: 18.02.24).
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
6. Сагидов Ю.Н. Активизация развития аграрно-ориентированный регионов России. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktivizatsiya-razvitiya-agrarno-orientirovannyh-regionov-rossii/viewer (дата обращения: 31.03.22).

Ethics of Science as a Factor in the Development of Formally Rational Entrepreneurship (Based on Materials from a Survey of Student Youth in the Republics of Mari El and Tatarstan)

Tyulenev A.I.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

Valeeva A.F., Safiullina F.R.
Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

The relevance of the research topic lies in the authors' appeal to the problems of scientific ethics in the field of entrepreneurship, which remains a little-studied area of knowledge in modern conditions of economic development in Russia. The purpose of the presented work is to study the relationship between the ethics of science and the formal implementation of entrepreneurship, which involves solving a number of tasks, namely: determining the degree of implementation of the postulates of scientific ethics in the minds of entrepreneurs and, based on the results obtained, tracking changes taking place in the business practice of entrepreneurial communities. This is precisely the scientific and practical significance of this work: based on the theoretical approaches outlined in the works of the classics of sociology – Max Weber, Robert Merton, the researchers show the relationship of scientific ethics with politics, economics, religion – that is, those areas of social life where business, entrepreneurial activity takes place. The main results and conclusions of the research work reflected in the article follow from the results of a sociological study conducted among students of two neighboring republics – Tatarstan and Mari El. The value of the conducted research lies in identifying the positive impact of scientific ethics on the development of entrepreneurship and determining the degree of penetration of the ethics of science into the consciousness of entrepreneurs. The novelty of the undertaken research lies in the very formulation of the question: to what extent the ethics of science has penetrated into the consciousness of entrepreneurs of the two republics and addressing this issue to the advanced part of the youth – students, who will soon give not only theoretical reflections on this matter, but also actually implements the entrepreneurial skills acquired within the walls of the university.

Key words: science, scientific ethics, rationality, formal rationality, entrepreneurship, formally rational entrepreneurship

УДК 316

Социокультурные основания скулшутинга: очерк проблемного поля

Шангин Н.В.
Кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Солдаткин А.Е.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Теодорович М.Л.
Доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Патокина Н.Н.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В статье приводится обзор широкого спектра существующих подходов к проблеме скулшутинга, ставится цель подойти к проблеме с более широких социологических позиций, учитывающих социокультурный и поселенческий контексты. Обосновывается необходимость рассмотрения скулшутинга в контексте особенностей социокультурной организации среды обитания подростков. Скулшутинг воспринимается нами как территориально обусловленное явление и в связи с этим как фактор риска, требующий серьезного внимания в контексте процессов развития территории.

Ключевые слова: скулшутинг, причины скулшутинга, психологические и социальные основания скулшутинга, социальная и пространственная среда обитания подростков

Актуальность исследования скулшутинга как социального феномена возрастает в связи с учащающимися случаями подготовки, а также успешной реализации данных действий. Данная проблема носит международный характер, однако российская ситуация создает свою специфику: сочетание во времени и пространстве общих факторов и механизмов формирования такого поведения у молодёжи, находящейся на этапах процесса социализации, и продолжающихся процессов общественной трансформации в территориально обусловленном их многообразии. Одним из аспектов этой трансформации является переход от ценностей коллективизма к индивидуалистическим ценностям, которые обеспечивают более интенсивное развитие общества, но связаны с принципиально иной ролью конкуренции между индивидами.

Эта конкуренция предполагает агрессию, но введенную в конструктивные рамки. В то же время моральные критерии и правила конкуренции в российском обществе еще не оформились окончательно, а современная установка на успех и известность (которая может истолковываться именно как успех) при размытости критериев оценки средств их достижения создает дополнительные стимулы для появления новых, условно инновативных способов ее реализации. Достижение успеха в плане известности возможно различными способами, и в их числе – крайние, лежащие за пределами естественных и морально-этических ограничений и табу, такие как скулшутинг.

Действия скулшутеров широко освещаются в СМИ, им посвящены тематические паблики, формируется культ почитателей. Кроме этого, такая известность становится связанной с достижением власти как в краткосрочной перспективе (власть над жертвами), так и в потенциально воображаемой нападающими среднесрочной (оставить по себе «память», «чтобы помнили»). При рассмотрении посредством этой оптики скулшутинг оказывается не только одним из способов реализации желания отомстить кому-то, но и возможностью «прославиться», добиться успеха.

Таким образом, скулшутинг предстаёт объектом рассмотрения и анализа не только с позиций психологии, психиатрии, медицины и иных наук, которые рассматривают в качестве причин индивидуальные особенности индивида, но и с позиций наук социальных, которые позволяют «погрузить» и проанализировать данные действия в социальных и культурных контекстах, выявить не индивидуальные, а общие основания, тем самым открывая путь и возможности для превенции уже рисков появления новых стрелков на уровне отраслевых и территориально ориентированных политик, программ и проектов.

Закономерно, что феномен скулшутинга привлекает к себе все большее внимание среди российских исследователей. Можно выделить следующие дискурсы, в рамках которых рассматриваются действия скулшутеров: медико-психиатрический, психологический, юридическо-криминалистический, культурологический и социологический. Для каждого дискурса характерна фокусировка на своих специфических причинах и факторах, которые, по мнению исследователей, влияют на совершение данного действия.

Так, медико-психиатрический дискурс акцентирует внимание на индивидуальных биологических и физиологических особенностях индивидов, наличии у них тех или иных заболеваний, которые в конечном итоге приводят к трагедии; некоторые исследователи обращают внимание на то, что у этого дискурса имеются предпосылки для развития [1, с. 89].

Психологический дискурс примыкает к медико-психиатрическому, но акцентирует внимание на собственно психологических особенностях индивида, а также его взаимоотношениях с окружением. В рамках данного дискурса рассматриваются также модели вовлечения индивидов в специализированные сообщества с помощью манипуляций и иными неявными способами. В основе такой модели лежит представление об индивиде как достаточно легко внушаемом акторе, с которым работают профессиональные манипуляторы. В итоге благодаря использованию психологических приемов, воздействию на индивида происходит вовлечение и подготовка его к скулшутингу. Другой объяснительной моделью, которая также строится на внушаемости индивида, можно считать предположения о влиянии видеоигр (критический разбор такого дискурса [см.: 2]). Как можно заметить, в данном дискурсе соседствуют модели, которые строятся на психологии индивида, и модели, которые строятся на социальной психологии. Тем не менее их объединяет то, что в основе лежит представление о специфическом психологическом типе, наиболее подверженном риску совершения данных действий. Вместе с тем некоторые исследователи обращают внимание на то, что выделение единого типа невозможно и что некоторые скулшутеры демонстрирует принципиально иные психологические характеристики. Основным психологическим феноменом при объяснении становится агрессия, которая разделяется на ауто- и гетероагрессию. Если рассмотреть изначальную объяснительную модель, то основное внимание фокусируется на аутоагрессии. Одновременно зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что среди школьных стрелков достаточно большое количество лиц, демонстрирующих признаки преобладания гетероагрессии [3, с. 39]. Это закономерно подводит к следующему этапу – выделению психологических типов или профилей скулшутеров. В этом отношении показательна работа П. Лангмана «Почему дети убивают. Что происходит в голове у

школьного стрелка» [4], написанная в 2009 г. и выпущенная на русском в 2022 г. В ней автор выделяет три типа акторов, не сводимых друг к другу. Во многом благодаря тому, что автор является клиническим психологом, он объединяет наработки как медико-психиатрического, так и психологического дискурса. Таким образом, на уровне изучения личности школьного стрелка происходит усложнение дискурса, появление и детализация классификаций. В то же время можно отметить, что на уровне изучения взаимодействий значительных прорывов не происходит.

Юридическо-криминалистический дискурс рассматривает скулшутинг как противоправное явление, и в связи с этим основной акцент здесь делается на конкретизации определений, а также выявлении признаков, которые позволяют осуществлять меры по профилактике и меры контроля. Важным здесь представляется то, что в рамках данного подхода принимаются во внимание не только феномены микросреды, которые стоят в центре внимания в рамках рассмотренных выше дискурсов, но и факторы макросреды [5, с. 16]. При анализе поведения принимаются также во внимание различные аспекты деятельности, такие как манипулирование телом жертвы и т.п. [6, с. 210]. Разделение понятий, выявление специфических признаков не только носит кодификационный смысл, но и позволяет выявить особенности, которые могут не вписываться в картину преступления, за счет чего выводить на другие версии произошедшего [6, с. 213]. В то же время данный дискурс, ввиду его прикладной направленности, хотя и принимает во внимание большее количество факторов, но основное внимание фокусирует на тех из них, которые, по мнению авторов, непосредственно оказывают влияние. В связи с этим многие аспекты, включенные в поле зрения исследователей и значимые для понимания природы явления и конструирования мер профилактики, рассматриваются отчасти в фоновом режиме, оставаясь за пределами содержательного анализа.

Культурологический дискурс акцентирует внимание на изучении образцов культуры, которыми вдохновляются стрелки. За этим стоит представление о том, что в культуре заложен механизм подражания, благодаря которому индивиды могут копировать действия не только реальных людей, с которыми они взаимодействуют, но и выдуманных персонажей – героев книг, фильмов, игр или музыкальных композиций [7]. Несмотря на то что данный подход не лишен оснований, тем не менее сам по себе он не объясняет того, почему из всех потребителей тех или иных культурных продуктов лишь единицы воспринимают пережитое как руководство к действию. Такой дискурс также и поддерживается, и критикуется СМИ, в итоге привлечение дополнительного внимания к проблеме повышает известность героев и способствует большему интересу, большему охвату аудитории, а значит, в этой логике – еще большему количеству подражателей. Таким образом, культурологический дискурс носит в большей степени описательный характер, чем аналитический.

Социологический дискурс использует элементы всех предыдущих, но основной акцент делает на составлении социального портрета стрелка и его социальных связях. В этой логике подразумевается, что в рамках социальной среды индивид обретает определенные установки, которые впоследствии могут реализоваться в конкретном действии. Социальная среда и социальные связи могут способствовать появлению, усилению или ослаблению установок. Также в рамках этого подхода принимаются во внимание факторы, которые упускаются в других дискурсах, например, экономический. Квалифицированная диагностика и помощь психологического или психиатрического характера не всегда доступна выходцам из менее обеспеченных слоев [8], а жертвами школьной травли, которая является общепризнанным фактором формирования установок на совершение данных действий, часто становятся дети из бедных семей или семей мигрантов [1]. Отметим, что при этом дифференцирующее влияние фактора территориальной специфики до настоящего времени оставалось за пределами внимания и исследователей – социологов.

Так как проблема скулшутинга для отечественных социологов остается относительно новой, то они уделяют всё возрастающее внимание феномену скулшутинга и как отдельного явления, но чаще помещают его в контекст более крупных социальных проблем – криминологии, проблем молодёжи, школьного насилия и т.п. В. Плотников и С. Самойлов, сделав обзор отечественных публикаций, относящихся к проблематике скулшутинга, приходят к двум основным выводам. Во-первых, по большей части проблема затрагивается в публикациях лишь контекстуально, «из более чем ста публикаций на деле проблемам скулшутинга посвящены лишь шестнадцать» [9, с. 166], а во-вторых, учитывая всю важность проблемы, даже более чем ста недостаточно. В нашей работе мы ставили цель подойти к проблеме скулшутинга с более широких позиций, учитывающих социокультурный и поселенческий контексты. В частности, одной из задач являлось рассмотрение скулшутинга (по существу, финального этапа развития процесса отрицания тех или иных сторон повседневной жизни до тотального отрицания жизни как таковой) в контексте особенностей социокультурной организации среды обитания подростков. Скулшутинг воспринимается нами в том числе и как территориально обусловленное явление, осознание источников, мер преодоления и профилактики которого важно и необходимо также и в отношении сохранения ресурсов и повышения потенциала развития территории.

И.Л. Сизова [10] даёт обзор социолого-теоретических подходов к осмыслению проблемы насилия в школе, главным образом опираясь на концепцию аномии. Аномия возникает как следствие разрывов между структурно-предписанными целями и доступными для акторов средствами достижения целей, между требованиями школы как социального института и проблемным характером функционирования самого института. Заметное место в обзоре занимают и различные субкультурные теории, причем подчеркивается, что значительную роль в том, будет ли индивид использовать насилие для решения социальных проблем, занимает научение, а оно возможно в условиях длительного контакта индивида с опытом насилия [10, с. 377]. В статье 2016 г. И. Сизова приводит данные социологического исследования, проведённого среди нижегородских школьников 5–11 классов. Автор отмечает, что по результатам регрессионного анализа наиболее значимыми факторами распространения насилия в школе выступают «увлечение учеников просмотром контента эротического и порнографического характера; опыт насилия в семье; потребление запрещенных веществ; низкий самоконтроль поведения; низкая мотивация к посещению школы; низкая самооценка» [11, с. 191].

Отметим, что исследование И. Сизовой было выполнено по немецкой анкете, что демонстрирует тенденцию отечественных ученых осваивать международный опыт исследований насилия в школе. Другими примерами могут служить обзор Н. Бурдыкиной о проблемах насилия в современной школе в Германии [12], сравнительное исследование В. Собкиным и А. Мкртычаном роли социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги [13] и ряд других работ как социокультурной, так и криминологической направленности. Н. Бурдыкина отмечает, что немецкие коллеги рассматривают проблему школьного насилия не только как психолого-педагогическую, но и как серьёзную социальную. К наиболее распространённым причинам школьного насилия они относят неблагоприятную атмосферу в семье и унижение ребенка взрослыми; влияние молодежных субкультур отрицательной направленности на поведение ребенка; демонстрацию агрессии в СМИ; присутствие учеников-мигрантов в классе [12, с. 54].

В. Собкин и А. Мкртычан, исследуя отношение школьников Москвы и Риги (русских и латышей отдельно) к экстремизму, отмечают несколько любопытных закономерностей социокультурного характера. Проведя факторный анализ мнений подростков, относящих себя к членам экстремистских организаций, исследователи делают следующие выводы. Во-первых, если москвичей, причисляющих себя к экстремистским организациям, отличает скорее политическая аномия, то для рижан скорее важны дополнительные идеологические мотивировки насилия. Во-вторых, если москвичи и латыши ориентированы на активное участие в буллинге, то русские рижане скорее разделяют взгляды сочувствия жертве, что авторы склонны объяснять особенностями положения национального меньшинства. Наконец, для русских рижан характерна обострённая реакция на внешнюю социальную угрозу. В контексте нашего исследования важным выводом представляется то, что социокультурные различия могут служить существенным фактором, определяющим особенности насильственного поведения [13, с. 39].

Статья Д. Давыдова и К. Хломова [14] представляет собой прекрасный обзор широкого круга зарубежных исследований подходов и теорий феномена скулшутинга, выполненный в основном на американском материале. Хотя авторы и ставят себе целью «выделение социально-психологических условий и личностных особенностей» [14, с. 64] скулшутеров, а не социокультурной специфики, статья даёт богатый материал для анализа. Интересно авторское сравнение практических подходов к предотвращению скулшутинга в США и Европе. Если в США предотвращением подобного рода преступлений занимаются в основном полицейские структуры и спецслужбы, то в Европе акцент делается на социальные службы.

Д. Давыдов и К. Хломов отмечают в ряде зарубежных источников критику того, что зачастую эпизоды скулшутинга описываются и анализируются как отдельные явления. Соглашаясь с такой критикой, они сами закономерно стремятся к цельному и системному восприятию. Авторы выделяют признаки, специфичные для скулшутинга как отдельного феномена: одномоментность и несерийность, всё совершается как единая акция; отсутствие строгой целенаправленности причинения вреда, преступник атакует жертвы, которые изначально не входили в список его целей, даже если этот список существовал; насилие имеет символический, коммуникативный и даже ритуальный характер [14, с. 64–65].

Далее авторы выделяют три больших подхода к исследованию скулшутинга [14, с. 65]:

1. Поиск факторов риска, когда на основе анализа случаев атак на школы исследователи пытаются построить различного рода редукционисткие модели, имея генеральной целью предсказать следующую атаку;

2. Применение психопатологических теорий с целью объяснения поведения преступников через ту или иную психическую патологию; заметим, что этот подход авторы (и не только они) считают наименее плодотворным. А. Карпова и Н. Максимова, например, полагают, что «де-факто в зарубежном исследовательском поле вопрос о психопатологии скулшутеров снят с повестки дня практически десятилетие назад» [15, с. 94];

3. Обращение к социально-психологическим, социологическим и социокультурным теориям. Здесь исследуются культурные и гендерные стереотипы, роль школьного окружения и буллинга, роль насилия в медиа и играх и т.д.

Д. Давыдов и К. Хломов приводят ряд статистических данных из различных исследований, весьма однозначно характеризующих некоторые аспекты личности скулшутеров. Так, 81 % нападений были совершены одиночками, типичный возраст нападавших от 13 до 19 лет, 61 % стрелков имел диагноз «депрессия», отраженный в медицинских документах, наконец, более 80 % из них испытывали на себе групповую травлю, более 70 % характеризовали себя как жертв издевательств или преследований. При этом идеологические мотивации, такие как «белое превосходство» или религиозный фундаментализм, как отмечают Д. Давыдов и К. Хломов, выглядят менее убедительными, так же как и компьютерные игры со сценами агрессии: только 15 % стрелков имели выраженный интерес к ним [14, с. 66–68].

Отдельно стоит отметить такой частый и характерный аспект скулшутинга, как сообщения о предстоящей акции, оставляемые стрелками. Они являются, как правило, частью комплекса непосредственных признаков готовности к нападению, большинство скулшутеров (81 %) накануне нападения сообщали кому-то о своих намерениях [14, с. 69]. Можно предположить, что этими объяснениями могут служить либо церемониальная и мистериальная мотивация атаки, либо отчаянный призыв о помощи в ситуации, когда привычные социальные связи разрушены.

Тем не менее, приведя такие данные, авторы склонны согласиться с мнением зарубежных исследователей, что единой модели скулшутинга и скулшутера не существует.

Меры профилактики скулшутинга можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести непосредственные действия правоохранительных органов, которые направлены на выявление потенциальных преступников путем мониторинга социальных сетей. При всей важности данной работы стоит отметить, что она уже подразумевает наличие установки скулшутера на действие и в связи с этим можно говорить о профилактике как о предотвращении преступления.

Вторую группу составляют меры по профилактике на уровне психологов и психиатров. Эти меры направлены на выявление ауто- и гетероагрессивных тенденций личности и позволяют выявить и при должной оперативности реагирования предотвратить преступление. Данная работа также безусловно важна и необходима, но и здесь существенное ограничение состоит в обращении к уже сформировавшейся установке, только еще не оформившейся в конкретные действия.

Третью группу можно обозначить как работу с социально неблагополучными детьми. Здесь меры профилактики формируются, исходя из того, что корни явления скулшутинга связаны напрямую с семьей и ближайшим окружением (или его отсутствием) потенциального стрелка.

Не подвергая сомнению важность сложившихся направлений и практик профилактики рассматриваемого негативного явления, мы хотели бы высказать ряд замечаний.

Первое: не все социально неблагополучные подростки становятся скулшутерами и не все скулшутеры были социально неблагополучны (по формальным критериям). Второе: спектр социального неблагополучия довольно широк и связан с культурой общества в плане установления критериев этого неблагополучия (как на официальном, так и на повседневном уровне). Меры по профилактике социального неблагополучия не могут в полной мере способствовать профилактике собственно скулшутинга. Наконец, из практически реализуемых схем профилактики скулшутинга выпадают меры, связанные с социокультурным уровнем.

Между тем развитие социокультурных пространств территорий, тем более выстраивание их для определенных целей (например, трансформация городской среды в целях придания ей большей комфортности – как ее понимают разработчики соответствующих проектов и программ) может порождать незапланированные эффекты. Они могут быть связаны как со сложностью организации этого пространства, субъективностью учёта или, напротив, отрицания (не всегда осознанных и вербализованных) интересов и запросов подростков при его формировании, так и с его, пространства, взаимосвязанностью с локальными факторами, формирующими картину мира подростков.

Существенно, что социокультурная среда задает контексты социального действия, которые включают в себя как осознанные, активные, явные, так и латентные формы влияния на сознание индивида. В связи с этим профилактика на социокультурном уровне воздействия, в том числе посредством партисипативного вовлечения рассматриваемой социальной группы по меньшей мере в процесс проектирования ее изменений, позволит снизить общий уровень предрасположенности к ауто– и гетероагрессивным действиям, крайними проявлениями которых являются скулшутинг.

Исходя из вышеизложенного, представляется существенно важным изучение функционирования культуры, молодежной и подростковой, в частности, в разных городских средах. Для этого следует обратиться к изучению восприятия школьниками, проживающими в разных типах поселений, среды их существования. Для нас особенный интерес в дан-

ном контексте представляет социокультурная среда малого города.

Малые города, несмотря на естественные различия, имеют между собой много общего и представляют собой особую социальную среду. Рассматривая ее как предмет анализа в рамках настоящего исследования, следует отметить важные особенности и характеристики, мало проявленные, в частности, в крупных городах и областных центрах.

К ее особым чертам, значимым в отношении целей нашего исследования, относятся относительная компактность проживания, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры и развитого предложения рабочих мест, высокая плотность социальных связей, постоянный социальный контроль, связанный с постоянным пребыванием каждого в поле зрения знакомых (это, правда, касается в большей степени общего пространства, семейное частное пространство, в первую очередь за счет относительно большого количества частных домов, является достаточно закрытым).

Особую роль играет также и то, что в малом городе намного большим значением обладают родственные социальные связи. В то же время, несмотря на значительные успехи в рамках формирования комфортной городской среды, малые города зачастую недостаточно благоустроены, рынки труда относительно статичны и городская среда в целом предлагает (если предлагает) большей частью эфемерные перспективы восходящей мобильности.

Культурное потребление в малых городах отличается особой спецификой: местные источники культуры не обладают достаточным разнообразием, что отчасти компенсируется в современных условиях распространением интернета, в котором каждый может найти то, что ему больше подходит. В итоге мы наблюдаем среду, которая, с одной стороны, способствует единообразию, с другой – хотя и позволяет актуализировать индивидуальные склонности, но только в дистанционном режиме. Кроме того, такой тип культурного потребления может способствовать развитию установок на то, что подросток воспринимает себя несправедливо обделенным – всё интересное происходит «где-то», жизненные перспективы тоже находятся «где-то», но никак не в его родном городе. Ощущение безысходности и бесперспективности, характерное для целой социальной группы, делает ее питательной средой для распространения радикальных идей, которые могут быть связаны с причинением вреда и себе, и другим, предельным случаем чего является такой феномен, как скулшутинг.

Таким образом, в малых городах устойчиво функционирует особое социальное пространство, в котором процессы социализации, формирования установок подростков обладают важной для нашего исследования спецификой.

Это подводит нас к заключению о территориальной обусловленности формирования агрессивных тенденций, крайним проявлением которых становится скулшутинг, чему до сих пор не уделялось должное внимание, так же как и о необходимости большего внимания исследователей и практиков к данному феномену. Все аспекты, выделенные нами вслед за другими исследователями, являются сферами жизни индивида, которые не только переплетены в индивидуальных судьбах, но и, разворачиваясь в процессе проживания, локализованы в едином физическом пространстве. Это пространство, таким образом, являясь объективной средой формирования и реализации его личности, оказывается одновременно результатом ценностных, поведенческих и иных выборов, совершаемых представителями социальной группы, в пределах которой в основном воспроизводятся индивидуальные риски и эпизоды скулшутинга. Представляется несомненным, что указанное обстоятельство – неотъемлемый фактор, подлежащий рассмотрению при формировании стратегий территориального развития и реализующих их управленческих и иных практик.

Литература:

1. Судьин С.А., Карасев П.К. Профилактика скулшутинга как управленческая задача: кейс Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 1(69). – С. 88–93.
2. Соколов Е.С. Игры, которые нас убивают: видеоигры и насилие в дискурсе российской печатной прессы // Социология власти. – 2020. – № 3. – С. 165–188.
3. Баева Л.В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме // Информационное общество. – 2020. – № 3. – С. 33–42.
4. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / Пер. с англ. С.А. Карпова. – М.: Эксмо, 2022. – 304 с.
5. Гусев С.Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 3 (62). – С. 15–21.

6. Енгалычев В.Ф., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль Галявиева И.Р. // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 206–214.
7. Берарди Ф. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. – М.: Кучково поле, 2016. – 318 с.
8. Завьялова Н.Ю., Лункашу Ю.В. Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. – 2021. – № 3 (77). – С. 117–122.
9. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 163–168.
10. Сизова И.Л. Социологическая теория о причинах насилия в школе» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 374–380.
11. Сизова И.Л. Социокультурные факторы эскалации насилия в российской школе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 185–192.
12. Бурдыкина Н.Н. Проблема насилия в современной школе Германии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 52–55.
13. Собкин В.С., Мкртычан А.А. Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги. // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 10(2). – С. 32–40.
14. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 4 (32). – С. 62–76.
15. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. – 2021. – № 1. – С. 93–108.

The Problem of Sociocultural Foundations of Schoolshooting: a Sketch of the Problem Field

Shangin N.V.
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Soldatkin A.E., Teodorovich M.L., Patokina N.N.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article contains a comparative review of a broad spectrum of existing approaches to the problem of schoolshooting. It is stated that the problem of schoolshooting requires a broader approach from sociological positions taking into account sociocultural and residential contexts. It is argued that the analysis of schoolshooting need to address the issues of sociocultural organization of young people's social habitat. We consider schoolshooting also as an important threatening factor in the context of territorial development.

Key words: schoolshooting, factors of schoolshooting, psychological and social foundations of schoolshooting, social and spatial environment of teenagers

УДК 336.1

Добровольное медицинское страхование как вид негосударственного социального обеспечения: опыт Канады

Балынин И.В.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Актуальность исследования вопросов организации добровольного медицинского страхования не вызывает сомнения, так как это напрямую отвечает национальным целям развития Российской Федерации. Цель исследования – определить ключевые параметры программ добровольного медицинского страхования как вида негосударственного социального обеспечения в Канаде. Задачи исследования: обоснование выбора канадского опыта организации программ добровольного медицинского страхования; сравнительный анализ параметров конкретных продуктов добровольного медицинского страхования. Теоретическая значимость полученных результатов связана с возможностью их использования в учебном процессе в высших и средних профессиональных учебных заведениях. Результаты исследования могут быть применены в деятельности органов государственной власти Российской Федерации при модернизации государственного регулирования социальных процессов. В статье автором представлены результаты анализа опыта Канады в части развития добровольного медицинского страхования как вида негосударственного социального обеспечения. Сделан вывод о высоком уровне распространённости добровольного медицинского страхования среди населения в Канаде, что, вероятнее всего, сопряжено с широким ассортиментом продуктов, предлагаемых различными страховщиками. Научная новизна данного исследования обусловлена использованием авторского подхода к раскрытию организации добровольного медицинского страхования в Канаде на фоне слабой изученности в отечественных изданиях рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: национальные цели, социальное обеспечение, негосударственное социальное обеспечение, социальная защита, стратегия, добровольное медицинское страхование

Добровольное медицинское страхование существует практически во всех странах мира и является наиболее развитым видом негосударственного социального обеспечения. Действительно, его развитие трудно переоценить как в социальном, так и в экономическом смыслах. Социальное значение прежде всего проявляется в том, что у граждан есть возможности дополнительной социальной защиты при наступлении неблагоприятного медицинского события. Более того, формируются возможности роста продолжительности жизни граждан. В свою очередь это определяет и экономическое значение, так как, например, создаются предпосылки для роста потребительского и промышленного спроса, увеличения конкуренции, развития новых видов экономической деятельности.

В последние годы ряд авторов рассматривали вопросы развития добровольного медицинского страхования в Российской Федерации [1; 2]. Но, к сожалению, в научной литературе недостаточно уделено внимания изучению опыта стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в части развития добровольного медицинского страхования. Конечно, при воплощении зарубежных практик необходимо обязательно учитывать существующие финансовые риски [3] и

требования к реализации надлежащей бюджетной политики [4].

На рисунке 1 представлены отношения объёмов средств добровольного медицинского страхования к валовому внутреннему продукту в странах ОЭСР за период 2011–2021 гг. При этом, несмотря на тот факт, что США по средним за указанный период является лидером по отношению объёма расходов на добровольное медицинское страхование (в % к ВВП), с 2014 г. у них ежегодное значение этого показателя около 1 % (в 2011–2013 гг. более 6 %). Оценивая последние актуальные значения данного показателя, следует отметить лидерство Канады (1,7 %, 2021 г.), Австралии (1,4 %, 2020 г.; по 2021 г. данные не представлены) и Словении (1,3 %, 2021 г.). Важно отметить, что к странам с высоким уровнем охвата населения добровольным медицинским страхованием относятся: Австралия (54 %), Канада (68 %), Ирландия (47 %) и Словения (89,8 %) [5].

Добровольное медицинское страхование, по сути, используется как особый элемент страновой финансово-инвестиционной модели медицинского обеспечения для покрытия специфических рисков в разных странах. Например, в Нидерландах в рамках добровольного страхования финансируются услуги стоматологической медицинской помощи [6]. В Канаде добровольное медицинское страхование используется для финансового обеспечения оказания стоматологической помощи, ухода за зрением, приобретения фармацевтических препаратов [7]. Также добровольное медицинское страхование позволяет пациентам в Канаде выбирать интересующего врача и получать оказание медицинской помощи в более короткие сроки [8].

Учитывая, что наиболее высокие объёмы финансирования добровольного медицинского страхования (в % к ВВП) среди всех стран были выявлены в Канаде, то рассмотрим её опыт более детально. Анализ показал, что ключевыми страховщиками выступают *Sun Life, Manulife, Desjardins, GMS, Blue Cross Canada и Canada Life* [9]. Так, *Sun Life* предлагает три продукта добровольного медицинского страхования: A, B, C, отличающихся по своим параметрам.

Первый продукт (*Health and dental choice A*) предполагает восьмидесятипроцентный уровень возмещения расходов на оплату лекарств, а также максимальный размер возмещения расходов на оплату лекарств в 500 долл. Стоматологическая помощь включена только профилактическая. Уровень покрытия расходов – 80 % и не более 700 долл. в год. Важно отметить, что восстановительная медицинская помощь в данный пакет не включена. При оказании скорой медицинской помощи установлено 80 % покрытия понесенных расходов. При этом санитарная авиация в данный пакет не включена. Говоря о медицинском оборудовании и услугах, а также частной медсестринской службе, то данный пакет предусматривает максимальное покрытие в размере 2500 долл. в год, а на протяжении жизни данное значение составляет не более 20 тыс. долл. Одним из минусов данного пакета является отсутствие включенной в него неотложной медицинской помощи при поездках. При этом услуги практикующих парамедиков в данную программу включены. Уровень возмещения расходов – 80 %. Максимум 25 долл. за посещение (в год – не более 250 долл.). За услуги психологов/социальных работников – 60 долл. (в год – не более 300 долл.). Пакет *A* предусматривает 80 % возмещение расходов застрахованного лица на приобретение слухового аппарата, но при этом их объём должен составлять не более 300 долл. за 5 лет. Также включена оплата услуг по уходу за зрением со 100 % уровнем возмещения, но установлен максимальный объём – 150 долл. за 2 года. В состав расходов включены затраты на приобретение очков по рецепту врача.

Health choice B – это пакет с более расширенным набором услуг и повышенными уровнями социальных гарантий для застрахованного лица. Так, установлен уровень возмещения расходов на оплату лекарств в размере 80 %, но не более 1300 долл. за календарный год. Говоря о стоматологической медицинской помощи, то она включена в данный пакет и особенности покрытия расходов на её оказания вариативны в зависимости от 2 типов: профилактического и восстановительного. Так, в рамках оплаты расходов на оказание профилактической медицинской помощи предусмотрен 80 % уровень их покрытия, а по восстановительной – 50 % уровень их покрытия (срок ожи-

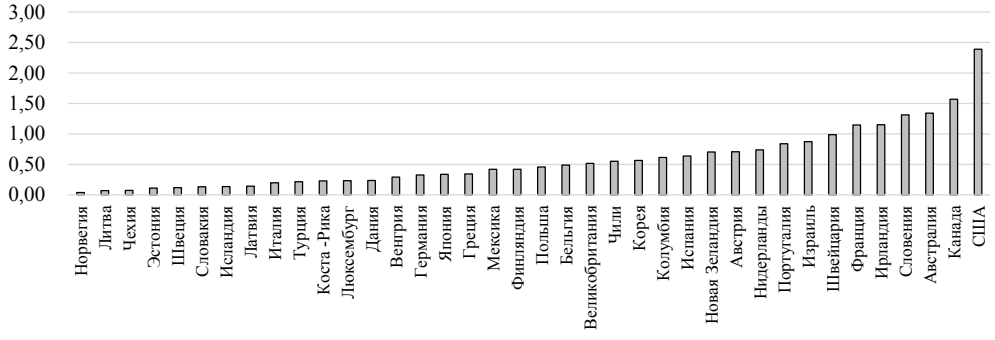


Рис. 1. Отношение объёма средств, обращающихся в системах добровольного медицинского страхования, к валовому внутреннему продукту разных стран, в среднем за 2011–2021 гг., в %.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ОЭСР [5]

дания действия страхового покрытия – 1 год). При этом максимальный объём оплаты данных расходов установлен суммарно по обоим типам в сумме 700 долл. Оплата оказываемой скорой медицинской помощи предполагает 100 % покрытие понесённых расходов. При этом санитарная авиация в состав оплачиваемых услуг не включена. В части возмещения понесённых расходов за приобретаемое медицинское оборудование установлен 100 % уровень возмещения, но не более 2500 долл. в год. Аналогичный уровень возмещения и по оплате частной медсестринской службы. При этом максимальный объём её возмещения установлен как для одного года, так и для все жизни: 5000 долл. и 25 000 долл. соответственно.

Неотложная медицинская помощь при поездках предполагает 100 % уровень возмещения расходов. Но важно отметить два установленных ограничения: страховое покрытие предоставляется только на первые 60 дней поездки; данная мера доступна только для граждан до 80 лет.

Услуги практикующих парамедиков в пакет услуг В включены, по ним установлен 100 % уровень возмещения понесённых расходов. При этом максимальный годовой объём расходов по каждому специалисту – 300 долл. (совокупно по всем специалистам – 500 долл.). В свою очередь, по услугам психологов/социальных работников установлены два дополнительных ограничения: максимальный объём компенсации составляет не более 70 долл. за посещение; максимальное годовое число посещений, оплата которых подлежит компенсации – 7.

Приобретение слухового аппарата в рамках пакета В тоже предусмотрено со 100 % уровнем возмещения, но не более 400 долл. за период, равный 5 годам. Полное возмещение установлено и по расходам на оплату услуг по уходу за зрением, но не более 200 долл. за два года. Важно отметить, что в состав расходов включены затраты на приобретение очков по рецепту врача.

Пакет «*Health choice C*» является самым большим среди предлагаемых продуктов по добровольному медицинскому страхованию. В частности, при том же уровне возмещения на оплату лекарств в 80 %, максимальный объём средств, доступный для получения, составляет 2600 долл. Говоря об оплате услуг стоматологической медицинской помощи, следует отметить, что здесь также вариативность установлена в зависимости от её типа. Так, по профилактической медицинской помощи установлено восьмидесятипроцентное покрытие понесённых расходов при максимальном объёме в 750 долл. в 1 год и 1000 долл. во второй год (в совокупности с восстановительной). Оплата восстановительной медицинской помощи осуществляется в рамках 50 % покрытия понесённых расходов с максимальным объёмом в 1000 долл. Также определён однолетний срок ожидания действия страхового покрытия. Говоря о покрытии расходов, оказанных в рамках предоставления скорой медицинской помощи, то его размер составляет 100 %. При этом финансирование расходов, предоставленных санитарной авиацией, возможно в размере не более 5000 долл. за один страховой случай. Также установлен 100 % уровень возмещения расходов на оплату медицинского оборудования при максимальном объёме в 5000 долл. в год.

В рамках пакета С предусмотрена 100 % компенсация услуг частной медсестринской службы с максимальным объёмом в 5000 долл. (на протяжении всей жизни – не более 25 000 долл.).

Особенности компенсации расходов за оказание неотложной медицинской помощи при поездках связаны с тем, что, с одной стороны, установлен 100 % уровень возмещения, а, с другой стороны, страховое покрытие предоставляется только на первые 60 дней поездки. При этом данный продукт доступен для граждан до 80 лет.

Услуги практикующих парамедиков в пакет *С* включены. Установлен 100 % уровень возмещения расходов по таким услугам. При этом определены максимальные объёмы компенсации за услуги каждого специалиста – 300 долл., совокупно – 650 долл. (в год). Важно подчеркнуть, что объём компенсации оплаты услуг психологов/социальных работников установлен в размере не более 75 долл. за посещение (при этом компенсация предусмотрена максимально по 10 посещениям за календарный год).

Сумма расходов на приобретение слухового аппарата, несмотря на установленный 100 % уровень возмещения, может быть компенсирована в объёме не более чем 600 долл. за 5 лет. В пакет С входит и 100 % компенсация за услуги ухода за зрением. При этом максимальный объём возмещения – 300 долл. за 2 года. В состав расходов также включены затраты на приобретение очков по рецепту врача.

Важно отметить, что возрастные требования для всех трёх продуктов установлены одинаковые: доступно для заявителей в возрасте до 74 лет с возможностью продления для граждан 75 лет и старше [10].

Не вызывает сомнения, что применение канадского опыта добровольного медицинского страхования в российской практике требует использования соответствующих мер поддержки в рамках разработки и реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты [9].

Таким образом, по итогам проведённого исследования следует отметить высокий уровень распространённости добровольного медицинского страхования среди населения в Канаде, что, вероятнее всего, сопряжено с широким ассортиментом продуктов, предлагаемых различными страховщиками (среди которых ключевыми являются *Sun Life, Manulife, Desjardins, GMS, Blue Cross Canada и Canada Life*).

Литература:

1. Вереда Е.Б., Мальцев В.А. Особенности и современные проблемы правового регулирования добровольного медицинского страхования в России // Труд и социальные отношения. – 2023. – Т. 34. № 2. – С. 204–215.
2. Рябичева О.И. Анализ и оценка функционирования рынка добровольного медицинского страхования в России // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № S1. – С. 122–131.
3. Демидова С.Е. Риски финансовой системы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 1(44). – С. 13–21.
4. Солянникова, С.П. Надлежащая бюджетная политика для меняющейся экономики // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15. № 2. – С. 6–15.
5. ОЭСР. – URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 01.11.2023).
6. Health at a Glance 2021. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ae3016b9-en.pdf?expires=1709464491.
7. Spending on private health insurance. – URL: https://www.oecd.org/health/Spending-on-private-health-insurance-Brief-March-2022.pdf.
8. Best health insurance in Canada for 2024. – URL: https://hellosafe.ca/en/health-insurance#What_is_health_insurance.
9. Сергиенко Н.С., Велиханов М.Т., Фатиева С.А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. № 1. – С. 108–115.
10. Offers economical health and dental coverage. – URL: https://www.sunlife.ca/en/choices/leaving-group-benefits/health-coverage-choice/health-and-dental-choice-a/.

Voluntary Health Insurance as a Type of Non-State Social Security: Canadian Experience

Balynin I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of studying the issues of organizing voluntary medical insurance is beyond doubt, since this directly meets the national development goals of the Russian Federation. The purpose of the study is to determine the key parameters of voluntary health insurance programs as a type of non-state social security in Canada. Objectives of the study: substantiation of the choice of Canadian experience in organizing voluntary health insurance programs; comparative analysis of the parameters of specific voluntary health insurance products. The theoretical significance of the results obtained is associated with the possibility of their use in the educational process in higher and secondary vocational educational institutions. The results of the study can be applied in the activities of government bodies of the Russian Federation when modernizing state regulation of social processes. In the article, the author presents the results of an analysis of Canada's experience in the development of voluntary health insurance as a type of non-state social security. It is concluded that the prevalence of voluntary health insurance among the population in Canada is high, which is most likely associated with the wide range of products offered by various insurers. The scientific novelty of this study is due to the use of the author's approach to disclosing the organization of voluntary health insurance in Canada against the background of poor study of the issue under consideration in domestic publications.

Key words: national goals, social security, non-state social security, social protection, strategy, voluntary health insurance

УДК 338.1

Роль инфраструктуры в проектировании инновационных сетей в условиях перехода к циркулярной экономике

Башкирцева С.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Актуальность настоящей статьи выражается в необходимости перехода от модели линейной экономики к устойчивой модели экономики замкнутого цикла. Модель экономики замкнутого цикла предполагает модернизированный подход к производству, потреблению и ведению хозяйствующей деятельности на основе возобновляемых решений и бизнес-моделей. Целью статьи является обозначение роли инфраструктуры в проектировании инновационных сетей с позиции экономики замкнутого цикла. Раскрывается сущность инновационных сетей, представлены типы и модели инновационных сетей в условиях циркулярной экономики. Перечислен ряд условий, необходимых для эффективного внедрения модели экономики замкнутого цикла в инновационных сетях. Также рассмотрены бизнес-модели экономики замкнутого цикла, характерные для той или иной страны. Научно-практическая значимость исследования заключается в разработке теоретико-методической концепции (модели) экономики замкнутого цикла характерной для инновационных сетей.

Ключевые слова: инновационные сети, экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, мезосистемы, инновационная деятельность, инфраструктура, цифровизация

В России в настоящее время, как и во многих развитых и развивающихся странах, наблюдается постепенная смена экономических систем, а именно с традиционной линейной происходит переход на концепцию циркулярной экономики или экономики замкнутого цикла (далее – ЭЗЦ). Концепция ЭЗЦ представляет собой инновационный подход не только к производству товаров и услуг и их потреблению, но и новый подход к инфраструктуре инновационных сетей. Концепция экономики замкнутого цикла ставит на первое место роль отходов и вторичного сырья, которые рассматриваются как активы и ресурсы.

Проблема изучения циркулярной экономики носит актуальный характер, поэтому обзор научных трудов, отражающих проблематику концепции экономики замкнутого цикла на опыте России, акцентирует внимание на таких аспектах, как переход к экономике замкнутого цикла на основе опыта зарубежных стран [1], цифровизация и внедрение методов циркулярной экономики для улучшения эффективности работы промышленных предприятий [2], экономика замкнутого цикла рассматривается в качестве новой парадигмы в управлении мезосистемами [3], также в условиях экономики замкнутого цикла важно проектирование бизнес-моделей производственного процесса [4].

Такая категория, как «инновационная сеть» (далее – ИС), является относительно новым понятием в экономической науке, однако уже существует значительное количество определений и подходов, подразумевающих различные типы сетевого взаимодействия предприятий в инновационной деятельности. Вопросам изучения «инновационных сетей» посвящены работы С.А. Чернова, А.О. Дайкер [5], где авторы пишут об особенностях инновационных сетей, которые являются одной из самых динамичных структур современной экономики; в работе Л.Ю. Титова говорится о принципах формирования инновационных сетей в реальном секторе эконо-

мики [6]; закономерностям формирования инновационных сетей в условиях экономики замкнутого цикла посвящены труды А.И. Шинкевича, Ф.Ф. Галимулиной [7] и др.

В настоящем исследовании под инновационными сетями следует понимать взаимодействие определенного количества составляющих ИС, а именно институтов, предприятий и коммерческих организаций, государственных и финансовых учреждений и др. Так как главной целью ИС является взаимообмен информацией, создание и внедрение инновационного продукта, то, с точки зрения циркулярной экономики, инновационные сети мы будем рассматривать как процесс взаимодействия государства, производственных предприятий, придерживающихся принципов зеленой экономики, и общества.

В целом, согласно исследованиям, инновационные сети можно разделить на четыре типа, представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Типы инновационных сетей [составлено автором по 8]

Помимо типов ИС, также следует отметить модели ИС. Согласно Т.Д. Бадараеву, их три, и к таким моделям относятся: социальное взаимодействие между участниками ИС, т.е. социальный капитал; взаимодействие между двумя ИС посредством одной связующей компании – межструктурные взаимодействия и модульное взаимодействие, способствующее получению доступа к информации [8, с. 206; 9].

Безусловно, немаловажной является роль инфраструктуры в проектировании ИС в условиях экономики замкнутого цикла. Для эффективного внедрения модели экономики замкнутого цикла в инновационных сетях необходимым является создание следующих условий:

– подготовка и внедрение соответствующей документации по процессу переработки отходов;

– разработка и внедрение документации по экологическим нормам;

– развитие системы модернизированных инфраструктурных объектов для сортировки, переработки и утилизации отходов;

– создание стимулов для улучшения переработки и минимизации отходов городов и предприятий;

– внешняя международная поддержка;

– средства частных инвесторов и партнеров.

В условиях циркулярной экономики наличие современной модернизированной инфраструктуры является ведущим драйвером в проектировании инновационных сетей. Также принципиально важной является низкая степень износа основных фондов, а именно зданий и оборудования, необходимого для эффективного функционирования принципов экономики замкнутого цикла. Известно, что в промышленной деятельности образуется наибольшее количество отходных материалов. Поэтому необходимо развитие системы модернизированных инфраструктурных объектов для их переработки и утилизации. Так как принципы «зеленой» экономики (экономики замкнутого цикла) в большей части характерны для промышленных предприятий, в нашем исследовании будем рассматривать именно данную сферу. Известно, что в рамках промышленного производства наблюдается высокая степень износа оборудования. Так, например, по итогам 2022 г., согласно данным Росстата, степень износа основных фондов в промышленном производстве, а именно добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства, составляет 59,7 и 54,0 % соответственно (рис. 2) [10].

Помимо степени износа основных фондов следует обратить внимание на средний возраст имеющихся машин и оборудования в промышленном производстве, а именно по таким видам деятельности, как добыча полезных ископаемых и обрабатывающее производство (рис. 3).

Известно, что главная задача циркулярной экономики – сохранение ценности материалов и ресурсов в экономической системе на более долгий срок. Благодаря концепции циркулярной экономики происходит толчок для технологических, организационных и социальных инноваций по всей цепочке создания

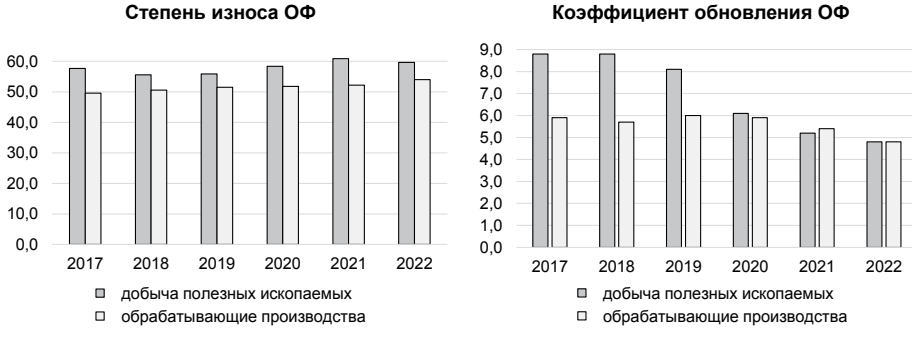


Рис. 2. Характеристика основных фондов с точки зрения степени износа и коэффициента обновления [составлено автором по 10]

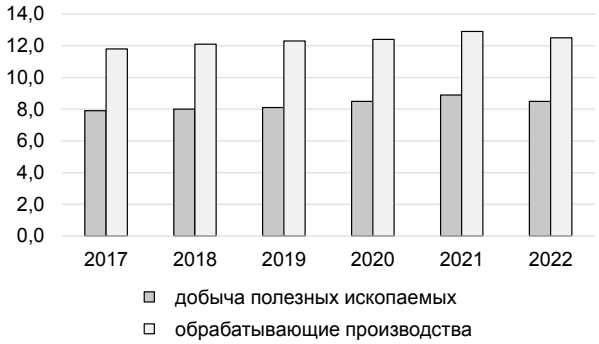


Рис. 3. Средний возраст имеющегося оборудования по видам деятельности, лет [составлено автором по 11]

стоимости. В условиях циркулярной экономики при проектировании инновационных сетей применяются принципиально новые бизнес-модели, характеризующиеся не только высокими конечными результатами, но и низкими материальными, энергетическими и экологическими затратами. На рисунке 4 представлены типовые бизнес-модели циркулярной экономики с точки зрения зарубежного опыта.

Рис. 4. Бизнес-модели экономики замкнутого цикла [составлено автором по 12]

Каждая бизнес-модель, описанная на рисунке 4, характерна для конкретной группы стран. Так, например, бизнес-модель поставок замкнутого цикла свойственная для стран: Бельгия, Россия, США, Франция, Финляндия, Швеция.

Модель рекуперации ресурсов характерна для Швейцарии, Бразилии, Сингапура, Великобритании, Норвегии, а также России.

Модели сервисного обслуживания присутствуют в экономиках таких стран, как США, Франция, Япония, Германия, Китай, Нидерланды.

Бизнес-модели продления сроков службы изделий свойственны для Норвегии, Нидерландов, России, США, а также для Дании.

Модели совместного использования применяются, как правило, через онлайн-платформы и характерны для Франции, Нидерландов и США.

Несмотря на все положительные моменты при проектировании инновационных сетей в условиях циркулярной экономики, существует, на наш взгляд, ряд препятствий к внедрению и применению моделей экономики замкнутого цикла:

– несовершенство институциональной системы;

– ограниченность учета данных по вторичному сырью;

– отсутствие четкого плана мероприятий либо определенных дорожных карт для достижения целевых показателей в области циркулярной экономики.

С точки зрения роли инфраструктуры в проектировании ИС, к таким препятствиям следует отнести отсутствие современных объектов размещения отходов, а также неразвитую инфраструктуру сортировки и переработки отходов.

Исходя из этого, мы предлагаем основные пути решения выше описанных проблем:

– развитие и инвестирование в промышленные объекты инфраструктуры, необходимо своевременно определять максимальную степень износа оборудования с целью его актуализации и замены;

– на территории регионов необходимы современные перерабатывающие отходы заводы, соответствующие принципам экономики замкнутого цикла;

– на макроуровне необходимо больше государственных программ и федеральных проектов в области устойчивого развития и соответствия принципов экономики замкнутого цикла.

Таким образом, инновационные сети предоставляют предприятиям новые идеи, знания и возможности для создания инновационных продуктов. Роль инфраструктуры при создании инновационных сетей имеет приоритетное значение в условиях экономики замкнутого цикла. Для эффективного функционирования циркулярной экономики и соблюдения всех ее приоритетных направлений необходима развитая система современных инфраструктурных объектов для сортировки, переработки и утилизации отходов.

Литература:

1. Юнусова А.М., Идиятуллин А.Т., Ехлакова Е.А. Переход к экономике замкнутого цикла в России на основе опыта зарубежных стран // Финансовая экономика. – 2018. – № 8. – С. 678–681.
2. Маковецкий С.А. Экономика замкнутого цикла в условиях индустрии 4.0 // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 3(152). – С. 247–250.

3. Шинкевич М.В., Якунина Р.П., Башкирцева С.А. Экономика замкнутого цикла – новая парадигма в управлении мезосистемами // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2022. – № 3(94). – С. 64–72.
4. Быкова О.Н., Ляндау Ю.В., Елина О.А., Елин А.В. Проектирование бизнес-модели производственного процесса в условиях экономики замкнутого цикла // Вестник МИРБИС. – 2022. – № 4(32). – С. 100–106.
5. Чернов С.А., Дайкер А.О. Инновационные сети как новый вид инновационной организации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 8, № 12А. – С. 393–400.
6. Титов Л.Ю. Принципы формирования инновационных сетей в реальном секторе экономики // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 1 (29). – URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2391
7. Шинкевич А.И., Галимулина Ф.Ф., Башкирцева С.А. Закономерности формирования инновационных сетей в условиях экономики замкнутого цикла // Вестник университета. – 2022. – № 8. – С. 51–59.
8. Бадараев Т.Д. К вопросу о формировании инновационной сети // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2016. – № 2 (34). – С. 203–211.
9. Якунина Р.П. Особенности социального капитала как составляющей человеческого капитала // Перспективы развития экономики и менеджмента: Сб. науч. трудов по итогам Межд. науч.-практ. конф. Вып. II. – Челябинск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. – С. 9–11.
10. Эффективность экономики России. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186
11. Технологическое развитие отраслей экономики. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11189
12. Экономика замкнутого цикла. Обзор международных подходов. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/55fc716c49b06e62a652d101b1be8442/220414.pdf

The Role of Infrastructure in the Design of Innovation Networks in the Transition to a Circular Economy

Bashkirtseva S.A.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The relevance of this article is expressed in the need to transition from a linear economy model to a sustainable circular economy (CE) model. The circular economy model involves a modernized approach to production, consumption and business activities based on renewable solutions and business models. The purpose of the article is to outline the role of infrastructure in the design of innovation networks from the perspective of a circular economy. The essence of innovation networks is revealed, types and models of innovation networks in a circular economy are presented. A number of conditions necessary for the effective implementation of the circular economy model in innovation networks are listed. Business models of the circular economy, characteristic of a particular country, are also considered. The scientific and practical significance of the study lies in the development of a theoretical and methodological concept (model) of CE characteristic of innovation networks.

Key words: innovation networks, circular economy, mesosystems, innovation activity, infrastructure, digitalization

УДК 346.61

Исторический аспект развития органов тарифного регулирования в России

Груничев А.С.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Развитие органов тарифного регулирования обладает неоднозначной историей. Изучение периодов становления отражает особенности каждого из них и формирует яркое представление о работе государства в сфере тарифообразования. В статье рассматриваются отличительные черты регуляторных функций, характерных для плановой, переходной и рыночной экономик. Анализируются основные методы регулирования цен и тарифов, влияющие на эффективность проводимой политики ценообразования в стране. Обуславливается необходимость концентрации работы в сфере тарифного регулирования и наделения функциями и полномочиями единого органа исполнительной власти с целью эффективности деятельности всей системы тарифо- и ценообразования в стране.

Ключевые слова: органы тарифного регулирования, развитие, компетенции, функции, плановая экономика, переходная экономика, рыночная экономика, тарифообразование, этапы

Эволюцию можно охарактеризовать как процесс постепенных необратимых изменений, основанный на непрерывном и качественном улучшении.

Изучение поставленного вопроса напрямую связано с решением задачи повышения эффективности работы всей системы тарифного регулирования в России [1].

Развитие органов тарифного регулирования поэтапно рассмотрено в таблице 1.

Отправной точкой начала тарифного регулирования считается 1921 г. то есть уже более 100 лет назад. Были созданы органы ценового регулирования, сформирована политика цен и определены принципы и методы ценообразования в плановой экономике [2]. На федеральном уровне органом регулирования был Комитет цен при Народном комиссариате финансов, на региональном уровне действовала система отраслевых народных комиссариатов по ценам, на муниципальном уровне работу осуществляли Советы муниципальных ценообразований. С 1921 по 1940 гг. характерными чертами были: определение роли цен в экономике, модернизация народного хозяйства и повышение уровня контроля за ценами. В этот период были сформированы основы методологической базы, например, по определению себестоимости продукции как расчетной базы цены [3]. До 30-х гг. все предприятия должны были информировать о ценах и вывешивали прейскуранты в помещениях торговли, а исполнительные комитеты были обязаны публиковать такие данные в СМИ. Ценовая политика была жестко фиксированной на уровне государственного планирования и распространялась на более чем 70 % товаров. С 1941 г. начался военный и послевоенный период, который длился до семидесятых годов XX в. Все хозяйственные отношения были основаны на исполнении административных предписаний. При этом не допускалась самостоятельность органов на региональном и муниципальном уровнях управления [4].

1948 г. был отмечен в истории тарифообразования как год, в котором были установлены всем известные 4 копейки за потребление 1 кВТ▪ч электрической энергии. Эта величина тарифа возмещала полную себестоимость производства, передачи и распределения электроэнергии и обеспечивала уплату налога с оборота [5].

1970 г. стал очередной вехой в деле совершенствования системы цен и тарифов, усиления руководства за цено- и тарифообразованием в стране. Тогда были созданы Государственный комитет СССР по ценам, Государственные комитеты союзных республик по ценам, Отделы цен Советов ми-

Таблица 1

Эволюция органов тарифного регулирования

	1921–1970 гг.	1970–1991 гг.	1992–2001 гг.	2001–2015 гг.	С 2015 г.
	Плановая экономика		*Переходная экономика*	*Рыночная экономика*	
ОРГАНЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ					
Федеральный уровень	Комитет цен при Народном комиссариате финансов Министерство финансов СССР	Государственный комитет СССР по ценам	ФЭК России	ФЭК России, ФСТ России (2004)	ФАС России
Региональный уровень	Система отраслевых народных комиссариатов по ценам	Государственные комитеты союзных республик по ценам	Уполномоченные органы по регулированию тарифов	Органы регулирования субъектов	Органы регулирования субъектов
Муниципальный уровень	Советы муниципальных образований	Советы муниципальных образований	Органы местного самоуправления	Органы местного самоуправления	Органы местного самоуправления
ЧТО РЕГУЛИРОВАЛОСЬ					
Федеральный уровень	Оптовые и розничные цены на все товары. Пределы начислений на цены монопольных товаров	Тарифы на электрическую и тепловую энергию. Цены на продукцию производственно-технического назначения	Тарифы на электрическую и тепловую энергию. Цены на продукцию естественных монополий	Тарифы на электрическую и тепловую энергию, газ.	Тарифы на электрическую и тепловую энергию, газ. Непромышленная сфера
Региональный уровень				Социальная сфера и иные услуги	Технологическое присоединение. ТКО. Социальная сфера. Водоснабжение и водоотведение
Муниципальный уровень			Водоснабжение и водоотведение		
ХАРАКТЕРИСТИКА					
	Госплан СССР. Прейскурант цен. Ценовые пояса. Единая ценовая политика		Возникновение перекрестного субсидирования. Либерализация цен на товары и услуги. Индексация регулируемых цен и тарифов	«Прогноз социально- экономического развития Российской Федерации». Централизация функций тарифного регулирования. Применение принципа «инфляция минус» на долгосрочную перспективу (2017). Ввод предельного роста платы граждан	

нистров в автономных республиках, Отделы цен краевых и областных исполкомов Советов народных депутатов трудящихся. Такая разветвленная структура была призвана обеспечить единую политику цен и повысить их роль в стимулировании производства. Государственный комитет СССР по ценам руководил работой по ценообразованию и обеспечивал единство цен в стране.

Рубеж 1970–1980 гг. для экономики СССР был неоднозначным временем. С одной стороны, завершалась десятая пятилетка, которая отличалась особым значением индустриальной развитости и вводом в строй новых производств. С другой – активно прослеживалось развитие кризисных явлений плановой системы. Например, инвестиционный перекос с упором на создание новых предприятий, а не на модернизацию имеющихся. Это вносило отрицательную лепту в увеличение парка оборудования с большим физическим износом и моральным устареванием, а также обуславливало серьезный удельный вес ручного и малоквалифицированного труда [6].

В конце 80-х гг. Отделы цен по всей стране были преобразованы в Государственные комитеты союзных республик по ценам. Это связано с усилением роли органов ценообразования в регионах и приведению к единообразию формата организации. Это стимулировало предприятия изыскивать резервы по снижению себестоимости продукции и получению большей прибыли, направляемой на развитие производства.

В период до 1991 г. регулирование основывалось на расценках, закрепленных в прейскурантах, дифференцированных по ценовым поясам. Тарифов регулировалось достаточно много, но наличие прей-

скуранта цен, действующего по всей стране, значительно сокращало время на их экспертизу.

В 90-е гг. стало происходить глобальное переформатирование государственных и экономических основ общества, практически незыблемо существовавших многие десятилетия. Речь идет о сломе существовавшей системы плановой экономики, политике либерализации цен и вхождении на рынок. Правительство было вынуждено пойти на быструю и масштабную либерализацию цен [7].

В результате реформы совершенствования системы управления ценообразованием в рамках начала действия переходной экономики к 1991 г. предприятия могли сами устанавливать цены и тарифы на некоторые виды продукции и услуг.

Следующей отправной точкой развития стал 1992 г., которому предшествовало решение о заморозке тарифов на электроэнергию и газ для населения. Это решение привело впоследствии к возникновению перекрестного субсидирования, которое практикуется в данных отраслях и по сегодняшний день.

Правительством РФ было принято важное для сферы тарифного регулирования Постановление от 07.03.1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)», в котором были опубликованы перечни продукции производственно-технического назначения, товаров народного потребления и услуг, регулирование цен и тарифов на которые осуществляли Правительство РФ, органы федеральной власти или исполнительной – в субъектах РФ [8]. В связи с переходом на рыночную экономику основная масса товаров стала реализовываться по свободным ценам, и практика применения этих цен предприятиями показала, что в этом вопросе требуются разъяснения.

Анализ истории регуляторики показывает, что функции по тарифо- и ценообразованию оказались разделенными между несколькими министерствами и ведомствами. При этом границы функций каждого органа не были четко обозначены, что приводило к распылению зон ответственности и сложности формирования единой политики. В начале 2000-х гг. была начата административная реформа, основой которой было создание единого органа, устанавливающего и контролирующего применение тарифов как субъектами естественных монополий, так и производителями ряда социально значимых товаров и услуг.

С 2001 г. вектор тарифной политики стал определяться сценарными условиями «Прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации». Параметры изменения тарифов в среднем по стране стали формироваться с учетом стоящих приоритетных макроэкономических целей и задач на прогнозируемый период и текущего состояния экономики [9].

Методологическую основу регулирования тарифов в период с 2004 года по 2014 г. разрабатывала Федеральная служба по тарифам как отдельный федеральный орган в области тарифного регулирования.

С 2004 г. были предусмотрены демонополизация обслуживания жилого фонда и формирование рынка услуг. Таким образом, все жилищные услуги по содержанию жилого фонда начали официально выходить на свободный рынок, а тарифы постепенно смогли приблизиться к реальной стоимости услуг. Была сформирована основа договорных отношений.

В 2008 г. на федеральном уровне продолжали регулироваться естественные монополии, на региональном и муниципальном – локальные [5].

В 2009 г. стало характерным усиление государственного влияния в области регулирования цен на медикаменты. Новые требования были зафиксированы в Постановлении правительства РФ от 08.08.2009 г. «О совершенствовании государственного регулирования цен на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные средства» [10]. Таким образом, наблюдается дальнейшее расширение сфер деятельности региональных органов регуляторики.

Со вступлением в новую полосу экономического кризиса в конце 2014 г., сопровождаемого падением рубля и кратным усилением инфляции, тарифная политика вновь рассматривается Правительством России в качестве инструмента сдерживания затрат потребителей продукции инфраструктурного сектора и инфляции [1].

С 2017 г. тарифная политика, основанная на принципе «инфляция минус», принимается на долгосрочную перспективу.

Полный функционал присущ отрасли коммунального и энергетического хозяйства, остальные услуги регулируются опосредованно в определенной части (транспорт, лекарства, питание, социальные услуги).

Подводя итог проведенному анализу, необходимо отметить, что цены всегда были объектом регулирования со стороны государства. Как выяснилось, отсутствие четкого разграничения полномочий между органами регулирования цен и пределов вмешательства государства в деятельность по установлению и регулированию тарифов отрицательно сказывалось на эффективности работы всей регулирующей системы. Следовательно, наибольшую результативность работы имеет концентрация полномочий и функций, осуществляемых одним органом регулирования.

Анализируя исследуемый период важно отметить, что тарифное регулирование развивалось циклично: ряд периодов характеризуется централизацией в одном органе и ряд, наоборот, – децентрализацией в разных отраслевых ведомствах. Эффективность показали периоды, где государ-

ственное регулирование сосредоточено в одном органе. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Тарифообразование должно строиться на основе организационно-функционального анализа, когда регулирование осуществляется единым органом с определением всех функций и перечня поставленных задач, что будет способствовать прогрессивному развитию.

2. Вектор развития тарифной системы должен быть основан на оперативном реагировании в части расширения сфер регулирования там, где это необходимо с точки зрения экономических процессов.

3. Должно осуществляться поэтапное внедрение цифровых платформ в работу органов регулирования на основе полного освоения процессов автоматизации.

4. Необходимо определение государством функциональной роли тарифного регулирования – социальной или эволюционной.

Литература:

1. Антимонопольное и тарифное регулирование в системе государственного контроля Российской Федерации: учеб. / Под ред. О.Ю. Кирилловой. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 293 с.
2. Белоусова Н.И., Васильева Е.М. Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных. – М.: КомКнига, 2017. – 320 с.
3. Груничев А.С. Репутационный капитал и его влияние на параметры социально-экономического развития регионов: методология исследования (на примере регионов ПФО): дисс. … док-ра эконом. наук. – Казань, 2019. – 374 с.
4. Груничев А.С., Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Абдукаева А.А. Влияние репутационного капитала на макроэкономические параметры региона: от теории к практике (на примере Республики Татарстан) // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2020. – № 3. – С. 14–19.
5. Регулирование тарифов в газовом комплексе России: методическое пособие / И.А. Долматов, В.А. Карле, М.А. Панова. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 63 с.
6. Пузыревский С.А., Груничев А.С. Некоторые итоги реформы антимонопольного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 3. – С. 3–9.
7. Grunichev A.S., Safiullin M.R. About economic agent reputation value and role in modern conditions of management (regional aspect) // The Journal of Social Sciences Research. – 2018. – № Special Issue 5. – P. 256–259.
8. Постановление Правительства РФ от 07.03.1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» (ред. от 27.12.2019) // СПС Гарант.
9. Баширова А.Р., Амирова Э.Ф., Кириллова О.В., Валеева Г.А. Концепция «умный город» на примере Республики Татарстан // Глобальные вызовы для продовольственной безопасности: риски и возможности: Научные труды межд. науч.-практ. конф., Казань, 01–03 июля 2021 г. – Казань: Казанский гос. аграрный ун-тет, 2021. – С. 60–67.
10. Постановление Правительства РФ от 08.08.2009 г. № 654 «О совершенствовании государственного регулирования цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов» (ред. от 03.02.2016) // СПС Гарант.

The Historical Aspect of the Development of Tariff Regulation Bodies in Russia

Grunichev A.S.
Kazan (Volga Region) Federal University

The development of tariff regulation bodies has an ambiguous history. The study of the formation periods reflects the peculiarities of each of them and forms a vivid idea of the work of the state in the field of tariff formation. The article examines the distinctive features of regulatory functions characteristic of planned, transitional and market economies. The main methods of price and tariff regulation affecting the effectiveness of the pricing policy in the country are analyzed. It is necessary to concentrate work in the field of tariff regulation and endow functions and powers of a single executive authority in order to ensure the effectiveness of the entire tariff and pricing system in the country.

Key words: tariff regulation bodies, development, competencies, functions, planned economy, transitional economy, market economy, tariff formation, stages

УДК 336

Развитие концепции фискального пространства в новом взгляде на бюджетно-налоговую политику[1]

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов
Финансового факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (Москва)

В условиях глобальных вызовов государству важно обеспечить баланс между решениями оперативных задач и долгосрочным финансированием программ стратегических приоритетов. При реализации политики бюджетного стимулирования источником является свободное фискальное пространство. Концепция фискального пространства раскрывается через различные подходы к определению и оценке, в том числе через показатели государственного долга. Высокий уровень государственного долга может ограничивать способность страны проводить макроэкономическую и финансовую стабилизацию и возобновить экономический рост после спада.

Научная значимость исследования заключается в систематизации теоретических подходов к содержанию фискального пространства во взаимосвязи с показателями государственного долга.

Практическая значимость исследования заключается в возможности выбора различных подходов к формированию и оценке фискального пространства.

Выделены инструменты управления фискальным пространством, факторы формирования и механизмы корректировки фискального пространства.

Ценность проведенного исследования связана с формированием системного представления о категории «фискальное пространство», во взаимосвязи с показателями долговой устойчивости, стратегического планирования, реализации программно-целевых принципов, инструментария управления бюджетными расходами.

Ключевые слова: фискальное пространство, государственный долг, дефицит, бюджетное стимулирование, устойчивость

Фискальное пространство как концепция возникала в период популяризации идеи в сфере управления общественными финансами об ослаблении финансовых ограничений и возможностей обеспечения дополнительных заимствований для финансирования инфраструктурных проектов. В долгосрочной перспективе такие проекты смогут расширить производственный потенциал и генерировать приращение активов. Глобальные вызовы и последствия санкционных ограничений актуализируют вопросы фискального пространства в связи с расширением мер бюджетного стимулирования экономической активности и социальной поддержки.

Глобальные вызовы связаны с четырьмя элементами мирового ландшафта: изменение климата; демографическая бифуркация (изменения в численности, динамике и структуре населения во всем мире); технологическое ускорение; геостратегические сдвиги (изменения в концентрации геополитической власти) [1]. Каждая из этих областей харак-

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

теризуется высокой степенью неопределенности, влияющей на изменения правил социально-экономического взаимодействия. Используя инструменты сдерживания или стимулирования, адаптационные рычаги, правительства меняют структуру финансовых потоков в публичном секторе для достижения приоритетов развития.

Концепция фискального пространства предполагает реализацию фискальной политики, которая учитывает факторы оптимизации расходов и роста доходов бюджета, допускает обоснованные заимствования при выборе ресурсов для желаемой цели. Анализ подходов к содержанию фискального пространства позволяет выделить следующие особенности и элементный состав. Фискальное пространство через целеполагание рассматривается с учетом возможности мобилизации ресурсов для достижения политических целей [2]; как необходимое условие при оценке резервов бюджета – сохранение финансовой устойчивости [3; 4]; через возможности финансирования дефицита бюджета без вытеснения частных инвестиций [5]. Фискальное пространство через временной фактор рассматривается в период однолетнего или среднесрочного бюджета [6]. Подходы к фискальному пространству через элементный состав включают: доходы, расходы (в части их оптимизации), трансферты и займы [4]. Концепция фискального пространства, как она определена Хеллером, тесно связана с концепцией «долговой устойчивости» [7]. Подходы к фискальному пространству через долговой критерий включают взаимосвязь дефицита и долга и экономической активности [8], устойчивость долга [9]. Фискальное пространство как системную социально ориентированную категорию рассматривают через сумму расходов, не связанных с заработной платой, направляемых на сокращение бедности, и ресурсов, перенаправленных на приоритетные программы в интересах бедных слоев населения, выполняемые с учетом принципов эффективности и справедливости [10].

Суммируя подходы, можно выделить инструменты управления фискальным пространством. По блоку «рост доходов бюджета» – виды и ставки налогов, сборов, отчислений взносов; по блоку «оптимизация расходов бюджета» – виды и размер бюджетных расходов и государственные закупки; по блоку «сбалансированность и устойчивость бюджета» – предельный объем дефицита бюджета, размер, процентные ставки по займам, объем государственного долга.

Бюджетное пространство можно измерить различными способами, которые рассмотрены в исследовании С.К. Гнангнона [11]. Альтернативные подходы оценивают бюджетное пространство через различные соотношения, например, как разницу между текущим уровнем долга и пределом долга, при котором правительство потеряет доступ к рынку, или как разницу между устойчивым и фактическим соотношением налогов к ВВП (так называемые «налоговые разрывы» О. Бланшара [12]). Ряд авторов предложили оценивать фискальное пространство через категорию «разумного уровня долга», однако столкнулись со сложностями обоснования такого уровня. Например, один из подходов отражает необходимый уровня долга в 60 % ВВП к 2030 г. [13].

Рассматриваемые индикаторы различаются сложностью расчетов. Среди достаточно простых можно выделить показатель «фактического бюджетного пространства», оцениваемый как величина, обратная средним налоговым годам, которые потребуются для погашения государственного долга [14].

В периоды кризисных явлений в экономике и дефицит бюджета, и государственный долг могут ограничить применение бюджетных стимулов [15].

Высокий уровень государственного долга ограничивает способность стран проводить политику макроэкономической и финансовой стабилизации, что может негативного отразиться на восстановлении экономического рост после серьезного кризисного спада. Межстрановая база данных о фискальном пространстве включает 30 показателей, сгруппированных в четыре категории: устойчивость долга, уязвимость баланса, риски внешнего и частного долга, рыночные риски [16].

В Отчете по глобальным рискам Всемирного экономического форума [17] одним из глобальных рисков в экономическом блоке назван долговой риск, который обусловлен трудностями в обслуживании накопления долга корпорациями, домохозяйствами или государством, что приводит к массовым банкротствам или неплатежеспособности, кризисам ликвидности или дефолтам, а также кризисам суверенного долга.

С учетом концепции фискального пространства выделяются принципы бюджетно-налоговой политики [18]:

1. Бюджетно-налоговая политика не должна быть подчинена денежно-кредитной политике. Политики являются равно необходимыми и взаимодополняющими.

2. Бюджетно-налоговая политика стимулирует спрос в условиях рецессии. Дефицит, который возникает при стимулировании экономического роста при низких процентных ставках, не является проблемным параметром, поскольку целенаправленные меры могут привлечь новые инвестиции.

3. Фискальное пространство ограничивает стимулы меньше, чем ранее считалось. Это значит, что для стимулирования экономики в будущем оправдано увеличение заимствований.

4. Может потребоваться устойчивое бюджетное расширение (бюджетная экспансия) преимущественно в пользу производительных расходов.

Управление уровнем государственного долга (долговое бюджетное правило) является одним из факторов формирования фискального пространства (рис. 1).

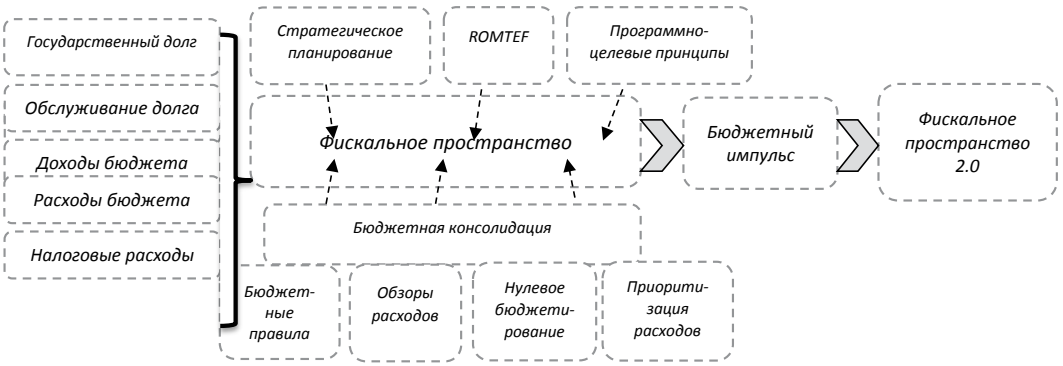


Рис. 1. Факторы формирования и механизмы корректировки фискального пространства

Происходящие изменения усиливают роль государства в социально-экономических преобразованиях: через механизмы бюджетных правил, приоритизации бюджетных расходов, обзоров бюджетных расходов, поиска новых форм финансирования, цифровизацию процессов обеспечивается последовательность в достижении стратегических целей развития. Приоритет в период преодоления негативных шоков в экономике отдается стимулирующей бюджетной политике, задачи которой обеспечить реализацию принятых на государственном уровне решений финансовыми ресурсами, активизировать экономическую динамику, увеличить совокупный спрос при сохранении устойчивости финансовой системы, финансовой и экономической безопасности страны.

Литература:

1. The Global Risks Report 2024. 19th Edition. World Economic Forum. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf.
2. Roy R., Heuty A., Letouze E. Fiscal Space for what? Analytical Issues from a Human development Perspective // Paper for the G-20 work-shop on Fiscal Policy. – Istanbul, June 30-July 2, 2007. – 38 p.
3. Heller P. Back to Basics // Fiscal Space: What It Is and How to Get It. – 2005. – Vol. 42. – № 2. – P. 32–33.
4. Игонина Л.Л. О подходах к оценке бюджетно-налоговой политики // International journal of applied and fundamental research. – 2015. – № 3. – С. 54–58.
5. Zandi M., Cheng X., Packard T. Special report. Moody's analytics, 2011. – URL: http:// www.economy.com (дата обращения: 22.01.2024).
6. Schick A. Budgeting For Fiscal Space. asian oECd Senior Budget officials meeting. Bangkok, Thailand. – URL: http://www.oecd.org/gov/budgeting/45361746.pdf (дата обращения: 22.01.2024).
7. Wyplosz C. What's wrong with fiscal space? // CEPR, Discussion Paper – 2020. – DP14431. – P. 1–16.
8. Stone Ch. Fiscal Stimulus Needed to Fight Recessions Lessons From the Great Recession // Center on Budget and Policy Politic Priorities. – 2020. – April 16. – P. 28.
9. Fiscal Monitor: Helping People Bounce Back // International Monetary Fund (IMF). – 2022. – October. – 100 p.
10. Creating Fiscal Space for Poverty Reduction in Ecuador. A Fiscal Management and Public Expenditure Review. The International Bank for Reconstruction and Development. – Washington, D.C.: The World Bank, 2005. – 243 p.
11. Kimm Gnangnon S.K. De Facto Fiscal Space in Donor- countries and Their Aid Supply: To What Extent is Trade-related Aid Supply Affected? // South Asian Journal of Macroeconomics and Public Finance. – 2019. – № 8(1). – P. 24.
12. Blanchard O., Chouraqui J.-C., Hagemann R., Sartor N. The sustainability of fiscal policy: New answers to an old questions // OECD Economic Studies. – 1990. – № 15. – P. 7–36.
13. Mario M. Budgeting for fiscal space and government performance beyond the great recession // OECD Journal on Budgeting. – 2013. – № 13(2). – P. 9–47.
14. Aizenman J., & Jinjarak Y. The fiscal stimulus of 2009–10: Trade openness, fiscal space and exchange rate adjustment (NBER Working Paper No. 17427). – Cambridge, MA: The National Bureau of Economic Research, 2011.
15. Stone Ch. Fiscal Stimulus Needed to Fight Recessions Lessons From the Great Recession. Center on Budget and Policy Politic Priorities. – Washington. 2020. – P. 28.

16. Kose A., Kurlat S., Ohnsorge F., Sugawara N. A cross-country database of fiscal // Journal of International Money and Finance. – 2022. – Vol. 128(C).
17. World Economic Forum. The Global Risks Report 2024. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/40670
18. Furman J. The New View of Fiscal Policy and Its Application // Remarks delivered at the conference Global Implications of Europe's Redesign. – 2016. – October 5. – 22 p.

The Development of the Concept of Fiscal Space in a New Look at Fiscal Policy

Demidova S.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

In the context of global challenges, it is crucial for the state to strike a balance between addressing operational tasks and funding strategic priority programs on a long-term basis. When implementing fiscal stimulus policies, the free fiscal space becomes the source. The concept of fiscal space can be revealed through different approaches to its definition and assessment, such as through indicators of public debt. High levels of public debt can limit a country's ability to pursue macroeconomic and financial stability and restart economic growth after a recession. The scientific importance of the study lies in the systematic organization of theoretical approaches to understanding the content of fiscal space in terms of indicators of public debt. The practical significance of the study resides in the potential to choose different methods for creating and assessing fiscal space. This study highlights the tools for managing fiscal space, factors that contribute to its formation, and mechanisms for adjusting fiscal space.The value of this research lies in its ability to provide a systematic understanding of the concept of "fiscal space", in conjunction with indicators for assessing debt sustainability, as well as strategic planning, the implementation of program targets, and tools for managing budget expenditures.

Key words: fiscal space, public debt, deficit, fiscal stimulus, sustainability

УДК 343.45

К вопросу об уголовной ответственности за незаконное получение и распространение сведений о пациенте, представленных в электронной форме

Ефремова М.А.
Доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Каюмова А.А.
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Статья посвящена проблеме защиты конфиденциальной информации о пациенте, хранящейся в электронной форме. Применение современных технологий для обработки и хранения данных о пациенте неизбежно ставит под угрозу их сохранность и конфиденциальность. Актуальность данного исследования заключается в стремительном росте процента преступлений с использованием информационных и цифровых технологий и отсутствия значительной положительной динамики в их раскрываемости. В статье рассматриваются показатели основанные как на отечественной статистике, так и на данных иностранных государств. Приводятся существующие проблемы в сложности расследования такого рода преступлений и возможные пути их решения.

Ключевые слова: киберпреступления, частная жизнь, компьютерная информация, медицинские учреждения, пациент, информационные технологии

Информационные технологии с каждым днем все больше становятся неотъемлемой частью жизни граждан, а также интенсивно вовлекаются в деятельность государства. Стремительный темп их развития способствует тому, что преступники все чаще используют их потенциал в своей противоправной деятельности.

Современные информационные технологии используются не только для незаконного публичного распространения конфиденциальной информации, но и в других областях, таких как распространение наркотических веществ, продажа оружия, незаконное изъятие и продажа органов, мошенничество и многое другое.

Ввиду того, что информационные технологии активно внедрены и в сферу здравоохранения, в частности, для обработки данных в цифровом виде, большинство современных частных медицинских организаций давно отказалась от традиционной бумажной медицинской карты пациента. Ожидается, что в 2024 г. государственные учреждения здравоохранения перейдут на электронные медицинские карты. Вызывает опасения возможность их утечки и распространения, что может привести к неблагоприятным последствиям.

Обращаясь за медицинской помощью, пациент неизбежно предоставляет данные о себе медицинской организации, заключающие в себе сведения не только о личности, такие как фамилия, имя отчество, дата рождения, место проживания, но и информацию о состоянии здоровья пациента и оказываемой ему медицинской помощи, в том числе данные о на-

личии заболевания, его диагнозе, прогнозе, способах диагностики, лечения и профилактики, риски, связанном с медицинским вмешательством.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] в ст. 13 содержит положения о необходимости соблюдения врачебной тайны. В частности, закон прямо указывает, что сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.

Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей.

Если подобная информация о пациенте станет достоянием третьих лиц, то она может быть использована для вмешательства в частную жизнь и совершения иных противоправных действий.

Опасность такого рода преступлений связана и с осложнением лечения, особенно тяжелобольных пациентов. Так, например, осенью 2020 г. была взломана база данных, где хранились результаты анализов пациентов онкологического диспансера в Екатеринбурге. В результате информационной атаки на екатеринбургский диспансер несколько сотен пациентов остались без результатов биопсии, что привело к осложнению их лечения и даже к нескольким смертельным исходам.

Приведенный пример показывает, что помимо утечки информации о заболеваниях и личных данных, подобного рода деяния ставят под угрозу не только тайну частной жизни гражданина, но непосредственно и их жизнь, и здоровье.

Весной 2022 г. стало известно о масштабной утечке более 300 Гб персональных данных клиентов лаборатории «Гемотест», включающих результаты анализов на ВИЧ. По итогу разбирательства лаборатория была привлечена к ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 60 тысяч рублей [2]. Виновных же установить не удалось.

Согласно статистике, в 2022 г. наблюдался рост «утечек» данных: доля умышленно украденных баз, содержащих информацию о российских пациентах, увеличилась с 58,3 до 87,5 %. В два с лишним раза по сравнению с 2021 г. выросла и доля инцидентов в сфере здравоохранения с участием киберпреступников.

Схожую картину мы можем наблюдать во всем мире. Так, например, в США в 2019 г. было официально выявлено более 500 случаев утечки медицинских данных пациентов. В целом с 2017 г. по 2021 г. в США было потрачено более 65 млрд долл. для устранения и предупреждения преступлений, связанных с хищением личных данных пациентов и результатами их обследования.

Для получения доступа к базам данных преступники используют *DDoS* атаки, которые могут быть совершены трансгранично, то есть с территории другой страны.

Еще одним весьма распространенным способом получения данных из медицинских учреждений является фишинг. Злоумышленники отправляют письмо, содержащее вредоносную ссылку, переход по которой позволяет получить доступ к базе данных о пациентах.

Ввиду того, что не все медицинские организации уделяют достаточное внимание вопросам кибербезопасности, преступники активно используют вредоносное программное обеспечение, так называемые «компьютерные вирусы» и программы-шпионы, которые также позволяют собирать и накапливать конфиденциальные данные.

Подобного рода обстоятельства порождают сложности раскрытия таких преступлений, так как зачастую злоумышленники скрывают свое местонахождение путем неоднократного изменения *IP*-адресов. Это затрудняет работу правоохранительных органов, замедляет процесс расследования данной категории деяний.

Нельзя не отметить, что зачастую сами медицинские учреждения опасаются за свою репутацию, особенно если речь идет о частных клиниках, ввиду утечки данных о пациентах.

Цифровизация здравоохранения еще будет набирать обороты. В частности, все более широкое распространение в указанной сфере получили технологии искусственного интеллекта. Они применяются для проведения операций, для анализа клинических данных и назначения лечения. Следовательно, все больше данных о пациентах будет представлено в электронной форме, что, в свою очередь, требует обеспечения надлежащего уровня их защиты.

Обращаясь к вопросу о проблемах квалификации анализируемых деяний, следует отметить, что сведения о пациенте, хотя и представленные в электронной форме, составляют тайну частной жизни. Тайна личной и семейной жизни человека является своеобразным «фундаментом», на котором воздвигнуто право на неприкосновенность частной жизни. Уголовная ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни предусмотрена ст. 137 УК РФ.

В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37, «если действия, предусмотренные ст.ст. 272–274.1 УК РФ, выступали способом совершения иных преступлений (например, модификация охраняемой законом компьютерной информации производилась с целью нарушения авторских или смежных прав, наруше-

ния неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений либо неправомерный доступ к ней осуществлялся с целью совершения кражи или мошенничества), они подлежат квалификации по совокупности с преступлениями, предусмотренными соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, незаконное собирание или распространение сведений о пациенте в электронной форме должно быть квалифицировано по совокупности ст. 137 УК РФ и ст.ст. 272–274.1 УК РФ, в зависимости от способа получения сведений.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что незаконное завладение данными о пациентах представляет серьезную угрозу как для самих пациентов, так и для медицинских организаций. Поэтому представляется необходимым не только реагировать на факты утечек, но на предотвращение и профилактику подобных инцидентов.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российской газета. – 2011. – № 263.
2. Постановление мирового судьи судебного участка № 281 района Вешняки города Москвы по ч. 1 ст.13.11 КоАП РФ № 12-2741/2022. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/appeal-admin/details/acc111a1-08cf-11ed-9eae-af1c53b4b591?ysclid=lt1y0y4j7q312791109 (дата обращения: 26.02.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. №37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 3.

On the Issue of Criminal Liability for the Illegal Receipt and Dissemination of Information About a Patient Submitted in Electronic Form

Efremova M.A., Kayumova A.A.
Kazan branch The Russian State University of Justice

The article is devoted to the problem of protecting confidential patient information stored in electronic form. The use of modern technologies for processing and storing patient data inevitably jeopardizes their safety and confidentiality. The relevance of this study lies in the rapid increase in the percentage of crimes using information and digital technologies and the lack of significant positive dynamics in their detection rate. The article discusses indicators based on both domestic statistics and data from foreign countries. The existing problems in the complexity of investigating this type of crime and possible ways to solve them are presented.

Key words: cybercrimes, private life, computer information, medical institutions, patient, information technology

УДК 349.2

К вопросу о формах реализации права на труд

Исламов А.А.
Ассистент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов форм реализации права на труд. Учитывая динамичный характер современного рынка труда и постоянное развитие технологий, анализ форм занятости представляет собой актуальное направление научных исследований. Целью работы является характеристика различных форм реализации права на труд и оценка их влияния на социально-экономические процессы. В статье дается определение форм реализации права на труд, рассматриваются традиционные и нетипичные формы занятости. Результаты и выводы исследования указывают на необходимость балансирования между гарантированной социальной защитой работников и гибкостью в правовом регулировании труда. В статье отмечается необходимость адаптации трудового законодательства к вызовам трансформирующегося рынка труда.

Ключевые слова: право на труд, формы реализации права на труд, трудовой договор, нетипичные формы занятости, самозанятые

Право на труд является одним из основных социально-экономических прав, закрепленных во многих международных документах о правах человека, а также в конституциях и законах многих стран. Оно представляет собой комплексную правовую категорию, включающую в себя несколько значимых составляющих, таких как: свобода труда; возможность каждого распоряжаться своей способностью к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на безопасные условия труда; защита от безработицы и т.д.

Несомненно, нужно учитывать и то, что право на труд представляет собой одну из основополагающих ценностей для человека, поскольку обеспечивает ему не только экономическую независимость и социальную интеграцию, но и возможность самореализации.

В контексте современных условий рынка труда, в мире, где трудовые отношения постоянно эволюционируют под воздействием технологических изменений, экономических факторов и социокультурных преобразований, вопросы, касающиеся форм реализации права на труд, становятся все более актуальными и комплексными.

Возможность реализации права на труд в рамках различных форм организации труда человека признает Международная организация труда [1, с. 4]. Человек может проявить свои способности и компетенции в различных сферах жизни. И выбор формы (способа) имеет большое значение, так как это непосредственно влияет на уровень доходов и финансовую стабильность индивида, доступ к социальным льготам (пенсия, социальное и медицинское страхование), потенциал развития/карьерного роста в профессии и т.д.

Под формами реализации права на труд следует понимать различные способы и механизмы, с помощью которых человек становится субъектом отношений в сфере применения труда, способы организации им своей трудовой деятельности. К таким формам могут относиться как классические (традиционные) модели организации труда человека – индивидуальные договоры и соглашения: трудовой договор, служебный контракт, гражданско-правовые договоры (возмездное оказание услуг, подряд); предпринимательская деятельность; труд в личных интересах, так и нестандартные формы занятости –

фриланс, дистанционная занятость, платформенная занятость, аутстаффинг, временная занятость и проч. [2, с. 43]. Каждая из этих форм имеет свои особенности, преимущества и недостатки и играет свою роль в формировании современного рынка труда.

Стоит отметить, что Международная организация труда крайне озабочена вопросами правового регулирования отношений в сфере применения человеческого труда в рамках нетрадиционных форм занятости. В материалах и докладах многочисленных совещаний говорилось о серьезной глубине, глобальном, общечеловеческом характере проблемы обеспечения баланса между типичными и нетипичными формами занятости.

Е.М. Акопова и Е.А. Степанова затрагивали проблему различных форм реализации права на труд, среди которых выделяли трудовой договор, договоры гражданско-правового характера, государственную службу, индивидуальную предпринимательскую деятельность, ведение личного хозяйства [3, с. 14]. При этом они исходили из необходимости следовать принципу приоритетности трудового правоотношения и закрепления его в национальном законодательстве, что напрямую отражено в рамках положений Рекомендации МОТ № 198 от 15.06.2006 г. «О трудовом правоотношении» [4].

С учетом вышеизложенного можно сказать о том, что законодательство РФ следует данному принципу, определяя в рамках ст.ст. 11 и 19.1 Трудового кодекса РФ презумпцию наличия трудового правоотношения. Косвенное подтверждение этому, в свою очередь, можно найти и в рамках положений ст. 37 Конституции РФ, где установлены основополагающие права и гарантии (право на безопасные условия труда, заработную плату не ниже МРОТ, защиту от безработицы, право на забастовку и т.д.), которые реализуются именно в рамках трудового правоотношения [5].

При этом стоит обратить внимание на то, что Конституционный Суд РФ ставит в один ряд несколько форм реализации права на труд, не определяя приоритета какой-либо из них: «Выбор гражданином той или иной формы реализации права на свободное распоряжение своими способностями к труду, закрепленного ст. 37 (ч. 1) Конституции Российской Федерации (заключение трудового договора с работодателем, заключение контракта о прохождении службы, индивидуальная предпринимательская деятельность, приобретение статуса адвоката и пр.), влечет для него определенные правовые последствия, обусловленные правовым статусом, характерным для субъекта того или иного вида общественно-полезной деятельности» [6].

Однако в дальнейшем Конституционный Суд РФ акцентирует внимание на том, что именно трудовой договор позволяет гражданину в полной мере обеспечить защиту его прав и законных интересов при помощи предусмотренных трудовым законодательством гарантий, ограничения ответственности и проч.

Примечательно, что, например, в Республике Беларусь в рамках трудового законодательства не установлен прямой запрет на регулирование трудовых отношений договорами гражданско-правового характера (как это сделано в рамках ч. 2 ст. 15 Трудового кодекса РФ). Однако существует Указ Президента Республики Беларусь от 06.07.2005 г. № 314, который установил особый порядок регулирования отношений в сфере применения труда гражданско-правовыми договорами, фактически предусматривающий трудоправовые механизмы воздействия на такие отношения, включая необходимость заказчика обеспечивать соблюдение правил охраны труда и требования техники безопасности, осуществлять обучение, инструктаж, повышение квалификации и т.д. [7].

Действительно, трудовой договор является одной из распространенных форм реализации права на труд, а также ключевым элементом в подсистеме индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений [8]. При этом не для всех он будет наиболее подходящим. Учитывая конституционный принцип свободы труда, человек может реализовать право на труд с помощью различных форм, которые будут отвечать его интересам.

Одним из факторов, влияющих на выбор формы реализации права на труд, называют уровень социальной безопасности: «Очевидно, что делая выбор в пользу того или иного варианта реализации конституционного принципа свободы труда и учитывая при этом необходимость удовлетворения потребности в социальной безопасности, человек должен сознавать, на каких условиях и в рамках какой из перечисленных моделей социальной защиты он может рассчитывать на поддержку в случае отсутствия возможности для самообеспечения (в частности, при утрате дохода от трудовой или иной приравненной к ней деятельности)» [9, с. 190].

Другим важнейшим фактором можно назвать гибкость в правовом регулировании труда, которая дает определенные преимущества в области организации трудовых процессов как работнику, так и работодателю. При этом нужно учитывать, что тотальная дерегуляция отношений в сфере применения человеческого труда с предоставлением большей свободы непосредственно участникам этих отношений не является абсолютным благом. Более того, подобные «перегибы» могут существенно отразиться на социально-экономических показателях [2, с. 45].

Гибкость в правовом регулировании труда, в свою очередь, при определенных обстоятельствах может выступать как и негативное явление. Об этом, в частности, говорит и МОТ, указывая на то, что: «…несмотря на снижение издержек и повышение гибкости в краткосрочной перспективе, ис-

пользование нестандартных форм занятости в долгосрочной перспективе может привести к снижению производительности предприятия, связанному либо с более низкой производительностью труда работников с нестандартными формами занятости, либо с негативным косвенным влиянием на производительность работников со стандартными формами занятости, либо с ростом операционных издержек, необходимых для управления смешанной рабочей силой (когда работники со стандартными и нестандартными формами занятости работают бок о бок)» [1, с. 21].

Таким образом, по всей видимости, следует учитывать принцип дифференциации правового регулирования отношений в сфере применения труда человека с целью рационального применения нестандартных форм занятости в областях производства и оказания услуг, где данные способы организации труда будут наиболее уместны. К таким можно отнести работу с применением специальных онлайн-платформ, сайт-агрегаторов (такси, служба курьерской доставки и т.д.) [10, с. 53].

Нетипичные формы занятости, которым и присуща характеристика гибкости в правовом регулировании труда, тесно связаны с процессом прекаризации – явлением, выражающемся в переходе от стабильных трудовых правоотношений к неустойчивой занятости, где работник утрачивает ряд социально-трудовых гарантий, таких как ежегодный оплачиваемый отпуск, оплачиваемый больничный и т.п. [11, с. 76]

Особую обеспокоенность в отношении вопроса незащищенности работников в рамках нетипичных форм занятости выражает Международная организация труда, отмечая, что в последние годы по всему миру сложилась «обстановка постоянной и высокой неопределенности» [12], что, в свою очередь, отражается на рынке труда.

К еще одной из форм реализации права на труд можно отнести самозанятость. По результатам совещания Международной организации труда в 2015 г. было определено, что самозанятость входит в число нестандартных форм занятости. При этом было отмечено, что речь идет о некой «зависимой самостоятельной занятости», которая представляет собой одну из моделей маскировки трудовых отношений.

Здесь стоит отметить иной подход к понятию самозанятости в Российской Федерации. Прежде всего появление самозанятых было вызвано потребностью легализации лиц, которые осуществляли предпринимательскую деятельность без регистрации статуса индивидуального предпринимателя [13, с. 218]. В связи с этим в результате принятия Федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» был начат эксперимент по внедрению специального налогового режима – налог на профессиональный доход [14].

Стоит отметить, что сугубо формально самозанятых следует рассматривать исключительно как граждан, применяющих в своей предпринимательской деятельности специальный налоговый режим. Вопрос о правосубъектности данной категории лиц на данный момент все еще не разрешен и является достаточно актуальным. Особенно с точки зрения регулирования отраслью трудового права.

В 2018 г. Министерство труда и социальной защиты РФ предприняло попытку исключить самозанятых граждан из сферы регулирования трудового законодательства [15], однако это ничем не завершилось. И на данный момент в Трудовом кодексе РФ мы не сможем найти и упоминания о такой категории как самозанятые.

Возможно, инициатива Минтруда России была вызвана целью защитить работников, которым в последующем многие работодатели предложили «переоформиться» с трудового договора на статус самозанятого. В дальнейшем данные опасения подмены трудовых отношений услугами самозанятых частично подтвердились, что, в свою очередь, отражает и судебная практика, где налоговыми органами выявлялись факты умышленного применения схем по фиктивному заключению гражданско-правовых договоров с третьими лицами (самозанятыми), фактически осуществляющими трудовую функцию, с целью получения необоснованной налоговой экономии и уклонения от уплаты страховых взносов и НДФЛ [16].

Сегодняшний вызов для трудового права заключается в сохранении баланса между гарантированной социальной защищенностью работников и необходимостью обеспечения гибкости в правовом регулировании труда. Это требует постоянного поиска оптимального баланса противоположных интересов участников рынка труда. Важно исследовать не только саму многообразность форм реализации права на труд, но и их влияние на различные аспекты жизни общества. Какие тенденции и вызовы появляются в связи с изменением структуры занятости? Как формы реализации права на труд влияют на социальную защищенность работников и их возможности для профессионального и личностного развития? Как правовые нормы регулируют различные формы занятости и обеспечивают справедливость и равенство на рынке труда?

На эти и многие другие вопросы специалистам в области трудового права, правоприменителям придется еще дать ответы в будущем с учетом трансформации форм реализации права на труд.

Литература:

1. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное бюро труда – Женева: МБТ, 2017. – 39 с.
2. Лютов Н.Л. Влияние нетипичных форм занятости на социально-экономическое развитие // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – № 1. – С. 43–50.
3. Акопова Е.М., Степанова Е.А. Трудовой договор и иные договорно-правовые формы реализации права на труд: теория, законодательство и судебная практика // Пространство экономики. – 2009. – № 4–3. – С. 14–18.
4. Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [рус., англ.] (Принята в г. Женеве 15.06.2006 г. на 95-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС КонсультантПлюс.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1278-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимушева Артема Андреевича на нарушение его конституционных прав п. 8 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда», п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации «Об индексации размера оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, и размера выплат при оказании адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами», а также п.п. 2 и 3 Порядка расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела» // СПС КонсультантПлюс.
7. Указ Президента Республики Беларусь от 06.07.2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» // Информационно-правовая система «ЭТАЛОН-ONLINE»
8. Безина А.К., Бикеев А.А., Сафина Д.А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 136 с.
9. Федорова М.Ю. Форма реализации права на труд как фактор дифференциации условий социального обеспечения (в контексте концепции свободы труда Л.Ю. Бугрова) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3(21). – С. 188–202
10. Гребенщиков А.В., Дивеева Н.И., Кузьменко А.В. Трудовые отношения с интернет-агрегатором: завтрашняя реальность? // Ежегодник трудового права. – 2020. – № 10. – С. 53–66.
11. Федорова А.Э., Парсюкевич А.М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. – 2013. – № 5(49). – С. 76–81.
12. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Тенденции-2023 // Международная организация труда. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_866738.pdf
13. Казакова М.В. О некоторых вопросах рассмотрения судами трудовых споров с участием самозанятых // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 218–223.
14. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // СПС КонсультантПлюс.
15. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: Проект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников)». – URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=82701
16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.09.2023 г. № Ф09-6038/23 по делу № А50-18162/2022 // СПС Консультант Плюс.

To the Question about Forms of Realization of the Right to Work

Islamov A.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the consideration of various aspects of the forms of realizing of the right to work. Given the dynamic nature of the modern labor market and the constant development of technology, the analysis of forms of employment is a relevant area of scientific research. The purpose of the work is to characterize various forms of realization of the right to work and assess their impact on socio-economic processes. The article defines the forms of realization of the right to work and examines traditional and atypical forms of employment. The results and conclusions of the study indicate the need to balance between guaranteed social protection of workers and flexibility in the legal regulation of labor. The article notes the need to adapt labor legislation to the challenges of the transforming labor market.

Key words: right to work, forms of exercising the right to work, employment contract, atypical forms of employment, self-employed

УДК 339.371.5

Особенности развития модели B2C электронной коммерции

Салихова Р.Р.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и организации производства
Казанского государственного энергетического университета

Актуальность статьи обусловлена необходимостью исследовать торгово-технологические процессы институционального сектора B2C электронной коммерции. В работе рассмотрены трансформационные процессы, характеризующие развитие модели B2C электронной коммерции: трансформация логистических процессов, преимущества и недостатки использования инфраструктуры интернет-площадки. Целью исследования является выявление тенденций трансформационных процессов электронной коммерции. К основным результатам статьи следует отнести обоснование направлений трансформации бизнес-процессов модели B2C электронной коммерции. Научная новизна работы заключается в выявлении преимуществ электронной коммерции для каждого субъекта модели B2C в условиях трансформации бизнес-процессов.

Ключевые слова: электронная коммерция, инфраструктура, торговля, выручка

Электронная коммерция является одной из инновационных и динамично развивающихся форм торговли, включающая в себя различные модели, отличающиеся характером торговых операций, выполняемыми функциями, а также ролью и значением в формируемых каналах товародвижения (табл. 1).

Каждая из моделей электронной коммерции имеет специфические особенности организации бизнес-процессов, а также определяет вектор развития как внутренней, так и внешней торговли страны.

Таблица 1

Модели электронной коммерции [1–4]

Модель электронной коммерции	Краткая характеристика модели	Функциональная роль в канале товародвижения
B2C	Модель электронной коммерции, посредством которой осуществляется продажа товаров конечным потребителям через сеть Интернет	Товародвижение реализуется с использованием сети Интернет. Основные формы взаимодействия с потребителями: электронный каталог, интернет-магазин, электронная торговая площадка
B2B	Модель электронной коммерции предполагает взаимодействие, сотрудничество юридических лиц посредством сети Интернет для реализации бизнес-процессов с целью получения прибыли	Имеется возможность формирования «длинных» каналов товародвижения не только внутри страны, но и за ее пределами. Использование сети Интернет увеличивает количество потенциальных «покупателей», «поставщиков», повышая эффективность каналов товародвижения
B2G	Модель электронной коммерции, посредством которой происходят сделки купли-продажи между правительственными органами и бизнес-структурами	Каналы товародвижения формируются посредством участия бизнес-структур в электронных торгах. Конечным потребителем в таких каналах товародвижения является государство.
C2C	Модель электронной коммерции используется для реализации сделок купли-продажи между физическими лицами	В данной модели электронной коммерции предполагается прямое взаимодействие между производителем (продавцом) и потребителем, минуя оптовую и розничную торговлю.

По данным аналитического агентства *Data Insight*, выручка в 2023 г. в сфере электронной коммерции составила 7,4 трлн руб. [5], количество совершенных сделок купли-продажи – 4,6 трлн руб. [5], что определит дальнейший рост и развитие торговых операций в электронной среде, несмотря на стагнацию доходов населения, которая, в свою очередь, стала некой исходной (реперной) точкой стремительного развития электронной коммерции ввиду низких издержек обращения по сравнению с традиционной торговлей.

Посредством электронной коммерции осуществляются не только сделки купли-продажи, но также предполагается электронное сопровождение бизнес-процессов, необходимых для совершения торговых операций: движение денежных потоков в электронной среде, интернет-маркетинг, электронные страховые услуги, банкинг, обмен коммерческой информацией в электронной среде.

Среди моделей электронной коммерции модель *B2C* демонстрирует наиболее высокие темпы роста как по количеству выполняемых заказов, так и по выручке (рис. 1).

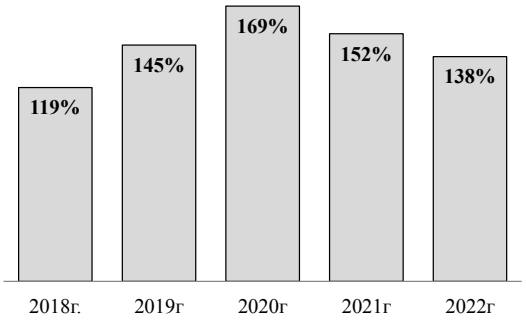


Рис. 1. Динамика изменения темпа роста рынка электронной коммерции модели *B2C* в России [6]

Стоит также отметить, что развитие модели *B2C* сопряжено с рядом трансформационных процессов, характеризующих непосредственно саму модель *B2C* электронной коммерции, а также рядом внешних факторов, влияющих на ее развитие. При этом следует учитывать, что существует определенная взаимозависимость внешних и внутренних факторов, определяющих процессы развития модели *B2C* электронной коммерции.

Среди внешних факторов, формирующих модель B2C, основным является наличие «цифрового разрыва», определяющее доступ потребителей к интернет-ресурсам, умения и навыки использования интернет-ресурсов, возможность извлечения социальных и экономических выгод от использования интернет-технологий [7], поскольку наличие доступа к интернет-ресурсам определяет количество потенциальных потребителей в электронной среде, умение пользоваться интернет-ресурсами – количество, объем и характер совершаемых операций, извлечение социально-экономических выгод – количество продавцов и посредников в интернет-среде, что, в свою очередь, во-первых, создает и формирует потенциал развития исследуемой модели электронной коммерции, во-вторых, определяет направления трансформационных процессов модели.

Современная модель *B2C* электронной коммерции характеризуется местом продажи товаров, методом взаимодействия с потребителями, способом доставки товаров и количеством предоставляемых услуг, сопутствующих торговым процессам, формируя отличные друг от друга торгово-технологические процессы в электронной среде. При этом важным аспектом является наличие трансформационных процессов всех бизнес-элементов.

Эффективность бизнес-процессов модели *B2C* электронной коммерции во многом определяется способом ее организации. Современная модель *B2C* предполагает размещение товаров в электронном каталоге, интернет-магазине, интернет-площадке. Отметим, что развитие технологий способствует трансформации структуры модели *B2C* электронной коммерции. Так, в 2022 г. 73 % [6] выручки модели *B2C* электронной коммерции обеспечили интернет-площадки (рис. 2). Доля крупнейших интернет-площадок *Ozon, Wildberries* составила 75 % [6]. Тогда как доля выручки и количества заказов, осуществляемых в интернет-магазинах ежегодно снижается.

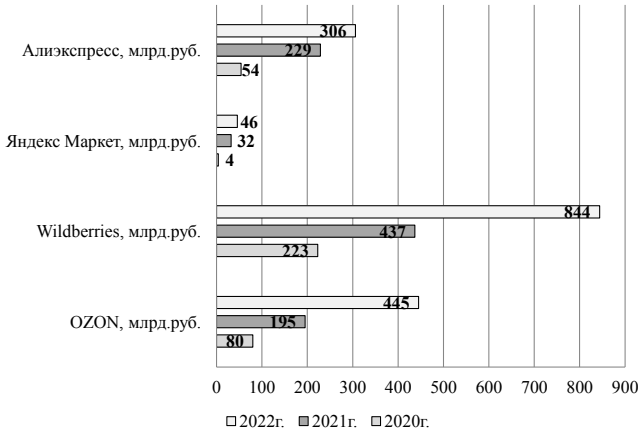


Рис. 2. Выручка крупнейших интернет-площадок за 2020–2022 гг. [6]

Рост выручки интернет-площадок обусловлен, во-первых, увеличением количества как продавцов (производителей), так и потребителей, что, в свою очередь, свидетельствует о сокращении «цифрового разрыва» на всех уровнях, во-вторых трансформацией бизнес-процессов, направленных на взаимодействие с потребителями: логистики, способы оплаты, доставки, возврата, рекламы и др. элементов; в-третьих, трансформацией бизнес-процессов с поставщиками (продавцами), размещающими свой товар на интернет-площадке (табл. 2).

Трансформационные процессы модели *B2C* электронной коммерции в первую очередь направлены на сокращение издержек обращения, наиболь-

ший удельный вес которых приходится на доставку и хранение товаров. Современные интернет-площадки предлагают различные варианты организации логистических процессов: создать собственную логистическую инфраструктуру (склад, доставку, выдачу товаров, экваринг и др.) либо использовать инфраструктуру интернет-площадки за дополнительные комиссионные сборы (табл. 3).

Таким образом, отметим, что электронная коммерция является системой, подверженной влиянию различных факторов, которые, в свою очередь, обуславливают ее развитие. Трансформационные процессы, протекающие в электронной коммерции, направлены на снижение издержек обращения и увеличения прибыли. В модели *B2C* электронной коммерции основными субъектами являются, во-первых, организаторы интернет-площадок, которые, используя интернет-пространство, обеспечивают размещение широкого ассортимента товаров различных поставщиков (продавцов); во-вторых, поставщики (продавцы) товаров, которые, в свою очередь, имеют возможность реализовывать товары посредством использования интернет-магазина, электронного каталога, различных интернет-площадок; в-третьих, покупатели, целью которых является удовлетворение спроса при ценах, максимально приближенных к рыночным.

Таким образом, особенности развития модели *B2C* электронной коммерции обусловлены трансформационными процессами, обеспечивающими формирование преимуществ для каждого субъекта электронной торговли: для потребителей: увеличение ассортимента, повышение качества обслуживания, снижение цен; для поставщиков/продавцов: вариативность «места продажи» товаров, географии обслуживания потребителей, организации логистических процессов; для организаторов интернет-площадок: увеличение количества продавцов/поставщиков, размещающих товары на электронной торговой площадке, рост спроса на логистические услуги со стороны продавцов/поставщиков товаров.

Таблица 2

Направления трансформации бизнес-процессов модели *B2C* электронной коммерции

Интернет-площадка	Бизнес-процессы, направленные на взаимодействие с потребителями	Бизнес-процессы, направленные на взаимодействие с поставщиками (продавцами)
Wildberries	Потребители предъявляют высокий спрос на категории товаров «обувь», «акссесуары»	Регистрация на площадке доступна юридическим и физическим (самозанятым) лицам, комиссия от 5 до 23 % в зависимости от выручки и категории товара, увеличение пошлины за регистрацию на интернет-площадке
OZON	Вариативность логистических процессов, способов оплаты за товары, широкий ассортимент товаров (посредством параллельного импорта)	Возможность использования инфраструктуры интернет-площадки, либо организации собственной сбытовой сети
Яндекс Маркет	Включение в ассортимент товаров категории «Электроника» (посредством параллельного импорта), организация доставки товаров в день заказа, запуск *off-line* магазина	комиссия от 4 до 12 % в зависимости от выручки и категории товара; при регистрации на интернет-площадке предоставляется «бонус» (для рекламы), установлен тариф за эквайринг в зависимости от категории товара

Таблица 3

Преимущества и недостатки логистических процессов интернет-площадок

	Логистическая инфраструктура поставщика	Логистическая инфраструктура интернет-площадки
Преимущества	Возможность выбора географии продаж и доставки товаров, различные методы доставки товаров (наиболее приемлемые для потребителя), самостоятельное регулирование сроков поставки товаров, ассортимента	Возможность использования отдельных элементов логистической инфраструктуры интернет-площадки (витрина, реклама, доставка, склад и др.)
Недостатки	Высокие затраты на организацию собственной инфраструктуры	Необходимость согласовывать ассортимент, располагаемый на складе с организатором интернет-площадки, соблюдение стандартов Интернет-площадки (сроки доставки, упаковка), дополнительная комиссия за согласование географии доставки товаров

Литература:

1. Дыганова Р.Р. Состав и структура организаций дистанционной торговли // Научное обозрение. – 2016. – № 10. – С. 277–281.
2. Салихова Р.Р., Казакова Д.В. Тенденции развития интернет-торговли в условиях цифровизации // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий: Материалы Межд. науч.-практ. конф. В 4-х т., Тюмень, 23 декабря 2022 г. Т. 3. – Тюмень: Тюменский индустриальный ун-тет, 2023. – С. 222–224.
3. Салихова Р.Р., Иванов Г.Г. Торгово-технологические процессы в институциональных секторах электронной торговли // Современный маркетинг: экосистемные подходы, цифровизация и перспективы развития. – М.: ООО «Русайнс», 2023. – С. 149–160.
4. Соловьёва Е.Д. Розничная интернет коммерция // XXV Всеросс. аспирантско-магистерский научный семинар, посвященный Дню энергетика: материалы конф., Казань, 07–08 декабря 2021 г. Т. 3. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2022. – С. 324–327.
5. Дыганова Р.Р., Иванов Г.Г., Салихова Р.Р., Матосян В.А. Электронная торговля: учеб. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. – 150 с.
6. Официальный сайт аналитической компании Data Insight. – URL: https://datainsight.ru/
7. Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда Массимо. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 4. – С 41–71.

Features of the Development of the B2C E-Commerce Model

Salikhova R.R.
Kazan State Power Engineering University

The relevance of the article is due to the need to explore the trade and technological processes of the institutional sector of B2C e-commerce. The article examines the transformational processes characterizing the development of the B2C e-commerce model: the transformation of logistics processes, the advantages and disadvantages of using the infrastructure of the Internet platform. The purpose of the study is to identify trends in the transformational processes of e-commerce. The main results of the work include the justification of the directions of transformation of business processes of the B2C e-commerce model. The scientific novelty of the study is to identify the advantages for each subject of the B2C e-commerce model in the context of business process transformation.

Key words: e-commerce, infrastructure, trade, revenue

УДК 34.01

Правовая политика РФ в сфере развития искусственного интеллекта и технологическая трансформация здравоохранения в Российской Федерации

Смирнова О.М.
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины
Казанского государственного медицинского университета

Автором статьи рассмотрены проблемы интеграции правовых норм, регулирующих модернизацию здравоохранения с использованием технологий искусственного интеллекта в РФ. Выделены стратегические направления правовой политики российского государства в медицине, которые сегодня актуальны для охраны здоровья граждан. Рассмотрены правовые проблемы «предвзятости» искусственного интеллекта. По результатам исследования сделан вывод о необходимости государственного контроля за внедрением информационных технологий в здравоохранении с целью улучшения качества медицинской помощи пациенту.

Ключевые слова: правовая политика, искусственный интеллект, «предвзятость» искусственного интеллекта, информационное общество, медицинская помощь, стандартизация в здравоохранении и медицине

Общественное устройство должно предоставлять возможность человеку максимально реализовывать свои возможности, поэтому в современной экономике, ориентированной на рыночные механизмы, принципиально важно соблюдение баланса между общественными и экономическими интересами. В этом определяющую роль играет государственно-правовая политика, способствующая соблюдению баланса общественных интересов.

Российская правовая политика как органическая часть общегосударственной политики вырабатывается Президентом РФ, Государственной Думой, Советом Федерации, Правительством РФ, Конституционным судом РФ, научными учреждениями, законодательными (исполнительными и представительными) органами государственной власти субъектов федерации. Важную роль в формировании этой политики играют политические партии, общественные организации, движения, объединения, ученые и граждане. Государственная воля выражается прежде всего в законах и других основополагающих нормативно-правовых актах, направленных на совершенствование общественных отношений [1].

Последние несколько лет происходит технологический сдвиг: использование нейросетей и искусственного интеллекта (далее – ИИ) в социально-экономическом развитии государства определяет качественно новый уровень благосостояния страны.

Четвёртая промышленная революция, о которой еще пять лет назад шла оживлённая дискуссия, сегодня уже свершившийся факт. Так, уже в декабре 2019 г. одной из задач Минэкономразвития России в части развития ИИ было создание центра четвёртой промышленной революции [2], а в октябре 2021 г. на Международном конгрессе «Цифровая медицина и информационные технологии» было объявлено, что Правительство России и Всемирный экономический форум под руководством Клауса Шваба подписали меморандум о создании в России центра четвёртой промышленной революции, что соответствует официальным задачам Минэкономразвития в части развития ИИ [3].

Ключевые документы правовой политики государства в сфере развития искусственного интеллекта, здравоохранения в том числе, сформированы «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [4], в федеральном проекте «Искусственный интеллект» [5], в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6] и в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» [7].

В Стратегии развития информационного общества отмечены национальные интересы Российской Федерации (в п. 42). Одним из направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий является искусственный интеллект (п. 36).

Информационное общество – это общество знаний. Вместе с тем оно должно строиться на принципах разумной достаточности и традиционных российских нравственно-духовных ценностей (п. д), что особенно важно при развитии ИИ как составной технологической части современного здравоохранения и медицины, которая оказывает медицинскую помощь на основе «соблюдения этических и моральных норм, а также уважительного и гуманного отношения» (ст. 6 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ)).

В рамках Национальной программы «Цифровая экономика» Российской Федерации существует проект «Искусственный интеллект». Направление «Искусственный интеллект» представлено дорожной картой развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». В ней даны определения понятий «искусственный интеллект» и «нейротехнология» (п. 1.1); выделены семь субтехнологий СЦТ: компьютерное зрение; обработка естественного языка; распознавание и синтез речи; рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений; перспективные методы и технологии в ИИ; нейропротезирование; нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг. Все эти направления перспективны для развития в медицине и здравоохранении и создания её нового качественного уровня.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ 10 октября 2019 г.) дано определение понятия «искусственный интеллект». Приоритетными направлениями развития и использования технологий ИИ стратегия указывает сферу здравоохранения, включая профилактические обследования, диагностику, основанную на анализе изображений, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращение угроз пандемии, автоматизацию и точность хирургических вмешательств (раздел IV, п. 22, подп. а)). Технология ИИ, имеющая общий («сквозной») характер, применима к организации здравоохранения на уровне планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений, автоматизации рутинных производственных операций (в медицине – электронный документооборот); учитывая, что пациент сегодня является потребителем медицинской услуги, то одно из востребованных направлений – создание персонализированных предложений и рекомендаций, содержащих существенную информацию о здоровье пациента; и, безусловно, оптимизация подбора и обучения кадров для сферы здравоохранения [8].

В подразделе «Повышение доступности и качества данных, необходимых для развития искусственного интеллекта», указано о создании общедоступных платформ для хранения медицинских данных. С этой целью уже с 2017 г. реализуется дорожная карта Национальной биометрической платформы. На сегодняшний день по-прежнему остается нерешенной проблема абсолютной защищенности персональных данных пациентов, а также сведений о нем, составляющих врачебную тайну. При этом специалистами, которые участвуют в создании баз данных для обучения искусственного интеллекта, отмечается необходимость мегамассива диагностических данных пациентов.

Последние три года активной разработки алгоритмов искусственного интеллекта выявили проблему так называемой «предвзятости» искусственного интеллекта, то есть ошибочности его решений. Учитывая, что здоровье – это главный ресурс каждого человека и общества в целом, а порой ценой ошибки может стать жизнь пациента, то минимизация, а зачастую и устранение рисков ошибочных действий алгоритмов, должны стать приоритетной задачей в политике цифровизации здравоохранения.

Действенным инструментом может стать стандартизация в области искусственного интеллекта. Первые шесть национальных стандартов были подготовлены уже в 2020 г. (например, «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 1. Клинические испытания»; «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программы и методика технических испытаний»). Для координации данной работы в системе общественного здоровья в системе Росстандарта создан подкомитет «Искусственный интеллект в здравоохранении». Благодаря межведомственному взаимодействию органов государственной власти, в 2019 г. создан технический комитет «Искусственный интеллект» при поддержке Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России) и Росстандарта. Он включает в себя и создание единых нормативно-технических норм для специальных программных продуктов в медицине. Безусловно, их создание и внедрение невозможно без одобрения профессиональным медицинским сообществом. Следует отметить, что пока фармацевтическая помощь, в отличие от медицинской помощи, остаётся сферой недостаточного внедрения искусственного интеллекта [9]. Совместная деятельность профессионального сообщества, институтов государства позволила к концу 2023 г. внедрить одиннадцатый по счету отечественный стандарт в клиническую медицину.

Социальная значимость правового регулирования в данной сфере невозможно переоценить: раз-

работка новых нейросетей, тестирование уже существующих под контролем государства позволяет снизить барьер недоверия пациента к использованию новейших технологий диагностики, лечения на разных этапах медицинской помощи.

Основными принципами охраны здоровья граждан, в соответствии с Федеральным законом № 323-ФЗ, являются доступность и качество медицинской помощи, приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи (ст.ст. 6, 10) – новые технологические решения позволяют максимально реализовать эти принципы не только при оказании высокотехнологичной медицинской помощи, но и при оказании первичной медико-санитарной помощи.

Сфера создания программного продукта искусственного интеллекта реализуется на основании государственно-частного партнёрства. Конечная цель коммерческой организации – получение прибыли. Конечная цель институтов социального государства в сфере здравоохранения и общественного здоровья – охрана здоровья граждан, укрепление здоровья населения и создание условий жизни, которые способствуют благополучному развитию человека. Правовая политика РФ в сфере развития искусственного интеллекта позволяет соблюсти баланс интересов всех сторон, участвующих в технологической трансформации здравоохранения на современном этапе.

Таким образом, новое информационное пространство в сфере здравоохранения должно формироваться с учетом ответственного отношения всех субъектов правоотношений – органов государственной власти, медицинского сообщества, представителей технических областей знаний, создающих высокоинтеллектуальные программные продукты искусственного интеллекта. В целом для этого необходимо обеспечить создание и развитие системы информационно-правовой помощи с целью предотвращения угроз информационной безопасности.

Литература:

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 528 с.
2. Развитие искусственного интеллекта. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo _intellekta (дата обращения: 15.02.24 г.)
3. Кабмин и ВЭФ подписали меморандум о создании Центра четвертой промышленной революции. – URL: https://tass.ru/ekonomika/12653771 (дата обращения: 15.02.24 г.)
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. – URL: http://ivo.garant.ru/#/document/71670570/paragraph/2/doclist/12291/showentries/0/highlight/стратегия%20развития%20информационного%20общества:3 (дата обращения: 15.02.24 г.)
5. Федеральный проект «Искусственный интеллект». – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/ (дата обращения: 15.02.24 г.)
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 15.02.24 г.)
7. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: http://ivo.garant.ru/#/document/72838946 (дата обращения: 15.02.24 г.).
8. Щербаков В.А. Проблемы правового регулирования различных видов деятельности среднего медицинского персонала // Закон и право. – 2023. – № 5. – С. 168–170.
9. Григорьева И.А. Программы лекарственного обеспечения населения в РФ // Вести научных достижений. Медицина и фармация. – 2019. – № 1. – С. 53–59.

Legal Policy of the Russian Federation in the Field of Artificial Intelligence Development and Technological Transformation of Healthcare in the Russian Federation

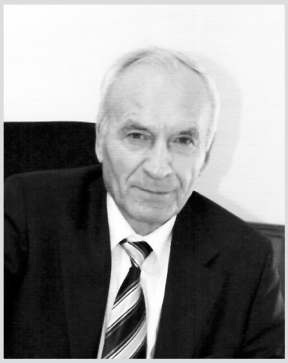
Smirnova O.M.
Kazan State Medical University

The author of the article examines the problems of integration of legal norms governing the modernization of healthcare using artificial intelligence technologies in the Russian Federation. The strategic directions of the legal policy of the Russian state in medicine are highlighted, which are relevant today for protecting the health of citizens. The legal problems of artificial intelligence "bias" are considered. Based on the results of the study, it was concluded that there is a need for government control over the implementation of information technologies in healthcare in order to improve the quality of medical care for the patient.

Key words: legal policy, artificial intelligence, "bias" of artificial intelligence, information society, medical care, standardization in health care and medicine

УДК 343.24

Смертная казнь: «против или за» в условиях военного времени[1]



Сундуров Ф.Р.
Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Халилов Р.Н.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В работе рассматривается принципиально важная для уголовного права, да и общества в целом проблема сохранения и применения смертной казни за некоторые особо тяжкие преступления, совершаемые в условиях военного времени. Отмечается, что обращения к исследованию смертной казни, ее роли в системе мер борьбы с преступностью периодически актуализируются в связи с различными общественно-политическими событиями. Одним из них является и Специальная военная операция. Подчеркивается, что проблема смертной казни имеет религиозно-нравственное, политическое измерение, коренится в народном правосознании о справедливости. Поэтому представляется до конца не выверенными утверждения, что якобы правосознание населения отстает от правосознания законодателя.

В статье проведен историко-правовой и сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования смертной казни за преступления, совершаемые в военное время. Указывается, что если в мирное, благоприятное для общественного развития страны время смертную казнь применять не следует, то в военное время неизмеримо повышается степень общественной опасности соответствующего круга преступлений, влекущих многочисленные жертвы, в том числе и среди мирного населения. Предлагается предусмотреть смертную казнь за террористический акт, государственную измену, диверсию, повлекшие гибель людей, посягательство на жизнь начальника – командира воинского формирования.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, наказание, смертная казнь, пожизненное лишение свободы, военное время, особо тяжкие преступления, преступления против военной службы, цели наказания

Обращение к исследованию смертной казни, ее роли в системе мер борьбы с преступностью периодически актуализируется в связи с различными общественно-политическими событиями. Одним из них является, по нашему мнению, и Специальная военная операция, проводимая Россией на территории Украины.

[1] Понятие военного времени в статье трактуется в более широком смысле, то есть охватывающее период военного положения, вооруженного конфликта, ведения боевых действий, а также отказ от участия в военных или боевых действиях.

Чтобы глубже уяснить проблему, обратимся к генезису, истокам и трансформациям смертной казни как вида уголовного наказания.

Начиная с древности и до XX в. в уголовном законодательстве превалировали, наряду со смертной казнью, различные физические наказания – побои, истязания, мучения, пытки и др. Она как бы «венчала» все иные членовредительские и телесные наказания.

Возникнув из анналов кровной мести, смертная казнь с образованием централизованных государств превратилась в орудие политического господства определенных социальных сил, распространенное карательное средство сохранения своего доминирующего положения. Что особенно красноречиво проявлялось в многочисленных расправах над восставшими против власти имущих – казни восставших под предводительством Спартака в 74 г., Пугачева и его сподвижников в XVIII столетии и др.

Благодатной почвой для смертной казни выступают революции и контрреволюции, смены формаций, государственные перевороты – тогда нередко происходят внесудебные расправы над свергнутыми и неугодными. Печальный в этом отношении опыт имел место в СССР во время культа личности Сталина – осуществление «правосудия» так называемыми «тройками», в том числе принимавшими многочисленные решения о применении смертной казни.

Проблема смертной казни имеет и религиозно-нравственное измерение. По-существу, во всех первоисточниках мировых религий жизнь человека признается одной из высших ценностей, содержится запрет на отнятие жизни, то есть убийство, например, одной из основных христианских заповедей в Библии провозглашается заповедь «Не убий». И в то же время религиозные каноны допускают при определенных обстоятельствах лишение жизни, так сказать, на поле боя, при защите отечества, своей жизни и других людей. Находясь в действующих войсках, священники благословляют военнослужащих на боевые действия, в том числе и такие, которые связаны с гибелью людей.

Говоря словами А.А. Пионтковского, этот грубый способ расправы с преступниками (и не только с ними) – смертная казнь пустила «глубокие корни в народном самосознании» [1, с. 175]. Они коренятся в нравственных представлениях народа о справедливости, на важнейшем ее положении о соразмерности наказания «злодеев» и некоторых религиозных установлениях. И эта приверженность, тяга народа (взятых в целом, а не отдельных социальных слоев или отдельных лиц) к справедливости не истребима. Нам поэтому представляются не до конца выверенными утверждения, что в этом отношении правосознание населения как бы отстает от правосознания законодателя, поскольку его большинство выступает за сохранение института смертной казни в законодательстве.

Такой ситуации объективно способствует и неопределенность законодательного регулирования смертной казни. С одной стороны, она не исключена из перечня видов наказаний и соответствующих санкций статей Особенной части УК РФ, а с другой – уже около 25 лет не может применяться, кроме того, с выходом из Совета Европы Россия формально сняла с себя обязательство воздерживаться от применения смертной казни. Отсюда ссылки на Протокол № 6 к Конвенции 1950 г. о не применении смертной казни представляются некорректными. Конечно, наша страна может сохранить режим отказа от применения смертной казни, равняясь, так сказать, на членов Совета Европы, или же поступать иначе, исходя из своих интересов или соображений. При этом следует учитывать значимость государства; одни социальные последствия наступают в связи с этим в небольшом государстве, например, в государстве-карлике (кстати, первым из европейских государств, отказавшимся от смертной казни в 1848 г., было Сан-Марино) [1, с. 181] или же в системообразующих мировой порядок государствах, к коим относится и Россия. Характерно, такие государства, как США, Китай, Индия, не спешат с отказом от смертной казни. В этих странах обсуждаемая проблема приобретает более значимый характера, хотя бы потому, что к смертной казни осуждается значительно большее количество лиц, а нередко вокруг применения или неприменения смертной казни ведется острая политическая борьба.

Как свидетельствует история уголовного законодательства России, проблема смертной казни обычно актуализируется во время войн, тех или иных военных операций. Характерным в этом отношении был Воинский артикул Петра I 1715 г., необходимость принятия которого обусловливалась стремлением к укреплению воинских порядков и дисциплины во время войн со Швецией и другими враждебными государствами; более чем в 100 артикулах предусматривалась смертная казнь безальтернативно (74 артикула) или в альтернативе с другими наказаниями (27) [2, с. 64].

Она, в частности, предусматривалась за воинскую измену, уклонение от воинской службы и др. Повышенная ответственность полагалась за преступления, совершенные в военное время, в также преступные деяния против мирных жителей.

Или обратимся к уяснению исторических аспектов данной проблемы в советский период. Хотя Декретом II от 26 октября 1917 г. она была отменена, однако этот запрет нивелировался рядом последующих нормативных актов, в том числе Декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [3], а Декретом СНК РСФСР от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности» смертная казнь была введена официально, при-

чем было разрешено применение расстрела даже без суда в отношении германских шпионов, неприятельских агентов и др. [4, с. 25].

Смертная казнь была предусмотрена и в первом Уголовном кодексе РСФСР (1922 г.) [5, с. 7–8]. В ст. 33 она определялась как временная и исключительная мера, однако не конкретизировалось, за какие группы преступлений она могла назначаться [6, с. 121]. В нормах Особенной части УК эта высшая мера предусматривалась за такие контрреволюционные преступления, как свержение власти путем интервенции или блокады, организация вооруженных восстаний или вторжения извне, насильственное отторжение от РСФСР какой-либо ее территории, организация нападения на представителей советской власти, организация взрывов, поджогов, других диверсионных действий и др. (ст.ст. 57–65).

По существу такие же наказуемые действия, связанные с агрессией против РСФСР, вооруженными восстаниями, диверсиями и др., были предусмотрены в УК РСФСР 1926 г. (ст.ст. 58–589). Характерной в этом отношении была ст. 583, которая устанавливала ответственность, в том числе, и смертную казнь за сношение с другим государством с целью склонения их к вооруженному вмешательству, объявлению РСФСР войны или организации военной экспедиции [5, с. 55–57].

Исключительное внимание охране государственных интересов, в первую очередь его суверенитета и территориальной неприкосновенности, в значительной мере было обусловлено враждебным окружением СССР, агрессивными действиями западных государств.

Смертная казнь за действия, совершенные в военное время, предусматривалась и в УК РСФСР 1960 г., в частности, она была включена в санкции за насильственные действия в отношении начальника, совершенные в военное время или в боевой обстановке (ч. 2 ст. 242), за дезертирство, совершенное в военное время (п. г ст. 247) [7]. Кроме того, одной из форм измены Родине законодатель признал переход на сторону врага, что презюмирует наличие военного времени или боевой обстановки. Нередко им сопутствуют диверсионные действия, поэтому за их совершение также была предусмотрена смертная казнь.

Если обратиться к уголовному законодательству некоторых зарубежных государств, то обнаруживаются различные подходы к регулированию смертной казни за некоторые преступления, совершенные во время войны или вооруженного конфликта. Так, в ч. 1 ст. 157 УК Узбекистана предусмотрена смертная казнь за измену государству путем перехода на сторону врага [8], а в УК Таджикистана – за агрессивную войну (ч. 2 ст. 395), умышленное нарушение норм «Международного Гуманитарного Права», совершенное в ходе вооруженного конфликта (ч. 2 ст. 403) [9]. Более конкретно это основание назначения смертной казни сформулировано в УК Республики Беларусь; в ч. 1 ст. 356 указывается на переход на сторону врага во время войны или вооруженного конфликта. В качестве основания ее назначения признается также оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Республики Беларусь путем совершения преступлений против государства по заданию иностранных государств в ущерб ее внешней безопасности, суверенитета, территориальной неприкосновенности, национальной безопасности и обороноспособности [10].

Достаточно разработанными в этом отношении представляются нормы УК Турции [11], в частности, смертная казнь предусматривалась до 2003 г. за использование оружия или участие в войне против всего государства (ст. 126), подстрекательство к войне (ст. 127), враждебные действия по отношению к другому государству, которые могут вовлечь Турцию в войну (ст. 129), разглашение государственной тайны, если оно совершено во время войны или поставило под угрозу подготовки к войне. В соответствии с Законом № 4771 от 9 августа 2002 г. смертная казнь применялась только за преступления, совершенные во время войны.

Более обстоятельно изложены нормы, предусматривающие смертную казнь, в УК Китая; им посвящена глава 10 «Преступления военнослужащих против воинского долга» [12]. В ней предусмотрены семь составов преступлений, за которые установлена смертная казнь, – неповиновение приказу в военное время (ст. 421), проявление трусости на поле боя, работа на противника после сдачи в плен (ст. 423), измена и бегство за границу или измена за границей госслужащего, нанесших ущерб военным интересам государства (ст. 430), причинение вреда мирным гражданам (ст. 446) и др.

Краткий экскурс в проблему регламентации смертной казни в военное время показывает, что в некоторых государствах предусматривается повышенная ответственность за преступные действия, совершаемые в военное время и (или) в боевой обстановке.

В то же время в первоначальной редакции ст. 331 УК РФ содержалось лишь отсылочное положение, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени (ч. 3). А в последующем Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 357-ФЗ ч. 3 ст. 331 УК РФ была исключена. Отказавшись от принятия самостоятельного акта, законодатель внес лишь отдельные изменения и дополнения в соответствующие статьи гл. 33, направленные на усиление уголовной ответственности. Хотя ни в одной из них не предусмотрена смертная казнь. Она, как известно, предусмотрена в

санкциях за особо тяжкие преступления, связанные с умышленным лишением жизни человека (ст. 105, ч. 2; ст.ст. 277; 295; 317 и 357 УК РФ). Но Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 945 был установлен мораторий на применение смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы. А как уже отмечалось, ее членство в этой структуре прекращено с 16 марта 2022 г.; с сентября этого же года Россия перестала быть стороной «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 г.

Международно-правовую основу отказа от смертной казни в настоящее время составляет Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, в котором содержится лишь призыв к государствам отменить ее, то есть юридически не обязывающая норма [2, с. 168].

Отмена моратория на применение смертной казни или окончательная ее легализация должна рассматриваться через призму новых военно-политических, экономических и социальных условий, которые неизмеримо повысили степень общественной опасности многих преступлений, причем не только тех, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, но и ряда других особо тяжких преступных деяний.

Оставаясь сторонниками нецелесообразности смертной казни в мирное, благоприятное, если так можно выразиться, общественное развитие страны, считаем, что в военное время или в военных условиях ее следует применять, поскольку война влечет многочисленные, огромные жертвы, в том числе связанные с преступными проявлениями. Здесь должно быть другое измерение их общественной опасности.

Не следует здесь, как нам представляется, игнорировать и требования принципа справедливости. Скажем, переход на сторону врага, как изменческое действие, повлек многочисленные жертвы среди военнослужащих и виновному в этом сохраняется жизнь. Насколько это справедливо?

Кроме того, успехов в военных действиях добиваются те военноначальники, которые в качестве первоочередной задачи считают сохранение жизни своих солдат. На ее решение должно быть направлено и уголовное законодательство.

Или скажем, чуть ли не повседневной реальностью стала засылка в Российскую Федерацию с территории Украины диверсионных разведывательных групп. Один из руководителей военно-гражданской администрации в своем интервью заявил, что поскольку диверсанты проникают в РФ с целью расправы, убийств мирных граждан, они должны быть готовыми расстаться со своей жизнью на месте преступления. Конечно, не следует поддерживать практику внесудебных актов лишения жизни кого бы то ни было. Но напрашивается вывод о введении смертной казни в военное время и вооруженных конфликтах виновных в террористических актах и диверсиях, повлекших гибель людей, другие особо тяжкие последствия.

Ввиду единоначалия в Вооруженных Силах РФ и насыщенности оружия в воинских формированиях повышается роль их командиров или начальников и, соответственно, общественная опасность посягательство на их жизнь, особенно в условиях военного времени и боевой обстановки. Поэтому было бы логичным выделить посягательства на жизнь начальника (командира) воинского формирования в отдельный состав преступления и предусмотреть за него смертную казнь.

В заключение отметим, что смертная казнь – не панацея в противодействии преступности, а ее неприменение в мирное время не столько противоречит нравственным ожиданиям в обществе, но в военное время, в условиях вооруженной борьбы ее применение вытекает из самого ее характера.

Литература:

1. Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе // Избранные труды. Т. II. Казань: Казанск. ун-т, 2010. – С. 175–256.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Юрид. лит-ра, 2004. – 496 с.
3. Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // СУ РСФСР. – 1919. – № 27.

4. Михлин А.С. Высшая мера наказания. История, современность, будущее. – М.: Дело, 2000. – 175 с.
5. Источники права. Серия юриспруденция. Вып. 13 / Сост. Р.Л. Хачатуров. – Тольятти: ВуИТ, 2000. – 388 с.
6. Сулейманов А.А. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика. – Владимир, 2006. – 176 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР // СПС Гарант.
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 05.09.2023 г.).
9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан/ – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 05.09.2023 г.).
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь/ – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 05.09.2023 г.).
11. Уголовный кодекс Турции. – URL: https://constitutions.ru/?p=5851(дата обращения: 05.09.2023 г.).
12. Уголовный кодекс Китая. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 05.09.2023 г.).

The Death Penalty: «Fgainst or For» in Wartime Conditions

Sundurov F.R., Khalilov R.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The proposed work deals with the fundamentally important for criminal law, and for society as a whole, the problem of preserving and applying the death penalty for some especially serious crimes committed in wartime. It is noted that the appeal to the study of the death penalty, its role in the system of measures to combat crime is periodically updated in connection with various socio-political events. One of them is a special military operation. It is emphasized that the problem of the death penalty has a religious, moral, political dimension, is rooted in the people's sense of justice about justice. Therefore, it seems that the assertion that, allegedly, the legal consciousness of the population lags behind the legal consciousness of the legislator is not fully verified.

The article provides a historical-legal and comparative-legal analysis of the legislative regulation of the death penalty for crimes committed in wartime. It is pointed out that if the death penalty should not be applied in the peaceful, favorable social development of the country, then in wartime the degree of public danger of the corresponding range of crimes that entail numerous victims, including among the civilian population, immeasurably increases. It is proposed to provide for the death penalty for a terrorist act, treason, sabotage, resulting in the death of people, encroachment on the life of the head – the commander of a military unit.

Key words: crime, criminal liability, punishment, death penalty, life imprisonment, wartime, especially serious crimes, crimes against military service, the purpose of punishment

Галина Сатонина: «Самое лучшее в жизни – дарить радость людям»

В феврале 2024 г. в редакции нашего журнала состоялась встреча с членом Союза журналистов России и Республики Татарстан Владимиром Урецким, в последние годы посвятившим свою разностороннюю деятельность исследованиям, связанным с пребыванием в г. Казани знаменательных личностей, ставших явлением российской культуры. Нынешняя встреча – вторая по счёту (первая – в январе 2023 г. была посвящена В. Высоцкому. См.: ВЭПС. 2023. № 1. С. 191–192). Встреча связана с именем замечательной художницы, шахматистки, нашей землячки Галины Сатониной, творчество которой заслуживает глубочайшего уважения и благодарной памяти. С Владимиром Урецким беседовал Ответственный редактор журнала, Заслуженный юрист РТ Виктор Гуревич.

В.Г.: Начну сразу – с места в карьер. Владимир, что побудило Вас обратиться к личности Г. Сатониной и её творчеству?

В.У.: Несколько лет назад в моей коллекции появились две необычные картины. На картоне небольшого размера был изображён поэт и актёр, автор-исполнитель Владимир Высоцкий. Впечатлила техника изображения, щедрое буйство колорита, оригинальный сюжет самих работ. В нижнем углу картин, расположились одна поверх другой заглавные буквы «Г» и «С». Стало известно название одной из картин и фамилия художника, так как на обратной стороне была надпись и автограф – «Высоцкий Кони» «Хоть мгновенье еще постою на краю» Г. Сатонина. Позже я узнал название и другой картины – «Высоцкий. Гамлет». Захотелось узнать подробно об этой художнице, посмотреть другие ее работы. Выяснилось, что автор этих картин Галина Ивановна Сатонина (1905–2000) – замечательная советская художница – шахматистка, многократная чемпионка г. Казани и Татарстана по шахматам, родилась, жила и творила в нашем городе. Её картины демонстрировались на выставках в Казани, Москве, Ленинграде, Киеве, Воронеже, Саратове и других городах нашей страны. Репродукции её картин неоднократно печатались в журналах, издаваемых как в нашей стране, так и на Кубе, в ГДР, Польше, Чехословакии и Югославии. Сегодня её работы находятся в Государственном музее изобразительных искусств РТ, в музеях Владимира Высоцкого, Веры Инбер, а также в частных собраниях США, Израиля и ряда европейских стран.

В.Г.: Г. Сатонина родилась в Казани, хотелось бы подробнее о начале её биографии…

В.У.: Галина Сатонина прожила долгую, трудную, насыщенную многими интересными событиями жизнь, родилась в Казани 14 декабря 1905 г. В семь лет её отдали учиться в четвертую женскую гимназию, которая в честь ее основательницы Валентины Ряхиной называлась «ряхинской». Гимназия располагалась на втором этаже дома Кекина (сегодня ул. Горького, 8/9). После окончания гимназии Галина Сатонина поступает в Казанский художественно-технический институт (КХТИ) – так стала в 1921 г. называться Казанская художественная школа на Грузинской улице (сегодня ул. Карла Маркса, 70). В своих воспоминаниях о 1920-х гг. этой школы Сатонина писала: «*Несмотря на трудности, жизнь бурлила. Студенты, изрядно ободранные и промокшие, были бодры и веселы, часто проводили бессонные авральные ночи за какими-нибудь плакатами, лозунгами, стенгазетами, готовились к выступлениям в разных местах наши «синеблузники», зовущие строить новую жизнь*». Но получить высшее образование Галина Ивановна не смогла. Учителем Сатониной был известный художник Константин Чеботарев, который преподавал живопись, рисунок и композицию. Сама же она считала себя ученицей жены Чеботарева – Александры Платуновой, творчеству которой был характерен отход от реализма, приверженность футуристическим веяниям. Галина Сатонина была сторонницей Маяковского и, соответственно, «Левого фронта» искусств. После реорганизации в 1926 г. АРХУМАС был закрыт, а вскоре и само здание было передано Авиационному институту. В Москву уехали Чеботарёв, Платунова, другие преподаватели, разъехались студенты, двумя годами раньше уехал в Америку Николай Фешин.

В.Г.: Известно,что Г. Сатониной посчастливилось быть на встрече с Владимиром Маяковским.

В.У.: Да, в январе 1927 г. в Казань приезжал Владимир Маяковский. На Новокомиссариатской улице (ныне ул. Муштари, 16), в бывшем особняке А.Г. Осокина, отведенном в 20-е гг. под квартиры работников искусств, Борис Симолин (1900–1965) – актер, режиссер, педагог в своей комнате организовал встречу казанских «лефовцев» с Маяковским. В это время шла перестройка «ЛЕФа» и Маяковскому было важно выяснить, что думают казанские

«лефовцы». Галина Сатонина была на той встрече, вот её воспоминания: «*Один раз мы собрались на квартире театра у Симолина. Пришел Маяковский и в такой обстановке дружески разговаривали. Спрашивал, чем мы интересуемся, во что верим. В те годы было много интересных, горячих споров, диспутов об искусстве, о направлениях, задачах искусства, надо сказать, чересчур горячих, доходящих до желания свергнуть друг друга. Большие разногласия были между преподавателями – членами АХРР (Ассоциация художников революционной России) и «лефовцами». Первые шли старыми путями, с упором на станковую живопись. «Лефовцы» делали упор на искусство в производстве, в массы, в театр, в книги и плакат. Может быть, многое в те годы делалось не то, что нужно, но были поиски новых форм, методов, путей для новой жизни, нового содержания*».

В.Г.: Как в дальнейшем складывалась судьба Г. Сатониной?

В.У.: Личность, сформировавшаяся в мятежные 1920-е годы, сохранила ту эстетику, те принципы до наших дней. Вдумайтесь, те, с кем Сатонина начинала, прервали свою творческую деятельность или изменили свой стиль в 1930-е гг. на волне сталинизма и тоталитарной идеологии. Тот ее революционный взгляд на мир, на искусство не укладывался в жизненные реалии XX в. Это обстоятельство создавало противоречивость мировосприятия Галины Ивановны. Закоренелый атеист, она писала стихи о душе и рисовала храмы. Часто она говорила о равнодушии к цветам, о своей нелюбви к природе, о неприятии ее жестоких законов, но при этом в ее доме всегда были цветы на подоконниках, жили кошки и собаки, а сама она рисовала пейзажи. Художница верила в силу разума, логику, трезвый расчет и при этом создавала цикл картин «Эмоции». В послевоенные годы Сатонина работает тренером ДСО «Спартак», ведя шахматную работу в производственных коллективах. В детстве играть в шахматы её научил брат. До войны она дважды становилась чемпионкой Казани среди женщин, в послевоенные годы – трижды. В 1946-м г. она завоевала звание чемпионки ТАССР (до этого такие первенства не проводились) и с тех пор ещё 12 раз являлась чемпионкой республики. Активно играть в шахматы на более высоком уровне ей удалось только с 1947 по 1952 гг., то есть около пяти лет. Прогрессировать далее ей не позволил возраст – стало тяжело конкурировать с молодыми шахматистками. Последний раз она смогла пробиться в финал первенства СССР в 1952 г. Кроме тренерской работы Сатонина выполняла и художественные работы – диаграммы, стенды, грамоты, дипломы по разным видам спорта. Их нужно было делать в большом количестве и одинаковыми. Поэтому пришла мысль их тиражировать с помощью трафаретов, техникой набрызга. В этой оригинальной технике Г. Сатонина и продолжала работать. Вначале она создавала графический рисунок, по нему вырезала трафарет (иногда трафаретами служили засушенные листья деревьев, травы, стебли домашних растений). Разводила нужную краску, набирала ее на зубную щетку и изящным жестом о перочинный нож или специальную металлическую пластинку стряхивала краску на трафарет. Затем трафарет сдвигался и накладывался другой слой краски. Это было удобно для тиражирования работ. Полученное таким образом полихромное изображение, по словам автора, являлось результатом не вдохновения, а точного математического расчета и глубокого анализа. И в итоге каждое произведение получалось как партия в шахматы с сильным соперником, который не боится нестандартных и неожиданных ходов. В ДСО «Спартак» она работала до выхода на пенсию, после чего появилась возможность вплотную заняться творчеством. Пишутся полуреальные пейзажи, поражающие чистотой цвета и тонкостью рисунка, портреты шахматистов, композиторов, музыкантов, поэтов.

В.Г.: Когда же именно шахматы стали основной темой её творчества?

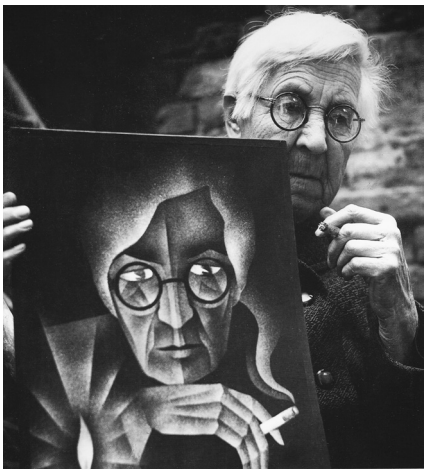
В.У.: С начала 1964 г. шахматы стали главной темой, к которой Сатонина постоянно обращается в изобразительном творчестве. Она начала писать картины на шахматные темы, которые получили всесоюзную известность. О своих первых работах на тему шахмат Галина Ивановна вспоминала так: «*В 40-е годы я присоединилась к группе самодеятельного искусства. Делала шкатулки, настольные приборы со своими рисунками. Есть и шахматный настольный бювар. Первые мои работы на шахматную тему – это в ней я обобщила суть шахматной партии и жизни, сюита* “*Атака – Защита – Борьба – Торжество победы и горечь поражения*”. *Эти маленькие работы много позднее я улучшила в более крупном размере*».

В 1965 г. в Казани состоялась её первая персональная выставка – «Шахматы – эмоции, мысль, жизнь», успех которой превзошел все ожидания. Поэтому её повторно устроили в следующем году на матче за звание чемпиона мира между Тиграном Петросяном и Борисом Спасским в помещении

Московского театра эстрады. Так Г. Сатонина стала основателем нового направления в изобразительном искусстве. В её присутствии экс-чемпион мира гроссмейстер Михаил Таль рассматривал и восхищался ее картинами, после чего подарил свою фотографию с автографом: «Уважаемому мастеру кисти и шахмат Галине Ивановне Сатониной с искренним восхищением. М. Таль. 06.05.1966 г.». Сатонина знакомится почти со всеми советскими чемпионами мира. В скором времени её оригинальные произведения пополнили частные коллекции Михаила Таля, Анатолия Карпова, Гарри Каспарова и других прославленных мастеров, многие стали героями ее картин. Из воспоминаний Сатониной: «*В шахматах я нашла свою тему в изобразительном искусстве. Она позволила рассказать о глубинах этой мудрой игры, о ситуациях, происходящих в бою с деревянными фигурами, о мыслях и эмоциях шахматиста. Сколько кроется напряженной мысли и бурных эмоциональных переживаний во время бескровного поединка на маленьком шахматном поле. Их иногда изображают в юмористическом плане, но едва ли до юмора игроку, углубившемуся в партию. Это – скорее драма, а подчас и трагедия. Вся наша жизнь, как и шахматная партия, состоит из атак, защит, борьбы, поражений и побед*». У Г. Сатониной было довольно много всесоюзных выставок, её работы приняли участие в 120 выставках, из них 55 персональных. В Казани выставки периодически проводились на самых разных площадках. Это залы Дома Ученых, различных НИИ, заводские клубы, вузы. На выставках она встречалась со зрителями, отвечала на вопросы, с легкостью давала свои контакты. Её девиз по жизни: «*Самое лучшее в жизни – дарить радость людям».* Эту фразу она часто повторяла, давая автографы. Из воспоминаний Г. Сатониной: *«Чем мои работы привлекли зрителей? Необычной техникой набрызга, манерой, какой-то философией? Шахматные работы могли привлечь необычной трактовкой… А другие работы? Полуреальные пейзажи? Мне до сих пор не понять – что хорошо, что плохо. Чем это мерить?*».

В.Г.: В беседах с известными казанскими шахматистами – современниками Г. Сатониной они упоминают, что она постоянно жила в сложных бытовых условиях, была очень скромной.

В.У.: Да, долгие годы она проживала по адресу – улица Нариманова, 98 (сегодня ул. Сары Садыковой, 8/19). Это здание, построенное в 1819 г., было «Голубой мечетью». Но в 1932 г. её трёхъярусный восьмигранный минарет был разобран, а сама мечеть закрыта и преобразована в жилой дом. Можно сегодня представить, в каких условиях жила прославленная художница. В доме не было даже воды, туалет – во дворе, по полусгнившей деревянной лестнице она поднималась в свою квартиру на втором этаже. Но мир не без добрых людей, одним из которых оказался общественный деятель, депутат Горсовета Андрей Ершов, который помог Г. Сатониной получить другую квартиру. В 1987 г. Галина Ивановна смогла со своей семьёй переехать в дом № 20а на ул. Межлаука, в трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Четвёртого сентября 2000 г. Галины Сатониной не стало, прощание проходило во Дворце шашек и шахмат имени Р.Г. Нежметдинова (ул. Бутлерова, 7). К сожалению, проводить её в последний путь пришло человек десять. Похоронили Галину Ивановну на 4 аллее Арского кладбища. На памятнике – фрагмент из её стихотворения:



Пускай от свечи лишь остался огарок,
Но я не хочу и огарка беречь.
Пускай напоследок огонь будет ярок,
Не нужно никчемно и медленно тлеть.

Информация об авторах

Абдуллин Адель Ильсиярович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: adelabdoulline@yandex.ru

Абдуллина Ильнара Аделевна – бакалавр Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Авдонина Софья Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления корпоративными финансами Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: avdoninas@yahoo.com

Авхадиева Эллина Амировна – бакалавр кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Амирова Римма Рашитовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: arimma60@mail.ru

Балынин Игорь Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Барышев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: barsh1976@yandex.ru

Батыршина Гульнара Фаритовна – ассистент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Бачуринская Ирина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: basia@mail.ru

Башкирцева Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Берникова Александра Михайловна – магистрант финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: aleks.bernikova@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ
199178, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: aabes@inbox.ru

Биккулов Артём Эдуардович – аспирант Сургутского государственного университета
628412, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1 Тел.: +7 (3462) 76-29-00 e-mail: secretar@surgu.ru

Будзишвили Цира Зурабовна – соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Вайсбург Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета
170026, Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22 Тел.: +7(4822) 52-42-23 e-mail: lassie1@inbox.ru

Валеева Алсу Фоатовна – доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: alsval@mail.ru

Гарифзянова Альбина Раисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: albina.garifzyanova@gmail.com

Гаязова Эльвира Баязитовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: klabpnr@gmail.com

Грудина Светлана Игоревна – доктор экономических наук, доцент кафедры общего менеджмента Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: switki@yandex.ru

Груничев Александр Станиславович – доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Гурылева Марина Элисовна – доктор медицинских наук, профессор кафедры биоэтики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации
420012, Казань, ул. Бутлерова, 49 Тел.: +7(843)236-12-72 e-mail: Meg4478@mail.ru

Демидова Светлана Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: demidovapsk@gmail.com

Дмитриева Татьяна Александровна – ассистент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: sta775@yandex.ru

Дмитриева Татьяна Александровна – ассистент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: sta775@yandex.ru

Ефремова Дарья Владимировна – аспирант кафедры социальных наук и технологий Поволжский государственный технологический университет
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: EfremovaDV@volgatech.net

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: crimlaw16@gmail.com

Зарицкий Михаил Владимирович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149 Тел.: +7 (861) 219-95-02 e-mail: rector@kubsu.ru

Зейналбдыева Анна Васильевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: bobenko.anna@bk.ru

Зиганшин Рашит Рашитович – аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Измайлов Роберт Ринатович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: izmailov.robert@mail.ru

Исламов Артур Азатович – ассистент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Кадникова Ирина Сергеевна – аспирант кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: valintira@mail.ru

Кальмуцкий Владислав Олегович – аспирант кафедры социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

Кантарович Алла Александровна – кандидат экономического наук, доцент кафедры таможенного дела Санкт-Петербургского государственного экономического университета
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: doverie@unecon.ru

Каюмова Алия Ансаровна – преподаватель кафедры уголовно правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: aliya-kayumova@inbox.ru

Квон Гульнара Магсумовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Коваленко Анна Сергеевна – старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, аспирант Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61 Тел.: +7(385-2)66-75-84 e-mail: kovalenko_as@list.ru

Коваленко Анна Сергеевна – старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, аспирант Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61 Тел.: +7(385-2)66-75-84 e-mail: rector@asu.ru

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Короткова Алевтина Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: akorot_59@mail.ru

Костромин Павел Алексеевич – магистрант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ
199178, СПб Средний пр. Васильевского ос-ва, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: chaprinke@gmail.com

Кочетков Николай Дмитриевич – стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Крейк Альфред Иосифович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: alfredkreyk@mail.ru

Кудрявцев Константин Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: KudryavcevKA@volgatech.net

Кумеков Сергей Анатольевич – аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87e-mail: rudn@rudn.ru

Курманов Мидхат Мазгутович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Kurmanov_midhat@mail.ru

Курносова Валерия Витальевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: VaVKurnosova@kpfu.ru ;

Лихачев Александр Сергеевич – аспирант кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета
424001, Йошкар-Ола, пл.Ленина,1 Тел.: +7(8362)42-53-31 e-mail: asp_doc@marsu.ru

Маслова Татьяна Николаевна – старший помощник прокурора Вахитовского района города Казани прокуратуры Республики Татарстан младший советник юстиции
420111, Казань, ул. Кремлёвская, д. 14 Тел.: +7 (843) 291-18-81 e-mail: hors7@yandex.ru

Михайлова Марина Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: margo_m07@bk.ru

Мишин Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Муратов Константин Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Тел.: +7 (843) 231-92-90 e-mail: muratow666@mail.ru

Мустафина Ляйсан Ренатовна – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Назаренко Игорь Святославович – старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: belregion_k@mail.ru

Нестулаева Диана Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: diana_n_r@mail.ru

Нигматуллина Юлия Рустемовна – председатель Региональной общественной организации Республики Татарстан «Защита прав потребителей»
420111, Казань, ул. Ташаяк, 2а Тел.: +7 (843) 590-71-20 e-mail: Rg209@bk.ru

Низамутдинова Гульназ Фаридовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервисные технологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: gul_far@mail.ru

Новаковская Алина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: kai@kstu-kai.ru

Новожилова Ольга Алексеевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, заведующая организационно-методическим отделением Центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Петродворцового района Санкт-Петербурга
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: office@inform.pu.ru

Орлов Сергей Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Патокина Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: natpatok@gmail.com

Плетнева Анастасия Игоревна – студентка Новосибирского государственного технического университета
630073, Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20 Тел.:+7 (383) 346 11 21 e-mail: is@nstu.ru

Подгорная Алла Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления корпоративными финансами Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: oreola77@mail.ru

Протопопова Дарья Викторовна – магистрант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ
199178, СПб, Средний пр. Васильевского ос-ва, 57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: darya.pr.2000@gmail.com

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28 Тел.: +7 (3842) 58-30-14 e-mail: rector@kuzstu.ru

Рыжаков Евгений Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: root@marstu.mari.ru

Рязанова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Салихова Регина Рафаилевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства Казанский государственный энергетический университет
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Салмина Светлана Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: svvsalmina@stud.kpfu.ru

Сафиуллина Фарида Рафисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: kki@kki-ruk.ru

Свиридов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, начальник отдела кадров Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: romansviridov.srv@mail.ru

Селивановская Юлия Игоревна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: JISelivanovskaya@kpfu.ru

Сиразеев Равиль Раидович – соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Смирнова Ольга Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины Казанский государственный медицинский университет
420012, Казань, ул. Бутлерова, 49 Тел.: +7(843)236-12-72 e-mail: smirnova_olga06@mail.ru

Смоленникова Людмила Витальевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов, экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: SmolennikovaLV@volgatech.net

Солдаткин Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: as@fsn.unn.ru

Стрельникова Наталья Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, экономики и организации производства, декан экономического факультета Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: root@marstu.mari.ru

Сундуров Федор Романович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: fsundurov@list.ru

Сундурова Оксана Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ»; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия 420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Темникова Юлия Юрьевна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный пер., 36 Тел.: +7(499) 237-86-56 e-mail: press@rea.ru

Теодорович Михаил Леонидович – доктор социологических наук,заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: mt231@yandex.ru

Толкачева Елена Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9 Тел.: +7(812) 328 2000 e-mail: office@inform.pu.ru

Туфетулов Айдар Миралимович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: AMTufetulov@ksu.ru

Тюленев Александр Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: root@marstu.mari.ru

Хабибуллин Айдар Робертович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Хабибуллина Луиза Мансуровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: habibullina@rambler.ru

Халилов Рафик Нуруллович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Чулюкин Лев Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: Lchuluki@kpfu.ru

Шавалеева Чулпан Мансуровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Шайдуллова Кристина Андреевна – аспирант кафедры теории и истории государства права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Шангин Никита Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, исполняющий обязаности заведующего кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: shangin-nv@ranepa.ru

Швецов Андрей Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры информационных систем в экономике Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: shvetsoff@rambler.ru

Шуб Александр Михайлович – соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Щербаков Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры биомедэтики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета, магистрант Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: vladimir.shcherbakov@inbox.ru

Юденко Марина Николаевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: mnuspb@mail.ru